

Колдовские

Миры

ЧЕРНЫЙ ВДОВЕЦ

МИКА РТУТЬ

Annotation

Даже если ты лорд и далеко не безобидный мальчик, это не мешает судьбе подкидывать проблемы одна другой серьезнее. Над твоим родом тяготеет проклятье, властная матушка сговаривается с королем, за тобой охотятся спецслужбы двух империй. И чтобы выжить, остается только рискнуть... и выиграть. А помочь тебе в этом может странная девушка, попавшая в твой мир по прихоти Богов, и странный зверь «кошка» по кличке Собака.

Короче говоря, это история о непокорной деве и властном некроманте с тяжелым характером. А еще о шпионах, драконах и почти садовых растениях. Ну или... о любви, если копать глубже.

- [Содержание](#)
  - [Часть I](#)
    - [Глава 1, о вдовствующих принцессах и погорелом театре](#)
    - [Глава 2, о цветных котиках, родне белых кроликов](#)
    - [Глава 3, о пряничных домиках и голубых феях](#)
    - [Глава 4, о суровых буднях контрразведчика](#)
    - [Глава 5, о делах семейных и государственных](#)
    - [Глава 6, о тяжелой шпионской доле](#)
    - [Глава 7, о черном-черном замке и белых-белых розах](#)
    - [Глава 8, о кошке, молоке и подвохе](#)
    - [Глава 9, о сокровищах и чудовищах](#)
    - [Глава 10, о красоте, которая страшная сила](#)
    - [Глава 11, о вомперах с научной точки зрения](#)
    - [Глава 12. Об альвах, спирте и французенке](#)
    - [Глава 13, о службе, что опасна и трудна](#)
  - [Часть II](#)
    - [Глава 1, о дружбе народов и залетных драконах](#)
    - [Глава 2, о пользе научного прогресса](#)
    - [Глава 3, о бабочках, которые крылышками бяк-бяк](#)
    - [Глава 4, о нервной работе и жуках-оленьях](#)
    - [Глава 5, о наследии предков](#)
    - [Глава 6, о своем, о девичьем](#)
    - [Глава 7, о неожиданностях приятных и не очень](#)
    - [Глава 8, в которой все идут в сад](#)

- [Глава 9, о прекрасных принцессах и ужасных некромантах](#)
- [Глава 10, об осенних фиалках и маленьком принце](#)
- [Глава 11, о жуках и заговорах](#)
- [Глава 12, о дружбе народов и любви к опере](#)
- [Глава 13, о драконах и чучелах](#)
- [Глава 14, о дружбе и диете](#)
- [Глава 15, о безумном вечере безумного дня](#)
- [Глава 16, о родственниках, которых не выбирают](#)
- [Глава 17, о конопле и сюрпризах](#)
- [Глава 18, о чешуйчатых симпатяшках](#)
- [Глава 19, о делах семейных](#)
- [Глава 20, о глупых курицах и умных драконах](#)
- [Глава 21, о конспирации и настоящих мужчинах](#)
- [Глава 22, о тайном и явном](#)
- [Глава 23, об узах и проклятиях](#)
- [Глава 24, об одной и той же реке](#)
- [Эпилог](#)

Содержание

Мика Ртуть
Чёрный вдовец

Часть I

Глава 1, о вдовствующих принцессах и погорелом театре

Виен, столица Астурии. Особняк семейства Бастельеро-Хаас
Людвиг

– Людвиг, завтра ты женишься.

Ее светлость Эмма Бастельеро-Хаас, вдовствующая кронпринцесса и по ужасному попущению небес матушка Людвига, ласково улыбнулась и легким движением брови велела горничной наливать чай. В четыре часа пополудни ее светлость всегда пила хмирский чай с крохотными безе.

– Я уже был женат, матушка, если вы забыли, – Людвиг смерил горничную и безвкусный чай холодным взглядом. Угловатая и отчаянно некрасивая девица вздрогнула и едва не пролила кипяток.

Ее светлость вдовствующая кронпринцесса улыбнулась еще ласковее.

– Дорогой мой, не упрямясь. Я знаю, что делаю. Сам Удав, сын Тигра, составил твой гороскоп. Ты даже не представляешь, во что мне это обошлось! И все ради тебя, неблагодарный ты сын. – Она на миг прижала к сухим глазам кружевной платочек.

– Мне не нужен гороскоп, матушка. Сколько раз я говорил вам, что не верю в это шарлатанство! И жениться не собираюсь.

– Не спорь со мной! На этот раз все получится. Сын Тигра обещал, что она снимет проклятие! Ради тебя я... – ее светлость вздохнула и отпила чай из чашечки костяного фарфора.

– Я ценю вашу заботу, матушка. Но...

– Молчи! – перебила ее светлость, звякая чашечкой о блюдечко; Людвиг с трудом удержался, чтобы не поморщиться от дребезжащего диссонанса. – Материнское сердце скоро разорвется от горя и безысходности! А ты... Ты был таким красивым милым мальчиком, а теперь... теперь ты монстр. Но я избавлю тебя от этого несчастья! Не будь я Эмма Катарина Бастельеро-Хаас!

– Нет, матушка!

– Герцог Людвиг Пауль Бастельеро! Вы женитесь на меффрау Амалии Вебер!

– На этой змее?.. – не веря своим ушам, переспросил Людвиг и спрятал зачесавшиеся руки под стол. Жаль, что не мог спрятаться целиком, вся кожа нестерпимо зудела. – Матушка, ни за что!..

Ее светлость сделала вид, что ничего не услышала. И, разумеется, не

заметила тонких чешуек, проступивших на коже единственного сына. Она никогда не замечала столь неприличных, неподобающих аристократу вещей.

– Женитесь и снимите клеймо позора с нашей семьи!.. – продолжала она, позабыв о стынущем чае. – Из-за вашей порченной крови ваши сестры не могут найти приличную партию, из-за вас скончался мой драгоценный супруг. Из-за вас!.. – в качестве последнего довода ее светлость уронила прозрачную слезинку аккуратно на кружевной платочек, прижала этот платочек к сердцу и взглянула на Людвига глазами раненой лани.

Людвиг сжал кулаки. Под столом. Он мог бы многое сказать о смерти драгоценного супруга ее светлости, собственного непутевого папеньки. К примеру, что в его возрасте кутить сразу с двумя юными танцовщицами кордебалета – непозволительная роскошь, особенно после трех бутылок красного. Сердце не выдержало собственного распутства, а не сыновнего позора.

Но промолчал. Не стоит сильнее расстраивать матушку, а то в самом деле сляжет с мигренью или того хуже. В матушкиных болезнях Людвиг не разбирался, но лейб-медик утверждал, что любое серьезное потрясение может убить ее светлость, ее здоровье и так подорвано потерей супруга, – и ее светлость напоминала об этом неблагодарному сыну при каждой попытке отстоять свое мнение впрямую. Так что Людвиг давно и в совершенстве освоил тактику маневрирования и уклонения.

– Вы же знаете, матушка, быть моей женой – опасно для жизни. – «Я же убью эту приторную гадюку, едва мы останемся наедине! Или вообще во время церемонии!» – Вы же не хотите для племянницы вашей дорогой подруги безвременной смерти.

– Пустое! – отмахнулась ее светлость; Людвиг готов был ставить свой новейший лабораторный увеличитель против шаманского бубна, что матушке совершенно все равно, что станет с его женой, лишь бы сделала то, что от нее требуется. – Вы поженитесь, она снимет с тебя проклятье, и у вас будет прекрасная семья! Тебе давно пора обзавестись наследником, иначе твои сестры...

– Матушка, я не собираюсь жертвовать своей свободой ради... – он хотел сказать «трех жеманных пигалиц», но снова сдержался. Жеманные пигалицы, в отличие от него, семью не позорили. – Даже ради сестер. Прошу прощения, но меня ждут дела.

Ее светлость душераздирающе вздохнула и снова поднесла к глазам кружевной платочек. Людвиг удивился, неужели матушка вот так легко его отпустит, даже без рыданий, нюхательных солей, монолога о проклятой

крови Бастельеро и загубленной жизни? Но удивлялся всего мгновение. Не успел он подняться, как ее светлость отложила платочек и велела:

– Сиди. Твои дела подождут.

Людвиг выругался про себя. Когда матушка оставляла погорелый театр и говорила таким тоном, ее не осмеливался перебивать даже его величество Гельмут. Людвиг тоже не пытался, потому что знал: проще остановить солнце, чем ее светлость Эмму, если она чего-то по-настоящему хочет. Единственным, что до сих пор смело сопротивлялось ее светлости, было семейное проклятие.

– Что-то еще, матушка?

– Я не хотела тебя расстраивать, сын мой, но ты меня вынуждаешь. – Она протянула Людвигу сложенный вчетверо листок.

Молча развернув его, Людвиг прочитал несколько строчек, написанных рукой короля. Смысл был предельно ясен: три дня тебе на женитьбу, иначе ссылка в поместье и опала. Никаких объяснений, ничего. И, судя по чересчур сильному нажиму и слишком резким росчеркам, король был зол. Сильно зол.

Сжав зубы, Людвиг скомкал записку и швырнул ее в камин. В высшей точке траектории она с треском вспыхнула, и на вишневые поленья упали лишь хлопья пепла.

Ее светлость неодобрительно покачала головой.

Зря. Ведь намного лучше сжечь бумажку, чем разгромить чайную комнату, а Людвиг сейчас был к этому очень близок. Настолько близок, что даже не стал ничего говорить матушке. Поднялся, коротко поклонился – и, стараясь не слишком печатать шаг, покинул комнату.

Лишь когда за его спиной закрылась дверь, а дежурившая под дверью горничная сдавлено охнула, он опустил взгляд на свои руки.

Черные. Покрытые хитиновыми чешуйками. Но все еще человеческие.

Что ж, неплохо.

А вот в зеркало смотреть он не стал. Потому что точно знал: ему не понравится то, что он там увидит.

***

Час спустя Людвиг припарковал свой мобиль у скромного дома на Айзенштрассе, кинул ключи выбежавшему лакею и, не обращая внимания на любопытных мальчишек, пляшущих на диковинное средство передвижения, зашагал к подъезду.

Дверь перед ним отворилась с мелодичным звоном: фа-ре-ми, фа-ре-ми. Людвиг улыбнулся одной стороной рта: идеально чистый звук! Хоть что-то приятное сегодня!

– Мон шер, какая приятная неожиданность! – раздалось сверху, как раз когда он снимал шляпу и отдавал ее лакею вместе с перчатками.

Голос у мефрау Тори Бальез тоже был чистый и мелодичный, а франкский акцент придавал ему особую, чуть шершавую, горчинку. Именно за голос Людвиг и выбрал себе любовницу. Содержанку, если быть точнее.

По лестнице застучали каблучки, пахнуло сладко-терпким восточным ароматом, и Людвигу на шею бросилась Тори. Миниатюрная, стриженная под мальчика, хрупкая и изящная, как статуэтка, она нежно поцеловала Людвигу в уголок губ, тут же отскочила, не позволив себя поймать, и покружилась на месте.

– Мне идут твои подарки, правда же, мон шер?

– Весьма, – кивнул Людвиг, оценивающе разглядывая ножки, мелькающие в разрезах полупрозрачной юбки: видимо, именно этот разноцветный шелк он и оплатил на прошлой неделе. Наверняка не только его, но секс с Тори определенно стоил некоторых трат.

Умеренных.

Одним из ее неоспоримых достоинств был разумный подход: не требовать больше, чем он готов на нее потратить.

– Отчего ты так мрачен, мон шер? Опять работа? – почти пропела Тори, остановившись. Шелковая тряпочка словно невзначай соскользнула с плеча.

Людвиг слегка поморщился.

Иногда Тори слишком много болтала. Для ее шустрого язычка есть более полезное занятие.

Скинув сюртук на руки лакею и жестом отправив его прочь, он шагнул к девице и, когда она подалась навстречу, надавил ей на плечи, заставляя опуститься на колени. Она стрельнула на него глазами, облизнулась и отработанным до изящества движением расстегнула его брюки. Скользнув пальцами под белье, восторженно ойкнула.

Прикрыв глаза, Людвиг позволил ей взять себя в рот.

О да. Именно то, что нужно сейчас. Влажный жаркий ротик и ловкий язычок.

– Хорошая девочка, – Людвиг одобрительно погладил ее по голове. Хорошая, умелая и послушная девочка, не пытается касаться его руками, а заложила их за спину.

Ровно три минуты и двадцать секунд – он засек по ручному хронометру – Людвиг размеренно и глубоко дышал, не позволяя возбуждению захватить себя. Не так уж плохо, тем более после разговора с

матушкой.

– В постель, – велел он, когда самоконтроль начал давать трещину.

Тори молча повиновалась: изящно поднялась на ноги, развернулась и, на ходу спуская с плеч платье, пошла наверх. Шелковые тряпочки одна за другой падали на ступени лестницы...

Брийо, столица Франкии, штаб ордена Белой Лилии

В Ордене Белой Лилии, хранящем безопасность Франкии, давно привыкли, что его глава может не покидать свой кабинет сутками. Ходили слухи, что кавалер Д'Амарьяк – то ли оборотень, то ли вампир, то ли еще какой монстр, и потому не спит неделями, видит людей насквозь, взглядом сбивает на лету голубей и заставляет дипломатов говорить правду. Его секретарь, мсье Товиль, никогда не опровергал этих слухов, хотя точно знал: его начальник – чистокровный человек. Но вот обычным его назвать было никак нельзя.

– Товиль, барона де Флера ко мне. Немедленно, – раздался из переговорного устройства низкий глуховатый голос Д'Амарьяка.

Глянув на хронометр на стене, – тот показывал три ночи, то есть «четверть часа, как доставили гранки утренних газет», – секретарь привычно ответил:

– Будет исполнено, – и в который раз за двадцать лет службы порадовался своей странной способности засыпать и проспать мгновенно, да и вообще не обращать внимания на время суток за окном.

Впрочем, в Малой приемной главы Ордена, где мсье Товиль проводил большую часть жизни, окон и не было: безопасности ради. Зато было пять новейших, защищенных от прослушивания фонилай, к одному из которых и потянулся мсье Товиль.

Барон де Флер, которого звонок застал на половине пути к кровати, явился через двадцать с половиной минут. Высокий, хмурый, небритый, в криво застегнутом сюртуке, он вошел ровно в тот момент, когда мсье Товиль опускал в кофе кавалера Д'Амарьяка кубик сахара. Чашка барона – черный кофе с половиной рюмки бренди – уже была готова.

Пройдя вперед барона, Товиль отворил одну – две открывались только для императора – дверную створку в освещенный модифицированными газовыми рожками кабинет.

– Барон де Флер, – доложил он и поставил поднос на стол.

Стол этот был сделан гномами по специальному заказу, как и обитое бархатом кресло главы Ордена. Благодаря хитрой конструкции и парочке встроенных артефактов кавалер Д'Амарьяк, сидя за своим столом, казался почти нормального роста. К тому же, благодаря конструкции и артефактам,

его искривленная спина не болела. Иногда, забирая у лейб-медика еженедельную порцию снадобий, Товиль склонялся к мысли, что императорский подарок – а именно его величество позаботились о своем верном слуге, и от стоимости подарка у казначея наверняка случился сердечный приступ – служил одной из причин любви Д'Амарьяка к круглосуточной работе.

– Барон, – Д'Амарьяк жестом велел де Флеру садиться и брать кофе. Товилью же хватило лишь начальственного взгляда, чтобы понять: он больше не требуется, можно возвращаться на место. – Вы видели завтрашние газеты? Фрау Бастельеро заявляет, что ее сын завтра женится! Как вы думаете, на ком?

Кивком поблагодарив главу Ордена, барон уселся на вполне удобный гостевой стул.

– На мадемуазель Амалии Вебер, – ответил он прежде, чем отхлебнуть из своей чашки.

– Мы планировали, что месье Людвиг женится на вдове графа Рокле, а не на этой... ветреной мадемуазель.

– Мадам Бастельеро бывает весьма неуступчива, – безэмоционально возразил барон и потер глаза. – Ваша светлость, я сделал все возможное. Мне удалось завербовать мадемуазель Вебер в самый последний момент, и поверьте, стоило это недешево.

– Надеюсь, не деньгами Ордена, – проворчал Д'Амарьяк, и барон де Флер позволил себе мимолетную улыбку. А Д'Амарьяк потер седые виски и продолжил: – Отвратительные новости, барон. Я получил известие из Нового Света: кронпринц отплывает домой и прибудет не позже, чем через два месяца.

Барон де Флер едва сдержался, чтобы не выругаться, как портовый грузчик.

– Два месяца! – нахмурившись, повторил он.

– У нас нет и одного. Лейб-медики дают его величеству не больше трех недель. Если боги будут очень добры, то четыре. Мсье Людвиг – наша последняя надежда.

Барон мог бы ответить, что эта последняя надежда – самая ненадежная из всех возможных соломинок, но не стал. Если кронпринц не успеет вернуться, пока император жив, начнется гражданская война. Демонами покусанные герцоги ни за что не откажутся от шанса уместить задницы на трон, а дорогие соседи только и ждут возможности отхватить куски территории. Нет уж, лучше соломинка, чем гарантированный хаос и кровопролитие.

– Бастельеро не идет на контакт. От денег он отказался, племянница императора в качестве невесты его не интересует, в карты он не играет, скачки не посещает, актрисок терпеть не может. Примадонну Императорской Оперы выставил из дома и послал учить сольфеджио! А моего лучшего агента проклял так, что орденские медики вторую неделю не могут вернуть ему человеческий вид. – При воспоминании о зеленокожем в оранжевый горошек агенте барон потряс головой: чувство юмора у мсье некроманта оказалось крайне специфическим. По типу «то ли плакать, то ли смеяться». – Мои люди пытаются выяснить хоть что-то об их родовой тайне, собрали всю информацию о его покойных женах, но пока ровным счетом ничего, на что можно было бы надавить. Надеюсь, молодая супруга найдет его секрет.

– Не затягивайте, барон. Я точно знаю, что наша доблестная оппозиция тоже охотится за месье Людвигом. Но вычислить их агента мне пока не удалось. Вот зараза! – грохнул кулаком по столу карлик. – И не обратиться за помощью открыто! Наш выживший из ума старик перессорился со всеми дворами!

Барон де Флер промолчал, хотя целиком и полностью был согласен с Д'Амарьяком насчет императорского маразма. Ругать его величество мог только месье Д'Амарьяк, всем остальным это грозило лишением головы.

Глава 2, о цветных котиках, родне белых кроликов

Москва, Россия

Рина

Натянув поверх любимой рубашки стеганную жилетку и схватив сумку с учебниками, Ринка выскочила за дверь и помчалась вниз по лестнице. На первом этаже она едва не сшибла бабульку божий одуванчик.

– Ой, простите! – она поддержала соседку под острый локоток, а то еще упадет.

– Ничего, деточка, не волнуйся. К тебе не приходила Аполлония?

– Нет. Извините, я...

– Ничего-ничего. На улице дождик, как бы Аполлония не простудилась...

Последние слова бабульки заглушил гул открывающейся двери в подъезд. Ринке хотелось бы надеяться, что это пришла Аполлония порадовать свою бабульку, но, увы, кошке металлическая дверь была не по зубам. И не по лапам. А вот Петру...

– Я уже иду, Петь! – крикнула она и ссыпалась по последнему лестничному пролету прямо в руки своему... ухажеру? Кавалеру?

Парнем или бойфрендом назвать Петра язык не поворачивался. Слишком взрослый, серьезный и основательный, одни офисные костюмы чего стоят! Честно говоря, Ринка никак не могла понять, что он в ней нашел: ни особой красотой, ни умом она не блистала. На биофак МГУ поступила только потому, что бабушка сорок лет там преподавала, а куда хотела – ее не взяли. И не возьмут уже.

Ринка помотала головой, отгоняя болезненные воспоминания. Хватит. Не случилось – и не случилось. Плакать она больше не будет. Не дождутся!

– Ты опять не посмотрела на градусник, – раздался над ухом хорошо поставленный начальственный тенор. – Я же просил, одевайся как следует.

Ринка вздохнула и зажмурилась. Она бы лучше укрылась под лестницей, а еще лучше – под льдиной на Северном полюсе, но от Петиней заботы так просто не скроешься. Где угодно достанет.

Потому Ринка, прикусив язык во избежание бессмысленного и беспощадного скандала, издала мычание, которое при желании можно было принять за согласие, раскаяние и даже торжественное обещание всегда-всегда смотреть на градусник. И надевать шапку. И перчатки. И калоши. И тулуп! Два тулупа!!!

– Не пыхти, Рина. Я о тебе забочусь, – укоризной в голосе Петра можно было молоко сквашивать. – Я не могу допустить, чтобы моя невеста, будущая мать моих детей, по-глупому простудилась и заболела ангиной!

От упоминания будущих детей в горле образовался комок, и еще больше захотелось куда-нибудь деться, но Ринка напомнила себе: все хорошо. Все давно прошло и больше не повторится. И вообще, Петр – именно такой мужчина, который ей нужен. Основательный. Ответственный. Для него семья на первом месте. Радоваться надо! А что воспитывает... ну... у каждого свои недостатки.

Ринка потянула Петра из подъезда. Ладно, выслушать нотацию она может, в конце концов, в самом деле оделась не по погоде и зонтик забыла. Но не при соседке же! Отчитывает, как двоечницу-первоклашку!

– Идем, мне пора на лекцию.

Волшебное слово «лекция» сработало. Петр очень одобрял здравый подход Ринки к учебе – в смысле, что надо получить хорошее образование, и в универе надо учиться, а не гульки гулять и водку пьянствовать. Прямо как папа...

Нет, не стоит по сотому разу прокручивать: а если бы папа отреагировал иначе? А если бы она смогла найти нужные слова? Если бы, если бы! Если бы все сложилось так, как мечталось – она сейчас была бы замужем за совсем другим человеком, и она ездила бы не в универ, а в консерваторию... И не вздрагивала бы при каждом звонке от отца.

– ...не забудь, в пять часов... – тем временем продолжал нудеть над ухом Петр, открывая перед ней дверцу «Опеля». – Рина, ты меня слушаешь?

– Конечно, Петь. Заедешь в пять часов. Не забуду.

Петр нахмурил густые русые брови и, сложив черный зонт с костяной ручкой, сунул его Ринке в руки.

– Возьми с собой. Еще не хватало тебе промокнуть.

Надо было сказать спасибо. Надо было почувствовать благодарность. Но почему-то не получалось, и Ринке стало отчаянно стыдно. Вот что она за скотина такая бесчувственная? То есть, конечно, Петр ей нравится. Она, наверное, его любит. Он симпатичный. Не красавец, конечно – и слава Ктулху! Хватит с нее избалованных красавцев! Петр – именно такой мужчина, который ей нужен. Массивный, черты тяжеловатые, но породистые. Харизмы не хватает, но зачем ему? Еще бы улыбался почаще. Ему очень идет улыбка.

Ринка покосилась на Петра, выводящего «Опель» из узенького проезда между домами. Вот бы Петр был не таким практичным и серьезным!

Цветы бы дарил иногда. Шутил. На ее анекдоты бы смеялся, а не морщился. В кафешку бы позвал, просто так посидеть и потрепаться о книгах, а то и потанцевать... Да хоть разговаривал бы с ней, а не только воспитывал!

– Петь, а давай сходим сегодня кофе попить вместе, а?

Петр снова нахмурился.

– Ты каким местом слушала, Рина? Я же сказал, мне сегодня нужно доделать отчет.

– Просто зайдем выпить кофе по дороге, это же совсем недолго, Петь, – в голос прокразились отвратительно жалобные нотки.

– Ладно. Но только недолго!

Ринка сжала кулаки и отвернулась, сделав вид, что за окном машины что-то невесть какое интересное. Сколько раз обещала себе: не просить! Не унижаться! Надо быть взрослой и самостоятельной.

И хоть кошку завести, что ли.

Взгляд Ринки скользнул по автобусной остановке, зацепился за трехцветную кошку, сидящую на лавке, и тут в мозгу щелкнуло: Аполлония! Вот же она!

– Петь, останови! Там кошка!..

– Какая еще кошка, Рина! Что за глупости! – разумеется, Петр и не подумал затормозить.

– Соседкина, Аполлония. Бабулька старенькая, волнуется. Пожалуйста, Петь!

– Рина. Я не могу опаздывать на работу. Позвони соседке и скажи, где видела кошку. Она сама заберет.

– У меня нет ее телефона.

– Значит, кто-то другой ей скажет. Ты прекрасно понимаешь, что нельзя опаздывать на лекцию только потому, что у кого-то сбежала кошка. Твоя система приоритетов...

О боже. Боже! Только не это!

Ринка мысленно застонала и так же мысленно зажала уши руками. Зачем она дала повод, теперь Петр до самого универа не замолчит!

Она оказалась права. Все пятнадцать минут, что они ехали до Воробьевых, Петр с абсолютно серьезным видом читал ей лекцию о важности образования, пунктуальности и прочей хрени. А она смотрела на проносящиеся мимо дома, столбы, желтеющие деревья – и видела перед собой кошку. Пушистую, трехцветную, домашнюю кошку, внезапно лишившуюся дома. А может быть, и чего-то большего, чем дом. То есть, конечно, Ринка прекрасно понимала, что это глупо – проецировать на

животное собственные беды, но...

Одиночество. Ненужность. Осенняя холодная хмарь. Одиночество.

Нельзя оставить кошку там. Она же домашняя, глупая зверюшка, она же не умеет жить на улице и наверняка не найдет дорогу домой. А вечером ее какой-нибудь бомж найдет и съест, она же не помоечная тощая кошка, а упитанная, домашняя.

Совсем-совсем беззащитная.

Надо вернуть ее домой. Пусть хоть у кошки все будет хорошо!

– Ровно в пять, не опаздывай.

Ринка так глубоко ушла в свои мысли, что не заметила, как «Опель» остановился напротив универа.

Вот и хорошо, занудная нотация пролетела мимо ушей. И вообще, хватит уже Петру решать за нее.

– Ага, – бросила она, подхватила сумку...

– Зонт, Рина!

– Угу, – забрала протянутый зонт и тут же его раскрыла: с хмурого неба капало.

А сделав несколько шагов в сторону универа, обернувшись, убедилась, что Петр отъехал и занят дорожным движением – и побежала обратно, к переходу. Был шанс успеть на автобус, показавшийся в конце квартала.

Слегка подмокшая, но не утратившая высокомерия кошка так и сидела на лавке, обернувшись пушистым хвостом. На Ринку она даже не глянула, а на «кис-кис» не отреагировала.

– Ах ты, глупое животное, – пробормотала под нос Ринка и протянула руку к кошачьей голове: – Киса, хорошая киса...

Хорошая киса встопорщила усы и молниеносным движением лапы оцарапала Ринке запястье. Машинально отдернувшись, она глянула на руку, поморщилась и попробовала снова:

– Аполлония, хорошая девочка, пойдем домой...

На сей раз кошка зашипела и вздыбила шерсть. Мол, не влезай, убью.

Вот дурное зверье!

Брать голыми руками нельзя, исцарапает. Как потом с Петром объясняться? Значит, надо изловить... точно! У нее же в сумке лабораторный халат!

Приговаривая всякие глупости на тему хорошей кисы, пора домой, Ринка закопалась в сумку. Только она потащила наружу халат, как кошка, собака такая, прыгнула со скамейки, задрала хвост и пошла прочь, всем видом выражая абсолютное презрение.

– Стой, киса, киса-киса! – в отчаянии позвала Ринка, пытаясь

заступить кошке дорогу и накинуть на нее халат.

Но зверюга фыркнула, проскользнула между ног и отправилась дальше. И ладно бы, в сторону дома – так совсем наоборот, к гаражам, а там, в гаражах – овчарка. Без привязи.

Представив, как будет плакать бабулька с первого этажа, найдя разодранный овчаркой труп кошки, Ринка под нос обругала дуру мохнатую и устремилась в погоню. Ничего, и не таких ловили!

– Кис-кис-кис!

Тварь мохнатая дернула спиной так, что любому стало бы ясно: обращать внимание на всяких надоедливых дур – ниже ее достоинства.

– Да стой же! – Ринка побежала прямо по лужам, надеясь поймать глупое животное до того, как оно нырнет в узкий, замусоренный лаз между гаражами.

Не тут-то было! Кошка тоже ускорила, перепрыгнула самую большую лужу и нырнула в лаз ровно за мгновение до того, как Ринка набросила на нее халат. Хорошо хоть не успела выпустить тряпку из рук, а то пришлось бы терять время, вытаскивая ее из лужи.

В лаз она протиснулась следом за кошкой, обругала хозяев гаража – все стены ржавые, теперь любимую рубашку хрен отстираешь! Пушистый хвост мелькал прямо перед ней, казалось, протяни руку, и поймаешь!.. Только бы успеть до того, как их учует овчарка!

Похоже, до кошки дошло, что не стоит заходить на чужую территорию. Она остановилась за метр до конца лаза, обернулась и сверкнула желтыми круглыми глазами.

– Мра-ау!

Ринка, обрадовавшись, почти схватила дурную зверюгу, но та снова увернулась и припустила прочь. Ринка – следом, оставив на стене гаража клочок рукава. Зато ей почти удалось догнать кошку, она затормозил перед здоровущей грязной лужей, над которой поднимался подозрительный радужный пар, и попятилась.

– Стой, собака! – победно крикнула Ринка, кинула халат на зверюгу...

И тут мохнатая зараза с места прыгнула напрямик в столб пара, а Ринка, не удержав равновесие, не то шагнула, не то упала следом, зажмурилась на миг, и все заверте...

Виен, Астурия. Дом на Айзенштрассе

Тори

По старой армейской привычке герр Людвиг проснулся рано, еще до рассвета, полежал несколько минут, закинув руки за голову. Потом бесшумно поднялся с кровати, и не подумав разбудить Тори – она делала

вид, что спит. Положил на столик несколько монет, так же бесшумно оделся и выскользнул прочь из дома.

Когда тихо хлопнулась входная дверь, Тори приподняла голову и прислушалась. Убедившись, что Людвиг ушел, соскочила с кровати и босиком подбежала к окну. На всякий случай посмотрела на улицу, проводила взглядом мобиль – и, встав на цыпочки, сняла спрятавшуюся в драпировках прозрачную, почти невидимую коробочку. От тепла ее рук камера, – а это была именно она, новейшая механическая камера с магическим управлением, – потемнела, проявились детали.

Тори нетерпеливо повернула крохотную рукоять, вгляделась в окошко... и швырнула бесполезную вещь на кровать. Снова не сработало! Пока в комнате была только она, и когда не было никого – камера исправно все записывала. Но стоило зайти Людвигу, и все. Чернота и мрак. И наверняка опять никто не поймет, почему нет изображения. В прошлый раз было то же самое, и в позапрошлый... Пожалуй, если бы не странности с камерой, Тори бы решила, что у герра Людвиг нет никакой страшной тайны. Подумаешь, любит привязывать любовницу к кровати или связывать ей руки, и не любит, чтобы его видели! И не такие извращения встречаются, вот один министр вообще женские подвязки надевает, а в постели такое вытворяет, благовоспитанному Людвигу и не снилось!

Усмехнувшись, Тори пересчитала золотые – четыре, очень неплохо, – накинула пеньюар и присела к секретеру, писать очередной отчет о встрече с высокопоставленным любовником.

Виен, Астурия. Айзенштрассе

Людвиг

Дождь немного освежил застоявшийся городской воздух, смыл с желтеющих листьев пыль и остался лужами на булыжной мостовой Айзенштрассе. Стоящий у подъезда мобиль не промок, несмотря на отсутствие крыши, но на панели мерцал красный огонек: кристалл пора подзаряжать.

Людвиг тихонько выругался, помянув Барготову мать и собственных предков. И у обычных людей, и у нормальных магов такие кристаллы служат по году и больше, а ему приходится отправлять мобиль в мастерскую каждые две недели. И такая же ерунда с любой техникой! Родовое проклятие вытягивает энергию из всего, до чего дотянется.

Кристалла хватило как раз до мастерской, расположенной на самом краю портового района. Конечно, Людвиг мог бы пользоваться услугами мастерской для аристократов – два квартала от дворца, позолота,

фонтанчик и цены до небес. Не то чтобы Людвиг не мог себе позволить таких трат, но бросать деньги на ветер считал делом нуворишей и дураков. Тем более что матушке и сестрам постоянно требовались новые платья, украшения, экипажи и прочая, прочая, а думать о таких недостойных материях, как «откуда берутся деньги» они не желали.

– Через час будет готово, ваша светлость, – с поклоном пообещал мастер, изо всех сил стараясь не смотреть Людвигу в глаза. – Вызвать для вашей светлости извозчика? Или, быть может, вы желаете взять один из наших мобилей?

– Не стоит. Просто доставьте мобиль к моему дому, я прогуляюсь, – отмахнулся от него Людвиг.

Извозчиков и чужие мобили он не любил. Впрочем, когда у него начинала болеть голова, он не любил ничего и никого. Особенно свою дражайшую родню, включая его величество. Это же надо, приказать ему жениться!

Людвиг вдохнул холодный, пахнувший мокрыми листьями воздух и от всего сердца пожелал августейшему кузену расстройства желудка и кашля, а матушке долгих лет жизни и безденежных идиотов зятьев. Эти двое недолюбливали друг друга, но как-то смогли договориться. Даже странно. Интересно, что матушка пообещала его величеству Гельмуту и чем это грозит Людвигу? Вряд ли что-то связанное с его службой в Оранжерее. Официально контора называлась Кроненшутц: предок Гельмута, назвавший контрразведку Безопасностью Короны, обожал пафос и цветы – каждому отделу он дал эмблему-цветок. За что добрые астурийцы прозвали контору Оранжереей.

Ладно, если матушкино обещание не связано со службой, то может быть очередные политические маневры?.. Нет, наверняка нет. И матушка, и Гельмут отлично знают – Людвиг ненавидит политику, и ненависть взаимна. Пожалуй, внушаемый его фамильным даром страх – самая лучшая часть дядиного наследства.

Погрузившись в размышления, Людвиг не смотрел, куда идет. Впрочем, ему было и необязательно. Нет в Астурии таких дураков, чтобы нарушать покой человека с бронзовой фибулой-маргариткой, знаком некроманта. Знаком изгоя, презираемого обществом, но необходимого, как необходимы чистильщики улиц и могильщики. Конечно, никто не посмеет задрать нос перед герцогом Бастельеро, как перед обычным полицейским некромантом. Но страха и отвращения вполне достаточно.

Когда в воздухе отчетливо пахнуло рыбой, Людвиг оглянулся. Демоны занесли его в глубину припортового района, куда ни один

добропорядочный гражданин добровольно не сунется. Что ж, тем лучше. Здесь наверняка найдется кто-то достаточно близорукий, чтобы не опознать некроманта. Однако редкие прохожие переходили на другую сторону улицы и отводили глаза. А жаль. Разбить чью-нибудь наглуемую физиономию – отличный способ снять напряжение. Раз уж физиономия августейшего кузена, чтоб ему икалось, неприкосновенна.

Людвиг хотел было в сердцах сплюнуть (чтобы ненароком не проклясть кузена, были уже случаи), но тут в нескольких шагах перед ним воздух сгустился, образовав неправильный эллипс, и покрылся рябью. Надо же, стихийный портал! Не частое явление, и в основном безобидное и бессмысленное. Время от времени такие порталы возникали над узлами силовых линий или в местах сильных магических выплесков, несколько секунд или даже минут показывали кусочки чужого мира и бесследно исчезали. Так как стихийные порталы не пропускали ни материю, ни звук, их называли «пустышками». Несложно догадаться, что Людвигу «пустышки» попадались намного, намного чаще, чем кому бы то ни было. Иногда через них можно было увидеть что-то забавное, как в этот раз.

Людвиг остановился, с интересом наблюдая, как по ту сторону дрожащего воздуха шумит незнакомый город, больше похожий на мираж. Мокрая серая улица, одноэтажные домики без окон, замызганный светлый зверь, а следом бежит какое-то чучело, еще и вопит на незнакомом языке...

– Kysa! Kysa! Стоять, собака!

Хотя нет, язык вполне понятный... Собака? Нет, этот зверь на собаку совершенно не походил. Скорее на хорька.

Неважно. Все равно портал уже начал гаснуть. И вдруг животное с душераздирающим воплем выпрыгнуло из него и понеслось в сторону грязной подворотни. Людвиг от неожиданности замер. Не может быть, ведь «пустышки» не годятся для путешествий между мирами! А тут – живой зверь!

Но прежде чем Людвиг бросил в удирающего зверя обездвиживающим заклинанием, чтобы на досуге изучить обитателя чужого мира, из портала вывалилось то самое чучело. Споткнулось, упало коленом в лужу, но тут же поднялось и, явно не соображая, где находится, крикнуло:

– Где она? – на том же, интуитивно понятном языке.

А чучело-то у нас – девушка, хмыкнул про себя Людвиг. Растрепанные пепельные волосы, то ли пыльные, то ли грязные, расширенные серо-зеленые глаза, аккуратный нос, чуть припухшие губы со следами розовой помады, на скуле размазана жирная грязь. И одета во что-то странное – мужские штаны, порванная на рукаве рубашка в клетку и сверху черный

жилет, все изрядно испачкано и явно с чужого плеча.

– Побегала в подворотню, – ответил Людвиг на родном астурийском и пожалел, что такое примечательное явление случилось на улице, а не в его лаборатории. Настоящий стихийный портал, редчайшая редкость, а у него с собой – ничего! Даже банального измерителя нет!

– Ага, спасибо! – девица внезапно ответила по-астурийски. С ужасным произношением, но вполне понятно.

И рванула следом за зверем.

Интересно, это шок от перемещения или она просто дура, не понимает, что в припортовых закоулках ее убьют? Скорее первое. Или же место, где она жила, выглядит похоже. А вот с языком все намного любопытнее! Неужели портал может дать знание местного языка? Об этом Людвиг никогда не слышал. Надо будет покопаться в библиотеке Академии.

Людвиг кинул вслед обоим иномирянам «метки», чтобы не потерялись, и пошел за ними. Не спеша. Забавно посмотреть, как чучело будет себя вести при встрече с аборигенами. Может быть, даже стоит взять девицу живьем, так всяко удобнее транспортировать в лабораторию, чем изувеченный труп. Все же иномирянка – редкая добыча. Как удачно, что поблизости нет никого из Академии с их загребущими лапами!

Впрочем, все равно бы он свою добычу никому не отдал. Зря, что ли, он служит в Оранжеее!

Не успел Людвиг свернуть вслед за девицей в подворотню, как послышался новый вопль. Перепуганный. Долгий. Зато звук неожиданно чистый и объемный, такому и оперная дива могла бы позавидовать. Весьма, весьма впечатляюще.

– Надо же, – пожал плечами Людвиг и остановился в подворотне, в тени.

Девица все еще орала. Отличное дыхание, не всякая прима так долго выдержит высокую ноту. Хотя смысла в ее вопле Людвиг не видел. Те двое бродяг и десяток крыс, которые вызывали вокальные упражнения, все равно не оценят. Им что примадонна, что посудомойка, без разницы. Была бы женского пола. Вон, уже сально ухмыляются, поднимаются...

У девицы, наконец, кончилось дыхание. Замолкнув, она совершенно ровно спросила:

– А почему они такие здоровые? – на том же ужасном астурийском. – И цвет странный. Никогда не видела ярко-рыжих крыс.

Бродяги переглянулись и гнусно осклабились.

– Ты не тех боишься, красавица, – просипел тот, что повыше и с сохранившимися зубами. Черными. Редкими.

Он потянулся к девице, так и стоящей столбом. Точно, шок у нее. Жаль, она спиной, зрачков не видно. Но наверняка расширенные.

Людвиг уже собрался вмешаться – нечего всякому отрепью портить его лабораторный материал! – как девица ударила бродягу по руке и отскочила вбок, натопырившись, словно помоечный енот над куском колбасы. Теперь она была к Людвигу в профиль, намного удобнее для наблюдения.

– Руки не тяни, а то ноги протянешь! Лучше поймайте мне *koshku*, так и быть, дам на выпивку.

Кажется, в первый раз она назвала зверя собакой. А теперь – *koshku*. Не забыть его поймать.

– Прыткая, – проскрипел второй, обходя девицу с фланга. – Горячая небось. Давно у меня не было такой шустрой бабенки. Держи ее, Жердина!

До девицы начало доходить, что здесь что-то не так. Она перевела взгляд на ржавый нож, висящий у одного из бродяг на поясе, затем на лица бродяг, на дома, на небо... Обычное утреннее небо, наполовину затянутое облаками.

– С ума сойти! – благоговейно прошептала она. – Два солнца?

– Придурочная, что ли? Это погодный шар. Давай снимай одежду!

– Что? – девушка растерянно захлопала глазами. – Это ограбление?

– Это изнасилование! – заржали бродяги и с двух сторон потянулись к девице.

Она снова завизжала – соль третьей октавы, неплохой диапазончик! – и, выхватив из уродливой тряпичной сумки что-то черное с гнутой костяной ручкой, принялась отбиваться. Мгновение Людвиг пытался понять, что это такое, может быть, иномирское оружие? Но через пару секунд засмеялся про себя: это ж зонт, просто непривычной конструкции! Складной! Хорошо бы она его не сломала, интересно будет изучить. Девица тем временем отбивалась зонтом и лягалась. Особого вреда она бродягам не причиняла, да и те не торопились заваливать девицу. Развлекались с легкой добычей.

Надо отдать ей должное, отбивалась она бойко. Людвиг даже залюбовался. Интересно, мефрау Амалия Вебер в такой ситуации боролась бы за свою честь или грохнулась бы сразу в обморок? И тут же сам себе ответил, что мефрау Амалия Вебер в такую ситуацию ни за что бы не попала. Благородные девицы не шляют по сомнительным подворотням в поисках диковинных зверей. Он на мгновение представил на месте иномирянки Амалию, и его губы сами собой скривились в усмешке.

А ведь король не назвал имени невесты, это матушка решила во что бы

то ни стало женить его на дочери подруги. Так что место для маневра еще очень даже остается!

Людвиг еще раз, уже с другим прицелом, осмотрел иномирянку. Здорова, сможет выносить и родить ему наследника, правда не девственница, но это Людвиг как-нибудь переживет. Зато у девицы нет родни, за ней точно не стоят добрые соседи вроде кавалера Д`Амарьяка, к тому же будет полностью зависеть от него. Выглядит невзрачно, что определенно плюс: красоток, считающих себя пупами мироздания в силу внешних данных, он накушался по самое не могу. На эту же только конюх позарится, а конюхов у Людвигу нет и не будет. Опять же, она будет держать язык за зубами, даже если увидит что-то лишнее. Разболтать-то некому. Но самый большой плюс – это выражение августейших физиономий, когда он представит жену матушке и королю!

Определенно, девица свалилась ему в руки по воле Баргота! И перечить ему Людвиг не станет.

– Прекратить балаган, – велел Людвиг, выходя из тени.

Бродяги, а вместе с ними и девица, замерли. Сначала от неожиданности, а потом – разглядев фибулу-маргаритку – от страха.

– Мы это... – рожи бродяг перекосилились.

– Мефрау пойдет со мной, а вы... – Людвиг выразительно поднял бровь. – Брысь.

Бродяги, мелко кивая, попятились и, стоило Людвигу моргнуть, развернулись и с громким топотом помчались прочь. Из-под их ног выскочил иномирский зверь, зашипел и запрыгнул на обломки ящика.

– Kusa, – Людвиг протянул руку к зверьку, и тот без раздумий запрыгнул, позволил спрятать себя под полу плаща и там заурчал, как моторчик. Людвиг обернулся к незнакомке, закрывающейся от него зонтом, как шпагой. Ее губы беззвучно шевелились. – А вы, мефрау, поправьте одежду и следуйте за мной.

Виен, Астурия. Где-то в закоулках

Рина

– Ах ты, собака... – прошептала Ринка, глядя, как мохнатая тварь устраивается под плащом у незнакомца. – Вот проснусь!..

Ей очень хотелось верить, что все окружающее – сон. И бело-серо-рыжая кошка, внезапно поменявшая расцветку и породу на бирманскую, и незнакомый обшарпанный город, и вонючие агрессивные бомжи, разговаривающие по-немецки, и этот странный мужчина в черном... Почему-то было ужасно досадно, что мохнатая собака вот так легко пошла к нему на руки. От нее удирала, а к незнакомцу – пошла. А ведь он, между

прочим, куда опаснее бомжей: выше, явно здоровее, шире в плечах и взгляд убийцы. Не просто так же бомжи от него рванули, теряя тапки.

О, великий Ктулху, давай я уже проснусь, а?..

Ктулху не откликнулся. Ринка не проснулась.

Наверное, потому что не спала, как ни ужасно было в этом себе признаваться. И на глюки это было не похоже. Совершенно. Слишком все было четко, ярко и достоверно. И к тому же, больно. Чертовы бомжи ее несколько раз задели, и хорошо, если она не заразится от них какой-нибудь местной гадостью! А этот, чтоб ему икалось, стоял и смотрел! Мерзавец!

– А вы, мефрау, поправьте одежду и следуйте за мной, – велел незнакомец с глазами убийцы и едва заметно усмехнулся, мазнув взглядом по выставленному вперед зонту.

Скотина. Самоуверенная аристократическая скотина!

– Кто вы такой и какого черта вам от меня нужно? – опустив зонт и задрав подбородок, потребовала она ответа по-немецки, благо язык крайне подходящий для высокомерного хамства, и мысленно поблагодарила бабулю: не зря с четырех лет дрючила внучку языком предков. Вот и пригодилось.

Где-то в животе ворочался холодный комок страха, но Ринка изо всех сил его игнорировала и подогревала в себе злость: нельзя показать аристократической скотине страх, шансов на спасение вообще не останется! Их и так кот наплакал... нет, не думать об этом! Злиться и держать спину!

– Ах, нас же некому представить, мефрау, какая досада, – аристократ насмешливо скривил узкие губы. – Герцог Людвиг Пауль Бастельеро, некромант, полковник безопасности.

Ринка чуть не заржала. Истерически. Но невероятным усилием воли сдержалась. Она что, попала в любовный роман? Герцог, мать его Ктулху, некромант! Полковник! С ума сойти, не встать! Интересно, антагонист или герой-любовник? Если верить внешности – антагонист. Чернявый, нос орлиный, глаза антрацитовые и убийственно холодные, держится а-ля Ужас Подземелий Северус Снейп, и вообще ощущение от него, как от айсберга. Ледяное.

Не дрожать, кому сказала! Спину прямо, челюсть вперед, стали в голос.

– Агриппина Ланская, – получилось не совсем как у бабули в гневе, но тоже ничего. Сойдет. – Вы не ответили, что вам от меня нужно, герр Бастельеро.

– Для начала, мефрау Ла-аска, спасти вас из беды, – в глазах,

опущенных длинными и густыми, на зависть фирме «Л'Ореаль Париж», ресницами, мерцала откровенная насмешка. – Идемте, мефрау. Или вам так понравилось местное общество, что вы желаете познакомиться с ним поближе? Это несложно устроить.

– Пожалуй, воздержусь, – так же холодно и насмешливо ответила Ринка, едва подавив дрожь от вставшей перед глазами картинки: надвигающийся на нее щербатый бомж со ржавым ножом.

– Ваше благоразумие не может не радовать, мефрау.

Герцог, некромант и полковник галантно предложил ей локоть. Правда, эта галантность больше походила на издевку пополам с научным интересом. Особенный интерес вызвали ее руки. Что ж, пусть рассматривает. Маникюр она делала всего лишь позавчера, так что стыдиться нечего.

Да и страх немножко отступил. Не зря бабуля говорила: если боишься, держись победительницей, и сама себе поверишь.

Она положила подрагивающую руку на сгиб герцогского локтя, словно делала ему великое одолжение.

Герцог хмыкнул и двинулся прочь из подворотни.

– У вас на родине все так одеваются? – спросил он через пару шагов.

– Только те, кто может себе это позволить, – она скопировала его интонацию. – Значит вы – маг? Наверное, очень могущественный?

Мгновение ее спутник молчал, а потом рассмеялся. Искренне и весело. Антагонистам так смеяться не положено.

– Могущественнее некуда, – ответил он, отсмеявшись. – Похоже, у вас крайне длинный и острый язычок, мефрау Лааска.

В его голосе послышалась явственная угроза, в животе снова зашевелился комок страха.

– Ну что вы, ваша светлость, я – сама скромность, – Ринка потупила взор.

Прямо перед ее глазами оказались замызганные джинсы и перепачканные грязью и ржавчиной кроссовки. Да уж, есть над чем поржать их светлости.

– Вот и отлично, – ответил некромант, выводя ее из подворотни на улицу. – Скромность и послушание вам весьма пригодятся...

– Заче... – начала было Ринка, но ее прервали разноголосые вопли и топот.

Мимо них пронесся насмерть перепуганный и окровавленный оборванец, а из-за угла, вслед за ним, выскочили преследователи. Целая толпа размахивающих палками, камнями и ножами горожан такой же

пролетарской наружности.

– Держи вора! Повесить гада! Руки оторвать!.. – орали и мужчины, и женщины.

Ринка замерла на полуслове и невольно прижалась к некроманту. Он тоже остановился, пропуская толпу мимо, а потом...

– Затем, что вы станете моей женой, мефрау Ла-аска, – на сей раз в его голосе не было ни капли насмешки. – Либо мы расстанемся прямо здесь и сейчас. Выбор за вами.

– Я не... – Ринка подняла взгляд и вздрогнула: показалось, из глаз некроманта на нее смотрит бездонное и бездушное Нечто.

– Четче выражайте ваши намерения, мефрау.

Кинув взгляд вслед толпе и мысленно передернувшись, Ринка снова расправила плечи. Ее не так-то просто напугать!

– Я хочу понимать, зачем вам это нужно и чем мне это грозит.

– Зачем – не ваше дело, мефрау. А чем грозит... – аристократическая сволочь глянула на Ринку искоса, холодно усмехнулась и остановилась посреди грязной улицы. – Неплохими шансами выжить в новом и опасном для вас мире. Итак, мефрау, спрашиваю в последний раз: вы идете со мной в храм или остаетесь здесь? И чтобы вам легче было принять решение, небольшая справка. Отправить вас в родной мир маги нашего мира не в силах. Академики будут счастливы заполучить вас для исследований, могут вам наобещать Баргот знает чего, но будучи их подопытным кроликом, вы не проживете дольше полугода. И то, если очень повезет. Так вы согласны выйти за меня замуж, мефрау Лааска?

Ринке очень, очень хотелось сказать «нет». До скрежета зубовного. Петюня, и тот звал ее замуж куда романтичнее. Хотя бы букет роз подарил. А этот гад высокородный... чтоб ему прыщами покрыться! Мог притвориться, что она ему симпатична!

Хотя вряд ли она бы поверила, если бы он вздумал с ходу признаваться ей в неземной любви. Вот тогда бы она точно предпочла рискнуть и самостоятельно выбираться из бандитских кварталов. Потому что, какой бы ни был герцог, хоть страшнее атомной войны, невест для него всегда найдется легион, и стопроцентно получше грязной нищей иномирянки. Зачем все же ему сдалась именно она? Вопрос почти такой же интересный, как способ выжить в дивном новом мире без посторонней помощи.

И ответ на него – никак. Это только в романах о Мери свет Сью на попаданку тут же сваливается магическая сила, неземная красота и прочие плюшки. А у нее, кроме знания местного языка (что уже сумасшедшее везение!) в заглазнике лишь пара учебников, планшет (без зарядного

устройства) и зонтик. Потрясающее приданое.

– Если вы обещаете мне безопасность, то я согласна, – сказала она почти твердо.

Герцог, некромант и полковник скептически хмыкнул, еще раз оглядел ее с головы до ног (щеки залил жар стыда: видок у нее тот еще) и велел:

– Идемте, мефрау Лааска. Не стоит тянуть, – и уверенным широким шагом направился к устью улицы. Если верить местному солнцу, на северо-восток.

Рина шла рядом размашисто шагающим мужчиной и пыталась мыслить рационально. Ей двадцать лет, она самостоятельная личность, у нее почти высшее образование. Куча навыков и умений, крепкое здоровье, светлый ум... И что с этим всем делать, когда она даже не знает, где оказалась? С виду город похож на Европу века так мохнатого. Дома в два-три этажа, улочки немощенные, узкие. Вонь. Грязь. Герцог (если не врет) одет в кожаный плащ с капюшоном, из-под которого видны облегающие брюки, заправленные в высокие сапоги с квадратными носами. Из украшений только дурацкая застежка на плаще, бронзовая маргаритка. С хмурыми резкими чертами сочетается, как седло с коровой. Может быть, еще есть кольца, под перчатками не понятно.

Кстати, тут еще и холодно. В узкой улочке та еще аэродинамическая труба, задувает аж до свиста. А герцог, мать его Ктулху, даже не подумал предложить ей плащ. Галантный век, вашу ж за ногу!

Они шли и шли, не сбавляя темпа, и вскоре вышли на небольшую, мощеную истертой брусчаткой площадь. По сторонам площади росли чахлые желтеющие деревца – формой и корой похожие на вязы, только с округлыми листьями и плодами вроде мелких каштанов. А в самой середине был храм. Он на удивление походил на европейские костелы, только на шпиле был не крест, а серебряная звезда в круге.

– Ваша светлость, – впервые за всю дорогу Ринка осмелилась с ним заговорить. – А мне не надо ли...

Некромант удивленно покосился на нее, словно впервые видел и не понимал, что это странное создание делает рядом с ним. Да еще и разговаривает!

Ринка тут же разозлилась – и сама испугалась. Что с ней такое? Никогда она не хамила старшим, да вообще никогда не хамила! А тут... наверное, это от шока.

– Простите, я... ну... – она совсем смутилась, но заставила себя продолжать: не замолкать же на половине фразы, тогда он сочтет ее совсем идиоткой. – Наверное, я неподобающе одета. Все же храм.

– Барготова мать, – тоном усталого воспитателя детсада отозвался некромант и остановился. Оглядел Ринку, скривился. Затем осмотрел здания, окружающие площадь. Скривился еще сильнее. – Ваше платье... э... ничуть не хуже того, что мы сможем купить здесь. Гостей не будет, так что одежда не имеет значения.

Он снова потянул ее к храму, и Ринка, вздохнув, пошла с ним. Что ж, по крайней мере, здесь нет заморочек с юбками.

– Не вздыхайте так тяжело, мефрау. Я не собираюсь держать вас в черном теле и морить голодом. Я все же герцог, а не трактирщик. Будут у вас платья. И содержание. И вообще, как только родите мне наследника, ваши обязательства будут исполнены, и можете катиться на все четыре стороны.

Ринка от неожиданности споткнулась.

– В смысле, катиться?..

– В смысле, я не жажду быть женатым всю жизнь. Мне нужен наследник... и кое-какие светские формальности. Через три года получите отступного согласно брачному контракту, и можете делать, что пожелаете.

А вот это уже было обидно. Почти до слез. Как обещание попользоваться и выбросить. Впрочем, чего еще можно было ожидать от сволочи аристократической?!

– Пока вы будете моей супругой, от вас требуется незаметность, послушание и благоразумие. И не волнуйтесь, я не собираюсь использовать вас в качестве супруги более чем необходимо.

Ринка вспыхнула и сжала зубы. Можно подумать, он сам топ-модель, и она млеет от желания улечься с ним в постель! Самоуверенный напыщенный болван!

– Вы сказали, брачный контракт, – она постаралась говорить как можно холоднее. Не хватало еще, чтобы он понял, что сумел ее задеть.

– Именно. Вы же умеете читать, мефрау Лааска?

– Разумеется. Если бы не ваш портал, через два года я бы получила диплом магистра.

– В вас нет магического дара.

– Магистра биологии. Так что не волнуйтесь, читать я умею.

– Вот и прекрасно. После бракосочетания на людях вы будете называть меня по имени. Людвиг. И никаких сокращений.

– Как скажете, ваша светлость. Меня можно называть Рина.

– Рина, – он кивнул, подходя к двустворчатым низким дверям храма. – Во время обряда на все вопросы отвечайте да, глаз от пола не поднимайте и со священником не разговаривайте. Это понятно?

– Да.

Что тут непонятного. Три «К», как и положено порядочным немцам. И три года, за которые надо освоиться, обзавестись связями, получить профессию и найти работу, и желательно присмотреть недвижимость. По возможности не комнатуху в коммуналке, а что-то отдельное. И свое! Чтобы не получилось, как с оставшейся от бабушки квартирой в центре Москвы: она должна была достаться маме и Ринке пополам, но почему-то завещание не нашлось, квартира досталась маме, а мама снова вышла замуж – и все. Ринке от московской недвижимости остался шиш.

– Ваша светлость, а на какую сумму я могу рассчитывать через три года?

Некромант одарил ее презрительным взглядом, и Ринка втянула голову в плечи. Вот кто ее за язык тянул? Теперь он наверняка думает, что она меркантильна до мозга костей.

– Я просто не хочу остаться на улице, – выдавила она, сгорая от стыда и проклиная чертов шок и адреналин. И где ее здравомыслие и уравновешенность? И какого черта ее потряхивает рядом с герцогом, ведь нормальный человек, не маньяк, вроде даже не самодур. Почему же так страшно, что ноги еле держат?

– Меффрау, вы получите достаточную сумму на обзаведение, – процедил герцог сквозь зубы и, без малейшего уважения распахнув двери храма, первым вошел внутрь.

Сволочь высокомерная! Люциус, твою мать, Малфой! На уроках этикета тебе не объясняли, что даму нужно пропускать вперед, нет?

По счастью, на этот раз Ринке удалось удержать язык за зубами. Хотя каких усилий ей это стоило, один Ктулху знает.

Первым, что заметила Ринка, был до головокружения манящий запах травяного дыма. Совсем не похоже на церковный ладан – сладкий и тяжелый. Здесь пахло августовским солнечным лугом, легко и терпко. На губах Ринки невольно появилась улыбка, а все проблемы и беды словно отдалились.

К ним тут же поспешил толстячок в белом балахоне. Судя по постной роже, явлению герцога с красотой несказанной на буксире его не обрадовало.

– Чем могу служить вашей светлости? – пробормотал он тоном, больше подходящем для «шли бы вы своей дорогой».

– Письменные принадлежности, святой брат, и нотариуса, – герцог бросил в деревянную кружку, на дне которой сиротливо болталось с десяток медяков, горсть золотых. – Мы желаем заключить брак.

Немедленно.

– Конечно, ваша светлость... э... если вам угодно, я имею право заверять документы...

Вместо ответа некромант лишь кивнул и все тем же размашистым шагом прошел к чему-то похожему на конторку с наваленными книгами и толстыми тетрадями.

Пока некромант писал брачный контракт, а служитель заполнял графы в толстой потрепанной книге, внося туда имена брачующихся, Рина глазела по сторонам. Храм был украшен очень скромно. Простые деревянные скамьи, серый истертый пол, окна с цветными витражами – узкие, пропускающие очень мало света – и несколько тройных канделябров со свечами. У дальней стены, в нише, статуя бородатого мужчины в тоге, перед статуей – свечи, горшки, вазы с букетами из листьев, горка бумажных трубочек-записок. Обрамляет нишу вырезанный из дерева венок. Не цветы, листья. Сначала Ринке показалось, что дикий виноград, но присмотревшись, она опознала коноплю.

А тут весело, однако. И крайне интересно, какие именно травы здесь воскурят. Неужто те самые?

Рина даже пожалела, что не присутствовала ни на одной студенческой вечеринке, где, по слухам, будущие биологи на практике изучали свойства некоторых растений. Тогда бы она хоть могла опознать травку по запаху.

– Мефрау Рина, не спите, – окликнул ее некромант. Из-за пазухи у него выглянула злополучная кошка. Вот засранка! Сидит так тихо, будто всю жизнь только на груди у некроманта и жила. – Вам следует прочитать контракт и подписать. Вот здесь.

В полумраке храма Ринке показалось, что его глаза сверкнули красным.

Нет-нет, показалось! Наверняка показалось! И вообще, чем думать о всякой мистике, лучше прочитать контракт. Мало ли, что он там понапишет.

Ринка старательно разбирала сложную рукописную вязь, отмечая, что хоть почерк у сволочи аристократической и красивый, прочитать его почти невозможно. Написание букв здорово отличается от привычного, а может быть он специально так пишет, чтобы враги не догадались. Ну, как врачи. Единственное, что она разобрала, так это сумму в тридцать тысяч чего-то там. И чуть не хихикнула от понимания: ей это ровным счетом ничего не говорит! Может, у них тут валюта вроде юаня, и окажется, что тридцать тысяч непойми чего стоит обед в средней пакостности ресторане.

– Вас что-то смущает, мефрау Рина? – голосом некроманта можно

было стекло резать. И чаек на лету морозить. Если в этом мире есть чайки.

– Нет, – через силу ответила Ринка и взяла у святого брата перо.

«Твою за ногу, что я делаю?» – билось в голове, но рука словно сама собой выписывала автограф.

Дождавшись, пока она закончит, некромант молча взял ее за руку и подвел к статуе. Служитель начал что-то петь, а на Рину упало оцепенение. Она словно со стороны видела старательно выводящего мелодию на трех нотах святого брата, себя и своего мрачного супруга... свою руку в его руке – без перчатки. Впервые без перчатки.

Его рука была покрыта татуировкой, напоминающей чешуйки.

Или не татуировкой? Или это его кожа?

Перехватив ее взгляд, некромант дернул уголком губ и сильнее сжал Ринкину ладонь.

Не татуировка, поняла она. Чешуя. Твердая, холодная чешуя. Боже, во что я влипла?!

Виен, Астурия. Храм в припортовом районе

Людвиг

– Перед Единым богом объявляю вас мужем и женой! Можете обменяться браслетами и поцеловать супругу.

Людвиг скрипнул зубами. Можно подумать, он постоянно таскает с собой свадебные браслеты! Особенно те, что достались ему в наследство от предков – массивные, вычурные, инкрустированные черными сапфирами и хризолитами.

– В церковной лавке наверняка найдется что-то подходящее, – процедил он сквозь зубы.

– Да, ваша светлость, но... подойдут ли они столь высокой особе?

– Несите, святой брат.

В нищем храме не было даже послушника, пришлось служителю самому ковылять к шкафчику стены, отпирать его, доставать простые медные браслеты со знаком Единого и с поклоном вручать их Людвигу.

Подняв руку своей очередной жены, Людвиг защелкнул на ее тонком запястье невзрачный ободок, второй отдал ей и дождался, пока она неловко наденет брачный браслет на него. Мимоходом отметил, что опять не сумел удержать эмоциональное равновесие, а заодно и перепугал супругу. Затем он поцеловал шарахнувшуюся от него девушку в щеку.

Что ж, хоть она и выглядит, как чучело, но пахнет весьма приятно. Чем-то нежным, легким и весенним. И руки у нее хороши. Изящная ладонь, тонкие длинные пальцы, аккуратные ногти. Никаких мозолей и прочей дряни, свойственной работающим простолюдинкам.

Тут же мелькнула мысль, что короткие ногти – гарантия целостности его спины. Хотя, что это он? Все равно он не позволит ей распускать руки. И смотреть на него – тоже. Ему нужен здоровый наследник, а значит, стоит поберечь душевное равновесие будущей матери.

– Герцогиня Бастельеро, поздравляю вас с вступлением в законный брак, будьте супругу слугой, любовницей, матерью, сестрой и...

– Достаточно, – перебил служителя Людвиг.

Он сгреб бумаги, подтверждающие его семейное положение, подхватил растерянную и слегка перепуганную жену под руку и потащил ее к выходу.

Выйдя из Церкви Единого, Людвиг глянул на карманный хронометр. С его визита в мастерскую прошло чуть более часа, а значит, мобиль все еще там.

– Сейчас заберем из ремонта мой мобиль, оденем тебя подобающе новому статусу и навестим кузена. После обряда положено представить жену родне. Кстати... – Он вытащил из-за пазухи пригревшегося там зверька. – Как, ты сказала, называется это животное?

Супруга не ответила.

Тогда Людвиг, наконец, обернулся к ней.

Серо-зеленые глаза свежеиспеченной супруги глядели на него, как на вылезшего из свадебного пирога Баргота: со страхом и неверием.

– Ваш мобиль? – переспросила она, отмерев.

– Ты же не думаешь, что я хожу пешком. Так что за зверь?

– Кошка. – Новая герцогиня сглотнула и облизала пересохшие губы. – Но это не та кошка! Та была трехцветная и пушистая, а эта – бирманская! Это из-за нее...

Голос супруги все повышался и повышался. Еще немного, и начнется истерика.

Поморщившись, Людвиг ее перебил:

– Кош-ка? Это называется «кошка»?

– Собака она! Страшная! – чуть спокойнее ответила девица.

– Так кошка или собака? – Людвиг скептически поднял бровь, с интересом разглядывая супругу. Такая гамма эмоций! А главное, голос. Что-то в нем было такое, что Людвиг даже готов был выслушать, что она скажет.

– Кошка! Но звать ее Собака! – почти успокоившись, сообщила супруга. В ее голосе послышались ехидные нотки. – Только собака страшная могла затянуть меня в чужой мир. Вот пусть теперь и зовется Собака.

– Глупости, – погладив довольное животное, он сунул его обратно за пазуху и покачал головой. – Никто, кроме драконов, не может перемещаться из мира в мир.

– Драконы? – в глазах супруги зажглось детское восторженное любопытство. – Здесь водятся драконы? А...

– Нет. Здесь не водятся, – оборвал ее Людвиг, но тут же, сам не понимая причин, продолжил уже мягче: – Последний драконий всадник умер триста лет назад, и с тех пор больше никто не сумел приручить дракона. То ли знания утрачены, то ли дар угас. Я не слишком интересуюсь этой темой, есть гораздо более интересные проблемы. У меня в библиотеке есть кое-что о драконах, дам тебе почитать.

– Правда? У тебя большая библиотека?

– Правда. Большая, – Людвиг нахмурился. Какого Баргота он рассказывает сказки этой девице? Он вовсе не собирается ее очаровывать. – Я дам тебе книгу о правилах поведения супруги аристократа. И первое, что там написано: скромность и послушание.

Девушка открыла было рот, но, встретившись с ним взглядом, закрыла. И словно погасла.

Людвиг отвернулся. И напомнил себе, что ему нет никакого дела до эмоций фрау Бастельеро. Это всего лишь очередная супруга, от которой беспокойства и проблем по определению гораздо больше, чем пользы. И максимум через три года они расстанутся ко всеобщему удовольствию. А пока стоит свести общение к минимуму, ему и без этой девчонки есть, чем заняться.

Весь оставшийся путь до мастерской, расположенной всего в квартале от храма, они прошли молча.

Глава 3, о пряничных домиках и голубых феях

Виен, Астурия

Рина

Стоило выйти за пределы припортового квартала, как город разительно изменился. Словно Рина шагнула из дикого средневековья в девятнадцатый век, а то и начало двадцатого. Под ногами образовалась вполне пристойная брусчатка, вдоль домов – узкие тротуары и столбы с фонарями. Правда, снизу не было видно, на чем они работают. Вряд ли на электричестве, никаких проводов вдоль улиц не было. Зато сама улица расширилась, стекла в окнах стали чище, а сами окна больше, на подоконниках запестрели цветы: что-то похожее на герань и бархатцы. Прямо цивилизованная мирная Европа!

Ринка сразу поняла, куда они идут. Начищенная медная вывеска мастерской сияла и сверкала, а силуэт автомобиля еще и переливался алым и золотым.

Правда, самих автомобилей на улице заметно не было, а судя по редким кучкам навоза, конные повозки даже не собирались выходить из употребления. Словно в подтверждение ее мыслей, из-за угла вывернула нарядная коляска, запряженная пегой лошастью.

Хозяин мастерской, выбежавший навстречу, сделал вид, что совершенно не удивлен наличием рядом с дорогим клиентом оборванки.

– Мобиль вашей светлости готов. Подавать?

Герцог, некромант и полковник едва заметно кивнул, а Ринка задумалась: не пора ли привыкать называть его Людвигом? Все же супруг.

Ой-ой-ой.

Супруг.

Она украдкой покосилась на дешевый медный браслет, охватывающий левое запястье. Почему-то здесь, в почти современной Европе, события последнего часа казались совершенно нереальными. Как будто она побывала в парке аттракционов и вот-вот поедет домой. На машине. С папой или бабулей.

Она даже прислушалась, не звучит ли поблизости автострада? Или, может быть, из какого-то окна доносится «Роксет» или какой-нибудь Стинг? Да хоть Шнур! Лишь бы домой.

Но вместо родных и привычных городских шумов слышалось лишь цоканье копыт, обрывки разговоров и механический лязг из мастерской. О,

вот еще и звук мотора с шелестом шин!

Мобиль герцога... тьфу ты, Людвиг! В общем, мобиль очень напоминал музейный экспонат. Начищенная медь (никелевых сплавов тут еще не знают?), полированное дерево, черный в синеву металлический корпус. Наверное, здесь это считается агрессивным дизайном.

Верха у мобиля не было совсем, даже подъемного. Странно, климат-то европейский, с дождями и снегом. Но расспрашивать Людвиг Ринка пока не стала. Не при посторонних.

А он снова глянул на карманные часы (золотые, массивные и явно очень дорогие), усмехнулся и вынул из-за пазухи кошку. Бирманскую, то есть сиамской расцветки, только более пушистую. Ничего общего с трехцветной Аполлонией в ней не было, но Ринка решила отложить вопрос «как и почему» на потом, а пока удовольствоваться объяснением «это магия, детка».

Собака мохнатая приоткрыла синий глаз, искоса глянула на Ринку – и мягко прыгнула на переднее сиденье, как будто всю жизнь разъезжала в антикварных автомобилях. Людвиг же снял плащ, бросил на заднее сиденье и уселся в машину. Кошка тут же залезла к нему на колени.

– Успеваем на малый утренний прием в королевском дворце. Прекрасно.

Малый... что?! Нет, не может быть. Ей слышалось.

– Садитесь, Рина. – Людвиг передвинул рычажок на приборной панели (совершенно не похожей на современные), и правая дверца открылась.

Ринка еле сдержалась, чтобы не потрясти головой, так автоматические двери не сочетались с дизайном начала двадцатого века. И нет, она не будет прямо сейчас выяснять, магия это или техника.

– Красивый мобиль, – улыбнулась она, садясь рядом с Людвигом и машинально пытаясь нашарить ремень безопасности. – Мощный, грозный и мрачный. Индивидуальный проект?

Людвиг снова поднял бровь:

– А у вас мобили штампуют на фабриках?

– Разумеется. У нас все штампуют на фабриках. А где ремень безопасности?

Людвиг непонятно покачал головой:

– Понятия не имею, о чем вы.

Вместо ключа зажигания тоже был рычажок. Людвиг повернул его, и машина, заурчав, плавно тронулась с места. Ринка наблюдала за ним искоса: бабуля говорила, что по тому, как мужчина водит, можно определить характер. Что ж, если верить бабуле и своим глазам, то характер

у его светлости должен быть легким, павлиньим и... крайне осторожным. Потому что мобиль полз со скоростью не более тридцати пяти километров в час.

Хотя нет, она не права. Его светлость – тот еще рискованный парень. По сравнению с конными колясками – сумасшедшая скорость. Вон, с какой завистью провожает взглядами мобиль стайка мальчишек.

Ринка невольно улыбнулась, вспомнив, как гоняла с подружками на квадроциклах. Давно, в прошлой жизни. Когда она была безумно влюблена в музыку, скорость и Влада, впереди ее ждало исключительно счастье...

Смахнув Ктулху знает откуда взявшуюся слезинку, Ринка вернула на лицо улыбку и принялась рассматривать город.

Чисто, аккуратно, дома в три-четыре этажа, с балкончиками-эркерами-колоннами и прочими финтифлюшками, на окнах цветы, вдоль тротуаров фигурно стриженные деревья с листвой самых неожиданных цветов (особенно Ринку порадовал сиреневый с серебристым отливом сдвоенный куб). И чем дальше, тем больше магазинчиков, ресторанчиков и прочей буржуйской прелести. На дорогах в основном коляски, мобилей всего ничего – навстречу попало не больше пары десятков, такого же музейного вида. Кстати, ехали они в самом деле куда медленнее, чем мобиль его светлости.

Пожалуй, если бы не два солнца (она помнила про погодный шар, но отличить его пока не могла) и фантастическая растительность, все это можно было бы принять за какой-нибудь Лейпциг.

Но – нет. Она в другом мире, замужем за чудовищем и, быть может, на пороге мировой войны, если политические события в этом мире похожи на наши. Что с ее везением нормально. Уж что-то, а влипнуть в истории Ринка умела. Одна ее школьная любовь чего стоила...

Так что, наверное, даже неплохо оказаться настолько далеко от дома (чудовище и войну опустим, это пока не точно). Конечно, папа будет волноваться... ладно, папа с ума сойдет, когда узнает, что она пропала. Петр, наверное, тоже. Вот бы можно было подать им весточку! Соврать, что с ней все хорошо. Конечно, Людвиг сказал, что вернуться невозможно, но... но... Так, не плакать! Держать спину ровно!

Будем считать, что ей выпал шанс начать все сначала.

Она так старалась не всхлипнуть и не дать слезам пролиться, что вздрогнула, когда мобиль остановился, и ей на колени положили белоснежный платок с монограммой.

Машинально утершись, Ринка с ужасом обнаружила на батисте грязно-ржавые разводы. Сжала зубы. Выпрямилась сильнее.

- Благодарю вас, Людвиг.
- Не стоит, Рина. Выпейте.

Ей протянули фляжку, из которой пахло травами и алкоголем. Что ж, в обоих мирах мужчины лечат нервы одним способом. Годным способом.

Глотнув разок, она зажмурилась и замерла, пытаясь восстановить дыхание и привычно анализируя: чабрец, мята, жень-шень, шалфей, что-то неопознаваемое... и градусов пятьдесят. Перегонный аппарат местной цивилизации явно известен.

После второго глотка изящная рука в черной кожаной перчатке отобрала фляжку.

- Достаточно. И не вздумайте рыдать, герцогиня.

Проморгавшись, Рина огляделась.

Мобиль остановился в узком переулке, перед витриной, полной платьев в стиле ампир. Кроме платьев, за стеклом были выставлены туфельки, перчатки, ридикюли и даже шляпки. Над витриной блестела золотом вывеска «Салон мадам Шанталь». Напротив и чуть дальше сияла всеми цветами радуги другая вывеска: «Бутик мадемуазель Рене», а в витрине под ней красовались все те же платья и шляпки, но гораздо более ярких расцветок. Переулок чуть дальше перегораживали три коляски и ярко-красный мобиль, в котором сучал шофер.

Наверное, будь на Ринкином месте любая нормальная девушка, она бы вмиг забыла о слезах и почувствовала себя героиней сказки о Золушке. Наверное, будь Ринка не такой уставшей и офигелой, она бы тоже что-то такое почувствовала, хотя бы интерес. Но вместо этого появилась твердая уверенность в том, что платья – не приз, а первый квест. И начинает она квест с минус сотней очков.

подавив отчаянное желание выскочить из машины и припустить прочь от неожиданного счастья, Ринка хрипло попросила:

- Еще глоток, если вашу светлость не затруднит.

– Непременно, герцогиня, – на сей раз Ринка заметила, как Людвиг выделил голосом ее титул, и даже почувствовала капельку благодарности. – Но потом.

Спорить не хотелось, да и по тону Людвига было ясно, что дело это бесполезное. Правда, Ринка не понимала, чего они ждут... Ровно секунду не понимала. Потому что дверь салона мадам Шанталь распахнулась одновременно с дверью бутика мадемуазель Рене, и к мобилу направились сразу два швейцара. На обоих были ливреи, фуражки и перчатки, только на одном кремовая, а на другом розовая. И улыбки! О, что это были за улыбки! Сияющие, словно они увидели сразу всю свою любимую родню и миллион

денег золотом.

Разумеется, друг друга конкуренты не замечали в упор.

«Надеюсь, здесь не принято обниматься, – со страхом подумала Ринка. – Или драться за клиентов».

Людвиг рядом едва слышно хмыкнул, а кошка на его коленях сделала вопросительный «мрр?» и повела ухом.

По счастью, страхи оказались напрасными. Все с той же сияющей улыбкой швейцар в кремовом открыл дверь мобиля для Людвига, а швейцар в розовом для Ринки. И руку подал так, словно перед ним была королева красоты. Вот это дрессура! В родной Москве, явись Ринка в бутик в таком виде, ее бы на порог не пустили. Или облили презрением с ног до головы. Да что там в бутик, на рынке, и то бы сделали морды. И наличие Петра рядом бы их не остановило.

– Рина?.. – едва слышный шепот Людвига вывел ее из ступора, и она поняла, что надо взять его под руку. И морду держать, морду! Она теперь герцогиня, мать вашу Ктулху!

Оба швейцара пропустили Людвига с Ринкой вперед, а Ринке стало до жути любопытно, какой магазин выберет Людвиг? Она даже покосилась на супруга и быстро-быстро отвела взгляд. Чисто на всякий случай: герр некромант выглядел так, словно раздумывает, кого убить первым – розового швейцара или кремового.

Что ж, значит – ближайший, и к ассортименту это не имеет никакого отношения.

Ринка оказалась права. Людвиг свернул к «Салону мадам Шанталь», до которого было на целых пять метров ближе.

– Ваша светлость, какая честь! – кругленькая, напудренная и задрапированная в кремовый шелк мадам Шанталь встретила их у дверей.

– Позаботьтесь о моей супруге, мадам. Нам через пятьдесят минут следует быть во дворце.

– Разумеется, ваша светлость, – не переставая улыбаться, мадам сделала реверанс Людвигу и обратилась к Ринке: – Соблаговолите пройти со мной, ваша светлость.

– Жду вас через полчаса, дорогая, – чопорно сказал Людвиг и спасся бегством.

А мадам Шанталь повела Ринку в глубину помещения, мимо двух дам. Судя по вороху тканей и груде обувных коробок, явление герцога с супругой прервало выбор нарядов.

– На этот раз Черный Вдовец подобрал новую супругу на помойке, – одна из дам, поднесла к глазам лорнет и сделала брови домиком. –

Бедняжка. Хоть напоследок поживет как человек.

– Может быть, этой повезет больше, – с притворным сочувствием вздохнула вторая. – Но я слышала, за Бастельеро сватали мефрау Вебер...

О великий Ктулху, во что я влипла! Ладно, змеюки завистливые, но муж по прозванию Черный Вдовец! Сколько жен он уже похоронил? Надеюсь, он их хотя бы не ест... Может, еще не поздно сбежать? Вот только если супруг ее догонит...

Спокойствие, главное – спокойствие. Наверняка змеюки просто ее пугают, а на самом деле не все так ужасно. Вряд ли Людвиг превращается в самку каракурта, это было бы слишком даже для «это магия, детка».

В задней комнате мадам Шанталь сдала Ринку стайке помощниц.

Первым делом ее измерили, а затем раздели и засунули в ванну. Здоровенную, на львиных лапах. Кстати, водопровод здешней цивилизации тоже был известен. Даже с горячей водой! А вот химические ароматизаторы – нет, и это было плюсом.

Ей промыли голову травяным отваром (ромашка, мята, вербена и что-то еще), ее всю намазали кремами, завернули в горячее льняное полотенце и усадили перед зеркалом.

– У вашей светлости изумительные волосы, так жаль, что короткие! – вздохнул средних лет южанин, обилием кружев и томностью похожий на гея-стилиста. – Но вам не о чем волноваться, мэтр Джованни сотворит для вас чудо, и вы будете самой прекрасной фрау во всей столице! Ах, как это романтично!..

Ринка еле удержалась, чтобы не сказать какую-нибудь резкость. Романтично? Конечно, жуть как романтично! Черный вдовец женился на бродяжке. Читайте завтра во всех газетах столицы. Черт бы подрал местные заморочки!

Но вместо резкости она улыбнулась южанину:

– Сам мэтр Джованни? Мне повезло.

Тот просиял и принялся колдовать над ее прической, попутно делясь сплетнями. Запомнить имена Ринка даже не пыталась, только время от времени угукала.

– ...будете осторожны! Мобили чрезвычайно опасны! Вы же не водите мобиль, фрау Бастельеро? И не пробуйте, упаси вас Единый... такая трагедия! Герцог был безутешен...

«Болтун – находка для шпиона», – подумала Ринка, пытаясь вычленив из щебета метра Джованни еще что-то про покойную жену (жен?) Людвига. Но больше ничего, кроме ее пристрастия к атласным туфелькам, изумрудам и мобилиям бриттской марки «Драккар», выловить не удалось.

– Герцога обвиняли в ее смерти?

– Ах, не стоит обращать внимание на досужие домыслы! Герцог Бастельеро прекрасный, прекрасный человек! Не слушайте никого, прелестная фрау, уж вы-то точно растопите его ледяное сердце. Вы так милы и невинны... еще сделаем локон вот тут... и немножко ресницы... посмотрите, посмотрите же!

Мэтр развернул ее кресло к зеркалу, и Ринка обомлела.

Это магия?

Из зеркала на нее смотрела принцесса. Фарфоровая. С огромными серо-зелеными глазищами, нежным румянцем на скулах, густыми блестящими волосами, собранными в низкий узел и выпущенными на висках. Элегантная простота. Как? Ладно, прическа и макияж, но ее светло-пепельные волосы никогда не имели такого изысканного оттенка!

– Вы – волшебник, мэтр Джованни.

Южанин польщенно улыбнулся, поцеловал ей руку и крикнул:

– Мадам Шанталь!

Но вместо мадам Шанталь в комнату заглянула одна из ее помощниц.

– Это для вашей светлости, – она заторможенно сделала книксен и протянула Рине конверт на подносе.

Машинально взяв его, Рина собралась спросить, от кого – но девушка уже сбежала.

Странно. Зачем Людвигу писать ей записки? Явно же от него, никто больше о ней не знает... – подумала она, разворачивая бумагу.

«Приветствую вас, драгоценнейшая Агриппина», – прочитала она на чистейшем русском языке.

На русском?! Нет, наверняка показалось!..

Ринка усилием воли заставила руки не дрожать, кинула взгляд на мэтра Джованни – и едва не заорала от страха. Южанин так и стоял рядом, невидяще глядя поверх ее головы и бессмысленно улыбаясь.

Это – магия? Но зачем, кто?..

«Я рад, что ваше путешествие прошло удачно, и приношу глубочайшие извинения за то, что не сумел встретить вас, и вы попали в руки герцога Бастельеро. Поверьте, вам совершенно нечего бояться. Главное, не вздумайте злить его или пытаться сбежать. Ни одна из герцогских жен не погибла в первую брачную ночь, и если вы будете осторожны и благоразумны, то в ближайшее время вам ничто не угрожает.

Также прошу прощения, что не представляюсь до нашей с вами личной встречи. Вам пока лучше не знать моего имени, но будьте уверены: я заинтересован в вашем благополучии и приложу все усилия к тому, чтобы

вы как можно скорее освободились от навязанных вам обязательств.

Не волнуйтесь о вашем дорогом отце, он пока пребывает в уверенности, что вы отправились на курорт. Ваша разлука не продлится долго, обещаю вам.

Ваш, смею надеяться, друг.

П.С. Как только вы дочитаете, письмо самоуничтожится».

Вашу мать...

Выпустив бумажку из рук, Ринка ошарашенно смотрела, как та сгорает в синем бездымном пламени. И совершенно не удивилась, когда горящая бумажка коснулась ее босой ноги – легко, щекотно и без малейших признаков жара.

И только когда бумажка исчезла совсем, – Ринка наклонилась и провела пальцем по паркету, убеждаясь в отсутствии пепла, – мэтр Джованни отмер и снова позвал мадам Шанталь.

Она тут же вкатилась в комнату, а за ней – помощницы с тканями, коробками...

Ринка отстраненно подсадовала на «неизвестного доброжелателя». Если бы не записка, она бы, наверное, сумела насладиться выбором наряда. Когда-то ей безумно хотелось почувствовать себя Джулией Робертс из «Красотки», примерить сотню платьев, и чтобы вокруг все суетились и спешили ей угодить. Нормальная мечта нормальной неизбалованной девушки. Но сейчас она даже смотреть не могла на наряды, ей казалось, что ее одевают в погребальный саван.

Чертово артистическое воображение! Еще немного, и она начнет читать монолог Офелии!!!

– Мадам Шанталь, – она прервала хозяйку салона на полуслове. Все равно ж не понимала, что ей говорят. Шок, он такой шок. – Можно мне чего-нибудь сладкого? Кажется, я немного волнуюсь.

Мадам тут же завохтала, и по мановению пухлой руки рядом с Ринкой явился поднос с крохотными пирожными.

Вкусными. Очень сладкими и очень вкусными!

– ...ваша светлость не против цвета росистого луга? Конечно, можно еще лавандовый...

Чья-то рука с салфеткой поймала на лету крошку последнего пирожного, чтобы та не запачкала нечто шелковистое, во что Ринку задрапировали.

– Спасибо... я... – Ринка закашлялась, прочищая горло: от нервов она всегда хрипела и сипела. – Я всецело доверяю вашему вкусу, мадам.

Она попробовала улыбнуться, но у нее не получилось.

И черт с ней, с дипломатией. Надо немножко подумать и успокоиться, а то сейчас будет истерика. Вот мама точно бы уже кидалась посудой, вопила, топала ногами и падала в обморок, но она-то не опереточная примадонна, она – студента биофака, без пяти минут магистр. Не зря же папа и бабушка учили ее научному подходу. Вот только собрать бы мысли в кучку!

Но мысли совершенно не желали собираться ни в какую кучку. Разбегались, как тараканы. И в голове вертелось попеременно: черный вдовец, товарищ Штирлиц, кому выгодно, «в поликлинику, на опыты» и «ничего лично, все ради науки».

Друг, мать его Ктулху! С такими друзьями и врагов не надо!

Пока ее одевали и обували, Ринка старательно дышала. Ровно. И повторяла наизусть теорию биогенеза.

И даже смогла не расплакаться от растерянности и бессилия.

– Ваша светлость прекрасны. Его величество будут поражены в самое сердце, – заявила мадам Шанталь, оглядывая творение рук своих. – Мими, зеркало, быстро!

Волшебное создание в зеркале Ринка не узнала. Серебристо-зеленоватое платье что-то такое магическое сделало с ее фигурой и цветом кожи, и цветом глаз тоже, и вообще...

Отстраненно подумалось, что если бы ее сейчас увидел Влад, он бы точно не сказал «дура, где ты, а где я!»

Он бы наверняка пожалел, что бросил ее.

И его родители... Ринка как наяву увидела презрительно-сочувственную гримасу Владовой маменьки, растившую мальчика не для какой-то там тупой и навязчивой девчонки, отец которой – всего лишь завлаб в подмосковном НИИ. Ее мальчика ждет как минимум Принстон, мировая слава и невеста с миллионным приданным. А она... она... она должна понимать, что не имеет права ломать мальчику жизнь... что не нужна ему...

Зато нужна каким-то подозрительным личностям, и наверняка – на опыты, как лягушка...

– Ваша светлость? Мими, что ты стоишь, соли, быстро! – послышалось словно сквозь толщу воду. – Откройте же окно!

От ужасной вони нашатыря Ринка задохнулась – и очнулась.

В незнакомой комнате, среди незнакомых людей. В чужом мире. На пороге своей личной войны, стопроцентно – с превосходящим противником и за собственную жизнь.

Чьи-то руки спешно распускали корсет, чьи-то поддерживали ее по

локти, а мэтр Джованни махал на нее огромным веером.

– Простите, ваша светлость, сейчас все исправим... вот так не слишком туго? Вдохните глубже, прошу вас! – суежилась вокруг мадам Шанталь.

Ринка послушно вдохнула. Сфокусировала взгляд на отражении в зеркале. Улыбнулась ему, как публике в зале. Просто представим себе, что это – экзамен в театральное, и ей всего лишь надо сыграть... нет, не Офелию. Что-то другое. Но что именно – она пока не понимала, слишком мало данных.

– Все в порядке, мадам Шанталь. Не нужно распускать сильнее.

– Благодарю, ваша светлость, – мадам облегченно выдохнула. – Его светлость будет через минуту, идемте.

Ринка позволила вывести себя обратно в салон. Идти в новых туфлях было неудобно, и Ринка хотела попросить их заменить, но не успела. В салон вошел Людвиг.

Он снова был в черном, но на этот раз – никаких сапог и кожаных плащей. Сюртук (или что-то очень похожее, длиной до середины бедра), белоснежная рубашка, белоснежный шейный платок с бриллиантовой булавкой, строгие брюки, блестящие туфли. Белые перчатки. Через руку перекинут длинный черный плащ на алой подкладке.

Ринка невольно залюбовалась, так он был похож на молодого Дворжецкого: не мармеладный красавец, но какая порода, какая харизма!..

Ему бы Ричарда Третьего играть. Или Борджиа.

Понять бы, какая роль уготована ей, и как бы попасть на место режиссера в этой постановке!

– Что ж, неплохо, – кивнул Людвиг и подошел к Ринке, на ходу доставая из кармана что-то... – Последний штрих, дорогая. Замрите.

Она послушалась, и даже почти не вздрогнула, когда ее шею коснулось холодное и тяжелое. А затем – ее запястье сквозь перчатку.

Опустив взгляд, она обнаружила на запястье нечто безумно дорогое и старинное, из белого золота с хризолитами и черными сапфирами. Машинально дотронулась до обвинившего шею кольца, наверняка столь же дорогого и красивого, но очень похожего на ошейник. Дорогой, красивый ошейник.

– Идемте, фрау, – велел Людвиг.

Ринка поежилась от сквозившего в его голосе холода. Словно он был недоволен увиденным.

Где-то в глубине души стало обидно, что ее не оценили. Она, может, первый и единственный раз в жизни такая красавица!

И где-то рядом, все в той же глубине души, стало смешно. Она на войне, ее жизнь в опасности, а она думает о таких глупостях! Как будто ее брак с герцогом Бастельеро – не фарс, а романтическая история любви.

Уже перед самыми дверьми кто-то из девушек мадам Шанталь накинул ей на плечи невесомую пелерину из серебристой лисы.

На миг Ринка пожалела, что те две змеюки уже покинули салон. Сейчас бы они не посмели заикнуться о бедняжках и помойке. Впрочем, теперь Ринке было глубоко наплевать на змеюк, у нее были проблемы куда серьезнее.

– Я должна что-то знать о дворцовом этикете? – спросила она, когда мобиль выехал из переуллка.

Ей хотелось спросить совсем не об этикете, но выдать себя сейчас – это похоронить надежду на спасение. Нельзя показать супругу, что она знает гораздо больше, чем при их последней встрече. А доверяет ему еще меньше, если такое вообще возможно.

Людвиг покосился на нее с удивлением, словно кукла вдруг заговорила.

– Ведите себя естественно, первой ни с кем не заговаривайте, на вопросы отвечайте без излишних подробностей. И ни в коем случае не упоминайте, что вы из другого мира.

– Но что мне тогда говорить?

– Что вы из... как называется ваша страна?

– Россия, город Москва.

– Значит, Россия. Вы из провинции, древний обедневший род. Вы прибыли только сегодня утром, не порталом, все перемещения легко отследить, а в карете. Почему вас выдали за меня, вы не знаете и родителей не спрашивали, потому что вы – хорошо воспитанная почтительная дочь. Это самое главное, о чем вам нужно помнить: скромность и послушание. Вы хорошо меня поняли, фрау?

Посчитав до пяти и проглотив вертевшееся на языке «яволь, майн фюрер», она очень, очень ровно ответила:

– Да, ваша светлость.

А потом прикрыла глаза и начала перечислять типы хромосомных чисел. Отличный способ справиться с нервами. Супругу она достойно ответит потом, когда во всем разберется. В конце концов, она герцогиня или хрен собачий?..

Не зря же добрая половина ее детства прошла в Московском Театре Оперетты. Ни опера, ни оперетта, ни мюзикл Ринке больше не светят, но это не значит, что она бездарность и не сумеет сыграть роль герцогини. Не

леди Макбет, железный характер показывать не стоит, да и нет в ней железного характера. Пожалуй, еще не поздно изобразить Адель из «Летучей мыши». Наивным блондинкам многое прощается.

Вот за оставшиеся пару минут – уже показался дворец, маленький, но очень нарядный, словно пряничный – и надо вжиться в роль. Пары минут вполне достаточно.

– Расскажите немного о короле. Он старый? – слегка, чтобы не переиграть, похлопав ресницами, спросила она.

– Нет. Ему всего тридцать два года, – сухо ответил Людвиг.

– А вам?

– Двадцать восемь.

– А не скажешь... – протянула Рина, оглядев супруга и еще раз хлопнув ресницами. – Выглядите старше.

«Лет на десять», – не добавила она, хоть и хотелось. Холодный, мрачный эгоист. Как будто родился стариком. И вовсе он не харизматичный, а жуткий. Как Дракула.

– Вас это смущает? – тон Людвиг стал совсем холодным.

– Нет. Совершенно не смущает. Скажите, а вас не смущает, что ваша супруга явится на прием э... дура душой?

– Нет. Совершенно не смущает, – Людвиг обернулся к ней с людоедской улыбкой. – Кстати, мы приехали.

– Мр-р мя? – раздалось с заднего сидения.

– Посиди тут, мы скоро, – неожиданно мягко ответил Людвиг кошке и ласково погладил ее между ушей.

Собака страшная, сердито подумала Ринка. Подлиза. Дрянь мохнатая. Не сбежала бы.

И только когда ливрейный лакей открыл ей дверь мобиля, подняла взгляд на дворец. Пряничные домики опасны, это каждый ребенок знает. А кто предупрежден, тот вооружен. Так что здравствуй, второй квест. Кстати, его герцогиня Бастельеро начинает уже не в таком глубоком минусе. А, скажем, всего лишь с десятью очками ниже нуля и джокером в рукаве.

Справимся!

Глава 4, о суровых буднях контрразведчика

Виен, Астурия. Королевский дворец

Людвиг

Как Людвиг и рассчитывал, утренний прием был в самом разгаре. Чопорный дворецкий, которого кузены знали еще с детства, встретил его у двери в Утренний зал.

– Как представить спутницу вашей светлости?

Когда Людвиг сказал «герцогиня Бастельеро», дворецкий и глазом не моргнул.

Зато, стоило ему объявить герцога с супругой, на зал упала оглушительная тишина.

Людвиг протянул Рине руку, девушка грациозно на нее оперлась, и они вошли в зал. Он усмехнулся про себя, оглядывая немую картину: шок, любопытство, возмущение и снова шок. Особенно это прекрасно выглядело в исполнении ее высочества Бастельеро-Хаас. Матушка, которая не может и слова сказать – о, этим шедевром Людвиг готов был любоваться вечно.

Сестрицы, не достигшие пока матушкиных высот в придворном этикете, вылупили глаза и готовы были рухнуть в обморок. Несостоявшаяся невеста пыталась скрыть замешательство и злость за модным хмирским веером. Надо же, ее благостное личико умеет выражать эмоции, кто бы мог подумать! Посол Франкии улыбался с ехидцей, а стоящий рядом с ним франк с военной выправкой был слишком спокоен, чтобы поверить в его равнодушие. Кстати, франк выглядит знакомым... точно! В Астурию пожаловал барон де Флер, рыцарь Ордена Лилии. Шпион. Утро становится все увлекательнее!

Остальные придворные, как всегда при его появлении, едва скрывали страх, круто замешанный на зависти и брезгливости. Кретины.

Людвиг любезно улыбнулся и обвел их всех взглядом, наслаждаясь гаммой эмоций на лицах. Впрочем, недолго. Матушка отмерла первой и успела сделать к Людвигу шаг, наверняка намереваясь закатить очередной скандал, но тут открылись другие двери (четкое планирование и хронометраж – великая сила!), и по залу разнеслось торжественное:

– Его величество Гельмут Четвертый, милостью Единого король Астурии!..

Привычно отключившись от перечисления титулов и подвластных кузену земель, Людвиг склонил голову (и спрятал ухмылку). Он точно знал,

что кузен не удержится и подойдет. Сразу. С его прекрасным зрением невозможно не заметить на запястье фрау Рины фамильный браслет Бастельеро.

И, разумеется, не ошибся. Четкие, как по плацу, шаги короля звучали все ближе...

– Людвиг! Ты женился?

– Как ваше величество и желали, – Людвиг добавил в тон верноподданнического меда.

– Прелестно, просто прелестно... – пробормотал кузен, разглядывая фрау Бастельеро; издевку Людвига он проигнорировал. – Где ты нашел этот юный невинный цветочек? Как ваше имя, милое дитя?

Людвигу стало смешно. Невинный цветочек, как же. Держите руки подальше, кузен, пока их вам не откусили.

– Рина Бастельеро, в девичестве Ланская, ваше величество, – шепнул с придыханием прелестный цветочек, взмахнул пушистыми ресницами и присел в реверансе.

И это – выскочившее из портала чучело, дравшееся с двумя бродягами не хуже уличного мальчишки? Уж не поторопились ли вы, герцог Бастельеро, с браком? Не похожа ваша супруга на тихую и покорную девицу. Даже на дочь обедневшего рода не похожа. Предположим, красотку из нее сделала мадам Шанталь – за такие-то деньги! Но простолюдинку как не одевай, все равно видно подлое сословие. А эта... нет, определенно дворянка. Слишком уверенно держится, никакого трепета перед королем, и реверанс явно делает не в первый раз. Если бы Людвиг сам не видел, как ее принесло стихийным порталом, заподозрил бы шпионку экстра-класса. Но вряд ли дорогие соседи научились ставить порталы в иные миры, и даже если бы научились – слишком большая пушка, чтобы из нее стрелять по Людвигу.

Хотя если целились не в него, а в Гельмута, то почему бы и нет. Астурия – кусочек маленький, но лакомый. Перекресток торговых путей, выход к морю, практически неприступные горы с двух сторон, золотые рудники... и страшно таинственный жупел в виде рода Бастельеро, о чем тоже не стоит забывать.

М-да. Вместо замарашки – очаровательная аристократка, вместо не разбирающейся в местных реалиях иномирянки – шпионка. Похоже, дорогой герцог, вас изящно поимели.

Тем временем Гельмут облобызал ручку фрау Бастельеро, отпустил еще пару комплиментов, продолжая держать ее ладонь в своей. Будь на его месте кто другой, Людвиг бы уже вызвал его на дуэль, но король может

себе позволить нарушить все правила приличия. Только пусть не думает, что Людвиг отойдет в сторону и опять позволит наложить королевскую лапу на свою собственность. И плевать, шпионка его жена или не шпионка!

Фрау Бастельеро, ничуть не смущаясь августейшего внимания, разглядывала Гельмута с неподдельным восторгом. Но лишнего не говорила – только «благодарю, ваше величество, вы так добры, ваше величество».

Что ж, не стоит удивляться, что еще одна его жена возмечтала попасть в королевскую постель. Гельмут, в отличие от Людвига, галантен и красив. Белокурый, высокий, с мужественными резкими чертами, темно-синий мундир подчеркивает широкие плечи и военную выправку. Идеальный герой-любовник из обожаемых сестрицами бульварных книжонок.

А за парадным фасадом скрывается расчетливая сволочь, как и положено крепко сидящему на троне королю.

– И когда же вы поженились? – Гельмут протянул руку, и Людвиг с поклоном вложил в нее брачный контракт.

– Полтора часа назад, ваше величество.

Гельмут быстро пробежал по серой дешевой бумаге глазами.

– Великолепно. Я ценю твою исполнительность, дорогой кузен, – Гельмут еще раз окинул новобрачную оценивающим взглядом, задержавшись на декольте, и медленно, с намеком растянул губы в улыбке. Придворные немедленно зашушукалась, делая ставки за и против новой королевской фаворитки. – Фрау Рина, я ненадолго похищу вашего супруга. Не скучайте.

Виен, Астурия. Королевский дворец

Рина

Скучать? В этом блестящем серпентарии? Да его величество шутник, однако.

Ринка молча сделала реверанс и похлопала ресницами а-ля кукла Барби. А его величество, мать его Ктулху, милостиво потрепал ее по щеке.

На королевскую милость немыслимо хотелось щелкнуть зубами, но Ринка сдержалась. Глупо будет в первый же день в новом мире оказаться за решеткой по обвинению в покушение на короля.

Впрочем, когда король подмигнул ей и увел супруга (злого, как тысяча чертей), Ринка на миг даже пожалела об отсутствии решетки между ней и придворными. Уж очень многообещающе на нее смотрели. Примерно как стая акул на толстого, вкусного туриста, заплывшего на середину Красного моря.

Прикусив изнутри щеку, чтобы отогнать подступающую панику, Ринка

огляделась в поисках укромного местечка, где она могла бы укрыться. Но в чертовом зале не нашлось ни колонн, ни цветов, ни мебели, только окна по обеим сторонам и три двери: через одну они с Людвигом вошли, в противоположную только что ушел король, а из третьей показался слуга с подносом, уставленным бокалами.

Что ж, хотя бы отступить к окну, пока господа придворные угощаются.

Рассеянно-высокомерно улыбнувшись и еще сильнее расправив плечи, Ринка направилась к ближайшей оконной нише, хоть плохонькое, да укрытие. Буквально через мгновение она вздрогнула, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Невольно обернулась – и встретила глазами с... Петром?! Нет, не может быть!

На миг замерев, Ринка рассматривала незнакомца, так похожего... и лицом, и мимикой, и даже осанкой. Даже любовью к темно-синим, в тончайшую полоску, пиджакам! Вот только вместо пиджака на незнакомце был сюртук, темно-русые волосы обильно серебрились, и лет ему было не меньше пятидесяти.

Зато улыбка, – а незнакомец ей улыбнулся, отсалютовав бокалом, – та сама. Петина.

Ринке немислимо захотелось подойти к нему, спросить... что спросить? Не знаете ли вы Петра Георгиевича Костомарова, администратора Сколковского Научного Центра? Ага. И загреметь в поликлинику, на опыты.

Спокойствие, Агриппина Николаевна, спокойствие. Никому нельзя доверять, если только местная наука вам не дороже собственной жизни.

С трудом заставив себя изобразить в ответ все ту же рассеянную улыбку утомленной кинозвезды, Ринка отвернулась и продолжила стратегическое отступление к окну.

– ...вы слышали, дорогая, сегодня на рассвете над Виен видели драконов! – донеслось до Ринки от ближайшей группы придворных, мимо которых она намеревалась проскользнуть.

– Да что вы говорите, дорогая!

– В «Утреннем Герольде» писали...

– Ах, как можно верить...

– Я сам видел, милые дамы, два самых настоящих...

– ...может быть, у них свадебное путешествие?..

– ...подожгли тот самый дуб, барон побежал жаловаться в магистрат, но это же драконы...

– А вот моя милая Гретхен...

– Попробуйте средство мэтра Джованни, хотя вашей дочери вряд ли

поможет...

Ринка очень старалась проскользнуть незамеченной, но как назло, незнакомые дамы перегородили ей дорогу, а одна из них обернулась, и...

– Ваша светлость! Сегодня чудесная погода, не правда ли?

– Несомненно, – Ринке пришлось остановиться и ответить. – Простите, мы не были представлены...

– Графиня Шмульц, к вашим услугам, – дама обозначила реверанс. – Ах, такой сюрприз, такой сюрприз!

Маневр не удался, с тоской подумала Ринка, улыбаясь окружающим ее дамам и кавалерам, до ужаса похожим на пираний в стразиках.

– Никто и не знал о вашей помолвке. Давно ли вы знакомы с герцогом?

– Когда вы прибыли?

– У вас такой необычный акцент...

– Почему вас никто не видел?

– Никогда не слышал о роде Лаанска, вы в самом деле из России?

– А где располагаются ваши земли? Какой титул носит ваш батюшка? Есть ли в вашей семье дар? Правда ли, что... – со всех сторон посыпались вопросы, и что-то ей подсказывало, что господа придворные от любопытства положили на этикет большой желтый банан.

– Ах, господа, вы заставляете меня смущаться, – почти пропела она, вспомнив мамины уроки актерского мастерства, и похлопала ресницами. – Я так признательна вам... Такая теплая встреча... его светлость Людвиг говорил, что Виен – самый гостеприимный город на свете, но я не ожидала... вы так добры!..

Пираньи слегка опешили. Как же, их назвали добрыми! Увы, не все. Вперед выступил старичок крайне важного вида, с тростью и кокетливыми седыми локонами. Он представился каким-то там бароном, Ринка не разобрала длиннющей немецкой фамилии, и приступил к допросу:

– Так когда вы, говорите, прибыли?

Ах ты, старый дотошный пень! Чтоб тебя супруга так допрашивала каждый вечер!

– Только сегодня утром, – Ринка расцвела сияющей улыбкой и опять похлопала ресницами. – Моя матушка совершенно не доверяет порталам, но путешествие было таким интересным! О, ваша прекрасная страна произвела на меня огромное впечатление!.. Такие прекрасные виды! Но я не видела ни одного клюквенного сада, неужели у вас не растет клюква? Ах, у матушки она вырастает такой развесистой, вы себе не представляете!.. Вы когда-нибудь пили чай под развесистой клюквой?..

Старикашка аж покачнулся, но уперся тростью в пол и вознамерился

задать новый вопрос, но Ринка не дала ему и рта раскрыть.

– Матушка велела мне не разговаривать с незнакомыми мужчинами, это ужасно опасно, но ведь с вами-то можно, правда? Вы так похожи на моего пра-прадедушку, боярина Малюту Скуратова!..

– Откуда вы, милое дитя? – сумел вклиниться в монолог старый пень. И кустистые брови нахмурил. Жуть как грозно, ага.

– Из России, господин барон, наше поместье Черноголовка, что в Ногинском округе...

– Я не помню такой фамилии!

Да черт бы тебя побрал, зануда!

– Ах, это так прискорбно! Батюшка в таких случаях советует принимать винпоцетин, вы знаете, нарушение мозгового кровообращения опасно в любом возрасте. Вот у нас в оранжерее растет удивительное растение с южных островов, гинко билоба, его листья обладают совершенно уникальными свойствами. Чрезвычайно полезно для цвета лица!

Пока старикашка от возмущения пучил глаза и хватал воздух ртом, в разговор вклинилась та самая графиня, Шмульц, кажется:

– Так вы маг?

– Нет, что вы. Я всего лишь скромная и послушная дочь моего отца. Вот мой батюшка, да, он великий маг и ученый...

На половине фразы Ринка поняла, что сказала что-то не то. Не уважают здесь нетитулованных ученых. Но придумывать неизвестную благородную фамилию – опасно, хоть и очень хочется заткнуть всех этих блестящих акул.

– Ах, ученый... – разочарованно протянула графиня.

– О да, мой батюшка – доктор наук. В нашем просвещенном государстве... – Ринка не успела закончить фразу, как ее прервал глубокий, хорошо поставленный бас с совершенно Петиными интонациями:

– ...звание доктора наук ценится куда выше древнего боярского титула, не так ли, ваша светлость? – импозантный незнакомец непринужденно отодвинул напыщенного старикашку с тростью, причем никто ему и слова не посмел сказать. Судя по реакции придворных, басовитый господин пользовался тут авторитетом лишь чуть меньшим, чем сам король, а еще им восхищались, перед ним заискивали и его боялись. Серый кардинал? Госбезопасность? Соседский король на каникулах? – Простите, что вмешался в беседу, но не мог упустить случая засвидетельствовать свое почтение дочери дорогого коллеги. Доктор Петер Курт, граф Нюрбрег, глава Астурийской Академии Наук.

Доктор Петер (где моя лаборатория с сотней научных сотрудников и бюджетом в миллиард баксов, чтобы исследовать совпадения между мирами?! И порталы! И взаимодействие! И... и... все исследовать!!!) грациозно поклонился. Он буквально излучал дружелюбие и безопасность. Почти как Петр.

Вот бы сейчас вернуться домой, к Пете! Милому, надежному, предсказуемому, безопасному Пете! Я бы выслушала сто лекций о безопасности жизнедеятельности! Я бы научилась готовить его любимые котлеты из индейки! Я бы что угодно сделала, лишь бы домой. И к чертям приключения! А исследовать можно и дома, в универе хоть три лаборатории можно набрать!

Но вместо того чтобы броситься к доктору Петеру на шею и завопить «Петенька, заberi меня отсюда, я никогда больше не забуду зонтик!», Ринка протянула руку для поцелуя и светски улыбнулась. Разумеется, намного теплее, чем окружающим змеюкам.

– Счастлива знакомству, доктор Курт. Батюшка отзывался о вас с огромным уважением.

– Благодарю, ваша светлость. Ваш батюшка, доктор... э...

– Николай Ланской, генетика. Вряд ли вы знакомы с его монографией об экспрессии чужеродных генов в клетках грамотрицательных бактерий...

Конечно, это был выстрел на удачу, но Ринка рискнула. Генетика, судя по растениям невероятных расцветок, здесь известна. И, судя по резко поскучевшим мордам придворных, не слишком-то интересна благородному обществу.

– Экспрессия генов? Чрезвычайно интересно, хотя моя основная специализация лежит в другой области. Исследования порталов, которым так не доверяет ваша матушка. И могу вам сказать по секрету, в чем-то она права, – доктор Курт заговорщицки подмигнул Ринке. – Я был бы очень рад познакомиться с вашим батюшкой, если он найдет время посетить Астурию...

– Вряд ли, многоуважаемый доктор Курт, – прервал его незнакомый тенор. Уверенный, резковатый и до дрожи в коленках начальственный. – Доктор Ланской не собирается покидать родину, не так ли, герцогиня?

Ринка подняла глаза на новое действующее лицо и обомлела. Вот иначе и не скажешь. Перед ней явилась воплощенная девичья мечта, достойная играть Ахиллеса в «Трое», и пусть Бред Питт удавится от зависти. Честно. Мужчин такой красоты нельзя выпускать на улицу во избежание массовых беспорядков.

Какое счастье, что у нее иммунитет на белокурых бестий! Даже почти

аллергия! В Астурии (ага, теперь она хоть знает, как называется местная Австрия и местная Вена) иммунитет к красивым блондинам необходим примерно так же, как прививка от малярии в Африке.

– Прошу прощения, я не представился. Герман Энн, граф Эннский, коллега вашего супруга.

– ...и генерал Оранжереи, – доктор Курт поморщился с видом доброго дядюшки, уставшего от гиперактивных племянников, а Ринка на миг зависла: генерал Оранжереи, какое странное звание! – Вы, как всегда, некстати, дорогой граф. Я только собирался пригласить фрау Бастельеро выпить чашечку чая и поговорить о ее батюшке.

– С удовольствием, доктор Курт, – улыбнулась ему Ринка. – Если мой дорогой супруг не будет против.

– Возможно, и не будет, – граф Энн одарил ее теплым взглядом (иммунитет, ау!) и жестом подозвал лакея. – Для меня чрезвычайно приятной неожиданностью явился выбор Людвига. Признаюсь, я опасался, что третий его брак окажется не более счастливым, чем первые два. Но вижу, опасался зря.

Рика потупилась и захлопала ресницами с удвоенной силой.

А доктор Курт тем временем поклонился:

– До встречи, герцогиня, – и растворился в толпе.

Впрочем, господа придворные тоже растворились. То есть отошли на почтительное расстояние – метра три, не меньше.

– Будьте осторожны с доктором Куртом, фрау. – Граф Энн вручил Ринке бокал с белым вином. – У доктора весьма непростые отношения с Людвигом, не хотелось бы, чтобы вас использовали в ненужной вам игре.

– Вы думаете?..

– Ваш батюшка не предупредил вас, что не следует распространяться о подробностях его работ? Генетика, дорогая фрау, это очень перспективное направление науки. И очень опасное. Удивительно, как ваш государь разрешил вам выйти замуж за герцога Бастельеро. Кстати попробуйте рейнское, урожай тридцать первого года. Удивительный букет.

Ринка машинально поднесла бокал к губам, отпила – в самом деле вкусно, и вроде не слишком крепко. А во взгляде графа Энн мелькнуло что-то такое, знакомое. Как у профессора Карима Демина, расчленяющего труп в анатомическом театре.

Ринке аж полегчало. По крайней мере, соображение чуть вернулось, а желание выложить милейшему, очаровательнейшему, добрейшему графу всю свою попаданческую подноготную утихло. Не до конца, но все же.

И желание броситься на шею доктору Петеру – и выложить

подноготную ему – тоже привяло.

Зато стало страшновато. Кто знает, может быть, они тут все маги, гипнотизеры, телепаты и Ктулху знает что еще! А она вообще не в курсе, что тут за магия, как работает и, главное, как ей рядом с этими клятыми магами выжить. Особенно умудрившись заинтересовать своей скромной персоной самого генерала КГБ (прелестное чувство юмора у местных, назвать госбезопасность Оранжереей!), главы Академии Наук (в родной России и почти родной Европе – анаконда не менее смертоносная, чем генералы безопасности), короля (тут вообще ноу комментс, ховайся кто может) и выйти замуж за некроманта.

Некроманта, Карл!!!

И, чтобы не скучно было, настоящего полковника и герцога.

Мама. Мама! Роди меня обратно!

– ...не стоит бояться, прекрасная фрау Рина... вы же позволите называть вас по имени? Моя супруга будет счастлива познакомиться с вами.

– Благодарю, это такая честь для меня! – на всякий случай Ринка присела в реверансе, напрочь забыв о бокале с вином.

– Осторожно, – граф придержал ее под руку, и Ринка с легким ужасом увидела, как замерло вылившееся из бокала вино, а потом вернулось обратно. – Поверьте, на свойства вина это не повлияло.

Он одарил Ринку еще одной теплой улыбкой и только собирался что-то еще сказать, как рядом материализовался очень серьезный господин в сером с золотом мундире.

– Генерал, его величество желает вас видеть.

– Прощу прощения, – граф приложил к ее руке. – Надеюсь, мы вскоре увидимся в менее формальной обстановке.

– Несомненно, граф.

Настоящий генерал Оранжерее ушел сквозь расступающуюся перед ним толпу, строевым шагом, под обстрелом восхищенными дамскими взглядами. А Ринка в задумчивости отпила еще вина. Подумать было о чем, хотя выводы пока сводились к одному: она влипла по самые уши в чью-то опасную игру. И надо срочно, немедленно разбираться, кто тут против кого играет! И никому, ни за что не доверять! Особенно тем, кому доверять очень хочется.

– Мило, – раздалось рядом тихое, полное яда сопрано.

– Не могу с вами не согласиться, дорогая, – обрадованно отозвалась Ринка.

Без дураков, явление этой холеной, холодной шуки в кружавчиках и золотых локонах Ринку обрадовало, как глоток свежего московского смога

после дебрей Амазонки. Знакомое и родное бабское зло. Даже кукольным личиком похожа на заклтую мамину подругу, еще одну приму Оперетты. Интересно, ее не Анжеликой ли звать?

– Зря радуетесь, дорогая, – ласково прошипела змеюка.

– Не имею чести быть с вами знакома, – нежно улыбнулась Ринка.

– Мефрау Амалия Вебер, – принужденный реверанс в исполнении змеюки согрел Ринкино сердце, как и отсутствие титула. По крайней мере, эта будет поменьше задирать нос... и где-то уже Ринка слышала это имя... где? Когда?..

Перед глазами мелькнул салон мадам Шанталь и змеюка с лорнетом.

Точно! Несостоявшаяся невеста Людвига! Наверное, если бы тут было поменьше свидетелей, она бы убила конкурентку. Придушила. И растерзала острыми наманикюренными когтями.

– Милое платье, Амалия, – в голосе Ринки невольно проскользнуло сочувствие: дама, похоже, рассчитывала получить титул, а господин некромант изволили ее прокатить, да на виду у всего бомонда.

Щучка одарила Ринку убийственным взглядом поверх змеиной улыбки.

– Благодарю, ваша светлость. Надеюсь, вы любите белое, ведь вам так скоро придется его примерить. Конечно, если вас не похоронят в закрытом гробу, как бедняжку Эльзу.

– Ваша забота так трогательна, дорогая, – Ринка демонстративно отпила из своего бокала; сочувствия в ней поубавилось. – Рейнское прекрасно. Почти как наша клюквенная наливка. Вы любите клюквенную наливку?

– Вряд ли алкоголь вам поможет, дорогая. Хотя, конечно, если вы хорошенько напьетесь, вам будет не так страшно. Еще вина?

– Не стоит, дорогая... простите, не запомнила вашего имени. Здесь так много людей, – Ринка похлопала ресницами: нельзя выходить из роли блондинки.

– После вашей глуши, наверное, сложно находиться в приличном обществе. Сочувствую, дорогая. Но не беспокойтесь, вам не придется выходить в свет. Как вы уже поняли, Бастельеро – не самая любимая в Виен фамилия.

– А мне нравится. Фамилия с такой интересной историей! А Людвиг так романтичен! – от хлопающих ресниц Ринки в зале уже должен был подняться ураган. – Говорят, Людвигу сватали другую девушку. Вы представляете! Ах, бедняжка, наверное, ей очень нелегко будет показаться людям на глаза... я ни в коем случае не осуждаю Людвига, он не мог

рассказать о нашей помолвке раньше, ну, вы же понимаете, государственная безопасность требует... Но по отношению к бедняжке это так жестоко! Мне так ее жаль! – Ринка, словно не видя задыхающейся от ярости Амалии, вытащила из ридикюля белоснежный платочек с монограммой Бастельеро и дотронулась уголочком до совершенно сухого глаза. Левого.

– Не стоит жалеть, дорогая, – голос Амалии можно было разливать по пробиркам и продавать за большие деньги в качестве страшного яда. А может быть и как начинку для ядерных боеголовок. – «Бедняжка» гораздо счастливее вас, ведь не ее убьет проклятие.

– Правда? О, расскажите же скорее, дорогая! Что за проклятие? Кто его наложил? А за что? А почему? А... о, дорогая, рассказывайте же!

Несколько секунд в Амалии явственно боролись вредность и подозрительность. Вредность победила. Или желание напугать дуру иностранную.

Ага, щас. А то Ринка сказок про черную-черную руку в детсаду не рассказывала!

– Бастельеро – возлюбленные Смерти, – Амалия понизила голос. – Им не дано любить никого, кроме своей ужасной госпожи. А жен Бастельеро убивают. Превращаются в чудовищ и рвут на части. А потом поднимают! Вы даже сами не поймете, живы вы или уже стали умертвием.

– Ах! – послушно «испугалась» Ринка. – Не может быть!

– Еще как может. Проклятие меняет того, на кого упадет. Вы вряд ли знаете, что герр Людвиг родился милейшим мальчиком. Белокурым, красивым, как его величество Гельмут! Они в детстве были похожи, как две капли воды. А потом проклятие коснулось герра Людвига, и он изменился. В одну ночь! Он весь почернел, все вокруг него стало чахнуть, умирать и ломаться, а его характер... поверьте, дорогая, вам придется с ним очень нелегко. Он ненавидит все живое!

– Но почему он?.. – «стал черным-черным некромантом», хотелось добавить Ринке, но она боялась истерически рассмеяться. Людвиг – белокурый ангелочек а-ля Гельмут? Прелестно, совершенно прелестно!

– Смерть забрала его дядю, предыдущего герцога Бастельеро, вместе с наследником. Никто не знает, что там случилось на самом деле. Может быть, напали твари с Пустоши. Замок Бастельеро стоит на самом краю Пустоши... – Амалия передернулась и побледнела. – Знаете, я на самом деле рада, что мне не придется ехать туда и спать с герром Людвигом. Он... он ужасный. Никакое состояние, никакой титул этого не стоит. И если бы мой сын стал таким же, как герр Людвиг... Нет, лучше в монастырь!

Ринка опешила, так внезапно переменилось настроение меффрау Амалии. Рассказывая о проклятии, она не издевалась – она боялась. До истерики.

– Амалия, нельзя же верить сказкам... – теперь и Ринке стало не на шутку страшно.

– Бегите от него. Бегите, фрау, как можно быстрее и как можно дальше. Может быть, вам повезет, и вы останетесь в живых. Сохрани вас Единый! – Амалия быстро обрисовала щепотью круг и, развернувшись на каблуках, сбежала.

А Ринка поймала себя на том, что изо всех сил сжимает ножку бокала. Все еще наполовину полного. Впрочем, когда она увидела, кто к ней приближается – тут же передумала и постановила считать бокал наполовину пустым.

Глава 5, о делах семейных и государственных

Виен, Астурия. Королевский дворец

Людвиг

Кузен, выслушав честный рассказ Людвига о женитьбе (но не о подозрениях на шпионаж), несколько минут искренне смеялся. А потом, велел секретарю найти и привести Германа, налил себе рейнского и с таким же искренним интересом спросил:

– Ну и что ты собираешься делать с иномирянкой?

– Наследника, – пожал плечами Людвиг и тоже налил себе рейнского. – Иномирянка в этом плане ничуть не отличается от наших девиц. Разве что капризничать будет поменьше. Кстати, дорогой кузен, неужели она тебе понравилась настолько, что ты перестал думать о собственной безопасности?

Гельмут снова засмеялся и похлопал Людвига по плечу.

– Не ревнуй, братец. Мефрау Лорелей меня вполне устраивает, а честь подхватить иномирскую заразу я предоставляю тебе. Но, чур, потом не жаловаться.

– Помнится, ты примерно то же самое говорил, когда я женился на Эльзе.

– Ты сравнил! Эльза... м... Эльза! Огонь, а не женщина! А ты ее все равно не любил. Разве можно оставлять такую женщину в одиночестве, а, кузен? Я всего лишь выручил тебя. По-братски.

– Тронешь Рину, я тоже что-нибудь сделаю, исключительно по-братски.

– Никак ты угрожаешь своему королю?

– Упаси Баргот, братец! Я защищаю своего короля, не щадя здоровья. Кстати, надо бы посоветоваться со специалистами по проклятиям: к кому перейдет мой дар, если у меня так и не будет наследника, а я помру во цвете лет? Мы же с тобой родня не только по моей матушке. Твоя бабка была из рода Бастельеро... так что ты, дорогой брат, мой самый близкий родич мужеска полу. Наверное.

Гельмут поморщился, словно лимон откусил, и поднял бокал:

– За твоё здоровье и плодовитость, брат. Чтоб наследников у тебя было... много, короче. И быстро!

– Отличный тост, ваше величество, – раздалось от двери.

– А, Герман! – обрадовался король. – Выпей-ка с нами за здоровье

верного подданного короны, опору трона и надежду отчизны.

– Надежду, ее самую, – усмехнулся Людвиг.

– За надежду, так за надежду, ваше величество, – вздохнув, Герман налил себе рейнского и поднял бокал.

– Твое здоровье, брат Людвиг!

Чокнувшись, они выпили и, не сговариваясь, расселись за столом в кабинете.

– Отличное приобретение, Людвиг, – кивнул ему Герман. – Русская аристократка, дочь ученого генетика, с действующими мозгами и в курсе отцовских изысканий. Поздравляю! Почему ты молчал, что добыл сокровище? И какого демона рисковал переправлять ее по земле, а не порталом?

– Э... генетика? – король перевел недоуменный взгляд с Германа на Людвига.

– Людвиг? – теперь недоумевал Герман.

А Людвигу очень хотелось схватиться за голову и этой же головой побиться об стенку. Какие еще сюрпризы преподнесет ему драгоценная супруга, задери ее Баргот?

– Еще какое сокровище, – вздохнул он. – Только она не из России, Герман, а из России. Это другой мир, очень похожий на наш. Если она не врет, то у них нет магии, зато очень развита наука. Мобили там штампуют на фабриках.

– Ты... ты... – теперь Герман схватился за голову, немножко покачался, зажмурившись, а потом налил себе еще бокал рейнского и выпил залпом, безо всякого уважения к букету. – Ты идиот, друг мой. Крайне везучий идиот. Рассказывай.

Людвиг вкратце пересказал: портал, женитьба, преобразование чучела в аристократку.

– Ты сам ее видел.

– Видел. Возьму ее к себе в отдел. Будет тебе, раздолбаю, конкурентка.

– Она некромантка?! Но почему я не увидел? – Людвигу чуть не поплохело.

– Да нет, все не настолько сахарно. Магического дара в ней ноль целых ноль десятых.

– Уф... – выдохнул Людвиг с облегчением. – Так что там насчет генетики?

– Твоя супруга легко сыплет терминологией, доступной только самым продвинутым ученым. Экспрессия чужеродных генов в клетки бактерий, видите ли. Монография ее папеньки.

Король и Людвиг одновременно присвистнули и переглянулись.

– Герман, а ты уверен, что она не шпионка?

– Не думаю, что кто-то мог рассчитать ее появление так, чтобы совместить неизвестный науке портал и твою подростковую дурь, так что если она и шпионка – то не из нашего мира. А значит, твоя задача...

– Сделать ее нашей. Душой и телом, – закончил за Германом король. – Государственные интересы требуют. И учти, если ты не справишься сам, этим займется... да я сам займусь! Таких людей надо держать близко и еще ближе! Под личным контролем.

Кузен расплылся в масляной ухмылке, а Людвиг под столом сжал кулаки и порадовался, что на королевские приемы полагается являться в перчатках. Пока спасают. Но если кузен продолжит в том же духе...

– Людвиг! – окликнул его Герман. – Держи себя в руках. А вы, ваше величество...

– Наше величество не имеет права потерять столь ценный ресурс! – жестко оборвал его король. – Твои юношеские порывы, кузен, на этот раз принесли нам пользу. Так сумей эту пользу удержать и преумножить! Изволь влюбить в себя фрау Рину, чтобы она и думать не могла о том, чтобы сдать иномирские секреты кому-то другому! Хватит строить рожу, от которой все дамы шарахаются в ужасе. Тоже мне, Кошмар Пустошей! А не умеешь сам, братец, не лезь поперек профессионалов.

– Я понял, ваше величество. Не беспокойтесь, фрау Рина поделится секретами генетики только с нами и ни с кем больше.

– И пусть родит тебе наследника, дети привязывают женщин даже лучше, чем любовь.

– Слушаюсь, ваше величество, – Людвиг склонил голову и постарался дышать как можно медленнее и ровнее.

Кузен прав, Баргот его любит.

Еще несколько минут они с Германом и кузеном обсуждали новости из Франкии: император почти не показывается на люди, а три лидера оппозиционных фракций, читай, смутьяны и претенденты на трон, раздают щедрые обещания всем, кто готов их поддержать.

– Выясни, что с императором, Герман. Если мерзкий старикашка упустит трон из-под задницы, половина континента опять погрязнет в войне. Даже если нас заденет краем...

Кузен поморщился, а Людвиг с Германом синхронно вздохнули. Армия Астурии слишком мала, чтобы противостоять дорогим соседям, а с показательного ужаса, устроенного первым герцогом Бастельеро, прошло уже почти два века. Слишком много, безмозглые соседюшки вполне могут

рискнуть. У людей короткая память, и Пустоши многим кажутся естественной аномалией, а не последствием катастрофы.

– Вы считаете, стоит оказать поддержку императорской семье?

– Стоит, – кивнул король. – Отличный повод выторговать серебряные рудники, которые около Пустоши. Франки все равно не могут вести там добычу.

– Выторгуем, ваше величество. Кронпринц в Новом Свете, и по нашим данным он не успеет к началу мятежа. Так что если император не упрется рогом... впрочем, даже если упрется. Д`Амарьяк разумный человек и не жаждет кончить жизнь на плахе, что с ним непременно случится, кто бы из заговорщиков не победил.

– Действуйте, господа.

– Слушаюсь, ваше величество, – Герман встал и коротко поклонился.

Людвиг поклонился молча, про себя поминая Баргота: кто-то сдурил, спустив подозрительного типа с лестницы. Вдруг с ним хотели поговорить не заговорщики, а опять соседская контора? Барон де Флер сегодня заявился на утренний прием, правда, без официального письма. Но кто ж знал-то, что с сегодняшнего дня дружба с де Флером это не измена, а одобренная королем помощь дорогому соседу!

Баргот дери эту политику, переменчивую, как осенняя погода!

Ладно, разберемся. А пока надо забрать отсюда супругу. И обаять.

Трижды дери ее Баргот, эту политику! Вот как он умудрился так влипнуть, что вместо кроткой сиротки ему досталась в жены наглая аристократка, да еще под завязку полная государственными тайнами?!

Вот будет смеяться призрак четыре раза «пра» дедушки! Внук начинает оправдывать семейный девиз: «Лучше смерть, чем скука».

Когда король, а следом за ним Людвиг и Герман вышли обратно в зал, Людвиг едва не засмеялся сам. Дорогая родня в лице матушки и пигалиц вовсю следовала семейному девизу. Четыре гарпии окружили достояние короны, то есть юную герцогиню Бастельеро, и шипели на нее в четыре голоса, а юная герцогиня отбрехивалась, с трудом удерживая лицо. Бедняжка. Продержаться против матушки и пигалиц три минуты – уже подвиг, а фрау Рина была тут одна... Глянув на хронометр, Людвиг проникся к фрау искренним уважением. Беседа с кузеном заняла почти полчаса, и за эти полчаса фрау все еще не съели!

Вежливо раскланявшись с бароном де Флером и отмахнувшись от мерзкого старикашки Тоттеншмидта, который явно жаждал поделиться возмущением в адрес семейства Бастельеро в целом и фрау Рины в частности, Людвиг строевым шагом направился к жене. Любопытные

придворные, обступившие семейную сцену, шарахнулись в стороны, даже пигаицы явственно вздрогнули, одна матушка чихать хотела на разозленного донельзя сына. Или слишком увлеклась, объясняя невестке, какое та ничтожество и как должна быть благодарна, что ее взяли в семью, и каким образом искупить свою вину. Ведь из-за нее расстроился такой великолепный союз!

Фрау Рина тоже не замечала Людвига, сосредоточенная на том, чтобы удержать улыбку и не упасть в обморок от нервного истощения. Судя по восковой бледности и быстрому неглубокому дыханию, до обморока ей оставались секунды.

– Дорогая, – окликнул ее Людвиг и тут же предложил ей руку, опереться. – Матушка, сестры. Рад, что вы уже познакомились с моей прелестной супругой. Прошу прощения, но нам пора.

Фрау Рина заторможенно обернулась к нему, попыталась улыбнуться... Людвиг едва успел поймать ее за талию и прижать к себе. Придворные клуши тут же закудахтали: ах, как неприлично! Эта выскочка позволяет себе невесть что!

Людвиг хмуро зыркнул на них, не успев даже мысленно произнести ругательство, и кудахтанье тут же оборвалось. Зато послышался взвизг, а за ним второй, и тут же что-то упало – или кто-то, Людвигу было все равно, кого и как он проклял. Сами виноваты.

– Людвиг, что ты делаешь? Не смей! – тонко и придушенно воскликнула матушка, мгновенно растеряв весь гонор.

Сестрицы же отступили и попытались стать незаметными, старшая прикрылась веером, младшие покраснели и опустили глаза.

– Поговорим дома, матушка, – бросил Людвиг и, не обращая больше внимания на перепуганную насмерть толпу придворных, повел едва стоящую на ногах супругу прочь.

Баргот любви дорогую матушку, надо же было так довести Рину! У девушки ни капли дара, вообще ни капли! А он, кретин безмозглый, оставил ее одну и не дал ей хотя бы завалящего защитного амулета!

Позади тем временем послышался холодный голос короля:

– Мы недовольны, фрау Бастельеро-Хаас.

– Простите, ваше величество, мой сын не подумал...

– Это вы не подумали. Только ради нашего дорогого брата Людвига мы не велим вам немедленно покинуть столицу.

Кажется, матушка впервые в жизни упала в обморок по-настоящему, – отстраненно подумал Людвиг, покидая зал и подзывая ближайшего лакея:

– Медика и горячего шоколада, быстро.

Лакей унесся, а Людвиг подхватил Рину на руки. Она удивленно вздохнула и обвила его шею рукой. Холодной и слабой. Барготовы подштанники, какой же он кретин!

– Все будет хорошо, фрау, – шепнул он и отнес ее к диванчику в оконной нише.

– Спасибо, – она даже попыталась улыбнуться, когда он усаживал ее на диванчик.

– Не стоит благодарности. – Людвиг сел рядом, не отпуская ее руки: целительского дара в нем не было ни на грош, но так он хотя бы чувствовал ее состояние. Насколько она близка к смерти, если быть точнее. И пока, слава всем богам, умирать она не собиралась. – Я виноват, фрау. Нельзя было оставлять вас одну. Я сегодня же закажу для вас защитные амулеты, и больше никто...

Людвиг осекся. Не мог он вслух сказать: вас не проклянет. Все же матушка. Которая не подумала, а может быть и наоборот – очень даже подумала и рискнула. Пусть в ней от семейного дара Бастельеро сущая кроха, но чтобы проклясть беззащитную иностранку, вполне достаточно. А для иномирянки ее проклятие могло бы стать смертельным.

М-да. Не повезло матушке, король разозлился всерьез. И поделом. Матушка совсем заигралась в свой погорелый театр!

Буквально через полминуты прибежал лейб-медик. Пощупал фрау Рине пульс, заглянул в глаза и покачал головой:

– Переутомление, нервное истощение. Ваша, э...

– Супруга, герр Мессер.

– Ваша супруга нуждается в покое, свежем воздухе, укрепляющих средствах и наблюдении врача... о, шоколад! То, что сейчас нужно. Пока вы не обеспечите герцогиню защитой, ей не стоит появляться в свете. Проклятие...

Лейб-медика прервал звук открывшейся двери и топот каблучков. Четырех пар.

Мимо прошествовали маменька в сопровождении пигалиц. Оскорбленные в лучших чувствах, но не сломленные – если верить гордо задранным носам и презрительному не-смотрению на Людвига.

Ничто не меняется под звездами.

– Не подействовало, – кивнул Людвиг лейб-медику. Матушку и сестер он тоже проигнорировал, а Рине и вовсе было не до них.

– Ваша светлость видит сам, атипичная реакция.

– Вижу. Прошу вас, сегодня вечером навестите фрау в нашем городском доме.

– Разумеется, ваша светлость.

Лейб-медик откланялся, и Людвиг легко сжал руку бледной Рины.

– Герр Мессер прекрасный доктор и сильный светлый маг. Ему можно доверять. А пока выпейте шоколад.

– Надо поднять уровень глюкозы в крови? – спросила она, отпив из чашки. – Не думала, что глюкоза помогает от проклятий.

Людвиг невольно улыбнулся. Вот что значит девушка из другого мира и другой культуры: вместо того, чтобы жаловаться и требовать защитить ее, интересуется физиологией магии. Действительно, дочь ученого. Пожалуй, это намного интереснее, чем кроткая и смиренная сиротинушка. Может быть даже удобнее, она точно не склонна визжать и падать в обморок от всякой ерунды.

– Проклятие на вас не подействовало, но вы потеряли очень много энергии. Обычно это работает иначе.

– Только не надо меня препарировать во благо науки, пожалуйста.

– Не буду, и герру Мессеру не позволю. Обещаю.

– Я вам верю, Людвиг, – на этот раз ее улыбка была куда живее. – У вас тоже непростые отношения с учеными мужами, не так ли? – она легонько провела пальцем в перчатке по его щеке.

Людвиг не сразу понял, о чем это она. И только услышав тихий шелест чешуи, удивился: она настолько уравновешенна? Или настолько дочь ученого?

– Вы не боитесь, фрау Рина.

– Я слишком устала бояться и удивляться. К тому же, не вижу смысла падать в обморок. Вы представили меня королю, а значит, вряд ли собираетесь сегодня же ночью принести в жертву Ктулху. Ну, я на это надеюсь.

– Ктулху?..

– Это такое страшное зубастое божество, – слабо улыбнулась супруга. – Выдуманное. Я читала про него в детстве, и потом мне долго снились кошмары. Теперь вот...

– Кузен прав, мне досталось сокровище. – Людвиг поцеловал ей руку и поймал себя на том, что, во-первых, у них неожиданного много общего, а во-вторых, насчет сокровища он не соврал. – Если вам лучше, то не стоит тут задерживаться.

Рина едва заметно передернула плечами и согласилась, что задерживаться не стоит.

Дворец они покинули без приключений, если не считать перепуганных чешуйчатым герцогом лакеев и слегка заикающегося шофера, подавшего

мобиль к подъезду. Людвиг в утешение дал ему золотой.

– Это от нервов, да? – во взгляде фрау Рины было любопытство и немножко сочувствия. – Тоже атипичная реакция?

Как ни странно, Людвиг это не разозлило, а наоборот, успокоило. Хотя обычно от сочувственных ахов ему хотелось убивать.

– Именно. Особенности родового проклятия. Не беспокойтесь, это не заразно.

Фрау лишь пожала плечами, снова укутанными в мех, и собралась сесть в мобиль. И вдруг засмеялась.

– Вот собака! Вы посмотрите, Людвиг! – она подняла обеими руками сонное животное. Кош-ка. Точно, оно называется кошка. – Она так и спала на моем месте!

– Мудрое животное, – улыбнулся Людвиг. Кошка определенно ему нравилась.

Глава 6, о тяжелой шпионской доле

Виен. Посольство Франкии. Час спустя

Антуан де Флер

– ...план полетел во Тьму Изначальную. Некромант женился на никому не известной русской, – доложил барон де Флер и очень осторожно отодвинул от уха трубку стационарного фониля, будто остерегался, что из нее на гладко выбритую щеку попадут брызги слюны.

– ...ты понимаешь, что твоя голова через три дня окажется на плахе? Его величество умирает! Три дня, не больше, де Флер!

Барон тяжело сглотнул и зажмурился: даже по фонилю Д'Амарьяк внушал безотчетный ужас, а уж когда он злился – у подчиненных горели защитные артефакты и случались нервные срывы, а то и инфаркты.

– Прекрати дрожать, каналья, и слушай меня. Герцогу Ланжерскому не удалось договориться с некромантом, хоть в чем-то нам повезло. Но заговорщики собираются его ликвидировать, и как ты будешь изворачиваться и предотвращать покушение, меня не волнует. Ты меня понял?

– Так точно, генерал.

– У тебя сутки, максимум двое, чтобы доставить некроманта в загородную резиденцию нашего венценосного маразматика. Обещай что угодно, но договорись! Иначе я лично уложу тебя в могилу рядом с его величеством, и будешь вечность охранять его покой!

Фониль замолчал. Барон Флер медленно, как опасный артефакт, положил трубку на место, и так же медленно отошел от стола. Руки предательски дрожали. Темный маг – это вам не бантик на ботфортах ловеласа.

Антуан де Флер подошел к окну и невидяще уставился на статую императора, установленную на розовой клумбе посреди подъездной аллеи. Вместо спины плечистого героя, за пять десятков лет ношения императорской короны превратившегося в маразматического старикашку, он видел изящный силуэт и платиновые локоны проклятой русской девицы. Откуда она взялась? Как Бастельеро умудрился привезти себе невесту так, что ни один из десятка следящих за ним агентов ничего не заметил? Да и Тори клялась и божилась, что некромант не спит ни с кем, кроме нее.

Но юная герцогиня – попорченный плод, а значит, Тори ошиблась. Не мог же некромант взять чьи-то объедки! Пусть даже кузена-короля. К тому

же, во дворце она раньше не появлялась. Значит – попортил девицу сам. Когда только успел.

Проклятье! Кто она? Если в самом деле дочь русского генетика, то астурийская Оранжерея переиграла франкский Цветник с разгромным счетом. Но ни разу не подводившее чутье подсказывало Антуану, что с фрау Бастельеро все очень, очень непросто...

Так, надо подумать еще раз...

Барон де Флер остановился, наткнувшись на стол. Надо же, сам не заметил, как начал расхаживать туда-сюда.

– Шоколад, – велел он, нажав кнопку переговорного устройства.

Маленькая, крохотная слабость Черного Лиса. Хоть кавалер Д'Амарьяк и рекомендовал от нее избавиться, но отказываться от всех удовольствий этой жизни барон не спешил. К тому же, с чашечкой шоколада ему лучше думалось.

Вот и на этот раз, смакуя сладкий напиток, сдобренный корицей и капелькой сливочного ликера, барон придумал неплохой план.

Один из пунктов – познакомиться с фрау Бастельеро лично, поздравить (или посочувствовать, по обстоятельствам), а там, глядишь, и получится побеседовать с самим некромантом.

Но это чуть позже, а пока следует использовать еще одну прекрасную даму.

Барон цокнул языком, вспоминая весьма приятные обстоятельства их знакомства в школе при Ордене. Ах, как Тори была хороша в шестнадцать! А сейчас – еще лучше. И не только в постели.

Впрочем, кроме прекрасных дам, у барона де Флера в рукаве был еще один козырь. Очень, очень сильный козырь, по сравнению с которым меркнули даже самые очаровательные дамы.

Через час в дверь дома по Айзенштрассе позвонил посыльный из шляпного магазина.

Занавеска в окне на втором этаже колыхнулась, внутри дома простучали каблучки – но дверь не открылась.

Посыльный снова позвонил. Три раза.

В доме что-то упало и со звоном разбилось, но дверь так и осталась запертой.

Антуан де Флер выругался под нос, перехватил шляпную картонку подмышку и, оглядевшись – не торчат ли в соседских окнах кумушки? Даже если торчат, демоны с ними! – активировал артефакт «дымовая завеса», на полминуты отводящий глаза всем немагам в радиусе сотни метров, и взялся за отмычки. Две секунды – отпереть дверь, отбросить

ненужную коробку и оценить царящий повсюду беспорядок. Еще три секунды – взбежать на второй этаж, откуда раздался грохот и звон, и полсекунды – окинуть взглядом разбросанные повсюду вещи, осколки вазы и раскрытый чемодан на полу, и хозяйку всего этого безобразия с ворохом платьев в охапке...

Барон медленно выдохнул, про себя досчитал до десяти, спрятал револьвер обратно в кобуру.

– Какого демона ты не открываешь?

– Откуда я знала, что это ты? – фыркнула опомнившаяся Тори и сбросила всю охапку в чемодан.

Подойдя поближе, барон пнул бок чемодана и критически оглядел разбросанные вокруг вещи.

– Не влезет.

– Сама вижу, – огрызнулась Тори, но все равно попыталась закрыть крышку чемодана.

Безуспешно.

– И куда же ты собралась, моя прелесть?

– К бабушке в деревню, – фыркнула Тори. – Не задавай глупых вопросов, Антуан. Я не собираюсь оставаться здесь и ждать, когда меня убьют вместе с этим твоим монстром!

– Поэтому ты нанесла упреждающий удар... – Антуан принялся и покачал головой. – А я думаю, почему дворецкий не открыл мне дверь? А вы, мадемуазель, его уволили. Радикально. Но платяной шкаф – не лучшее место, чтобы прятать труп.

Тори пожала хрупкими плечами:

– Под кровать он бы не влез. Разожрался на твоих подачках. Только не говори, что тебе его жаль.

– Чушь. Не переводи тему. Какого демона ты пытаешься сбежать, не завершив операцию и не поставив меня в известность? Прекрасно же знаешь, шеф не любит таких финтов. Он тебя и в Новом Свете достанет.

– Прекрати меня пугать! – Тори отчаянно сверкнула глазами и отступила к окну, словно бы там было что-то, способное ее защитить...

Не додумав мысль, барон в два длинных прыжка достиг окна, сунул руку под подоконник – и достал оттуда тонкий стилет.

Тони поникла, выругалась под нос и кулем осела на пол, обняла колени руками и уткнулась в них лицом.

Осмотрев стилет и понюхав маслянистые пятна яда на лезвии, барон покачал головой, сунул стилет обратно под окно и достал из-за пазухи плоскую фляжку. Вложил ее в руки Тори.

– Пей и рассказывай, в честь какого праздника ты поменялась мозгами с курицей.

– Сам ты... – буркнула Тори и булькнула фляжкой. Закашлялась. Снова булькнула. И только потом подняла голову и взглянула Антуану в глаза. Обреченно. – Они собираются убить Людвига. Обещали, когда я им помогу, вывезти меня обратно во Франкию, наградить... чуть ли не орден посулили, сучьи дети.

– Сучьи дети, – согласился Антуан и сел с ней рядом, обнял за плечи.

– Велели выманить его сюда. Не позднее послезавтра. А если я их предам, то скормят меня диким русалкам. – Допив бренди из фляжки, Тори отдала пустую Антуану и задрала юбку. – Вот что они на меня нацепили, сказали, если попытаюсь снять сама, оно взорвется и оторвет мне ногу. Эй, не трогай!

Антуан отдернул руку от тонкой металлической змейки, обвившей щиколотку Тори поверх шелкового чулка.

– У меня есть знакомая нелегальная колдунья... она бы сняла, наверное... – неуверенно шепнула она и тихо попросила: – Сделай что-нибудь, пожалуйста.

– Ладно. Только не дергайся. Ничего тебе эта дрянь не оторвет, обыкновенная следилка.

Закрыв глаза, Антуан нащупал магический замок, вскрыл его – чем-то вроде воображаемой отмычки, как это называется по-научному, ему было глубоко начхать – и снял браслет с тонкой женской ножки.

Ему наградой послужил облегченный вздох и легкий поцелуй в щеку.

– Пойдем отсюда, а? У тебя в посольстве наверняка найдется...

– Нет. – Он поймал шаловливую ручку, скользнувшую вниз по его животу. – Мы не можем просто взять и сбежать, Тори. То есть можем, но бежать придется слишком далеко. Так что придется довести дело до конца.

– И что же мы должны довести до конца? – теперь к ремню его штанов подбиралась вторая ловкая рука.

– Дело, моя прелесть. Нам нужен Бастельеро, и я знаю, как мы его добудем. Ты ему...

Горячие пальцы закрыли Антуану рот, я прямо перед его глазами оказались темные, глубокие, манящие, словно ночное море, глаза.

– Отличный план, но мы обсудим его чуть позже, – с улыбкой шепнула Тори, и вместо пальцев его губ коснулись губы.

«Ладно, позже», – подумал Антуан, поднимая Тори с пола и наощупь отыскивая кровать. Не мог же он, истинный франк, не утешить испуганную женщину! Тем более, такую, о... такую женщину!..

Виен, Астурия, часом раньше

Рина

В голове у Ринки было пусто и звонко. Настолько пусто, что она даже не смогла испугаться, когда на лице некроманта стали появляться чешуйки. Черные. Матовые. Объективно очень страшные.

Вот некромантская матушка – та испугалась. И сестры. И придворные.

Поделом им, пираньям! Правильно Людвиг их... проклял?

Тут тоже надо было испугаться. Проклятия летают только так, некромантская матушка ее чуть не убила на глазах у полусотни любопытствующих аристократов, сам некромант черт знает что сотворил черт знает с кем, и все это – одним только злобным взглядом... А ей все равно. Трын-трава.

Наверное, это последствия. Атипичная реакция, как сказал милейший толстый дядечка-доктор.

Атипичная реакция продолжалась, пока Ринка не вышла на воздух. Она что-то говорила, возможно – чушь. Что-то делала. Кажется, погладила некроманта прямо по чешуйкам, из чистого научного любопытства. А может быть потому, что он был очень милый, этот некромант, даром что страшный. Он заступился за нее перед матушкой... и король, кажется, тоже. Странно. Непривычно. По папа, когда к мамаша Влада закатила ей скандал, так не заступался – потому что он интеллигентный и воспитанный человек, настоящий ученый... а Людвиг – аристократ, тоже воспитанный человек, но он заступился и у него чешуйки... Надо подумать, почему...

Но вместо того, чтобы думать о «почему», она не думала вообще. Взяла на руки кошку по имени Собака, обняла и принялась чесать. А та – мурлыкать. Под ее мурлыканье Ринка почти уснула с открытыми глазами, очнулась, лишь когда мобиль резко остановился.

– Мы уже дома?..

И только спросив, увидела причину остановки: впереди, по перпендикулярной улице, шли люди в черном, с печальными лицами и ветками в руках. Катафалк уже скрылся за углом. Зато музыка все еще слышалась, что-то ужасно торжественное и печальное. И ужасно фальшивое.

Ринка сморщилась и виновато покосилась на некроманта, все же стыдно – у людей горе, а ей музыка уши режет. И с удивлением поняла, что не ей одной. У Людвига была такая страдальческая мина, словно ему бормашину показали.

Посочувствовать, что ли...

Но она не успела. Дверь цветочного магазина, поблизости от которого

они остановились, распахнулась, и оттуда вылетел... вылетела... судя по вороху коричневых юбок и отчаянно рыжим косам, девушка. С характером девушка, потому что она тут же вскочила и с воплем: «Га-анс! Ты же обещал!..» – бросилась обратно. Ей дорогу преградила белобрысая полная фрау в «богатом» цветастом платье, а за ее спиной маячил откормленный парень с бегающими глазками.

– Пошла вон! – фрау уперла руки в боки. – Мой сын ничего тебе не обещал! Убирайся, пока цела!

Рыжая остановилась, неверяще посмотрела на трусоватого блондинчика.

– Ганс, но как же... мы же...

– Заткнись, тварь! – фрау шагнула к ней с видом немецкого танка, идущего на штурм Сталинграда, а парень стушевался и опустил глаза. – Постыдилась бы орать о своем позоре на весь квартал! И не смей тут появляться...

– Но я... но вы... отдайте хотя бы мое жалованье! Ганс!..

– Ах ты!.. – фрау покраснела от возмущения, набрала в грудь воздуха и заорала: – Ах ты, воровка! Шлюха! Полиция!..

Размахнувшись, фрау отвесила рыжей девице оплеуху – такую, что бедняжка покачнулась и упала прямо на чисто выметенный тротуар.

Вот тут Ринку переклинило. Для нее перестало иметь значение все – и траурная процессия, и собственное воспитание, и что подумает княгиня Марья Алексеевна.

Фрау орала что-то еще, но Ринка уже толком не слышала. У нее перед глазами стояла Влагова мамаша, вот так же высказывающая ей, Ринке – где место девицам, не умеющим держать ноги сдвинутыми...

– Людвиг, открой мне, – проскрипела она: показалось, что она снова не может говорить, не может даже звука издать.

– Рина, не вмешивайтесь.

Бесполезно, поняла она. Перед матушкой за жену он заступился, а до девчонки-простолюдинки ему дела нет. Никому нет. Вон, пырятся из окон, как в цирке. Ненавижу!

Она дернула дверь мобиля, толкнула – тоже без толку. Тогда, подобрав юбки, она вскочила на сиденье и выпрыгнула из мобиля прямо поверх дверцы.

Фрау заткнулась, все любопытные лица повернулись к Ринке, даже трусливый парень забыл, что он трусливый, и смотрел не нее, открыв рот. Но Ринка на все это не обращала внимания, как и на собственного супруга. Она подлетела к опешившей фрау и загородила собой рыжую девчонку.

– Вы! Не смейте ее трогать! А вы... – она ткнула пальцем в трусливого парня, сейчас безумно похожего на Влада, – тряпка, а не мужчина. Это вас надо в полицию! Как вы можете!..

Она осеклась, потому что ей на плечо легла тяжелая некромантская рука. Или потому что голос вдруг пропал, прямо как тогда, два года назад...

– Дорогая, не волнуйтесь так. Это всего лишь тупые простолюдины без чести и совести, – холодный голос герцога Бастельеро тек, как сок анчара. – Вы расстроили мою супругу.

Блондинистая фрау больше не была красной, нет. Теперь она была серой, и ее сыночек – тоже. Но фрау не готова была так просто сдаться, когда речь шла о защите цыпленка. Дрожа и заикаясь, она закрыла его собой.

– Прошу прощения, ваша светлость, но это всего лишь падшая девка, она недостойна...

– Не вам решать, кто и чего достоин, – голос некроманта стал еще морознее, а лицо фрау – еще серее. – Дорогая, не думаешь ли ты, что этих дерзких простолюдинов следует превратить в крыс? Или, может быть, в клопов?

Ринка зависла. Что это с господином герцогом, полковником и некромантом? Он же не хотел... он же... он же должен вести себя совсем иначе! Почему он вдруг встал на ее сторону? И он что, в самом деле может превратить человека в крысу?! Как?! Вот бы на это посмотреть!..

Так. Стоп. Не увлекайтесь, Рина Николаевна. Это же люди, хоть и твари.

– Не достойны, – Ринка тоже задрала нос. – А эту девушку... – Ринка обернулась к рыжей, так и сидевшей на тротуаре и растерянно хлопающей глазами. – Как твое имя?

– Ма... Магда, ваше сиятельство.

– Магду я забираю с собой.

Некромант рядом напрягся, но виду не показал.

– Дорогая, зачем тебе эта оборванка? Дай ей денег, с приданным ее с радостью возьмет замуж какой-нибудь бюргер.

– Я... мне... – в словах супруга был смысл, но все равно это было неправильно. Как будто она поманила девчонку защитой, и тут же от нее отказалась. Откупилась. Нет, так нельзя! Надо... да, точно! – Мне нужна служанка. Я возьму... то есть...

– Но она же падшая девка!.. – придушенно вякнула фрау, а ее сыночек согласно закивал.

– Пожалуй, все же в крыс, – задумчиво пробормотал Людвиг.

– Лучше пристрелить, а то еще кого-нибудь покусают.

– Ваша светлость!.. – фрау, побледнев еще сильнее, бухнулась на колени и дернула за рукав сыночка, чтобы тоже падал и молил. – Пощадите, ваша светлость!

– Пощадите... – прогундосил парень.

И тут рыжая девчонка прыснула. Тихо, в кулачок.

А Ринка – следом за ней.

Ведь это же мультик, как есть мультик! Сейчас злобный колдун дернет себя за бороду, скажет «трах-тибидох-тух-тух», и вытащит из рукава золотой дворец... Великий Ктулху, как же это смешно!..

– Прочь, – прошелестело рядом что-то очень, очень холодное.

И этим холодным сдуло и фрау с сыночком, и любопытные морды из окон, и даже прибежавшего на шум полицейского. На пустой улице остались только Ринка, которую внезапно отпустила истерика, Людвиг и съездившаяся, словно от мороза, рыжая Магда. (4с4d)

Она с такой надеждой смотрела на Ринку, что та решилась:

– Магда, если ты не боишься, поехали. Будешь моей камеристкой.

Рыжая закивала и замотала головой одновременно – и так радостно, словно всю жизнь мечтала пойти в услужение к страшному-страшному колдуну. Ну или к его милой, доброй, умной... ну да, кто ж еще ее похвалит-то? К жене колдуна, в общем.

От резкого смеха Людвиг Ринка вздрогнула. А смех так же резко оборвался.

– В мобиль, – скомандовал он, и все четыре дверцы распахнулись, едва не отвалившись.

Рыжая, мелко кивая, скользнула на заднее сиденье и там постаралась слиться с обивкой. А Ринка, неожиданно для самой себя, поднялась на цыпочки и поцеловала страшного-страшного колдуна в щеку, покрытую чешуйчатым рисунком. Теплую, пахнущую горьковатым парфюмом, человеческую щеку.

– Спасибо, Людвиг.

Вместо ответа некромант криво усмехнулся и подтолкнул ее к мобиле. Правда, Ринке показалось, что он удивлен ничуть не меньше ее самой.

Глава 7, о черном-черном замке и белых-белых розах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Людвига разбирал смех. Совершенно неподобающий герцогу, полковнику и некроманту детский, жизнерадостный смех. Его супруга... Барготовы подштанники, да какая из нее шпионка? Это же надо, подобрать на улице нищую цветочницу и взять в услужение! Хорошо хоть порченная девица оказалась не беременной. По крайней мере Людвиг надеялся, что она не беременна. В отличие от целителей, он мог видеть ауру младенца не сразу, а лишь через месяц-полтора после зачатия.

Интересно, если рыжая дурочка принесет в подоле, герцогиня все равно оставит ее при себе?

Покосившись на притихшую и растерянную жену, он сам себе ответил: да, оставит. Упрямства ей не занимать. Импульсивности и дури – тоже. Вот именно поэтому она и не может быть шпионкой.

Он снова искоса глянул на жену, потерянно обнимающая кошку по имени Собака. Рина все еще была бледна, под глазами залегли тени, губы пересохли...

Некстати вспомнилось, как эти сухие губы коснулись его щеки, и как стало тепло, почти горячо где-то внутри.

Глупости. Всего лишь поцелуй благодарности. Нежданный, ненужный и... Баргот подери, он тоже устал! Жениться на иномирянке, несостоявшейся шпионке и чуть не проклясть собственную матушку – это вам не шуточки. Сейчас бы домой, принять горячую ванну и съесть отбивную с хрустящей корочкой, под нежным сливочным соусом...

Почему-то прекрасная картина полной тарелки вдруг сменилась видом декольте собственной жены. Демонски аппетитным декольте.

Проклятье! Он только вчера был у Тори, и ему хватило... должно было хватить минимум до послезавтра! У него нормальный темперамент, не то что у папеньки, трахавшего все, что шевелится!

Видимо, виноват стресс. Надо отвезти жену домой и срочно, немедленно ехать на службу. Все лишние мысли как рукой снимет, стоит только спуститься в прозекторскую.

Поймав себя на том, что снова косит глазом на жену, Людвиг выругался под нос и прибавил скорость. Он обожал быструю езду, ветер

изгонял из головы все лишнее, оставляя божественно прекрасную ясность.

Вот и на этот раз он разогнал свой «Драккар» (Рина была права, сделанный по спецзаказу, с усиленным движком и двойным аккумуляторным кристаллом) так, что дома и деревья слились в одну цветную полосу, а все встречные и поперечные шарахались в стороны и посылали в проклятого некроманта новые проклятия.

Ха-ха три раза. Вот уж что, а новые проклятия к нему не липнут. Одного хватило.

К дому, оставшемуся от дядюшки, Людвиг подъехал уже совершенно спокойным. Посигналил перед воротами – тяжелыми, коваными, с герцогскими гербами в виде перекрещенных серпов. Дождался, пока старый Рихард, тоже доставшийся в наследство от дядюшки, отворит и посторонится. Остановил мобиль перед крыльцом. И внезапно задумался: а каким видит его дом фрау Рина? И не только его дом, а весь привычный Людвигу город? Ведь он так и не расспросил ее о другом мире, слишком торопился исполнить свой гениальный план.

Нет, не годится герцог Людвиг Бастельеро в шпионы! Импульсивен, упрям и...

«Детство в заднице играет», – прозвучал, как наяву, голос Германа.

Людвиг фыркнул и улыбнулся.

Ну, играет! Нельзя же всегда быть серьезным, как похоронная контора!

– Добро пожаловать домой, герцогиня, – он с улыбкой обернулся к супруге.

Та во все глаза смотрела на дом, и было в ее глазах удивление пополам с... удивлением.

– Неожиданный дизайн, – пробормотала она, прилипнув взглядом к статуям, подпирающим балкон.

Обычные статуи. Белый мрамор, обнаженная натура. И окна самые обычные – высокие, от пола до потолка, чтобы пропускать как можно больше света. И терраса, увитая алым диким виноградом, мало чем отличается от всех прочих подобных террас. Может быть, в их мире какая-то другая архитектура? Или ее смущают белые розы, украшающие крыльцо и дверь? Сказать по чести, Людвигу они тоже не нравились. Слишком напоминает дамские романчики, зачитанные сестрами до дыр. И вообще, розы – дело рук Рихарда. Просто он понял приказ «подготовить дом к приезду новобрачной» буквально.

– А чего вы ожидали, Рина? Мне интересно.

– Ну... горгулий, готических башен, мрачного базальта... но не белый же мрамор и средиземноморский стиль! И эти розы... У вас... у вас климат

не подходящий! И вообще, замок некроманта... – фрау была искренне возмущена и немножко смущена.

А Людвиг рассмеялся, откинувшись на спинку водительского сидения.

– Вы... над чем вы смеетесь?

– Простите, Рина, вы... – Людвиг попытался перестать смеяться, но у него получилось скверно. – Вы... прямо как я в детстве! Мрачный... замок страшного... некроманта! Ы-ы...

О да. В десять лет, когда на него свалилось проклятое наследство, он явился сюда с поверенным и ожидал увидеть все что угодно, но только не воплощение света и солнца. Белоснежные стены, летящие контуры, цветочные беседки и фонтанчики, обнаженные красавицы в древнероманском стиле – совсем не то, что ему представлялось, когда слуги шепотом судачили об ужасном матушкином брате. С которым, кстати, матушка принципиально не общалась и маленького Людвиг не знакомила. Мало того, он и узнал-то о существовании дяди-некроманта лет в семь из сплетен тех же самых слуг, а когда спросил матушку – нарвался на скандал с истерикой.

– Ничего смешного! – супруга, кажется, обиделась. – Меня так пугали, а тут...

– Кто вас пугал и чем? – Людвиг с облегчением переключился на более приятную тему.

– Эти... – Рина неопределенно повела рукой. – Дамы. Амалия, матушка ваша... и змеюки в салоне. У вас та еще репутация.

– Отличная репутация, – хмыкнул Людвиг. – Боятся, сплетничают и не суются близко. Лучше не бывает!

Супруга глянула на него с искренним интересом.

– То есть ваше проклятие?..

– Существует на самом деле. Я вам все расскажу, обещаю. Но давайте же сначала зайдем в дом!

Рина смущенно потупилась.

– Простите, я немного увлеклась.

Вместо ответа Людвиг пожал плечами, сам не понимая – злится он или умиляется детской непосредственности этой странной девушки.

– Добро пожаловать домой, ваша светлость, – проскрипел дворецкий, открывая дверь мобиля перед Риной. – Мы счастливы приветствовать новую хозяйку.

Та молча кивнула и дождалась, пока Людвиг обойдет мобиль и подаст ей руку.

– Добро пожаловать на виллу «Альбатрос», дорогая супруга.

Позвольте вам представить... – Людвиг оглядел шеренгу слуг, вырядившихся в парадное платье и выстроившихся перед дверью. Не густо, а для герцогского дома и вовсе жидковато. Но ему достаточно. Балов он не закатывает, гостей не зовет, и вообще не понимает, зачем содержать армию дармоедов и соглядатаев. – Герр Рихард, дворецкий. Несколько старомоден, зато прекрасно вышколен и безусловно верен.

Дворецкий склонился, пряча скрипучий смешок, а Людвиг слегка поморщился: пора обновлять заклинания, а то Рихард начнет путаться в днях недели и забывать имя хозяина. Умертвия беспрекословно верны и послушны, идеально спокойны, трудолюбивы и неприхотливы, но все же время от времени требуют внимания.

А супруга, похоже, не поняла, с чем имеет дело. Наверное, списала бледность Рихарда и специфический запах на плохое здоровье. Что ж, разберется постепенно. И дай Баргот, не станет обвешиваться святыми знаками и брызгать на Рихарда серебряной водой в надежде, что страшная-страшная нежить рассыплется прахом. Рихард не любит сырости, в него от сырости кожа портится. Несовершенная, устаревшая конструкция! Когда Людвиг будет превращать в умертвие своего адъютанта, обязательно внесет некоторые изменения.

– Герр Мюллер, – следующим Людвиг представил седого, подтянутого усача. Пока он стоял, его хромота не была заметна; в процессе преобразования Людвиг рассчитывал избавиться его от этого недостатка. – Мой адъютант, он же камердинер.

Мюллер браво щелкнул каблуками и поклонился.

– А это фрау Шлимахер, наш шеф-повар, – следующей сделала неуклюжий книксен полная румяная фрау, ростом едва уступающая Людвигу. Ее белоснежный крахмальный фартук вкусно захрустел, а запах вишневого штрюделя с маком усилился.

– Добро пожаловать, ваша светлость, – пробасила она, с живым любопытством разглядывая новую герцогиню и с неодобрением – смущенную рыжую приبلуду, мнущуюся за герцогскими спинами.

Остальных – трех лакеев, садовника, поварят и горничных – он представлять не стал, с этим справится Рихард несколько позже. После обеда. А вот последней в ряду девицы, грудастой блондинки пройдошистого вида, Людвиг раньше не видел.

– Рихард?

– Камеристка для ее светлости, как вы приказали. Лучшие рекомендации. – Дворецкий поманил девицу, и та, шагнув вперед, сделала книксен и стрельнула коровьими глазами в Людвигу.

Ее светлость недовольно фыркнула. Что ж, Людвиг вполне ее понимал. Девица была вульгарна чуть более чем полностью, к тому же сногшибательно пахла дешевой цветочной водой.

– Благодарю, Рихард. Герцогиня уже выбрала себе камеристку.

– Как прикажете, ваша светлость, – снова поклонился дворецкий, а рядом с Людвигом тихонько вздохнули и благодарно сжали его локоть.

На сердце почему-то потеплело. Видимо, потому что дома был порядок, а с кухни кроме штруделя пахло жареным мясом. С перчиком и розмарином. Мечта!

Поручив супругу заботам Рихарда, успешно выполнявшего обязанности эконома, Людвиг поднялся к себе, переоделся и через пять минут спустился ко второму завтраку, раз уж первый сегодня пришлось пропустить. Тревожить супругу он не стал, пусть отдохнет, и сразу после ягнячей отбивной велел подать письменные принадлежности.

«Дорогая Рина!

Служба требует моего присутствия.

Надеюсь, вам понравились ваши комнаты. На все ваши вопросы касаясь домашнего распорядка ответят Рихард и фрау Шлимахер. В вашем распоряжении весь дом и сад, единственно, прошу вас не входить в лабораторию, это может быть опасно. Оставляю вам оговоренную контрактом сумму месячного содержания.

Встретимся за ужином, в семь часов.

Ваш супруг, Людвиг».

Перечитав записку, Людвиг поморщился. Не дается ему эпистолярный жанр! Разве так обольщают женщин? Барготовы подштанники! Надо было хоть комплимент ей сказать... как там папенька плел своим пассиям? Зубки жемчуг, а губки – коралл? Тьфу. Какая пошлость!

Нет уж, лучше по делу, чем амурные записочки а-ля папенька. Обольщать супругу он будет лично, сегодня же вечером.

– Рихард, отнесите записку ее светлости после того как я уеду. И распорядитесь приготовить романтический ужин, Баргот его... со свечами, шампанским и... да, придумайте для ее светлости подарок. Не такой, как эта камеристка, а чтобы ей понравилось. Что-нибудь блестящее, девушки обожают бриллианты. Вы меня поняли?

– Разумеется, ваша светлость, – дворецкий невозмутимо поклонился, но Людвигу на миг показалось, что в немертвых глазах промелькнул смех.

– Вот и отлично. Подавайте мобиль, меня подследственный заждался.

Виен, Астурия. Кроненшутц

Людвиг

– Бастельеро!

Герман Энн стремительно ворвался в прозекторскую, и Людвиг недовольно поморщился. Герман все делал стремительно. И сейчас он чуть не снес зомби, которого Людвиг допрашивал. Приказав тупому созданию замереть, а писцу выйти вон, Людвиг повернулся к другу и непосредственному начальнику. Судя по сдвинутым бровям, новости он принес не самые приятные. Самое то для прозекторской – и обстановка подходящая, и магические щиты повышенной надежности. Ни прослушать, и подсмотреть, ни выйти – чтобы нежить не разгулиwała по Оранжеее и не пугала мирных добрых безопасников.

– Он самый, – кивнул Людвиг, стягивая демонски неудобные резиновые перчатки.

– Твою мать! – было самым цензурным из всего, что изволили сказать герр генерал.

– Герман, вы оторвали меня от допроса, чтобы ознакомить с этой, несомненно забавной, идиомой?

– Разумеется! Шутник, твою налево! Какого демона ты не доложил, что тебя уже раз десять пытался завербовать Цветник?

Ответа ему не требовалось, поэтому Людвиг молча протянул Герману фляжку с успокоительным травяным отваром. Тот глотнул и скривился.

– Что за дрянь ты мне подсунул?

– Пейте, генерал, это от нервов. Герр Мессер прописал моей матушке.

– Лучше бы он ей яду прописал... – нахмурился Герман, но из фляжки все же глотнул. И даже рухнул на стул, только что оставленный писцом. – Итак, к новостям. Император Франкии умирает.

– Свежая новость, угу.

– Не перебивай меня! Итак. Старый скандалист не так давно смертельно разругался с Гельмутом, ты в курсе. Но Гельмут, да живет он вечно, все равно готов поддержать его наследника, лишь бы обойтись без войны.

Людвиг молча кивнул: все это они обсуждали сегодня вместо завтрака. Но раз Герману удобнее повторить, пусть.

– А сегодня со мной связался Черный Карлик. Неофициально. Как частное, мать его, лицо! И пожаловался, что некий некромант, не к ночи будь помянут, никак не хочет с ним сотрудничать. Даже выслушать отказывается! Недавно ценного сотрудника...

– ...частного лица... – пробормотал под нос Людвиг.

– Сотрудника, говорю, с лестницы спустил. Не стыдно тебе?

– Никак нет, герр генерал! Служу Астурии!

– Не паясничай, герр полковник. Где твоя гибкость? Где чувство момента? А?

Людвиг бы ответил, где, но сквернословить в прозекторской не любил. Это плохо влияло на магическое поле. Вон, зомби от ругани уже дергается и чуть не падает. Потому он промолчал. Герман не дурак, Герман и так понимает, где Людвиг видел гибкость, чувство момента и прочую политическую дрянь.

– Короче говоря, у них там творится... ладно, ладно. Не буду ругаться, уговорил. Итак... император окончательно впал в маразм. Д`Амарьяк не может обратиться к Гельмуту официально, да вообще ни к кому не может. Он, как глава Ордена, получил от императора строжайший запрет вмешиваться в августейшее лечение. И в дела политические – тоже.

Людвиг кивнул. Да уж, маразм прогрессирует.

– Но как частное лицо он подозревает, что доверенный лекарь старого хрыча имеет свой интерес. Вообще этого лекаря никто не видел и о нем никто не знает. Теоретически. А практически демоново отродье вот-вот загонит императора в могилу. Де Флер говорит, не сегодня, так завтра. Да, он тоже частное лицо. Добрый франк, который заботится о сохранности родины исключительно из альтруистических соображений.

– Каких-каких?

– Слово такое. Ты не знаешь.

– Я же просил не ругаться, – Людвиг укоризненно покачал головой. – И что эти альтруисты драные хотят от скромного, законопослушного некроманта? Который, между прочим, не предаёт родину, вступая в переговоры со шпионами.

– Помощи они хотят, чего же еще. По специальности. В частном порядке!

– Да понял я, что в частном. Но я, между прочим, состою на службе, и меня начальство так просто не отпустит.

– А ты не так просто. Ты на воды, здоровье поправить. Я тебе отпуск дам и даже премию выпишу. Или хочешь медаль?

Медаль Людвиг проигнорировал. Лучше уж премию, чем еще одну блестящую ерундовину, которой начальство предпочитало подменять денежное вознаграждение. Ибо кто ж откажется от чести в пользу каких-то там прозаических денег? А вот герцог Бастельеро и откажется. Из принципа.

– На воды, значит. Но сначала премию! – Людвиг с удовлетворением отметил, как Герман поморщился, но кивнул. – И что там, на водах, я должен сделать?

– Анимировать труп, что ж еще. Кронпринц не успеет до смерти отца, оппозиция уже готова к перевороту, но старого маразматика все боятся до медвежьей болезни. И как только трон опустеет, во Франкии такое начнется... ну, не мне тебе рассказывать. Так что создашь видимость грозно-могучего маразматика, главное, самодурствуй в меру. И поможешь обезвредить оппозицию. Встретишься с де Флером частным порядком, он введет тебя в курс дела. Кстати, от имени маразматика подаришь Гельмуту те самые рудники. Премию отрабатывать надо.

– А потом мне же их зачищать, да? Вот не было забот!

На этот раз Герман проигнорировал его возмущение. И ладно. Все равно Людвиг давно точил зуб на те рудники, то есть на обитающую там крайне интересную нежить. Вот будут рудники принадлежать короне, можно и экспедицию организовать. С хорошим бюджетом. Еще бы помощника себе найти, чтобы и с сильным даром, и с мозгами, и без любви к политике! Мечты, мечты.

– Что-то ты в самом деле выглядишь усталым. Закончил уже с этим? – Герман кивнул на жертву маньяка-убийцы. – Добыл хоть что-то полезное?

– Пустышка, – покачал головой Людвиг. – Ни демона лысого он не видел. Осторожные пошли маньяки, жертвам не показываются. Разве что упоминал каких-то бабочек. Возможно, зацепка. А так, закончить процедуру и можно звать ликвидаторов с огнеметами.

– Бабочек упоминал... ну хоть что-то. Заканчивай, и отправляйся в отпуск. Начни его с обеда и визита к любовнице, тебе сегодня полезно, новобрачный.

Хмыкнув, Герман вышел, а Людвиг оглядел негодного зомби, вздохнул и позвал писца – пусть доделывает отчет, пока Людвиг будет упокаивать нежить.

Эх, опять бюргеры будут жаловаться, что Оранжерея не чтит традиции и не выдает покойников для достойных похорон. А что делать, если любой анимированный Людвигом труп анимируется так хорошо, что потом его и Баргот в землю не загонит? Только жечь. Дотла. А если бюргеры будут возмущаться слишком громко... что ж, следующую нежить получают в полное свое распоряжение, и пусть не жалуются, когда достойный отец семейства прямо посреди церемонии выломается из гроба и начнет отплясывать.

Хех. Интересно, а что будет, если не сжигать франкского императора после анимации, а оставить им на память? Пожалуй, тогда к серебряным рудникам можно будет добавить целую провинцию. А то и две.

Дай-то Баргот, чтобы эта мысль не пришла в голову нашему

хозяйственному величеству! Кузен, он такой. Он может подложить соседushкам коронованную немертвую свинью.

Глава 8, о кошке, молоке и подвохе

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Где-то тут был подвох. Среди всех этих роз, статуй и подобострастной прислуги Ринка отчетливо чуяла какую-то гадость.

На мгновение ей показалось, что гадость нашлась: когда ей представили коровообразную камеристку. Но Людвиг ее отослал, поступил, как истинный джентльмен, и это-то убедило Ринку окончательно, что подвох – есть.

Может быть, того мрачного желчного типа, который шантажом заставил ее выйти замуж, подменили? Или он притворяется милым и разумным, чтобы усыпить ее бдительность, и...

Что «и», Ринка понятия не имела, и от того воображение рисовало ей картины одна другой страшнее. Не зря же она читала кучу книг про всяких магов, демонов, некромантов и прочих дреу! По законам жанра он сейчас притворится белым и пушистым, а потом ка-ак принесет ее в жертву какому-нибудь темному божеству! Или светлomu, что не лучше.

– Покои вашей светлости, – дворецкий раскрыл перед Ринкой высокую двустворчатую дверь и с поклоном отступил. – Прикажете подавать завтрак или сначала желаете принять ванну?

– Завтрак? – Ринка чуть не споткнулась на ровном месте и едва не уронила кошку по имени Собака, которую так и несла на руках. – Как завтрак?..

Ей казалось, что уже вечер! Столько событий произошло, а все еще утро?..

– Второй завтрак, ваша светлость. Обед подается в семь вечера, когда его светлость возвращается со службы.

– А сколько сейчас?

– Половина второго дня, ваша светлость, – дворецкий был сама невозмутимость.

Ринке даже показалось на миг, что он не моргает и не дышит, но как бы он тогда разговаривал? И запах от него странный, похоже на формалин.

Да нет. Показалось. На зомби и прочую нежить из фильмов он совершенно не похож! Улыбается и двигается естественно. Просто очень бледный, наверное, не выходит на свежий воздух. И кошка бы наверняка забеспокоилась, но она на дворецкого даже не смотрела – словно его и не

существовало.

– Тогда, пожалуйста, завтрак. А потом ванну... – Ринка вдруг зевнула, да так, что голова закружилась.

Дворецкий удалился, напоследок показав Магде дверь в ее комнату и велел по всем вопросам обращаться к нему и фрау Шлиммахер, шеф-повару. И не упаси Баргот назвать ее кухаркой, обидится насмерть. Тут дворецкий ехидно хихикнул, чем окончательно убедил Ринку в том, что он – нормальный живой человек. Не могут зомби хихикать и язвить!

– А здесь мило, – задумчиво пробормотала она, зайдя в комнату.

И сама же смутилась. Наверняка она, небогатая русская студентка, смотрится в этой комнате до ужаса неуместно. Тут все такое светлое, просторное, бело-золотое и в салатово-розовых драпировках! И белые розы повсюду – на столиках, на подоконниках (трех, Карл!) и на комоде, и в вазах около кровати. А сама кровать под балдахином из нежно-мшистого бархата и белоснежного тюля – застелена вышитым покрывалом. Ринка видела подобное в глянцевом журнале.

Анриал. Полный. Разрыв шаблона и вынос мозга.

Наверное, это все ей снится!

А раз снится – значит, все можно!

Она скинула кошку на кровать – та встряхнулась и немедленно улеглась на подушку – и подбежала к шкафу. Огромному, с резными дверцами и золотыми ручками. И едва не вскрикнула, увидев, что ей наперерез бежит какая-то увешанная драгоценностями фифа... Да это же зеркало! Мать моя Ктулху...

Ринка заворуженно приблизилась к ростовому зеркалу в бронзовой раме и дотронулась пальцем до отражения. Она уже видела эту девушку в салоне у мадам Шанталь, но так и не смогла поверить, что это – она. Но черты были те самые, привычные с детства. И тени под глазами – в точности, как на экзамене после бессонной ночи. А вот все остальное...

– Вы такая красивая! – вздохнул кто-то позади.

Ринка резко обернулась и целую секунду недоуменно таращилась на рыжую девицу, вроде бы знакомую, но откуда?.. А, точно! Ринка же сама взяла ее в услужение. Подобрала на улице. И грозный некромант, герцог и целый полковник ей позволил. Мало того, ее поддержал, а потом смеялся.

Ринка потрясла головой, пытаясь уложить все странности и безумности этого дня, но ничего не уложилось. Только голова закружилась. И в животе забурчало.

– Ох, мадам! Вы ж небось устали и проголодались, а я тут... я мигом! – затараторила девица, подскочила на месте и куда-то унеслась.

Куда? Зачем? И что я тут делаю?..

– Мрр-мя! – раздалось с кровати, и Ринка обрадованно поспешила на зов.

– Ах ты, Собака, – сев рядом, она погладила кошку.

Подушки выглядели невероятно мягкими, и от белья пахло лавандой и свежестью... Она приляжет всего на секундочку! На полсекундочки!..

– ...ваша светлость! Ну как же ж так, платье-то помнется, и я вам молочка принесла... давайте, садитесь!

Чьи-то руки тормозили Ринку, очень вкусно пахло молоком...

– Немножко, мадам, совсем чуточку! А я вас раздену, негоже такое платье-то измять, красота ж экая... и шпильки надо вынуть, а то голова болеть станет. Вы пейте, пейте, мадам. Вкусное молочко, парное... уж вы притомились... нелегко с таким мужем, да? Но вы его... ах, какая вы смелая, я бы никогда не решилась, я б сомлела, их светлость как глянут, аж морозом продрало!..

Ринка с трудом разлепила глаза, глотнула молока... и только тогда осознала, что смотрит прямоком в синие-синие глаза, такие знакомые, почти родные...

– Людвиг?.. – позвала она.

Магда вскинулась, обернулась – и недоуменно спросила:

– Где?

Обладатель синих глаза, привалившийся к столбику балдахина не более чем в метре от Магды, подмигнул Ринке и одними губами прошептал:

– Добро пожаловать домой, фрау Бастельеро.

Ринка была уверена, что с его губ не сорвалось ни звука. И Магда ничегошеньки не услышала. А еще Ринка четко поняла, что это никакой не Людвиг, хоть и похож. Людвиг не носит рубашки с кружевными манжетами и жабо, и расшитых золотом лазурных жилетов не носит, к тому же Людвиг выше и шире в плечах, чем этот...

– Кто вы? – так же беззвучно спросила она, твердо зная: ее услышат.

Но незнакомец не ответил, лишь приложил палец к губам, еще раз подмигнул – и исчез.

– Мадам? Что с вами, мадам? – обеспокоенно спросила Магда, заглядывая Ринке в глаза.

– Я сплю, – ответила Ринка и откинулась на подушки.

Разумеется, она спит. Даже в мрачном замке некроманта, заполненном белыми розами и солнцем, не может быть подмигивающих призраков в кружевах.

Точно не может.

– Мрр-мя, – подтвердила кошка по имени Собака, и Ринке показалось, что она тоже ей подмигнула.

Очень, очень странный сон, подумала Ринка... и уснула.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Кошка по имени Собака

– Мрр-мя! – сказала кошка по имени Собака, подмигнула почти-хозяйке и, задрвав хвост, прыгнула с кровати.

Пора было обследовать новый дом.

Для начала она сходила в сад, познакомилась с местными крысами и быстро объяснила им, кто тут главный. Затем обошла дом и заглянула в подвал вместе со вкусно пахнущей большой женщиной. Как выяснилось, большая женщина заправляла на кухне, поэтому кошка по имени Собака ей тоже сказала «мурр», позволила себя погладить и угостить кусочком мяска.

А потом кошка заглянула в записку, которую писал хозяин дома, и проводила его до мобиля – здешние мобили нравились ей намного больше тех, что были в мире, из которого она привела глупую, но хорошую девушку.

Записку она не одобрила. Отъезд мужчины – тем более.

Трус! Сбежал! Даже не заглянул к жене!

Фыркнув ему вслед, кошка по имени Собака – глупое имя, но ей понравилось – вернулась в комнату своей почти-хозяйки. Села перед зеркалом и обернула лапы хвостом.

Смотреть на себя она могла сколько угодно. Любоваться совершенством – самое правильное и полезное занятие. Почти как есть мяско, пить молочко и спать на своем человеке.

Зевнув, она обернулась и взглянула на свою почти-хозяйку. Такую же глупую, как настоящий хозяин. Нет, хозяин даже глупее. Разве это умный приказ, влюбить этих двоих друг в друга? Как, скажите на милость, мне их влюблять? У меня же лапки!

А эти двое!.. Я их свела, спела им весенние песни, а они?

Один трусливо сбежал к своим мерзким зомби, даже записку написал так, что я бы за такую всю морду ему расцарапала.

Вторая не глядит на своего мужчину, все ищет какого-то подвоха и вспоминает занудного Петюню. Фу! Пентюх, он и есть пентюх, такого вспоминать – себя не уважать.

А камеристка? Зачем она камеристку привела? Нет, чтобы попросить супруга! Ах, мой милый, помогите же мне расстегнуть эти непослушные пуговицы и ужасные крючки! Посмотрите, не осталось ли на моей коже

следов от корсажа! И чулки, я никак не справлюсь сама!.. Вот как делает настоящая женщина! Тогда и муж не будет сбегать на службу, а займется своими прямыми обязанностями.

Но нет. Эта глупая девица скорее огреет его талмудом, чем томно похлопает ресницами. Глупые, глупые люди! То ли дело – коты! Ах! Мррр! Вот помнится, в прошлом марте... ах, какие у него были усы! А какие песни он пел! А как славно дрался с тем, полосатым... о, мой герой...

Ах, о чем это я?

Сладко потянувшись и закогтив пушистый ковер, кошка по имени Собака сверкнула синими глазами, боевито задрала хвост и направилась к кровати. Пока почти-хозяйка спит, можно немножечко ей помочь. Как женщина женщине. А то ведь так и останется без котят, глупая!

Потому что настоящая женщина может все, даже если у нее лапки.

Просто нежненько, исподволь. Чтобы никто и не догадался, кто приложил лапку к такому деликатному делу, как любовь.

И котята. Хозяин сказал, что котята нужны обязательно. И не от пентюха Петюни, а именно от этого, который трусливо сбежал.

Кошка по имени Собака все равно не понимала, зачем котят о того, который сбегает, а не от того, который будет драться за свою женщину. Но раз хозяин сказал... хоть он и странный, хозяин, но ведь свой, любимый. А чего не сделаешь ради любви, даже если на дворе не март, а ужасный мокрый октябрь.

Глава 9, о сокровищах и чудовищах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

В библиотеке было прохладно и сумрачно. Откуда-то Ринка знала, что именно там – в дальнем, старом шкафу – хранится то, что ей нужно. Ключ в родной мир.

Она шла меж стеллажей, заполненных сокровищами. Старыми и новыми, толстыми и тонкими, бумажными и пергаментными, в деревянных, кожаных, тканевых и даже, кажется, чешуйчатых обложках. Словно в библиотеке Хогвартса! И все это волшебство – теперь ее!

Остановившись, она вытащила наугад том в алой бархатной обложке, открыла его...

И обиженно закрыла. Строчки прыгали, буквы расплывались, и казалось, сейчас сложатся во что-то очень неприличное и ругательное.

– Поставь на место, – проворчала книга. – Нос не дорос.

– Извините, – машинально ответила Ринка и поставила книгу на место. – Я не знала, что у вас характер.

– У всех характер, – менторским тоном пояснил кто-то с верхней полки. – Просто у некоторых особенно вредный. Некоторые... хм... не советую, фрау.

Ринка отдернула руку от соседнего фолианта с солидным коричневым, с золотым тиснением, корешком.

– Она кусается? – спросила она, задрав голову и пытаясь понять, кто теперь с ней разговаривает.

– Ни в коем случае. Только съедает мозги маленьких наивных девочек, которые забрели, куда их не звали, – сказал тот же голос.

– Не слушайте его, прелестное дитя, кхе... – на другой полке завопили, и оттуда вылетел клуб пыли. – Кхе! Вот уж бывают глупые книги! Даже среди такого уважаемого собрания...

– Вы несете ересь, неуважаемый, – раздался третий голос.

А за ним четвертый, и пятый... Книги спорили, предлагали Рине самой прочитать и убедиться, требовали не трогать руками, сыпали пылью и цитатами, светили мудростью и напускали туману, взывали к древним авторитетам и новейшим исследованиям, а Ринка, тихонько – чтобы никого не обидеть, а то вдруг правда укусят? – пробиралась к дальнему шкафу. Оттуда никто не ворчал и не пылил, но Ринка чувствовала: там ее ждут.

Настороженно и с любопытством.

Вот только опутывающие шкаф остро-серебристые нити Ринку смущали. Они очень походили на оголенные электрические провода. Наверное, это сигнализация, и если она тронет нить – завоет сирена, прибежит полиция, и ее... а что с ней сделают? Это же ее библиотека! Ее? Хм... не совсем ее, но почти. По крайней мере, ей никто не запрещал брать отсюда книги!

– Вы не совсем правы, хотя и в своем праве, кхе-кхе, – на Ринку опять дунуло пылью. – Вы герцогиня, а значит, согласно уложению от две тысячи триста пятого года... кхе! Кхе!

От пыли у Ринки все сильнее щекотало в носу, и так захотелось чихнуть, что она даже не обратила внимания на «герцогиню». А еще хотелось заткнуть уши и не слышать книжных споров – до ужаса напоминающих ученый совет на защите папиной диссертации. Ринка с бабулей тогда ходили с ним вместе и подслушивали под дверью, потому что нельзя было оставить папу одного «на растерзание старым маразматикам».

Ринка почти добралась до заветного шкафа. Кто же ей сказал, что именно тут – ключ? Неважно! Осталось всего ничего, только протянуть руку...

Остро-серебристые нити распутались, сложившись в красивый узор, напоминающий одновременно чешую и крылья, вспыхнули, и дверцы шкафа раскрылись сами. Внутри лежал всего один фолиант. Большущий, обтянутый перламутрово-зеленоватой кожей, похожей на змеиную, с массивными золотыми застежками, украшенными немислимых размеров камнями. Даже в библиотечной пыли они сияли, словно новогодняя гирлянда. И притягивали, манили, обещали...

В носу нестерпимо засвербело, словно в лицо попал кошачий хвост. Даже на языке почувствовался вкус шерсти. Ринка потерла нос, но это не помогло, свербело все сильнее и сильнее...

– Апчихи!

– Будьте здоровы, – отозвалось сразу несколько голосов...

– Молчать, – оборвал их другой голос. Низкий, глубокий, бархатный. Как будто бы знакомый, но кто это?

Книги мгновенно притихли и притворились обычными, не волшебными. А Ринка внезапно осознала, что стоит босиком, в одной только шелковой сорочке. Длинной, по щиколотку, но сверху – на тонюсеньких бретельках и едва прикрывающей грудь. По спине щекотно пробежали мурашки, пальцы на ногах поджались. А вот свербеть в носу перестало, как будто пыль исчезла.

С трудом отведя взгляд от перламутрово-зеленой обложки, Ринка начала оборачиваться – медленно, ужасно медленно, словно фолиант не отпускал ее. Даже сделала еще один крохотный шаг вперед, к шкафу.

Серебристые нити вновь зашевелились, натянулись, и Ринке показалось, что они превратились в сеть – и все равно она была не в силах устоять на месте. Даже о том, что кто-то пришел в библиотеку, и она хотела обернуться, почти забыла...

Горячие сухие ладони легли ей на глаза, и тот же самый голос приказал:

– Место! – и непреодолимое желание взять в руки фолиант исчезло, а из шкафа послышался разочарованный не то рык, не то вздох.

Одновременно с этим Ринку обдало колкой прохладой, словно порывом ветра с нее сорвало теплый и ласковый кокон. Но ведь сорочка осталась на ней, а больше ничего и не было? Как странно!

– Ты очень неосторожна, – шепнули позади Ринки, и на смену прохладе пришло тепло мужского тела и горько-терпкий, знакомый и обещающий что-то хорошее запах. Но она все равно невольно вздрогнула, не столько от неожиданности, сколько от обостренного ощущения чужого тепла и собственной почти-наготы. – Все хорошо, – сказали ей, едва касаясь дыханием и губами ее уха, но так и не убрав ладоней с ее глаз.

Она бы поверила, если бы могла понять – кто это? Почему она согласна, что незнакомец имеет право обнимать ее, и почему ей кажется правильным прижаться к нему спиной и склонить голову, подставляя шею под поцелуи?

И пока она гадала, тело сделало все само – и прижалось, и подставило шею. А незнакомец тут же провел по ней губами, рождая внутри Ринки волну предвкушения и заставляя ее сердце биться быстрее. А еще у нее почему-то образовалась слабость в коленях, и безумно захотелось схватиться за надежную мужскую руку... или плечи... или что-то еще... И понять, наконец...

– Кто ты? Я хочу видеть!

Мужчина вместо ответа потерялся об нее бедрами, так и не убирая ладоней с ее глаз, и Ринка тихоньки вскрикнула, таким ярким и неожиданным было удовольствие. Просто от того, что она почувствовала его возбуждение.

– Чш, ты увидишь меня чуть позже. Пока нельзя.

– Чуш-ш-шь! – пошелестело где-то рядом и вокруг, и Ринки как будто коснулась паутина. – Мош-ш-шно! Все мош-ш-шно! Он лш-ш-шет!

Мужчина позади Ринки на миг оторвался от ее плеча и тихонько

рыкнул – как большой зверь, совершенно нечеловеческим звуком. Паутина исчезла, а Ринке внезапно стало весело, словно внутри забурлили пузырьки от шампанского.

– А почему нельзя? Ты превратишься в тыкву?

На миг мужчина опешил.

– Почему в тыкву?

– Потому что в детстве надо сказки читать, – тут же ворчливо отозвались с книжной полки, – а не забивать голову всякими глупостями...

– Р-разговор-рчики, – снова рыкнул мужчина, и ворчливый голос осекся, зато кто-то неподалеку тихо-тихо захихикал. – А ты, получается, читала сказки?

– Ага.

Ринка смущенно повела обнаженными плечами; она знала, что их окружают всего лишь говорящие книги, но все равно... подглядывают же! Она никогда не занималась этим... ну... она даже целоваться на публике стеснялась. А тут сразу целая библиотека, а она почти голая, а мужчина не на шутку возбужден, и чем это все закончится... ой... она очень-очень хорошо представляла себе, чем. И от этих картинок смущалась еще больше.

Нет, пожалуй, больше всего она смущалась от того, что не знала – кто этот мужчина, но все равно позволяла ему... и сама хотела гораздо большего... ой-ой. Кто-то здесь нехорошая девочка...

– Ты принц или чудовище? – постаралась она перевести тему, просто чтобы было не так стыдно.

– Разумеется, чудовище, – о ее затылок и шею потерлась горячая щека, а ее лопатки пощекотали шелковистые волосы. – Страшное...

– ...но симпатичное, – хихикнула Ринка. – Щекотно!

– Очень стр-рашное! – не то рыкнули, не то засмеялись позади, и прикусили Ринку за холку, и тут же зализали укусы, и спустились губами вниз, между лопаток...

Она задохнулась и выгнулась, чтобы не разрывать контакт с горячим мужским телом, но у нее не вышло. Он отстранился, оставив лишь ладони на ее глазах.

С трудом подавив разочарованный стон, Ринка замерла. Нет, она не боялась, что он уйдет и оставит ее одну. Она понимала, что все что она хочет – будет. Но... не была в этом уверена. И от этой неопределенности, и внезапно сладкой зависимости – от его желания, от его воли – ее ощущения невероятно обострились. И, кажется, она ему доверяла. Не зная ни его имени, ни его внешности, ничего!..

Хотя нет!

Перед глазами внезапно всплыла картинка (из фильма?): светлый зал, публика в костюмах девятнадцатого века, и в центре кадра черноволосый аристократ – элегантный, харизматичный, опасный и безумно привлекательный. Он зол, как тысяча чертей, дамы и кавалеры отшатываются от него, и сейчас что-то будет...

– Людвиг. Тебя зовут Людвиг.

Мгновение удивленного молчания, потом тихий-тихий смех и такой же тихий приказ. Нет, просьба:

– Закрой глаза. Сама.

– А... – Ринка хотела спросить, зачем, но не стала. Просто согласилась. – Ладно.

Теплые ладони скользнули по ее скулам и зарылись в волосы. Вытащили шпильку, растрепали освобожденные пряди. Погладили плечи.

Безумно хотелось податься им навстречу, как кошка подставляется под глядящую ее руку, но каким-то седьмым чувством Ринка чуяла – он ждет, что она будет стоять неподвижно. Позволит собой любоваться.

Может быть, она слышала это в его неровном, ускоренном дыхании. Или в сумасшедшем биении собственного сердца.

– Ты очень красива, – словно нехотя, словно на чужом и сложном языке, шепнул Людвиг. И взял ее за руку. – Идем со мной.

Ринка пошла с ним, не открывая глаз и не обращая внимания на недовольный шелест позади:

– Вернис-сь!

Но она даже не попыталась обернуться. Только улыбнулась и чуть сильнее сжала мужскую ладонь. Она знала, – неизвестно откуда, но это не имело значения, – что Людвигу нравится ее доверие и послушание. А самое странное, что ей самой нравилось доверять и слушаться. Новое, непривычное ощущение...

Она почти вспомнила, почему на самом деле доверять и слушаться нельзя, но тут по ее лицу снова мазнули волосы... или шерсть... или паутина... неприятные воспоминания исчезли, оставив лишь любопытство, доверие – и предвкушение. А через мгновение сильные мужские руки потянули ее к себе, и она оказалась прижатой к твердой груди. И не только груди, о да... Под Ринкиной щекой отказалось плечо, обтянутое чем-то шелковистым, вроде батиста, а ее руки словно сами собой обняли Людвига за шею.

– Рина? – одновременно с вопросом Людвиг приподнял ее голову за подбородок и, мгновение подождав (Ринка послушно держала глаза закрытыми, хотя ей ужасно хотелось увидеть его), коснулся губами ее рта.

Нежно. Словно изучая, пробуя на вкус.

Она тоже изучала и пробовала, и ей определенно нравилось – и легкий привкус шоколада, и запах чистого, здорового мужчины, и гулкое, быстрое биение его пульса под ее пальцами.

– Теперь можно? – спросила она, едва поцелуй прервался.

– Да.

Она целую секунду промедлила. Вдруг она ошиблась, и это – не Людвиг?.. а кто такой, кстати, Людвиг? Вряд ли они познакомились на съемках фильма... Но ее губ снова коснулось мужское дыхание, и она распахнула глаза. Как раз вовремя, чтобы заглянуть в его глаза, синие, как Средиземное море, и такие же манящие. И через мгновение все странные мысли вылетели у нее из головы.

Этот поцелуй был совсем иным. Жадным, требовательным, горячим. И Ринка отвечала так же горячо и жадно, недоумевая: почему это прекрасное ощущение кажется новым? Ведь это Людвиг, ее Людвиг, он был рядом с ней всегда и будет всегда!..

Она потянулась к застёжке его рубашки, но не нашла ее – и требовательно дернула ворот, желая скорее дотронуться до обнаженной кожи. Кончики пальцев покалывало от удовольствия и нетерпения, внизу живота потяжелело, налилось жаром, и каждое прикосновение – его губ, его рук, даже шершавой ткани его брюк сквозь тонкий шелк сорочки – казалось невероятно ярким и необходимым. И когда Людвиг, не разрывая поцелуя, потянул с себя рубашку, Ринка радостно запустила под нее обе руки – наконец-то ощутить его, огладить напряженные тугие мышцы, рельеф спины, провести вниз по твердым костяшкам позвонков... а когда она скользнула пальцами под ремень его брюк, Людвиг вздрогнул, отстранился...

Ринка разочарованно выдохнула – нельзя, нельзя отнимать у нее это великолепное мужское тело, она еще не успела, да ничего она не успела!..

Разве что смотреть, как Людвиг торопливо расстегивает ремень, не отрывая от нее потемневшего взгляда, судорожно сглатывает, облизывает пересохшие губы – и Ринка машинально повторяет за ним, и впитывает, впитывает каждое прекрасное мгновение... каждое движение изящных пальцев, изгиб запястий, показавшуюся дорожку темных волос...

Почему она раньше не замечала, как это красиво и эротично – мужчина, торопливо снимающий с себя штаны?

Прикусив губу, она дотронулась до низа его живота, улыбнулась, ощутив его судорожный вдох, и накрыла ладонью освобожденную из плена горячую, нежную плоть.

Боже, как хорошо!.. И как хочется скорее, прямо сейчас, почувствовать его в себе! Там, где тело изнывает от нетерпения! А еще хочется...

Ринка провела обеими ладонями по его животу и груди вверх, задержавшись на ключицах, и там же, где остановились пальцы, дотронулась губами. Осторожно, вдоль косточки, лизнула плотную, чуть влажную кожу, почувствовала ее вкус и запах.

И повела плечами, помогая ему избавиться ее от ненужной сорочки, прижалась всем телом, прерывисто вздохнула, когда он сжал ладонями ее обнаженные бедра...

– Кто так делает, ну кто так делает? – проскрипело откуда-то сверху. – Никакого терпения, молодежь пошла! Вот наше время... – сверху мечтательно зашелестело, а потом пустилось в воспоминания, от которых у Ринки мгновенно загорелись уши.

Она замерла, взглядом ища что-нибудь, чем можно запустить во наконец обнаглевшие книги: настольная лампа? Чернильница? Чей-то лысый бронзовый бюст? Подушка с дивана?..

Людвиг тоже на миг замер, оторвался от ее плеча, которое увлеченно целовал, и хмуро глянул на книжные полки. Оттуда что-то посыпалось, взвились клубы пыли, кто-то закашлялся, а кто-то зашикал. В точности ученый совет!

– Особо умных советчиков упокою, – он не повышал голос, нет. Но ученый совет резко заткнулся, а потом зашелестел страницами, делая вид, что они тут вовсе ни при чем.

– А мы что, а мы ничего... Никого не трогаю, примус починая... – зашептало на разные голоса. Очень испуганные голоса. И в библиотеке потемнело.

Ринке стало безумно смешно, и в то же время – невероятно приятно и горячо. Страшное-престрашное чудовище рычит на пыльную мудрость, а та цитирует Булгакова и прячется. И чудовище – самое сильное, самое красивое, самое... самое ее, вот!

– Завидуйте молча, – сказала она, обернувшись к подернутым дымкой книжным полкам и показав им язык. Спрятались, значит. Еще бы цветочками притворились!

Словно в ответ на ее мысли дымка заволновалась, сгустилась – и перед книжными полками нарисовалась мексиканская саванна, поросшая желтоватыми кактусами с крупными лиловыми цветами. Кактусы были полупрозрачные, но на вид очень, очень колючие.

Людвиг хмыкнул, запустил руку в Ринкины волосы на затылке, погладил. И с улыбкой склонился к ее губам.

– Ты удивительно прелестна в гневе, моя герцогиня, – в его голосе насмешливые нотки мешались с хрипотцой возбуждения.

Вместо ответа – которого никто и не ждал – Ринка его поцеловала. И закинула ногу ему на бедро, потерлась о него животом... О, реакция ее восхитила: Людвиг тут же приподнял ее за бедра, развернулся вместе с ней – и усадил ее на край дивана, оказавшись на коленях между ее ног. У Ринки даже голова закружилась от такого напора. А может быть, от нетерпения. Она вся пылала, ее кожа требовала прикосновений, все ее тело дрожало и плавилось, готовое принять новую форму – его форму, вобрать его в себя, сжать...

Когда он вошел, резко, на всю глубину, Ринка застонала и откинула голову, вцепившись его плечи. Мощные, бугрящиеся мускулами. Это было так хорошо... так правильно... Только мало, мало!

И она подавалась навстречу каждому его движению, чтобы быть еще ближе, почувствовать его еще полнее, быть с ним одним целым...

Где-то на задворках сознания мелькнуло недоумение: неужели бывает настолько хорошо? Вот именно так, как нужно, как просит ее тело, с правильной скоростью, и она точно знает – он не остановится, будет двигаться именно столько, сколько ей нужно...

Да, именно так!..

Жар внутри ее рос, ширился, вытеснял случайно забредшие мысли, выжигал все страхи и сомнения – и переплавлялся в чистейшее, невероятное наслаждение. Огромное. Неудержимое. Как цунами.

И перед самым пиком, просто чтобы быть еще ближе, она запустила руку ему в волосы, потянула к себе – сильнее, ну же, сейчас!.. – и рассыпалась на мелкие осколки, на крохотные звездочки... а над ней, в ней, вокруг нее – был он, ее мужчина. Людвиг.

– Людвиг, – шепнула она, чувствуя, как он содрогается внутри нее, как отчаянно быстро бьется его пульс, и как его дыхание щекочет влажные волосы на ее виске.

И его усталую улыбку она тоже чувствовала. Вместе крепкими, надежными объятиями. И почти успела услышать, как он шепчет ее имя – нежно, сумасшедше нежно...

– Рина... Рина!

И открыла глаза.

На нее очень внимательно смотрели синие, как летнее небо, глаза с узкими вертикальными зрачками.

– Мр-рр? – сказала кошка по имени Собака и переступила лапками по Ринкиной груди. – Мр-мр!

Ринка догадалась, что это означало «хватит спать, ленивый человек, чеши!»

Чесать кошку не хотелось, так что Ринка протянула к ней руку из чистой вежливости. А хотелось обратно в сон... ох, какой был сон!..

Жар залил ее от самых ушей – и сконцентрировался сладкой тяжестью между бедер. Вот что с ней такое, а? Меньше суток знакомы с Людвигом, а она уже смотрит про него такие сны! Такие...

На этом месте слова закончились, остался один немой восторг и обида – ну почему это был всего лишь сон? Почему в реальности мужчины не бывают настолько чуткими, понимающими, сильными и уверенными! То есть бывают, но как-то по отдельности. Вот Петр всегда был уверен, что лучше знает, что ей нужно, и как-то не слишком прислушивался к ее желаниям. Влад... о том разе даже вспоминать не хотелось. Гормоны, угар первой любви, все второпях, на эмоциях, и она даже толком ничего не почувствовала... Великий Ктулху, какой она была дурой! По сравнению с Людвигом... да никакого сравнения!..

И как же трудно напоминать себе, что это был всего лишь сон! Ощущения-то самые настоящие!

Ринка снова залилась жаром и зажмурилась, вспомнив ощущение губ Людвига. Сладко-о...

– Мадам Рина, вы проснулись! – вырвала ее из грез Магда. – К вам герр Мессер пожаловали! Вам платье подать? Их светлость вам платьев назаказали, красивенные! Аж целый шкаф!

– Ага, – неуверенно отозвалась Ринка.

Через мгновение ее закружил рыжий ураган, сияющий счастливой улыбкой. Причесывая и одевая ее в сливочное, вышитое букетиками фиалок домашнее платье, Магда умудрялась одновременно восхищаться красотой своей хозяйки, строгостью Рихарда, волшебным штруделем фрау Шлимахер, виллой, мобилем герра доктора и его обходительностью, и все это с неподражаемым деревенским прононсом.

– Не так быстро, – наконец, взмолилась Ринка.

Рыжая тут же зажала рот ладошкой и сделала круглые глаза:

– Ай, простите, мадам! Вы ж только со сна, а я тут с глупостями-то со своими!.. А велите, я вам в утрешний будуар подам чаю со штруделем? Рихард говорит, в утрешном будуаре прилично принимать герра доктора! Или лучше в столовой?

В голосе Магды звенел детский восторг: ах, какой дом! Фрау Цветочнице и не снилось! А Ганс, глупый Ганс, умер бы от зависти, увидев ее здесь, рядом с настоящей герцогиней! Ринке не надо было магического

дара, чтобы прочитать все это на открытом, почти детском лице... Наверняка девчонке еще шестнадцати нет.

– Хорошо, доктора приму в будуаре, а чай подавай в столовой, – вздохнула Ринка.

Она чувствовала себя хозяйкой ирландского сеттера: очень много радости, дружелюбия, энергии, рыжей шерсти и умильных глазок, но полностью отсутствующие в лексиконе слова «тишина» и «покой». И ведь на это совершенно невозможно сердиться! Особенно когда рыжая непоседа с искренним восхищением достает из коробки атласные туфельки и примеряет их на тебя:

– Вам ножку не обжало, нет? Они ж маленькие! Как на куколку! Вот свезло-то Черному герцогу... – Магда осеклась и подняла на Ринку обеспокоенный взгляд. – Вы простите, мадам, я не... ну... все так говорят. Только их светлость совсем не такие, они... они хорошие, да! А эти пусть...

Ринка засмеялась. Магда с распирающими ее сплетнями была такой забавной и трогательной! Вот точно, сеттер-уши-по-ветру.

– Ты мне все-все расскажешь, только после ухода доктора, хорошо? – улыбнулась ей Ринка.

Магда тут же закивала, да так, что косы запрыгали по плечам. Видно было, что ее распирает со страшной силой, но она держится, как партизанка на допросе.

– Беги, приглашай герра Мессера в будуар и вели накрывать к чаю.

Магда снова закивала, сияя голубыми глазищами. А Ринке очень-очень захотелось приказать: «апорт!». Но она удержалась. Нехорошо обижать девушку, пусть даже прислугу...

О Великий Ктулху! Я что, уже начала мыслить, как герцогиня? Всего лишь прислугу! Буржуйская твоя морда, Агриппина Николаевна. Давно ли сама мыла пробирки в лаборатории, чтоб протянуть от стипендии до стипендии? Аристократка из Нью-Васюков!

Магда убежала звать доктора, так что Ринка без опаски показала своему отражению язык. Отражение, кстати, было неприлично раскрасневшимся и довольным. Никакой аристократической бледности, здоровый рязанский румянец. И глаза, как у обожравшейся сметаны кошки. Кстати о!

– Кис-кис, – позвала она.

Собака тут же запрыгнула ей на колени, словно только и ждала приглашения. И замурлыкала.

Вот так, с кошкой на руках, Ринка и явилась в утренний будуар, такой же светлый, просторный и ни капельки не напоминающий замок

некроманта. Правда, выглядел он нежилым, да и спальня тоже. Как будто оформлял нанятый дизайнер, а не хозяйка дома.

Впрочем, о предыдущих хозяйках она скоро все узнает. С таким-то шпионом, как Магда!

– Герр Мессер, рада вас видеть, – она улыбнулась и протянула руку для поцелуя жизнерадостному толстячку.

– Прекрасно выглядите, ваша светлость, – поставив у двери кожаный саквояж, наверное, одинаковый у всех докторов всех миров, герр Мессер приложился к Ринкиной руке, заодно прощупав пульс. – Я несказанно рад прекрасному началу вашего брака!

Ринка не совсем поняла, что именно доктор назвал прекрасным началом брака, может быть, что ее до сих пор не съели фамильные привидения? А, неважно. У нее слишком хорошее настроение, чтобы думать о всякой ерунде. Тем более что она ужасно, просто ужасно голодна!

Как всегда после хорошего секса... но... это же был сон! Так что – просто потому что завтрак был очень давно.

– Для вас – фрау Рина, доктор. Сегодня фрау Шлимахер приготовила вишневый штрудель, вы же не откажетесь составить мне компанию?

– Божественный запах!.. Но сначала позвольте, я вас осмотрю.

– Э... мне нужно раздеться?

– Нет-нет, что вы! – доктор попятился в удивлении, а Ринка мысленно надавала себе тумаков: как можно было забыть, что здесь не двадцать первый век с его свободой нравов! – Я все прекрасно увижу и так.

– У вас все совсем иначе, чем я привыкла, – вздохнула она и похлопала ресницами: роль блондинки – спасение от любых неудобных вопросов. – Сложно вот так сразу в незнакомую культуру, не зная толком ни ваших традиций, ни взаимоотношений. Как нырнуть в реку с пираньями.

– Что такое пираньи?

– Такие зубастые рыбы. Герр Мессер, я не знаю, что вам рассказал Людвиг...

Доктор поднял раскрытые ладони:

– Ничего, ровным счетом ничего! – разулыбался он. – Ваши секреты пусть останутся при вас. Я, видите ли, очень ценю спокойный сон и рассчитываю дожить до старости. Глубокой старости. Моя забота – ваше здоровье, фрау Рина. Надеюсь, ваш супруг не будет против вопроса: атипичная реакция на проклятия – это свойство всей вашей семьи или только ваше?

– Понятия не имею, – она снова похлопала ресницами как можно наивнее. – Видите ли, до сих пор никто не пытался нас проклинать, – Ринка

одарила его очаровательной улыбкой.

– У вас, видимо, крайне благоразумные соотечественники. Вы позволите вашу руку?

– Разумеется! – по крайней мере, тут она не опростоволосится. Это всего лишь рука. – А скажите, герр Мессер, вы были знакомы с фрау Эльзой Бастельеро?..

На лице доктора расплылась чисто мужская самодовольная улыбка, он кивнул и начал было говорить, но тут распахнулась дверь, и на пороге появился Людвиг.

Ринка шагнула ему навстречу, позабыв, что доктор держит ее за руку – так рада была, что супруг вернулся...

– Фрау Рина, герр Мессер.

И без того хмурый Людвиг нахмурился еще больше, от него пахнуло физически ощутимой злостью. Ринка в недоумении замерла.

– Людвиг?

– Продолжайте, не буду вам мешать, – бросил он холодно, развернулся и буквально вылетел из будуара.

Ринка перевела удивленный взгляд на доктора.

– Что это было?

– У вашего супруга очень нервная и ответственная служба. Возможно, он просто устал.

Ринке очень, очень хотелось, чтобы доктор оказался прав. Но что-то ей подсказывало, что дело гораздо серьезнее. И она совершенно не понимает, что происходит и что ей с этим всем делать! А главное, почему ей не все равно, в каком чертовом настроении явился ее чертов супруг! Она, между прочим, как приличная жена – ждала, радовалась его приходу, чуть на шею не бросилась! А он? Какого черта ему вообще надо, этому... этому проклятому некроманту?!

Глава 10, о красоте, которая страшная сила

Виен, Астурия. Кроненшутц

Людвиг

Этим вечером Людвиг ненавидел политику особенно сильно. Впрочем, политика отвечала полной взаимностью. Исключительно из ненависти к Людвигу политический курс Астурии относительно Франкии развернулся на сто восемьдесят градусов, и вчерашние противники сегодня стали чуть ли не лучшими друзьями. А он, верный подданный короны, чуть ли не предателем! И все почему? Потому что «не хватило гибкости и чувства момента»! Он, видите ли, должен был выслушать барона де Флера, проявить Барготом драную гибкость... упредить желание короля... Герман Энн, разумеется, не обвинял его прямо, еще бы он посмел. Но...

«Если бы ты не был таким прямолинейным, друг мой, нам было бы куда проще. Не пришлось бы пускаться в авантюры в самый последний момент».

В гробу он видал эту гибкость! Вместе с политическим чутьем! Пусть в эту дрянь кузен играет, ему по должности положено. А Людвиг со шпионами дел не имеет, и точка.

От злости он так сильно хлопнул дверью Оранжереи, что золотой символ «корона над скрещенными мечами», намертво приделанный на фронтоне, покосился и едва не упал. Ему же на голову.

– Мобиль вашей светлости подан, – невозмутимо отрапортовал Мюллер, дожидавшийся его на крыльце конторы. – Прикажете сесть за руль?

Людвиг нехотя кивнул. Здравый смысл подсказывал, что таким злым садиться за руль – верное убийство ни в чем не повинной техники. И вообще, надо как-то расслабиться, что ли. Отвлечься.

Прочитавший по хмурому лицу начальства все, что должен читать хороший адъютант, Мюллер достал из бардачка плоскую фляжку и молча протянул Людвигу, едва тот сел на заднее сиденье.

После пары-тройки глотков в животе потеплело, окружающий мир перестал казаться настолько мерзким, и Людвиг даже нашел в себе моральные силы признать, что Герман не так уж и неправ. Отчасти. Но высказывать Людвигу недовольство все равно не имел права!

Чтоб она была здорова, эта политика!

Твердо решив отвлечься и подумать о чем-нибудь более приятном,

Людвиг прикрыл глаза...

– Приехали, ваша светлость, – голос адъютанта вырвал его из сна.

Несколько мгновений Людвиг не мог сообразить, где он, и куда делась его жена?

– Ваша светлость? – теперь уже Рихард, открывший перед ним дверцу мобиля.

– Наша, – буркнул Людвиг.

Баргот бы побрал... Людвиг не мог точно сказать, кого или что. Но сон был таким... О, как она стонала, как отдавалась! Как сладко прогибалась, принимая его в себя, и держалась за его плечи, и...

Нет, штаны были сухими. Хотя бы не опозорился во сне, как подросток. Но вот все прочее!

Прочее стояло. Как камень. И требовало сейчас же, немедленно, продолжить с того самого места, где закончился сон. Можно прямо в библиотеке. Или в гостиной. Да где угодно!

– Фрау Рина дома? – спросил он как можно равнодушнее и про себя порадовался, что нынче в моде длиннополые сюртуки, прикрывающие все, что следует прикрывать в таких случаях.

– Дома, герр Людвиг, – ответил Рихард и выразительно кивнул на длинный и черный, как катафалк, мобиль доктора Мессера.

Проклятье! Какие демоны его принесли?! Не то чтобы он имел что-то против герра Мессера, нет. Правильный медик, в политику и дворцовые игры не лезет, к партиям не примыкает, никого отравить не пытается. Но Барготовы же подштанники, заявиться так не вовремя!

К его жене.

Трижды проклятье.

Людвиг слишком хорошо помнил, как не желал возвращаться в собственный дом, где его не ждала Эльза. Течная сучка. Она готова была раздвинуть ноги перед кем угодно, кроме собственного супруга! Его она, видите ли, боялась и им брезговала. То ли дело трахаться с королем, чтоб ей земля была камнями!

И вот, пожалуйста. Новая жена – старые традиции. Первый день женаты, а она уже принимает гостей.

То, что она принимала доктора – которого сам Людвиг просил заехать – несколько поправляло дело, но... но... Все они одинаковы! Сегодня доктор, завтра – кузен...

Барготовы подштанники, за что ему такое наказание?

О том, что мефрау Амалия Вебер была бы наказанием куда худшим, он теоретически помнил. Но отвращения к статусу женатого человека и

наличию в его доме очередной развратной красотишки это не отменяло.

А все матушка, чтобы она жила вечно! Матушка, и кузен, и проклятая политика, и сама фрау Рина – как убедительно она притворялась испуганной, послушной и скромной! Чтобы в первый же день... О, Людвиг прекрасно помнил, как Гельмут смотрел на нее, а она – на Гельмута! Да тут святой мученик озверевает!

Чтобы не озвереть окончательно и не покрыться чешуей, Людвиг сделал дыхательные упражнения. На свежем воздухе, не заходя в дом. Дворецкий терпеливо ждал, когда хозяин успокоится. Ему-то торопиться было некуда.

– Герр Мессер прибыл полчаса назад, – отчитался Рихард, принимая у Людвига плащ и шляпу. – Ее светлость велели накрыть к чаю.

Людвиг поморщился. Вести светские беседы вместо хорошего секса – отвратительное занятие. Но выгнать герра Мессера нельзя. Лейб-медик непременно все доложит кузену, и кузен выест Людвигу мозг. Мол, сам не обольщаешь супругу – так мне не мешай.

Чтоб он жил вечно, любимый брат!

Может, ну ее, супругу? Поздороваться, сослаться на усталость и уйти к себе. Ужин в кабинете с видом на кладбище, очередная дядюшкина книга по некромантии и здоровый спокойный сон. А перед сном позвать эту, рыженькую. Камеристку. Не в веселый же квартал ехать, право слово!

Трогать супругу Людвигу резко расхотелось.

– Рихард, где там моя... э... супруга?

– В утреннем будуаре, герр Людвиг.

Утренний будуар Людвиг ненавидел почти так же, как политику. Именно там его покойная супруга принимала дорогого кузена, и наверняка не только его. Проверять точно Людвиг брезговал. Просто после гибели Эльзы выжег все остаточные эманации ее ауры и всех, кто бывал в ее комнатах, и велел их запереть. А теперь там поселилась новая заноза.

Ладно. Надо успокоиться. Ему все равно придется делать с ней наследников, от долга перед родом никуда не деться. Да и сваливать свое проклятие на племянников или, Баргот упаси, Гельмута, будет не по-человечески. Хватит того, что проклятие поломало жизнь Людвигу. А его сын будет готов к своей ноше с рождения, Людвиг научит его всему, что знает сам. Всему, что добывал по крупицам, с кровью и слезами.

Ох, матушка! Вашу бы любовь, да в мирных целях!

К утреннему будуару он подошел почти спокойным. По крайней мере, никакой чешуи. И никакого подросткового стояка. К своей супруге он сейчас испытывал самые противоречивые чувства, и желания среди них

определенно не было.

– Фрау Рина, герр Мессер, – он был готов быть милым и проявить гостеприимство. В конце концов, он герцог, а не хрен собачий. Но...

Его супруга только что кому-то отдалась. С удовольствием. Этих перламутровых взблесков ауры ни с чем не перепутаешь. К тому же, румянец на скулах, припухшие губы, довольная поволока в глазах. И она еще и посмела ему улыбаться! Делать вид, что рада ему!

– Людвиг? – радость в ее глазах сменилась недоумением и обидой так натурально, что он почти поверил.

Почти.

Поверил бы, если б она хотя бы дала себе труд почистить ауру и не так сиять!

А доктор... не сияет. Поэтому доктора он убьет потом. Не в собственном доме.

– Продолжайте, не буду вам мешать.

Людвиг даже не хлопнул дверью. Недостойны. Это – его дом, а от неверной супруги он избавится. Только не так, как от предыдущих двух. На это раз все будет мирно и прилично. И на этот раз он получит своего наследника. В конце концов, она подписала контракт – и она выполнит все, что обещала.

– Вы будете ужинать, герр Людвиг? – тихо спросил его Рихард.

– Разумеется. Сообщите фрау Рине, что я жду ее к ужину через... – Людвиг глянул на любимый хронометр, – четверть часа.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Когда Рихард сообщил, что его светлость ожидают супругу и доктора к обеду через четверть часа, Ринка по его сочувственно-официальному тону поняла, что дело плохо. И оказалась права.

Ужин, который в этом доме именовался обедом, прошел в недружественной официальной обстановке. Ринку усадили в торце длинного стола – метрах в трех от Людвига, сидящего в противоположном конце. Герру Мессеру досталось место сбоку и посередине, видимо, чтобы никого не обделить непринужденной беседой.

При этом столовая сияла голубоватым светом газовых рожков, блестела хрусталем бокалов и подвесок на люстре, и подавляла гигантскими размерами и помпезностью. Что-то в духе Людовика Четырнадцатого. Или Шестнадцатого. Короче, чистый Версаль.

И розы. Опять повсюду белые розы. С Черным герцогом они сочетались просто великолепно. Дорогой супруг выглядел на их фоне как

натуральный черный паук: нечеловеческая холодность и аристократизм, а со жвал – Ринке упорно казалось, что они вот-вот отрастут – капает яд. Или серная кислота. В общем, сейчас она очень хорошо понимала Амалию Вебер, и будь ее воля – сбежала бы.

Если б было, куда.

И этот человек показался ей нормальным и даже симпатичным? И этот человек снился ей в эротическом сне? Вот дура-то! Надо было отказываться от его любезного предложения. Те бродяги, конечно, манерами не отличались, но они хотя бы были людьми, а не чудовищами.

Впрочем, в столовой присутствовал человек, которому на Черного герцога было как минимум начхать. Скорее всего, и не такое видел.

Доктор Мессер с жизнерадостной улыбкой рассказал парочку анекдотов из жизни двора – Ринка категорически не поняла, в чем тут соль, и кто вообще эти люди, но была искренне доктору признательна за попытку. Потом доктор немножко обсудил с Людвигом какой-то новейший трактат, Ринка даже не поняла, по медицине или по магии.

Да и, честно говоря, ее это не особо интересовало.

У нее от переживаний даже аппетит пропал, хотя всего полчаса назад была голодна, как волк. А теперь гоняла серебряной вилочкой по изящной тарелочке что-то очень красивое и совершенно безвкусное.

– Фрау Рина, вам нужно хорошо кушать. Нервно-магическое истощение весьма коварно, – наконец-то обратил на нее внимание доктор.

В его внимании было очень, очень много сочувствия.

Ринка нашла в себе силы улыбнуться:

– Конечно, доктор. Благодарю вас.

Их кратчайший диалог прервал порыв ледяного ветра. Или Ринке только показалось? Белые тюлевые занавеси даже не шелохнулись, а вот Ринку чуть не заморозило.

Черный герцог изволил гневаться. Выразилось это в слегка, не более чем на миллиметр, сведенных бровях, на миг замершей в воздухе серебряной вилке и резком похолодании. Градусов этак на двадцать. Виртуально.

– Мы оба благодарим вас за визит, герр Мессер. Ваша помощь бесценна.

– Всегда к услугам вашей светлости, – как ни в чем не бывало улыбнулся доктор. – Совершенно изумительный штрудель, фрау Шлиммахер, как всегда, неподражаема.

– Великолепный штрудель, – принужденно улыбнулась Ринка. – Такого не подадут даже при русском дворе.

– Рихард непременно передаст фрау Шлиμμαхер ваши восторги, дорогая, – впервые за весь обед Людвиг обратился к Ринке напрямую.

Лучше бы он этого не делал. От пронзительно-черного взгляда ее продрала дрожь, и страшно захотелось сделать что-нибудь... что-нибудь... Да хоть тортом запустить в надменную физиономию! Или спеть неприличную частушку про ежика, елку и ершик. В качестве национального фольклора!

Ее спас от истерики Рихард. Молча воздвигся за плечом герцога и скрипуче покашлял.

– Рихард? – герцог слегка приподнял бровь. На полмиллиметра.

– Ваша светлость велели доставить для фрау Рины.

– Ах, да, – на полмиллиметра поднялись уголки тонких губ. – Небольшой подарок для моей прекрасной супруги. Надеюсь, вам понравится, дорогая.

Следующая сцена почти примирила Ринку с отсутствием супницы на голове Черного герцога. Потому что, когда он протянул руку за подарком для супруги, – не глядя, разумеется, – Рихард все так же невозмутимо положил ему на ладонь нечто... э... неожиданно большое и тяжелое. Ринка бы сказала, что это больше похоже на изящно упакованный и перевязанный бантиком кирпич, но таких здоровенных кирпичей она еще не встречала. Скажем так: небольшой такой ящичек кирпичей этак на шесть. Плоский.

Судя по тому, как Черный герцог сжал губы, весили кирпичи, как и положено кирпичам. И только врожденное (и хорошо натренированное) упрямство не позволило герцогу эти кирпичи уронить прямо на стол. Или себе на ногу.

А жаль. Ринка бы с удовольствием послушала, как он ругается. Наверное, и спесь бы с морды слезла. Вот нечего поручать выбирать подарки для жены дворецкому!

Но кирпичи на неудобно согнутой руке он удержал, зараза высокомерная. И даже бровью не пошевелил. Вместо этого воззрился на Ринку, как на мебель, и развязал ленточку. Неторопливо и изящно.

От любопытства Ринка чуть не подпрыгнула. Не она одна. Доктор тоже смотрел спектакль с нескрываемым удовольствием.

Ну, что же там, не томи!..

«Там» оказалась книга. Чертовски знакомая книга в перламутрово-зеленой кожаной обложке, с массивными золотыми застежками, инкрустированными чем-то каменно-драгоценным и чертовски крупным.

«Лучшие друзья девушки – бриллианты». Ага. Они самые.

Ринка почти ожидала увидеть те же, что и во сне, колко-электрические

нити и услышать вкрадчивый шелест, но книга молчала. Притворялась обычной книгой. Но Ринка ей ни на грош не верила.

А заодно задалась вопросом: кто или что было причиной ее сна, а точнее, сложной наведенной галлюцинации. Не Людвиг, сто процентов. И не доктор, он слишком удивленно рассматривает книгу, да и про иной мир он, похоже, не знает. Но кто? И зачем? И что теперь со всей этой катавасией делать?

– Вы же хотели больше узнать о драконах, дорогая, – отвратительно быстро сориентировался Черный герцог. – Эта книга хранится в нашей семье больше четырех веков. Теперь она ваша.

С любезной улыбкой, адресованной Ринке, он отдал книгу обратно Рихарду – и тот торжественно понес ее Ринке. Версаль, вашу ж за ногу. Лувр! Наверное, какая-то там Медичи вот с такой же улыбкой дарила отравленную книгу своему неудачному сыну, Генриху Третьему. Вроде. В истории Ринка была не особо сильна, но сериалы время от времени посматривала. Так вот – очень похоже. Особенно ледяная жажда чьей-то смерти в бездонных некромантских глазах.

Зачем, спрашивается, женился, если в первый же день уже хочет убить? Вот что ему такого Ринка сделала? Он хотел послушания – она слушалась. Он хотел, чтобы она выглядела аристократкой – она тоже послушалась. Он хотел, чтобы она родила ему наследника – она была готова хоть сегодня же этим заняться! А он?!

Чтоб ты подавился! Чтоб ты весь чешуей покрылся и неровно облез!

– Как это мило с вашей стороны, дорогой! Я невероятно вам признательна, – пропела она, принимая из рук дворецкого книгу.

– Я рад, доро... – начал с убийственной вежливостью Людвиг и схватился за горло, закашлялся. К нему тут же бросился доктор, метнувший на Ринку озадаченный взгляд, хлопнул его по спине.

Из рта Людвига вылетело что-то черное, слюдянисто поблескивающее. Похожее на чешуйку. И кожа на лице приобрела странный блеск, покрылась сеточкой рисунка. И руки тоже. А глаза замерцали мертвенно-синим, как газовая горелка. Даже жвалы показались – или Ринке уже померещилось со страху.

Ой, мама.

Ой-ой-ой, мама! Хочу обратно, домой! К милому, обычному, скучному Петечке! К его дюжине наглаженных рубашек, офисным галстукам и ежевечернему чтению новостей! Не надо мне этой вашей магии, и сказок не надо, и драконов не надо!..

В руках у Ринки что-то пошевелилось. Обиженно. Ей даже показалось,

что кто-то прошелестел: ну, я так не играю!

Все. Совсем крыша поехала.

– Благодарю, доктор, – прохрипел Людвиг, которому герр Мессер подал бокал воды. – Тяжелый день, прошу нас простить.

– Я все понимаю, ваша светлость. Хорошего вам вечера, – тут же откланялся доктор и, ободряюще улыбнувшись Ринке, ушел.

Сбежал, можно сказать.

Что ж. Отличный план!

– Очень тяжелый день, ваша светлость. – Ринка встала из-за стола, прижимая к груди книгу, словно та могла ее защитить от чудовища. – Я пойду к себе.

Ответа она ждать не стала, развернулась и спаслась бегством. И ей даже совершенно неинтересно было, покроется Людвиг чешуей полностью и отрастут ли у него жвалы. Совсем-совсем неинтересно! И полевые испытания она проведет как-нибудь потом. Не сегодня.

И грохот разбитой посуды позади, когда она вылетала в дверь, ей слышался.

И укоризненно качающий головой полупрозрачный незнакомец, мимо которого она пробежала, померещился.

А вот замок на двери, отличный крепкий замок на отличной дубовой двери, был самым настоящим. Как и тяжеленное кресло с парчовой обивкой, которым Ринка подперла дверь изнутри.

Уф. Вот так-то лучше. Авось дорогому супругу сегодня будет не до первой брачной ночи! А если ему чего-то такого захочется, пусть ищет себе большую, красивую паучиху. Может она даже будет так любезна, что его съест.

– Что это вы делаете, мадам? – раздалось от двери в смежную комнату.

Ринка обернулась, пожала плечами. Улыбнулась.

– Вечерний моцион. Из твоей комнаты есть дверь наружу?

– Конечно, мадам. Негоже вас беспокоить, бегая туды-сюды!

– Ага... давай-ка быстренько принести чего-нибудь поесть, и запри дверь изнутри. Она ж запирается?

– Дак... вроде да... а... – Магду разрывало на части любопытство и желание как можно лучше услужить госпоже, и потому она зависла, как девяносто пятая винда. Бедняжка.

– Бегом! – дала нужную команду Ринка, чем несказанно облегчила рыжей муки выбора.

Через пять минут, которые Ринка провела у окна – фантастически красивый сад с мерцающими огоньками завораживал и успокаивал, как

ничто другое, – вернулась Магда с подносом. Ринка как раз отдышалась, успокоилась и даже начала соображать здраво. То есть приняла взвешенное решение не рубить сгоряча, а для начала собрать больше информации – о мире, о Людвиге, о ситуации. Возможно, посоветоваться с кем-то, кто знает Людвига близко. Да в конце концов, газеты почитать! С ее-то умением фильтровать информацию, натренированным потоком пропаганды и страшилок из каждого утюга, грех не разобраться.

А к Людвигу пока не подходить близко. На всякий случай. А то мало ли!

И поесть, наконец! На голодный желудок какой только дряни не примерещится.

Штрудель и в самом деле оказался выше всяких похвал. Особенно с мятным чаем. И шариком сливочного мороженого. Да и котлетка... м... какая котлетка!..

– Ты сама-то поужинала? – на половине котлетки вспомнила Ринка о правилах вежливости, и тут же прикусила язык.

Вежливость в разных мирах – разная, надо уже это принять и успокоиться.

– Благодарствую, мадам, я уж того... на кухне-то... – Магда зарделась от удовольствия, на открытом полудетском лице читался восторг: какая добрая хозяйка попалась, чистое счастье!

– Вот и отлично, – Ринка даже немного смутилась.

Впрочем, когда котлетка закончилась, то и смущение прошло. Чего смущаться-то? Она дала девочке работу, если (когда) та захочет замуж – то и приданое даст. Если, конечно, ее до тех пор саму не съедят.

А чтобы не съели, надо все же узнать побольше.

– Фрау Шлиммахер настоящая волшебница. Ее штрудель мертвого из могилы выманит, – вздохнула Ринка, подбирая последний кусочек вишни с тарелки. – Ты же с ней познакомилась? Рассказывай.

Магда тут же расцвела и принялась выкладывать новости. Все подряд, Ринка не перебивала, лишь иногда задавала наводящие вопросы.

Выяснилось довольно много интересного. Для начала, этот дом вместе с титулом и даром Людвиг унаследовал от дяди, старшего брата матери – той самой фрау Бастельеро, что едва не уморила Ринку проклятием. У дяди был наследник, года на три старше Людвига. Фрау Шлиммахер утверждает, что очень умный, спокойный и милый мальчик, всюду учился и к тринадцати годам, когда погиб вместе с отцом, уже был сильным магом.

О сути фамильного дара Магда ничего толкового не рассказала. Только делала большие глаза, вздрагивала и выдавала идиотские городские

сплетни.

– Ох и зря не верите-то, мадам! В Пустоши этикие твари водятся, этикие!.. о восьми ногах, девяти глазах и с зубищами, как офицерская шпага! Вот вам круг!

– Почему же, верю, – успокоила ее Ринка. – Ты лучше о доме.

– Ага... так вот, в подвале здесь лаботи... лариба...

– Лаборатория?

– Она ж самая! Слово-то какое, язык сломаешь! И там, в ентом ларибе... ну, в подвале то бишь, всякие струменты стоят. Дорогущие, жуть! Их светлость, старый герцог, из самого Лундена выписывали, от альвов! Туда даже горничных не пускают, чтобы чего не поломали. Сам герр Рихард полы моет! А мне и одним глазком глянуть не вышло... Но это ничего, вот завтра... – Магда внезапно смутилась. – Я ж вам обсказать все должная!

Ринка устало улыбнулась и потрепала Магду по слегка растрепавшимся волосам.

– Узнаешь, только осторожно. Не хочу, чтобы Рихард тебя отругал.

– А фрау Шлиммахер говорит, ему сто лет! Она совсем маленькой была, он уже тут служил, и был таким же старым, вот! Наверное, он вовсе даже не человек! А это, как его... вомпер, вот!

– Ерунда.

– Вот и не ерунда! Герр Мюллер сказал, он кровь пьет! Как какую служанку ночью поймает, так и пьет, прям из шеи. Жутко-то как... мадам, можно я не буду по ночам выходить? А то вдруг он и меня... – Магда испуганно схватилась за горло, словно ее уже кто-то попытался укусить. – Эта, если вам чего надо будет, я сбегая, только... ох, они, говорят, серебра боятся. Я канделябру с собою носить буду, можно? Вон ту, о трех свечах. Она тяжелая, авось отмахуюсь...

– Да хоть два канделябра, – кивнула Ринка. Убеждать девчонку, что вампиров не бывает, она не стала. Кто их разберет, что тут водится! Может и вампиры. А что, запросто. Герцог – некромант, дворецкий – вампир, камердинер вообще черт хвостатый.

– Ой, благодарствую, мадам! Вы вот тоже бы ночами не ходили. Тут всяко бывает... – Магда понизила голос. – В гостиной портрет висит, там злой старик, он как на меня зыркнет, и прям ветром, ветром по шее, я чуть не сомлела! А потом шаги, да прям за мной, а я как остановилась, да обернулася, а там никого! Призраки, верно! Ох... вы ж не боитесь призраков, мадам?..

– Не боюсь. И ты не бойся, призраки ничего тебе не сделают.

Разговор все больше напоминал Ринке вечер страшилок родом из

школьного детства. Осталось только рассказать про Черную Руку и Красное Печенье. Самая та компания для вампиров.

Магда продолжала что-то такое рассказывать, но Ринка уже толком не слышала. Усталость давала себя знать. И страх. Хоть она и не верила в страшилки, но сегодняшний день здорово пошатнул ее научный скептицизм. Одни чешуйки на лице Людвига чего стоили. Хотя, может быть, просто свет так падал, и ей все показалось? Наверняка завтра утром окажется, что она придумала себе страхов на пустом месте...

– Ой, слышите, мадам? Это он, старик с портрета! – Магда приложила палец к губам и повернулась к двери.

Ринка хотела было ее высмеять, но и сама услышала шаги. Тихие, неестественно ровные, похожие на цокот когтей по паркету. Ее продрало ознобом и резко захотелось спрятаться под кровать.

Она замерла, Магда тоже. И обе уставились на дверь.

Шаги приблизились и оборвались.

Обе выдохнули и переглянулись.

И тут дверная ручка бесшумно повернулась...

Ринка чуть не подпрыгнула. Магда тоже. Она даже кулачок прикусила, чтобы не завизжать от страха. А Ринка ее обняла, все же она старше и вообще отвечает за малявку.

Дверная ручка пошевелилась еще немного, дверь толкнули – и она уперлась в кресло.

В дверь постучали. Три раза.

Ринка с Магдой переглянулись снова – и обе помотали головами. Нет. Не открывать. Ни за что!

В дверь постучали снова.

И наступила тишина. Слышно было, как где-то скрипит жук-древоточец и за окном шелестят ветки. А за дверью кто-то дышит. Молча.

А вот Ринка с Магдой не дышали, наверное, целую минуту – бесконечно длинную, ужасную минуту. Может быть, Магда молилась, а вот Ринка – мысленно просила прощения у мамы, бабули, Петра и папы, что не слушалась их и влипла вот в такую историю. Летально. То, что за дверью – вампир, или еще какая тварь, точно пришло по ее душу. Как за предыдущими женами Черного герцога.

Мама, мамочка... как же страшно!..

А потом то, что было за дверью, так же ровно, цокая когтями, ушло.

И Ринка с Магдой, не сговариваясь, подтащили к двери комод. Тяжелый. Старинный. И к двери в комнате Магды – тоже. На всякий случай. А спать Магда легла в комнате Ринки, на полу – между ее кроватью

и дверь.

– Ежели он... ежели оно... пусть я первая ему попадуся! А вы бегите, мадам, сразу бегите! Ему меня одной достанет... – дрожащим голосом, очень самоотверженно, заявила Магда, ставя рядом с матрасом канделябр. Серебряный. О трех свечах. – А то, глядишь, и подавится, вомпер старый.

На этой оптимистичной ноте Ринка уснула. Как выключили.

Глава 11, о вомперах с научной точки зрения

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

К концу ужина у Людвиг было стойкое ощущение, что он играет роль в скверной пьесе. Причем роль глупого злодея.

Отвратительное ощущение. И когда супруга сбежала, прижимая к груди никчемный талмуд сказок и задев подолом напольную вазу, оно лишь усилилось.

Вазу спасти не удалось. Людвиг честно попытался ее удержать от падения, но то ли он вымотался, то ли кто-то все же сумел его проклясть – так что ваза грохнулась об пол и разбилась ровно через секунду после того, как за супругой захлопнулась дверь.

Людвиг сморщился и потер виски. Барготом драный дурацкий день! Все не так, все не то. Даже подарок супруге оказался дурацким. Никогда за Рихардом не водилось такого, не сошел ли он с ума?

– Рихард, что за фокусы? – устало спросил он.

– Прошу прощения, герр Людвиг, никаких фокусов.

Невозмутимый дворецкий поставил перед ним полный бокал травяного настоя. Успокоительного. На стол тут же вспрыгнула Собака, сунула в бокал усы и фыркнула.

– Нельзя на стол, – строго сказал Людвиг.

Собака недовольно мявкнула, но со стола спрыгнула. Людвигу на колени.

Дворецкий неодобрительно глянул на животное и продолжил:

– Вы велели выбрать подарок, который понравится фрау, и непременно блестящий. Бюджета вы не обозначили, позволения искать подходящий подарок среди фамильных драгоценностей не давали, а то, что можно купить в лавке готовых изделий, либо неоправданно дорого, либо не понравится фрау.

Людвиг только покачал головой. Определенно, Рихард был даже слишком разумен. Не то что некоторые.

– Герр Мессер уехал?

– Нет, герр Людвиг, но если вы не желаете его сегодня видеть, я провожу.

На вопросительно поднятую бровь Рихард все так же невозмутимо доложил:

– Герр доктор отправился за своим чемоданчиком. Вернется через две... полторы минуты.

– Вот и хорошо. Мне нужен разумный и непредвзятый взгляд со стороны.

– Если позволите, герр Людвиг...

– Позволю.

– ...эту книгу велел подарить вашей супруге Господин. Он сегодня был здесь.

Людвиг чуть не подавился успокоительным отваром. Сам первый Бастельеро?! Ему-то какое дело до развратной девицы из другого мира?..

Хотя... именно что из другого мира. Возможно, призрак пра-пра-дедушки что-то да знает, еще бы он изволил явиться и что-то объяснить правнуку, у которого от странностей и непонятностей голова кругом идет.

Однако вместо призрака в столовую пожаловал герр Мессер. Собранный и серьезный.

– Прошу прощения, ваша светлость, – кивнул он, подходя к столу и укладывая на свободное место свой чемоданчик. – Его величество велел очень внимательно отнестись не только к здоровью вашей супруги, но и вашему. Особенно к здоровью ваших нервов. Надеюсь, вы не против осмотра.

– Разумеется, нет. Но для начала позвольте вопрос, герр Мессер. – Дождавшись сосредоточенного кивка (доктор доставал измерительные приборы, и потому на Людвига пока даже не глянул), Людвиг продолжил: – Вы были причиной изменения в ауре моей супруги?

Доктор сухо усмехнулся: поднимать тему супружеской верности (или ее отсутствия) герцогини Бастельеро он явно не желал. Слишком свежа была история с Элизой – ее герр Мессер пользовал, как королевский медик. И ее тайну – ее и Гельмута – унесет с собой в могилу.

И вообще, с какого перепугу Людвиг так на него разозлился? Чуть не проклял на месте, да что там – едва удержался от убийства. Он, хладнокровный некромант, который не особо-то злился, даже когда застал Эльзу с Гельмутом. А тут внезапно приступ ярости! Словно наваждение.

– Нет, – покачал головой доктор. – Когда я увидел фрау Рину, был уверен, что причиной послужили вы.

– Вот как...

– Именно поэтому я серьезно озабочен, ваша светлость. Либо у вас что-то с памятью, либо в вашем доме происходит нечто странное. Возможно, опасное. Позвольте встречный вопрос: вы сегодня касались вашей супруги?

– Нет.

– Очень странно.

Да не то слово, странно! Демонски странно! Если б Людвиг не был совершенно невосприимчив к любым проклятиям и иллюзиям, решил бы, что его проклинали и одновременно морочат ему голову. Но чтобы проклясть его или навести на него морок, надо обладать как минимум превосходящей силой, причем редкой и специфической. А в Астурии и ближайших государствах нет других темных магов его уровня. Разве что испанийский гранд-герцог Марк Ортис, магистр Ордена Пернатого Змея. Но его интересы далеки от Астурии, и делить ему с Людвигом нечего.

Но на всякий случай надо посоветоваться с Германом, пусть соберет данные о последних перемещениях и контактах Ортиса.

– Рихард, – позвал Людвиг. – Кто сегодня общался с фрау Риной после того, как я покинул дом?

– Из живых только вы, герр Мессер и Магда, камеристка ее светлости, и странное животное, которое ее светлость принесла с собой.

– Из живых... – повторил Людвиг. – А из неживых?

– Сожалею, герр Людвиг, но тут я ничего не могу сказать.

Барготова мать! Получается, все же прапрадед. О любом другом Рихард бы доложил, но не о собственном создателе. Но что ему было нужно? И не мог же призрак поймать новую герцогиню, в конце то концов! Он нематериален!

Сплошные загадки, будь они неладны.

– Ладно. Смотрите, что считаете нужным, герр Мессер.

Сухо кивнув, доктор приступил к обследованию: хоть Людвиг в целом и понимал, что тот делает, но повторить бы не смог. Хотя бы потому, что тонкая целительская аппаратура сгорала в его руках едва ли не мгновенно по причине энергетической несовместимости. Вот и сейчас доктор едва успел что-то записать, как ауроскоп затрещал, выпустил сноп бледных искр – и умер.

А кошка по имени Собака на коленях у Людвига недовольно мявкнула и ткнулась мордой ему в ладонь, чтобы не забывал чесать. Надо же, как хорошо устроилась, словно ей на герцогских коленях самое место.

– Вот и повод обновить оборудование, – усмехнулся доктор. – Никаких посторонних воздействий, которые при нашем уровне развития науки возможно определить. Вы сильно потратились, устали, перенервничали, но в целом показатели в норме. Ровно настолько, насколько они вообще могут быть в норме у вашей светлости.

– То есть ни Баргота мы не узнали, – пожал плечами Людвиг,

продолжая чесать кошку. Ее мурлыканье весьма способствовало душевному равновесию.

– Увы. Единственное, что я могу вам посоветовать, это дыхательные упражнения и бдительность. Кто предупрежден, тот вооружен. И, если позволите... – доктор сочувственно вздохнул, – объяснитесь с супругой. Фрау крайне испуганна.

Поблагодарив доктора, Людвиг велел Рихарду его проводить, ссадил Собаку на пол и отправился к супруге. Доктор прав, следует извиниться. А заодно проверить ее комнату, мало ли, какие улики там найдутся.

Барготовы подштанники! Почему, чем ближе Людвиг подходит к комнате жены, тем больше злится? Он же успокоился! Он же прекрасно понимает, что ревновать ее – глупо, и наверняка изменению в ее ауре есть рациональное объяснение.

Обязательно есть.

Иначе придется признать, что даже Рихард ему врет. А это... это... нет, Людвиг пока еще был не готов к тому, чтобы его мир рухнул еще раз.

Так. Дышать ровно, сосредоточиться на собственном пульсе. Успокоить разбушевавшееся воображение...

И не обращать внимания на странные тени, и отзвуки – словно стук когтей по полу в такт шагам. На вилле «Альбатрос» и не такое бывает по ночам.

Около двери супруги Людвиг оглянулся – и встретился взглядом с двумя зелеными огоньками. Похоже, это кошка по имени Собака стучала когтями. Потому что сейчас, когда она остановилась, стало совсем тихо. И за дверью – тоже тишина.

Людвиг повернул ручку замка, чтобы заглянуть и проверить, не спит ли супруга. Замок послушно поддался, а Людвиг отметил про себя: она заперлась. Не учла только, что замки в этом доме годятся от кого угодно, только не от хозяина. И не от призраков. И от Рихарда тоже не помогают. Так что толку от них ноль без палочки.

Однако дверь не открылась, словно ей что-то помешало. Приложив к двери ладонь и прислушавшись к дому, Людвиг усмехнулся: кресло. Нежные, хрупкие девушки, если их перепугать или разозлить, могут не только кресло весом в три стоуна, но и мобиль на тормозах подвинуть.

На всякий случай Людвиг постучался. Мало ли, хрупкая девушка уже успокоилась и готова к разумному общению? Но за дверью затаились.

Ну и ладно. Раз не хочет разговаривать – не надо ломиться. А то еще, увидев законного супруга, канделябром запустит. Девушки, они такие девушки.

Беззвучно пожелав супруге спокойной ночи, Людвиг отправился к себе; кошка все так же шла следом, делая вид, что она тут просто так, сама по себе, прогуливается. Уже у своей двери Людвиг подмигнул портрету, наблюдающему за ним через старинный лорнет. Портрет подмигнул ему в ответ, мол, подумаешь, супруга! Мы, Бастельеро, и не с такими чудовищами справлялись.

– Мур-р, – подтвердила кошка и скользнула вместе с Людвигом в дверь спальни.

Что ж, чудовище – то есть фрау Бастельеро – выйдет к завтраку, тогда они и поговорят. И наверняка все недоразумения прояснятся.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Кошка по имени Рина

Утро началось с шишки на лбу. Во сне Ринка благополучно забыла о дневных приключениях и проснулась с привычным ощущением «опазываю на лекцию». А потому привычно попыталась скатиться с кровати и наощупь влезть в тапки... Вот тут-то ее и подкарауливал в засаде коварный столик на изогнутых ножках. С мраморной столешницей.

Вот черт!

От боли Ринка не сразу сообразила, как умудрилась очутиться в пятизвездочном отеле, и явление рыжей девицы в крахмальном белом фартуке и белом же чепце с кружевами ничегошеньки ей не подсказало.

– Ох, мадам, да как же так! – всплеснула руками девица... и тут до Ринки дошло, что она знает ее имя. – Сейчас я вам примочку сделаю, сию секундочку! Ой, вы не вставайте, мадам, а то голова-то как закружится!

Магда унеслась, а Ринка прижалась ушибленным лбом все к той же мраморной столешнице – ничего больше холодного поблизости она не увидела – и прикрыла глаза. Смотреть при свете ясного астурийского утра на собственную герцогскую спальню не было никаких моральных сил, и отчаянно хотелось уснуть обратно, а потом проснуться дома. В Москве. Рядом с милым, добрым, заботливым Петечкой, который никогда бы себе не позволил покрываться чешуей, ронять взглядом люстры и держать дворецким вампира.

Ведь все это ей приснилось, правда же?!

Заботливые руки Магды, приложившие к ее лбу ледяной компресс, пахнувший какими-то незнакомыми травами и немножко камфарой, развеяли прекрасную иллюзию. А из ее болтовни стало понятно, что Ринка проспала не лекцию, а время завтрака, и потому герцог недоволен, а Рихард сегодня так на Магду смотрел, так смотрел...

– Ты замерзла? – перебила ее Ринка, заметив на девичьей шее толстый

вязанный шарф.

– Не-а, но он такой колючий! Ни один вомпер не прокусит!

– Да чушь все это, – покачала головой Ринка и поморщилась. Ушибленная голова болела, а при воспоминании о вчерашнем и вовсе мутило.

– Может и чушь, а береженого Единый бережет.

Спорить с ней Ринка не стала, а молча позволила сопроводить себя в туалетную комнату, подать полотенце, расчесать, одеть – и время от времени прислушивалась к потоку новостей. Что ж, в этом мире нет радио, но его вполне заменяет Магда. Правда, пока ничего особо интересного она не рассказала – так, домашние сплетни и немножко о привычках герцога.

– ...каждое утро, прям как простолюдин какой. Вот не думала, что герцоги – и службу служат!

– А что, по-твоему, должны делать герцоги?

– Как что? На балах танцевать, за дамами ухаживать, по клубам ездить. Цветы покупать! К нам в лавку знаете сколько благородных господ захаживало? Этак небрежно закажут: супруге ирисов, а полубовнице роз корзину, да еще актриске какой букет, да с записочкой. Ой, сколько я тех записочек понаписала! У меня почерк красивый, ровный, и грамоту знаю. Вот надо будет вам письмо написать, а вы мне и надиктуете!

В голосе Магды слышалась такая гордость, что Ринка была бы последней сволочью, если б не восхитилась и не пообещала непременно надиктовать. А заодно и спросила, где ж Магда училась грамоте?

– Так в школе при монастыре, дай Единый здоровья нашему королю! Матушка не хотела поначалу в школу-то меня отдавать, в хозяйстве рук не хватает, но бургомистр наш как прочитал на площади королевский указ, мол, кто детей учить станет, тому послабление в налогах выйдет, так все и повели. А тем, кто детей учить не стал, штрафы вышли. Я целых четыре года училась! И грамоте, и арифметике, и слову божью, и пению, и травному делу... ох, мадам! Что ж это я, совсем вас заболтала, а вы такая бледненькая сегодня. Болит, да?

– Уже нет, – с удивлением ответила Ринка: в самом деле, боль совсем прошла. И шишки не осталось, она проверила пальцами под компрессом.

– Ой, хорошо! Вам завтрак в будуаре или в столовой? А герцог велел, как вы будете одеты, выйти к нему в гостиную. Верно, чего сказать хочет важного.

Слушать, чего важного хочет сказать герцог, Ринка совершенно не желала. Но в гостиную решила пойти – это лучше, чем если супруг заявит к ней сюда.

Интересно, кто же все-таки приходил вечером?

Зябко передернув плечами, Ринка накинула поверх бежевого утреннего платья вышитую шаль и отправилась к супругу. Он нетерпеливо ходил по гостиной, хмуро заложив руки за спину и поглядывая на резные напольные часы с гирями. Весь в черном, только воротник сорочки белый. И совсем не похож на герцога, скорее на какого-нибудь статского советника.

– Доброго утра, дорогая, – он дернул уголком рта, что должно было обозначать улыбку, и на этом с любезностями покончил. – Прошу прощения, что напугал вас вчера вечером. Тяжелый день. К сожалению, сегодня я не смогу уделить вам должного внимания до самого вечера, дела службы.

Ринка молча кивнула. Хотелось сказать, что она и не ожидала от него особого внимания, но не стала. Ни к чему усугублять.

– Я рад, что вы меня понимаете. Вам, наверное, захочется посмотреть город, купить что-нибудь. Сегодня я открою на ваше имя счет в Коронном Банке, а пока... – он протянул Ринке бархатный мешочек с монетами. – Как вы помните, в вашем распоряжении весь дом, кроме моего кабинета и моей лаборатории. Для поездки в город возьмите второй мобиль и шофера. И прошу вас, сообщите Рихарду, куда именно вы направляетесь и когда планируете вернуться. Вы меня поняли?

– Разумеется, – кивнула Ринка.

Еще бы она не поняла. Тотальный контроль. Как это по-мужски! И в полном соответствии с договоренностью, будь она неладна.

– Хорошо. Увидимся вечером. Обед в семь часов, будьте к этому времени готовы.

– Как скажете, – снова кивнула она. Ей почему-то стало грустно и обидно, словно ее обманули. Но ведь она не ждала, что Людвиг будет снова тем заботливым и даже в чем-то милым кавалером, который уводил ее из дворца? И тем более не ждала, что он будет похож на Людвига из ее сна.

Совсем не ждала!

И не нужен ей Людвиг из сна! В такого она бы еще и влюбилась, а этого делать нельзя. Он – чудовище, а она тут то ли пленница, то ли заложница, то ли ценный свидетель. Никакой романтики нет и быть не может.

Потому что.

Тем временем Людвиг открыл рот, собираясь сказать что-то еще, даже почти шагнул к Ринке, но тут раздался пронзительный звонок телефона – очень похожий на звук антикварного монстра, живущего в папином кабинете. Нахмурившись, Людвиг поспешил в угол гостиной, поднял

трубку почти такого же монстра, только белого с позолотой...

– ...да... опять? Скажи им, что я не обязан... Барготовы подштанники, Герман!.. Да, уже выезжаю.

Слов его собеседника Ринка не расслышала, только тон: сухо-деловой.

– До вечера, – кивнул ей Людвиг, едва положив трубку, и буквально вылетел за дверь.

Ринка проводила его взглядом, потом подошла к телефону – осмотреть его поближе... и заметила на столике, прямо около аппарата, что-то черное, слюдянисто-блестящее. И под звук стартующего мобиля подняла со столешницы чешуйку.

Да, именно чешуйку. Вчера ей не приглючилось. Ее супруг – монстр, мутант и черт знает что такое. А ей придется как-то с этим жить.

Попивая утренний чай – зеленый, невероятно нежный и вкусный – и не вслушиваясь в жизнерадостное щебетание Магды, проводящей ревизию закупленных супругом (наверняка у мадам Шанталь, сшито в точности по меркам) одежды, Ринка рассматривала прихваченную из гостиной чешуйку. На вид и на ощупь – хитин, но какой-то особо твердый. Серебряным столовым ножиком даже нет смысла ковырять, явно скорее ножик погнется, чем чешуйка поцарапается. Разве что алмазом попробовать...

– Магда, милая, а где та книга, которую я вчера принесла?

– А... так в будуаре, мадам. Вам подать?

– Будь добра.

Магда тут же бросилась в соседнюю комнату за книгой, а Ринка еще раз пощупала чешуйку.

Твердая. Холодная. То есть Ринка ее вот уже несколько минут держит в руке, а та все равно холоднее температуры тела. Это какая же у нее теплопроводность? Черт, сюда бы хоть какие приборы и реагенты! Для начала хватило бы обыкновенного микроскопа, да где ж его взять!

– Вот, мадам, – Магда несла книгу перед собой, словно корону на подушечке. – Какая она тяжелая-то! А камни, небось, настоящие брульянты!

– Алмаз, берилл и хризолит, – машинально поправила ее Ринка, разглядывая замысловатые застёжки. – Клади на стол.

Эксперимент удался. Наверное. То есть чешуйка чуть-чуть поцарапалась. Больше пострадали Ринкины пальцы от соприкосновения с острыми гранями.

– Ай, зачем же! Мадам! – камеристка искренне переживала. – У вас такая нежная кожа, а вы... сейчас сбегая к фрау Шлимахер, принесу примочку!

– Да ерунда, – отмахнулась Ринка. – Стой! Скажи-ка лучше, знаешь ли ты магазин, где продается научная аппаратура?

– Научная абра... что?

– Штучки для ученых и магов, – перевела Ринка на понятный язык.

– Так конечно, мадам! – обрадовалась Магда. – Туточки близко совсем, три квартала всего! Я туда бегала диковинки смотреть. Все такое блестящее и сверкающее – страсть! И до жути непонятное! А продавец ужасно солидный мужчина, говорит не по-нашему. Бриттский альв, вона как! – она закатила восторженно глаза.

Ринка не стала выяснять, относится восторг к бритту или к диковинкам.

– Отлично! Пойдем туда.

– Что, прямо после завтрака? А, я знаю, это про маринад! – гордо сообщила Магда, вытаскивая из шкафа нечто голубое, переливчатое и с кружевами.

– Какой еще маринад? – не поняла Ринка, разглядывая платье: невероятной красоты, но совершенно явно вечернее.

– Так благородные завсегда прогуливаются после завтрака! Про маринад называется. Туда кавалеры с цветами ходят, дамам дарят. Ежели их страстью обуяло, то, значит, алые розы или вот гибсаксус...

– Гибсаксус. Цветок – гибсаксус, а прогулка – променад, – хмыкнула Ринка и покачала головой. – Нет, это не подойдет.

– Так красиво же! Вона, как блестит!

– Блестит – это на вечер, Магда. Разве ж ты видела, чтобы благородные дамы на утренней прогулке блестели?

Магда на мгновение задумалась, забавно сведя бровки и прикусив губу. И тут же обрадованно заявила:

– Конечно! Вот хозяйка моя, она завсегда, как пойдет в бакалейную лавку поутру, так блестящую юбку и наденет! А еще бусы и шаль с кистями! Так она-то простая фрау, у ей только юбка, а вы, мадам, целая герцогиня!

– Значит, надо блестеть, как новогодняя елка?

Магда закивала так, что непонятно было – как голова не оторвалась. А Ринка не выдержала, рассмеялась.

– Давай вон то, темно-голубое... хотя... брюки тут есть?

– Не-а, их светлость тут своих вещей не держат.

– Да не мужские, женские брюки. Носят у вас дамы брюки?

Теперь Магда отчаянно замотала головой:

– Да что вы, мадам, как же можно ж! Это только северные дикарки,

которые по морю ходят, одеваются в мужское! А тут же столица, как же дама, и в мужском-то? Нельзя! Позору не оберешься! Но... вы ж не всерьез, а, мадам?..

– Ладно, не бойся ты так. Юбки так юбки. Давай темно-голубое. Не блестящее!

Магда, продолжая качать головой, убрала предмет своего восторга обратно и достала то, что велела Ринка. Довольно простое, закрытое и длинное платье из тончайшей шерсти. По подолу, рукавам и вороту шла изумительно тонкая вышивка в тех же тонах, какие-то растительные мотивы. И никаких жемчугов и бриллиантов.

– Прекрасно, прямо то что надо, – кивнула Ринка.

И Магда, тяжело вздыхая и косясь на торчащее из раскрытого шкафа платье своей мечты, принялась ее одевать. Буржуизм, конечно – одеваться с помощью камеристки, но, во-первых, сто и одну пуговку на спине хоть как извернись, а не застегнешь, а во-вторых, хватит уже рвать девочке шаблон и отнимать работу.

– А вы и в таком платье, все равно красивая! – решительно шмыгнув носом, заявила Магда. – Сразу видно, настоящая герцогиня!

Ринка про себя хрюкнула. Настоящая, так настоящая. Прирожденная, ага.

– Давай мне туфли для прогулок. Покрепче и без каблука, – сбила она очередную мечту Магды на подлете: та уже достала коробку с чем-то атласным, на тонюсеньком каблучке.

– Так это... ваша светлость же на мобиле поедет, а без каблука не...

– Магда, – оборвала ее Ринка.

Та сделал большие жалобные глазки и замерла, словно ее бить собрались.

– Да, мадам?

– Без каблука. Кожаные. И мы пойдем пешком.

Молча открыв и закрыв рот, Магда грустно кивнула и убрала атласные туфельки, лишь разок их украдкой погладив. А Ринка опять почувствовала себя не то хозяйкой щенка спаниеля, не то воспитательницей детского сада. Злой. Жестокой. Не дающей маленьким девочкам играть в красивых кукол и заставляющей их есть ужасную манную кашу.

Через десять минут они Ринка с Магдой были готовы к приключениям. Хотя какие там приключения-то? Пройтись по богатым кварталам мирного европейского города намного безопаснее, чем доехать до универа на автобусе. Поэтому Ринка решила, что паранойю супруга она уважит как-нибудь в другой раз, а сегодня хватит того, что она скажет Рихарду...

– ...я в город на прогулку, вернусь к обеду.

Дворецкий невозмутимо поклонился, согласный с решением хозяйки – что было неожиданно и приятно. А вот кошка... Она словно задалась целью не пустить Ринку гулять. Вертелась под ногами, пыталась забраться на руки, требовала то чесать и гладить, то кормить, то вообще непонятно чего. И сейчас, когда Ринка наконец добралась до входной двери, противно замяукала и вцепилась всеми когтями в подол пальто.

– Ах ты, Собака! – ухватив мерзкое животное за шкурку, Ринка отбросила его прочь. – Рихард, запирайте ее где-нибудь. Хоть в кладовке.

Магда, к своей чести, не стала охать и причитать, а тут же сбегала за другой одежкой. Больше в гардеробе пальто не было, поэтому Ринка даже не стала протестовать против вчерашнего лисьего палантина. В конце концов, герцогиня она или где? Может себе позволить прогуляться в мехах.

– А это вот магазин готового платья, для бюргеров побогаче, – добросовестно работала гидом Магда, по самые ушки довольная своими обязанностями.

Ринка тоже была довольна – и красивым городом, и свежим воздухом, и хотя бы видимостью свободы. Да и Магда ее веселила: неуклюже-наивным задиранием носа перед прохожими, ведь она теперь не какая-то там нищая помощница в цветочной лавке, а камеристка самой герцогини! И тем, как украдкой смотрелась в витрины – проверяя, как сидит на ней новенькое форменное платье неземной красоты. Не такое блестящее, как мечталось, но из отличного тонкого сукна и почти благородного покроя. А уж как она гордилась своим ярко-синим полупальто с беличьей оторочкой! Но старательно не показывала вида, мол, подумаешь, пальто! Эка невидаль! Да у меня этих пальто – завались, девать некуда! Вылитый кот Матроскин, который заливает про дядю на гуталиновой фабрике.

Интересно, откуда у Рихарда ее мерки? Наверняка именно он позаботился и о форменном платье, и о пальто с туфлями – на Магде все новенькое, куда лучше того платья, в котором Ринка забрала ее из цветочной лавки.

– А это лавка тетки Зухры, видите, по-ненашенски вывеска писана, киноварью? Такая стервь! Зато у ей гадать даже высокородные приезжают. Инкогомно!

– Инкогнито?

– Ага. Говорят, – рыжая понизила голос, – что даже ваши золотки бегали! Мне Маричка рассказывала. А ей сказал кривой Тополь, который работает дворецким у его сиятельства графа Штимлица!

«Самого графа!» – прозвучало в ее тоне. Но Магда тут же опомнилась,

расправила плечи и гордо огляделась по сторонам. Вспомнила, что теперь-то она служит самой герцогине! Вот смешная девчонка.

– Вот как. Я совершенно не знакома с семьей мужа, – грустно улыбнулась Ринка. – Даже сплетен местных не знаю! Только вчера приехала, и сразу замуж.

– Как же вас угораздило? Вы такая красивая, – по-бабьи вздохнула Магда. – А замуж за проклятого герцога вышли. Совсем вас папенька не пожалел.

Ринка пожала плечами, мол, не мне судить папеньку, а про себя подумала: вот бы папа обрадовался, попадись ему Людвиг в лабораторию! Чтобы заполучить столь интересный экземпляр мутанта чешуйчатого, он бы сам Ринку ему отдал в замуж, потому что наука превыше всего.

– А что, герцог Бастельеро в самом деле проклят? – перевела она тему.

«Чем-то еще, кроме проклятия Великого Чешуйчатого Психа», – не добавила она, хоть и хотелось.

– Ага! – радостно закивала Магда. – Вот вам круг, весь род проклят!

Они как раз вышли на уютную, словно вылизанную улочку, заканчивающуюся парком. Здесь дома были проще – узкие, в два-три этажа, стоящие впритык друг к другу. Разномастные балкончики, лепнина, колонны, эркеры и замысловатые окошки украшали фасады, делая улочку похожей на театральные декорации. На зеленые задние дворики можно было попасть через редкие подворотни.

– Здесь франки живут, и лавки ихние туточки. Вона там продают штучки для умных, – рыжая ткнула пальцем в витрину под зелено-полосатой маркизой. – А насчет мужа вашего, так люди много говорят. Что правда, что нет, поди пойми, – Магду просто распирало сплетнями, но она пыталась выглядеть серьезной и взрослой. – Говорят, что он превращается в зверя страшного, а еще он может проклясть одним взглядом, и порчу наслать одним словом. А убивает он каждый десять дней одну девственницу, чтоб пить ее кровь, без крови он никак не может жить.

– То есть дворецкий довольствуется служанками, а герцогу девственниц подавай? – Ринка едва сдерживала смех. Ага! Да в городе столько целомудренных девиц не сыщешь, сколько Людвигу надо на завтрак. И как же ей повезло, что она не девственница и не служанка! Можно не опасаться «вомперов».

– А еще он до девиц охоч. И не скрывается даже, ходит полюбовницу проведывать... Ой! – Магда с ужасом посмотрела на Ринку. И вдруг бухнулась перед ней на колени. – Простите! Простите дуру языкатую! Вранье это все! Вот Единым клянусь, вранье! Хотите землю съем? Я не

верю, и вы не верьте!

– Встань! – со смехом произнесла Ринка. – Я не сержусь и не расстраиваюсь.

Да пусть он хоть полгорода перетягает в постель, лишь бы к ней не приставал! Надо ей это чудо чешуйчатое!

Глава 12. Об альвах, спирте и французенке

Виен, Астурия. Франкский квартал

Рина

Магазин оказался чудом из чудес. Словно прямиком со страниц романа в духе стимпанка. Одна вывеска – еж, обнимающий синюю колбу и с синими же искрами по колючкам – чего стоил! А слоган? «Здесь вы познаете чувство ежа».

О да. Ринка его познала полной мерой. Особенно когда к ней подошел изумительно красивый зеленоглазый мужчина с белыми, собранными в хвост волосами, заостренными ушами в разномастных сережках и с золотым, явно волшебным моноклем.

– Диэтилентриамин, эксвайр, к вашим услугам, фрау, – представился он берущим за душу низким, шелковым голосом.

Ринка отреагировала неадекватно: чуть не заржала. Он бы еще Этанолом представился! А что, простенько и со вкусом!

– Очень приятно, фрау Бастельеро, – улыбнулась ему Ринка и чуть было не добавила: «А это Магда», – но вовремя осеклась. Вряд ли здесь принято представлять камеристок.

– О, какая честь! – просиял альв, и Ринка засмотрелась на его улыбку. Вот честное слово, он бы порвал Голливуд! – Заказ вашего супруга почти готов, но некоторые ингредиенты все еще выдерживаются... о, простите. Вам вряд ли что-то скажет...

– Ваше имя? – хмыкнула Ринка. Чертов красавчик оказался типичным шовинистическим засранцем из тех, которые считают женский мозг сродни куриному. – Отчего же. Бис-два-аминоэтил-амин, иминодиэтиламин из группы этиламинов. Имеет все химические свойства аминов, содержащих первичные и вторичные аминогруппы...

Прекрасные зеленые глаза альва сначала округлились, потом стали несколько больше первоначального размера, а затем...

– Прошу прощения, госпожа! – он глубоко поклонился, прижав руку к сердцу. – Я принял вас за...

– Не стоит продолжать, – отмахнулась Ринка. Ей внезапно стало страшно: куда еще она влипла по собственной дурости? Вот же язык без костей! – Давайте вернемся к цели моего визита, герр Диэтилентриамин.

– Разумеется, госпожа! Почту за честь услужить вам. Вас интересует новое оборудование?

Ринка кивнула.

– Мне требуется самый новейший микроскоп. Для начала. Надеюсь, хотя бы двухсоткратное увеличение у вас есть?

В зеленых глазах альва мелькнуло восхищение.

– Разумеется, госпожа. Прошу вас... – он указал на неприметную дверцу в глубине помещения. – Нет смысла выставлять столь дорогие инструменты на всеобщее обозрение, – альв кинул холодный взгляд на Магду. – Ваша... э... слуга может пока остаться здесь и полюбоваться на... э... антикварные модели.

Из торгового зала «для настоящих ученых» Ринка вышла немножко обалдевая, очень довольная и с изрядно похудевшим кошельком. Конечно, альв принял ее невесть за кого, и какие будут последствия, один Ктулху знает. Но оборудование у него оказалось на высоте! Не электронные микроскопы, конечно же, но оптика – настоящее чудо для текущего века. Что заставило Ринку всерьез задуматься о разнице в технологиях и не только... Но эту загадку она решила отложить на потом. Их и так скопилось слишком много. А пока она начнет с изучения собственного супруга.

Магда, кстати, провела прекрасные четверть часа за разглядыванием «дикушин», которые оказались самой что ни на есть бутафорией. Примерно как «научные» приборы в торговых павильонах ВВЦ. Правда, она разглядела и кое-что еще, и от этого «кое-чего» краснела, бледнела, прятала глаза и кусала губы.

– Не мнись, выкладывай, – вздохнула Ринка, едва они вышли за порог лавки.

Магда отчаянно замотала головой:

– Да ничего, мадам! Я ничегошеньки не видела!

– Не умеешь врать, не берись. Ну?

– Так это... ну... – Магда побагровела, как свекла. – Он тут... они тут...

– Кто он, Ганс твой, что ли?

– Не! Не мой он, и вообще... не он, вот. Ой, мадам, а давайте я коробку понесу, она ж тяжелая! У вас ручки нежные, куда ж вам коробку-то...

– Не увиливай. Что ты видела такого, о чем не хочешь мне рассказать?

– А может не надо? Ничего...

– Магда!

– Я это... его светлость, на мобиле... вот прям туточки, и за угол...

Ринка готова была рычать и кусаться, но понимала – бесполезно. Потому она погладила Магду по голове, вручила ей коробку с микроскопом стоимостью с Бруклинский мост и очень мягко спросила:

– Что его светлость?

– Поехали их светлость. Тут, за углом. К этой... – Магда глубоко вздохнула, зажмурилась и выдала: – К любовнице.

Сердце оборвалось, в животе похолодело, и Ринка порадовалась, что отдала коробку Магде. Вот странно, да? Он же ей, по сути, никто. Сутки знакомы. Любить и быть верным он не обещал, да она и не ждала. И вообще, что за герцог без любовницы? Даже как-то несерьезно. Но почему-то вот такая реакция. Атипичная. Как пневмония, мать ее Ктулху.

Ей бы радоваться – после любовницы герцог к ней, законной супруге, приставать будет меньше. А она...

Домой надо, вот. Микроскоп отнести.

– Идем, – велела она Магде и, печатая шаг, направилась в строго противоположную дому сторону. Туда, за угол.

– Она там живет? Ты знаешь?

– Ага, – расстроено кивнула Магда. – Марица про нее рассказывала. Франка она, такая... ну... вся такая из себя... Да вы не обращайтесь внимания, мадам. У всех любовницы, мужчины, они ж такие... Вы ж к ней не пойдете, правда?

– Не пойду. Еще не хватало содержанку его светлости за волосы таскать. Я ж не торговка на базаре...

– А герцогиня! – закивала Магда. – Вы ее...

– Мы на нее посмотрим, и все, – строго сказала Ринка. – Никаких скандалов!

– Ага, никаких!

– Так какой дом, говоришь... – начала Ринка, и тут же замолчала.

Дом был белым, аккуратным и каким-то карамельным, что ли. Перед подъездом стоял Людвиг и разговаривал с усачом в ливрее. А мобиль Людвиг оставил чуть раньше, за два дома до нужного, потому что там два дворника в длинных фартуках и картузах переставили кадки со стриженными деревьями прямо на проезжую часть, видимо, на зиму их убирали. Или... неважно, короче.

Сейчас Ринке ничего было неважно, кроме как удержаться и не запустить в чертова супруга тяжеленным микроскопом. Или хотя бы ридикюлем, в котором оставалась почти половина выданных ей денег.

Не нужны ей его деньги!

И он сам не нужен!

И подарки свои может засунуть себе... куда хочет может засунуть!

А она, она...

Что она, Ринка додумать не успела. На балкон прямо над входной

дверью выскользнула миниатюрная девушка с короткой стрижкой. Очень красивая девушка. До неприличия красивая! И Людвиг ей улыбнулся! А она просунула между перил балкона ногу в атласной туфельке и кокетливо ею помахала, будто зазывая мужчину, а этот развратник помахал ей в ответ и рассмеялся! Настоящий полковник, некромант и... гад чешуйчатый смеялся! Не то чтоб громко и заразительно, но это явно был самодовольный такой смех. Собственнический. И не спрашивайте, как Ринка это определила! Почувствовала, и все тут! Да, Магда права, эта француженка – любовница Людвиг.

А Ринке тут делать совершенно нечего.

– Магда, идем отсю... – начала она, и тут раздался грохот выстрела.

Ринка вздрогнула и отшатнулась, упершись спиной в чью-то дверь. Рядом тоненько заскулила Магда. А около дома началось такое...

Сначала все завертелось быстро-быстро, как на американских горках: выстрелы, дым, вспышки, невесть откуда выскочившие незнакомцы... А потом вдруг замерло – словно в Матрице, когда Нео прыгал с крыши на крышу.

И видно было отлично, как с вип-мест в лучшем кинотеатре 3D. И пошевелиться было невозможно, даже воздух в легких застыл.

От страха, наверное?

Или от шока?

На Людвиг напало минимум пятеро, и еще несколько человек бежали к нему с разных концов переулка. Те самые дворники – с чем-то длинным и острым наперевес, вроде шпага, только метров полутора. Еще двое вынырнули из подворотни рядом и стреляли в него продолговатыми снарядами, оставляющими за собой дымные хвосты: они медленно-медленно летели к Людвигу, шесть штук, роем смертельно опасных шершней. А Людвиг еще медленнее поднимал руки, без оружия, без перчаток, и эти руки на глазах чернели и покрывались чешуей. И лицо тоже.

Пятый нападающий стрелял откуда-то с другой стороны улицы, совсем рядом с Ринкой. Из чего – она не видела, потому что даже глаз скосить не могла.

А француженка на балконе доставала пистолет. Задрала юбку – маленький, с коротким стволом револьвер был заткнут за кружевную подвязку – и ее пальцы уже коснулись ствола...

Усатый швейцар, с которым только что разговаривал Людвиг, поднял руку с зажатым в ней... артефактом? Оно остро, игольчато сияло синим светом, и этот свет тек с руки – намного быстрее, чем летели дымные

снаряды – и формировал перед Людвигом овальный щит, слишком тонкий, слишком прозрачный...

Каким-то образом Ринка понимала, что замершее время вот-вот отомрет, она сама моргнет – а Людвига... Людвига убьют. Потому что он не успеет защититься. И швейцар не успеет, потому что один из дворников уже замахнулся своим блестящим, на глазах удлинняющимся дрыном прямо на него...

И тут она в самом деле моргнула.

Время понеслось вскачь.

А на месте Людвиг закрутилась воронка, едва видимая глазу, но очень страшная. Ее края отрывались, разлетались темными искрами – и превращаясь в призрачных тварей, состоящих из одних только зубов, когтей, щупальцев, клювов и Ужаса.

С тихим звоном лопались струны, грохот выстрелов словно тонул в вате, твари неслись навстречу снарядом и заглатывали их, тянулись к стрелкам – призрачными тенями. Нет, реальными жуткими тварями. Первая пасть с отвратительным хрустом сомкнулась на руке с оружием, брызнула реальная красная кровь. Миг, и оба незнакомца утонули в воющем за гранью слуха клубке – и все растворилось, оставив на мостовой и аккуратных белых стенах соседнего домика небрежные кровавые кляксы.

– Братъ живым! – крикнул кто-то совсем рядом с Ринкой.

Ей надо было оглянуться, непременно надо, но она не могла. Ее взгляд прилип к Людвигу – с его пальцев срывались черные молнии, вот он развернулся к швейцару и дворникам, один из которых уже почти достал швейцара.

Взмах рукой, сосредоточенно сведенные брови, тонкий черный разряд – и ближайший дворник сереет, его оружие ломается и рассыпается хлопьями ржави, его одежду сдувает ветром – и несет серым пеплом, не только одежду, но и плоть... голый белый скелет делает еще один шаг, беззвучно кричит безгубым ртом, и падает на брусчатку, рассыпается трухой.

Второго черная молния лишь задела краем, и он надламывается, распадается на две половины. Левая все еще бежит, а правая – уже рассыпается, обнажая кости.

Если бы Ринка могла хотя бы вдохнуть, она бы закричала. Но она не могла. Она словно увязла в стекле. И звуки выстрелов звенели, звенели...

Все это было ужасно и прекрасно. И странно.

Странно было в эпицентре этого ужаса смотреть на Людвига и думать: вот он, настоящий. Улыбается. Стоит прямо, дирижирует симфонией

смерти, его глаза светятся сине-фиолетовым, резким и мертвенным светом, за спиной завиваются призрачные крылья – Ринка готова была бы поклясться, что не его собственные, а его невидимой спутницы. Ее улыбка, так похожая на улыбку Людвига, сияла над всем переулком, ее костлявые руки тянулись к незнакомцам, ее неслышимый голос пел – торжество, обещание, нежность. Ее пустые глазницы смотрели очень внимательно, и никто не мог скрыться от их взгляда...

Нежная скрипичная мелодия манит, тихонько рокочит литавры, и Ринка почти узнает тему... совсем узнает: это же Вагнер, тема из «Кольца Нибелунгов»!..

Они прекрасно выглядят вместе, – Ринке хочется улыбнуться от этого понимания. – Как любовники. Нет, как давние возлюбленные.

Боже, как глупо было ревновать Людвига к живой любовнице, невысказанно глупо!..

Очередной выстрел с балкона выбил кирпичную крошку совсем рядом с Ринкой. И еще ближе к ней кто-то выругался.

Вагнеровская мелодия вдруг пропала, оставив Ринку посреди дыма, гари, вони и хаоса.

Под взглядом Смерти.

Нет, под взглядом Людвига.

Из него пропала нечеловеческая синь, просветленная наркоманская улыбка сменилась обычной человеческой хмарью.

Он что-то сказал – нет, крикнул! – ей, но Ринка не услышала. Она словно оглохла от тишины, накрывшей переулок.

Людвиг шагнул к ней, что-то закричал, и поднимающийся с колен уса́тый швейцар закричал – тоже ей, словно хотел предупредить о чем-то. И француженка с балкона снова выстрелила – пуля просвистела совсем рядом...

И тут чья-то рука жестко схватила Ринку поперек груди, крутанула, ей в шею уперлось что-то твердое и раскаленное.

Она дернулась, но тщетно.

И наконец-то расслышала, что кричала Магда:

– ...рядом, мадам, рядом!..

А еще она поняла, что сама кричала. Горлом почувствовала. Сорванным. И теперь – обожженным. Дулом пистолета, которое прижималось к самой яремной вене.

– Заткнись, – хрипло каркнули над ухом.

И Магда заткнулась.

– Отпусти ее, – потребовал Людвиг, делая еще шаг к Ринке.

– Непременно, – каркнули у нее над ухом. – Руки за голову, некромант, и на колени. Тогда девчонка останется в живых.

– Не слушай его, Людвиг! – отчаянно-тонко прозвучал в тишине голос француженки. – Он убьет тебя! Прошу, не слу...

Ее оборвал выстрел. Француженка вздрогнула и осела на своем балконе, лицо усатого швейцара скривилось горестной гримасой. Он поднял пистолет...

– Только попробуй, мразь, – снова каркнуло над ухом, и дуло пистолета сильнее вдавилось в шею. Так, что Ринка едва не задохнулась.

– Не стрелять, – велел Людвиг, медленно поднимая руки, опускаясь на одно колено...

Ринке хотелось заорать – нет, не надо, не делай этого! Он убьет всех, он же террорист, нельзя!.. Ты все равно меня не спасешь!..

Но она не смогла даже пошевелиться, скованная ужасом.

И тут Людвиг глянул прямо ей в глаза, и она почти услышала его:

«Падай!»

На миг замерла...

И словно в омут головой, уже чувствуя входящую в шею пулю, пнула своего похитителя в голень каблуком и рухнула на мостовую. Шею пронзило острой болью, грохнул выстрел, плеснуло горячим – а от Людвига, наоборот, ледяным.

Снова все застыло, скованное страхом и льдом. И на этот раз мертвенная волна, идущая от рук Людвига, прокатилась совсем близко. В миллиметре.

Ринку осыпало ледяным крошевом, алой прозрачной пылью и тленом. Да, именно тленом – запах смерти ни с чем не спутаешь.

– Мадам... ох, мадам... – половину вечности спустя прошептала над ней Магда. – Вы только не умирайте, пожалуйста!

И тут на Ринку опустилась благословенная тьма.

Сначала вернулись звуки, глухие и неразборчивые. Потом ощущение влажности на шее и больно впивающихся в зад камней. И только потом – осознание того, что она жива. Что все закончилось.

– Все хорошо, мадам, все обошлось, – в голосе Магды звучала плохо скрытая паника, а к шее Ринки прижималось что-то мокрое и теплое. – Сейчас придет доктор, сейчас, мадам, вы потерпите чуток... – Магда хлопнула носом. – Только не умирайте, мадам!..

– Отставить слезы, – раздался усталый тенор, и Ринка почувствовала, как руки Магды сменились мужскими, куда более уверенными. А теплый мокрый ком с ее шеи исчез. – Ожог и царапина. Вам чрезвычайно повезло,

фрау, что остались живы. Небольшой компресс, пара дней покоя, и от приключения следа не останется. Кстати, вы можете уже открыть глаза.

– Спасибо, – просипела пересохшим горлом Ринка и в самом деле открыла глаза.

Над ней склонился дядька с полуседой «капитанской» бородкой, в белом халате поверх зеленой формы. Военные? Полиция? Наверное, полиция.

– Не за что, фрау, – без улыбки ответил врач, прикладывая к ее шее что-то холодное и электрически потрескивающее.

– Террористов поймали? – спросила Ринка, и тут же поняла: опять не то ляпнула. Потому что у врача сделались острые и внимательные глаза, а руки – дрогнули и замерли на миг.

– Вы кого-то из них знаете?

– Нет, откуда. Доктор, кто на меня напал?

Несколько мгновений ее словно ощупывали невидимые руки, пролезая даже в глазницы, под черепную коробку. От этого невыносимо заболела голова, и Ринка зажмурилась.

Как только зажмурилась – все прошло. А врач сочувственно ответил:

– Ревнивый муж, фрау. Вы просто ему под руку попались.

– Чей муж?..

– Вам пока не стоит разговаривать, фрау. Потерпите немного, сейчас вас доставят в участок, и там все расскажут. Прощу прощения, тут еще пациент.

Врач отошел, и только тогда Ринка открыла глаза. Почему-то она была уверена, что снова этого чувства копающихся в мозгу пальцев допускать не стоит.

Магда по-прежнему была рядом. Сидела на мостовой, одной рукой придерживая коробку с микроскопом и с надеждой смотрела на Ринку.

Слабо улыбнувшись ей, Ринка перевела взгляд дальше – на толпу народа, собравшуюся около дома француженки. Возможно, мертвой. Ринка помнила, как та после выстрела осела на своем балконе.

Жаль. Красивая была девушка. Зря только завела любовника при таком-то ревнивом супруге.

В переулке невеста откуда оказалось несколько черных мобилей с львиными головами на дверцах, похоже, полицейская эмблема. Люди в зеленом кого-то вязали, кого-то допрашивали. Людвига видно не было, и Ринка могла только надеяться, что он остался жив. Ведь ревнивый муж стрелял в него, царапину на Ринкиной шее оставило дуло, а не пуля.

Мелькнула знакомая блондинистая шевелюра над по-военному

прямыми плечами – граф Энн, начальство Людвига. Он обернулся, глянул на Ринку – мельком, не видя толком... и замер. Снова посмотрел на нее. В ясных голубых глазах мелькнуло узнавание...

А около Ринки вдруг оказалось двое невыразительных мужчин в зеленой форме, прозвучало такое знакомое и понятное:

– Пройдемте, фрау, – один из полицейских протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

– Отставить, – велел граф Энн, показавшийся за спинами полицейских. – Фрау Бастельеро, надеюсь, вы целы?

На лицах полицейский промелькнула досада пополам с облегчением. Все как у нас: соседнее ведомство не любят, но спихивают на него неприятные дела с превеликим удовольствием.

– Кажется, цела, – неуверенно ответила Ринка. – А Людвиг?

– Жив, его так просто не убить, но ранен. Как вас сюда занесло? – спросил Энн, помогая Ринке подняться и поддерживая ее за плечи.

– Случайно, – Ринка посмотрела ему в глаза. – Покупала микроскоп тут рядом, решила еще немного прогуляться, и вот, пожалуйста.

Граф Энн ей откровенно не поверил, но спорить не стал, только кивнул.

– Понятно. Вам нужно домой, ваша светлость. Вас отвезут.

Ринка тоже не стала спорить – домой, так домой. Послушно пошла с Энном к ближайшему мобилю, и тут в переулке что-то сверкнуло, как будто короткое замыкание, и у Ринки все волоски на теле стали дыбом. А ровно через мгновение послышался резкий звук, словно разорвался тонкий лист металла.

Граф Энн обернулся на звук, Ринка тоже. И чуть не выругалась от восхищения.

В полудюжине метров от нее в воздухе повисло нечто радужно переливающееся, сыплющее искрами и потрескивающее. Сначала неопределенной формы, оно быстро образовало правильный эллипс, треснуло вертикально пополам – по идее, звук должен был быть именно сейчас, но сейчас как раз феномен был совершенно беззвучен – и выпустило на мостовую доктор Петера Курта. С тростью, в небрежно наброшенном плаще с пелериной, в строгом сюртуке, но без шляпы, он выглядел чужеродно, как Шаляпин в ДК «Заря коммунизма».

– Граф Энн! – доктор Курт направился к ним, с любопытством оглядываясь, а Ринка невольно улыбнулась: в его присутствии она чувствовала себя куда увереннее. – Что здесь произошло? Невероятный выброс магической энергии, у нас в Академии половина точных приборов

сгорела! И ваша светлость тут? Неужели?..

– Нет, доктор Курт, к ее светлости выброс не имеет отношения, – неохотно ответил граф Энн, которому явно хотелось запихнуть доктора обратно в портал и отправить к черту на рога.

– Ну конечно же... – доктор принялся, сведя брови, и тут же улыбнулся. – Его светлость! Где он? Надеюсь, обошлось без магического истощения? Такая энергия!..

– Доктор, – граф Энн нахмурился. – Прошу вас, оставьте ваши соображения...

– Не для широкой публики? – понимающе кивнул Петер Курт. – Не беспокойтесь, граф. Из стен Академии секретная информация не просочится. Нам с вами неплохо бы побеседовать чуть позже, вы не находите?

– Разумеется, – теперь уже кивнул Энн. – Созвонимся завтра.

– А вы, ваша светлость, позвольте навестить вас, допустим, завтра часам к пяти?

Ринка кивнула. Она бы не оказалась от беседы с доктором прямо сейчас, но граф явно не собирался этого допускать. Да и доктор Петер с нескрываемым интересом осматривал словно выжженные проплешины на мостовой, изломанные скелеты – которые полицейские заботливо оградили желтыми вешками – и пятна выцветшей пыли на месте исчезновения призрачных тварей.

– Вам пора, – еще раз напомнил граф Энн, подталкивая Ринку к мобиле.

И тут она, наконец, увидела Людвига. Первым порывом было броситься ему навстречу – ведь он спас ее! И по большому счету плевать на любовницу, на ревнивых мужей, на все плевать – они оба живы!..

Но вовремя заметила не только повязку на его плече, но и сведенные брови, играющие желваки и яростно блестящие глаза.

Черт. Он что, злится на нее?! Его застали у любовницы, из-за его шашней ее чуть не убил какой-то маньяк, и он еще смеет злиться?!

Ринка расправила плечи, сбросив руку графа Энн, и сощурилась. Глаза щипало, но это ничего не значило – она не заплачет. Не покажет ему слабость. Не позволит себя сломать!

– Вы... – начал Людвиг, явственно проглотив ругательство. – Какого Баргота вы послушались, фрау?! Я ясно велел вам не выходить без сопровождения, передвигаться на мобиле и согласовывать маршрут со мной! Вы чуть не лишились головы по собственной глупости, Баргот вас разрази! Вы!..

– Не смейте на меня орать, – холодно ответила Ринка, из последних сил держа спину ровно и стараясь не сипеть. – Я едва не погибла только потому, что ваша светлость не умеет держать свои амурные дела подальше от чужих глаз и ушей. Так что когда в следующий раз поедете к девкам, извольте предупредить меня заранее, чтобы я не оказалась поблизости. Не имеют никакого желания видеть ваши похождения.

Несколько мгновений они сверлили друг друга взглядами, и Ринке упорно казалось – сейчас ее убьют. Размажут по стене аккуратного бургерского домика тонким слоем.

Но некромант вдруг болезненно скривился, схватился за перевязанное плечо, и отвернулся, бросив Ринке:

– В мобиль, быстро.

– Людвиг, тебе нужно в госпиталь, – вмешался граф Энн. – Твою супругу отвезут домой.

– Нет. Я сам верну мою жену домой, где ей и место.

Граф Энн только недовольно сжал губы, но спорить не стал. А у Ринки мелькнула мысль: наверное, им непросто с субординацией. Герцог, подчиненный графу по службе, и черта с два поймешь, кто и когда должен делать другому «ку» три раза.

Не желая усугублять конфликт, Ринка пошла к мобиле и села на заднее сиденье. На месте водителя уже сидел Мюллер – что не могло не радовать.

Людвиг, не глядя на Ринку, уселся впереди. Магда примостилась в уголке позади, устроив коробку с микроскопом на сиденье.

И никто ни с кем не разговаривал до самой виллы «Альбатрос».

Идиллия!

Жаль только, недолгая.

– Через полчаса в гостиной, фрау, – велел Людвиг, едва выйдя из мобиля.

– Яволь, майн фюрер, – ответила она в напряженную некромантскую спину.

Но гад чешуйчатый даже не обернулся.

Сволочь.

Глава 13, о службе, что опасна и трудна

Виен, Астурия. Кроненшутц. Несколькоими часами ранее

Людвиг

Этим утром Людвигу досталась крайне неприятная работа. Труп пролежал в земле несколько месяцев, штатные полицейские некроманты за такое даже братья не пытались, но как водится – именно этот свидетель оказался самым важным.

И самым вонючим.

По счастью, сегодня сила буквально бурлила, и почти разложившийся труп «запел» в считанные минуты. Так что вскоре Людвиг вызвал команду зачистки, сбросил покрытые слизью перчатки в огонь, подписал протоколы – и, едва сдерживая тошноту, отправился в душ.

Черная магия – вовсе не панацея от тошноты. Может быть, если б Людвиг привыкал к подобным запахам (и зрелищам тоже) с раннего детства, его бы каждый раз при виде лежалого трупа не выворачивало наизнанку. Но он, увы, был брезглив, как и подобает герцогу – и совершенно не подобает некроманту.

– Ты готов, друг мой? – на выходе из душевой встретил его Герман.

– Разумеется.

Все детали сегодняшней операции они обговорили еще вчера, так что да – Людвиг был готов.

– Не рискуй понапрасну. Твоя жизнь намного важнее.

Людвиг только пожал плечами. Он вовсе не собирался рисковать, его щитовые чары не пробить даже выстрелом в упор. Предел прочности и длительности у них, разумеется, есть – или пять десятков выстрелов, или две минуты в активном режиме. Так что если франские заговорщики не додумаются палить по нему сразу из двух десятков стволов, а применят стандартную схему нейтрализации мага, подразумевающую щиты куда более слабые – шансов у них нет.

К месту операции – то есть дому Тори – его отвез Мюллер. Ничего необычного в этом не было, Людвиг далеко не всегда садился за руль сам, особенно после сложной работы.

На подъезде к Айзенштрассе Людвиг просканировал окрестности: не припасли ли заговорщики джокера в рукаве? Но нет, ни одного маломальски стоящего мага среди них не было, да и самих заговорщиков оказалось меньше десятка. Видимо, господа франки – отчаянные

оптимисты, рассчитывают на свой новейший арсенал, бомбы. Вот только кто им сказал, что Людвиг позволит бомбам приблизиться к себе настолько, чтобы его задело взрывом? И что они вообще взорвутся в энтропийном поле?

Вот бы поставить эксперимент и выяснить на практике!

Но не сегодня. Сегодня он не намерен рисковать.

Выходя из мобиля, Людвиг улыбался. У него в самом деле было отличное настроение! Спецоперация на свежем воздухе – куда как интереснее и куда как лучше пахнет, чем анимация несвежих покойников.

Как и положено беспечному любовнику, он даже не набросил защитного полога – потому что никогда этого не делал. Сегодня все как всегда. Разве что у Тори лакей новый. Усатый, с зализанными назад черными волосами и выправкой военного. Он как раз следил, чтобы дворники не повредили своими кадками облицовку особняка и не покарябали тротуар. Увидев Людвиг, сделал несколько шагов навстречу (оказавшись аккурат между ним и не обращающими на него внимания дворниками) и подобострастно склонился.

– Ваша светлость. – Если бы не черные всполохи ауры мага-универсала, Людвиг мог бы и не узнать барона де Флера, маскировался он просто отлично.

Когда давний противник гнет перед тобой спину и готов рукавом протирать твои туфли – удержаться трудно. И не нужно.

– Вы отлично вышколены, милейший. Когда вас уволят, пожалуй, я возьму вас помощником дворецкого, – сказал он со всей возможной спесью.

– Как прикажете, ваша светлость, – ничуть не смутившись, ответил де Флер. – Прошу следовать за мной, ваша светлость, меффрау вас ожидает.

– Мон шер! – Тори помахала Людвигу с балкончика.

Где-то в конце переулочка залихватски засвистели (Людвиг подобрался и едва не активировал щиты, но вовремя понял: это еще не сигнал к атаке). Тори, перегнувшись через ажурные перила, помахала свистуну ручкой.

Людвиг мысленно проклял свистуна. Из-за таких вот неожиданностей иногда срываются тщательно подготовленные операции. И ведь нельзя никого задержать и не пустить на Айзенштрассе – рыбка сорвется с крючка.

Тем временем Тори кокетливо улыбнулась, повела плечом и просунула сквозь перила ножку в белом чулке с алой подвязкой.

– Тебе очень идет, – Людвиг подмигнул ей и засмеялся как можно беспечнее.

– Вы в самом деле рады меня видеть, мон шер? – Тори тоже смеялась,

но глаза ее смотрели жестко.

Прекрасная актриса! Он до вчерашнего дня не был уверен, что она работает на кавалера Д`Амарьяка.

– Разумеется, рад, – он сделал шаг к дверям дома, краем глаза отмечая, как дворники слажено наклоняются к своим кадкам и выдергивают полутораметровые саженцы, которые на самом деле вовсе не саженцы.

Пора.

Щиты встали между ним и всем миром, в голове затикал обратный отсчет: сто двадцать секунд до смерти.

Он успеет.

Свист боевых шестов, грохот выстрелов, топот.

Взрывные снаряды летят к нему, ускоряясь, выпуская дымные хвосты...

Вскинув руку, Людвиг выпускает им навстречу тварей из Бездны. Голодных.

Щиты дрожат: тайное оружие заговорщиков сильно. Но недостаточно.

Минус шестьдесят секунд. Минус двое врагов. Годится.

Выстрелы, снова выстрелы, щиты дрожат – попадание.

Сорок, часть энергии щита потрачена на пули. Призрачные твари рычат и рвутся, Людвиг рычит и несется к врагу вместе с ними...

Выстрелы – минус еще двадцать секунд.

Еще двое вне игры.

Двадцать.

Достать тех, которые стреляют из дома напротив.

Пятнадцать.

Остался всего один, самый живучий и везучий. На него – еще две секунды.

Людвиг оборачивается к нему, на пальцах уже дрожит энтропия... и плевать, что вместе с франком погибнет незнакомая фрау, которая стоит и пялится на бой, вместо того чтобы бежать без оглядки. Энтропия почти срывается с пальцев, когда до Людвига доходит: фрау-то знакомая.

Проклятье! Как? Откуда?! Он же велел...

Тори стреляет с балкона. Мимо.

– Беги, да беги же! – кричит он жене, теряя драгоценные мгновения.

Но она не слышит – она сама кричит на высокой, бесконечно пронзительной ноте. И через бесконечно длинный миг – минус еще секунда – франк прячется за ней, приставляет пистоль к ее шее.

Одиннадцать.

Рыжая служанка, обнимающая большую коробку, тоже кричит –

Людвиг не разбирает, что именно.

– Заткнись, – требует заговорщик, и служанка замолкает.

По переулку уже бегут люди Германа, неподалеку слышится полицейская сирена.

Девять.

Проклятье...

– Отпусти ее, – велит Людвиг, делая шаг навстречу.

Восемь.

Франк смеется и вжимает дуло в незащитную женскую шею. В глазах Рины – ужас.

– Непременно. Руки за голову, некромант, и на колени. Тогда девчонка останется в живых.

Семь.

– Не слушай его, Людвиг! – кричит с балкона Тори, отвлекая франка. – Он убьет тебя! Прошу, не слу...

Выстрел. Тори замолкает. Людвиг судорожно перебирает возможные заклинания – чтобы не задело жену. Бесполезно. Слишком близко, слишком! Нужен отвлекающий маневр!

Пять.

Людвиг поднимает руку, словно готовясь спустить призрачных псов...

– Только попробуй, мразь, – глаза франка фанатично горят, еще чуть – и он в самом деле выстрелит в Рину.

Тогда Людвиг сможет его убить. Вовремя. У него еще целых четыре секунды.

– Не стрелять, – говорит он, медленно поднимая руки, опускаясь на одно колено...

«Падай!» – мысленно орет он жене, спуская с цепи рвущуюся наружу Смерть. И Рина, пнув франка каблуком, падает... пока щит Людвиг, расщепившись, укрывает ее – а демонов франк стреляет дважды подряд – в Рину и тут же в Людвиг.

Плечо обожгло болью, самого Людвиг швырнуло в стену, но он точно знал – она жива. Его щит выдержал последний, самый опасный выстрел. А раненое плечо – ерунда. На некромантах все заживает лучше, чем на собаках.

Вилла «Альбатрос». Полчаса спустя.

Рина

Ринка вздохнула и отошла от стола. Микроскоп на кофейном столике в будуаре смотрелся, мягко говоря, неуместно. Абсолютно чуждый элемент среди всех этих рюш, подушек и тюлей. Да и неудобно было смотреть в

окуляр с низкой оттоманки. А куда здесь ставить перегонную установку и тигель? Спокойствие, рожденное тишиной и травяным чаем с очередным изумительно вкусным пирожным авторства фрау Шлиммахер, начало потихоньку таять.

– У моего супруга есть лаборатория, – как бы между прочим пробормотала Ринка в пространство. – Интересно, нет ли там лишнего рабочего стола? Нормального стола. Со стулом. А еще интересно, каким оборудованием пользуется любезный супруг? Может у него имеется второй набор дозаторных пипеток? И немного реактивов... Как думаешь, Собака?

Кошка по имени Собака лениво приоткрыла синий глаз, фыркнула – и отвернулась. Зараза мохнатая всем видом показывала, что уходить на прогулку без нее – самое ужасное преступление, которое только можно придумать. И вообще, она же предупреждала!

– Ну и дуйся, сколько влезет, – Ринка тоже отвернулась от предательницы и уставилась на себя в зеркало.

Видок у нее был тот еще, даже несмотря на то, что она приняла душ и переделалась. Мокрые волосы Магда замотала тюрбаном из полотенца, расцарапанные руки и ушибленный зад прикрывало домашнее платье, но свежий синяк на шее, сдобренный ожогом, придавал ей вид жертвы домашнего насилия. Ну и тени под глазами тоже.

Красота неземная, так и хочется плюнуть.

На свои руки Ринка тоже смотреть не хотела. За что она там хваталась, она совершенно не помнила – но обломанные и потом подрезанные под корень ногти вкупе со ссадинами и царапинами совершенно не походили на руки герцогини.

Нет. Не буду расстраиваться. Жива? И отлично. А красота дело наживное. Все равно красивой-то быть не для кого. Драгоценный супруг, привезя ее домой, зыркнул исподлобья, велел привести себя в порядок – и ушел к себе.

Лечиться ушел, подсказал тихий голос разума. Между прочим, ранили его, когда он некоторую дуру, не будем тыкать пальцами, спасал. Не стыдно кое-кому?

Кое-кому было стыдно. И от того кое-кто злился. Вот почему, если новобрачный пошел к любовнице и его там подстрелил ревнивый рогоносец, стыдно должно быть ей? Неправильно это. Сам нагрешил – сам и того. Расплачивайся.

Ринка фыркнула не хуже кошки по имени Собака, уперла руки в бока и еще раз оглядела будуар. Звать Магду, чтобы поискать для микроскопа более удачное место, не хотелось. Сама ж только что отпустила, чтобы

камеристка могла пообедать. А сидеть без дела и ждать, когда их светлость изволят о ней вспомнить – шило в одном месте не позволяло. Кололось. То есть это ушибы болели так, что черта с два усидишь даже на подушке, но не суть.

Душа требовала действия и справедливости. И реактивов. И тигеля. И нормального освещения. И вообще, какого черта этот гад чешуйчатый наслаждается нормальной лабораторией в гордом одиночестве?!

– И не смей за мной ходить, – сказала Ринка кошке и отправилась искать лабораторию.

Само собой, кошка сделала вид, что ее не услышала. И не надо. Ринка прекрасно справится без нее. Что она, сама подвал не найдет?

Нашла. Легко и непринужденно нашла. В подвал вела лестница – не беломраморная с ковровой дорожкой, как на второй этаж, а узкая, с потертыми каменными ступенями. По стенам висели странные светильники, что-то вроде бездымных факелов – они зажигались ровным желтым пламенем, стоило Ринке приблизиться на два метра. Этаким магический «умный дом».

Похоже было, что лестницей в подвал пользовались куда чаще, чем парадной, а сам подвал построили века на два раньше, чем виллу.

Внизу обнаружилось три двери. В первую Ринка сунулась – и расчихалась от поднявшейся пыли. Старая мебель, коробки, тюки, мыши. Ничего интересного.

А вторая дверь, тоже не запертая, оказалась с подвохом. Стоило ее толкнуть, как та заскрипела, да так пронзительно и мерзко, что у Ринки зубы свело.

Обругав супруга гадом чешуйчато-параноидальным, Ринка заглянула – переступать порог лаборатории она не будет, в конце концов, она не воровка какая. Увидит что-то полезное, попросит у супруга. Но знать-то надо!

Однако в лаборатории было темно, только таинственно мерцали разноцветные огоньки и что-то тихо жужжало и булькало. Почему-то Ринке показалось, что сейчас из автоклава вылезет кадавр, возможно даже желудочно неудовлетворенный, и сядет на умклайдет. Или еще что-нибудь отчебучит.

Но кадавр не вылез. Вместо этого позади Ринки послышалось вежливо-скрипучее:

– Ваша светлость заблудились?

Вздвогнув, Ринка схватилась за косяк, но не обернулась – ей все еще казалось, что в лаборатории вот-вот что-то произойдет.

– Нет.

– Его светлость не желает, чтобы кто-то заходил в его лабораторию, – невозмутимо сообщил Рихард.

– Я же не захожу внутрь, – начала оправдываться она, но тут же взяла себя в руки. Негоже чувствовать себя виноватой, ничего не сделав. Хватит ей воспоминаний о Петечке! – Смотреть он мне не запрещал!

– И что ваша светлость желает увидеть? – с ехидцей поинтересовался дворецкий.

– Вомпера! – буркнула Рина и, круто развернувшись, уперлась носом в обтянутую белоснежной батистовой сорочкой грудь невесты откуда здесь взявшегося супруга. – Упс! Я думала, вы у себя?

– Вы слишком много думаете, фрау Рина. Идемте.

Видимо, чтобы она не ослушалась, он взял ее за руку – и повел прочь от лаборатории.

Через несколько шагов Ринка поняла, что ей показалось странным. Ладонь Людвига была горячей. Подняв взгляд, она увидела пересохшие губы, неровный румянец на скулах и лихорадочно блестящие глаза. И повязку на левом плече, видимо, пуля попала именно туда.

– Людвиг, у вас жар!

Он не ответил, пока не впихнул ее в свой кабинет и не захлопнул дверь.

– Высокая температура опасна! – повторила она, развернувшись к супругу и трогая его горящий лоб. – Вам нужно ее сбить.

– Ерунда, – потряхнул головой герцог. – Обычная реакция на ускоренную регенерацию и магический выброс. Само пройдет.

– Но...

– Не рассчитывайте остаться вдовой, ваша светлость, – язвительность в голосе герцога граничила с холодностью. – Я не намерен покидать этот мир, не оставив наследника и не обучив его всему необходимому.

При слове «наследник» Ринку передернуло. Тут же вспомнилась прелестная француженка на балконе, чертов муж-террорист, невероятно оперативно появившаяся полиция...

– Вы прекрасно с этим справляетесь и без меня! – Ринка машинально схватилась за обожженную шею и тут же отдернула руку, сердито зашипев от боли.

– С вами я справлюсь еще лучше, – некромант насмешливо сверкнул глазами и шагнул к Ринке.

Она отступила, но не к двери – между ней и дверью был Людвиг – а в глубину кабинета, к массивному письменному столу.

– Сегодня вы два раза нарушили мои указания. Вышли из дома без надлежащего сопровождения и проникли в мою лабораторию, куда я вам категорически не рекомендовал проникать. Я вынужден запретить вам покидать дом вплоть до моего особого распоряжения.

Ринка с возмущением уставилась в черные как ночное небо глаза некроманта. Он хладнокровно запирает ее в четырех стенах, лишая даже иллюзии свободы? «Вы должны быть невидимы, неслышны и необременительны» – вспомнила она слова некроманта в первый день их знакомства. А она хотела просить у него помощи в оборудовании лаборатории! У этого... гада чешуйчатого?

– Вы не можете так поступить со мной!

– Еще как могу. – Людвиг не шутил. – Я ваш муж. Господин, властитель и прочая. Я говорю, вы беспрекословно выполняете, если хотите жить долго и счастливо.

Ринка не верила своим ушам. Да это домострой какой-то!

– Может, еще и к батарее меня прикуете? – прошипела она, сжимая кулаки.

– А это хорошая идея. – Людвиг потер лоб и чуть заметно скривился. – Сегодня же закажу для вас браслет со следилкой. По крайней мере, так я буду знать, где вы находитесь. Рина, не злитесь, – увидев бешенство в глазах супруги, устало попросил он. – Это для вашей же безопасности.

– О, да... наверное, так говорили рабовладельцы неграм, когда везли их из Африки закованными в колодки!

– Не перечьте, и мы не будем ссориться, – Людвиг оперся на спинку кресла правой рукой; левая явно плохо слушалась. – Ведите себя как положено примерной супруге, и у меня не будет повода вас ограничивать. А теперь поцелуйте меня.

От такого перехода Ринка опешила. В смысле поцелуйте?.. Ну уж нет, скорее она ему физиономию расцарапает!

– Пусть ваша француженка вас целует! – Ринка скрестила руки на груди и отступила еще на шаг.

Усмехнувшись, гад чешуйчатый покачал головой – без малейших следов раскаяния.

– Она больше не моя фран-цу-жен-ка.

Он с явным удовольствием повторил непривычное для астурийца слово, а Ринка на миг устыдилась, вспомнив, как сначала кричала, а потом, после выстрела, упала та девушка. Ни в чем, на самом-то деле, не виноватая. Вряд ли она могла отказать целому герцогу, да еще кузену короля.

Зря Ринка потеряла бдительность, – подумалось, когда Людвиг незаметно оказался рядом и прижал ее к себе, сорвал тюрбан с головы и запустил пятерню ей в волосы.

– Моя герцогиня – ты, – его голос стал ниже, коснулся ее кожи, словно бархат. А его черные, как бездна, глаза оказались совсем близко, так близко, что Ринка потерялась в них. – Рина...

Сердце забилося, как бешенное – от страха, и предвкушения, и... нет, Ринка не могла анализировать. К черту научный подход. Ей просто очень-очень хочется...

Когда губы Людвиг коснулись ее губ, она еле удержалась, чтобы не застонать и не притянуть его к себе. Так было хорошо, так правильно и, наконец-то, безопасно! Словно в его руках никакие проклятые террористы не могли до нее дотянуться.

Плохо соображая, что делает, Ринка позволила ему вжаться в себя бедрами, и огладить свою спину – и ниже тоже, и сильнее, да... Все же она тихонько застонала, когда Людвиг оторвался от ее губ, но только затем, чтобы переместиться ниже, лаская ее шею. Она обняла его, едва не задев повязку на плече – и тоже распустила его волосы, сорвав ленту. Они были изумительно плотными, гладкими и тяжелыми, и пахли мятой и хвоей, и он сам пах мятой и хвоей, и еще немного чем-то неуловимо терпким и нежным, и его кожа была нежной, горячей и... когда он успел расстегнуть рубашку? Или это она успела?

Ринка с удивлением посмотрела на собственные пальцы, вынимающие из петли еще одну пуговицу... Что-то здесь не то! Она же зла на него! Почему же?..

Задуматься, что это с ней такое, она не успела. Людвиг с глухим стоном снова нашел ее губы, поцеловал жадно, голодно, и подтолкнул к столу – его Ринка почувствовала ягодицами... почему-то голыми... боже, когда он успел задрать на ней юбку?! Боже, как же хорошо... и как же хочется большего! Вот этого самого большого, что упирается ей в живот!

Опершись на плечо Людвиг, она наконец-то обняла его еще и ногой, чтобы быть еще ближе, еще теснее! Зачем он надел эти чертовы штаны на пуговицах? Вот кто носит штаны на пуговицах?

Она сердито прикусила его за бицепс и дернула пояс – не расстегивается! Сделай уже что-нибудь, пока я... Пока я не умерла от нетерпения!

Он сам дернул проклятый пояс штанов, пуговицы со стуком рассыпались по полу, и Ринка наконец-то смогла почувствовать его – горячего, твердого, нетерпеливого. Он терся об нее, толкался, целуя ее

обнаженное плечо... это было настолько прекрасно, и остро, и мало, что Ринка резко дернулась ему навстречу...

И ничего не получилось. Людвиг отшатнулся, схватив ее за бедра – сильно, жестко. Наверняка останутся синяки.

Ринка недоуменно подняла взгляд: что случилось, почему? Ты же хочешь!

Людвиг весь закаменел, глядя на нее непроницаемо-темными глазами. Только покрытое рисунком чешуи лицо искривилось в горькой усмешке.

– Какого черта?! – шепнула Ринка, потянувшись к нему, провела ладонью по покрытой твердыми пластинками щеке. – Людвиг?..

Горячий. Шелковый. Чешуя? Плевать, это не заразно! Даже красиво.

Она не успела вдохнуть, как все те же жесткие руки сдернули ее со стола, перевернули – и она оказалась животом на столешнице, с юбкой на голове, открытая и беззащитная... и чертовски возбужденная. Рука Людвига надавила ей на поясницу, заставив прогнуться, и Ринка нетерпеливо поерзала. Ну же! Какого черта ты ждешь?

И через мгновение закричала – о переполняющего ее жара, и самого правильного на свете движения, сильного, резкого, волшебного прекрасного! От остроты ощущения на глаза навернулись слезы, а пересохшие губы все пытались поймать немного воздуха... Ринка вцепилась пальцами в стол, чтобы не слететь с него к чертовой бабушке, и протяжно застонала:

– Людвиг!..

А дальше... дальше она не понимала – кричит она, или кусает собственную руку, или стонет. Было только движение, и жар двух тел, и жадные руки на ее коже, и хриплое слитное дыхание – пока внутри нее что-то не взорвалось и не рассыпалось, чтобы тут же собраться во что-то новое. Правильное. Усталое. Совершенно довольное и спокойное.

Правда, спокойствие не продержалось долго.

Едва стих бешеный шум крови в ушах и мир почти встал на место, до Ринки донесся топот, а затем дверь распахнулась.

Ринка вздрогнула, залилась жаром по самые уши и принялась судорожно поправлять юбку. Великий Ктулху, какой козел приперся в такой неподходящий момент?

– Сказал же, не заходить! – рыкнул Людвиг и тут же осекся. – Твою мать! Герман, какого демона?!

От двери слышались непередаваемые выражения на смеси немецкого, французского и черт знает еще какого, среди которых проскакивало что-то о времени, которого нет, и приказах короля, которые надо исполнять, а не... На этом месте Ринка закрыла пылающие уши

руками и попыталась спрятаться под стол, но ее загородил собой Людвиг. Ей было стыдно до ужаса, а еще она была зла. Почему, стоит только случиться чему-то хорошему, как тут же является какой-нибудь хрен собачий и все портит? А Людвиг! Какого черта он не выгонит этого своего Германа? Ему плевать, что все кто ни попадя пялятся на его полуголую жену?! Какого черта она должна прятаться в своем же доме?!

– ...сейчас же в мобиль! Ты должен быть в портале полчаса назад! – граф Энн практически орал, и Ринке казалось, что мужчины вот-вот подерутся.

– Хватит, – ледяным тоном, который категорически не вязался с обнаженным потным торсом и штанами, придерживаемыми одной рукой, оборвал его Людвиг. – Выйди, я буду через минуту.

Послышался хлопок двери, Людвиг обернулся к Ринке – которой невероятно хотелось провалиться сквозь землю, а лучше – кого-то убить и в землю закопать. Может быть даже собственного супруга.

– Я уезжаю, Рина, – все тем же ледяным голосом. – Вернусь не позже чем через неделю. Из дома без сопровождения минимум двух слуг не выходить. Незнакомцев не принимать. В лабораторию не заходить. Ты поняла меня?

– Поняла, – выдавила из себя Ринка, сжимая кулаки и мечтая вцепиться ногтями в высокомерную герцогскую рожу.

– Хорошо. До встречи.

На миг Ринке показалось, что сейчас Людвиг ее поцелует... и она едва заметно отшатнулась. Хватит. Поцеловал уже.

Он же заледенел окончательно, окинул ее непроницаемым взглядом, резко развернулся – и ушел, на ходу отдавая распоряжения Рихарду:

– Сюртук, быстро!

– Ваш багаж уже в мобиле, герр Людвиг. Будут еще распоряжения?

– Присматривай за ее светлостью, Рихард, и проследи...

Шаги и голоса удалились настолько, что Ринка больше не могла разобрать слов, но ей было и не нужно. Присмотреть и проследить – она слышала. Вполне достаточно.

Сердито утерев мокрое лицо рукавом, она нашла на полу сброшенное с волос полотенце, скомкала его и строевым шагом покинула кабинет его светлости.

Что ж, она все поняла. Ей очень доходчиво показали ее место – подстилки, совмещенной с инкубатором. То самое, которое и было предусмотрено контрактом. А если она себе вообразила, что их светлость может быть нормальным человеком и проявлять какие-то человеческие

чувства, то это ее проблемы.

И она сама их решит. Пока она не знает, как, но решит. А для начала пойдет и, наконец, оденется, как подобает герцогине! Хватит с нее позора...

– Мер...

– Черт! – воскликнула она одновременно с тем, на кого наткнулась в коридоре.

– Прошу прощения, ваша светлость.

Граф Энн. Вот точно, черти принесли.

– Позвольте мне пройти, – не поднимая глаз, потребовала Ринка.

– Еще раз прошу прощения, ваша светлость, но нам с вами нужно побеседовать.

– Не сейчас, граф, – сжав в руках проклятое полотенце, Ринка зло посмотрела в наглые арийские глаза. – Я не одета для светских бесед.

– Разумеется. Я жду вас через четверть часа в Малой гостиной. И прошу, не злитесь. Королевский приказ – не то, что я или Людвиг имеем право игнорировать.

Наверное, Энн был прав. Наверное, ей стоило улыбнуться и сделать вид, что он не вломился в кабинет, где чертов некромант имел ее прямо на столе. Наверное, аристократки поступают именно так и даже не краснеют. Но вот беда, Ринка-то аристократкой не была.

– Идите к черту, граф, – злобно и звонко сказала она, все так же глядя ему в глаза. – Я не желаю вас видеть.

– Сожалею, ваша светлость, но поговорить нам все же придется. Сегодня, – в холодных арийских зенках не промелькнуло ни капли раскаяния.

Да что там, раскаяния! Вся его чертова белобрысая морда выражала только одно: обвинение! Как будто это она виновата, что Людвиг куда-то там чуть не опоздал. И в том, что его чуть не пристрелили – тоже! Это она шастает по любовницам и подставляется рогоносцам под пули, да? Ну конечно же, кто же еще-то, уж точно не Людвиг! И не Людвиг потащил ее в кабинет трахаться, а она его изнасиловала, беспомощного бедняжку!

– Уйдите с дороги.

Покачав головой, Энн посторонился, и Ринка сбежала. Гордо расправив плечи, печатая шаг и обещая себе сделать что угодно, но не позволять всяким аристократишкам вытирать о себя ноги.

Никогда!

Однажды она сдалась, но больше это не повторится.

Ни-ког-да!

Часть II

Глава 1, о дружбе народов и залетных драконах

Брийо, резиденция императора Франкии

Людвиг

– Слава Единому, вы успели! Быстрее, это может случиться с минуты на минуту.

Выйдя из портала, Людвиг коротко кивнул Черному Карлику и последовал за ним каким-то узким коридором, явно предназначенным для слуг. Идущий впереди кавалер Д`Амарьяк явно давно не спал, да и с магическим резервом у него все было крайне плохо. Неудивительно, если он последние несколько дней держал оборону возле умирающего Франциска V, не подпуская к нему ни придворных, ни «любящей» родни.

– Его величество в курсе ваших планов? – тихо спросил Людвиг у горбатой спины, едва видимой в полумраке.

– Его величество вот уже неделю никого не узнает, считает себя новым воплощением Единого и проповедует чаше с бульоном, – в голосе Карлика слышалось искреннее сожаление.

Похоже, слухи не врут. Император – единственный человек в мире, судьба которого Черному Карлику не безразлична.

– Он не будет мешать?

– Он не способен даже ложку сам поднять. Делайте, что должно, монсеньор Бастельеро, и не беспокойтесь – сюда никто не войдет.

Вздохнув, Черный Карлик толкнул низкую дверцу, выглянул и велел кому-то убираться. В покоях императора что-то звякнуло, затопотало, и хлопнула другая дверь.

– Можно приступить, – кавалер Д`Амарьяк зашел сам и придержал дверцу для гостя. Как Людвиг и предполагал, тайный ход изнутри маскировался картиной: его величество на охоте, молодой и прекрасный, как античный бог.

Усохший старик, лежащий на огромной постели, с молодым античным богом не имел ничего общего, да и на живого человека уже не походил. Что ж, пора было поспешить: снять слепок ауры, чтобы анимированный труп хоть как-то походил на живого императора.

– Вам нужен яркий свет? Помощники? Жертвы?

– Нет, – Людвиг даже не усмехнулся, ему было не до того. Душа императора почти отлетела, и требовалось действовать быстро. – Я работаю один. Если что-то понадобится, я скажу.

Людвиг терпеть не мог зрителей, и если бы мог – выгнал бы и Черного Карлика. Но он не настолько доверял свежееобретенным союзникам, чтобы не держать их главу в поле зрения. Мало ли. Потому он, закончив со слепком ауры, дождался последнего вздоха императора – ждать пришлось не более двух минут – и кивнул Д`Амарьяку, чтобы тот помог переложить труп на пустой, застеленный черным сукном стол.

Работа предстояла сложная, требующая полного сосредоточения, но вот как раз с этим у Людвига были некоторые сложности.

Неожиданные сложности.

Скажи ему кто-нибудь вчера, что он, работая с трупом, будет думать о какой-то там женщине, он бы долго смеялся. Но проблема заключалась в том, что женщина была не какой-то там, а его женой. Герцогиней Бастельеро. И она была крайне, просто крайне странной. И его реакции на нее – тоже.

Одно только ее прикосновение к его щеке, покрытой чешуей, чего стоило!..

Проклятье!

Подхватив едва не сорвавшуюся нить силы, Людвиг велел себе подумать о работе, пока его вместе с императорским дворцом не разнесло на молекулы.

Молекулы, лаборатория, микроскоп... зачем ей понадобился микроскоп?! Барготовы подштанники, надо собраться и не думать о ней. Не вспоминать, какая она была горячая и податливая, как она стонала его имя... Никогда не думал, что примирение после ссоры может оказаться настолько сладким! Но эта женщина...

От вставшей перед глазами картины в паху потяжелело, и рука дрогнула. Сплетенная вокруг трупа силовая вязь заискрила, грозясь взорваться.

Проклятье. Кто-то влил на порядок больше энергии, чем было нужно. Кто-то ощущает себя неудовлетворенным подростком, который впервые заглянул даме в декольте.

– Д`Амарьяк, нужна холодная вода. Много.

Ее бы полить на голову, от посторонних мыслей, но сейчас прерваться – и вся работа насмарку.

Черный Карлик без лишних слов принес кувшин и тазик для умывания, и полил на подставленные руки. Не оптимальный способ сбросить излишки энергии, но за неимением лучшего сойдет.

– Только не выливайте это в реку, а то получите стаю хищных рыбьих скелетов. Или что-то похуже.

Людвигу даже думать не хотелось, что заведется в императорской спальне после ритуала. Придется потом еще и чистить. Но за отдельную плату! И на этот раз – в пользу герцога Бастельеро, а не только любимого отечества. Пожалуй, стоит потребовать что-нибудь из драгоценностей франкской короны. Для супруги. Может быть, тогда она встретит его не настолько бешеным взглядом, как провожала. И еще он подарит ей... Взгляд упал на огромный аквариум, стоящий между окон. Рыбки в нем сдохли, анимировались и уже пытались прогрызть стекло. Да, пожалуй, аквариум, только не этот – его придется зачищать. И морские раковины подарит, они так забавно открываются в воде, ей должно понравиться. К тому же, аквариум тяжелый, им дорогая супруга в него не запустит...

Баргот дери эту службу, никакой личной жизни!

Кавалер же Д`Амарьяк, глядя на прозрачную, чистую, но идеально немертвую воду в тазике, думал явно о пользе совсем другой дамы, и Людвиг готов был ставить всю свою лабораторию против битой пробирки, что имя ее – Отчизна.

– И в пробирки это лить не советую, – хмыкнул Людвиг, возвращаясь к работе. – Эффекты непредсказуемы, а главное, сами по себе не проходят.

Следующие несколько часов Людвиг не обращал внимания на Д`Амарьяка, не думал о жене (хотя это давалось ему нелегко), не смотрел в окно и вообще мало присутствовал в этом мире. Он понятия не имел, какой безумный экспериментатор работал с живым императором, но поймал бы сейчас – убил бы. Такой мешанины несовместимых на первый (и на второй тоже) взгляд энергий он в живом человеке не встречал. Создавалось впечатление, что императора сшили из нескольких человек, причем одним из них была молодая женщина... Причем сшили не физически, чужих органов в нем не было, а на уровне энергий. Феномен безумно интересный. Был бы. Если бы Людвигу не пришлось на ходу изобретать новые плетения, чтобы весь этот высоконаучный салат не рассыпался на части и не удрал бегать по дворцу и требовать что-то вроде «Верните мою селезенку-у-у-у!».

Единственным, что в императоре оставалось не подвергшегося экспериментам, так это мозг и сердце. Изношенные донельзя.

Герман, увидев отчет, будет бегать по потолку не хуже бывшего владельца императорской селезенки, только с воплями «дайте мне этого ученого, он будет работать на нас!»

Что ж, пусть ищет, вербует и вообще делает что хочет. А Людвиг, как только закончит с императором, вернется домой. У него дома – жена, между прочим, и он собирается исполнить свою часть договора, а именно

сделать ей ребенка. Как можно скорее. А потом еще парочку. Для надежности.

Первый этап работы Людвиг закончил, когда за окном вовсю светило солнце. А первым, что увидел помимо энергетических плетений и Барготом драного – то есть сшитого – трупа, были совершенно бодрые, полные нездорового интереса глаза Черного Карлика.

– Вы что, не... – «не спали», хотел спросить Людвиг, но вовремя понял всю глупость этого вопроса. – Надеюсь, вы не пытались это снимать на камеру. Технику жалко.

Он хмыкнул и потянулся, разминая затекшие плечи. В глаза словно песку насыпали, но Людвиг был доволен. Он совершил еще одно чудо, и пусть никто не поймет, насколько это чудо невероятное, ему все равно. Главное, что он справился. В очередной раз справился со своим проклятием, заставил его служить себе.

– Не пытался, – в тон ему хмыкнул Д`Амарьяк и поднялся с кресла, в котором провел всю ночь. С трудом поднялся. И судя по болезненной гримасе, ему срочно нужен лекарь. – И что теперь? Честно говоря, я ни демона не понял, что вы творили, монсеньор.

Людвиг пожал плечами:

– Демоны бы тоже не поняли. Кстати, что это были за возмущения поля часа два назад? Они мне чуть всю работу не пустили псу под хвост!

– Драконы. Кружили прямо над дворцом, что-то там во дворе подожгли.

– Что-то они стали слишком часто появляться, – буркнул Людвиг. – Кто лечил вашего императора?

– Я так и не смог узнать имя его лекаря, – с досадой признался глава Ордена Белой Лилии. – Старый маразматик тщательно скрывал все, связанное со своим здоровьем. Лекарь приходил порталом, отследить его не удалось ни разу. Единственное, что я могу сказать с уверенностью, это крайне сильный маг. Вы правы, драконы стали появляться слишком часто, – сменил тему Д`Амарьяк. – С тех пор как в Виен был зафиксирован выброс энергии, характерный для межмирового портала. Где-то в районе доков.

Черный Карлик с любопытством смотрел на Людвига, хотя напрямую ни о чем и не спрашивал. Смешно. Он в самом деле надеется, что если Людвигу что-то известно, то он как-то себя выдаст? Ну, коллега, это уже неуважение.

– Крайне любопытное наблюдение. Здесь тоже открывался подобный портал?

– Нет, только в Виен, три дня назад, – Д`Амарьяк снова поскрипел

суставами, пытаясь вернуть им подвижность после ночного бдения в кресле. – Зафиксировано восемь случаев появления драконов за три дня. Сегодня восьмой. Похоже, они интересуются вами, мой друг.

А вот тут Черный Карлик не прав. Судя по всему, драконы интересуются не им – ничего нового и необычного он за последние три дня не делал, если не считать женитьбы. Так что предметом их интереса запросто может оказаться герцогиня.

И если учесть некоторые странности, вроде ее интереса к драконам и выбранного Рихардом подарка – который велел дать герцогине сам первый Бастельеро, то вечер перестает быть томным. Все же не стоит, не стоит сбрасывать со счетов вероятность того, что она шпионка! Нормальная женщина должна реагировать на чудовище в чешуе совершенно не так.

От воспоминаний о том, как реагировали его нормальные жены, настроение испортилось. Причем совсем.

– Герр Д'Амарьяк, подготовьтесь подхватить нить управления, – холодно произнес Людвиг.

Если у Черного Карлика и есть основания подозревать в чем-то некроманта, то пусть оставит их при себе. Драконы Людвигу никогда не интересовали. Тупые животные, которые летают где не попадая, гадят и поджигают то древний дуб, то конопляное поле. От них никакой пользы, кроме вреда.

– Встань! – приказал он неподвижному трупу.

Немертвый император встал и потер глаза, удивленно оглядываясь по сторонам. Совсем как живой. Правда, контур тонковат, долго не продержится. Придется обновлять сегодня же вечером.

– Герр Д'Амарьяк, вы подготовили дарственную на рудники?

– Я думаю, нам стоит пересмотреть некоторые условия... – без особой надежды в голосе начал Черный Карлик.

– Да, пожалуй, – усмехнулся Людвиг так же холодно. – Думаю, стоит к рудникам добавить тот симпатичный топазовый гарнитур со свадебного портрета покойной императрицы.

– Но, монсеньор!.. – болезненно скривился Д'Амарьяк.

– Вы сами предложили пересмотреть условия, монсеньор. – Людвиг повертел в пальцах прозрачную зеленоватую нить управляющего контура. – Думаю, это весьма уместно. Из-за нашего дела мне пришлось оставить молодую жену в одиночестве. Ей полагается некоторая компенсация от его величества, не так ли?

Д'Амарьяк скривился еще сильнее, но стенать о пустой казне и несправедливости жизни не стал. Что ж, умно. Вместо этого достал из

ларца готовую дарственную на рудники и положил на бюро.

– Прошу, ваше величество, – Людвиг склонился перед немертвым императором, и тот вполне уверенно взялся за вечное перо.

– Гарнитур я велю доставить вам в лечебницу.

– Хорошо. Итак, управляющий контур...

В следующие полчаса Людвиг проклял и свой некромантский «дар», и энергетическую несовместимость, и местную оппозицию, и даже ни в чем не повинных дохлых рыб, которые к концу ритуала сгорели прямо в воде.

Между прочим, не по вине Людвига. Дестабилизировали контур все те же эксперименты по омоложению, которым подвергал императора неизвестный целитель. Но до него не доберешься, а обязательства надо выполнять.

Под конец оба, и Людвиг, и Черный Карлик, валились с ног от усталости. Даже портал, которым Людвиг прибыл во дворец, Карлик сумел активировать лишь с третьей попытки.

– Что за ерунда! Такое впечатление, что рядом с вами все ломается!

Людвиг только хмыкнул. Черный Карлик хотел узнать его секрет? Вот и узнал. Один из.

– Вы будете смеяться, дорогой Д'Амарьяк, но именно так оно и есть. Родовое проклятие, видите ли, – сказал он доверительным тоном.

Вот пусть теперь и думает, правду Людвиг сказал или соврал, чтобы запутать коллегу.

– Чрезвычайно интересно, – вздохнул Д'Амарьяк, которому уже было плевать и на тайны, и на проклятия, и на все на свете. Удержать бы контур.

– Если что-то пойдет не так, зовите. Я в лечебницу святой Дануты.

Людвиг кивком попрощался с Д'Амарьяком и рухнул на руки подскочившему Мюллеру уже у себя в номере.

– Коньяк, мясо и грелку.

– Грелка ждет в соседнем номере. Барон де Флер прислал с запиской и пожеланиями быстрее выздоровления. – Адъютант подал герцогу бокал с коньяком и уже взялся за фониль, звонить в ресторан. – Велите пригласить?

– Блондинка? – Людвиг плюхнулся в кресло и вытянул ноги. Раненое плечо горело огнем, резерв был пуст до звона, а в голове словно бешеные жеребцы дрались.

– Весьма похожа на ее светлость. Фигурой, цветом волос и глаз, – Мюллер позволил себе намек на улыбку. – Но в отличие от вашей супруги, на ее лице нет интеллекта.

– К Барготу ее! Я не намерен больше изменять супруге, – сказал

Людвиг и наконец-то прикрыл глаза.

Его разбудил звонок фонилья, резкий и противный. Как и положено звонку, возвещающему о неприятностях.

– Барон де Флер, ваша светлость, – отрапортовал Мюллер, передавая ему трубку.

– Вы срочно нужны здесь, Бастельеро. Дядюшка чудит, и чем дальше, тем чудесатее.

Барготовы подштанники, чувствовал же, что эксперименты покойного маразматика еще аукнутся!

– У меня есть время хотя бы пообедать?

– Полчаса мы еще продержимся, но не более... *merde...* простите, это не вам...

На заднем фоне слышались гневные вопли, что-то грохотало и разбивалось, кто-то оправдывался... в общем, веселье было в разгаре. И даже через фонилья Людвиг чувствовал возмущения магического и энтропийного полей разом.

– Скоро буду, – бросил он в трубку и отключился.

Мюллер смотрел на него с нескрываемым сочувствием. Еще бы! Поспать удалось пару часов, не больше.

– Обед сейчас подадут. Герр Людвиг, может быть ванну?

– Некогда. – Людвиг поморщился, стягивая несвежую сорочку, в которой уснул. – Душ, белье... кстати, Рихард звонил?

– Никак нет.

– Баргот его дерит, – проворчал Людвиг, продолжая воевать с подштанниками.

Левая рука, как назло, опять плохо слушалась. Перетрудил ночью, нельзя было давать полную нагрузку, тем более энторопийное поле. А куда было деваться?

Мюллер, не выдержав печального зрелища, принялся ему помогать. Молча. Вот бы некоторым тоже научиться молча делать свое дело...

Хотя нет. Фрау Бастельеро – и молча? Тогда Людвиг решит, что ее подменили.

Он невольно улыбнулся, припомнив яростные взгляды и острый язычок своей супруги. Хороша! А как целуется!..

– Мюллер, соедини меня с Рихардом, – велел он, едва выпутавшись из подштанников.

Невозмутимый адъютант накинул ему на плечи халат и взялся за фонилья. Через секунду Рихард ответил – он всегда точно знал, когда и где понадобится. Бесценный слуга.

– Рихард, доставили следилку для Риной?

– Да, герр Людвиг.

– Она ее надела?

– Да, герр Людвиг.

– Возмущалась?

– Нет.

Странно, Людвиг ожидал более бурной реакции.

– И где сейчас браслет? Что показывает маячок?

– Лежит на полу возле окна.

– Ты хочешь сказать, – Людвиг вновь напомнил себе, что пора провести профилактику, Рихард начал тупить, – что моя супруга лежит на полу возле окна?

– Нет, герр Людвиг. На полу лежит Собака.

– Э... – многозначительно произнес Людвиг, начиная звереть.

– Вы спросили, надела ли ее светлость Рина следилку, но не спросили на кого, – педантично уточнил дворецкий. – Ее светлость надела следилку на кошку, а сама покинула виллу.

– Как покинула? – рана в плече заledenела и начала пульсировать.

– Через окно своей спальни. Полчаса назад. Ее камеристка утверждает, что после разговора с графом Энн ее светлость была не в себе и, наверное, побежала топиться.

– Топиться? – повторил Людвиг, пребывая в полном замешательстве.

Барготовы подштанники! Что происходит? Мир сошел с ума или с ума сошел сам Людвиг?! Не может быть, чтобы Рина захотела утопиться после разговора с Германом! Та самая Рина, которая своей выдержкой довела до истерики саму принцессу Бастельеро-Хаас! Если только не очередное проклятие... Мать вашу! Она же совершенно беззащитна перед любым проклятием!..

– Какого демона ты не остановил ее? – сейчас Людвиг был как никогда близок к тому, чтобы развоплотить Рихарда к Барготовой матери.

– Вы приказали присматривать и проследить, чтобы ее светлость хорошо питалась. Она позавтракала... вам перечислить меню?

Проклятое умертвие издевалось. Откровенно и неприкрыто. Развоплотить его к демонам собачьим!

– Нет! – гаркнул Людвиг и швырнул раскалившуюся трубку фониля на кровать.

Та зашипела, пустила дымок – и растеклась по смятому одеялу лужицей вонючего эбонита.

Сейчас же, немедленно домой! Найти Рину во что бы то ни стало! Он

не допустит, чтобы с ней что-то случилось! Она его жена, в конце концов, и плевать, что за игру затеяли кузен и его верный прихвостень Энн! Людвиг не позволит!..

– Мюллер! Сюртук и мобиль к подъезду, я возвращаюсь в Виен!

– Слушаюсь, герр Людвиг. Передать барону де Флеру, что вы не прибудете?

Людвиг, нервно вышагивающий по ковру, замер.

Выдохнул.

Длинно помянул Баргора, его матушку, короля Астурии, императора Франкии и еще несколько особо отличившихся личностей.

– Нет. Добудьте новый фониль и свяжите меня с Германом. Я в душ.

– Слушаюсь! – Мюллер щелкнул каблуками, развернулся и умчался.

А Людвиг, обещая себе убить демонова интригана, если он не разыщет фрау Рину, отправился в душ. У него оставалось пять минут, чтобы привести в порядок энергетику и мозги. Иначе демонами драное умертвие на франкском троне натворит таких дел, что мало никому не покажется.

Баргот любви эту всю политику!

Глава 2, о пользе научного прогресса

Виен, Астурия. Днем раньше

Рина

Ринке потребовалось четверть часа, душ, три чашки мятного чая и шесть новых платьев, чтобы немного успокоиться и понять: разговаривать с госбезопасностью все равно придется, будь она хоть сто раз герцогиня. А на примерке седьмого платья – того самого, немыслимо прекрасного и блестящего – до нее дошло, что здешняя ГБ сильно отличается от ГБ привычной и родной. Хотя бы тем, что здесь не было холодной войны, кинематографа и интернета. Здесь даже застежку-молнию еще не изобрели! А значит, у нее есть шанс... шанс на что именно, она пока не слишком хорошо понимала, но твердо знала: поддаваться – нельзя. А выдавать все свои секреты – тем более. Впрочем, у нее было, чем временно откупиться. То есть она очень надеялась, что было. В сумке, которую она прихватила с собой из родного мира, лежали планшет, смартфон, тетради с конспектами и три библиотечных учебника. Спасибо за них Петюне, он каждое утро с неизменным занудством ей напоминал: книги надо носить с собой, учеба – это серьезно. Вот книги, как самое ценное и доступное, она пока придержит, планшет с залитыми в память материалами тоже, а смартфон можно и отдать, симкарту только вынуть, может еще пригодится. Все равно здесь от телефона толку – ноль без палочки. С местными технологиями его будут двадцать лет изучать и ничего не поймут.

Главное, чтобы сумка нашлась. В последний раз Ринка ее видела, когда садилась в мобиль. Вряд ли кто-то ее выкинул, и вряд ли Людвиг о ней вспомнил и уже отдал своему начальству.

Думать о Людвиге было неприятно до рези в глазах, поэтому Ринка запретила себе вспоминать. Завтра, все завтра!

– Все, снимаем, – Ринка не позволила Магде даже до конца застегнуть пуговицы на спине.

– Но как же... – рыжая откровенно не понимала, почему хозяйка не хочет появиться перед гостем в таком красивом платье.

– Так же. Слишком много чести. Давай-ка то лиловое с вышивкой по подолу. И кружевную шаль.

Еще пять минут потребовалось, чтобы надеть строгое, идеально аристократическое платье, сделать простой узел на затылке...

– Нет, никаких локонов, Магда. И фероньерку не надо. Шпильки с

аметистами, и достаточно.

– Может быть, перчатки? Кружевные! – в глазах Магды светился искренний восторг, но сейчас Ринка не собиралась потакать щеночку и портить образ бальными перчатками. А Магде придется учиться различать стили и вообще надо как-то привить ей вкус, что ли.

Завершив образ скромным веером, просто чтоб было чем занять руки (или треснуть особо наглую госбезопасность по совершенной арийской физиономии), Ринка велела Магде найти и принести ее сумку, а потом пригласить графа Энн, мать его Ктулху, в будуар.

По счастью, сумку вынули из мобиля, но так как не знали, куда девать – так и оставили в гараже до хозяйских указаний. Там ее Магда и нашла. Достав учебники с планшетом, вынув симкарту и положив ее в кошелек, Ринка спрятала все в нижний ящик комода, а сумку вручила Магде:

– Принесешь, когда я тебя позову. И упаси тебя Единый хоть кому-то обмолвиться, что там было что-то еще. Ты меня поняла?

Магда закивала так, что косы запрыгали по плечам, рискуя оторваться.

– Даже святой инквизиции не скажу, вот вам круг!

Погладив Магду по голове, Ринка решила потом непременно разузнать насчет инквизиции, тем более – святой. В мире, где маги служат в госбезопасности, святая инквизиция по-европейски выглядит весьма странно. Значит, это что-то другое. И лучше с этим другим дел не иметь и на глаза ему не попадаться. Но – знать в лицо!

А пока, сжав подрагивающими пальцами веер, она нацепила на лицо самую высокомерную улыбку из своего репертуара и вышла из спальни в будуар.

– Ваша светлость, – граф Энн встал ей навстречу и галантно приложился к ручке.

Еще одну разницу между местной ГБ и родной, российской, Рина тоже оценила по достоинству: черта с два бы какой-нибудь генерал ФСБ, вызвав ее на допрос, ручки целовал. Пусть суть от этого не меняется, но так – намного приятнее.

– Я вас слушаю, – холодно кивнула Ринка, устраиваясь в кресле.

Граф Энн уселся напротив (их с Ринкой разделял низкий столик), открыто и чуть виновато улыбнулся... Если бы он не был генералом безопасности и если бы не вломился в кабинет к Людвигу полчаса назад, Ринка бы растаяла. Точно бы растаяла. Или хотя бы смутилась. Умел он улыбаться так, что женское сердечко бьется чаще. Но Ринка и не таких артистов видала, к тому же – она была чертовски зла. Поэтому лишь слегка повела бровью, мол, ближе к делу.

– Не сердитесь, прелестная фрау Рина, – он развел руками, открытыми ладонями вверх, и отзеркалил Ринкину позу. Не в точности, но очень близко.

Ага. Основы нейролингвистического программирования здешние артисты знают и используют. Ну-ну.

– Даже и не думаю. Так о чем вы хотели поговорить, герр Герман?

– Разумеется, о вас, – он по-прежнему был открыт и очарователен. – Мне чрезвычайно интересно, как вы к нам попали и откуда.

– Разве мой дорогой супруг вам не доложил?

– Этого мало. Мне нужны подробности. И, прошу вас, фрау Рина, давайте не будем усложнять дело недомолвками. Вы можете быть очень полезны Астурии, а я – вам.

– Не будем усложнять, вы правы. Разумеется, я расскажу все, что знаю, но вы тоже поделитесь со мной информацией. Не государственными тайнами, – Ринка мягко подстроилась под его тон, даже подняла открытую ладонь: чуть иначе, чтобы выглядело естественно. И тон, разумеется, сменила на «теплый и дружеский». – Меня интересует возможность вернуться домой.

– Нас тоже интересует такая возможность. У нас с вами общие интересы, фрау Рина.

М-да. Похоже, они оба способны ходить вокруг да около часами, делая «ку» и звеня колокольчиками, как в жмурках.

– Даже не сомневаюсь. И поэтому, граф...

– Просто Герман, – его спокойствию позавидовал бы сам далай-лама.

– Герман, я хочу вам кое-что показать. В порядке демонстрации дружеских намерений. – Ринка позвонила в колокольчик, взяв его со столика, и велела тут же явившейся Магде: – Принеси сумку.

Та сделала книксен, умчалась и вернулась через несколько секунд.

– Прощу, мадам, – подала сумку двумя руками, словно шкатулку с драгоценностями.

Поблагодарив и отпустив Магду кивком, Ринка поставила сумку на стол, раскрыла замок-молнию и предложила Герману:

– Можете изучать. Прощу только сохранить мой паспорт, я не теряю надежды еще им воспользоваться. И не беспокойтесь, бомбы или сибирской язвы я с собой не принесла.

– Сибирской язвы? – Герман слегка поднял бровь, выражая заинтересованность.

Вот же артист! Ему в руки свалились продукты неизвестных (и явно превосходящих) технологий, а он даже лапы в сумку с сокровищами не

запустил. Всем бы такую выдержку.

– Наш мир, Герман, сильно отличается от вашего, – с неприкрытой тоской сказала Ринка: ей очень хотелось домой. И отчаянно не хватало информации! Для того, кто привык к интернету, отсутствие информации почти равно нехватке воздуха. – Не в лучшую сторону, несмотря на технологии. У меня с собой нет учебников истории, но если захотите, я вам кое-что расскажу. И сразу предупреждаю: я – биолог, в оружии ничего не понимаю, и использовать мои знания в военных целях у вас вряд ли выйдет.

Несколько секунд Герман смотрел на нее в крайней задумчивости, потом кивнул:

– Я вам верю, Рина. Вы ведете себя совсем не так, как наши дамы. Впрочем, и не как наши мужчины. Ваш отец действительно ученый-генетик? – прозвучало как «ученый, а не генерал госбезопасности?»

– Да. Доктор наук, заведующий лабораторией. Я не слишком хорошо разбираюсь в его исследованиях, для меня это слишком сложно. Максимум, могу рассказать в общих чертах. Но, думаю, мои конспекты из университета будут вам гораздо полезнее. У вас же найдутся специалисты, знающие русский язык?

– Несомненно. Вы позволите? – он наконец-то коснулся вожащенной сумки.

– Разумеется. Ничего опасного для вас там нет, я...

Она хотела сказать «обещаю», но не стала. Это было бы не совсем правдой. Кто знает, до какой дряни додумаются местные ученые, исследуя смартфон, упаковку ежедневков, мятную жвачку, пакетики чая «Гринфилд» и гелевые ручки? Не говоря уже про растворимый аспирин, эвкалиптовые пастилки, пластиковые карточки, студенческий билет, ополовиненную шоколадку и... явно что-то еще. Ревизию своей сумки Ринка не проводила очень, очень давно. Так что вполне могут найтись и окаменелые уши мамонта.

Тем временем Герман очень осторожно принялся выкладывать на столик добычу. Начал с крупного, то есть двух общих тетрадей: одна по химии, вторая – по всему сразу, на пружинном блоке, с разноцветными листами. Вот ее-то он и пролистал первой, ничего, разумеется, не понял – в студенческих конспектах и не всякий опытный дешифровальщик разберется.

– Цвет бумаги что-то обозначает?

– Конечно. Желтый – общая генетика, розовый – морфология... там подписано.

Герман только вздохнул: проникнуть в тайны иномирской науки с наскока не получилось. Ничего-ничего, это ты еще смартфон не видел, дорогой мой генерал!

– А это?.. – он как раз достал смартфон. Выключенный, разумеется. Ринка всегда его выключала перед началом лекций, чтобы не отвлекаться на звонки.

– Телефон, – улыбнулась она, вспомнив эбонитового монстра из гостиной. Слово явно было Герману незнакомо, так что она пояснила: – Модификация той черной штуки, по которой вы разговариваете.

– И как он работает?

– Не знаю, – честно ответила Ринка. – Что-то там с радиоволнами. Или не радио, а ультракороткими. Или электромагнитными. Я плохо знаю физику, тем более такую сложную. Вообще-то я уверена, что на самом деле это магия.

– У вас все же есть магия?

– Думаю, да. Но у нас ее называют наукой. Смотрите, вот тут кнопочка... – она нажала на включение, и смартфон засветился. – Он работает на электричестве. У вас же пользуются электричеством?

Герман завороченно кивнул и провел над экраном ладонью.

– Если в этом и есть магия, то я ее не чувствую.

– Это ни о чем не говорит. Мало ли, чего вы не чувствуете. Кстати, заряда осталось часов на пять, и это если не смотреть видео. А сети у вас, разумеется, нет...

Следующий час Ринка откровенно наслаждалась, показывая Герману фокусы – скачанное с ютуба видео, собственные записи, фотографии Москвы, подружек, универа, Петечки...

Почему-то Петечка произвел особенно сильное впечатление. Герман даже спросил:

– Так вы были замужем?

– Нет. Я не собиралась выходить замуж минимум до окончания университета.

Почему-то при этих словах Герман вроде как просветлел лицом. Наверное, если бы она была замужем, у Людвига могли возникнуть проблемы...

Вот на этом месте посмурнела сама Ринка. Проблемы гада чешуйчатого ее не касаются. Для него она не человек, а... неважно, короче. Он для нее – тоже. Экспонат, вот. Мутант подопытный! И она не будет о нем думать!

На универ Герман тоже смотрел глазами, по форме приближающимися

к правильной сфере. Еще бы чуть, и выскочили. А к концу познавательной беседы герр генерал выглядел и вовсе придавленным. Что ж, план удался. Наверное. По крайней мере, ее восприняли всерьез. А напоследок спросили:

– Вы уверены, что хотите вернуться туда? Здесь вы – герцогиня, а там...

– Там я дома, Герман. Там мои родные и все, кого я люблю.

– Все еще может измениться. Вы вышли замуж, вскоре можете родить детей.

– В нашем мире, Герман, девушка выходит замуж за того, кого любит, а не потому, что ее принудили. К тому же для вашего друга я – всего лишь одна из многих, и вряд ли он даже заметит мое отсутствие.

– Вы зря обижаетесь на Людвига. Поверьте, не его вина в том, что ему пришлось спешно вас покинуть.

– Разумеется. Спецзадание по поимке опасных террористов, и на самом деле его зовут Бонд, – хмыкнула Ринка. – Прошу вас, Герман. Не будем об этом.

Тот лишь укоризненно покачал головой и распрощался.

А сумку забрал с собой.

Ринка злорадно подумала, что ее подарочек сегодня не одному Герману испортит ночной сон. И завтра. И послезавтра. А нечего потому что, вот!

На этой оптимистической ноте она отправилась спать, предварительно позвав Магду. Все же местная одежда с пуговками на спине – изобретение дьявола, хоть и безумно красива.

Ей снились кошмары. Она знала, что спит, что все это уже было – и закончилось, но от этого было не легче.

Ей снился дуэт Людвига и Смерти, а слушателем был город. Незнакомый, но очень милый и уютный европейский городок с замком, узенькими улочками и ухоженными предместьями. По улочкам маршировали игрушечные солдатики, над замком реяли флаги, игрушечные пушки выпускали ядра-орешки, откалывая от пряничного замка кусочки глазури. А Людвиг со своей спутницей летали вокруг на золотом драконе и дирижировали невидимым оркестром.

Вагнер, это Вагнер, во сне подумала Ринка. Откуда в чужом мире Вагнер и его «Кольцо Нибелунгов»? И почему игрушечные человечки падают, падают, а музыка становится все тревожнее, и пряничный замок чернеет? Как странно! Почему Людвиг это не остановит? Ему же не нравится!

И вдруг он оглянулся. Уставился прямо на Ринку синими, полыхающими, словно газовая горелка, глазами. Заглянул в самую душу. И, подняв руки, остановил оркестр.

Музыка смолкла.

Несколько мгновений слышались выстрелы, крики, грохот.

А потом смолкли и они. Пряничный замок выцвел, истончился – и от него, кругами, словно от брошенного камня, стал расползаться туман. Неправильный, серый туман, и в этом тумане прыгали, извивались и клацали зубами призрачные твари, похожие то на пауков, то на змей, то на волков, то вообще ни на что не похожие.

Замок, город, предместья и игрушечные солдатики с пушками рассыпались пылью, и все стало серым, мертвым и странным – и замок, и дома, и деревья. Искореженные. Не мертвые и не живые. Застывшие и изменчивые.

Людвиг криво усмехнулся, и его лицо превратилось в белоснежный череп, оскаленный, с мертвенно-синим огнем в глазницах.

И снова зазвучала музыка.

Вагнер. Тема проклятия из «Кольца Нибелунгов». Только сопровождение играл не оркестр, а фортепиано. И пел какой-то странно-скрипучий баритон.

Это так не подходило к сну с драконами и Смертью, что Ринка открыла глаза и села на постели.

Отчаянно болела голова, подташнивало, перед глазами плыло – и по-прежнему слышалась музыка. Вагнер и скрипучий голос.

– Магда, – тихонько позвала она, не понимая: проснулась уже или ей снова все снится?

Рыжая не отозвалась, зато послышалось вопросительное:

– Мр-мя? – и откуда-то из подушек к Ринке на колени запрыгнула Собака, потерялась о руки.

– Ты тоже это слышишь? – спросила Ринка, имея в виду музыку.

Кошка зевнула, показывая, что на такую ерунду она не обращает внимания. И вообще, приличные девушки в такое время спят и кошкам спать не мешают.

Ринка легла обратно. Обняла кошку. Несколько минут паялилась в потолок.

Музыка не прекращалась. Снова Вагнер, только тема другая. Все же музыка настоящая, решила Ринка. Но кто тут может играть по ночам?

Встав с постели, она накинула шаль и тихо-тихо, на цыпочках, пошла к двери. Выглянула. Показалось, музыка стала чуть громче. А в ноги

ткнулось теплое и пушистое.

– Чш-ш! – сказала Ринка кошке и пошла вперед по коридору.

Тут же вспомнились страшилки от Магды про «вомпера» и живые портреты, и подумалось: может, зря она вышла из комнаты ночью? Все же дом некроманта. Мало ли, что тут водится.

Словно в подтверждение ее страхов, по ногам пронесся холодный ветерок, где-то что-то зашуршало... Ринка замерла. А кошка остановилась и недоуменно обернулась: ты что, мышей боишься? Идем, любопытно же!

И они пошли дальше. Впереди кошка, а за ней Ринка. На звук старого, чуть дребезжащего фортепиано. Через гостиную, вверх по лестнице, и дальше по коридору... Перед дальней дверью кошка остановилась и сказала веское:

– Мрр.

То есть здесь. Пришли, открывай, у меня же лапки.

Теперь звуки рояля слышались совсем явственно и по-настоящему, а с ними – глуховатый баритон и скрип педалей, а в паузе – словно бы шелест бумаги.

Глубоко вдохнув и зажмурившись для храбрости, Ринка толкнула дверь. Она открылась бесшумно, а тот, кто играл – ничего не заметил.

Это был Рихард. Пустая комната, только рояль, конторка с ворохом бумаги и перьями, яркая луна в окне и Рихард. Он играл на рояле, закрыл глаза и напевая тему Зигфрида. И вдруг замер на миг, восторженно – и принялся что-то быстро-быстро строчить пером на листе, прижатом к пюпитру книгой. То, что кроме луны, в комнате не было никакого света, ему совершенно не мешало.

Наверное, Ринка бы так и ушла, не потревожив его, но у кошки были другие планы. Она побежала, задрав хвост, вскочила на рояль, прошлась по клавишам – издавая ужасные хаотические звуки – и цапнула лапой перо из рук Рихарда.

Он отмахнулся от кошки, стряхнув ее на пол, обернулся и начал вставать.

Его глаза светились все тем же кошмарным синим светом, что и глаза Людвиг – и во сне, и когда он убивал террористов... Боже, ей почти удалось об этом забыть, зачем она вспомнила? Зачем она пришла сюда? Ох, мамочки, что сейчас будет...

У Ринки подкосились колени, а сердце забилося где-то в горле, норовя выскочить и пуститься наутек. Сбежать бы, но ноги словно прилипли к полу, она вся одеревенела... это магия, да? Ее прокляли?.. Мамочки!..

– Я вас потревожил, фрау Рина? – обеспокоенно спросил Рихард. –

Простите, я не думал, что вы услышите.

Ринка со всхлипом вдохнула и схватилась за дверной косяк.

Примерещилось. Слава Ктулху, всего лишь примерещилось! Это Рихард, самый обычный дворецкий. Никакой мистики с вомперами!

– Вы играли... – выдавила из себя Ринка. Горло пересохло от нервов, и голос дрожал. – Откуда вы...

– О, всего лишь мои скромные сочинения, фрау Рина. Бессонница, видите ли.

– Ваши?! – Ринка чуть не села, где стояла. – А... простите, Рихард, я не знаю вашей фамилии...

– Рихард Вагнер, фрау. Моя фамилия слишком скромна, чтобы обременять ею ваш слух.

– Так. Погодите. Рихард Вагнер, а то, что вы играли – новая опера, да? «Золото Рейна»? Или это был «Зигфрид»?

– «Золото Рейна», фрау. Откуда вы знаете? Это легенды не нашего мира.

– Да так, – Ринка обхватила себя руками за плечи. – Мне приснилось.

Рихард покачал головой и улыбнулся с видом мудреца, которому известны все тайны бытия.

– У вас весьма любопытные сны, фрау Рина. Если позволите, я провожу вас в вашу комнату. Здесь прохладно, вы можете простудиться.

Глава 3, о бабочках, которые крылышками бяк-бяк

Виен, Астурия. День следующий

Рина

Проснулась Ринка с больной головой и в растрепанных чувствах. Еще и сны странные, один Вагнер на чердаке чего стоил!

Потянувшись, она бросила сонный взгляд на часы, тикающие на столике у кровати, и наткнулась на брошенную поверх них шаль. Ту самую, в которой ходила слушать Вагнера. Тут же подумалось: хорошо, что это был сон, она же выскочила в ночнушке! Здесь все так сложно с приличиями! А потом до нее дошло, что вечером шаль была на кресле, а на столик Ринка ее сбросила, вернувшись в кровать среди ночи.

Получается, это был не сон?

Она снова зевнула, стянула шаль с часов – они показывали девять утра, для аристократии несусветная рань. Или не рань? Вроде вчера Людвиг ушел «на службу» часов в девять. Ага, на службу, как же. К любовнице поперся. А товарищ начальник его прикрывает, чисто помужски. Спецоперация у них, видите ли!

ТЬфу.

Он, значит, будет как Бонд, по заданиям одно другого грудастее, а она – дома, вечно беременная и босая. Kinder, Küche, Kirche. Да еще и без документов, как бесправная рабыня. Почему ей ничего не выдали? Герман явно знает, что такое паспорт – вон как внимательно его вчера изучал. А она, дура такая, забыла потребовать, чтобы ей дали местные документы. Надо исправить!

С этой ценной мыслью она позвонила в колокольчик. Тут же примчалась Магда, свежая, бодрая и румяная, с букетом чайных роз и какой-то незнакомой травы в руках. От Магды изумительно пахло цветами, свежестью, молоком и сдобой, видимо, уже успела позавтракать.

– С утречком добрым, мадам! А давайте я вам цветочков поставлю, вы же любите, правда? А у их светлости садовник такой строгий, такой строгий! Я ему, розочек для мадам надо, для утреннего настроения, а он как зыркнет, как зыркнет! Может, тоже вомпер? – щебетала она, ставя на стол вазу и доставая из шкафа пенюар. – А фрау Шлимахер плюшек сготовила, ах, как пахнут! Как думаете, мадам, ежели он вомпер, то ему плюшки пищеварению не испортят? – она явно гордилась «умным» словом.

Ринка невольно улыбнулась. Странное дело, от веселого щебета Магды даже голова болеть перестала, а ночные кошмары показались детскими сказками. Что-то вроде балета «Щелкунчик».

– Плюшки? Нет. Хорошие плюшки никому пищеварение не испортят!

– Вот и я так думаю, мадам. Вы чаю или шамьету будете?

– Что за шамьет? – спросила Ринка, отмахиваясь от пеньюара. – Давай сразу платье, не люблю халатики.

– Такая черная горькая вода, ее все благородные по утрам пьют. Вот фрау Брюкен каждое утро варили, я видела! Только она не по-благородному пила, а сливками белила и меду клала. Две ложки! А все горько было, морщилась, болезная.

– Так зачем же пила, если горько?

– А как же? Все благородные пьют, и ей охота. Чтоб благородство показать. А того благородства в ней всего-то – бабка с дворянином согрешила. А гонору-то, гонору! Мол, фамилии дворянское, кровь голубая, вся улица ей кланяться должна.

Ринка тихонько рассмеялась:

– Сама-то горькую гадость пробовала?

– Не-а, – так же жизнерадостно отозвалась Магда. – Я девица простая, я сладкое люблю. Вот плюшки у фрау Шлимахер...

– Ладно, уговорила. Неси в будуар плюшек, да побольше. И чаю неси, и шамьет тоже, мне интересно. А, Магда, и скажи мне, у тебя документы есть? – увидев недоумение на лице камеристки, Ринка пояснила: – Паспорт. Бумага такая, где написано кто ты есть.

– А как же! Паспортная бумага есть! У всех есть. Показать? А вы что, хотите проверить, не притворяюсь ли я кем другим?

– Не притворяешься, – усмехнулась Ринка. – Интересно мне.

Бумаги Магда принесла вместе с чаем, плюшками, вареньем из розовых лепестков и свежайшим сливочным маслом в крохотной фарфоровой масленке. Шамьет тоже принесла – который оказался почти настоящей арабикой, только непривычно сваренной.

Для начала Ринка взялась смотреть паспорт. Он был похож на свидетельство о рождении. Имя, год, место рождения. И приписка, что Магда является свободным жителем Виен. И ей всего пятнадцать лет.

– А это магическая печатка. Зеленая, – камеристка показала пальцем на переливчатый символ по нижнему краю черно-белой фотографии. – Чтоб не подделывали. А у благородных она синяя! Да что ж я, вы и сами все знаете! Или у вас в России другие печатки?

Ринка пожала плечами:

– Другие, да, – и взялась за плюшки.

Настроение опять упало. Никуда ей не деться от Kinder, Küche, Kirche. Без документов ни о какой России можно даже и не думать. И о самостоятельной жизни тоже.

Что ж, арийская морда скоро снова заявится, Ринка не сомневалась в этом ни на грош. Студенческие конспекты без ее помощи даже Шерлок Холмс не расшифрует. Так вот, как придет, так первым делом Ринка и потребует себе документы.

А пока прессу, что ли, просмотреть. Надо же быть в курсе местных дел!

– Магда, неси свежие газеты, сливки и мед.

На просьбу о газетах Магда явно удивилась – видимо, здесь дамам не принято интересоваться чем-то кроме сплетен и мод, но вопросов задавать не стала. Все же иногда она очень сообразительная девочка. Через две минуты все было на столе, а Магда смотрела на нее преданными любопытными глазами.

– Там Рихард, мадам. Спрашивает позволения зайти.

Дворецкий? О, интрига!

– Ну, пусть заходит, а ты пока свободна. Закончу с завтраком, позову.

Сделав быстрый книксен, Магда ускакала, и тут же вошел дворецкий.

– Ваша светлость, – Рихард поклонился с привычной каменно-невозмутимой физиономией и подал Ринке изящную атласную коробочку. – Герр Людвиг просил вас надеть это.

– Что это? – подозрительно спросила Рина, не спеша принимать подарок.

– Магический маячок, чтобы ваш супруг мог знать, где вы находитесь в данный момент.

– И на какое место я должна это нацепить?

– На любое, ваша светлость, – поклонился дворецкий еще более невозмутимо, если такое вообще возможно. Однако Ринка была уверена, что он смеется про себя. – Смею напомнить, что герр Людвиг просил вас воздержаться от прогулок за пределами дома.

– Благодарю вас, Рихард... постойте. Скажите, могу ли я попросить вас сыграть для меня? Возможно, что из «Золота Рейна»?

– Разумеется, ваша светлость. Почту за честь.

Вот теперь Ринке точно не показалось. Дворецкий определенно был польщен, даже почти улыбнулся, перед тем как удалиться, и спину выпрямил еще сильнее, чем обычно.

А Ринка открыла подарочек.

Следилка была похожа на ремешок для часов, но вместо циферблата ее украшал круглый прозрачный камень с голубой искоркой внутри. Искра мерцала с частотой пульса, и Ринка тут же заинтересовалась: чьего пульса, неужели ее?

Она оказалась права. Биение искры точно совпадало с ритмом ее сердца. Вот это технологии! Никаких тебе датчиков, прибор просто улавливает ее биоритмы на расстоянии... интересно, на каком расстоянии? Пожалуй, стоит выразить Людвигу благодарность, у нее появился прекрасный экземпляр для исследований.

Вот первое исследование и проведем прямо сейчас. Настоящие ученые никогда не откладывают на потом то, что можно набедокурить немедленно!

Ну-ка, где подопытное животное...

Собака дремала в полосе солнечного света перед окном. Ринка подхватила разморенную кошку под живот и торжественно произнесла:

– Многоуважаемая коллега! За вклад в развитие межмировой науки спонсор нашей программы, герцог Бастельеро, награждает вас этим прекрасным ошейником с камнем, представляющим безусловную научную ценность!

Получилось слишком много науки, но это не беда. Она же не профессиональный ведущий, а простой исследователь-практик. Ей можно.

И она ловко застегнула ремешок на кошачьей шее. Удивительно, но Собака даже не стала вырываться, лишь одарила Ринку царственно-снисходительным взглядом. Вылитый доктор наук, принимающий заслуженные почести!

– Прошу, фрау доктор... э... новейшей науки, имя которой мы придумаем потом, прилечь на эту прекрасную подушечку. Вот так, чтобы мне было видно искорку! Ты моя киса...

Уложив Собаку в метре от себя, Ринка вернулась за стол, налила себе местного кофе, разбавила его сливками и потянулась к газетам. Прежде чем заглянуть в прессу, проверила искорку на ошейнике и свой пульс: улавливает, ни малейшего сбоя. Ага, результат первый. Надо завести тетрадь наблюдений. Вот сразу после кофе.

Глотнув кофе, она взялась за газету и чуть не подавилась.

На первой полосе красовался дорогой супруг. Раненный. На водах. Видно, на спецзадании – потому что одет был, как и положено Бонду, во что-то безумно стильное, дорогое и точно индивидуального пошива. Красовался его светлость Бонд за столом в роскошном ресторане, и разумеется – в обществе элегантной дамы под вуалью.

Сжав зубы и поставив чашку кофе на блюдечко, чтобы ненароком не

выплеснуть себе же на платье, Ринка начала читать статью. Это оказалась светская хроника.

«Сегодня благородное общество, собравшееся в знаменитой лечебнице имени святой Дануты, что располагается в городе Нитце, наблюдало приезд нового постояльца. В восьмом часу вечера из своего нового мобиля марки «Драккар», изготовленного по специальному заказу и отделанного кожей редчайшего черного зубра, вышел его светлость герцог Бастельеро. Его светлость были бледны и опирались на плечо верного адъютанта.

Наш источник в министерстве сообщает, что его светлость получил ранение на специальной операции, охраняя безопасность Короны, и приехал в Нитц для поправки здоровья.

Его светлость Бастельеро проследовал в «королевские» апартаменты из четырех комнат, оформленных в стиле Франциска Второго, с отдельным выходом к источнику минеральных вод, которыми так славился Нитц. Вечером герцога видели гуляющим в саду в сопровождении того же адъютанта и актрисы М. Как известно из достоверных источников, мадам М. и его светлость Бастельеро старые друзья. Удивительное совпадение! Знаменитая прима именно сегодня прибыла на воды, чтобы поправить здоровье после разрыва с кавалером Н. Подробности скандального романа и эксклюзивное интервью с кавалером Н. читайте в завтрашнем номере.

Перед ужином их светлость соизволили выпить лечебной воды и дружески побеседовать франкскими офицерами, отдыхающими на водах от тягот службы.

Ни его светлость, ни мадам М. не появились на ужине, а вот обедать изволили в роскошном ресторане лечебницы, где откушали рийет из утки, знаменитый луковый суп, телячью печень по-лионски и даже попробовали гордость нитцкой кухни, улиток под винным соусом. После чего велели передать благодарность шеф-повару, чем вызвали восторг всего персонала лечебницы. Пили их светлость только вино из Шампельена, оставили щедрые чаевые и произвели фурор среди отдыхающих дам».

Ах, он!.. Чтоб его Ктулху любил!

Ринка швырнула газету на кровать и вскочила, сжимая кулаки.

Конечно, мистер Бонд произвел фурор! Еще бы! На нее значит, следилку, а сам с примадонной на воды? Кто бы сомневался, что по вчерашней любовнице он тоже горевать не станет! Подумаешь, у жены шок, любовницу подстрелили, что ему за дело? У него примадонна, мать его!..

От злости перехватило горло, стало трудно дышать. Пнув по дороге ни в чем не повинное кресло, Ринка подбежала к окну и распахнула его,

впуская в комнату запах сада. Вдохнула раз, другой. Сглотнула образовавшуюся в горле горечь. И велела себе мыслить здраво, а не психовать.

И не ревновать!

Герр Бастельеро ей – по большому счету никто. Так, наниматель и временный сожитель. По контракту. До тех пор, пока она не выторгует у короля документы и больше свободы. А может даже и... еще что-нибудь! А что, король намного красивее этого гада чешуйчатого! И он точно не станет на нее орать и запирасть как пленницу! Да, решено! Король. Документы. Побег в Россию. А вы, герр некромант, хоть на ежика голой попой садитесь!

Приняв стратегическое решение, Ринка выдохнула и принялась следить за огромной бабочкой пурпурного окраса. Та медленно кружила над желтеющей веткой вишни, маня необычной формой крыльев и едва заметным рисунком. Мерные взмахи пурпурных крыльев успокаивали, свежий воздух остужал разгоряченную голову, и Ринкин авантюризм несколько поутих.

В смысле, соблазнять короля – это уже слишком. И некрасиво, все же она пока замужем, и проблем от такого аманта больше, чем удовольствия. Но как запасной вариант – годится. Жить как-то проще, когда вариантов больше одного.

Ринка почти успокоилась и почти составила план действий, когда позади раскрылась дверь, загремело что-то упавшее (возможно, разбитое) и Магда испуганно пискнула:

– Ой, мадам! Не надо!.. – она быстро добежала до Ринки и на всякий случай схватила ее за юбку. – Мадам, вы только не прыгайте! Насмерть же убьетесь! Вы такая молодая, красивая! Как же так, только герцогиней стали...

Ринка не засмеялась только от глубины удивления. Вот глупая девчонка, с чего она взяла?.. и тут же до нее дошло, с чего. Она ж высунулась в оно по пояс, так любопытно было разглядеть бабочку. Не упала бы, конечно, и не разбилась – тут всего-то метра четыре, и прямо под окном кусты, что-то вроде японской айвы.

– Не собираюсь я прыгать, – Ринка чуть отодвинулась от окна, чтоб Магда не психовала. – Еще чего! Ты лучше посмотри, какая красивая бабочка!

– Ой, я их до жути боюсь! – Магда глянула за окно и наморщила нос. – Таракан с крыльями! А усищи какие! Ой, фу-фу!

– Сейчас я ее поймаю! Хочу ближе рассмотреть.

– Да зачем она жуть энтакая сдалася? Их над конопелью знаете, сколько летает? Тучи! И все разные. И синие, и зеленые, и черные! Велите садовнику, он вам наловит.

– Какая еще конопля, центр города же?

– Так то при Академии Наук поле, там ученые сперименты ставят. Чтоб, значит, самую-пресамую конопель на королевские поля садить. У нас, в Астурии, лучшая пенька на всем конта... континенте! А еще она красивая, у нас в гербе листик. Академия совсем близко, как за кладбищем будет поле, потом сад бостунический, а дальше ихние башни. Высокие, страсть! В двадцать этажей!

Ринка невольно рассмеялась. Бостунический сад, с ума сойти!

Вот его бы Ринка с удовольствием посмотрела. И просто там погуляла. Дома она нередко ездила в Ботанический сад – и пешком гуляла, и на велосипеде там каталась. Интересно, а здесь велосипеды есть? Если нет – она изобретет. Всегда мечтала изобрести велосипед, да и папа говорил, что у нее талант. В смысле, к изобретению велосипедов.

– А озеро поблизости есть?

– Знамо дело, есть. С него академики поля поливают. Говорят, глубокое, жуть! И на дне чудовище живет, с длинной-длинной шеей. По ночам вылезает и воет, воет. Тоскует потому что. Оно ж там совсем-совсем одинокое!

– Как романтично... – Ринка едва сдерживалась, чтобы не засмеяться в голос. Одинокое лох-несское чудовище! Гитару ему подарить, что ли, чтобы выло с аккомпанементом? – И что, отвечает ему кто-нибудь?

Магда оживилась, глазки разгорелись:

– Говорят, к нему темными ночами драконица прилетает! Прилетит – и кружит, кружит над озером, а он воет, и воет! Видать, любовь у них...

Ой-ой-ой. Любовь дракона с чудовищем. В Академии Наук. Мать моя Ктулху! Прямо как в родном универе!

Все, хватит ржать. Пора проветриться, а заодно посмотреть ботанический сад и местную коноплю. Магомодифицированную! А может и встретить там папиных коллег, магов-генетиков... или доктора Петера... Хотя вряд ли, он занимается порталами, а не какой-то там коноплей. Для порталов трава должна быть явно посерьезнее.

– Магда, принеси для кошки молока. Теплого! – велела Ринка, которой не терпелось пойти исследовать территорию. То есть она помнила, что герр супруг чего-то там рекомендовал на тему безопасности, но она же не пойдет в город! Только в сад. Бабочку поймать.

Как только Магда выбежала за дверь, Ринка подоткнула юбку (благо

тут хотя бы панталоны водились, длинные и неудобные, но все лучше голой попы) и залезла на подоконник. Оттуда осторожно перебралась на толстую ветку вишни, предварительно ее подергав – крепка ли. Падение в кусты в Ринкины планы не входило. Через пару минут Ринка была уже на земле, немножко поцарапанная и растрепанная, но она ж не на прием к королю собралась.

– Ой, мадам!.. – слышалось из окна, когда Ринка оглядывалась в поисках тропинки, ведущей к кладбищу. – Что же вы! Как же!.. Пойдите, я с вами!

– Стоять! – скомандовала Ринка, видя, как Мага с видом героини Сопротивления лезет на подоконник и собирается повторить ее путь. – Прикрывайте отход, боец Магда! А всем, кто спросит, куда я делась...

– Но вы ж не топиться, правда? Там мелко! И грязно! И чудовище мокрое и склизкое! – попыталась переубедить ее Магда подручными средствами.

Ринка оценила креатив. Там где мелко, грязно и склизкое мокрое чудовище – уж точно ни одна романтическая барышня топиться не станет. То ли дело, когда чудовище brutальное, волосатое и суровое, вот тогда да... тогда – самое то. Особенно если в роли чудовища ректор Академии.

– Не волнуйся, я просто погуляю и поймаю бабочку. А некоторые... да, если его светлость спросит, то скажи: к озеру пошла. В расстроенных чувствах. Вот настолько расстроенных, что ты прямо не знаешь. Поняла?

– Ага! – радостно закивала новообетенная сообщница. – Все скажу! Вы только шалю возьмите, холодно же!

На шаль Ринка милостиво согласилась. И, подмигнув Магде, пошла прочь – искать заднюю калитку. И только найдя ее, вспомнила, что не взяла с собой ничего, что могло бы послужить контейнером. Ну и ладно! Она просто прогуляется и нарвет немного растений для гербария. Магомодифицированной конопли! Интересно, а этот сорт можно курить?

Ринка никогда не пробовала наркотиков, но сейчас ей вдруг захотелось затануться и уйти в нирвану! Просто чтобы не думать о чудовище чешуйчатом, от которого она только что сбежала. И была совершенно не уверена, что хочет возвращаться.

На кладбище было тепло, солнечно и тихо. Ринка неторопливо шла по утоптанной дорожке между надгробий, наслаждаясь тишиной и свободой. Глазела по сторонам. Как же ей этого не хватало! Хоть немного побыть одной. Подумать. Ей даже дышать стало легче, будто с плеч сняли груз. Можно было расслабиться, побыть самой собой.

Итак, что мы имеем?

Рабское положение, мужа тирана и бабника, сотрудничество с госбезопасностью на правах лабораторной мышки, свекровь ведьму и интригана короля, который преследует свои цели. Это пассив.

А в активе что? Она жива, имеет титул и неплохой счет в банке, муж постоянно занят на службе, у нее есть верная Магда и вредная Собака. В комодке лежат три учебника и все еще рабочий планшет, что может повернуть любые переговоры с ГБ в гораздо более конструктивное русло. А еще в ней заинтересован один из академиков, доктор Петер, и за эти учебники он тоже если не душу продаст, то уж точно сможет предложить что-то полезное.

Неплохо.

А вот и кладбище закончилось. Маленькое, меньше Ваганьковского, видимо только для всяких графьев.

За кладбищем была узкая полоска деревьев, потом заросли боярышника и шиповника. В живой изгороди довольно скоро нашелся пролом, и Ринка, пригибаясь и закрыв волосы шалью, в него пролезла. За кустами была выжженная трава. Пахло сладковато и дымно, и от запаха немного кружилась голова. Тут не пели птицы, не стрекотали насекомые, только на несколько гектаров простиралось пожарище.

Идти по нему Ринке что-то расхотелось, хотя до слегка обгорелой опушки леса – или ботанического сада? – было по прямой всего метров триста.

Вот и прогулялась. Ринка уже шагнула назад, в кусты, когда услышала тихий-тихий скулеж. Она замерла, прислушиваясь. Скулеж слышался слева, из-под кустов. Щенок? Похоже...

Ринка на мгновение замерла и решительно пошла по краю пожарища, присматриваясь к кустам. Да, да, она помнила, куда ее завела спасательная операция по поимке кошки, но не могла пройти мимо! Вдруг малыш попал в яму или угодил в капкан? Голосок такой тихий, что если не прислушиваться, то и не уловить. Удивительно, как она смогла его услышать.

Боярышник с шиповником вдоль поля явно высадили, чтобы никто не лазил во владения академиков. Сплошные колючки! Скулеж стал чуть-чуть громче. Ринка остановилась, присела на корточки и попыталась раздвинуть ветки у земли. Тут же оцарапалась до крови и, помянув Ктулху, сунула край ладони в рот.

Видел бы ее сейчас муж драгоценный, явно бы не одобрил. Длинная юбка зацепилась за колючку, но Ринка только нервно дернула его, с какой-то злобной радостью слушая звук рвущейся материи. Еще бы он одобрил!

Леди не лазит по кустам в поисках щенков, а сидит томная под окном, вышивая портрет любимого мужа. А она не леди! И поэтому полезет!

Скулеж прекратился, и Рина испуганно замерла. Только бы не опоздать.

– Куть-куть-куть, где ты, малыш?

– Мяу! – недовольно отозвались сзади.

– А ты здесь откуда? – Ринка оглянулась на кошку, брезгливо поджимающую то одну, то другую испачканную сажей лапку.

Разумеется, она не ответила, только чихнула и, пробежав по подолу Ринкиной юбки, проскользнула под ветку приземистой елки, невесть как затесавшейся среди кустов.

– Мяу! – потребовала Собака оттуда.

Это было настолько явное «не тормози», что Ринка, наплевав на колючки, полезла за ней, подняла еловую ветку и заглянула в зеленый полумрак.

– Мать твою Ктулху, – только и смогла сказать она.

Под елкой среди россыпи желтых иголок лежало яйцо. Большое. Очень большое. Больше страусиного. Насыщенного голубого цвета.

– Какого же размера этот дрозд?

Собака мяукнула и осторожно тронула лапкой бок яйца. Оно энергично запульсировало и отозвалось тихим не то звоном, не то постукиванием.

– Это драконье? – шепотом спросила Ринка у кошки, будто та могла ей ответить.

– Мяу! – сообщила паршивка с такой гордостью, словно она была минимум крестной матерью дракончика.

Рина протянула руку и осторожно потрогала яйцо. Теплое! Даже горячее! Но как так может быть? Яйцо тихонько замурлыкало.

– И что с ним делать? Может быть, нельзя трогать? Может, мамка рядом?

– Мяу! – решительно произнесла кошка и толкнула яйцо к Ринке. Оно легко покатилося прямо ей в ладони.

– Ну если ты так считаешь, то ладно. Мне оно тоже нравится.

Осторожно прижав яйцо к груди, Ринка задом выбралась из кустов, встала и огляделась. На всякий случай. А то мало ли, драконья мама уже нашлась и сейчас как поджарит Ринку вместе с остатками конопли! Но небо было чистым и ясным, по-прежнему светло солнце, а из перелеска вдоль кладбища доносился стук дятла.

Вот и хорошо. То есть, конечно, дракончику без мамы будет не очень

хорошо, но Ринка очень-очень постарается его правильно кормить и воспитывать! А пока – хорошенько спрятать, чтобы всякие некроманты и прочие контрразведчики не нашли.

– Идем домой, шпионская твоя морда. И про яйцо – никому!

Собака презрительно фыркнула, мол, чтобы она – и разболтала? Да за кого вы принимаете честную кошку! И вообще, она героически помогла, можно сказать, рискуя жизнью, привела к сокровищу, все лапки перепачкала!

Трагический взгляд кошки и нервное потряхивание то одной, то другой лапкой выглядело так... смешно, что Ринка едва не рассмеялась в голос. Но вместо этого чихнула, подняв облачко сажу.

Ой-ой-ой. Вот только на платье не смотреть! – подумала она и тут же опустила взгляд на юбку. Лучше бы она этого не делала.

– Ладно. Иди на руки, Собака мохнатая, только сначала яйцо завернем. А то мало ли!

Заматав яйцо шалью, а поверх посадив кошку-наседку, Ринка отправилась обратно вдоль кустов. Где-то тут был пролом, через который она вылезла на поле.

– Магда! – шепотом позвала Ринка, благополучно миновав кладбище и проскользнув мимо занятого стрижкой кустов садовника. Не хотелось, чтобы слуги видели ее грязной оборванкой, да и за погубленное платье было ужасно стыдно. – Эй, Магда!

– Мрр-мя! – поддержала ее зов Собака, в саду спрыгнувшая с рук и шедшая рядом.

– Да, мадам!.. ой!.. – верная камеристка тут же высунулась из окна и едва не упала от ужаса. – Что с вами? Кто ж вас так?! Я сейчас, сейчас, мадам!..

Через полминуты она прибежала из-за дома, держа в руках какой-то куль. Как оказалось, длинный бархатный халат нежно-персикового цвета.

– Ох, мадам, что случилось? Неужто чудовище встретили? А что это у вас?

– Тише! Не суетись, – велела ей Ринка и аккуратно размотала шаль, чтобы видно было немножко голубой скорлупы. – И не вопи!

Магда зажала рот обеими ладонями и закивала. При этом она так таранилась на яйцо, что сразу было ясно: предосторожности не лишние. Отнимет руки – заорет, как сирена. От восторга.

– Пошли, показывай черное крыльцо.

Все так же зажимая рот одной ладонью, Магда сунула Ринке под нос халат и сделала просительные глаза. Пачкать персиковую прелесть было

отчаянно жаль, но показываться слугам в таком виде – нельзя. Потому, доверив Магде поддержать яйцо, Ринка надела халат прямо поверх изгвазданного платья, решительно завязала его поясом и пошла вперед. Герцогиня она или где? Хочет – гуляет в халате, вот. Изволит гулять. Именно изволит!

На черном крыльце уже ждал Рихард. С идеально невозмутимой физиономией. С такой же невозмутимой мордой рядом сидела копилочкой чумакая кошка по имени Собака. Вот как будто весь день тут и была! Отвесив поклон, Рихард отворил дверь.

– Благодарю, – так же невозмутимо кивнула ему Ринка.

– Ваш супруг изволили интересоваться, где вы, – доложил дворецкий, идущий на полшага позади Ринки.

– И что же вы ответили?

– Правду и только правду, ваша светлость.

Ринка обернулась к Магде. Та невинно похлопала глазками и сделала книксен, продолжая прижимать к груди замотанное в шаль яйцо:

– Я все сказала, как вы велели, мадам.

– Весьма старательная девушка, – с совершенно серьезным видом подтвердил Рихард.

– Прелестно. Какие еще новости?

– Приезжал граф Энн, спрашивал вас.

– И ему вы тоже сказали чистую правду?

– Разумеется, ваша светлость, – дворецкий со сдержанной гордостью поклонился.

– Вы великолепны, Рихард.

– Благодарю, ваша светлость. Будут ли указания?

– Будет просьба.

– Все, что угодно вашей светлости.

– Рихард, вы же видите, что я вернулась с пустыми руками.

– Разумеется, ваша светлость!

– Вы так и скажете графу. И моему супругу тоже. Правду, только чистую правду!

Рихард едва заметно покосился на грязные следы ее туфель на ковровой дорожке, и торжественно ответил:

– Ничего, кроме правды!

– А не знаете ли вы, Рихард, может быть в доме есть место для... скажем так, частных исследований? Такое, чтобы не пришлось беспокоить моего дорогого и невероятно занятого супруга всякими женскими пустяками?

– Конечно же, ваша светлость. Там ваши частные изыскания никоим образом не потревожат герра Людвига. Я провожу вас, как только вы пожелаете. А пока распорядиться о легком втором завтраке? Свежий воздух весьма способствует аппетиту.

На второй завтрак Ринка благодарно согласилась. После ванны, разумеется. Но сначала надо было спрятать яйцо! И не перемазать сажей все свои комнаты. Поэтому они с Магдой остановились на пороге, едва закрыв за собой дверь, принялись избавляться от улики в виде угвазданного платья и туфелек. Быстро и молча, как хорошо сработавшиеся подельники.

Глава 4, о нервной работе и жуках-оленьях

Виен, Астурия. Кроненшутц. Тот же день, чуть раньше

Герман Энн

Фониль, номер которого знало от силы десять человек, затрещал, когда Герман Энн просматривал отчет о работе полковника Бастельеро во Франкии и душевно крылдохлого маразматика на троне. О чем он только думал? Теперь Герман на пару с Черным Карликом проводили массированные зачистки на своей территории и планировали несколько совместных операций в гостях у соседей. Людей отчаянно не хватало, но если не принять меры срочно, Астурия и Франкия окажутся втянуты в масштабную войну.

Барготовы подштанники, кто так не вовремя? Только бы не Гельмут, хороших новостей для него нет! А плохие королю лучше не сообщать.

– Ты ее нашел?

Бастельеро, не к ночи будь помянут!

Герман кинул тоскливый взгляд на отчет и приложенную к нему вырезку из утренней газеты, и мысленно пообещал де Флеру уши оборвать за такую «помощь».

– Добрый день, Людвиг. Как продвигается твое лечение? – Герман старался говорить спокойно, но фониль от уха на всякий случай отодвинул.

– Судя по статейке в газете, великолепно, – ехидство в голосе герцога можно было разливать в бочки и продавать вместо яда наемным убийцам. – Если Рина это увидит...

Герман только вздохнул. Дал же Единый союзничков, с такими и врагов не надо.

– Все претензии к де Флеру. Но не вздумай проклинать, тебе с ним еще работать. Между прочим, его стараниями операция по прикрытию удалась на отлично. Он же и нашел тебе двойника в кратчайшие сроки...

То есть вынул из рукава заранее подготовленного туза, и Герман даже представлять не хотел, для какой подлости данный туз был де Флером припрятан.

– От вида которого даже не сгорела камера, – хмыкнул Людвиг, на заднем фоне него что то грохнуло, раздался вопль и чей-то визгливый голос.

– Что у вас происходит? – Герман бросил скептический взгляд на отчет, в котором никакого грохота, воплей и прочих неподобающих для

сведения начальства дел не значилось.

– Император происходит! – гаркнул Людвиг. – Найди мою супругу, или займешь его место!

И отключился.

Граф Энн осторожно пустил трубку на рычаг, от всей души пожелал демонами дранным интриганам сдохнуть, а Людвигу – караулить их вечно, чтоб было чем заняться, и, нажав кнопку переговорного аппарата, велел:

– Мобиль мне!

– Слушаюсь! – отозвался адъютант из приемной.

Взяв трубку второго фониля, Герман велел соединить его с виллой «Альбатрос».

– Рихард, где ее светлость и что у вас происходит?

Выслушав доклад старого умертвия, больше похожий на монолог из водевиля, Герман зажмурился и поднял голову к потолку:

– За что, о Единый?! Мне что, нечем больше заняться, только мирить этих двух идиотов? Ставлю свои погоны, фрау Рина «сбежала» не дальше ближайшей ювелирной лавки! Ох уж эти женщины...

Герман едва успел сунуть недочитанные отчеты в сейф, потому что считал непозволительной глупостью оставлять их на столе, пусть даже в отлично защищенном собственном кабинете в самом сердце Кроненшутц, как фониль снова зазвонил. Судя по легкому дымку от трубки, это был опять Людвиг. И он был еще злее, чем три минуты назад.

Герман мысленно застонал и малодушно решил сделать вид, что уже уехал. Имеет он право не отвечать своему подчиненному? Еще как имеет!

Но дымок над фонилем стал гуще, запахло горелой проводкой. Послал Единый подчиненных!

– Какого еще демона тебе надо?

– Ты ее нашел?

– Святой каннабис, по-твоему, я должен бросить все дела и бежать искать твою жену? Ты обнаглел!

– Ты будешь жить вечно, Герман. Птицы будут вить гнезда у тебя на голове, жуки поселятся в твоём теле, твои ноги врастут в землю, и кроты будут строить ходы вокруг них... – голос некроманта звучал спокойно и плавно, и Герман воочию увидел себя стоящим в саду Бастельеро с шестом в руках. – Не бойся, мой друг, тебе не будет скучно...

– Заткнись, придурок, пока не натворил дел, – устало попросил Герман. – Ну, проклянешь ты меня, самому же потом возиться, проклятие снимать. Или еще лучше: кто у нас следующий кандидат на должность главы Оранжереи, не знаешь ли такого полковника Бастельеро? Так что нет,

я передумал. Давай, проклинай. Я уже пять лет в отпуске не был, а у тебя в саду птички поют, жучки летают, цветочками пахнет...

– Люби тебя Баргот! – уже вменяемым тоном ответил Людвиг и бросил трубку.

А Герман, наконец, выдохнул. Иногда, к примеру сегодня, он испытывал невыносимое желание перевестись на спокойную, мирную и здоровую работу главврача дурдома. Честное слово, окружение там намного адекватнее!

Перед тем, как ехать на виллу «Альбатрос», Герман позвонил в исследовательский отдел. Как и следовало ожидать, ничего внятного на тему «смартфона» ему не сказали – ученые мужи подходили к загадочному устройству со всех сторон, сто раз его собрали и разобрали, провели все возможные опыты...

– И он почему-то перестал работать? – оборвал Герман начальника отдела.

Тот замолк на секунду, но тут же оптимистично сообщил, что просто заряд кончился, и пообещал, что они все равно откроют все иномирские тайны, потому что наука – это сила! А также отделу очень поможет открывать научные тайны присутствие того иномирянина, которые это все принес.

– Оставить словоблудие, – велел Герман. – К пяти часам чтобы отчет был у меня.

– Так точно, – вздохнул ученый муж.

Герман был более чем уверен, что в отчете минимум треть текста будет на тему «почему нам необходим на опыты иномирянин», и еще треть – о недостатке оборудования и финансирования, потому что «если бы у нас было все то, что есть в Академии Наук – мы бы им давно нос утерли!».

Определенно, начальником дурдома быть спокойнее.

– На виллу «Альбатрос», – бросил он сержанту, сидящему за рулем мобиля, устроился на заднем сиденье и прикрыл глаза.

Картина пугала с генеральскими погонами и гнездом на белокурой голове никак не отпускала. Демонами драный Бастельеро никогда не был уравновешенным и чересчур здравомыслящим, а с этой своей женой вообще как с цепи сорвался. Надо его, что ли, на семейный ужин позвать. Эмилия Энн как никто умеет успокоить горячую некромантскую голову и перевести его мысли в мирное русло.

Обоих Бастельеро надо позвать, Людвиг и Рину. Обязательно.

Ощущение чужого и враждебного взгляда, преследующее Германа от самой Конторы, не отпускало. Сканирование пространства ничего не

показало, амулеты молчали. Что за демон!

Нахмурившись, Герман огляделся по сторонам, задрал голову вверх...

Прямо над крышами Виен реял дракон. И больше всего он походил на вражеского разведчика. Какого демона ему надо? Что-то последние дни драконов стало, как ворон! Позавчера у академиков экспериментальную делянку сожгли, до этого – любимый дуб бургомистра, ему – дубу, а не бургомистру – уже лет пятьсот было...

Размышляя о зависимости между драконами и появлением иномирянки, Герман добрался до места. Его встретил Рихард. По привычке попытавшись прочесть его эмоции, Герман поморщился. Гулкая, черная, полная звезд и обрывков оркестровой музыки пустота. Даже умертвие у Бастельеро, и то какое-то не такое.

– Ее светлость Бастельеро дома? – первым делом спросил он, откровенно надеясь, что она уже вернулась с полной корзинкой побрякушек и счетом из ювелирной лавки, от которого у Людвигу глаз будет дергаться.

– Нет, герр генерал.

– Когда она ушла и куда?

– Сразу после завтрака. Отправила камеристку за молоком для кошки, а сама покинула дом через окно будуара.

– Окно второго этажа?

– По всей вероятности, ее светлость прекрасно лазает по деревьям. У самого окна растет вишня. Она выросла там много лет назад, когда его светлость Амадеус Бастельеро плевал косточки прямо в окно...

Рихтер явно собирался предаться ненужным воспоминаниям, что совершенно не устраивало Германа.

– Проводи меня в комнаты фрау.

Эти комнаты Герман помнил очень хорошо. Именно тут жила Эльза, и после того как она разбилась на мобиле, Герман собственноручно перерыл здесь все в поисках дневников, писем и прочей компрометирующей дряни. Что характерно, нашел. Прекрасная как рассвет дура хранила любовные записочки Гельмута в специальной шкатулочке и явно их часто перечитывала. Возможно – прикидывая, кому и за сколько их можно продать.

Гельмуту он после этого случая устроил головомойку. Король, давно уже не мальчик в коротких штанишках, а все туда же – как романтика в попе заиграла, так мозг и отключился. Это ж надо! Записочки любовнице писать!

Боже Единый, с кем приходится работать!..

Обстановку для новой герцогини не сменили, только убрали вездесущие фиалки, без которых Эльза жизни себе не мыслила. Вместо них были розы на столике, и никаких следов нынешней герцогини. Идеальный безликий порядок, как будто она тут и не жила.

Зато в будуаре кое-что изменилось. Вместо баночек, скляночек и прочих горшочков на туалетном столике фрау красовался микроскоп. Новейший, в точности как тот, что начальник исследовательского отдела в прошлом месяце выписал из Бриттии. Альвовского производства. Стоил этот микроскоп столько, что любой счет от ювелира рядом с ним мерк. Но самое интересное было – как фрау Рине удалось его добыть в Виен? В лавке на Айзенштрассе ничего подобного отродясь не продавалось! Даже Оранжерее, чтобы заказать это чудо техники, пришлось месяц уламывать упертых альвов, которые ни в какую не желали отдавать данное чудо в руки «тупым недоразвитым людям».

Так. Надо будет навеститься в лавку и прижать остроухого торговца. Возможно, в цепочке драконы-иномирянка появится новое звено под названием «альвы».

Кроме микроскопа взгляд Германа зацепился за газету, брошенную на столик. Судя по запаху, фрау пила шамьет. А судя по статье с фотографией Людвига – аппетит ей испортили. Демонами драный де Флер! Его мелкая месть Людвигу удалась, и как всегда – ударила не только по Людвигу.

Выглянув в окно, Герман увидел ту самую старую вишню. Пожалуй, по ней действительно легко спуститься в сад, если ты в хорошей физической форме. Очень, очень необычная дама фрау Рина!

– Твою!.. – вскрикнул Герман, когда его ногу полоснуло болью.

– Ш-ш! – раздалось с пола.

Странное животное, только что разодравшее Герману брюки вместе с кожей, шипело, выгнув спину и подняв дыбом шерсть.

– Ах ты, дрянь! – Герман еле сдержался, чтобы не проклясть скверное животное. Его удержало лишь то, что животное все равно ничего не поймет, а фрау Рина обидится, чего допускать никак нельзя. С ней и так крайне непросто.

Кстати, что это у животного по имени Собака на ошейнике?.. Следилка?!

Он протянул руку к Собаке, но та снова зашипела, подпрыгнула на месте сразу на четырех лапах и сиганула в открытое окно

Герман восхищенно выругался. Фрау Рина в самом деле очень отличается от астурийских дам! Лазает по деревьям, покупает микроскопы, надевает следящий браслет на домашнее животное. И как только

сообразила, что следящие чары можно обмануть таким вот нехитрым образом?

Значит, фрау получила следилку (из закров Оранжереи), надела ее на кошку и сбежала через окно, не взяв с собой ничего.

Должна скоро вернуться. Она не из тех, кто может пуститься в бега без подготовки.

А Людвиг не из тех, кто спокойно относится к бегству жены.

Перед глазами мелькнуло видение: он с такой же прямой спиной, как Рихтер, стоит посреди сада и размахивает длинным гибким шестом с ленточками на конце, отгоняя воробьев от спелой вишни. Чтобы избавиться от наваждения, пришлось сильно моргнуть несколько раз.

– Рихард, камеристку ее светлости ко мне.

Выслушав запинаящуюся и заикающуюся рыжую девчонку, Герман поморщился. Хоть убейте, а не верил он, что фрау Рина пошла топиться в пруду Академии. Значит – дезинформация, и пошла она совсем в другую сторону. Вопрос, куда?

– Свободна, – отмахнулся он от камеристки и пошел к окну.

В отличие от фрау, ему не понадобилась вишня, он легко спрыгнул с подоконника в низенькие кусты. Магу однозначно проще.

И найти фрау не должно быть сложно.

Прислушиваясь к остаточным эманациям ее присутствия, Герман дошел до задней калитки, ведущей на кладбище, и снова выругался. Дочь ученого, говорите? Ну да, конечно. И замечать следы ее учили исключительно кабинетные деятели!

Самый надежный способ уйти от магического поиска – пройти по кладбищу. Эманации мертвых заглушат любые следы.

Барготовы подштанники! И куда теперь? С кладбища есть выход на параллельную улицу, которая ведет к вокзалу и старому рынку, и есть выход к ботаническому саду и сожженной делянке академиков. Раз фрау сказала, что идет в ботанический сад – то наверняка на самом деле направилась в совершенно другое место. Возможно, на вокзал. Или на рынок.

Примерно полчаса Герман потратил на поиски фрау, но ни ее самой, ни следов не нашел. Опрос жителей параллельной улицы тоже ничего не дал. Мало того, найденным Германом дворник клятвенно заверял, что за последний час никто, кроме самого Германа, с кладбища не выходил, а он, дворник, был тут неотлучно!

Похоже, фрау Рина его переиграла. Что ж, придется задействовать Оранжерею, а для этого надо вернуться в дом Людвиг и позвонить.

– Герр генерал! – встретил его у ворот Рихард. – Подать вам чаю?

Герману очень хотелось послать умертвие к демонам, но не подобает графу срываться на слугах. Поэтому он на всякий случай спросил:

– Фрау Рина вернулась?

– Разумеется, герр генерал. Ее светлость велели подавать второй завтрак в столовой. Если позволите, я доложу о вас.

– Докладывай, – буркнул Герман, чувствуя себя полным дураком.

Но лучше быть живым дураком, чем чучелом под вишнями, а с Людвиг в состоянии аффекта станется. Все Бастельеро двинутые, сначала проклинают, а потом только думают.

Ладно. Надо быстро позвонить Людвигу и его успокоить, а потом уже беседовать с фрау. Пока Людвиг от нервов не поставил на уши Франкию и не развязал ненароком мировую войну. Эти Бастельеро!

– Ее светлость приглашает вас откусать, герр генерал. Через пять минут в Малой столовой, – раздался идеально спокойный скрипучий голос, когда Герман уже взялся за трубку фониля.

Что ж, он как раз успеет. И есть шанс все же не превратиться в чучело.

Ее светлость вышли к завтраку, сияя невинными глазками и свежестью.

– Какой приятный сюрприз, Герман! Вы так скоро соскучились?

– Жить без вас не могу, Рина. Поверите ли, думал о вас ежеминутно!

– Да вы шалун, *mon général*, – сказала она почему-то по-франкски и села на свое место; стул для нее отодвинул лакей, и тут же налил в ее чашку молока, а затем чаю из серебряного чайника. – Надеюсь, мысли ваши были приятны, а во сне вы шептали исключительно имя своей супруги.

– Вы чрезвычайно догадливы. Какая у вас интересная манера пить чай. Вы были в гостях у альвов?

– О нет, что вы. Такой чести я не удостоивалась. Просто у нас, в России, модно пить чай на английский манер. Попробуйте, это вкусно, – она сделала знак лакею, чтобы тот налил Герману, и с невинной улыбкой спросила: – Так что же привело вас в наш скромный дом, дорогой Герман?

– Волнение вашего нескромного супруга. Видите ли, когда такой сильный маг нервничает о безопасности своей любимой супруги, это может представлять угрозу безопасности нашей мирной державы.

Фрау Рина скептически изогнула бровь на «любимой», но вместо комментариев резко вонзила вилку в кусочек паштета – так, что Герману явственно почудился на месте паштета Людвиг.

– Ах, угрозу... Ему совершенно не о чем беспокоиться. – Она обернулась к лакею: – Откройте окно, здесь душно.

– Так где же вы были, Рина? Ваш дворецкий доложил Людвигу, что вы отправились топиться.

– Я отправилась что?.. – ее изумление было почти искренним. – Герман, только не говорите, что Людвиг поверил подобной глупости! Вот вы можете себе представить, что я пойду топиться?

Герман честно пытался представить герцогиню Бастельеро в угаре возвышенной трагедии, то есть в состоянии, в котором благородная фрау может свести счеты с жизнью. Не получилось, о чем он честно и сказал Рине. Не добавив, правда, что куда лучше представляет ее, топящей обидчика или изменщика. К примеру, некоего полковника госбезопасности, замеченного в компании примадонны Брийонской оперы.

Ох, Людвиг, и выбрал же ты себе жену!

Настроение Германа резко повысилось от такой чудесной картины. Он, несомненно, любил своего друга Людвига, но иногда ему не помешало бы немножко остыть. Хоть бы и в пруду.

– Вот и я думаю, как же нелегки должны быть лечебные процедуры, чтобы бедный Людвиг поверил в такую чушь. А ведь мне он казался совершенно здравомыслящим! Бедный, бедный Людвиг! Надеюсь, уж вы-то, Герман, не стали принимать всерьез глупые измышления прислуги.

– Однако вы так и не ответили, Рина, – покачал головой Герман, мысленно отдавая должное умению фрау переводить тему и изящно уничтожать собственного супруга.

– В саду, разумеется. Мой бедный супруг вчера так нервничал, что попросил меня не покидать пределы дома. Я и не покидала. Правда, выглянула за калитку, что ведет на кладбище, но место показалось мне неподходящим для прогулки. Кстати, вы обращали внимание на богатство местной флоры и фауны?

Герман молча покачал головой. Фрау Рина врала ему в глаза, она явно была дальше кладбища, это он чувствовал – но где и зачем? Что ж, проникнуть в ее мысли Герман не мог – не потому что магия на такое не способна, а потому что люди мыслят не словами, а образами, и мышление их нелинейно. Даже тренированный телепат может лишь едва-едва прикасаться к чужому сознанию, не сходя с ума, Герман же не собирался рисковать собственным рассудком. Но опросить слуг – вполне. Кто-то непременно что-то знает.

– Вот и зря, – продолжила Рина. – Здесь столько всего интересного!

– Что следует изучать под микроскопом? – улыбнулся Герман и отпил чаю, в самом деле довольно вкусного.

– Разумеется! Правда, ваши микроскопы, – Рина изящно пожала

плечами. – Совсем не то, к чему я привыкла. Но за неимением лучшего... Кстати, дорогой Герман, как успехи ваших исследователей? Они нашли способ подзарядить мой смартфон? Я очень на это рассчитываю! Не знаю, надолго ли я застряла здесь, но мне бы хотелось иметь под рукой фотографии родных и близких. Вы же вряд ли сумеете их распечатать.

– Только если у вас совершенно случайно оказались с собой чертежи нужного аппарата, – искренне восхищаясь милым высокомерием иномирянки, ответил Герман и допил свой чай. – Не хотите ли посетить наш исследовательский отдел? У герра Гольцмеера к вам тысяча вопросов.

– Я бы с радостью, Герман, – Рина открыто посмотрела ему в глаза и слегка улыбнулась. Вот прямо настолько искренне, что Герман почти поверил. – Но мой дорогой супруг тогда, несомненно, станет так волноваться, что это будет представлять нешуточную угрозу безопасности моей новой родины. Правда, мне пока очень сложно почувствовать себя настоящим астурийкой, ведь у меня даже документов нет. Думаю, Герман, вам не составит труда решить это маленькое недоразумение?

Сохрани Единый бедного Людвиг! Жениться на такой женщине! Да барон де Флер по сравнению с ней – невинная овечка. Следует непременно, обязательно ее завербовать. И чем скорее, тем лучше!

– Конечно же, дорогая Рина! Ваши документы уже готовы, осталась сущая мелочь: вам следует приехать в Контору, чтобы сделать магометрию и поставить на документы синюю печать. Заодно я познакомлю вас с герром Гольцмеером, думаю, вам будет о чем поговорить. Но я попрошу вас дожидаться Людвиг и никуда не выезжать из дома без него. Не только ему дорога ваша безопасность.

– Я тронута вашей заботой, Герман, – Рина сложила столовые приборы, показывая, что завтрак окончен.

Лакей тут же подскочил, отодвинул ей стул. А Герман галантно склонился к ее руке и, задержав ее в своей ладони, заглянул в глаза.

– Мы с супругой будем счастливы, если вы с Людвигом завтра составите нам компанию за обедом. Эмилия очень хочет с вами познакомиться.

– А вы любите свою жену, Герман, – задумчиво сказала Рина.

Герман кивнул.

– О да. Смею надеяться, ваш брак с Людвигом тоже будет счастливым.

Рина прикрыла глаза и отвела взгляд к открытому окну, явно не желая ничего говорить на эту тему. И буквально тут же встrepенулась.

– С ума сойти! Герман, вы только гляньте! – она потащила его за руку к окну и указала куда-то в желтеющие ветви с крупными красными

гроздьями. – Поймайте мне его, прошу, вы же маг, вы можете!

– Кого поймать?

– *Lucanus cervus*! Он великолепен! Это такая удача, увидеть его! В нашем мире они почти исчезли.

– *Lucanus cervus*? – Герман немного знал латынь. – Жук-олень?

– Да, вон он на стволе, – с искренним восторгом прошептала Рина, и Герман наконец рассмотрел огромного рогатого жука на стволе старой рябины.

– Зачем он вам? Он же жуткий и, возможно, ядовитый.

– Так в этом же вся прелесть! – воскликнула Рина.

Да уж, дорогой друг Людвиг. Ты определенно выбрал достойную жену. Интересно, тебя она тоже будет ловить и изучать под микроскопом?

– Только не берите его руками, – вздохнул Герман.

– За кого вы меня принимаете? – неубедительно возмутилась Рина и, метнувшись к столу, схватила кувшин с водой и выплеснула воду в горшок с гибискусом, стоящий у окна. – Давайте же! Посадим его сюда!

Чувствуя себя уже почти главврачом дурдома, Герман мысленно потянулся к жуку, заставил его взлететь и направил в кувшин. Когда радостная фрау накрыла кувшин с жуком блюдечком, Герман утер вспотевший лоб. Давно он так не развлекался, почти потерял навык. Но азартно блестящие глаза Риной, пожалуй, искупали некоторые неудобства.

Впрочем, что-то подсказывало Герману, что следует как можно быстрее покинуть гостеприимный дом, пока фрау занята жуком и ее не посетила мысль изучить ничуть не менее интересного мага.

Глава 5, о наследии предков

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Проводив графа Энн милой улыбкой и размышляя, а не удастся ли ей как-нибудь уговорить его на несколько крохотных, невинных и совершенно безопасных опытов, Ринка вышла из столовой с кувшином в руках.

– Рихард? – позвала она негромко.

Дворецкий явился тут же, как будто ждал за дверью. Поклонился, искоса поглядывая на кувшин в ее руках.

– Рихард, вы говорили, здесь есть еще одна лаборатория?

– Да, ваша светлость. Если вам угодно, я провожу – это недалеко, в саду.

– Позови Магду, пусть возьмет с собой...

– Разумеется, – кивнул Рихард.

Естественно, как только Ринка вместе с дворецким и Магдой собрались выйти из дома, рядом невесть откуда образовалась Собака. И, естественно, пошла первой – как будто точно знала, где лаборатория. Впрочем, может быть и знала, с этой зверюгой Ринка уже ни в чем не была уверена.

Рихард привел Рину к старинному каменному павильону, отпер дверь здоровенным бронзовым ключом и первым вошел внутрь. В павильоне царило запустение. Пыль, обломки камня, тусклый свет через узкие окошки. Правда, никаких посторонних запахов – идеально чистый воздух, как будто здесь была сделана очень хорошая вентиляция.

Все с тем же бронзовым ключом наперевес Рихард прошел к дальней стене, дернул за основание для факела – и оно съехало вниз, открыв замочную скважину.

– Ой, – тихо вздохнула Магда и почти прижалась к Ринке.

С драконьим яйцом в руках она почему-то была намного тише и спокойнее, чем обычно. Может быть, в ней материнский инстинкт проснулся? Ринка решила непременно подумать на эту тему потом. После того как доберется до лаборатории.

– Ключ ни в коем случае нельзя поворачивать, только вставить бородкой вниз, – пояснил Рихард, вставил ключ, и кусок стены между опорными колоннами со скрипом отъехал в сторону.

– Прошу прощения, ваша светлость, механизм давно не смазывали.

Если вы пожелаете пользоваться старой лабораторией, сегодня же все будет приведено в порядок.

Стоило Рихарду ступить в подземный ход, как потолок слабо засветился. Задрав голову, Ринка обнаружила на арочном каменном своде пятна, похожие на обыкновенную серую плесень, только светящуюся... и ползающую. Пятна медленно, почти незаметно отползали на самый верх, подальше от незваных гостей.

Впрочем, гости в лице Магды тоже явно желали оказаться подальше от пятен, так что Ринке пришлось взять перепуганную бедняжку за руку, иначе бы она наверняка хлопнулась в обморок.

«Надо на обратном пути взять пробу», – подумала Ринка и думать забыла про светящуюся плесень, потому что плавно уходящий вниз изогнутый коридор закончился тяжелой деревянной дверью с коваными накладками в виде стилизованных драконов.

– Сюда, ваша светлость, – Рихард открыл дверь в пещеру Али-Бабы.

В настоящую лабораторию. Светлую, просторную, с чистыми металлическими и мраморными столами, раковинами, перегонными кубами, полными шкафами реторт и флаконов, с чашками Петри и микроскопом...

– Обалдеть, – прокомментировала Ринка, поставила кувшин с жуком на стол и бросилась исследовать ближайший шкаф.

– Рихард, это ты следил за чистотой?

– Да, ваша светлость. Хозяин велел присматривать за его лабораторией, и я присматривал.

– Хозяин? – Ринка сникла. – Так это тоже лаборатория Людвига?

– Нет. Эту лабораторию построил второй герцог Бастельеро. А восемнадцать лет назад дядя герра Людвига оборудовал еще одну лабораторию в доме. Об этой герр Людвиг даже не знает.

– Почему?

– Он никогда не спрашивал.

Ринка только покачала головой. Все же Рихард иногда очень странный.

– Жаль, что сюда нельзя попасть из дома.

– Можно, ваша светлость. Второй ход ведет в кладовую близ кухни. Вон та дверь между шкафами.

– Рихард, ты... ты просто прелесть! Вот!

– Я знаю, ваша светлость.

– И ты не расскажешь Людвигу?

– Маловероятно, что герр Людвиг спросит о старой лаборатории, – чопорно поклонился дворецкий.

Следующим номером программы было устройство гнезда для яйца. Держать его в собственной спальне Ринка опасалась – мало ли, некромант его почувствует! И, упаси Ктулху, отберет! Нет уж. Хочет дракончика – пусть сам добывает. Другого. А этот – мой.

Яйцо, отобранное у Магды, довольно замурлыкало. Похоже, ему понравилось гнездо из корзины, найденной тут же, в лаборатории, и Ринкиной шали. Пока Ринка размышляла, как бы устроить обогрев, в корзину залезла Собака и улеглась вокруг яйца.

– Кошка-наседка, новый вид млекопитающих и яйцекрадущих.

Собака приоткрыла один голубой глаз, скептически посмотрела на Ринку и положила голову на лапы с видом «я здесь живу». А Ринка погладила яйцо, уж очень приятным на ощупь оно было. Теплое, шелковистое. Мурлыкающее.

– Ой, что это? – пальцы нащупали какое-то горячее уплотнение.

Повернув яйцо, Ринка обнаружила прилипшую к нему красную чешуйку размером с копейку. Не успев подумать, тут же ее скovyрнула, поднесла поближе – рассмотреть...

Яйцо жалобно заскулило, а Собака подняла голову и глянула недовольно и презрительно. Мол, что за фокусы?

Ринка погладила яйцо, желая его успокоить. Наверное, ему было больно, когда она снимала прилипшую чешуйку?..

«Холодно!» – донеслось до нее. Не голос, нет, а скорее потребность в тепле.

– Прости, малыш, я не знала, – Ринка вернула на место красную чешуйку, которая грела яйцо. Надо же, какая продуманная система! Значит, встроенный обогрев, и ей не нужно искать настольную лампу или придумывать, как бы его согреть. Интересно, какая температура тела у взрослого дракона? Яйцо чуть теплее человеческого тела, и для него явно маловато...

Она снова потрогала яйцо. В корзине, укутанное шалью и кошкой, оно нагрелось сильнее. Градусов до сорока.

– Рихард, здесь есть термометр?

Термометр нашелся и показал сорок с половиной градусов. И яйцо, похоже, продолжало нагреваться... Так, надо срочно, немедленно провести ревизию оборудования! И реактивов! И составить план исследований!..

Через полчаса – а может быть, и через час или два – ее вернул в реальность жалобный голосок Магды:

– Мадам! Может, вам чаю принести? Небось, свечерело уже!

Глянув на часы, Ринка охнула: половина пятого! Через полчаса

приедет доктор Петер, а она тут... может, принять его в лаборатории, чтобы не прерываться?.. Или нет, не стоит прямо вот настолько ему доверять. Помнится, папа всегда говорил: коллег надо любить, уважать и не искушать понапрасну.

Вот и она не будет. Пусть лаборатория останется ее маленькой тайной и от Людвига, и от Петера, и от Германа... от всех, кроме Рихарда и Магды.

– Магда, чтобы о лаборатории – никому! Совсем никому! Это только наша тайна. А Рихард где?

– Так давно уже ушел, мадам. Вы были очень заняты, не заметили.

Ринка только вздохнула. Если б не Магда, она б еще часа три была очень занята и ничего бы не заметила.

– Идем домой. Где тут был ход?

– Туточки, между шкафов! – Магда обрадованно поскакала к глухой на вид стене, нажала на выщербленный камень.

Герр Петер Курт ступил на крыльцо виллы «Альбатрос», когда напольные часы ударили в пятый раз. Приехал он на обыкновенном мобиле, без магических спецэффектов, о чем Ринка, наблюдавшая за подъездной аллеей из окна, даже немного пожалела. Интересно же!

Зато он принес подарок. Два подарка. Корзинка фиалок Ринку не слишком заинтересовала, а вот толстенная книга, на обложке которой красовалось золотое название «Пространство. Основы» – просто так вызвала приступ восторга.

– Думаю, вам будет интересно, – улыбнулся ей доктор Курт, вручая книгу, и вольготно расположился в мягком кресле.

Спустя десять минут общения Ринка убедилась, что герр Петер умен, язвителен и плевать хотел на этикет. К тому же он при общении еще больше напоминал Петра – этакую повзрослевшую и улучшенную версию. И, что было совсем странно, в отличие от Петра – не пытался задавить ее опытом и интеллектом.

– Рина, вы ведь позволите наедине называть вас по имени?

Конечно, позволит! А то от всех этих чопорных «ваших дорогих светлостей» уже сводит зубы.

– Можно даже на ты. Вы намного меня старше.

– Отлично! Работа со студиями сделал меня более демократичным. А ты можешь обращаться ко мне доктор Петер. Наедине, конечно, не будем шокировать общество студенческими вольностями. Так чем занимается твой папенька?

– Он занимается фундаментальными исследованиями для клеточных биомедицинских технологий.

– Чрезвычайно интересная тема! – у доктора разгорелись глаза. – Расскажи подробнее!

Почему бы и не рассказать? Доктор Курт – не генетик, он сам сказал, что специализируется в исследовании пространства. Так что вряд ли он вынесет из ее рассказа что-то действительно полезное, и вряд ли догадается, что она – дитя другого мира. А что глава Академии Наук охотится за новыми знаниями, как раз норма. Слава Ктулху, здесь не изобрели ментального сканирования или чего-то в этом духе, чтобы раз – и все содержимое чужого мозга вынуто и разложено по коробочкам, а сам мозг за ненадобностью отправляется в утиль. Иначе, Ринка готова была ставить драконье яйцо против чашки чая, милейший граф Энн бы не заморачивался светскими беседами, а отдал бы ее своим мозголомам, и дело с концом.

Ладно, дорогой доктор Курт, хотите – слушайте. Нам не жалко для вас умных слов.

– Последняя работа папеньки была связана с исследованием роли внеклеточной ДНК и нарушений транскриптома сигнальных путей в патогенезе шизофрении, – сказала она чистую правду. Без подробностей, которые и сама помнила весьма обрывочно. И мило улыбнулась, почти как граф Энн. – Вряд ли вам это будет интересно, тема весьма узкая. А вот его доклад «Внеклеточная ДНК как сигнальная молекула при действии малых доз радиации» несколько шире... Как считаете, доктор Петер, исследование молекулярного механизма действия малых доз радиации на стволовые клетки человека это адаптивный ответ или повреждение ДНК ядер клеток?

Доктор Петер, слушающий ее с крайне заинтересованным видом, покачал головой:

– Да вы – сущее сокровище! Будь у меня дочь, столь хорошо разбирающаяся в моих исследованиях, ни за что бы не отпустил ее замуж за какого-то профана-герцога!

Ринка пожала плечами, пропустив мимо ушей «профана-герцога». Если это был такой заход для наивной девочки, чтобы она возомнила себя высшим существом, обпилась лестью и начала дружить с доктором против собственного супруга – то заход не сработал. А если просто искреннее отношение к Людвигу... что ж, зря. Ринка прекрасно помнила, что Людвиг творил в переулке около дома своей любовницы. Это явно не уровень профана.

– Не так уж и хорошо. Я далеко не всегда понимаю, что именно происходит в его лаборатории, а на самостоятельные исследования подобного уровня, наверное, вообще никогда не замахнусь, – опять сказала

она чистую правду. Не всю. Но какой дурак показывает все свои карты?

– Вы еще и скромны. Истинное совершенство! – доктор чуть смущенно улыбнулся. – То, что вы говорите, звучит крайне интересно, но почти непонятно. Я начинаю жалеть, что никогда не уделял генетике должного внимания. Пожалуй, мне бы тоже не повредил учебник типа «Азы», курса так для первого.

Ринка тут же вспомнила, что примерно такой учебник лежит в ее комодке, и ей очень, просто очень захотелось дать его милому доктору. Пусть читает, с учебника не убудет!

И тут же, не успев и рта раскрыть, мысленно надавала себе по щекам. Отдать учебник?! Явное свидетельство своего иномирского происхождения? Информацию, за которую она может получить если не билет домой, то как минимум кучу плюшек для жизни здесь? Ага. Сейчас. Вот бежит уже!

– Как жаль, что папенька не дал мне с собой учебной литературы! Он не предполагал, что я, будучи замужней дамой, захочу продолжить образование. Кстати, зря. Я не чувствую в себе призвания к вышиванию крестиком. Честно говоря, я вообще слабо представляю, чем положено заниматься благородным астурийским дамам! – Ринка любовно погладила дареную книгу, только сейчас заметив надпись мелким шрифтом: «Доктор Петер Курт». – Ох... так это вашего авторства учебник? Это вдвойне интересно! Доктор Петер, раз уж мне так повезло... скажите, вы умеете открывать порталы в другие миры? Я слышала, в России ведутся подобные исследования, но папенька не слишком одобрял моего интереса к несмежным областям...

Скромная лесть подействовала безотказно. Еще бы! Ринка с детства отрабатывала правильную интонацию для общения с папиными коллегами. И когда ей хотелось послушать волшебных сказок, она забиралась на колени к кому-нибудь из папиных друзей, восхищалась, делала огромные глаза – и наслаждалась «генетикой/биохимией/квантовой физикой/нужное_вписать для маленьких».

Вот и сейчас доктор Курт расцвел и принялся рассказывать: о мечте исследовать разные миры, чтобы сделать свой лучше, об изучении пространства и времени, о сложностях в исследовании драконов – ведь они легко перемещаются между мирами, но совершенно не желают посвящать людей в свои тайны, а ведь это мог бы быть прорыв в науке! Люди, к сожалению, так разобщены, и больше думают о политике и прочей ерунде, чем о процветании человечества, избавлении от болезней...

Ринка заслушалась. И залюбовалась. Доктор Курт буквально светился,

рассказывая о мечте. Почти как папа.

На миг сердце болезненно кольнуло тоской по дому. Что, если она не сможет вернуться? Что, если обещание того анонимуса – не более чем манипуляция?..

– Неужели вот прямо совсем никак? Но ведь есть стихийные порталы...

– Над тайнами которых мы бьемся десятилетия, но так же далеки от управления ими, как в самом начале пути. То есть создать портал в иной мир возможно ценой гигантского расхода энергии, но пока совершенно невозможно предсказать, куда именно он приведет. Замкнутый круг: для настройки портала требуются координаты минимум в двух мирах, кроме нашего – а добыть их невозможно без перемещения. Мы пытаемся обойти данное условие, но успехи, увы... Вот если бы драконы согласились сотрудничать!

– Вы говорите, драконы... у нас в России о них много рассказывают, но все больше в сказках. А вы, получается, с ними общались?

Доктор Курт грустно вздохнул:

– Увы, нет. Драконы уже три века как отказались от любых контактов с людьми и почти не появляются в обжитых землях. Недавнее их появление в Астурии, над самой столицей – исключение. Последний раз их видели у нас лет пятнадцать назад. Удивительно, что они до сих пор не вымерли, да? И даже насколько я знаю, за последние двадцать лет их популяция начала расти. Правда, до сих пор не удалось найти ни одного яйца для исследований. Представляешь, перед тем как вылупится птенец, дракон обязательно приносит яйцо в заросли конопли. Уже несколько веков ученые бьются над загадкой этого феномена. Ты бы слышала, какие бредовые идеи выдвигают мои коллеги! Впрочем, это вряд ли тебе интересно.

Бредовые идеи – нет, за исключением одной: у местных ученых понятие этики вообще есть? Драконы явно разумны, раз общались с людьми и носили всадников, да и судя по яйцу, которое уже вполне внятно общается с ней – могут быть даже разумнее людей. И господин ученый доктор вот так просто готов украсть у матери малыша для исследований? Кажется, доктор Курт перестает быть милым.

Вот только показывать ему этого нельзя. А нужно узнать как можно больше!

– И что, когда они прилетают на поле с яйцом, нельзя устроить на них ловушку?

– Представляешь, не получается. Во-первых, они летают парами, во-вторых, при малейшей опасности поджигают поле. Несколько дней назад

так выгорело экспериментальное поле номер семь. Сторожа перепугались и выстрелили по драконам из водяной пушки! Идиоты! Скорее всего – пьяные идиоты, обоих я уволил в тот же день. Это же надо, из водяной пушки – по драконам!

Ринка сочувственно покивала: точно, идиоты.

– А то чудовище, что живет в озере?.. Это не подвид драконов?

– Рина, ты же взрослая девушка! Образованная! Как ты можешь верить сплетням! Никакого чудовища в озере нет. Есть установка для набора воды. Да там глубина три метра, дракон может разве что сидя помыться.

– Они такие большие?..

– Размах крыльев среднего дракона пятнадцать метров, длина от носа до кончика хвоста – около пяти. Старые драконы с гор Дай-Табута намного больше.

– А драконы разговаривают?

– Не так, как мы. Чтобы понимать драконов, нужен особый дар. Или же дара не нужно, а они просто не желают общаться. Я не раз находил драконов в своих экспедициях на Дай-Табут и Крышу Мира, но ни разу драконы не ответили. Они непредсказуемы. Со смертью последних драконьих всадников все контакты прекратились.

Ринке тут же вспомнились «Всадники Перна», где люди летали на драконах, жили вместе с драконами... такая сказочно-фантастическая биоцивилизация. Интересно, здешние драконы похожи на тех? Может быть, здешние драконы тоже генетически выведены из каких-нибудь ящериц давно исчезнувшей цивилизацией? Ох, как это все интересно!

– А почему последних? Что с ними случилось? Этому учились, или это врожденный дар?..

Доктор поднял открытые ладони и улыбнулся:

– Не все так сразу. Я бы с удовольствием ответил на все твои вопросы, но достоверных данных не сохранилось. Или вообще не было. Если верить историческим хроникам, случилась эпидемия. Меньше чем за год погибли все, обладающие даром говорить с драконами. И часть драконов тоже.

– Те, что были связаны со всадниками?

– Да. Некоторых драконов находили вместе со всадниками. Никаких видимых причин смерти. Никакого магического воздействия. Само собой, в то время невозможно было провести нужных исследований, может быть, если бы у нас было современное оборудование, все это удалось бы остановить. Есть версия, что драконов и всадников погубили шаманы Нового Света. Драконы были единственным способом добраться до другого континента быстро, порталы через океан не срабатывают, нужны

промежуточные точки в другом мире...

Полтора часа беседы с доктором Куртом пронеслись, как десять минут. Рассказывать Петер умел, не даром читал лекции в академии. Ринка же была благодарным слушателем – драконы манили ее еще с детства. А тут о них рассказывал человек, который видел живого дракона! Её так и подмывало рассказать доктору о своей находке, но она понимала, что делать этого ни в коем разе нельзя. Поэтому аккуратно перевела тему на оборудование для лаборатории. И тут же получила приглашение посетить Академию:

– Ты можешь продолжить образование у нас. Конечно, студентки-женщины все еще редки, но ты могла бы стать настоящим ученым! Открыть путь другим женщинам с пытливым умом. Я никогда не разделял патриархальных предрассудков насчет женского предназначения, и считаю, интеллект вовсе не зависит от пола. Между прочим, последние исследования детей в возрасте до пяти лет однозначно это подтверждают!

Ринку снова одолела ностальгия. Доктор Курт и в этом оказался похож на Петю. Да, он частенько воспитывал Ринку, но не потому что считал дурочкой – а наоборот. Он хотел, чтобы она использовала мозг на полную катушку, училась, развивалась, а не пряталась за широкой мужской спиной. И сейчас Ринка вдруг поняла, что он был прав. Два года после некрасивой истории с Владом она пряталась – и от мира, и от самой себя. Плыла по течению. Позволяла собой помыкать. И совершенно не пыталась сама управлять своей жизнью.

Что-то изменилось, когда она попала в Астурию.

Что-то в ней самой.

Она словно проснулась от спячки! И наконец-то ей было снова интересно жить! У нее была цель, простая, банальная цель – выжить и вернуться домой.

– А знаете, доктор Курт, мне все больше нравится Астурия. И я с удовольствием посещу Академию!

И, чем черт не шутит, помогу вам в ваших исследованиях. Может быть я и профан в пространственной магии, но у меня совершенно другой взгляд на явление. Как говорил папа, иногда детский лепет наталкивает настоящего ученого на большое открытие, и все потому, что ребенок не знает слова «невозможно».

Нет такого слова.

После того, как Ринка попала из Москвы в Виен и нашла говорящее драконье яйцо, ее словарь обеднел на два слова: невозможно и никогда.

Возможно все! И она обязательно вернется домой!

– Рина, – серьезно сказал на прощание доктор Курт. – Если тебе будет нужна помощь, ты всегда сможешь ее найти в моем доме. Обращайся в любое время дня или ночи.

– Благодарю вас, доктор Курт, – искренне сказала она. – Я непременно воспользуюсь вашим щедрым предложением.

– Я буду рад. И надеюсь, мы скоро увидимся?

– О да. Я думаю, очень скоро!

Глядя из окна гостиной на отъезжающий мобиль доктора Курта, Ринка машинально гладила стекло и размышляла: все же кто тот анонимус, что написал ей в день прибытия? До беседы с доктором Ринка допускала мысль, что это был он. Но сейчас... вряд ли доктор Курт настолько хороший актер! Он ни разу не дал Ринке понять, что знает – кто она и откуда, и его сожаление о невозможности открыть портал в другой мир было искренним, Ринка задним местом чувала такие вещи. Да и зачем ему сложная интрига, если она и так готова с ним сотрудничать?

О, великий Ктулху, и почему все так сложно?!

Глава 6, о своем, о девичьем

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

– Мадам, вы же будете обедать? – Магда сунулась в лабораторию, где Ринка сидела с яйцом в руках. – Фрау Шлиммахер приготовила фрикассе из кролика, так пахнет!

– Буду, – вздохнула Ринка.

Разговора с нерожденным дракончиком не получалось. Ринка понимала только самые простые эмоции: удовольствие, доверие, тепло. На вопрос о родителях дракончик выдал поток недоумения и чего-то сложного, из чего вычленила лишь одно: надо подождать, все хорошо. Не волнуйся, все хорошо!

Она рассмеялась от абсурда ситуации: потерянное драконье яйцо ее успокаивает. С ума сойти!

– Оно такое красивое, – Магда приблизилась и потянулась к яйцу. – Можно мне еще его потрогать?

Яйцо довольно заурчало, мол, можно, главное – восхищайтесь!

– Можно, – Ринка отдала его Магде.

– Ой, спасибо, мадам! – рыжая восторженно обняла яйцо и прижалась к нему щекой. – Как думаете, мадам, это девочка или мальчик? А какого цвета? Говорят, драконы бывают красивые, как радуга! Вот бы...

Представив радужного дракона, Ринка тихонько рассмеялась. Он будет просто изумительно сочетаться с суровым некромантом! Она так увлеклась чудесной картиной некроманта с дракончиком и бутылочкой молока, что не сразу расслышала, что там говорит Магда...

– ...ужасно много!

– Чего много? – переспросила Ринка.

– Так карточек, мадам. Разве у вас в России не так? Благородные господа наносят визиты и оставляют карточки, чтобы как будто в гостях побывали. Со всеми же поговорить не успеешь, а надо, чтобы карточек было много-много!

– Так они же, наверное, к его светлости приезжали, а не ко мне, – пожала плечами Ринка. Она слышала о визитках, и даже примерно представляла, как и зачем их оставляют, но только примерно. И совершенно не понимала, что дальше с ними делать.

– Нет, герр Рихард сказал, все – для вас. Да вы сами посмотрите!

Наверное, с полдюжины, утешила себя Ринка. Магда – дитя восторженное, наверняка «ужасно много» у нее не такое и ужасное.

Надежда не оправдалась. Поднос с визитками, преподнесенный Рихардом по дороге из лаборатории в будуар, был полон. Действительно, ужасно. Кто все эти люди и что им нужно? Наверняка – ничего хорошего.

И вообще, супруг не велел ей принимать гостей, а выходить самой и вовсе запретил. Весьма кстати!

– В камин их, – велела Ринка, даже не прикоснувшись к верхней. Вдруг там сибирская язва или хуже того, проклятие?

– И от мадемуазель Бальез тоже? – флегматично поинтересовался Рихард. – Она в гостиной, просит вас о встрече.

– А это кто такая? – Ринка попыталась вспомнить, где слышала это имя, но ничего так и не припомнила.

– Бывшая содержанка герра Людвига, – ответил дворецкий со своей обычной невозмутимостью.

– Она выжила?

К собственному удивлению, Ринка почувствовала облегчение, даже радость. Содержанка или нет, но расплачиваться смертью за естественное желание иметь богатого любовника – это слишком. К тому же, она храбро пыталась спасти и Людвига, и саму Ринку, стреляла по убийцам, когда могла бы просто спрятаться в доме. Хорошо, что она не погибла!

– Мадемуазель похожа на вашу кошку, всегда падает на лапы. Ее рана была незначительной.

– А что ей нужно?

Рихард лишь пожал плечами. Впрочем, Ринка не особо надеялась на ответ. Если мадемуазель пришла ее шантажировать – то вряд ли расскажет об этом дворецкому. Но скорее ей просто нужны деньги, чтобы уехать, ведь она потеряла разом и богатого покровителя, и супруга, к тому же ею стопроцентно заинтересовалась контрразведка. Ринка бы на ее месте бежала как можно быстрее и как можно дальше.

– Вы думаете, мне будет уместно пригласить пообедать? И вы не знаете, герр Людвиг не собирается ли вернуться сегодня?

– Герр Людвиг планирует вернуться завтра, и никаких больше гостей к обеду не ожидается. Вы можете пригласить мадемуазель, если того желаете. Вы герцогиня, – Рихард слегка поклонился, все так же невозмутимо, но Ринка явственно прочитала в его тоне: герцогиня может приглашать отобедать хоть судомойку, никто не посмеет и пикнуть.

– Чудесно. Значит, велите накрыть на две персоны. Думаю, волшебное фрикассе от фрау Шлиμμαхер заслуживает того, чтобы им наслаждалась не

только я.

– Фрау Шлиμμαхер будет счастлива услышать похвалу от вашей светлости. Да, и что делать с коробками, которые доставили от герра Курта?

– Какими еще коробками? – Ринка нахмурилась в недоумении.

Рихард протянул ей конверт.

«Очаровательнейшая Рина!

Примите этот небольшой подарок в знак дружеского расположения. Надеюсь, он сделает ваше пребывание в Виен более приятным и увлекательным.

Доктор Курт».

– Судя по маркировке, лабораторное оборудование, – сказал Рихард, когда Ринка прочитала записку.

Кстати, почерк был совсем не похож на почерк анонимуса из салона мадам Шанталь. И никаких липких заверений в вечной дружбе и благих намерениях.

Даже немного жаль, что не анонимку писал не он, это бы здорово упростило Ринке жизнь.

Нет-нет, все! Хватит шпионских страстей! Доктор Курт – хороший. И будем придерживаться этой версии, пока не доказано обратное.

– Как мило с его стороны! – улыбнулась Ринка. – В лабораторию, конечно же! Посмотрю после обеда.

Мадемуазель при ближайшем рассмотрении оказалась старше, чем Ринке показалось на первый взгляд. Лет двадцати пяти, а то и двадцати семи. И одета она была на этот раз почти скромно – в лавандовом платье с длинным рукавом и воротничком-стойкой. Оно могло бы показаться даже строгим, если бы не летящая двухслойная юбка, вышивка на рукавах и кружевная кокетка. Определенно, вкус у мадемуазель был превосходным.

А глаза – полны любопытства, которое мадемуазель не сочла нужным скрывать.

– Ваша светлость, – она присела в реверансе, не опуская глаз.

– Мадемуазель Балъез, – Ринка в ответ кивнула, не делать же герцогине реверансы перед содержанкой... как же утомляют все эти ритуальные танцы! – Я рада, что вы живы.

– Спасибо...

– Прелестное платье... Тори?

– Если вам будет угодно, – француженка лукаво улыбнулась.

Ринке очень хотелось спросить: «какого черта вы пожаловали?», но герцогский статус обязывал... понимать бы еще, к чему?

Очень кстати вспомнилось Рихардово: «Вы – герцогиня».

Ага. Герцогиня. Значит, что хочу – то и ворочу. По крайней мере, в собственном доме.

– Вы меня заинтриговали своим визитом, – Ринка отбросила малопонятные церемонии. – О чем вы хотели поговорить?

– Вы совсем не похожи на этих чопорных фрау, которые не переходят к делам, пока не обсудят детей, цены на украшения и туалет королевской фаворитки на последней постановке Виенской оперы, – отозвалась Тори.

– У короля есть любовница? – тут же поинтересовалась Рина.

– Оперная прима. Но кто бы посмел не дать фаворитке его величества первую роль, не так ли?

– Если она хорошо поет... – пожала плечами Ринка.

– Все в восторге от ее голоса, красоты и таланта, а я не настолько хорошо разбираюсь в опере, чтобы об этом судить, – Тори улыбнулась с таким видом, что сразу стало понятно, что она на самом деле думает о красоте и таланте. – Зато у нее, говорят, волшебный ротик.

Ринка рассмеялась про себя: вот злюка! Но не глупа, сначала прощупывает почву – мало ли, герцогиня имеет свое мнение о фаворитке? Определенно не глупа.

Что ж, значит, у нее можно будет узнать много интересного о расстановке сил в местном обществе. И немножко перемыть косточки чопорным фрау – тоже будет забавно. Ринке всегда нравились пикировки театральных дам, конечно, пока не переходили в базарные скандалы.

– Пока я не знакома с Виенской оперой, но надеюсь, это ненадолго. Так вы?..

– Я вам не враг, ваша светлость, и никогда им не была. Я здесь потому, что мне не безразлична судьба Людвига, – она на мгновение запнулась, но решительно продолжила: – Мне не нравится та игра, что ведет за его спиной барон де Флер. Конечно же, барон – мой коллега, но...

– Продолжайте, Тори, – кивнула Ринка, не подавая виду, что не в курсе ни кто такой барон де Флер, ни что за игра. Она лишь могла догадываться, что барон – коллега явно в другой области, нежели эротические услуги.

– Мы все служим своим странам, и мы всегда были соперниками. Но в нынешних обстоятельствах мы оказались по одну сторону. Я надеюсь, что этот союз окажется долгим, Франкии сложно в окружении враждебных соседей. Но выходка де Флера с этой статьей! Она бьет по репутации Людвига не только в ваших глазах, а от Людвига очень многое зависит... – Тори прервалась и внимательно посмотрела на Ринку. – Он вам не сказал про статью, да? Граф Энн?

– А что он должен был сказать? – подала ожидаемую реплику Ринка, размышляя: сколько правды может быть в словах Тори и зачем ей все это нужно на самом деле.

– Правду он должен был сказать! Хотя бы раз в жизни! Будьте осторожны с ним, он менталист очень высокого уровня. Заберется вам в голову так, что вы ничего и не заметите.

Ринка невольно передернулась, вспомнив щупальца, которые ощутила после боя. Тот целитель пытался проникнуть в ее разум, но что-то пошло не так. Наверное. А вот во время общения с графом Энн она ничего такого не чувствовала. И никакого особого расположения к нему или желания выдать все свои секреты – тоже. Он не пытался на нее воздействовать? Или ему не удалось? Опять все запутано...

– Мне кажется, он пытался, когда... когда вас ранили. И спасибо, что пытались меня защитить.

– Жаль, мне не удалось подстрелить гада до того как Людвиг превратил его в прах.

– Вы так ненавидите своего мужа?

– Мужа? Так Людвиг вам тоже ничего не рассказал? Я думала... – Тори замолчала на несколько мгновений и нахмурилась. – Плевать. Он должен был рассказать! Уж о том, что он служит в Оранжеее, вы знаете?

Ринка кивнула.

– Я и барон де Флер работаем на безопасность Франкии. То, что вы видели – было операцией по задержанию группы наших, франкских, заговорщиков. Они пытались завербовать Людвига, им не удалось, и они решили его уничтожить, чтобы не помешал их планам. Подробнее я вам рассказать не могу, простите. И как вы понимаете, я тоже была рядом с Людвигом не из любви к опере. Я думаю, он догадывался, что он – мое задание, но его все устраивало, – иронично усмехнулась Тори.

Пожалуй, Рина была готова ей поверить. В целом-то все сходилось. Слишком быстро для случайной встречи с ревнивым мужем примчались коллеги Людвига! Тогда Ринка не особо задумывалась, откуда взялись бойцы, стрелявшие в «друзей ревнивца», или наемников, не суть. Но вспоминая сейчас, видела – на операцию это в самом деле походило куда больше, чем на попытку убийства из ревности. Поэтому, наверное, Герман и прискакал тут же за Людвигом, какие-то у них тайные дела во Франкии... но найти пять минут и рассказать правду Рине гад чешуйчатый мог? Мог. Но не счел нужным. Еще бы! Она же жена по контракту, сосуд для будущего наследника. Козел!

– Снимки во вчерашней газете – тоже фальшивка, – продолжила Тори

все с той же самоиронией. – Вашего мужа невозможно снять ни одной из существующих камер. Пленка засвечивается. В лечебнице был двойник.

– Двойник?

– Людвиг был совсем в ином месте, но никто не должен знать, что он там был, понимаете?

– Понимаю, – кивнула Ринка. – Алиби. Благодарю вас, Тори. Теперь многие вещи выглядят по-другому. Но зачем вам это? Зачем вы мне это все рассказываете?

– Возможно, мне просто было любопытно на вас посмотреть? Людвиг ради вас рисковал жизнью. Не думала, что он в принципе на это способен. А еще мне до бессонницы любопытно, как вы там оказались, и кто именно рассказал вам, что некромант пойдет к «любовнице»?

Рисковал ради меня... а ведь в самом деле – рисковал. Он мог бы убить того уродя сразу, но тянул время, чтобы дать мне шанс. И каким-то образом отвел от меня пулю, но поймал ее сам.

Кажется, я была к нему не совсем справедлива...

Но я не готова обсуждать это с его любовницей, пусть и бывшей, пусть и «по заданию»!

– Чистая случайность. Я всего лишь пошла в лавку к альву за лабораторным прибором! Впрочем, если хотите, я вам расскажу за обедом. Честно говоря, со всеми этими шпионскими страстями я ужасно проголодалась!

Под рассказ об альве, планах на исследование местной флоры и фауны, а заодно и о первом ее представителе, то есть Магде, девушки прикончили изумительно нежное фрикассе. А вот впечатления о магии Людвиг уже пошли под легкое белое вино.

Тори слушала очень внимательно, в нужных местах ахала, хмурилась или смеялась. Ринка, пожалуй, впервые почувствовала себя на месте тех самых ученых друзей папы, из которых сама вытягивала всякие истории – именно таким образом. И Ринке это определенно понравилось! Однозначно, Тори – правильная шпионка, ей так и хочется рассказать все и еще немножко больше.

Но не о своем иномирском происхождении. И не о драконьем яйце. Разве что о визите доктора Курта, ведь это не государственная тайна! А главное – о Людвиге. О том, как ей было страшно, когда он едва не обратил в прах всю улицу. О том, что Ринка почувствовала: он колдовал не то что не в полную силу, а даже не в четверть, не в десятую.... Так, полпроцента.

Тори хмуро кивнула:

– Я тоже так думаю. Отчасти поэтому я и пришла. Наши политики

забыли, с чем имеют дело.

– То есть?

– Вы не слишком увлекались историей, не так ли? Я понимаю, биология намного интереснее. А вот мне пришлось изучить все, что известно о роде Бастельеро. И знаете, Рина, я буду просто счастлива, если больше никогда не увижу Людвига. Он хороший, добрый и честный, насколько это возможно для аристократа и полковника безопасности, но то, что он устроил... – Тори передернулась и махом выпила полбокала. – Даже после того, как я видела Пустошь, устроенную первым из Бастельеро, даже после того что я читала в отчетах и исторических хрониках, я не могла себе и представить... Вы очень смелая!

– Не уверена насчет смелости, – пожала плечами Ринка. – А вот насчет истории вы правы. Я ничего не знаю ни о Пустоши, ни о первом из Бастельеро. Расскажите, прошу вас! Уж если кто и знает правду, так это спецслужбы. Не Магдиным же сказкам мне верить!

Тори усмехнулась и сделала знак лакею снова наполнить бокал.

– Чуть больше трех веков назад, лет за пятьдесят до того, как от нас отказались драконы, на континенте случилась очередная война. Центром сего действия традиционно стала Астурия – ваша страна хоть и мала по территории, зато находится на перекрестке торговых путей, имеет чрезвычайно удобный выход к морю и богата золотом, медью, оловом и демоны знают чем еще. На тот момент Астурия была независима целых тридцать пять лет, и только потому, что старый король умело стравливал соседей между собой и лавировал в мутных водах политики как заправский карась. Но старый король умер, трон наследовал его сын, всего-то двадцати двух лет от роду – более старшие наследники благополучно поубивали друг друга, ну, вы знаете, как это бывает.

– Знаю, – кивнула Ринка. – И соседские акулы сумели договориться и поделить Астурию, как мясной пирог?

– Именно. Наступление с трех сторон, крохотная армия, смута... Фридриха Второго почти спихнули с трона, он с остатками армии героически сдерживал объединенные силы Испалиса и Шварцвальда, его «преемник» всю торговался с Франкией за условия присоединения в качестве провинции. И тут, накануне решающей битвы за Волчий перевал в ставку Фридриха завился Маркус Бастельеро. Никто не знал, кто он и откуда, но он каким-то образом проник в палатку Фридриха. Историки говорят на эту тему много красивых слов, но суть была проста: в процессе совместной попойки они побратались, Фридрих поделился своими бедами, и Маркус пообещал вымести поганых завоевателей поганой же метлой...

вон он, кстати, Маркус Бастельеро, – Тори указала на полотно на стене.

Вот и познакомились, подумала Ринка глядя на полотно. Которое, кстати, раньше как-то не замечала. Не привыкла рассматривать настенную живопись.

На скале стоял некто, безумно похожий на Людвига, только синеглазый и одетый крайне странно для заснеженных гор: в белую старинную рубаху с широкими рукавами и кружевным жабо, узкие синие штаны, заправленные в кавалерийские сапоги, и лазурный, вышитый золотом жилет. Распахнутый. Длинные черные волосы – завитые! – развевались по ветру. На открытой ладони, протянутой над долиной, Маркус Бастельеро держал сгусток Тьмы. За спиной Маркуса виднелись измученные солдаты и астурийский штандарт: золотой лист конопли на бело-синем фоне. А сам Маркус улыбался почти как Людвиг, спускающий с цепи смертоносных призрачных тварей, только еще веселее.

– Говорят, он был безумен, потому что только безумец способен превратить целую долину с городом и деревнями в Пустошь. Из армии нападавших не выжил никто, но мертвые... – Тори так сжала бокал, что ее пальцы побелели. – Немертвые офицеры этой армии отправились с посланиями. Всем королям, всем генералам, всем, кого назвал Фридрих. Одно единственное послание: Астурия неприкосновенна. Им не нужны были верительные грамоты, ничего, они... вы видели, ЧЕМ управляет Людвиг. Это – они. Твари Пустоши. Воплощение смерти.

– Вы хотите сказать, те люди – немертвы до сих пор?

– Не знаю. Честно, не знаю. Хочется надеяться, что они упокоились с миром, но Пустошь... Она не растет, но и не исчезает. Там все не так, как в нормальном мире. Волчий перевал не используется вот уже двести семьдесят лет, даже контрабандисты туда не лезут. Но три века – очень долгий срок, и некоторые умники возомнили, что легенда о Побратиме Смерти это просто легенда, понимаете? Они не верят, что живой человек способен на такое! Они не видели Людвига!

Они не видели и Маркуса Бастельеро, подумала Ринка. А ведь он до сих пор тут. Тот самый синеглазый призрак в лазурном жилете, явившийся в первый же день.

По нему не скажешь, что он – безумный маньяк. Молодой красивый парень, едва ли старше Людвига. Веселый.

Великий Ктулху! Куда она попала, а? Кажется, теперь она будет бояться выходить ночью из комнаты. Вдруг тут и твари Пустоши разгуливают?

– Ненавижу политиков, – совершенно искренне сказала Ринка. – Тори,

но вы же не хотите сказать, что сейчас... что сейчас тоже может быть война?

– Не хочу. Но скажу. Дай Единый, чтобы Людвигу удалось то, что он делает! Тогда есть шанс, что войны все же не будет. Но, наверное, вашему королю придется все же припугнуть соседей. Испалис, пожалуй, единственная страна, которая не тянет лапы к Франкии и Астурии, их короли резко поумнели после того, как испалийские офицеры вернулись домой немертвыми. Один из них до сих пор иногда является на королевский совет с докладом.

Представив эту тварь на королевском совете, Ринка поежилась и тоже схватила за бокал. Правда, она бы не отказалась послать такого посла не только в Испалис, но и в сопредельные державы. С лекцией о вреде войны и пользе разума.

Эту мысль она и озвучила.

– Вот да! Если бы ваш супруг!.. – мечтательно протянула Тори: судя по морщинке между бровей, она не питала никакого сочувствия к слушателям подобной лекции, а скорее стояла бы с пистолетом у дверей, чтобы никто не посмел прогулять. – Но он слишком серьезен для таких дел.

– А пусть подойдет к делу серьезно! – Ринка стукнула пустым бокалом по столу и велела лакею наполнить его снова. – Дело мира... дело мира – серьезно! Серьезнее некуда!

– Выпьем за это! – согласилась Тори. – А вот я хотела у вас спросить! Вы это серьезно – лаборатория, оборудование?

– Серьезнее некуда! У Людвиг – чешуя! – Ринка доверительно склонилась к новой подруге, едва не расплескав вино. – Фена... фима... фено-ме-нально, вот! Мой долг перед мировой наукой – исследовать, да! Вот доктор Курт сказал, что возьмет меня к себе в академию, чтобы исследовать фема... фе-но-мен.

– Сам доктор Курт? Вы знакомы?

– А то! Мой папа... короче, доктор подарил мне... не знаю, что, но очень полезное! Целых пять коробок, я еще не успела... а пойдем смотреть? Надо распа-ко-вать! Ценное лари... лабо-ра-тор-ное об... оборудование!

И они пошли. Распаковывать. Захватив с собой початую бутылку белого и обсуждая по дороге, какой доктор Курт душка и вообще самый завидный холостяк Астурии.

– Почему не король? Гельмут красивый! – Ринка от возмущения остановилась и уперла палец в грудь Тори. Для убедительности.

– Король?! Мне что, жить надоело?! По-ли-тика – дерьмо! – Тори для

убедительности воздела бутылку, как статуя Свободы свой факел.

– Выпьем за это... то есть за... то есть против! Мы выпьем против политиков!

Тори согласилась. А потом пообещала Ринке непременно пойти с ней к доктору Курту для моральной поддержки. И вообще. А то что это он до сих пор не женат?!

– Женим! – согласилась Ринка. – А ты не боишься, он же – маг! Ты представь, настоящий маг! (4с4d)

– Не боюсь! Я... я стрелять умею, вот! – в доказательство Тори вытащила из-за подвязки маленький пистолет.

– Ваша светлость, прошу вас, не здесь! – откуда-то взялся Рихард и попытался закрыть собой чей-то портрет, в который целилась Тори.

– Вы – глупец, герр Рихард, – заявила Тори. – Разве вы не видите, пистоль на предохранителе. Надо сначала снять...

– Во дворе делать это намного удобнее, поверьте, мадемуазель. Там летает изумительная ворона!

– Ворона? Не люблю ворон, они каркают!

– Спорим, я попаду ей в глаз?

– Не попадешь...

Последним воспоминанием Ринки о чудесном вечере было обиженное карканье, спланировавшее прямо на нее воронье перо и сильные, но почему-то холодные руки Рихарда, несущие ее... куда-то несущие.

Глава 7, о неожиданностях приятных и не очень

Брийо, резиденция императора Франкии

Людвиг

Стабилизировать контур и окончательно перенастроить его на Черного Карлика удалось лишь перед самым рассветом. Людвиг никогда не думал, что умертвия могут быть настолько непослушными! А что тут творилось с магией и техникой!

И ладно, если бы он мог работать спокойно, но ведь приходилось то и дело отвлекаться – к их императорскому величеству то и дело рвались какие-то придворные, послы, газетчики и министры, и всем нужно было срочно убедиться, что император жив, здоров и снова правит твердой рукой! Они с Д`Амарьяком замучились, играя в проклятые политические игры, больше, чем если бы весь день кололи дрова.

– Надеюсь, он не сбежит откусывать головы придворным, едва я усну, – пробормотал Д`Амарьяк, настраивая портал к Людвигу домой. – Потому что если я не посплю, то пооткусываю всем головы сам.

– Несварение будет, – Людвиг душераздирающе зевнул. – Если что, звоните. Завтра!

– Если завтра этот дворец все еще будет стоять на своем месте, – буркнул карлик, делая очередной кривоватый пасс.

– Да ладно, не такой уж он и страшный.

Они с Д`Амарьяком, не сговариваясь, поглядели сначала на мирно спящего «императора», а затем на покореженную и погрызенную мебель, расплавившееся зеркало, разбитый паркет и троих связанных идиотов, складированных в углу. Кажется, один из них – какой-то там граф, а то и герцог, честно говоря, Людвиг сейчас забыл не только имена и лица соседских аристократов, но и себя бы в зеркале не узнал.

Плевать.

Д`Амарьяк передохнет, восстановит силы, сотрет всем троим память и вообще разберется. Сам. Без Людвига!

– Готово, – не то сказал, не то зевнул Черный Карлик. – Можете отправляться домой.

Людвиг почти шагнул в портал, когда до него дошло, что что-то тут не то. Запах, что ли, или звук. Откуда на вилле «Альбатрос» рокот волн?

– Вы уверены, что это – мой дом? – он замер в полушаге от портала.

– Разуме... Проклятье! Почему рядом с вами все ломается?! – Карлик,

горестно сморщившись, одним движением уничтожил недоразумение. – Так, отойдите, что ли. Только не засыпайте, прошу вас! Ваши сны...

Людвиг пожал плечами: Карлик что, хочет его устыдить? Смешно. Хотя, конечно, когда Людвиг от усталости уснул прямо в кресле за императорским тронном – спрятанный каким-то хитрым заклинанием невидимости – что-то в тронном зале началось не то. Какие-то статуи ожили, что ли. Или казначей начал каяться. В общем, страсти-мордасти.

Сугубо здешние мордасти! Людвиг тут совершенно ни при чем! Вот дома, когда он спит – никакие страхомордия из пола не лезут и ничьих туфель не съедают.

– Давайте уже скорее, что ли.

– Да уж никакого желания и дальше созерцать вашу герцогскую физиономию.

Они синхронно зевнули. Сил не было даже переругиваться, хотя последние несколько часов только это и помогало обоим держаться на ногах. Что Людвиг, что Д`Амарьяк узнали о себе много нового и интересного, правда, Людвиг все тут же забыл – в голове совершенно ничего не желало держаться.

– Проваливайте уже с глаз моих! – выдохнул, наконец, Д`Амарьяк и невежливо ткнул пальцем в портал. Кривоватый, да и демоны с ним. – Я проверил, ваша вилла.

– Точно?

– Точно! Хотите, вон того идиота запустите вперед, – карлик махнул рукой в сторону вращающих глазами и дергающихся то ли придворных, то ли послов. – Должна же быть польза от любопытного носа, который суется, куда не просили.

К концу реплики все три идиота замерли, зажмурились и, кажется, дышать перестали. И правильно. С Д`Амарьяком никогда не поймешь, шутит он или нет. Впрочем, его шутки были очень даже ничего. Почти как у Людвига – с выдумкой и смешные.

– Хочу, а то мало ли. – Людвиг, снова зевнув, подошел к сваленным в кучу идиотам, наугад схватил за ворот ближайшего и вздернул на ноги. – Этого?

Д`Амарьяк прищурился, оглядел идиота и кивнул:

– Забирайте. Можете чучело из него сделать. Журналистишка, тьфу!

– Ах, журналистишка, – Людвиг аж почти проснулся. – Статеечки, значит, пописывает?

Щуплый человечек в его руках внезапно ожил, замотал головой и что-то замычал, пытаясь вытолкнуть кляп изо рта. В его выпученных глазах

читалось: нет, никаких статеечек, никогда! В монастырь уйду, герр некромант, только отпустите, Единым прошу!

– Пописывает, – злорадно кивнул карлик. – В светскую хронику и политические новости. Вам, случаем, зомби-дворник не нужен ни? Язык у этого, что помело.

– Может, и нужен, – Людвиг ласково улыбнулся человечку. – Помело – это хорошо, это правильно. Люблю чистоту.

Поняв, что мычание и дерганье не помогло, человечек сделал вид, что сомлел. Разумеется, Людвиг не поверил. Подтащил его к portalу и, поставив на ноги, скомандовал:

– Шагай. Туда и обратно, доложишь, что там. А не хочешь идти живым, пойдешь мертвым. Мертвые, знаешь ли, никогда не врут. Даже в газетах. Так что, идешь?

Человечек тут же пришел в себя и мелко закивал, кося глазами на кляп, мол, как же я доложу-то?

– Вернешься – выну, – так же ласково пообещал Людвиг и толкнул его в портал.

Что-то затрещало, задымилось...

Людвиг с Д`Амарьяком переглянулись с одинаковым научным интересом.

– Похоже, не срабо... – начал карлик, но тут снова затрещало, задымилось, и из портала вывалился журналист, которого держала за воротник знакомая бледная рука. – Сработало.

– Он вам нужен, герр Людвиг? – проскрипел Рихард, наполовину выглядывая из портала.

Человечек отчаянно замотал головой и попытался вырваться. Рихард презрительно дернул бровью и выпустил его ворот: человечек, упав на пол, тут же пополз прочь, извиваясь и поскуливая.

– Оставляю его вам, герр Д`Амарьяк, – кивнул Людвиг коллеге. – Разбирайтесь со своим мусором сами.

Карлик поморщился и махнул на журналистишку рукой. Тот замолк и замер в неудобной позе. Возможно, окаменел.

– Не могу сказать, что мне приятно было с вами сотрудничать.

– Я вас тоже терпеть не могу, – передернул плечами Людвиг и шагнул в портал.

Если бы не поддержка Рихарда, то свалился бы прямо на собственном крыльце. Ноги не держали. И вообще было темно, даже луна светила как-то тускло.

– Ванну и спать, герр Людвиг?

- Ванну... – Людвиг с трудом сделал шаг к дверям. – И спать. Сутки!
- Только не в ванне, прошу вас.
- Уж как полу-у... учится... – зевота мешала говорить, а глаза норовили закрыться. Надо было что-то с этим делать, а то он уснет на ходу. А, точно, надо спросить. – Рихард, что там моя жена?
- Спит, герр Людвиг.
- Не терялась больше?
- Нет, герр Людвиг. Ее светлость больше не терялась.
- Следилку надела?
- Надела.
- Надо проверить... где она?
- У себя, герр Людвиг.
- Ага... а... надо на нее посмотреть... спит, говоришь...
- Ванна, герр Людвиг. Позвольте ваш сюртук.

Людвиг очень старался не уснуть, пока Рихард его раздевал, помогал ему вымыться и вел к кровати. Но у него не получилось, потому что мягкое женское тело, с тихим стоном привалившееся к нему и уютно устроившееся в его объятиях, совершенно точно уже было сном.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Где-то рядом звучал рояль, одна из ее любимых композиций из Арта Тейтума – нежный, журчащий джаз. С шелестом листвы и запахом горящих листьев, доносящимся из приоткрытого окна, джаз создавал совершенно волшебное ощущение. Утро, счастье, уют и ожидание чуда.

Ожидание не замедлило оправдаться. Рядом кто-то зашевелился, тихо пробормотал ее имя и обнял ее. Ринка лениво приоткрыла глаза – мимолетно задумавшись о том, что в этом мире ей снятся удивительно яркие и реалистичные сны! – и обнаружила мужскую руку поперек собственной груди. Обнаженной груди. Судя по ощущениям, мужчина рядом был в таком же виде.

«Непременно досмотрю сон до конца!» – решила Ринка, отлично понимая, что это именно сон. В дивном новом мире не придумали еще джаза, а спят тут исключительно в пижамах. Да и мужчине в ее постели взяться совершенно неоткуда.

«Кто же мне снится, супруг или?..»

Она задумчиво провела ладонью по мужскому запястью, покрытому тонкими темными волосками. В брачном браслете, кстати – так что по идее должен быть супруг.

Очень удачно, что Людвиг – всего лишь сон! Во сне можно забыть про

обиды и прочую чушь, и просто наслаждаться его объятиями. Горячими. Очень горячими!

Улыбнувшись своим мыслям, Ринка слегка пошевелилась, потершись бедрами о самую горячую часть мужского тела, и с удовлетворением почувствовала, как ее прижали теснее, сонно поцеловали в плечо и погладили ее грудь.

Очень нежно, почти невесомо, и тут же сжали, и снова погладили нежно.

– Моя Рина, – прошептал такой знакомый низкий голос, и все ее тело отозвалось горячей нетерпеливой истомой.

А потом рука Людвига – наверное, это все же был он? – спустилась ниже, рождая в ее теле волшебную дрожь и жар, и огладила ее живот, задержавшись в коротких завитках. Ринка нетерпеливо застонала и чуть подалась вперед. Мужчина позади нее тут же притянул ее обратно...

Резко. Глубоко. Именно так, как ей хотелось.

И тут же перевернул ее на живот, раздвинул коленом ее ноги...

Она вскрикнула и вцепилась обеими руками в простыню, подаваясь ему навстречу, жмурясь от разливающегося по всему телу удовольствия...

Кажется, кончая, она кричала его имя – или не его, какая во сне разница? Главное, ей было безумно хорошо! Вот так, чтобы он продолжал вбиваться в нее, чтобы его ладони сжимали ее бедра, чтобы он не останавливался!

Боже, она что, во второй раз?..

– Людвиг... еще! – всхлипнула она и чуть не закричала от разочарования – он вышел, отстранился... – Черт... Людвиг!

Не желая терпеть ни мгновения, Ринка развернулась, толкнула его в грудь и оседлала. Он тут же подхватил ее за бедра, направляя и поддерживая, подлаживаясь под ее темп. Всего несколько движений – еще глубже и полнее, еще лучше! – она застонала, жмурясь и запрокидывая голову, упершись обеими руками в его грудь и чувствуя, как он содрогается в ней, как вибрирует под ее ладонями, выстаннывая ее имя...

– Боже, чтобы мне каждую ночь такое снилось, – пробормотала она, падая ему на грудь и прижимаясь всем телом.

Ее тут же обняли, зарылись пальцами в ее волосы и нежно, безумно нежно поцеловали в макушку.

– Ты вкусно пахнешь, – расслабленно и довольно шепнул Людвиг. – Моя маленькая, упрямая козочка.

– Козочка? – лениво возмутилась Ринка. – Почему это вдруг?

– Козочки милые, когда не бодаются и не удирают через забор. Ты

похожа на маленькую беленькую козочку. Такую, знаешь, пушистую и невинную. А потом ка-ак взбрыкнешь!

Людвиг тихо рассмеялся. Так странно и здорово было чувствовать, как он смеется, лежа у него на груди и чувствуя вибрацию всей кожей.

– Неправда, я не взбрыкиваю. Я хорошая. И мне нравится заниматься с тобой любовью. Ты красивый и нежный. Почему ты только во сне нежный? Так не честно.

Ринка лениво погладила его сначала по груди, а потом по лицу. Ей безумно нравилось его гладить! Даже больше, чем драконье яйцо. И у него почему-то совсем не было щетины, щеки были гладкие, почти как у нее самой. Наверное, потому что это сон.

– Не знаю, – так же расслабленно ответил Людвиг, ловя ее руку и поднося к губам. – Так получается.

– Хочу, чтобы ты был таким всегда... да, сделай так еще! – если бы она была кошкой, то сейчас бы мурлыкала. Боже, как у него так получается целовать ее пальцы, что она с ума сходит от наслаждения? Наверное, это магия.

И то, что он снова твердый внутри нее – тоже магия. Или сон. Какая ко всем Ктулху разница!

Ринка сжалась – и он замер, рвано вдохнул. А она приподнялась и заглянула ему в лицо, с удивлением отметив, что во сне у него опять синие глаза. Безумно красивые. И весь он... весь он – совершенство! А еще она хочет знать, как он целуется!

Потянувшись к нему, она шепнула:

– Ты, гад чешуйчатый, ни разу меня толком не поцеловал. Тебе не стыдно?

– Стыдно, – улыбнулся гад чешуйчатый... нет, не чешуйчатый – гладкий, теплый и шелковый! – Надо это исправить.

От этого поцелуя закружилась голова, так это было нежно и сладко. И он снова двигался в ней именно так, как надо. Магия! Настоящая магия! Вот теперь она, наконец, поняла – что это такое, заниматься любовью. Это когда чувствуешь его, как себя, каждую его мышцу, каждый вздох, каждое движение – и живешь, и дышишь вместе с ним, вместе до самых облаков, и даже стон, вырывающийся из его горла – в унисон с твоим стоном...

А потом она снова уснула, и ей снился запах горящий листьев, фортепианный джаз и объятия самого нежного, самого страстного любовника на свете. Ее мужа.

Пробуждение было... странным. Ринка так хорошо помнила объятия Людвига и собственные три – с ума сойти, целых три, так вообще бывает? –

оргазма. Но рядом с ней в постели, разумеется, никого не оказалось. А вместо джаза звучали голоса слуг, что-то разгружающих у черного крыльца.

Еще более странным было отсутствие головной боли. Вчера они с Тори уговорили бутылки две. Или три. Стреляли по воронам. Перемыли косточки половине высшего света Астурии и Франкии. Составили заговор с целью женить доктора Курта.

О, Великий Ктулху! Сделай так, чтобы я не показала ей драконье яйцо и планшет! Пожалуйста! И не давай мне больше пить! Местный компотик-то – коварная дрянь! Совершенно не чувствуется алкоголь, даже ноги не заплетаются, а мозги отключаются напрочь.

Так что, мистер Бонд, вы как никогда были близки к провалу.

Правда, мысли о возможном провале и внезапной дружбе с иностранной шпионкой и бывшей любовницей мужа не испортили Ринке настроения. Не дождетесь! Раз уж новый мир позаботился о приятных снах, надо ими наслаждаться.

От души потянувшись, Ринка сбросила одеяло... и тут сообразила, что она – голая. И постель пахнет как-то...

Она схватила соседнюю подушку и принялась. Пахнет... мужчиной пахнет. И сексом.

– Ах ты, гад чешуйчатый!

Ринка швырнула подушку прочь, сама толком не понимая, почему вдруг чудесный солнечный день стал хмурым, а желание петть сменилось желанием убивать. И вообще, мир несправедлив! Вот какого Ктулху он сбежал?! Опять сбежал! Пришел, трахнул во сне – и сбежал! Чтоб его!..

– Мадам? – в спальню заглянула сияющая Магда, увидела подушку на полу, голую Ринку... и покраснела. Вся, включая уши. Но не отвернулась. И в глазах – любопытства два ведра. Правда, быстро опомнилась и присела в книксене. – С добрым утром, мадам.

– И тебе не хворать. Давно ли мой дорогой супруг явился?

– Ночью, мадам! Ох, вы ж почивали, не видели! – Магда забыла стесняться, увлеченная свежей сплетней, и бросилась к шкафу за пеньюаром. – Вот в самую полночь как засверкало, да затрещало, да по всему дому этикие искры побежали! Все всполошились, а как если пожар? Повыбежали, в окна повысунулись! Я тоже выскочила, думаю – мадам будить надо, а то как угорит, и тут Рихард, спокойный такой, как велит всем по местам да без паники! Это, говорит, их светлость домой возвращаются. Усталые. А вы, говорит, бездельники, панику не наводите и под ногами не мешайтесь. Ну, я за ним пошла, надо ж разузнать! А там, у крыльца, такое

вот все сияющее, как озеро, только стоит и не вытекает! И трещит, и искрами сыплет, а потом оттуда какой-то хмырь как вывалится! И давай утекать! Рихард его за хомок хватить, кто такой, спрашивает, а тот мычит, головой вертит, ну, думаю, никак болезный, эпидемию нам принес!

– Что за хмырь? – переспросила Ринка, позволяя Магде усадить себя к зеркалу, причесываться.

– Да кто ж его разберет, хмыря ентого. Рихард его словил и обратно сунул... – Магда хихикнула, прикрывая рот ладошкой. – Смешной такой! Голова в портале, а это... ну... эта... туточки! Вот у нас в деревне коза была комолая, уж она б его как боднула!

Ринка тоже хихикнула, представив невозмутимого дворецкого летящим вверх тормашками от козы. Нехорошо, конечно, так думать о пожилом дворецком, но смешно ж до невозможности!

– А потом, значит, его светлость из портала вывел. Под руки. Их светлость на ногах еле стояли, так устали.

– Или упились, – сердито буркнула Ринка, в глубине души догадываясь, что зря сваливает свои грехи на супружескую голову.

– Их светлости можно. После службы что ж не выпить немножко?

Ринка только вздохнула и еще раз пообещала себе не терять бдительности при общении с местным компотиком. А особенно – при общении с супругом!

К сожалению, бдительность при общении с супругом ей не понадобилась. Гад чешуйчатый встретил ее за завтраком, весь такой невозмутимый и элегантный, и первым делом прочитал лекцию о вреде алкоголя и общения с агентами вражеских государств.

– Чья бы корова хрюкала, – отбрила его Ринка.

Их светлость подняли бровь, не прекращая орудовать серебряной вилочкой, и всем своим видом показали полное недоумение манерами супруги.

Ринка только выше задрала нос и принялась зверски расчленять фазаний паштет.

– В отличие от вас, Рина, я прекрасно осознавал все опасности данного знакомства. По долгу службы...

– Ах, теперь это называется служебным долгом, – Ринка со стуком отложила приборы и глянула гаду чешуйчатому в глаза. – То примадонны, то французские шпионки, кто следующий? Прелестная цветочница, собирающая пыльцу в пользу итальянской разведки? Мне все равно, с кем вы исполняете ваш, черт бы его подрал, служебный долг! Просто делайте это подальше от меня! Видеть вас не желаю!

Она вскочила, едва не опрокинув стул, и бросилась к выходу из столовой. В глазах кипели слезы, и больше всего на свете хотелось сбежать домой, в родную Москву, подальше от всех этих герцогов, магов, шпионов и прочей мыльной оперы. Хватит с нее! Хватит!

Но сбежать не вышло. Сколько Ринка ни пинала дверь, она не открывалась.

Лакеи молчали.

Людвиг тоже молчал.

Только едва слышно шумели деревья за окном и чирикала какая-то пичуга.

Поняв, что гад чешуйчатый не позволит ей уйти, она утерла слезы рукой – плевать на манеры! Пусть скажет спасибо, что не подлом! – и развернулась, намереваясь высказать ему все, что думает о его манере общения с супругой. Но не смогла сделать и шагу – уперлась в твердую, обтянутую белой сорочкой грудь, вдохнула такой знакомый и уютный запах... И разрыдалась. Позорно.

И так же позорно позволила себя обнимать и гладить по плечам, и целовать за ушком. Почему-то от его нежности становилось еще обиднее и горше. Вот почему, а? За что он так с ней? Она же... она же...

– Рина, не плачьте, не надо, – растерянно, совершенно не подобающе герцогу, некроманту и настоящему полковнику попросил он.

– Я не плачу! – срывающимся голосом соврала она и хлюпнула носом.

Ей безумно хотелось – безумно, потому что вопреки всякой логике – чтобы он ее поцеловал. А лучше взял на руки. И попросил прощения. И обещал, что все будет хорошо. А еще лучше – чтоб выгнал слуг и занялся с ней любовью, совсем как утром.

– Рина, не обижайтесь на меня, прошу вас.

– И не смейте меня удерживать! Я вам... я вам не... – она вовремя прикусил язык, чтобы не ляпнуть «шлюха»: стало стыдно перед Тори. Не перед ним! Пусть даже не надеется! – Отпустите меня немедленно!

Ну, ты поцелуешь меня, наконец, мерзавец?!

Но Людвиг, вместо того чтобы сделать самое нужное и правильное – ее отпустил. Дурак. Козел. Гад чешуйчатый! И, чтобы добить совсем – дверь перед ней открыл.

Мерзавец!

– Я вас ненавижу, – гордо заявила Ринка, развернулась и, задрав подбородок, удалилась. Гордо.

Вот почему мужчины такие дураки?!

Глава 8, в которой все идут в сад

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Кто придумал этих женщин?! Вот как понять, чего они хотят? Нет, это совершенно невозможно!

В полном расстройстве Людвиг вернулся за стол и понял, что он совершенно не помнит – ел он что-то или нет. Эта фрау... эта Рина... как она умудрилась все так повернуть, что теперь он еще и чувствует себя виноватым? Она наговорила гадостей, она удирала из дому, она напилась вчера с франкской шпионкой – и он во всем этом оказался виноват.

Женщины!

Меланхолично дожевывая паштет, Людвиг вздохнул, посмотрел за окно – там качали ветвями рябины и клены – и спросил в пространство:

– Рихард, ты понимаешь женщин?

– Не уверен, что это возможно, герр Людвиг. Вам подать мобиль?

– Нет, – Людвиг почему-то разозлился на предложение дворецкого, хотя быстрая езда всегда помогала ему проветрить голову, остыть и принять верное решение. Но сегодня это почему-то казалось бегством.

Барготовы подштанники, что с ним происходит?

Ответом на этот вопрос – а может быть издевкой – всплыли воспоминания о сегодняшнем утре. Чудесном, волшебном, невероятном утре в постели с собственной женой. Людвигу даже не захотелось задать кое-кому вопрос, каким образом он там оказался. Все равно Рихард вывернется, да еще и его самого выставит дураком.

Старый пень.

А утро с женой определенно надо повторить.

Рина, Рина... какая женщина!

Поймав себя на том, что улыбается подобно влюбленному идиоту из романов, обожаемых сестрами, Людвиг нахмурился и сжал кулаки. Ну нет! Он не уподобится тем тряпкам, называемым мужчинами лишь по недоразумению! У него еще осталось самоуважение! Она вела себя как дура – ее очередь извиняться. И вообще...

Что вообще, он, к счастью, не додумал. Его отвлек телефонный звонок. Любимое начальство?

– Граф Энн на проводе, – доложил Рихард, взявший трубку.

– Думаешь, я не могу прожить и половины дня без службы?

– Разумеется, не можешь, – хмыкнул Герман. – Где доклад? Не знаю, как ты, а я предпочитаю знать, что творится у наших франкских друзей.

Людвиг скривился. Зуб, что ли, заболел? Или живот? А, нет, это начальство позвонило!

– Бедлам у них творится. И вообще, теперь у тебя есть лучший друг Д`Амарьяк, вот пусть он тебе все и докладывает. А у меня – выходной. Два выходных! Имей уже совесть, Герман!

– Кого?

Людвиг длинно выругался и понял, что ему внезапно полегчало. Родной, привычный и понятный Герман и родными, привычными и понятными служебными проблемами. Мир не рухнул.

– Ладно, доклад подождет до вечера, – от внезапной покладистости Германа Людвиг насторожился. И оказался прав. – Ты не забыл? Сегодня к пяти вы с супругой должны быть у нас. Эмилия затеяла прием в честь герцогини.

Людвиг выругался еще раз.

Герман, мученически вздохнув, повторил:

– К пяти, Людвиг. И не вздумай не явиться! Эмилия обидится.

Настала очередь Людвига тяжело вздохнуть. Эмилия – голубка небесная, но если она обидится... нет, лучше не рисковать.

– Ладно, понял я.

– То есть на сегодняшний вечер ты не принял больше никаких приглашений?

Людвиг зажмурился и с тоской вспомнил Черного Карлика и шепутное умертвие. И зачем он рвался домой? Лучше тридохлых императора, чем один великосветский прием!

– Нет, я же обещал.

– То есть ты забыл, а на необходимость представить герцогиню свету наплевал. Людвиг, Людвиг! Ты и из этого брака собираешься сотворить непотребство с печальным концом?

– Нет, папочка, – опять разозлился Людвиг. – Я собираюсь жить долго и спокойно, а эти ваши жены...

– Ну и дурак. Пойди, извинись. И подари что-нибудь. Цветочек там, украшение. Ты вообще знаешь, что любит твоя жена? Между прочим, прекрасная женщина! Умна, красива, образованна.

– Знаю, – оборвал его Людвиг. – Хватит меня воспитывать, папочка!

Вместо ответа Герман отвратительно довольно рассмеялся и повесил трубку.

А фониль в руках Людвига задымился, и Людвиг едва успел отбросить

раскаленный эбонит прочь. На паркет. И, заложив руки за спину, пошел прочь из столовой – принципиально не слушая ворчание Рихарда о совершенно пустых тратах на новые фонили, новый паркет, новую посуду и сплошное разорение от дурного характера молодого хозяина.

Старый пень. Давно пора завести дворецкого помоложе, лет не более ста!

Следующие два часа Людвиг маялся. Ему не спалось, не читалось, не гулялось в саду и вообще ничего не хотелось. А ноги почему-то сами приносили его к дверям апартаментов супруги. Обнаружив себя держащимся за ручку ее двери в пятый раз, Людвиг велел себе собраться и подумать головой: что он, разрази его Баргот, делает?

Идет просить прощения? И какого демона в его руках мятые астры, явно только что сорванные в саду? О чем он вообще думал, когда их рвал?

Следовало признаться честно, что думал он опять о жене. И о том, что понятия не имеет, что она любит. То есть он помнил, что все женщины любят украшения и цветы, но какие украшения и какие цветы? А еще она покупала микроскоп.

Уронив астры на пол, Людвиг пощупал собственный лоб. У него жар? А если не жар – то откуда бред?

Про себя помянув Баргота и весь женский род, Людвиг отошел от покоев жены подальше и позвал. Тихо позвал:

– Рихард!

Умертвие тут же возникло рядом.

– Какие цветы любит ее светлость?

– Розы и фиалки, герр Людвиг.

– Давай фиалки, что ли... что стоишь? Неси!

Молча поклонившись, дворецкий испарился. А Людвиг отправился в свою спальню, радуясь, что требовал с Черного Карлика какую-то блестящую побрякушку. То ли топазы, то ли алмазы, Баргот их разберет. Главное, дорогие, красивые и вообще из сокровищ короны.

Еще через пять минут Людвиг снова стоял у дверей Рины, и ему почему-то очень хотелось посмотреть в зеркало, поправить прическу и проверить, ровно ли завязан шейный платок.

ТЬФУ.

Вот что с ним, а? Заболел, не иначе как заболел!

Разлохматив волосы и содрав шейный платок к демонам собачьим – он дома, между прочим, дома! – Людвиг... постучался.

Тут же послышался топот каблучков, дверь открылась, и невесть чему радующаяся камеристка присела перед ним в книксене.

– Ее... кхм... светлость у себя?

– Ее светлость гулять изволят!

– Где гулять?

– В саду гулять!

Глаза у камеристки были такие честные, что Людвиг заподозрил неладное. Хотя что может быть неладного в жене, гуляющей в саду?

Хмуро кивнув камеристке и подавив глупое желание спрятать букет фиалок за спину, Людвиг отправился в сад... хотя зачем сразу в сад?

– Рихард! Где моя жена?

– Где-то здесь, герр Людвиг! Позвать? – в невозмутимой физиономии Рихарда почему-то чудилась издевка.

Явно заболел. То бред, то видения, подумал Людвиг, выходя из дома в сад. Еще немного, и драконы на лужайке мерещиться начнут.

Словно в насмешку, над головой послышалось хлопанье крыльев, порывом ветра сдуло ворох желтых листьев – и прямо над головой пролетел дракон. Так низко, что можно было пересчитать не только перья в хвосте, но и чешуйки на пузе. И что им в их горах не сидится? Двадцать лет не появлялись над Виен, и еще столько же их бы не видеть!

Стряхнув с волос сухие листья, Людвиг пошел искать жену. Сад при вилле был небольшим, спрятаться особо негде. Правда, следящий артефакт почему-то упорно не желал показывать ее точное местонахождение, выдавая нечто расплывчатое – в пределах сада. Надо будет отдать его Гольцмееру, пусть починит. Наверняка опять аура Людвига пагубно влияет на маготехнику.

Он обошел сад три раза. Весь. Заглянул во все три беседки, в заброшенный павильон и в заросли старых яблонь. Вышел на кладбище – но там супруга в последний раз появлялась позавчера, уж такую малость мертвые всегда готовы были ему сказать. Задумался о том, чтобы завести немертвых собак, а то и вовсе горгулий, как на Брийонском соборе. Сделать их из собачьих костей, выдержать в крови, и не будет тварей вернее и надежнее.

Рины нигде не было. Садовник ее не видел. Артефакт по-прежнему показывал, что она где-то рядом.

Барготовы подштанники!

– Рихард! Где моя супруга?... хотя нет. Проводи-ка меня к моей супруге. Сейчас же.

– Как прикажете, герр Людвиг, – поклонился старый пенъ... и проводил Людвиг в ее покои.

Как?!

– Рихард, моя супруга сегодня покидала дом?
– Выходила в сад, герр Людвиг, но не за его пределы, – невозмутимо отчитался Рихард.

– Дери тебя...
– Вы что-то сказали, герр Людвиг?
– Ничего. Исчезни! Хотя нет. Скажи фрау Рине, чтобы ожидала меня в будуаре. Через пять минут. И не вздумай говорить, что я искал ее в саду!

– Слушаюсь, герр Людвиг.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос», чуть раньше

Рина

И только захлопнув за собой дверь спальни, упав на кровать и поколотив подушку кулаками, Ринка поняла, что с ней что-то не так. Сильно не так! Людвиг, конечно же, гад чешуйчатый и дурак, но...

Но она сама – еще большая дура. Ведь по большому счету Людвиг ничего ужасного не сказал. И все его «измены» в самом деле были по долгу службы. А она... а она ведет себя как пятиклассница, которая впервые влюбилась в самого красивого парня из 7 «а»!

Влюбилась?! Она – и влюбилась в Людвига?! Нет, сто раз нет! Потому что этого не может быть никогда! Она с ним знакома без году неделю, а что у них уже два раза случился жаркий секс, ну так и что? Постель – не повод... да, не повод для любви!

Сердито утерев слезы уголком пострадавшей подушки, Ринка отбросила ее в угол, словно вместе с подушкой можно было отбросить и дурацкие, нелогичные и никому не нужные чувства. Да не чувства! Просто – секс. Она взрослая женщина с естественными потребностями, которые Петечка... Ладно, с Петечкой тоже было неплохо, но все познается в сравнении.

При воспоминании о сегодняшнем утре жар залил ее всю, от кончиков ушей и, кажется, до самых пяток. Даже пальцы на ногах поджались и в животе разлилась истома.

– Дура, не вздумай! – громко велела себе Ринка и вскочила с кровати. – Размечталась!

Пнув ни в чем не повинную кровать, она отправилась умываться холодной водой. И уже в ванной поймала себя на том, что торопится. Куда? Зачем?

Так. Надо остановиться и прислушаться. Откуда эта тревога? Куда хочется немедленно бежать? Неужели дракончик?

«Да, да, да, скорее, мне страшно, скорее! – отозвалось дрожью, холодом и обидой. – Почему так долго? Почему ты меня не слышишь? Я

зову тебя, зову, а ты!»

Прижав ледяные ладони к щекам, Ринка ошалело глянула на себя в зеркало. Такая знакомая детская обида, что хоть плачь.

– Ах ты, фаберже! Это из-за тебя я тут с ума схожу?!

«Я не фаберже, – обиженно откликнулось нечто. – Я... я хороший!»

– Хороший, хороший, – пробормотала Ринка. – Без паники, сейчас я приду.

Нерожденный дракончик явственно всхлипнул, и Ринку окатило таким пронзительным одиночеством, что она сама чуть снова не заплакала. Но показала себе в зеркале кулак и помчалась в лабораторию, на ходу прихватив шаль.

По счастью, ей никто не встретился по дороге, если не считать Магды, выходящей с кухни.

– Ой, мадам! – рыжая смущенно потупилась, покраснела и сделала книксен.

Выяснять, что девчонка набедокурила, Ринка не стала – наверняка ничего серьезнее кражи пирожков или кокетства с садовником.

– Принеси мне завтрак в лабораторию, – велела она, приложила палец к губам и помчалась к потайному ходу, вход в который был как раз рядом с кухней, в одной из кладовок.

Яйцо, которое Ринка из чистой вредности продолжала звать Фаберже, тут же попросилось на ручки. Оно время от времени вздрагивало, елозило и тихонько жаловалось то на тесноту, то на холод, то у него что-то чесалось, то хотелось вообще непонятно чего. Приходилось его гладить, петь ему колыбельную и гулять с ним на руках, почти как с младенцем.

И только через час, не меньше, оно успокоилось и замурлыкало. И тихо, как-то робко, спросило:

– Мама?

– Мама, – со вздохом согласилась Ринка, понимая, что объяснять нерожденному малышу, что мама его потеряла, не стоит. Еще вылупится раньше времени от стресса. Или еще какая-нибудь гадость с ним случится.

– Мама, – повторило яйцо довольно и замурлыкало сильнее. Ринке даже показалось, что оно к ней прижалось.

Ее собственные эмоции тоже пришли в норму, и очень захотелось извиниться перед Людвигом. Правда, Ринка плохо представляла, как она объяснит свои закидоны. Что-то типа «дорогой, у меня тут яйцо скоро проклюнется, нервничает, и я за компанию. Надеюсь, ты не против наследника-дракона?»

Да уж. Физиономию супруга после такой новости определенно стоило

бы запечатлеть.

Ринка тихо хихикнула. Сейчас, со спящим яйцом на руках, ей было невероятно тепло, уютно и спокойно. Даже мысли «а что скажет мама-дракониха» и «я понятия не имею, как растить малыша и чем его кормить» ее не слишком беспокоили. Все как-нибудь образуеться, ведь... ведь мама рядом.

О Великий Ктулху... мама... Она скоро станет мамой. Ой-ой-ой.

И она снова рассмеялась, нежно прижимая горячее яйцо к себе.

Из расслабленной эйфории ее вывел Рихард, заглянувший в лабораторию.

– Герр Людвиг ищет вашу светлость. В саду.

Ой. Она совсем забыла, что следилка надета на кошку, а где носит эту Собаку, один черт знает. Опять Людвиг разозлится!

– Спасибо, Рихард. Он не спрашивал про лабораторию?

– Нет, ваша светлость. Но скоро он вернется в дом.

– И найдет меня на месте, – вздохнула Ринка. – Надеюсь, он не слишком злится.

– Не слишком, – по губам Рихарда скользнула тень улыбки.

Людвиг явился к ней в будуар минут через десять. Ринка как раз успела открыть книгу о драконах в поисках ответа на самый важный вопрос: чем питаются новорожденные? Но пока ответа не нашла. Вообще книга эта показалась ей скорее сборником сказок, чем практическим руководством... а, ладно. Потом разберемся.

– Да, дорогой? – улыбнулась она, вставая навстречу супругу, и мысленно надавала себе по рукам: не надо, не надо делать книксен, как нашкодившая Магда! Герцогиня вы или где?

В руках у супруга, кстати, красовался слегка помятый букет фиалок. И он совершенно явно не знал, куда бы его деть. Да и судя по сжатым губам супруга, поиски иголки в стоге сена (и чьи-то утренние закидоны) не добавили ему благостности.

– Граф Энн соблаговолит пригласить наших светлостей на прием в честь герцога и герцогини Бастельеро, – сказал он хмуро.

Что ж, Ринка вполне понимала нелюбовь супруга к светским мероприятием. Она бы тоже предпочла, чтобы он ушел на службу, а она могла бы вернуться к своему Фаберже.

Людвиг попытался сунуть руки в карманы, что в исполнении герцога выглядело... странно, короче, выглядело. Почти как книксен в исполнении герцогини. Попытался – и вспомнил про фиалки. Сжал губы еще тверже и, промаршировав разделяющие их с Ринкой пять шагов, вручил букет ей.

Безумно хотелось рассмеяться, но Ринка сдержалась. Вместо этого она поднялась на цыпочки и поцеловала Людвига в чисто выбритый подбородок, выше не дотянувшись.

– Спасибо, это так мило... в смысле, цветы. Обожаю фиалки.

Ей показалось, или суровый полковник смягчился? Не улыбнулся, конечно, но вертикальная морщинка между бровями разгладилась.

Может, поцеловать его еще раз? А потом...

Ринке так явственно представилось это «потом», что она залилась жаром. Пришлось отступить на полшага. А то еще подумает, что она подлизывается! Или чувствует себя виноватой! Нет уж, не дождетесь.

Отступив еще на шаг – гад чешуйчатый, между прочим, даже не сделал попытки ее удержать! – она позвонила в колокольчик, вызывая Магду, и спросила, просто чтобы не молчать:

– Мне обязательно присутствовать?

И тут же пожалела. Глупо же, прием в ее честь – а это без вариантов.

– Обязательно, – нахмурился Людвиг.

– Хорошо, я буду готова...

– Через час. Наденьте что-нибудь синее или серое, – так же хмуро велел Людвиг... и ретировался.

Правда, на прощание одарив Ринку весьма горячим взглядом.

Странный он сегодня, подумала Ринка и велела прибежавшей на зов Магде:

– Фиалки в вазу, а мне – платье. То самое, серебристое.

Через час она была готова. Прическу, правда, пришлось сделать самую простую – Магда явно не училась на курсах парикмахеров. Но низкий свободный узел и выпущенные на висках локоны выглядели достаточно празднично и в то же время строго, чтобы не отвлекать внимания от фантастически прекрасного платья. Еще бы к нему кулон, что ли. Или ожерелье.

Вот зря она поскромничала и не спросила Людвига о шкатулке с украшениями. Наверняка же что-то есть!

Ладно, на всякий случай можно взять газовый голубой шарфик...

– Ваша светлость готовы? – прервал ее размышления голос супруга.

– Готовы, – отозвалась Ринка, отстраняя Магду, которая продолжала суетиться вокруг, поправляя складки на юбке. Не столько ради красоты, сколько чтобы еще раз коснуться девичьей мечты.

– Прекрасно смотрите, – показалось, или голос Людвига немножко сел?

Судя по невозмутимому лицу, показалось. А жаль. Ринка бы не

отказалась увидеть восторг в черных некромантских глазах. Или синих? Она совсем запуталась... ладно, спишем на магию.

– Это вам, – супруг протянул ей длинную бархатную коробочку. – Небольшой подарок из Франкии.

Увесистую.

И хоть Ринка не слишком понимала в драгоценностях, но даже она ахнула, когда ее открыла: на черной подложке сияло кольцо с крупными голубыми топазами в обрамлении бриллиантов, такие же серьги и кольцо. В ювелирной работе она тоже не разбиралась, но дизайн явно был не китайским. Что-то очень изящное, легкое и ажурное, что довольно странно сочеталось с большими камнями, но выглядело изумительно гармонично.

– Благодарю вас. Это очень... очень...

Кажется, она опять покраснела. Да что с ней сегодня творится? Это все яйцо. Определенно яйцо!

Пока Людвиг застегивал на ее шее кольцо и вдевал ей серьги, она молчала, наслаждаясь нечаянной близостью и тишиной. Касания его пальцев были нежны, бережны и обжигали, словно электрические искры, только приятно.

– Вам идет румянец, – шепнул Людвиг ей на ушко и отстранился. – Нам пора.

Накинув Ринке на плечи уже знакомый палантин из серебристой лисы (собственноручно, и задержав ее в объятиях на две секунды дольше необходимого!) Людвиг усадил ее в мобиль. Тут же невесть откуда взялась Собака, запрыгнула ей на колени и свернулась клубочком. За рулем был Мюллер – то ли потому что супруг не желал напрягаться, то ли потому что здесь уже ввели запрет на вождение в нетрезвом виде, а на приеме явно будут подавать не апельсиновый фреш.

Вот кстати, Ринка до сих пор не встречала тут апельсинов. Яблоки, вишня, груши, сливы, персики, даже малина и голубика. А апельсинов не было. Странно.

Долго размышлять об апельсинах ей не позволил Людвиг. Едва они выехали за ворота, спросил:

– Рина, вы надели следящий артефакт?

Ринка смущенно пожала плечами и машинально прикрыла ладонью «ошейник» на Собаке:

– Я не знала, что нужно. Ведь вы и так будете знать, где я.

– Прошу вас, наденьте и не снимайте, – Людвиг взял ее за руку и заглянул ей в глаза. – Рина, вы же понимаете, мне необходимо иметь возможность найти вас, если что-то случится. И не надо делать вид, что вы

наивная простушка и не понимаете, насколько опасная игра ведется вокруг вас.

Она только вздохнула и принялась снимать артефакт с кошки. Конечно, ее все еще грызла обида, ведь мог бы сразу сказать именно так, а не отдавать приказы, словно она какая-то... салага первого года службы, вот. Но ведь он прав. Если к ней запросто заходит франкская шпионка, кто знает – не появится ли следующим номером какой-нибудь Бонд или Штирлиц со спецзаданием «доставить иномирянку в Контору ради всеобщего блага».

– Вы удивительно непредсказуемы, – хмыкнул Людвиг. – Не могу сказать, что это мне очень нравится, но, по крайней мере, с вами не скучно.

– В условиях нашего контракта разве был пункт о предсказуемости? – в тон ему хмыкнула Ринка.

– С моей стороны было крайне непредусмотрительно его не внести. – Людвиг поднял ее руку с уже надетым артефактом и прижался к пальцам губами. – Но кто ж знал, что мне в руки упало столь редкое сокровище. Я бы даже сказал, уникальное.

– Это был комплимент, не правда ли?

– Разумеется, – в синих, как осеннее небо, глазах некроманта плясали чертики. И Ринке это определенно нравилось. – Я прошу вас, Рина, ни в коем случае не снимать кольца. Вы очень отличаетесь от аристократов нашего мира, ваш дар... нет, не спорьте, у вас есть дар, просто я пока не понимаю толком его природы. Ваш дар не защищает вас от проклятий, и мне не хотелось бы вас потерять только от того, что кто-то из сплетников и интриганов высшего света пожелает вам облысеть.

Ринка передернула плечами, вспомнив общение с драгоценной свекровью, Ктулху ей под юбку.

– Вы его зачаровали?

– Именно. Так что очень прошу вас, не ловите в графском саду кролика и не надевайте кольцо ему на лапку. Кролик все равно не оценит подарка.

– Кролики?

Кошка по имени Собака престала вылизываться и с возмущением уставилась на Людвига. Мол, что? Какие такие кролики? Зачем они вам, если у вас есть такая прекрасная я?

– Когда-то повар Германа купил на рынке пару кролей, чтобы приготовить жаркое под луковым соусом, – в голосе Людвига проскользнули нотки голодной ностальгии. – Но фрау Эмилия, увидев «этих милых пушистиков», категорически настояла на смене меню. Для

графского садовника наступили трудные времена, кролики перекопали любимый цветник маленькой Аннабель, объели пряные травы на огороде и вырыли нору под старым вязом. Когда у бедолаги садовника случился очередной сердечный приступ, Герману надоело, и он велел огородить изрядную часть сада под выгон для ушастых монстров, которые размножаются, несмотря на стерилизацию самцов едва ли не с рождения. Как, науке неизвестно. Поэтому прошу вас, Рина, не принимать в подарок крольчат. Мне слишком дорог мой сад, а если монстры заведутся на кладбище... поверьте, это будет намного хуже, чем если все кладбище встанет и отправится плясать в ночь Святых Угодников.

Под его рассказ Ринка сама не заметила, как подвинулась к нему ближе, почти вплотную, и уже почти положила ему голову на плечо... ну, а почему бы и нет? Он, оказывается, умеет быть очень милым. И шутить умеет. Тонко, мягко и аристократично. И это его «не хочу вас потерять» прозвучало так... ну... совсем не как «по долгу службы».

Кажется, она все же влюбляется в собственного мужа. Хуже того, ей начинает казаться, что это вовсе не ужасно, а даже в чем-то и неплохо... или плохо? Любовь сделает ее слабой и зависимой, ранимой и беззащитной. Однажды она уже поверила в любовь, и эта вера стоила ей голоса и певческой карьеры.

Что она потеряет на этот раз? Свободу? Самоуважение? Разум?

Нет. Не стоит рисковать. Как бы ни был хорош Людвиг, она не может себе позволить любить его. Ей надо сохранять здравый рассудок и помнить: она для него – не более чем инкубатор для наследника и источник информации. Никакой любви.

Поерзав на сиденье мобиля, она отобрала у него руку, кашлянула, отодвинулась в дальний угол и закуталась в палантин.

– Я снова вас чем-то обидел?

Голос Людвиг похолодел, улыбка стала идеально светской, а Ринку словно обдало морозом и появилось ощущение, что в чем-то она ошиблась. Что-то сделала не то.

Неправильное ощущение! Все она сделала то и правильно. Она не имеет права довериться ему. Никому не имеет права довериться.

– Ни в коем случае, – она принужденно улыбнулась.

На несколько секунд повисло напряженное молчание. Людвиг очень внимательно смотрел на нее, и Ринке казалось – он видит насквозь все ее страхи и сомнения, и сейчас снова улыбнется, обнимет ее, и все станет хорошо.

Глупости. Не станет!

Видимо, он пришел к такому же выводу.

– Кстати, а где ваш микроскоп? Хотелось бы проверить его параметры.

– Стоит в шкафу. Я еще не решила, где мне его установить, – безразлично пожала плечами Ринка, лихорадочно соображая, как бы ей связаться с Рихардом, чтобы принес из лаборатории злосчастный микроскоп. – Лучше расскажите об обществе, которое соберется у ваших друзей. Мне стоит кого-то опасаться? Или, быть может, с кем-то стоит познакомиться поближе? И расскажите еще о фрау Эмилии...

Улыбаясь, Ринка думала – все же правильно. Нельзя терять бдительности. Стоило ей чуть расслабиться, и вот, пожалуйста. Ее уже пытаются подловить.

Гад чешуйчатый.

Нельзя в него влюбляться.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Врет, подумал Людвиг, сразу же вспомнив все свои подозрения. Альвы продали Рине почти секретную разработку, за которую Герман торговался битый месяц! При этом ушастый торговец не сказал ни слова о причине такой доброты, лишь улыбался и ссылаясь на дипломатическую неприкосновенность альвов, так что из Оранжереи его пришлось отпустить, да еще с извинениями.

И это ее сегодняшнее исчезновение! Людвиг мог бы поклясться, что она была где угодно, только не в саду! В то же время, территории виллы она не покидала.

А ее внезапная дружба с доктором Куртом, одним из самых высокомерных и опасных мерзавцев во всей Астурии? Доктор, видите ли, пригласил ее учиться! Лишь бы только не пронюхал, что Рина из другого мира. Тогда стоит Рине попасть на территорию Академии, по сути своей – территорию суверенного государства, и она останется там навечно, в лучшем случае помощницей этого самого доктора, в худшем и наиболее вероятном – подопытной мышкой.

Нет. Людвиг ни за что этого не допустит! Потерять по собственной глупости третью жену? Ладно, первую из жен, которую он выбрал сам и которая ему нравится... Да. Стоит признаться честно: еще как нравится! А сегодняшнее утро было... было...

Вот только ей опять что-то не так. Что?! Баргот поймет этих женщин! Даже Герман после двадцати лет счастливого брака – и тот предпочитает обращаться с супругой как особо опасной взрывчатой субстанцией. Просто на всякий случай.

– Фрау Эмилия прекрасная супруга и эталон аристократки, – он даже не покривил душой, только не сказал, насколько этот эталон кажется ему скучным. Хотя и удобным. Герману никогда не приходится искать супругу по всему городу, не зная, то ли она завербовалась к альвам, то ли ловит мифического водяного дракона в пруду Академии Наук. – Никогда не доставляет своему супругу проблем.

– Ах, – светски-непринужденно пожала укутанными в мех хрупкими плечами Рина. – Я непременно возьму у графини Эн несколько уроков. Ведь я должна быть достойной спутницей самому герцогу. И несколько уроков геральдики. Возможно, графиня будет столь любезна и объяснит мне некоторые тонкости астурийского этикета.

Людвиг невольно поморщился, представив живую и непосредственную Рину в образе ледяной светской стервы или, хуже того, светской же кокетки.

– Вы так прелестно ядовиты, моя радость, – вздохнул он, сам толком не понимая, восхищается ее сарказмом или побаивается своего уникального чудовища... то есть сокровища.

– Слышали ли вы когда-нибудь об итальянской забастовке? Пожалуй, вам непременно стоит узнать, что это такое. Уверена, вы найдете этой информации достойное применение.

Людвиг невольно залюбовался очаровательной улыбкой, резко контрастирующей с ледяными глазами герцогини. И эта женщина заявляла ему, что она простолюдинка? Не смешно. Ни разу. Ее манеры, самообладание и образование дадут фору многим королевам... ну ладно, с манерами не все так однозначно. Она явно не привыкла быть светской дамой постоянно, и ее искренность торчит из манер, как гвоздь из паркета. Но именно в этом – вся прелесть!

Шум крыльев над головой отвлек их обоих от столь увлекательной беседы. Они одновременно подняли взгляд, и Рина вздрогнула, схватила Людвига за руку, не отрывая глаз от летучей ящерицы:

– Людвиг! Это настоящий дракон? Остановите мобиль, прошу вас! Герр Мюллер!

– Не вздумай! Поезжай под деревья, – велел Людвиг, разглядывая гада. Красный. Судя по перьям на хвосте, самец. Размах крыльев метров двадцать, значит, старый и матерый. Если плюнет огнем, никакой защитный купол не поможет. Драконье пламя – редкостная дрянь, ни потушить его, ни защититься.

Рина, придерживая шляпку, во все глаза смотрела на дракона. С детским непосредственным восторгом. Вот такая восторженная,

любопытная, живая она как никогда была похожа на девушку из подворотни, смело отбивавшуюся от бродяг. Чувствуя ее холодные пальчики в ладони, Людвиг готов был простить дракону его появление.

– Он прекрасен!

Длинное гибкое тело, рогатая голова, мощные кожистые крылья и длинный хвост, украшенный ало-золотыми перьями. Красиво, да. Парит, изредка шевеля крыльями, и высматривает, высматривает. Ну уж нет, драконам он Рину тоже не отдаст. Может быть, обычная магия против драконов и бессильна, но не проклятие рода Бастельеро. Интересно, удастся ли сохранить драконий скелет, или он весь рассыплется прахом, как незадачливая франкская оппозиция?

Людвиг сжал волевым усилием погасил темное пламя, зарождающееся где-то в глубине его души и готовое по первому зову выплеснуться, захлестнуть летучего гада.

Нет. Пока дракон не нападает – нельзя. Рина не поймет. Лучше поставить дополнительную защиту. Защиту! – напомнил он призрачным тварям, невидимым на ярком солнце. Те с недовольным шипением распластались по воображаемой полусфере, то и дело скалясь на плывущего меж редких облаков дракона.

– Что-то эти твари стали слишком часто появляться над городом. Похоже, что-то ищут. Или кого-то.

Рина перевела на него недоуменный взгляд. Слишком удивленный, слишком нарочито. Явно что-то ей известно! Надо срочно, немедленно завоевывать ее доверие. Она сама не справится ни с драконами, ни с доктором Куртом, ни с прочими охотниками на иномирские диковинки.

– Вы не любите драконов? – спросила Рина, отпуская его ладонь.

– Почему же, – хмыкнул Людвиг, – давно мечтаю набить чучело и поставить в саду, чтобы вороны вишню не воровали.

– Они же разумные! – возмутилась супруга.

И тут, как нарочно, дракон увидел внизу нечто, ему не понравившееся. На сей раз ему не угодил статуя в сквере. Изогнувшись и зависнув на месте, дракон выплюнул сгусток пламени.

– Что-то не заметно, – сказал Людвиг, завороченно наблюдая, как рассыпается и горит мраморный всадник, а редкие по дневному времени прохожие в ужасе разбегаются по домам. – Меньше верьте сказкам, моя радость.

– Это написано в той книге, что вы мне подарили, мой дорогой супруг.

– Только не говорите, что верите всему, что написано.

Рина обиженно замолчала, плотнее закутавшись в меха, а Людвиг

обругал себя последними словами. Какой демон его за язык дернул? Собирался наладить отношения, а вместо этого ведет себя, как глупый школяр.

– Мюллер, поехали. Вряд ли ящерица продолжит запускать фейерверки.

Мобиль заурчал, Рина фыркнула в своем углу, а дракон в самом деле полетел куда-то прочь по своим драконьим делам. Людвигу же оставалось возносить молитвы Единому и Барготу, чтобы драконьи дела как можно меньше касались упрямой, вредной колючки, которая не иначе как в отместку за грехи предков досталась ему в супруги.

Глава 9, о прекрасных принцессах и ужасных некромантах

Виен, Астурия. Особняк графа Энн

Рина

К воротам с коваными гербами, изображающими парящего орла, они подъехали в молчании. Ринка пребывала в полном расстройстве чувств и совершенном недоумении: что вообще происходит? То Людвиг галантен, заботлив и нежен, то превращается в саркастичную высокомерную заразу и смотрит на нее, как на деревенское недоразумение. Еще немножко, и она почувствует себя второгодницей из церковно-приходской школы! Не верите всему, что пишут... ах, он! Да если бы он хоть представлял, какие информационные фильтры отрастают у жителей мира победившего прогресса! Попробовал бы он пожить среди торжества масс-медиа и продавцов счастья в каждом уютге! Спорим, сутки наедине с телевизором, и герр Людвиг бы как миленький побежал покупать новейший айфон, прокладки с крылышками и добро-любимый сок прямиком от веселого молочника из домика в деревне?! И голосовать бы пошел! И налоги платить, чтобы спать спокойно, и...

Черт бы его подрал, гада высокомерного. Драконы ему, видите ли, неразумны. Сам он... неразумен, вот!

Даже умиротворяющий шелест листвы в огромном парке, окружающем дом графа Энн, и изумительный ландшафтный дизайн немножко в японском духе не сумели успокоить ее возмущение. А еще она поймала себя на совершенно дурацкой мысли: почему у графа Энн дом раз в двадцать больше, чем у герцога Бастельеро? Да вилла «Альбатрос» уместится в одном только левом крыле этого дворца, и еще останется место для теннисных кортов и вертолетной площадки! Куда Герману столько места?

– Здесь уютно, не правда ли, дорогая? Конечно, не наш «Обсидиан», но очень мило, – с непринужденно-светским хамством проронил Людвиг, когда они подъехали к парадному подъезду, украшенному белыми колоннами.

Классицизм. Почти Петергоф, только фонтанов не хватает. Зато от подъезда отъезжает роскошный белый мобиль, достойный музея Ротшильдов. Похоже, гости уже собрались и ждут... ох, не надо думать, кого и зачем они ждут!

Людвиг добавил что-то еще о чудесном виде на пруды, а Ринке внезапно стало смешно. Дорогой супруг решил пустить ей пыль в глаза и намекнуть на несметные богатства рода? Распустить хвост? И эти люди еще что-то говорят о ее непредсказуемости и нелогичности!

– У вас есть замок? – она наивно похлопала ресницами, поддерживая игру. – Настоящий замок? Где?

– У нас, дорогая, – поправил он чертовски самодовольно, дождался, пока лакей в темно-вишневой ливрее откроет для нее дверцу мобиля, и подал ей руку. – На границе с Пустошью. Прекрасный образец архитектуры четырехвековой давности.

Ринке захотелось спросить, не страшно ли ему на границе с Пустошью, о которой говорят лишь шепотом и с придыханием, но не успела. Из высоких двустворчатых дверей вышел граф Энн. Сегодня он был строг, изыскан и похож на рекламный постер Карла Лагерфельда. Или Джорджо Армани. Темно-синий сюртук с атласными лацканами, белоснежный шейный платок, на полпальца выглядывающие из рукавов манжеты сорочки – с запонками, разумеется, драгоценными.

Ринка невзначай покосилась на затянутую в лайковую перчатку руку супруга: да, точно. У Людвига тоже запонки, только камни в них не синие, а черные с алой искрой. И сюртук черный. Красив, гад чешуйчатый! Красивее Германа. Намного красивее!

– Людвиг, Рина, как я рад вас видеть! – он пожал руку другу, а Ринке поцеловал пальцы и добродушно подмигнул. – Высокое общество в нетерпении, но я не позволю им вас съесть, моя дорогая. Придется им удовольствоваться тортом на десерт.

– Подавятся, – невозмутимо улыбнулся Людвиг и вернул руку Ринки на место, то есть на свое предплечье.

Герман окинул их взглядом рачительного хозяина – в смысле, именно так, наверное, и смотрят на торт от знаменитого повара, перед тем как подать на стол в качестве гвоздя программы.

– Ни мгновения не сомневаюсь. Но если вам вдруг станет неудобно общаться с кем-то, просто позовите. Можно не вслух, я услышу.

Ринка едва сдержала хихиканье: два павлина распускают хвосты наперегонки. Как мило!

Герман пропустил их вперед, в открытые лакеем двери. Там, внутри, все сияло и переливалось – хрусталь, позолота, навощенный паркет, сдержанная оркестровая музыка. Намного роскошнее, чем было в королевском дворце. Особенно наряды дам. А уж драгоценности! Даже жаль, что она в них не разбирается.

Зато, похоже, разбирается Герман.

Стоило слуге забрать у Рины меховой палантин, как он удивленно поднял бровь и прищелкнул:

– Гарнитур Анны-Летиции? Я восхищен твоими дипломатическими способностями, друг мой.

Людвиг лишь небрежно повел бровью, мол, не стоит упоминания, сущая мелочь!

Ага. Мелочь. Особенно если учесть, сколько женских (и не только) взглядов устремились к шее Ринки. Она на мгновение почувствовала себя манекеном на выставке ювелирной промышленности. Или тем самым тортом.

Впрочем, стоило признать, Людвиг поступил правильно, обвесив ее столь узнаваемыми драгоценностями. Статусные игры такие статусные игры!

Тем временем к ним приблизилась изумительно стройная, ухоженная и, вот уж прав был Людвиг, идеальная фрау. В ней было совершенно все: строгая прическа из локонов насыщенного пшеничного цвета, на тон темнее, чем у супруга; царственная осанка и летящая, словно она с пяти лет танцевала в балете, походка; переливчатое серо-голубое платье, удачно оттеняющее синие глаза и сияние сапфировой диадемы в волосах; кружевные перчатки на изящных руках и тяжелые, явно фамильные кольца на тонких пальцах; скульптурные черты и нежный румянец на бархатной, чистейшей коже. И, конечно же, сияющая любовью к супругу улыбка.

За ней, взявшись за руки, шли мальчик и девочка лет примерно. Они были одеты в тех же тонах, что мать с отцом, и походили бы на белокурых ангелочков, если бы не вредные мордахи.

– Позвольте представить, моя супруга, Эмилия Энн, и наши дети, Альберт и Аннабель.

Дамы присели в реверансах, а юный кавалер отвесил почтительный поклон.

– Для нас большая честь принимать вашу светлость в нашем доме, – голос у Эмилии тоже был совершенным: нежным и мелодичным.

Ринка рядом с ней почувствовала себя неуклюжей клячей в затрапезном балахоне, но тут же мысленно надавала себе по щекам. Не время вспоминать подростковые комплексы! И вообще, она давно уже не гадкий утенок, а взрослая красивая женщина!

– Очень рада знакомству... Эмилия?

Графиня Энн улыбнулась с долей облегчения.

– Герман много о вас рассказывал, дорогая Рина. Идемте, я представлю

вас гостям, – сказала она в полный голос и тут же добавила совсем тихо: – Я тоже не люблю все эти светские обязанности, но приходится. Это ненадолго.

Тем временем Людвиг взял из рук сопровождающего их Мюллера корзину, накрытую полотном, и вручил сгорающему от любопытства мальчишке:

– Открывать только в саду.

Юный кавалер прижал корзину к груди и кивнул с крайне важным видом.

– Ладно, идите, – усмехнулась Эмилия, и дети мгновенно куда-то унеслись.

– Опять балуешь моих сорванцов, – с нескрываемой нежностью сказал Герман, глядя детям вслед.

На что Людвиг только пожал плечами, так же глядя вслед детям.

– А что еще делать с детьми? – и обернулся к Герману: – Надеюсь, хоть Гельмута сегодня не будет? При нем подхалимы и блюдолизы совершенно невыносимы.

– Он планировал прибыть, но в последний момент отказался, сославшись на занятность. Но здесь его высочество.

– Бедный Отто, – скривился Людвиг. – Опять его отправили работать во благо родины.

– Бедный я, – парировал Герман. – Если бы не Гельмут, нам не пришлось бы принимать всю эту толпу. И это при том, что большую часть намеков и просьб мы проигнорировали. Увы, все – не получилось.

– Только не говори, что тут...

– Слова – тлен, – тоскливо отозвался Герман, глядя куда-то вбок со страдальческой миной.

Ринка проследила за его взглядом и чуть не сбежала вслед за детьми. Куда там, в сад? О, прекрасный тихий сад с ушастыми монстрами, как же он далек. Недосыгаем!

Нацепив на лицо самую любезную улыбку, она на всякий случай проверила зачарованное кольцо на пальце. На месте, слава всем местным богам и неместным тоже. Значит, у нее будет шанс пережить еще одну встречу с монстром куда страшнее кроликов.

– Сын мой, я так рада тебя видеть! И тебя, дочь моя! – хорошо поставленным драматическим меццо начала ее высочество Бастельеро-Хаас, не дойдя до Ринки полдюжины шагов.

Разумеется, даже те из гостей, кто до сих пор не обратил внимания на «гвоздь программы», обернулись в их сторону.

– Сцена по вам плачет, – почти неслышно и крайне трагически пробормотал Людвиг и тоже засиял улыбкой: – Матушка!

Пока Людвиг галантно целовал руку, затянутую в черное кружево, Ринка выравнивала дыхание, сбившееся от восторга в преддверии встречи на Эльбе. Графский сад казался все более привлекательным местом, а от блеска газовых ламп и драгоценностей начала побаливать голова. Но стоило ей поймать злорадный взгляд одной из сестер Людвига, как ее обуяла здоровая злость. На этот раз принцессе не удастся ее проклясть, а уж переиграть – тем более!

– Дорогая матушка, какой приятный сюрприз! Вы сегодня так изысканны, а эти бриллианты вам невероятно к лицу! – пропела Ринка, приседая перед свекровью в реверансе.

Ей хотелось съязвить на тему траура по бездарно загубленной жизни, уж очень вызывающе выглядел черный туалет на фоне разноцветного блеска собравшихся гостей, но Ринка прикусила язык. Сегодня она будет милой восторженной блондинкой. По контрасту с дорогой змеей.

Змея величественно кивнула Ринке и отмахнулась разом и от Людвига, и от хозяев дома.

– Идемте, дорогая дочь моя, немножко посекретничаем, пока Людвиг пообщается с сестрами. Мои девочки так соскучились по брату!

Все три девочки тут же одарили брата такими взглядами, что сразу стало понятно: еще бы год его не видали! Людвиг ответил сестрам тем же.

– Ах, как отратно видеть столь горячие родственные чувства! – похлопала глазами Ринка. – Дорогой Людвиг столько рассказывал о вас, столько рассказывал! Мне всегда хотелось иметь сестер, дорогая матушка.

«Сестры» дружно скривились, правда, едва заметно – все же люди смотрят. Ринка бы с удовольствием подразнила девиц еще немножко, но драгоценная (в прямом смысле этого слова – бриллиантов на ней был килограмм, не меньше) цепко ухватила ее за руку и надменно кивнула Эмили:

– Дорогая, так любезно с вашей стороны было устроить этот прием! Я сама представлю мою дорогую дочь гостям.

Эмилия лишь кинула извиняющийся взгляд на Ринку, мол, прости – но устраивать скандал с ее высочеством будет хуже для всех.

– Вы так добры, матушка! – просияла Ринка. – Я счастлива, что вы не сердитесь на нас с Людвигом!

– Ну что вы, дорогая. Невозможно сердиться на собственного сына, которому сердце велело... – недоговорив, а скорее несколько запутавшись в собственном велеречивом лицемерии, свекровь промокнула «слезу

умиления» черным кружевным платочком. – Ах, эта любовь... Не сомневаюсь, уж вы-то родите Людвигу достойного наследника. Он очень любит детей, да вы и сами видели, как нежно он относится к Альберту и Аннабель. А вы любите детей, дорогая? Вы не представляете, как я жду появления внуков! Мои дети так быстро выросли!..

Если бы не роль восторженной дурочки, Ринка бы аплодировала стоя. Ее высочество в роли доброй бабушки была великолепно убедительна. Даже голос задрожал в нужном месте. Вопрос только, с чего это она так резко сменила курс? Знать бы!

Продолжая «сердечную» беседу о будущих детях, принцесса небрежно представляла Ринке гостей, всем своим видом демонстрируя, как нежно любит свежееобретенную дочь и какое в их семье царит благолепие. А заодно едва слышно поясняла Ринке, кто какое место занимает при дворе, настолько богат и влиятелен, и стоит ли с ним считаться. С некоторыми гостями она перебрасывалась репликами о погоде или спрашивала о здоровье, кому-то кивала с таким видом, будто перед ней таракан.

Ринка же всем хлопала глазами и не выходила из образа наивной дурочки. Потом разберется, что все это значит, а сейчас надо всего лишь пережить очередное испытание.

Которое закончилось на удивление быстро.

– Лизоблюды, – едва слышно и не прекращая улыбаться, прошипела свекровь в спину отходящему семейству то ли графа, то ли барона, Ринка давно запуталась в именах и титулах. – Никогда не верь им, дитя мое. Особенно тем, кто делает умильные глаза и громко восторгается.

Свекровь одарила Ринку коротким пронзительным взглядом и кривовато улыбнулась, став на мгновение безумно похожей на Людвигу.

А Ринка залилась жаром смущения. Ее игру оказалось так просто раскусить?

– Как скажете, матушка, – на всякий случай она склонила голову.

– Вот и умница. А теперь идем-ка, посмотрим оранжерею, – добавила она достаточно громко, чтобы услышали заинтересованно отирающиеся рядом гости. – У дорогой Эмилии чудесные бегонии!

Ринке отчаянно не хотелось никуда идти со свекровью, но та держала ее слишком крепко и уверенной рукой направляла... в оранжерею? Что-то Ринке не верилось, что вот этот незаметный коридорчик ведет именно туда.

– Пустите, матушка, – она встала столбом, едва они вышли из общего зала. – Людвиг просил никуда без него не ходить.

– А ты, значит, послушная женушка? – Ринку одарили все тем же острым взглядом, никак не вяжущимся с милейшей будущей бабулей.

– А я доверяю своему мужу.

Вдовствующая принцесса тихо рассмеялась и кивнула на следящий артефакт, выглядывающий из-под брачного браслета.

– Людвиг знает, где ты. И мы не пойдем далеко, всего лишь на балкон, там нет длинных ушей. Да не дрожи ты! Если кто тебя и съест, то уж точно не я, – сказала свекровь и потянула Ринку дальше, к двери.

Оказалось – к двери в танцевальный зал, пока еще пустой, за исключением нескольких музыкантов, настраивающих инструменты в углу. От них, вставших при появлении дам, свекровь небрежно отмахнулась, и в самом деле вывела Ринку на длинный балкон, выходящий на фасад графского дома.

Второй этаж. Не так высоко, чтобы убиться наверняка, но достаточно, чтобы не отделаться ушибами. Но ведь свекровь бы не стала вести ее на балкон на глазах у посторонних, чтобы с этого балкона сбросить?

– Садись и прекрати дрожать, – велела свекровь, подтолкнув Ринку к плетеному креслу. Сама села на такое же, аккуратно расправив юбки. – И послушай меня, девочка.

– Слушаю, – вздохнула Ринка, усаживаясь. Страх почти прошел, и ему на смену явилось любопытство.

– Ты не так наивна, как пытаешься казаться, – усмехнулась свекровь. – И твои хлопанья глазками не так убедительны, как нужно. Хотя линию поведения ты выбрала правильную, никому из стервятников не показывай, что ты умна и с характером. Избежишь множества проблем.

Ринка вместо ответа только пожала плечами, мол, это все и так понятно.

– И не думай, что я имею что-то против тебя, девочка. Наоборот. Я рада, что глупый мальчишка наконец-то выбрал жену сам, так у него будет шанс. Он не рассказывал, что в роду Бастельеро все непросто с магией и наследниками?

– Совсем немного, – отозвалась Ринка.

Странное дело, но сейчас она почти верила этой женщине. То есть у свекрови совершенно точно были свои мотивы, не имеющие отношения к благу Ринки, но сейчас ей был нужен мир. И женатый сын. И наследники. Вот это Ринка чувствовала всеми частями тела, а не только теми, что традиционно отвечают за интуицию.

– Если вкратце, то все Бастельеро – маги, но не все – некроманты. Проклятие передается не по прямой, но только среди мужчин. Предыдущим носителем проклятия был мой двоюродный брат, Клаус. Мы почти не общались, так что я знала его крайне плохо. Когда я выходила

замуж за Манфреда, у Клауса уже был наследник, Вольфганг. Один. У носителей проклятия никогда не рождается больше одного мальчика. И я была уверена, что это никогда не коснется моей семьи. Манфред... он был истинным принцем. Страстным и неудержимым во всем, – свекровь ностальгически вздохнула. – Людвиг поначалу был его точной копией. Такой же светлый, порывистый. У него были льняные кудри и глаза, как твои топазы. Прелестный мальчик! Они с Гельмутом росли вместе, и очень дружили, пока Клауса и его семью не убили. Не верь, если кто-то тебе скажет о несчастном случае. Никогда не верь в несчастные случаи! Кому-то очень нужно, чтобы род Бастельеро прервался, и им это почти удалось. Вместе с Клаусом погибла не только его семья, но и моя. Знаешь, как я узнала о смерти Клауса и Вольфганга? – мать Людвига даже не глянула на Ринку, и ответа явно не ждала: смотрела невидящим взором куда-то в темнеющее небо.

– Людвиг изменился, да?

– Да. Ему было десять. В таком возрасте голубоглазые блондины не становятся черноглазыми брюнетами, тем более за одну ночь. Я поначалу не узнала собственного сына. А Манфред испугался. Он никогда не занимался политикой, никогда не был магом и был безумно далек от придворных интриг. Младший брат, любимый, балованный. При наличии двух племянников его шансы на трон были крайне малы, и он никогда не хотел его. Он всегда молился за здоровье старшего брата и его сыновей, а невестку вечно щипал за юбку и спрашивал, когда же будет третий сын, чтобы дядюшке не снилась в кошмарных снах корона, – свекровь вздохнула и утерла платочком настоящую слезу. – Вся наша прекрасная жизнь покатила под откос. Нашего веселого, милого Людвига подменили. В нем не только проснулось проклятие, он стал совсем другим. Нелюдимым. Мрачным. Перестал слагать стихи, а вместо этого засел за старые книги. Ему пришлось принять наследство Клауса, а ведь он не знал, что это такое и что с этим делать! Его магический дар был слабым, годным только на детские шалости...

Ринкино живое воображение тут же показало ей, как десятилетний Людвиг приезжает на виллу «Альбатрос», и его встречает Рихард, показывает ему библиотеку, лабораторию, все эти портреты, кладбище под окнами.

– А где их убили?

– В дороге. Клаус с женой, сыном и дочерью возвращались из «Обсидиана» в городской дом, мост через Рейн обвалился прямо под каретой, они не сумели выбраться. Там ужасное течение, омуты, пороги. Их

тела нашли через несколько дней.

Свекровь замолчала, комкая в руках платочек, а потом внезапно его швырнула на пол и обернулась к Ринке.

– Я уверена, Людвига собирались уничтожить вместе с его первой женой. Подгадали к их ссоре, они часто ссорились. И устроили все так, что подозрение пало на Людвига. Если бы не граф Энн, все закончилось бы крайне плохо. Гертруда была из очень влиятельной семьи, ее родня подняла страшный скандал, требовали расследования и казни Людвига, как убийцы. К тому же началась кампания в прессе против Бастельеро. Черные некроманты, противные Единому, шарлатаны, занимающие чужое место, интриганы и чуть ли не заговорщики против короны, в общем, немыслимая и противоречивая чушь. Граф Энн провел расследование, нашли следы совсем другой магии, чуждой Людвигу. Его оправдали, отец Гертруды скоропостижно скончался. Другого варианта не было, он отказался от переговоров, похоже, его просто заколдовали. История с Эльзой тоже вышла крайне некрасивая, я думаю, она все же была агентом, уж очень хорошо она вбила клин между Людвигом и Гельмутом. Как мальчишки сумели не поубивать друг друга, я до сих пор удивляюсь. И сдается мне, тут снова вмешался граф Энн... хотя нет, нет, не думай даже об этом. Герман бы сделал все необходимое, но Эльзу покарал Единый.

Глаза вдовствующей принцессы сверкали такой ненавистью, что Ринка испугалась. Впрочем, страшно было и от ее рассказа. Ринка знала, что влипла в ту еще паутину интриг, но теперь все представало в куда менее оптимистичном свете.

– Значит, теперь моя очередь?

– Нет, – отрезала свекровь. – Не будет твоей очереди. Ты – туз из рукава. Людвиг наконец-то перестал плыть по течению, сам принял решение. Повзрослел. Ему предсказано, что его освободит от проклятия та, что сама упадет ему в руки. Ты, девочка. Я не знаю, откуда ты взялась на самом деле, но вижу – он тебе не безразличен, а ты не безразлична ему. Между вами есть что-то. Роди ему сына. Люби его. Я не знаю, как, но береги его и уцелей сама. И не слушай никого! Здесь нельзя верить никому, кроме Германа и Гельмута. Остальные просто не понимают, что поставлено на карту.

Ринка застыла в недоумении. Фрау Бастельеро-Хаас говорила искренне, тут невозможно было сомневаться. Но почему тогда она так себя вела в первый раз? И сегодня – этот выпендр с траурным платьем, этот показной конфликт с сыном. Ведь всякий, имеющий глаза, разглядит под тонким слоем показного приторного обожания едва ли не ненависть! И то,

как фрау представляла ее сегодня, было насквозь фальшивым!

А фрау резко и немелодично рассмеялась и передернула плечами:

– Нас раскусили, девочка. Все знают и видят, что я терпеть тебя не могу, а истекаю медом только из опасения перед королевским гневом. Гельмут очень удачно изгнал меня из дворца, прелестный повод для нашей вражды, не правда ли? Мальчик отлично лавирует, даже когда сам не до конца понимает смысла игры. Прирожденный король. Так что теперь, когда мы с тобой враждуем, прикрываясь протокольной любовью, у тебя есть тайный союзник. Никто не заподозрит меня в помощи тебе, а значит – у нас есть еще один туз в рукаве.

– Но кто? Кому мешает Людвиг?

– Если бы я знала! Могу лишь предполагать, что это те же люди, которым мешает независимая Астурия. Бастельеро – гарантия мира и неприкосновенности границ. Не будет Страшного Черного Некроманта, не будет и Астурии. Кстати, если услышишь жуткие истории о том, что случилось на Айзенштрассе, обязательно опровергай и заявляй, что Людвиг милый и мухи не обидит, а все кошмары им привиделись. Как можно горячее и неубедительнее.

– А зачем это?

– Как зачем? Ни Людвиг, ни Клаус до него не показывали свою настоящую силу. Мы ни с кем не воюем, преступники держатся от некромантов подальше, и повода устроить демонстрацию не было. А тут Людвиг очень удачно показал, какие силы ему подвластны. Обыватели переполошились, шпионы настроили панических докладов, и есть шанс, что кто-то крепко задумается, а стоит захват Астурии еще одной Пустоши, возможно, на месте их собственной столицы. Ты же знаешь, что на нас только Испалис не хочет наложить лапу? Первый Бастельеро был так любезен, что отправил испалийского главнокомандующего обратно домой. И тот до сих пор не понял, что умер, и является на все военные советы. О том, что он мертв и не имеет права голоса, ему как-то опасаются сообщать, потому что он и при жизни славился крутым нравом, а уж после с треском провалившейся кампании и смерти...

Фрау Бастельеро-Хаас хищно улыбнулась и достала из ридикюля еще один черный кружевной платочек.

– Ладно, девочка, хватит исторических экскурсов. Приедешь ко мне в гости, поболтаем еще. А сейчас самое время пойти в оранжерею и закатить небольшой, но эффектный скандалчик. Ты справишься, я в тебя верю. И не вздумай ничего говорить Людвигу!

Скандалчик удался на славу. Ринка, вспомнив актерско-музыкальное

прошное, шипела на свекровь не хуже гюрзы, а та изумительно изображала королевскую кобру. Дуэт склочных дур не подслушал только ленивый, а они обе делали вид, что и не подозревают об ушах за каждым деревом.

Под конец свекровь ей подмигнула и сделала знак рукой, мол, теперь можешь сбежать. Ринка и сбежала. Прямо в объятия Людвигу, который примчался ее спасать от скандальной маменьки. Графиня Энн тоже примчалась и принялась успокаивать ее высочество Бастельеро-Хаас, то и дело бросая извиняющиеся взгляды на Ринку.

Честно говоря, Ринке было стыдно. Не перед толпой гостей, а перед Людвигом и четой Энн. От смущения она бледнела, краснела и едва не свалилась в обморок.

– Опять матушка кидается проклятиями, – поддержав Ринку и усадив на скамью под финиковой пальмой в кадке, сказал Людвиг и провел ладонью над Ринкиной рукой с зачарованным кольцом. – Тебе не стоило уходить с ней из общего зала. Матушка...

Людвиг вздохнул, не желая говорить вслух «склочная змея», а Ринка погладила его по руке и слабо улыбнулась:

– Ничего страшного, видишь, я не надела кольцо на кролика, так что все в порядке.

Ей ответом послужила мрачноватая, но все же улыбка. А Ринка подумала, что после разговора со свекровью смотрит на Людвигу несколько иначе. Да, у него характер – не сахар, он стремится все контролировать и требует от нее послушания. Но не из вредности, а потому что ей в самом деле грозит опасность. Почти такая же, как ему самому.

А она – истерит, прячет от него драконье яйцо... О, черт! Вот зачем она вспомнила о Фаберже? Он же там совсем один, ему холодно и страшно! А она тут ерундой всякой занимается!

Ринка с трудом подавила порыв вскочить и бежать к мобиле, чтобы немедленно ехать домой. Это – не ее желание. Это всего лишь влияние дракончика. Маленького, еще не вылупившегося, и как все дети, насквозь эгоистичного – ведь для него пока не существует окружающего мира, только он сам и его мама.

– Может быть, ты хочешь выйти в сад? – спросил Людвиг. – А мне нужно немедленно переговорить с матушкой. Она, похоже, не желает понимать, что мы с тобой женаты, и она уже ничего не изменит.

– Хочу, – согласилась Ринка. В саду, по крайней мере, не придется улыбаться гостям и ловить сочувственные и злорадные взгляды.

Впрочем, когда они с Людвигом под тихие звуки вальса шли через полный прогуливающих гостей зал, вместо сочувствия и злорадства она

ощущала страх. Намного, намного сильнее, чем на приеме в королевском дворце. Вокруг них тут же образовалось пустое пространство, и разговоры затихли, и только какой-то старик в наступившей тишине громко и скрипуче заявил невидимому за толпой собеседнику:

– Пустошь на Айзенштрассе? Вранье! Бастельеро давно выродились!

На старика тут же зашикали, музыканты заиграли громче, а гости отступили еще дальше, словно ждали, что вот-вот с рук Людвиг сорвутся призрачные гончие и начнут охоту.

– Слышали звон, да не знают, где он, – отчетливо сказала Ринка и приникла к Людвигу ближе. Демонстративно. А потом подняла на него взгляд и улыбнулась: – Если бы ты хотел сделать новую Пустошь, ты бы выбрал для этого место получше какой-то там Айзенштрассе, не правда ли, дорогой?

– Несомненно, моя радость, – улыбнулся Людвиг. Фальшиво, насквозь фальшиво. И глаза у него были холодные и злые. Еще бы. Он же маг, он наверняка чувствует всю эту ненависть и страх куда острее.

– Ты пригласишь меня танцевать?

Ринка сжала его руку и сама удивилась собственному порыву. Ей бы бежать отсюда в тишину и покой сада, а она сама, добровольно подставляется! И ради чего?

«Людвиг – мой муж, и я должна его поддержать! Ему некуда бежать от общей ненависти и страха, а значит, я буду рядом», – ответила она сама себе.

– С удовольствием, – после полусекундной заминки кивнул Людвиг и развернул ее в танцевальную позицию.

И – повел в вальсе.

Весь его вид говорил: плевать мне на вас всех! А этикетом и протоколом можете подтереться! Это вы не танцуете до обеда, а я – танцую со своей женой тогда и там, где захочу.

«А кто не согласен, тот – обед», – мысленно поддержала его Ринка.

Ей вспомнился ее выпускной бал. Одноклассники в костюмах, надетых впервые в жизни. Одноклассницы в непривычно длинных платьях. Взгляд самого красивого парня класса, Влада. Оценивающий, снисходительный. Сейчас она видела его совсем иначе, чем тогда. И впервые за три года, прошедших с окончания школы, при воспоминании о нем ей не было больно и стыдно. Даже не так: она радовалась, что у них ничего не получилось. Что она оказалась недостойной парой будущему светилу мировой науки.

Видел бы ее Влад сейчас!

А лучше – танцевали бы они с Людвигом вот так, как сейчас – там и тогда, и чтобы толпа одноклассников вот так расступалась вокруг них, а они видели только друг друга! И плевать на зависть, плевать на страх и ненависть, на все плевать! Есть только музыка и Людвиг, его сильные руки, его полный темного пламени взгляд, их дыхание и движение. В такт. Вместе.

К концу вальса Ринка чувствовала себя совершенно счастливой. Как же давно она не танцевала вот так, полностью отдаваясь музыке и доверяя партнеру!

– Вы прекрасны в вальсе, – горячий шепот Людвига отдался волной томления во всем теле, захотелось прижаться к нему, поцеловать.

В его глазах читалось то же самое желание. Откровенное, темное, готовое смести любую преграду... Кроме графини Энн, звонким сопрано разрушившей наваждение.

– Bravo, bravo! Ах, Людвиг, наконец-то ты вспомнил, зачем придумали вальс!

– Я никогда этого не забывал, – в голосе Людвига хрипотца желания смешалась с резкими нотами досады.

– Но так редко в этом признаешься! Рина, дорогая, вы изумительно смотрите вместе, но я все же вас ненадолго похищу. Скоро подадут обед, а я так и не успела показать вам свои фиалки.

– Людвиг, ты позволишь?

Ринке безумно хотелось, чтобы он сказал «нет» и увел ее отсюда. Домой. Прямо в спальню. Но прекрасно понимала, что это невозможно. Этикет, протокол, сплетни, чтобы их Ктулху любил там, где поймают!

– Конечно, дорогая, – он поцеловал Ринке руку, и ее даже сквозь перчатки обожгло прикосновение его губ. – Нельзя же разочаровать кроликов.

Он обещающе улыбнулся, а Ринку залило жаром. Вот с чего она взяла, что кролики – это намек на их сегодняшнее утро? Может, в Астурии вовсе не принято подобное сравнение, и вообще, Людвиг – аристократ, а аристократы не шутят так непристойно!..

А плевать.

– Кролики останутся довольны, дорогой, – с таким же томным обещанием парировала она и с удовлетворением отметила сверкнувшие глаза и раздувшиеся ноздри супруга: оценил и проникся. – Не скучай без меня.

Глава 10, об осенних фиалках и маленьком принце

Виен, Астурия. Особняк графа Энн

Рина

– Ах, какая прелесть! – с тихим благоговением прошептала Ринка, останавливаясь у пестрой клумбы. – Вы сами подбирали сорта? А вон те голубые, что это за сорт?

– Я сама занимаюсь селекцией. Никакой магии, только наука! – с гордостью первооткрывателя призналась Эмилия.

Ну да, подумала Ринка, никакой магии, как же. Фиалки вообще-то осенью не цветут, но тут магия и наука настолько тесно переплелись, что отличить одно от другого давно уже невозможно. Так что Эмилия имеет право заблуждаться.

– Надо же! – неопределенно восхитилась Ринка.

– Этот сорт я назвала в честь дочери «Аннабель». Обратите внимание вон на те темно-фиолетовые цветы, правда они изысканно строгие? – Эмилия выделила интонацией самое важное, на ее взгляд, слово. Забавная привычка, почему-то напоминающая фильмы о Гарри Поттере. – Хотя и мелкие соцветия. Этот сорт я вывела в память о моей матери. Это она привила мне любовь к фиалкам. Я знала, что вы оцените, Рина. Герман сказал, что вы занимались ботаникой в своей прошлой жизни?

Рина напряглась, не зная, как ей реагировать на это заявление

– Нет, нет, ничего не нужно говорить! – взмахнула рукой Эмилия. – У нас с мужем нет секретов друг от друга. Никаких. У наших мужей слишком опасная и тяжелая работа. Иногда нужно с кем-то поделиться, а кто поймет мужчину лучше его любимой? Конечно, Герман не рассказывает о государственных тайнах, но судьбы наших близких мы обсуждаем. Людвиг нам очень дорог, и я счастлива, что ему повезло. Наконец-то. Бедный мальчик так много пережил. – Эмилия поджала губы. – Его предыдущие жены... я бы сама растерзала их на кусочки, если бы Единый не сделал это раньше, – кровожадно закончила она.

Ого, подумала Рина, а фрау не так уж и безобидна, как кажется.

– Мы с Германом мечтаем увидеть вас счастливыми, – улыбнулась Эмили, и щелчком пальцев подозвала скрывающегося в тени дерева слугу. – Где дети?

– У крольчатника, ваше сиятельство.

– Рина, хотите посмотреть кроликов? Я вижу, Людвиг уже рассказал о

нашей достопримечательности, – лукаво подмигнула графиня, а Ринкины щеки залил жар: что-то она в последнее время стала слишком часто краснеть! – Мне следует вернуться к гостям, проверить, как обстоят дела, но вы можете пока погулять. Франц вас проводит. Да, в летнем павильоне собрались незамужние девушки. Сплетничают о женихах.

Рина намеков поняла и, благодарно кивнув Эмили, неспешно направилась по дорожке за пожилым слугой, любуясь цветами, строгими клумбами и маленькими фонтанчиками с поилками для птиц. После духоты бального зала и следящих за каждым ее шагом десятков взглядов сад, освещенный рядами голубоватых фонарей, казался ей райским местечком. Свежо, тихо, пахнет увядающей листвой, шелестят ветви, кто-то квакает в пруду, кто-то неуверенно щебечет, а из дома доносятся звуки вальса.

Штраус? Безумно похоже, только аранжировка непривычная, здесь вообще состав оркестра немного отличается, хотя основа та же – струнные, духовые, ударные.

Пожалуй, если бы рядом был Людвиг, ей снова захотелось бы танцевать.

Надо же. Похоже, она скучает по супругу!

– Ваша светлость желает присоединиться к чаепитию в летнем павильоне? – прервал ее размышления слуга, когда они вышли на широкую аллею, заканчивающуюся большой белоснежной беседкой, сплошь увитой плющом.

Ринка заметила три детские фигурки, присевшие за пышными кустами шиповника около беседки. Подслушивают, паршивцы! И она бы тоже послушала, о чем сплетничают меффрау.

– Благодарю, дальше я сама, – отпустила она слугу и задержалась у куста белых роз, покрытых едва распустившимися цветами.

Никакой магии, конечно же. Обыкновенная генная модификация, хмыкнула она про себя.

Когда слуга скрылся за поворотом, Ринка подхватила платье и направилась к детям прямо по газону.

– Ой, – пискнула Аннабель и залилась румянцем до самых корней волос. – А мы тут играем!

– В прятки, – соврал ее брат, прямо и честно глядя Ринке в глаза.

– Ты так похож на папу! – искренне восхищалась она.

Паршивец и тут не смутился ни на грош.

– О, как я мог забыть! Отто, ты же хотел пить. Принесу тебе шипучки.

– Я с тобой! Помогу... нести! – сестра первая начала выбираться из засады.

– Могли бы слугу позвать, – второй мальчик (Отто, надо запомнить) посмотрел на них не по-детски скептически, словно видел насквозь все их уловки.

– Да ну! Орать на весь парк, мы лучше сами! – парировал юный герр Энн, взял сестру за руку, и они убежали, оставив товарища на растерзание герцогине Бастельеро.

Или ее – на растерзание ему?

Рина рассматривала мальчишку. Младше Альберта и Анабель года на два. Такие же, как у Альберта, светло-золотистые локоны до плеч, темно-зеленый мундир с золотым аксельбантом, белые перчатки – интересно, они тоже безо всякой магии такие идеально чистые, несмотря на путешествие по кустам? И его черты... он напоминал разом и Германа, и Людвигу. Видимо, вся высшая аристократия друг другу родня.

Мальчишка разглядывал ее с нескрываемым любопытством, но начать разговор не спешил. То ли хорошее воспитание, то ли скромность... нет, скорее первое. На скромняшку он никак не походил.

– Мое имя Рина, а твое? – Ринка протянула руку, но не как для поцелуя, а по-мужски.

– Отто, – мальчишка явно удивился, но протянутую руку пожал.

– И о чем говорят мефрау? – с легкой улыбкой спросила Ринка, прислушиваясь к высокому женскому голосу.

– О короле, о герцогине Бастельеро и его новой жене, о неженатых мужчинах, как обычно, – без улыбки перечислил мальчик. – Сплетницы!

Тем временем голос стал громче и резче, словно мефрау кому-то что-то доказывала.

– ...ну и не верьте! А я обязательно схожу! Мадам Роже обещала прислать пригласительный на тайную вечеринку. С масками! Там будут утонченные беседы, изысканные напитки и учтивые франкские и испанские кавалеры! Не то что наши солдафоны!

– Откуда ты это знаешь, Хелена? – кто-то хихикнул. – Неужели на этих собраниях кавалеры показывают свои умения?

– А еще говорят, что мадам Роже проводит свидания вслепую! – послышался третий голос. – Романтический сюрприз, ах, это так волнующе! Только представьте, заходишь в будуар, а там незнакомый кавалер. В маске! И никогда не угадаешь, кто это будет!

Отто едва заметно поморщился и повторил:

– Сплетницы. Идемте, я покажу вам кроликов.

Отто явно было скучно торчать в кустах без друзей, с приходом Рины забава потеряла все очарование. Ринке как раз поторчать хотелось, но

повода остаться она не нашла, поэтому кивнула и с улыбкой приняла руку юного кавалера.

Когда они вышли на тропинку, Рина заметила, как к ним в спину на почтительном расстоянии пристроились два гвардейца. Неужели у Людвига настолько разыгралась паранойя? С одной стороны приятно, а с другой – действует на нервы.

– А, не обращай внимания, – махнул рукой Отто. – Отец иногда бывает слишком бдительным. Вот скажи, что мне может угрожать в доме его друзей? Ничего!

– Родителям свойственно волноваться за детей. Это любовь, – улыбнулась Рина, вспоминая бабушку. – Ты не представляешь, как я воевала с бабушкой из-за шапки и теплых рейтуз, которые она заставляла меня надевать! Потом в школе от этих рейтуз все чесалось!

– И кто победил? – спросил Отто.

– Бабушка. Но когда она меня не видела, я снимала шапку! А один раз я пришла к ней в гости в легком костюме, с меня его сняли, выдали шерстяные гольфы, шерстяное платье и такую же вязаную кофту! – Ринка округлила глаза. – Представляешь? От бабушки я вышла сама как бабушка! Благо, она отдала мои вещи, и я прямо в подъезде, у двери в подвал, стала переодеваться, а там шел бабушкин сосед. Видел бы ты его лицо!

Отто залиvisto рассмеялся, видно, у парнишки тоже было хорошее воображение.

– Твоя бабушка живет в доходном доме? – спросил он, перестав смеяться. – С соседями?

– Ну, можно и так сказать, – пожала плечами Ринка. Не рассказывать же парнишке о другом мире, и так пришлось умолчать о некоторых подробностях, чтобы не травмировать детскую психику. Например, о том, что переодевалась она в узкие джинсы, и о содержании соседских комментариев тоже. – А тебе идет, когда ты смеешься. Становишься похож на его величество.

– Ага. Мне все говорят что я похож на отца, – кивнул Отто и, увидев ошарашенное лицо спутницы, довольно улыбнулся. – Ты не знала! – он радостно ткнул в Ринку пальцем. – Ты не знала, что я наследник! – и тут же погрустнел. – Было здорово, что ты не знала.

Ринка фыркнула. Подумаешь, не узнала наследника! Не казнят же ее за это! К тому же, мальчишку явно достало, что в нем все вокруг видят лишь инструмент влияния – добраться до королевских милостей, запастись благоволением короля будущего... как, должно быть, ему не хватает нормального человеческого общения!

– Можно подумать, от того что ты принц, у тебя рога выросли.

Отто просиял и, секунду подумав, предложил:

– А давай это будет наш с тобой секрет. Сделаем вид, будто ты не знаешь, кто я.

– Зачем делать вид? Можно просто дружить.

– Только при других лучше не признаваться, что мы друзья, – вздохнул паренек. – Иначе тебя так замучают дурацкими просьбами, что ты сбежишь на край света! Но ты приходи ко мне в гости. Просто так, без приглашения, хорошо? Как друзья делают!

– Договорились, – улыбнулась Ринка.

Отто серьезно протянул ей руку, и они скрепили договор. Очень серьезно.

– Кролики живут во-он там, – через минуту показал Отто на большую лужайку, обнесенную сетчатым забором. – Можно идти прямо, но у тебя платье слишком длинное, а там колючки...

– Ваше высочество!

Рина и Отто оглянулись. В конце дорожки показалась делегация, возглавляемая свекровью и графиней Энн. Их сопровождали несколько дам и кавалеров, в том числе Людвиг и Герман. Ринка чуть не сбежала в ближайшие кусты, и плевать на колючки. Перерыв в интригах был таким коротким!

– Ваше высочество! Пора к столу, обед уже подан, – с улыбкой произнесла Эмилия.

Свекровь и остальные дамы присели в глубоких реверансах, мужчины поклонились. Отто сдержанно кивнул. И тут от дома прибежал запыхавшийся слуга:

– Ваше высочество! Их величество на проводе!

Отто с нескрываемым облегчением припустил бегом к дому, дамы и кавалеры – за ним, правда, не бегом, а быстрым шагом, и остановились метров за пять от его высочества, чтобы не мешать разговору. На крыльцо уже вынесли монстрообразный фониль из слоновой кости с бронзовыми накладками, за фонилем тянулся толстый провод, обернутый в каучуковую изоляцию. Чопорный слуга с поклоном передал трубку принцу – на вытянутых руках и с таким выражением лица, словно подносил как минимум драгоценности короны.

– Да, отец! Все замечательно... Ты приедешь? Приезжай! Я познакомился с такой девушкой! Вот бы ты на ней женился! Ее имя Рина! – Отто прикрыл трубку фонилем ладонью. – Как твое полное имя?

– Фрау Агриппина Бастельеро, к вашим услугам, – присела Рина, едва

сдерживая рвущееся наружу нервное хихиканье.

На лице Отто мелькнула целая гамма эмоций: обида, разочарование, гнев – и тут же он, словно ни в чем не бывало, продолжил в трубку:

– Она жена Людвига! – Отто метнул на некроманта сердитый взгляд, словно тот украл у него из-под носа еще неопробованную игрушку. – Но ведь ты дашь им развод? Хорошо, пап, поговорим при встрече. – Он отдал трубку фониля слуге и громко произнес, обращаясь к Эмилии. – Папа лично приедет, чтобы отвезти меня домой. Но он сказал, чтобы к обеду его не ждали, он приедет за мной через полтора часа.

– Конечно, ваше высочество. Идемте? – присела в реверансе Эмилия.

Высокомерно кивнув, Отто пошел к открытым дверям. Гости – за ним, наперебой забрасывая принца комплиментами и кидая на Ринку откровенно злые взгляды. Исключением стали лишь Эмилия с Германом и Людвиг, оставшийся рядом с Ринкой. Ну да, ему-то не было нужды хоть как-то примазываться к коронованным особам. Особенно после такого милого заявления!

Ринке было одновременно и жаль мальчишку, и досадно – ему даже в голову не пришло спросить, а хочет ли она замуж за его отца? Видимо, по умолчанию замуж за короля желали все без исключения особы женского пола.

– Вам удалось договориться с Отто? – безразличным тоном спросил Людвиг, неспешно направляясь следом за гостями. – Он весьма своеобразный ребенок. Замкнутый и нелюдимый.

– Я надеялась, что нам удалось подружиться, – Рина положила руку на предплечье мужа. – Он хороший ребенок. Одинокий и грустный, хоть и... настоящий принц.

Людвиг хмуро пожал плечами:

– Он не привык, чтобы ему отказывали. Даже отец.

Он замолк, и между ними повисло напряженное молчание. От Людвига так и искрило ревностью, досадой и разочарованием. Словно это Ринка навязывалась Отто в мачехи, а не маленький принц все за всех решил.

– Людвиг, я вовсе не собиралась, – начала было Ринка, немножко ненавидя себя за попытку оправдаться в том, в чем не была виновата ни на грош. Но Людвиг лишь хмуро покачал головой:

– Нельзя заставлять наследника ждать.

Их посадили между Отто и четой Энн. Первый тост Герман провозгласил за чету Бастельеро, второй – за здоровье короля и его семьи, а дальше уже каждый пил как ему хотелось. Сновали официанты, улыбалась

Эмили, чинно ели дети, Отто о чем-то сосредоточенно думал и, наконец, тронул Ринку за рукав и тихонько спросил:

– А ты пригласишь меня в гости?

– Я буду очень рада, – искренне ответила Ринка, тоже понизив голос. – Я тебя познакомлю с удивительным зверем под названием кошка.

– Люблю удивительных зверей. – Отто посерьезнел, показавшись на мгновение много старше своих восьми или девяти лет, и добавил: – Жаль, что ты не хочешь замуж за папу. Все его невесты такие... – Отто поморщился и едва заметно передернул плечами. – Можете приезжать ко мне вместе с дядей Людвигом. Он хороший. А я потом женюсь на вашей дочери. Если она будет похожа на тебя.

Ринка сдержала смех, даже от улыбки удержалась, и согласно кивнула.

– Если вы друг другу понравитесь.

– Тогда поспеши, чтобы мне не сосватали какую-нибудь жеманную дуру из соседских принцесс, – абсолютно серьезно посоветовал мальчишка и повернулся к окликнувшей его Аннабель.

А рядом с Ринкой послышался тихий, едва слышный смешок.

Она облегченно выдохнула, когда ее ушка коснулось горячее дыхание мужа:

– Я расцениваю это как приказ. И со всем энтузиазмом готов приступить к его исполнению.

– Вместо сегодняшнего бала? – с тихой надеждой спросила Ринка.

Между мужем и великосветским террариумом она без малейшего сомнения выберет мужа! Особенно если так же, как сегодня утром... Да хоть прямо сейчас! В смысле, отправиться домой прямо сейчас!

– Вместо бала, – против ожидания согласился Людвиг. – Уедем сразу вслед за Отто. Ненавижу приемы.

– Я тоже, – вздохнула Ринка и благодарно коснулась пальцев Людвига.

Ей отчаянно хотелось домой. Она исполнила свой долг перед обществом в целом и четой Энн в частности, и продление церемонных пыток считала сущей глупостью. Тем более, дома остался дракончик. Совсем-совсем один. Даже Собака отправилась на прием вместе с ними... Ох. Она же так и осталась в мобиле, ленивая тварь! Лишь бы не потерялась!

С каждой минутой, бездарно потраченной на светские условности, беспокойство все нарастало. Казалось, дома вот-вот случится что-то ужасное, а может быть уже случилось, пока она тут прохлаждается. Когда уже, наконец, его величество приедет за сыном, чтобы они с Людвигом тоже могли отсюда сбежать?!

– Что с тобой, моя радость? – спросил Людвиг, взяв ее за руку и поднеся к своим губам.

– Я себя неважно чувствую... наверное... женские дни начнутся! – выдавила Ринка.

Врать было почти физически больно, но и рассказать правду она не могла! Он терпеть не может драконов, для него они – грязные неразумные животные. Что, если он заберет Фаберже в свою Госбезопасность и там его заизучают насмерть? Даже если не насмерть, все равно малышу будет там плохо, страшно и одиноко!

Поверил Людвиг или нет, Ринка так и не узнала, потому что к Людвигу подошел слуга и тихо сообщил:

– Вашу светлость к фонилю. Звонят с виллы «Альбатрос». Будете отвечать?

– Конечно.

– Прошу следовать за мной.

Людвиг нахмурился и, извинившись, встал. У Ринки в животе образовался ледяной ком страха: неужели с Фаберже плохо? Он вылупился? Или не смог вылупиться и застрял? Но ведь Рихард бы позвонил сразу, как только дракончик начал проклевываться, он обещал!..

– Я с вами! – отчаянно прошептала Рина и, вскочив, почти побежала за Людвигом. Точнее, она очень старалась не бежать впереди него, хотя каждая секунда промедления казалась катастрофой.

– Рихард? – спросил Людвиг, приняв у почтительного слуги трубку мобиля.

– Герр Людвиг, – голос дворецкого, отчетливо слышный Ринке, был привычно бесстрастен. – Что делать с пирогами?

– С какими пирогами? – нахмурился Людвиг. – Рихард, что случилось?

– Фрау Шлиммахер случилась, герр Людвиг.

– В смысле?

– Фрау Шлиммахер по незнанию взяла кувшин из комнаты ее светлости Риной.

– При чем тут кувшин? – тон Людвиг был по-прежнему ровен, но вот на гладко выбритом подбородке проступил рисунок чешуи.

– При жуке. Работа кухни парализована. Жук ее светлости сидит на потолке, фрау Шлиммахер лежит в обмороке, а тесто для пирогов покинуло кастрюлю, заняло часть стола и собирается перейти в масштабное наступление по всему дому.

– Барготовы подштанники! Да прибеите вы эту гадость, а не устраивайте балаган!

– Никак нельзя прибить, ее светлость расстроится.

Следующий пассаж супруга Ринка не взялась бы повторить. Она даже пожалела, что не умеет стенографировать, а планшет с диктофоном остался дома. Такие рулады надо записывать для потомков.

– ...ничего без меня... разберусь, – было единственным цензурным, что она смогла вычлениить из ругани минимум на трех языках.

Надо же, какой образованный у нее муж! Еще бы не покрывался чешуей так быстро, похоже, совсем нервы ни к черту.

Ринка осторожно дотронулась до его руки, почувствовала твердый хитин под пальцами – и сжала. Ободряюще.

Оборвав тираду на полуслове, Людвиг швырнул трубку на фониль и повернулся к Рине. Как ни странно, рисунка чешуи на лице стало меньше... да, прямо на глазах чернота растворялась, коже возвращался естественный цвет. И ее руку он даже не пытался стряхнуть. Напротив, накрыл своей ладонью.

– У нас дома открылся филиал сумасшедшего дома, – уже намного спокойнее сообщил он свежую новость.

Ринка могла бы ему возразить, что открылся он давно, и пора бы уже привыкнуть, но не стала. Дразнить гусей – не наш метод.

– Может, просто вернемся домой? Пожалуйста.

– Разумеется. Иначе мы рискуем застать руины, – кивнул он Ринке и спросил в пространство: – Где там Мюллер?

– На кухне, ваша светлость, – отозвался лакей, карауливший возле двери.

– Пусть подает мобиль, – распорядился Людвиг и снова взял Ринку за руку. – Ты совсем бледна. Иди на улицу, я извинюсь перед Германом и Отто, и едем домой.

Ринка слабо улыбнулась и, внезапно для себя, привстала на цыпочки и поцеловала супруга в почти гладкую и почти человеческую щеку.

Глава 11, о жуках и заговорах

Виен, Астурия

Людвиг

Людвиг сам не ожидал, что его злость на безмозглых слуг так скоро утихнет. Может быть, причиной тому был свежий воздух, который нравился Людвигу куда больше запахов специй, жаренного мяса, вина и духов, витающий в обеденном зале. Может быть – кошка по имени Собака, свернувшаяся у него на коленях и мурлыкающая. А может быть, внезапно ласковая жена, прижавшаяся к Людвигу и положившая голову ему на плечо.

Наверное, пора уже привыкнуть, что она не боится его невольных метаморфоз, и воспринимает чешую как оригинальное украшение. И привыкнуть к тому, что ему хочется ее касаться не только в постели.

Сейчас, в мобиле, мчащемся по вечерней Виен, Людвигу было невероятно хорошо – обнимать ее, шептать ей на ушко нежности, да просто чувствовать ее тепло и доверие. Странное, непривычное – то есть давно забытое – ощущение. Мир снова добр и уютен, чудовища под кроватью – всего лишь нестрашная сказка, небо чистое, родители любят и понимают. Наверное, так хорошо и спокойно ему было впервые с тех пор, как он унаследовал проклятый дар Бастельеро.

Рихард встретил их на пороге, за его спиной маячила рыжая камеристка. Кошка выскочила из мобиля первой и большими скачками унеслась в сад. Людвиг помог Рине выйти и проводил до ее комнаты, хотя, видят боги, ему хотелось подхватить ее на руки, распахнуть дверь спальни пинком и уложить жену в постель прямо в бальном платье и королевских топазах.

Но не на глазах же слуг, будь они неладны!

– Рина, радость моя, – Людвиг поцеловал ее пальцы и с удовольствием отметил, что жена порозовела и задышала чаще.

Однако, слуги...

– Мне нужно переодеться, – глядя ему в глаза, шепнула Рина.

От ее голоса, от движения ее ярких, словно зацелованных, губ, Людвиг едва не потерял последние остатки самообладания. Он даже готов был наплевать на посторонние взгляды, он почти успел притянуть жену к себе и поцеловать, но тут с кухни донесся вопль на несколько голосов и металлический грохот.

Рина тут же отпрянула, спрятав руки за спину.

– Мне... нужно переодеться! – повторила она и отчаянно позвала: – Магда! Домашнее платье... не могу же я идти на кухню в этом!

– Не ходи. Я сам разберусь и с жуком, и с... – он хотел сказать «Барготовыми детьми», но осекся. Не пристало выражаться при дамах. – Со слугами.

И снова поймал ее запястье, стоило ей перестать прятать руки за спиной, поднес к губам и коснулся, совсем легко.

Она коротко выдохнула и выдернула руку.

– Только... только не обижайте его! – ее голос прерывался, а Людвиг совершенно не мог понять: кого не обижать? Разве тут есть хоть кто-то, кроме них двоих?

– Кхе, – раздалось рядом скрипучее.

Проклятье!

Людвиг едва сдержался, чтобы не развоплотить назойливого дворецкого прямо сию секунду, но тут с кухни донесся новый грохот. И визг. Женский. На три голоса.

– Не волнуйся, твой жук не пострадает, – вздохнул Людвиг и с трудом разжал руку, выпуская на волю тонкие пальцы супруги.

– Ты обещал, – неуверенно улыбнулась она и сбежала. В спальню. Снимать платье.

Людвиг так явственно представил, как серебристо-серый шелк скользит вниз по ее нежной коже, обнажая плечи и нежные округлости груди, что опять позабыл обо всем на свете.

– Кхе... герр Людвиг!

Вырванный из сладких грез Людвиг обернулся, готовый убивать всех, кто смеет ему мешать. Но рядом никого не было. Вот проклятое умертвие! Мгновение назад был тут – и нет его.

– Вот только попадись мне, старый мешок костей, – пробормотал Людвиг, гася загоревшееся на кончиках пальцев темное пламя и прислушиваясь к звукам, доносящимся с кухни.

Как ни странно, звуков больше не было. Вообще. Словно весь дом вымер. Мистика!

Четко печатая шаг и сцепив руки за спиной, чисто на всякий случай – мало ли, кто попадется на глаза, одно движение пальцами – и у Рихарда появится компания на ночь. В смысле, еще одно умертвие, которому спать необязательно. Или два. Или все, Баргот их люби, домашние слуги! Все равно толку от них – ноль!

Проклятье. Надо успокоиться. Сейчас же. Пока портреты не начали

шарахаться.

Словно в подтверждение его слов, разодетая в старинные шелка дама – пра-прабабка Грета – с тихим шелестом упала в обморок. Прямо на портрете. И сам портрет покачнулся и едва не рухнул на пол, прапрабабка Грета была дама габаритная.

Через пятьдесят два шага и двадцать шесть мантр «я спокоен, я совершенно спокоен» Рихард нашелся. Он стоял навтыжку около дверей в «черную» часть дома, загораживая их собой.

– Ну, докладывай, – велел ему Людвиг, крепче сцепив пальцы за спиной. Уж очень чесались, несмотря на мантру.

– О чем, ваша светлость? – изобразил Рихард тупого служаку.

А может, не развоплощать, а сослать его в замок? Пусть пообщается с местными приведениями, вычистит дымоходы, натрёт воском полы, посадит под окнами семь розовых кустов, разберет семь мешков крупы... познает самого себя...

Он картинку Рихарда, сидящего в позе лотоса посреди розовых кустов и тазиков с крупой, на Людвига внезапно снизошло просветление и покой. Совершенный покой.

– Рихард, что здесь происходит? – Людвиг опустил расслабленные руки. – И не рассказывай мне сказки. С жуком фрау Шлиммахер прекрасно справилась бы и сама.

– Прошу прощения, герр Людвиг, но фрау Шлиммахер при виде этого жука упала в обморок, а потом, придя в себя, поклялась избавиться от гнусной твари, даже если это будет последним, что она сделает под этим небом.

– Кто ее укусил?

– Не знаю, герр Людвиг. Но фрау Шлиммахер не поддается разумным доводам. Она перебила всю посуду, кидая ее в жука, расквасила нос садовнику, который пытался ее остановить, и сейчас ее держат вчетвером. Однако силы неравны, и, боюсь, с минуты на минуту начнется снова...

Рихард не договорил, когда с кухни послышался разъяренный вопль раненого медведя, сменившийся площадной руганью на шварцвальдском наречии – родном языке фрау Шлиммахер. А затем – что-то с грохотом разбилось.

– Началось, – невозмутимо сообщил Рихард.

– Дурдом, – кивнул Людвиг и стряхнул с пальцев заклинание сна. Он мог только надеяться, что не вечного.

Мгновение они с Рихардом прислушивались, а затем синхронно кивнули: грохот и вопли сменились раскатистым храпом.

– Ладно, пошли посмотрим на разрушения, – хмыкнул Людвиг. – Думаю, это достойный повод, чтобы выбросить тот сервиз с зелеными цветочками, что подарила мне матушка на первую свадьбу.

– Несомненно, достойный, – невозмутимо подтвердил Рихард. – Тем более что его дизайн не справился со своей основной задачей успокаивать вашу нервную систему.

– То есть ты тоже заметил, что этот сервиз меня бесит?

– Разумеется, герр Людвиг. Когда вас что-то бесит, это сложно не заметить.

Они почти дошли до кухни, из которой доносился могучий многоголосый храп, когда им наперерез выскочила рыжая камеристка.

– Ваша светлость, ваша светлость! Там, там... – она испуганно ткнула пальцем куда-то в сторону.

– Жук? – осведомился Людвиг, – или у нас завелось чудовище еще страшнее!

– Там... его величество! – выпалила Магда и зажала рот обеими ладонями.

– Несомненно, ваше предположение верно, герр Людвиг, – ровно прокомментировал Рихард и так же ровно велел камеристке: – Расскажи толком. Где его величество, зачем его величество.

– Я тут за молоком для кошки шла, а он эта... как затрезвонит, да как затрещит!

– Его величество затрещит?

– Да нет же! Этот ваш монстр... который фониль! Огромный такой, черный, ох, страшно же!

– Так фониль или король?

– Его величество! – возмутилась Магда, а Людвиг чуть не схватился за голову: она хоть сама понимает, какой бред несет? И как только Рихард умудряется общаться со слугами! – В трубке, вот! Ихнюю светлость хотят!.. ой... простите, ваша светлость...

Магда на всякий случай присела в книксене, потупилась и осенила себя кругом Единого. И все это – не выпуская из рук кувшинчика с молоком.

– Брысь, – скомандовал Рихард, и Магда унеслась.

А Людвигу пришлось отправиться в гостиную, к фонилю.

– Почему вы меня не дождались? – без приветствия начал Гельмут. Судя по тону, его величество был не в духе, что неудивительно после встречи с толпой сплетников и лизоблюдов, которых он обычно не допускал во дворец. – Я хотел пресечь глупые слухи прежде, чем они

расползутся по всей Астурии, а ты посмел сбежать.

Людвиг покачал головой. Иногда он поражался наивности кузена: он считал, что может остановить сплетни одной своей волей. Наивность или самонадеянность? А, неважно. Все равно после публичного заявления Отто, что он желает видеть Рину своей мачехой, новость распространится как лесной пожар. Все помнят историю с Элизой, в которую Гельмут имел неосторожность влюбиться. Тогда герцогу и герцогине Бастельеро перемыли все косточки, а теперь – все сначала. И ведь никто не поверит, что Рина тут вовсе ни при чем, и что Гельмут не собирается соблазнять новую жену кузена.

Бедная Рина. На нее выльется ведро помоев. А она даже не в курсе всей этой грязной истории!

– Добрый вечер, ваше величество, – дождавшись паузы, поздоровался Людвиг. – Моей жене стало дурно, и мы были вынуждены покинуть прием. Мне очень жаль.

– Ты опять не смог защитить супругу от своей родни? Людвиг, это начинает раздражать. Отто впервые в жизни попросил меня жениться, и не могу сказать, что меня это радует. Ты до сих пор не добился доверия фрау Риной. Кто она на самом деле? Что она рассказала о своем мире? О самой себе – что любит, с кем жила, кто ее мать?

– Я пока не готов ответить на эти вопросы, – спокойно ответил Людвиг. Он мог бы напомнить Гельмуту о задании во имя дружбы с Франкией, но сейчас Гельмут взбешен и не способен воспринимать разумные доводы.

– Ты провалил задние, полковник. Но я звоню не по этому поводу. Отто приглашает фрау Рину на обед. Послезавтра.

– На обеде будет только его высочество? – Людвиг сам удивлялся своему спокойствию.

– Почему же, я тоже присоединюсь. Давно желаю задать фрау один вопрос, – заявил Гельмут злобно-провокационным тоном, напомнив Людвигу то ужасное время, когда они чуть не вцепились друг другу в глотки из-за Элизы.

– Какой же? – подал ожидаемую реплику Людвиг, правда, без ожидаемой кузеном ярости.

– Что ее связывает с драконами? – издевательской злобы в тоне Гельмута становилось все больше, видимо, спокойствие Людвига его лишь раззадоривало. – Коль ее муж до сих пор не смог этого выяснить. Или тебе не хватило ума увязать появление в нашем мире твоей жены и активности летающих тварей?

И он отключился. Людвиг хмуро повел плечами и аккуратно положил трубку на место. Зараза! Король в ярости и хочет результатов немедленно. Как всегда. Вот только на этот раз Людвиг не поддастся на провокацию и не наделает глупостей. А с Риной они уж как-нибудь разберутся. Гельмут может сколько угодно гневаться, топтать ногами и брызгать ядом, но поссорить Людвигу с Риной у него не выйдет. Потому что...

А потому что надоело, вот! Хватит уже Гельмуту отыгрываться на кузене за собственные неудачи в личной жизни! Людвиг не виноват, что Гельмута женили, не спросив его согласия, и тем более – что королева умерла, едва взойдя на трон и родив наследника.

В задумчивости Людвиг направился прочь из гостиной, и едва не наткнулся на рыжую камеристку Риной. Она торчала у дверей, одной рукой держа все тот же кувшинчик с молоком, а другой зажав рот, и смотрела на Людвигу выпученными глазами.

– Брысь, – отмахнулся от любопытной проныры Людвиг.

И рыжая, пискнув, выскочила из гостиной. А Людвиг подумал, что иногда способности менталиста, как у Германа, бывают крайне полезны. Рыжая – на редкость дурное создание, и если она услышала часть разговора, один Баргот знает, в какую несъедобную кашу все это превратится в ее голове. И что она расскажет Рине.

Все же есть в идее сделать всех слуг дома умертвиями здоровое зерно. По крайней мере, будут слушаться и перестанут сплетничать.

Наверное.

В кухне царил мир, подозрительно похожий на мор. Чуть ли не все домашние слуги валялись на полу – там, где их застало заклинание. По счастью, на плите ничего не стояло, иначе бы к разноголосому храпу добавился дым от чего-нибудь сгоревшего.

Людвиг для начала оглядел поле боя: перевернутую мебель, черепки и осколки, россыпь золотого лука и какой-то зелени, вылезшее из кастрюли и расплзшееся по всему огромному мраморному столу тесто, и посреди тестовой лужи – подпрыгивающего босой ногой поваренка. Виновник торжества спокойно восседал на потолочной балке, рядом с пятном от соуса. Судя по запаху, это был любимый красный соус Людвигу, с чесноком и тимьяном. Остатки соуса украшали, подобно вражеской крови, лицо и всю мощную фигуру фрау Шлимахер, сраженной заклинанием, но не выпустившей из рук медной сковороды на длинной ручке. Около фрау валялись героически оказывавшие ей сопротивление лакеи в количестве четырех голов. Садовник с расквашенным носом уснул в уголке, в обнимку с метлой. Обе горничные, то ли пытавшиеся спасти остатки

«любимого» сервиза, то ли решившие тоже потренироваться в меткости (у одной в руках была супница, у другой блюдо) – сопели чуть поодаль, у дверей в кладовую.

– И все это – из-за какого-то жука? – Людвиг не надеялся, что Единый или Баргот ему ответят, но и промолчать не мог.

– Из-за нервов, – с едва уловимой ноткой презрения ответил Рихард. – Фрау Шлиммахер велела садовнику сбить его метлой, я запретил, и началось.

– Почему запретил? – поинтересовался Людвиг, продолжая осматривать последствия разгрома.

– Ее светлость расстроится, если с жуком что-то случится.

– Ах, ее светлость, – хмыкнул Людвиг.

– Прикажете его поймать, герр Людвиг? – Рихард традиционно остался невозмутим.

– Я сам его сниму. А ты принеси аквариум, тот, из Франкии. И вели кому-нибудь добыть мха и коряг, чтобы тварь рогатая чувствовала себя уютно.

Рогатая тварь пошевелилась, словно услышала свое имя, с треском расправила крылья и перелетела на соседнюю балку.

Внушительная тварь. Размером с ладонь, и это не считая длинных зазубренных рогов. Зачем Ринке понадобилось этакое страшилище, Людвиг не понимал. Впрочем, чем бы жена не тешилась, лишь бы к Гельмуту в постель не прыгала.

А вот самому Людвигу пришлось минут пять возиться с последствиями собственного заклинания, потому что на приказ проснуться слуги не отреагировали. Начал он с горничных – вынул из рук той, что помладше, монструозную супницу в изысканно-зеленый цветочек и с чувством треснул об пол. Вот теперь он мог с чистой совестью заявить матушке, что ее сервиз разбился. Впрочем, блюдо тоже последовало за супницей, как и случайно уцелевшие три тарелки. И только после этого Людвиг склонился над горничной, коснулся ее виска и снова велел:

– Просыпайся.

Девушка ойкнула, вскинулась, едва не ушибив своего господина лбом по носу, и принялась озиаться.

– Ой, что это, ваша светлость?

– Погром. Бери метлу и приступай к уборке.

Горничная поднялась, пошатываясь, а Людвиг на всякий случай прислушался: дышит? Сердце бьется? Вроде да. Хотя сердце франкского императора вполне себе билось, и дышал он, и даже с аппетитом уминал

фуа-гра, которое последние пять лет не мог себе позволить по причине слабости желудка. Так сразу и не скажешь, что умертвие.

Пожав плечами, Людвиг занялся второй горничной, а следом – лакеями, садовником, поваренком... до фрау Шлиммахер он еще не добрался, когда на пороге кухни появилась запыхавшаяся супруга в сопровождении рыжей камеристки. Сам Людвиг не сразу ее заметил, занятый лакеем, никак не желающим просыпаться. Понял, что она явилась, потому что уборка замерла, и слуги наперебой стали приветствовать ее светлость.

– Что тут?.. Ох, вот он где! Герочка!

– Какой еще Герочка? – оставив так и не проснувшегося лакея на полу, Людвиг поднялся и с недоумением уставился на жену.

– Жук, – непринужденно улыбнулась она. – Красавец, правда же?

Людвиг и все слуги как по команде уставились вверх, но вот подтвердить, что жук – красавец, никто не решился. Видимо, опасались, что фрау Шлиммахер очнется без команды и пойдет по второму разу громить кухню.

– Может, все же того, метлой? – робко предложил садовник, покосившись на храпящую повариху.

– Не надо метлой, он хороший! – заступилась за жука Рина и тоже покосилась на фрау Шлиммахер. – А почему она на полу? Людвиг?

– У фрау нервы, – хмыкнул Людвиг. – Зато теперь можно будет есть из нормальной посуды.

Связи нервов с посудой Рина явно не уловила, а посвящать ее в историю почившего сервиза Людвиг не стал. Просто позвал Рихарда с аквариумом, а потом аккуратно снял жука с балки. По счастью, никто из слуг не обратил внимания, что Людвиг использовал для этого одну из призрачных тварей. Зато сам он заметил, что после инцидента на Айзенштрассе некро-магия стала значительно послушнее. И силы прибавилось. И вообще что-то явно изменилось. Еще бы времени, чтобы разобраться с изменениями!

– Вот видите, радость моя, все с вашим жуком хорошо. Хитин блестит, жвалы острые, крылья... сидеть!

Жук недовольно повел рогами, но послушно сложил крылья и переполз на руку к Рине. Та сияла, словно Людвиг не жука ей поймал, а добыл алмазы бриттской короны. Впрочем, топазы франкской короны на нее такого впечатления не произвели.

– Спасибо, Людвиг, – она подняла на него взгляд, и Людвиг тут же забыл и о топазах, и об алмазах, и всех коронах мира.

– Кхе-кхе, – раздалось над ухом скрипучее. – Аквариум, герр Людвиг.
– Аквариум? А, точно. Надеюсь, новый дом понравится вашему жуку.
– Его зовут Герочка, – Рина погладила жука по антрацитовым надкрыльям и лукаво улыбнулась. – Я назвала его в честь графа Энн, ведь это он поймал для меня Герочку.

Вот же злопамятная язвочка! Просто прелесть!

Словно услышав имя ненавистного жука, фрау Шлимахер выдала руладу на фортиссимо, от чего вздрогнули не только все находившиеся в кухне слуги, но и кастрюли. На всякий случай.

– Пожалуй, стоит его посадить на место, – опасливо покосившись на повариху, сказала Рина.

И под дружные охи слуг торжественно ссадила жука на корягу, а Рихард закрыл сетчатую крышку.

– Откуда это чудо? – спросила она, с восторгом разглядывая аквариум.

– Привез из Франкии, – улыбнулся Людвиг. – Я решил, что тебе понравится.

– Это лучший подарок, который ты мне сделал! Как ты догадался?

Людвиг пожал плечами.

– Ты как то упоминала, что училась в академии...

– В университете, на биологическом.

– Так вот откуда эта страсть к кошкам и жукам. И чему вас там учили, фрау студиозус?

– Всем понемногу, например... – осекшись на полуслове, Рина замерла и побледнела.

– Что с тобой? – встревожился Людвиг.

– Голова. Что-то у меня очень закружилась голова. Можно я пойду к себе? – жалобно попросила она и отвела взгляд.

– Конечно, иди. Магда тебя проводит, – с сожалением согласился Людвиг, вспомнив, что ему еще будить фрау Шлимахер и разбираться с ее нервами, иначе на завтрак можно не надеяться. – Может, вызвать лейб-медика?

– Нет, нет, не стоит. Мне просто надо прилечь.

Людвиг проводил жену до двери и, поцеловав ей руку – самое большее, что он мог позволить себе при слугах, глазеющих на них с преогромным любопытством, – и поручил заботам Магды.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Несколько мгновений Ринка стояла возле двери, успокаивая сердцебиение. Она вся горела, мысли путались, и если бы не настойчивый

зов маленького дракончика, ни за что бы не отпустила мужа так просто. То есть не отпустила, а практически выгнала.

Ох. Что с ней творится? Никогда раньше она не реагировала так на мужчин, даже когда была безумно (и безмозгло) влюблена в красавчика Влада! А с Людвигом... Великий Ктулху, радоваться ей или бояться? Ведь если он поймет, что она рядом с ним становится обыкновенной влюбленной дурочкой, он же...

А что он сделает?

Никаких идей, что он такого ужасного сделает, не появилось. Зато снова послышалось жалобное: «Мама!»

– Магда! Посмотри, ушел? – шепотом велела Ринка.

Та высунулась за дверь и так же шепотом доложила:

– Ушел.

– Тогда я в лабораторию. Если придет, скажи... – Ринка задумалась, чего бы такого соврать Людвигу, но в голову так ничего и не пришло. По крайней мере, умного.

– Скажу, вы пошли в сад, воздухом дышать, – пришла на помощь Магда. – Вот, шалю пуховую возьмите, там прохладно.

– А слуги не увидят?

– Если через кухню не пойдете, то и не увидят. Сейчас все суется вокруг фрау Шлимахер. Ох, видели бы вы, как она эту гадость рогатую по кухне гоняла, а достать не могла! Вот только пирогов жаль. Вкусные у ней пироги. Мадам, а мадам? А чем вы дракононяку кормить станете? Я слыхала, их конопелью кормят, только они ж наверное траву-то жевать не станут, чай, не коровы какие.

– Точно! Я ж не знаю. Давай книгу о драконах! – решительно скомандовала Ринка. Действительно, чем кормить малыша?

Магда радостно побежала в будуар и вскоре вернулась с книгой.

– Тяжеленная! – Книга громко шлепнулась на стол. – Вот бы у нас в школе такие толстые были, чай бы Дитер не лез ко мне под юбку. Раз по белобрысой голове треснула, и все.

– Убила бы, – закончила за нее Ринка, листая плотные пергаментные страницы.

– Не-а, – Магда присела напротив и подперла щеки кулаками. – Не убила бы, – вздохнула она. – Книгу бы пожалела, а как камушки повывают?

Логику Магды Ринка иногда понять не могла.

– Слушай, а что это адъютант Людвига на тебя так хитро косится, – листая старинный фолиант, спросила она. – Заигрывает?

– Ой, ну вы скажете! Он человек взрослый, самостоятельный, куда ему этими глупостями заниматься? Он такой... основательный, как эта книга. Мобиль водит! Будет он заигрывать! Он меня сразу предупредил, что жениться хочет, и подходит ко мне со всяческими серьезными намерениями.

– А ты?

– А что я? Я может, только жить начала, всякие ее, жизни, прелести почувствовала. Как я вас покину? Вы же без меня враз с голоду помрете! Вот сегодня, небось, на этом своем приеме голодали, а тут еще и пирогов нет. А драконяку как бросить? Нет, рано мне еще взамуж! Вот Фубиржа подрастим, там и решу.

– Фаберже, – поправила ее Ринка. – О, слушай! Нашла я: «...а чтобы юный дракон был силен и не боялся огня, в первое кормление мать дает ему пережеванные листья конопляного растения. До месяца дракончики пьют материнское молоко». Все, больше ничего нет про кормление.

Ринка захлопнула книгу и посмотрела на густой вечер за окном. Идти на поле за коноплей было страшно.

– А... – Магда тоже посмотрела в окно и вскочила, загородив его собой. – Не пущу! Вдруг на вас там чудище водяное нападет! Вот честное слово, если в окно полезете, заверещу! – Магда уперла руки в бока и вдруг прикусила губу, словно о чем-то вспомнила. – Ой, мадам, а давайте я сама схожу. Ежели оно меня сожрет, небось подавится!

– Тебе тоже нельзя одной.

– Так я не одна, – Магда спрятала руки по фартук и смущенно хихикнула. – Меня герр Мюллер страсть как уговаривал на мобиле с ним вечером покататься. Он его на озеро мыть погонит. А там возле того озера конопля-то и растет, не даром ящеры на него летали. Я и нарву охапку!

– Но если приставать будет, сразу скажи, что его светлости нажалуешься!

– Ой, ну что вы! Он знает какой? Деликатный и обходительный, во!

– Ага, знаю я их, деликатных, – с напускной строгостью сказала Ринка и залилась жаром, вспомнив деликатного и обходительного Людвига. И стол в его кабинете.

Чертов некромант! Деликатный! Чтоб его!..

Зло подхватив шаль и пригрозив хихикающей Магде пальцем, Ринка поспешила прочь из комнаты. Надо заняться делом, там Фаберже совсем один, а она тут обходительных мерзавцев вспоминает. А вот если бы мелочи чешуйчатой не приспичило вылупляться сегодня, она бы... она бы...

Прижав ладони к пылающим щекам и героическим усилием воли заставляя себя идти в сад, а не на голос Людвига, доносящийся с кухни, Ринка прибавила шаг. Все, хватит думать черт знает о чем. Пора вспомнить о том, кого приручила.

В лаборатории ее встретила возмущенная Собака. Грозно мяукнула и побежала к коробке.

«Мама пришла! – заверещало у Ринки в голове. – Я хочу на свет».

– Ну так вылезай, – сказала Ринка вслух, погладив яйцо и нащупав горячие, чуть влажные трещинки. – Давай, малыш, клюнь скорлупу.

Яйцо под ее рукой едва заметно повозилось и горестно вздохнуло.

«Мама!..»

– Ладно, я могу тебе помочь, если сам не справляешься. Обо что ж тебя тюкнуть?..

Подняв яйцо двумя руками, она занесла его над углом стола.

«Ай, щекотно! – заверещал малыш и завозился активнее. – Я сам, я сам!»

А кошка возмущенно заорала, высказывая все, что думает об этой глупой двуногой. Ринка даже не удивилась, что ее понимает, не до того было. Она осторожно положила яйцо на стол, застеленный простыней, и оно тут же треснуло поперек, распалось на неровные половинки и...

Встряхивая непропорционально крупной головой, из скорлупок выбрался мокрый дракончик.

– Йо-хо! – взвизгнула Ринка. – Моя ты лапочка! Вылитый Петенька после бани!

Дракончик чихнул, расправил влажные перепончатые крылья и энергично ими замахал, брызгаясь и вертя головой.

– Мяу! – истошно завопила кошка и запрыгнула на стол.

В мяве Ринка отчетливо услышала: «Не упади, мелкий!» – но ей было не до кошковых странностей.

Кошка прижала Фаберже лапкой и начала тщательно вылизывать, он нахохлился как большой воробей и притих, закрыв выпуклые глаза. А Ринка с восхищением рассматривала своего питомца. Темно-синий, с полупрозрачными треугольными крыльями, слишком большими для его тела, длинной шеей и вытянутой головой, он совершенно не походил на красавца дракона, гордо реявшего в небе Виен. Больше всего Фаберже напоминал гусенка. Странного такого и немного страшненького гусенка. Но такого милого!

«Я некрасивый?» – мысленно всхлипнул он, не в такт разевая розовую пасть, полную зубов-иглочек.

– Ну что ты! Ты у нас самый красивый! А станешь еще красивее!

«Мама не врет?»

– Мама никогда не врет! – сказала Ринка чистую правду и подумала, ведь когда-нибудь его найдут настоящие драконы, и что тогда?

«Папа за мной прилетит! – тут же отозвался Фаберже, и получил лапой по хвосту, чтобы не дергался. – А мама моя ты!»

– А настоящая где?

«Нету, – Ринке показалось, что дракончик пожал плечами, хотя на самом деле он этого не делал. – А как меня звать?»

– Петечка Фаберже!

«Это смешно?»

– Ты что, это очень почетно! Петечка знаешь, какой умный? Он даже во время сек... сна может умножить корень на число! А Фаберже – очень благородная фамилия. Почти король! Даже важнее!

«А ты меня с Людвигом познакомишь? Я ведь его наследник, да?»

Ринка осела на стул, представив лицо мужа, когда она представит ему Петюнечку.

«Ваша светлость, знакомьтесь, Петя Фаберже, ваш наследник. Немножко в чешуе, но вы и сами того... немножко...»

Пришлось зажать рот ладонью, чтобы не слишком громко смеяться.

«Ты надо мной смеешься?» – обиженно спросил дракончик.

– Нет, малыш. Над собой. А откуда ты знаешь про Людвига? Откуда ты вообще так много знаешь?

«Ты сама рассказывала. И Магда тоже. Она много рассказывала, когда на руках носила. А где она? Она моя нянечка?»

– Твоя нянечка Собака! А Магда...

«Она не Собака, – дракончик засмеялся, и мысленно, и реально: скаясь и подергивая крылышками. – Она Агна, папин фамильяр! И мой тоже! Она очень умная и говорит с тобой, пока я не научился сам. А я только родился и хочу на ручки!»

Фамильяр? Мать моя женщина... хорошо, что не на ногах, упала бы...

Ринка смотрела на кошку и не могла поверить, что вот это – очень умный фамильяр. А кошка отпустила Фаберже, чтобы тот мог проковылять ближе к Ринке и влезть ей на руки, и уселась на столе, обернув лапы хвостом и внимательно глядя на Ринку. Очень и очень снисходительно. А затем фыркнула, задрала заднюю лапу и стала смачно вылизываться.

– Да ну! Это... не может быть разумным! – Ринка прижала дракончика к себе. На ощупь он был как змея. Теплая, даже горячая змея. И он урчал, как кошка! – Есть хочешь?

«Агна сказала, что мне надо дать пожеванную коноплю с теплым молоком».

– Она умеет разговаривать?

«Нет! – прозвучало в голове. – Фамильяр это магия взрослого дракона в теле зверя. Пока я не подрос, мы не можем разговаривать без нее. Но она не настоящая кошка и разговаривать сама не умеет!»

Ринка поняла, что не поняла ничего. Видимо, ей тоже придется подрасти, чтобы во всем разобраться. Пока же она поняла одно: именно взрослый дракон и привел ее в этот мир. То есть его магический фамильяр. И папа-дракон вовсе не против ее общения с малышом. А вот зачем?

Ладно, разберемся по ходу пьесы.

Фаберже зевнул и прикрыл глазки, а Рина сидела, боясь шевельнуться и прикидывала, что же делать дальше. Малыша придется оставить в лаборатории, хотя бы на эту ночь. А вот с тайнами от Людвигу надо заканчивать. Сегодня же рассказать ему и о малыше, и папе-драконе, и о Собаке-фамильяре, и о лаборатории, и... все рассказать, короче говоря. И надеяться, что их с Петечкой не пустят на опыты во славу науки и процветания Астурии.

А еще бы поесть, наконец. На приеме ей кусок в горло не лез, дома было не до того, а сейчас уже живот подводит. Вот бы пирогов, которые готовила фрау Шлиμμαхер!

Похоже, на мысли о пирогах ее навел запах свежей сдобы, которым повеяло от прохода, ведущего в кладовую.

– Мадам! – из двери выглянула Магда с кувшином и тарелкой. Подмышкой она зажимала сверток. – Рихард рожок дал и велел передать, что герр Людвиг о вас спрашивали. Они привели в чувство фрау Шлиμμαхер, выпили чаю и в кабинет к себе направились.

– Принесла?

– А как же! – Магда поставила на стол кувшин и тарелку со свежей булочкой и куском холодной ветчины и гордо продемонстрировала пучок конопляных листьев. – Ой, какой хорошенький! – наконец заметила она дракончика. – Утипусепусечка!

«Сама она утипусепусечка, – проворчал Фаберже. – Пусть скорее меня кормит, а то укушу!»

– Магда, слышала? – со смехом спросила Рина, перекладывая дракончика в его коробку.

– Нет, мадам, а что я должна слышать? Не рычал вроде.

«Меня только ты слышишь, – нехотя пояснил Фаберже. – Потому что ты моя мама и ты особенная!»

Мать дракона, твою Ктулху... Ринка ошарашено посмотрела на «сыночка», с трудом осознавая, что вот это существо на полном серьезе называет ее мамой! А главное, что говорящий дракончик ей не снится, и можно даже не мечтать проснуться дома, в Москве, рядом с родным, привычным и таким скучным Петечкой.

– Он не утипусечка, он Петечка, – вздохнула Ринка, решив не думать больше о доме и родных, а то и свихнуться недолго. – Петр Фаберже. И он хочет кушать.

– Мадам, шли бы вы! А то его светлость искать будет, как бы не было беды. Не волнуйтесь, я справлюсь. Я дома кутенят из рожка выкармливала, вы бы видели какие здоровые повырастали, небось и этого драконяку выкормлю. Петечка, это ж надо так придумать!

«Рррр, я не драконяка! Я грозный дракон! Нет, точно укушу!» – Малыш надулся и... чихнул, как котенок. Ринка рассмеялась, чмокнула его в нос и ушла, хотя ей ужасно хотелось остаться и посмотреть, как малыш будет есть молоко из рожка.

Ощущение нереальности происходящего внезапно стало настолько острым, что Ринка замерла посреди каменного коридора. Задрала голову, разглядывая ползающую светящуюся плесень, потрогала холодные шершавые стены. Настоящие. И собственные руки-ноги – настоящие. Можно даже не щипать себя, и так понятно, что все взаправду.

Давно понятно! С самого начала! Непонятно только одно – с какого перепугу она вдруг расклеилась и позволила себе эту тоскливую рефлексию? Подумаешь, попала в чужой мир, так не в турецкий же бордель! И не в Афганистан, шестой женой пастуха.

Соберись, тряпка. Сейчас же. И вперед, налаживать отношения с мужем. Герцогом, мать твоя Ктулху, а не ваххабитом без трусов! У, размазня!

Шмыгнув носом и утерев внезапно промокшие глаза, Ринка сжала кулаки и решительно зашагала вперед. К новой, чтоб ее, жизни.

Рихард ждал ее у выхода из кладовки. С платяной щеткой.

– Спасибо, – буркнула Ринка, когда тот принялся отряхивать ее платье от пыли. – Вы всегда так предусмотрительны?

– Нет, ваша светлость, только последние триста лет, – невозмутимо ответил Рихард, и Ринка невольно улыбнулась. Все же чувство юмора у него просто потрясающее! Троль восьмидесятого левела.

– А где Людвиг?

– В своем кабинете. Готово, ваша светлость.

Ринка кинула и пошла к кабинету. Шагая, она перебирала варианты,

как бы начать разговор.

«Людвиг, я хочу тебе сказать, что у нас родился сын...» Нет! Не то.
«Людвиг, у меня есть дракон и он разговаривает...» Нет! Опять не то.
«Людвиг, я гуляла по коноплянному полю и нашла яйцо...» Чушь какая-то!

Ринка резко остановилась перед дверью, из-под которой пробивалась полоска света. Желтая. Уютная. И не скажешь, что за ней – некромант, да? Ох, как же все запутано! Может, в следующий раз? Ну, когда она найдет правильные слова...

Она почти собралась развернуться и сбежать, когда дверь распахнулась. Ее вмиг окутало терпковатым запахом мужского тела, теплом и надеждой. Сильные руки обхватили ее за плечи, прижали к горячему телу, и такой родной, необходимый голос шепнул в макушку:

– Рина! Ты пришла.

Она почти было сказала, зачем – успела набрать воздуха и открыть рот... Но Людвиг ее поцеловал. Жадно, жарко и нежно, упоительно нежно! В его руках ей было так хорошо, что все мысли тут же вылетели из головы, оставив лишь смутное недоумение: и чего я боялась, все же хорошо, да просто отлично!

Обняв его за шею, Ринка привстала на цыпочки и прижалась к нему всем телом, отвечая на поцелуй и желая большего – сейчас же, сию секунду! Она так давно его хочет, ужасно давно!

Словно услышав ее мысли, Людвиг со стоном оторвался от ее губ, подхватил ее на руки и понес... К столу? – невольно улыбаясь, подумала она.

Но нет, мимо стола он прошагал, даже не глянув в его сторону. Пинком распахнул дверь в глубине кабинета – и они оказались в спальне. Наверное. Потому что единственным, что Ринка успела рассмотреть, была огромная кровать под балдахином. Кажется, синим. Вот что определенно было синим, так это глаза Людвига, сияющие нежностью и желанием. И его руки тоже были нежными и самую капельку неловкими, он путался в юбках и пуговках, сердито и нетерпеливо ворчал о каком-то Барготе, придумавшем все эти крючочки и завязочки, и целовал ее – скулы, губы, шею, плечи. Сдернул платье, веером плеснули пуговицы, Ринка засмеялась, и тут же охнула, когда нетерпеливые ладони мужа накрыли ее грудь.

Вот сейчас ей не казалось все сном. Сейчас она как никогда остро чувствовала реальность происходящего. И эта реальность, Ктулху ее подери, Ринке нравилась! И безумно нравился Людвиг, нравилось запускать пальцы в черные шелковые волосы, гладить напряженную сильную шею... вот только рубашка...

– Сними это, – потребовала она, – я хочу...

Он на миг замер, поднял на нее взгляд – горящий, восторженный, недоверчивый. Улыбнулся, приподнимаясь на локтях.

– Хочешь?..

– Хочу. Трогать тебя, – она тоже улыбнулась, глядя ему в глаза, и почувствовала, как напряглись его бедра, увидела, как раздулись его ноздри. – Хочу тебя.

Ринка сама немножко... ладно, не немножко – сильно удивилась собственной смелости. Но она видела, что ему это нравится. Что он хочет не просто покорного женского тела, а ее желания. Ее смелости. Нежности. Откровенности.

– Все, что пожелаешь, моя радость, – осторожно коснувшись ее губ, он прошелся пальцами по застежке своей рубашки.

Снять ее он не успел – Ринке хотелось самой. Огладить его плечи, бугрящиеся мускулами, стянуть с них тонкий батист, провести ладонью по впадинке позвоночника, почувствовать его дрожь, услышать его стон. И ответить на поцелуй, жаркий и жадный, и больше не думать ни о чем, только чувствовать – его дыхание, его движение, касание его обнаженной кожи, его жажду и бережные ласки его губ.

Кажется, от ее платья и от его одежды остались какие-то лохмотья. Где-то на полу. Наверное.

Кажется, она кричала, когда Людвиг вошел в нее, и кусала его за плечо, и звала по имени, извивалась и прижималась к нему.

Кажется, весь дом их слышал, даже портреты.

А дальше... а дальше она уснула, так ничего и не рассказав. И ей снилось, что Людвиг нежно целует ее в искусанные губы и шепчет: я люблю тебя, моя маленькая непоседа.

Ведь этого не могло быть на самом деле, не так ли?

Глава 12, о дружбе народов и любви к опере

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Людвига разбудил едва слышный шепот Рихарда:

– Герр Людвиг, вас к фонилю.

Людвиг осторожно снял с плеча голову супруги, с трудом удержался, чтобы не поцеловать ее спящую, ибо не был уверен, что сможет тогда покинуть кровать, и тихонько выбрался из-под одеяла. Дворецкий подал ему халат и с поклоном отворил дверь.

На пороге Людвиг оглянулся: Рина так и не проснулась.

– Полковник Бастельеро? – раздался с трубки приятный мужской голос с легким южным акцентом. – Я привез вам привет от дона Марка.

Людвиг криво усмехнулся. Что понадобилось испалийской инквизиции от скромного некроманта?

– Надеюсь, его величество Ортего в добром здравии? – на всякий случай уточнил он, надеясь, что Испалису не потребовалось в срочном порядке еще одно коронованное умертвие.

– О, его величество прекрасно себя чувствует и на днях посетил виноградники Сальрассы. Изумительное вино, я привез вам несколько бутылок. Где мы можем встретиться?

– В ресторане «У Сальери», близ Виенской оперы, там утром никого не бывает. Через, – Людвиг глянул на хронометр. – Тридцать две минуты.

Уходить не хотелось, ночью – от воспоминаний о ней сладко заныло в груди – Рина что-то пыталась рассказать между поцелуями, но они решили перенести разговор на утро. Ничего, поговорят за обедом. Теперь уже им ничего не помешает вести длинные беседы, обсуждать планы... Интересно, она любит оперу? Помнится, при их первой встрече ее голос звучал идеально чисто! А может быть стоит устроить ей небольшой сюрприз и организовать музыкальное сопровождение к обеду. Допустим, зигайнский дуэт, который Людвиг недавно слышал в одном из кабаре...

Все двадцать пять минут дороги до оперы он мечтательно улыбался, а припарковав мобиль у ресторана, даже принялся машинально насвистывать арию, что-то романское на тему «Поднимем, опустим и снова поднимем».

Ровно через полминуты рядом с мобилем Людвига припарковался еще один, такой же черный, тоже сделанный по спецзаказу «Драккар», но закрытый и с непрозрачными стеклами. С водительского места вышел

юноша типичной испалийской наружности: смуглый брюнет с резкими чертами и осанкой коронованной особы, но при этом одетый с неброской элегантностью. Но не осанка или черты заинтересовали Людвига, а дар. Аура юноши имела слишком характерные цвета: демонолог и некромант, причем редкой силы. Конечно же, не как Людвиг, но на порядок мощнее всех некромантов, когда-либо им виденных.

Юноша (из семьи Ортис, как несложно было определить) обошел мобиль и открыл дверь второму испалийцу. Его Людвиг узнал с первого взгляда, даром что в отличие от юного Ортиса он не светил аурой на всю Виен, а скромно ее прятал.

Высокий, смуглый, темно-русый – что редкость для юга. Внимательные ярко-голубые глаза, которым хочется доверить все свои тайны. Модный белый костюм от Саша, булавка и запонки с черными бриллиантами, несколько колец – выглядело все крайне элегантно и безумно дорого. Но самым дорогим в наряде гостя был отсутствующий перстень, светлый след от которого остался на безымянном пальце: знак отличия высшего иерарха Ордена. Досье на гранд-графа Диего Вальверди Агуэрро лежало в картотеке Германа в разделе «Зеро», содержащем всего два десятка папок с делами самых опасных и таинственных людей континента. Людвиг чуть не наизусть помнил его содержание. Если вкратце, то: маг-менталист, кардинал Ордена, глава госбезопасности дружественного Испалиса, член триумvirата Братства Ворона, лучший друг испалийского короля. И как вишенка на торте, двоюродный правнук того самого немертвого главнокомандующего, что молитвами первого из Бастельеро до сих пор посещает заседания королевского совета.

Интересно, что ему понадобилось от Людвига? До сих пор они не встречались лично, дон Диего вообще довольно редко покидал Испалис. По крайней мере так, чтобы об этом становилось известно астурийской разведке.

– Доброе утро, дон Диего, – Людвиг поклонился первым, несмотря на свой герцогский титул. Не время сейчас задирать нос перед возможным союзником. – Большая честь встретиться с вами.

– Доброе утро, герр Людвиг, – с улыбкой поклонился Диего. Улыбка его была открытой и располагающей, но это еще ни о чем не говорило. С такой же милой улыбкой он мог запросто вскипятить собеседнику мозг. – Я не один, не возражаете?

– Разумеется, нет, – так же открыто улыбнулся Людвиг. Конечно, вскипятить чей-то мозг он бы не смог, но у праха мозга и не бывает.

– Дон Винсент Ортис, – представил его дон Диего.

– Рад встрече, – кивнул ему Людвиг.

Он не ошибся, это был один из сыновей Марка Ортис. С ним, главой Ордена, Людвиг встречался пару раз по долгу дипломатии и службы, но дружеских отношений между ними не завязалось. Слишком короткими и официальными были те встречи, но их вполне хватило, чтоб оценить друг друга и признать равными – и отказаться от соперничества, тем более что пока им, хвала Барготу, делить было нечего.

А вот с доном Диего... кто знает, кто знает. Что ж, если придется, остается лишь надеяться, что Виенская опера не пострадает.

– Прошу вас, благородные доны, – Людвиг кивнул на витрину ресторана. – Я взял на себя смелость заказать для вас шамьет с кардамоном и ванилью.

Благородный дон мимолетно улыбнулся, отдавая дань осведомленности дружественной конторы о его вкусах.

Их провели за столик, единственный накрытый во всем ресторане: остальные были пусты. И за их спинами швейцар повесил табличку «Закррито». На сей раз мимолетно улыбнулся Людвиг – предусмотрительности Рихарда, ведь столик заказывал он.

Стоило им усесть за стол, принесли кофе для Людвига и дона Диего, а юного Винсента вежливо спросили о пожеланиях.

– То же самое, – кивнул тот, с настороженным любопытством поглядывая на Людвига.

Едва официант отошел, как к Людвигу потянулись жгуты силы. Само собой, Людвиг не разъезжал по Виен во всем сиянии некромантской магии, а привычно сворачивал и прятал ее под скромной маской. Не столько в целях конспирации, сколько ради меньшего ущерба для техники и психики случайно встреченных магов. Самоуверенный мальчишка решил его прощупать. Таким же нагленьшем был и сам Людвиг лет десять назад, когда только приноровился к доставшейся ему силе и понятия не имел о ее границах. Впрочем, он и сейчас подозревал, что лучше этих границ не искать – Баргот знает, что найдешь.

Он раскрылся лишь на мгновение, но мальчишке хватило, чтобы побледнеть и с тихим вздохом откинуться на спинку стула.

– Ничего себе сила, – восторженно прошептал он. – Впечатляет.

Судя по испарине на лбу парня, сила его не только впечатлила, но и хорошенько щелкнула по носу. В отличие от мальчишки, дон Диего даже бровью не повел, хотя Людвиг был более чем уверен: увидел он гораздо больше, и был впечатлен не меньше.

– Вин, – холодно сказал дон Диего, – неприлично лезть в ауру

некроманта грязными щупальцами.

– Чистыми, – в тон ему возразил мальчишка и с неподдельным восторгом уставился на Людвига: – Герр Бастельеро, дайте мне несколько уроков, прошу вас! – выпалил он слишком торопливо и смущенно, чтобы это было импровизаций.

– С удовольствием. Зимой. Сейчас у меня очень плотное расписание, – кивнул Людвиг. Иметь в долгу семью Ортис было заманчиво. – Итак, чем обязан? Вы же прибыли сюда не только ради этого изумительного шамьета.

Диего сделал знак юному Ортису, и тот выставил на стол пирамидку. Мумифицированная кожа, щепка берцовой кости и медная проволока, определил Людвиг. Винсент взмахнул рукой, и артефакт выпустил фонтан зеленых лучей, распавшихся над столиком мерцающим куполом.

– Защита от любой прослушки, завязанная на ауру некроманта. Некромеханика, – с гордостью сообщил Винсент, глядя на Людвига в ожидании реакции. – Сделано специально для этой встречи. Отец говорит, что рядом с вами горит любая техника и ни одно заклинание не держится дольше двух минут. А это выдержит... полчаса, – добавил он уже тише. – Но я работаю над увеличением прочности!

– Очень многообещающая идея и весьма интересное исполнение, – искренне сказал Людвиг, поймав в ладонь искру, отделившуюся от купола: о подобной модификации энтропийного поля он пока не задумывался. А ведь если завязать защиту на подобный амулет, не придется тратить внимание на удержание поля.

От похвалы мальчишка впервые за время разговора улыбнулся. Ему явно было важно услышать одобрение некроманта.

«А ведь у меня мог бы быть такой сын», – подумал Людвиг и вдруг понял, что он хочет сына. Так, прочь из головы все мысли, не хватало еще раскрыться перед Диего и дать повод для шантажа.

– Ну что вы, герр Людвиг, – Диего был абсолютно серьезен. – Я слишком профессионален для этого. Держите. – Он протянул герцогу амулет, напитанный ментальной магией. – Это защитит даже от меня. В обычной беседе, – тут же с легкой улыбкой добавил он, давая понять, что если дела Испалиса потребуют, то кардинал-дознаватель не остановится ни перед чем.

Людвиг оценил, запомнил и решил для себя сделать нечто подобное, но по принципу некротехники. Лишь бы амулет не умер до того, как Людвиг доставит его в лабораторию.

– Что ж, к делу. Не так давно братство Ворона получило в свои стены очень сильного мага-исследователя с далеко не безупречной репутацией.

Гения. Фанатика. Преступника. – Дон Диего окинул Людвига пронизывающим взглядом. – Друг мой, что вы знаете о смерти вашего дядюшки Клауса Бастельеро?

Людвиг хмуро пожал плечами.

– Практически ничего. Я был ребенком, так что меня и близко не подпустили к расследованию. Все материалы дела были уничтожены королем Карлом. Вместе с половиной герцогской библиотеки и материалами исследований. К сожалению, я не смог спросить покойного дядю Карла, зачем он это сделал, он сам слишком рано скончался и был кремирован. Мне повезло, что вторую половину библиотеки, включая дневники предыдущих герцогов, Бастельеро спрятали так, что найти смог только я, наследник проклятого дара.

– Вашего дядю убили, Людвиг. Обоих дядьев, Клауса Бастельеро и Карла Хааса. Как и вашего отца, и деда, и прадеда. Дальше мы копать не стали, но думаю, допросив фамильных призраков, вы и сами сможете узнать много интересного.

– Фамильные призраки – сложная тема, дон Диего. Призраков дяди Клауса и моего деда нет, они либо упокоены, либо заблудились по ту сторону. Но убийства меня не удивляют, Бастельеро всегда были пугалом для соседей. Впрочем, не только для соседей.

– Вот мы и подошли к самому главному, Людвиг. Ваш дар и ваше проклятие.

Людвиг глубоко вздохнул и медленно, считая до десяти, выдохнул. Он сам до сих пор не разобрался, дар или проклятие его некромантская магия, и что заставляет его при волнении покрываться чешуей и превращаться... в нечто. Возможно, потому что боялся довести эксперимент до конца и увидеть, в какого именно монстра мутирует. Может быть, у этого монстра совсем иное сознание? Может быть, он агрессивен и неразумен? Может быть, если дойти до конца, то к концу эксперимента вся Астурия превратится в Пустошь? Никто, даже Герман при поддержке всего исследовательского отдела, не смог пока удержать Людвига или хоть что-то противопоставить его магии. Возможно, чуждой этому миру. И слава Барготу, о его проклятии ходили лишь смутные слухи, но о сути его не знал никто.

Кроме дона Диего? Сюрприз, однако.

– Что вы знаете о моем проклятии? – спросил он спокойно.

Диего улыбнулся одними губами.

– Нет никакого проклятия, герр Людвиг. Вас обманули.

Людвиг нахмурился и посмотрел на руки: самоконтроль опять дал

трещину, и сквозь кожу начали проступать чешуйки. Диего и Винсент тоже смотрели на его руки. Один со спокойной уверенностью, второй с любопытством. И ни капли страха или неприязни. Мелькнула мысль, что его жене эти двое могли бы понравиться.

– Продолжайте, – кивнул Людвиг, выравнивая дыхание и сердцебиение. Он не собирался превращаться в монстра, ни здесь и сейчас, ни где-то и когда-то еще. И никакой менталист его не заставит.

– Вы же понимаете, что это было бы слишком прямолинейно для Братства, не так ли? – холодно улыбнулся Диего, глядя Людвигу в глаза. – И слишком рискованно для меня лично.

Людвиг тоже улыбнулся одними губами. Перед глазами все еще стояла Пустошь, в ушах завывали призрачные твари, и тихий голос матушки шептал: «Я боюсь его, Манфред, наш сын – чудовище!»

– Поэтому мы с вами и беседуем, дон Диего.

– Приятно иметь дело с логичным человеком. Итак, император франков. Вас ничего не смутило, когда вы исследовали труп?

Спрашивать, откуда Диего известно о смерти императора, Людвиг не стал: и так ясно, что соседская разведка не дремлет, и все молча притворились, что верят в его внезапное выздоровление из страха перед непредсказуемым мастером некромантом.

Хм. А ведь в эту схему отлично укладывается инцидент на Айзенштрассе и утечка информации об «ужасном некроманте» в прессу. Кто бы сомневался, что де Флер заботился не только о безопасности Людвига!

– Полностью нарушенные энергетические потоки, Баргот знает что с внутренними органами, словно его ауру сшили из дюжины чужих.

Диего кивнул. Знал и об этом? Впрочем, неудивительно. Раз кардинала интересует этот вопрос, он узнал все, что хотел. Менталист.

– Я давно интересуюсь этой темой, Людвиг. Но знаю далеко не все, что нужно, чтобы составить полную картину. Лишь фрагменты.

– Император – работа вашего фанатика?

– У вас и свои фанатики имеются, – усмехнулся кардинал, и ничего доброго в этой усмешке не было. – Мы пока не смогли понять, кто он, но следы ведут в Виен. Я рассчитываю на взаимовыгодный обмен информацией. Такие личности представляют угрозу не только для Испалиса или Астурии. Однако я здесь по другой надобности, обменяться информацией мы могли бы и с герром Германом. Наш фанатик рассказал очень интересную историю. Позвольте еще один вопрос, герр Людвиг?

Людвиг кивнул.

– Gracias. Что вы знаете об исчезновении драконьих всадников?

Мгновение Людвиг молча переваривал неожиданную смену темы, тем более неожиданную, что уж от донна Диего он не ожидал интереса к столь замшелым легендам.

– Все, что написано в сказках, – пожал плечами он.

– Начало череды странных смертей в вашем роду совпало с началом истребления всадников.

– Всадников истребили три века назад, а некроманты никогда не умирают обыкновенно. Не думаю, что здесь есть взаимосвязь.

– Оказывается, есть. Благодаря дару ваши предки смогли противостоять вирусу, погубившему остальных. Особые отношения со смертью иногда бывают полезны.

Людвиг снова пожал плечами:

– Бастельеро не берут ни яды, ни вирусы. Но среди Бастельеро никогда не было драконьих всадников. Мы никогда не роднились со всадниками. В семейных хрониках даже не упоминаются всадники!

– Возможно, и не упоминаются. Но вы обращали внимание, что в мире не осталось ни внятных описаний, ни изображений драконьих всадников? Кто-то очень постарался, уничтожая и дискредитируя даже память о них. Но колдуны Братства Ворона помнят. Наша библиотека хранит очень много интересных сведений. Марк Ортис просил передать вам это, – Диего выложил на стол черную папку, от которой разило опасными заклинаниями. Видимо, защита. – Это, естественно, копии.

– Что еще? – Людвиг не торопился прикасаться к папке. Он вовсе не считал паранойю недостатком, а уж в свете новой информации – тем более.

– Задумайтесь Людвиг, кому было выгодно исчезновение драконов? Три столетия назад...

– Открыли Новый Свет, – кивнул Людвиг. – И бритты составили конкуренцию Испалису, создали там колонии, фактически подмяв под себя большую часть нашего континента. Затем с востока пришли франки. Была война, в которой Испалис и Бриттия потерпели поражение, – озвучил Людвиг краткое историческое резюме. – Об этом знают все.

– Испалис и Бриттия проиграли, потому что не смогли вовремя перекинуть войска из Нового Света. Как раз перед войной начали гибнуть драконы, вместе с ними – всадники. Некому стало открывать порталы, пришлось возобновлять медленное и опасное морское сообщение между континентами. Наши армии вернулись, когда франки закрепились на завоеванных почти без сопротивления территориях. – Диего печально вздохнул. – До сих пор моя страна страдает от последствий того

поражения.

– Считаете, что след убийц моего дяди ведет в Брийо? – Людвиг сжал кулаки. Знал бы он об этом раньше, Темный Карлик ответил бы на его вопросы.

– Да. След ведет к франкам. Но Братство больше волнует не это. Активировались драконы. Впервые они появились над населенными землями незадолго до гибели вашей первой жены. Вскоре погибла и вторая герцогиня, как мы подозреваем, бриттская шпионка. А затем... то есть совсем недавно... – Диего глубоко вздохнул. – Я здесь, потому что у нашей Ясновидицы было видение. Лорен видела, как вашу третью жену уносит дракон. Красный. Фрау без чувств или мертва, ясновидица не смогла определить. Рядом еще три дракона. Горит Академия Наук. Она видела и вас, в крови, в отчаянии. И какого-то странного зверя рядом с вами. Лорен просила меня предупредить вас, Людвиг.

Дон Диего замолк, глядя на Людвига с сочувствием.

А Людвиг не мог думать ни о чем, кроме опасности для Рины. Проклятые драконы! Зачем им Рина? Да какая разница, зачем, главное – уберечь ее! И пусть убийцы, драконы и политики катятся к Барготу! Если для того, чтобы остановить все это безумие, понадобится еще одна Пустошь – будет им Пустошь! Да хоть на месте Брийо! А Барготом драные ящеры пусть убираются в свой мир, хватит...

– Людвиг, – тихо окликнул его дон Диего. – Все может оказаться совсем не так, как кажется. Прошу вас, не сыграйте на руку своим врагам.

– Вы правы, – Людвиг медленно выдохнул и разжал когти, насквозь пропоротившие дубовую столешницу. Пирамидка посреди стола дымилась, распространяя по ресторану неаппетитный запах горелой кости. Юный Винсент переводил полный ужаса взгляд с Людвига на дону Диего и обратно, явно не зная, бежать ему или надеяться на чудо. – Спокойствие, осторожность и логика. Я благодарен вам и за информацию, и за предупреждение. Могу я быть вам чем-то полезен?

– Несомненно, герр Людвиг. Братство надеется на ваше сотрудничество в расследовании. А пока, если не возражаете, я собираюсь показать Винсенту ваш прекрасный город.

Людвиг склонил голову, признавая за собой долг и обещая сотрудничество. Учитывая, что он сам кровно заинтересован в расследовании – он дешево отделался. Он бы, пожалуй, даже радовался, если бы не страх за Рину. Потерять ее? Чужестранку, ставшую ему ближе собственной родни, дороже... дороже... нет в его жизни ничего, что было бы ему дороже нее. И пусть это странно, глупо и смешно, но он любит

свою жену, эту странную, противоречивую, упрямую, нежную и страстную женщину.

Он поднялся одновременно с Диего и Винсентом.

– Уверен, дону Винсенту понравится Виен.

– Я тоже уверен. Мы обедаем с графом Энн, требуется скоординировать наши действия в отношении Франкии, – Диего едва заметно сощурился, став похожим на хищную птицу на охоте, и Людвиг почти пожалел наследника Франской империи. Ему достанется страна на пороге гражданской войны и злые соседи, которых придется задабривать изрядными кусками территорий. – А после обеда мы собираемся посетить Виенскую оперу. Ваша супруга любит оперу?

– Думаю, да. Пока нам не довелось ее посетить.

– Берегите ее, – дон Диего неожиданно тепло улыбнулся. – Лорен сказал, что девушка, упавшая вам в руки, принесет вам счастье.

Глава 13, о драконах и чучелах

Виен, Астурия

Людвиг

После разговора с испалийскими гостями Людвиг гнал домой так, словно его преследовали сразу десять бешеных драконов. Герцогиня Ортис ничего не сказала о времени, к которому относится ее видение. Вдруг это – сегодня? Сейчас? Пока он вытанцовывает дипломатический балет, Рину...

Думать дальше он не желал. И так перед глазами слишком явственно стояла картина пикирующего красного дракона – и насмерть перепуганные глаза жены. Однажды он чуть не потерял ее, будь прокляты политические игрища Барготом любленных франков! Хватит. Больше он не намерен ею рисковать. Никогда.

Герцогиня Ортис права, упавшая ему в руки девушка принесла ему счастье. И он это счастье не упустит!

А о политике, убийствах, проклятиях и прочем он подумает потом. Когда убедится, что с Риной все в порядке, и убедит ее держаться как можно дальше от опасности.

– Где Рина? – спросил он Рихарда, едва заглушив мотор.

– В библиотеке, читает...

Не дослушав, Людвиг отодвинул дворецкого с дороги и понесся в библиотеку. Наверное, спешить уже было необязательно, но ему необходимо было ее увидеть. Сейчас же.

Она подняла голову от книги, улыбнулась...

– Рина! Ты дома! – начал он, не останавливаясь.

– Людвиг!.. – она заговорила одновременно с ним.

Так же одновременно они замолчали, словно боясь спугнуть... Людвиг не знал, что именно – может быть, такое непривычное и такое прекрасное ощущение дома. Тепла. Доверия. Нежности.

Только подойдя к жене вплотную – она поднялась навстречу, сияя доверием и радостью – Людвиг вспомнил, что даже не снял перчатки.

К Барготу перчатки! И этикет, и весь мир к Барготу! Она ждала его, она...

Она приникла к нему, уютившись в его объятиях, и потерлась щекой о его плечо. Так уютно, по-домашнему, что у Людвига из головы тут же вылетело все, что он хотел сказать. И мысль про перчатки тоже – он просто стянул их и бросил. Куда-то.

Ее нежное ушко, едва прикрытое шелковым завитком, было слишком близко, чтобы не поцеловать его. И она слишком прерывисто вздохнула, слишком быстро забилося ее сердце, чтобы он смог остановиться. Да и зачем? Не было на свете ничего важнее, чем целовать собственную жену. Медленно. Вдумчиво. Впитывая цветочный, с примесью шамьета и меда запах ее тела, нежность ее кожи, ее взволнованное дыхание, ее тихий шепот:

– Людвиг...

Мягкая, податливая, горячая, она желала его так же сильно, как он ее. Ее пальцы уже теребили пуговицы его сюртука, ее платье уже сползло с плеч, позволяя губам Людвига исследовать тонкие ключицы и терпко-влажную ложбинку между грудей. На миг он прервался, когда она сердито фыркнула, не справившись с его шейным платком, оторвался от нее – и на пол полетел сначала едва не придушивший его платок, следом сюртук и сорочка. Он раздевался, не отрывая взгляда от Рины. Мелькнула мысль о чешуе, он же возбужден до предела, значит, наверняка опять превращается Баргот знает во что – и тут же исчезла, смытая восторгом в ее глазах. Словно его метаморфозы ничего для нее не значили, словно он нравился ей любимым, даже хитиновым чудовищем. А когда она изогнулась, что-то там сзади расстегнула и, лукаво улыбнувшись, стала выскальзывать из платья, Людвиг позабыл к Барготу последние сомнения, с рыком сдернул штаны – и поймал ее, приник к ее губам, стянул ненужное платье прочь и закинул ее ногу себе на бедро.

Она вскрикнула, вцепилась в его плечи, запрокинула голову...

И весь мир окончательно перестал существовать, оставив лишь ее, его прекрасную, нежную, страстную Рину.

А потом он обнаружил себя стоящим на коленях, в ней, все еще вздрагивающей от наслаждения. Ее ноги обнимали его бедра, пальцы путались в его волосах, нежную кожу покрывала испарина, а прямо перед его глазами на ее плече розовел след поцелуя.

Людвига посетило странное желание: сегодня вечером, в опере, видеть ее в платье с декольте, чтобы это розовое пятнышко осталось на виду. Как метка.

Он лизнул метку, потерся об нее губами. Рина тихо-тихо рассмеялась и шепнула:

– Ваша светлость – опасный маньяк. Или чудовище?

Людвиг на миг замер. Чудовище? Он? Но... она же не боится?

– Самое нежное на свете опасное чудовище, – проворковала Рина, целуя его в висок и лаская пальцами затылок. – Людвиг.

Закрыв глаза, он поднял голову, поймал ее губы своими – вместе с окончанием собственного имени. Чудовище? Да пусть, для Рины он никогда не будет опасным. И никому...

– Я никому не позволю тебя обидеть, ни одному чудовищу.

В ответ она его поцеловала. Снова. А потом поежилась и прижалась к нему плотнее:

– Холодно. Ты горячий, но тут холодно.

На миг Людвиг пожалел, что ему не подвластна трансфигурация, да и перемещение предметов тоже хромает. А согреть любимую женщину некромантией – определенно дурная идея. Примерно как поджечь камин в библиотеке. Пришлось, как обычному человеку, подбирать с пола ее платье и, смеясь и целуя ее, застегивать хитрые крючки на спине. Не все, часть оторвалась.

И лишь надев на нее платье, а на себя штаны и сорочку, Людвиг вспомнил – и о гостях из солнечного Испалиса, и о предсказании Лорен, и о Барготом залюбленных политических интригах.

– Рина, послушай...

– Людвиг, мне надо сказать...

Они замолчали одновременно, снова потянулись друг к другу, и Рина смущенно пожала плечами:

– Ты первый.

– Рина, тебе угрожает опасность. Прошу тебя, держись как можно дальше от драконов, увидишь тварь в небе – беги, прячься. Кто бы тебе не рассказывал, какие они умные, прекрасные и добрые, не верь. Драконы – опасные, хищные, коварные твари.

Рина нахмурилась, собралась возразить, но Людвиг разгладил пальцем хмурую морщинку между ее бровей и коснулся этого же места губами.

– Прошу, пообещай мне.

– Но они разумны!.. – заупрямилась она.

– Я не могу потерять тебя. Ты такая хрупкая и беззащитная, я никогда не прощу себе, если с тобой что-то случится. Будь осторожна, всегда бери с собой охрану, а лучше ближайшее время не покидай дом без меня. Я не знаю, что нужно от тебя этим тварям, но если кто-то из драконов хотя бы приблизится к тебе, клянусь – убью и сделаю чучело.

– Но с чего ты решил, что они хотят меня обидеть? – с тоской в голосе перебила его Рина. – Может, как раз наоборот!..

– Знаю. Точно. И я обещаю, скоро все это закончится. Я найду тех, кто покушается на нашу семью, и ты будешь в безопасности. Ты веришь мне?

Рина кивнула, опустив глаза. Словно ее лишили мечты. Это было

плохо и неправильно, но лучше отказаться от сказки, чем рисковать жизнью.

– Обещай мне: никаких драконов. Никогда.

– Обещаю, – тихо отозвалась она, так и не подняв глаз.

Людвиг обнял ее, потерся губами об ее растрепанные волосы.

– Все будет хорошо, моя радость. Совсем скоро. Хочешь, сегодня вечером поедem в оперу? Ты же любишь музыку... – Людвиг дождался неуверенного согласия и спросил: – Ты хотела мне что-то сказать?

Она вздохнула и прижалась к нему всем телом.

– Да ничего особенного. Просто хотела взглянуть на Академию, доктор Курт приглашал...

– Нет! – он не смог сдержать гнева, слишком хорошо помнил предсказание Лорен: Рину похитят прямо от Академии. Сама Академия сгорит, да и демоны с ней, но Рина!..

Она сжалась в его объятиях и попыталась отстраниться.

Проклятье!

– Рина, не сейчас, – он постарался говорить как можно мягче, но она все равно не расслабилась и не прильнула к нему. – Я не могу тебе объяснить всего, я сам не все понимаю, но Академия и доктор Курт опасны для тебя. Чуть позже я сам тебя отвезу, и ты увидишь все, что захочешь. А вечером я вернусь, и сходим в оперу, хорошо?

Она снова вздохнула и тихо спросила:

– Ну, хоть в салон мадам Шанталь мне можно? Все же опера, надо бы платье.

– Конечно, – с облегчением согласился Людвиг. Он бы предпочел, чтобы Рина осталась дома, но понимал: ее доверие слишком хрупко, стоит немного пережать, и все. Она замкнется. И все равно сделает все по-своему. В этом она похожа на него самого, маленькая упряmica. – Я оставлю тебе мобиль, возьми шофера, камеристку... лучше еще кого-нибудь для охраны. И будь готова к половине седьмого.

– Спасибо! Я буду, – она погладила его по щеке, чуть грустно улыбнулась и сбежала.

А Людвиг остался в библиотеке с назойливым ощущением, что он что-то упустил. Что-то очень и очень важное.

Возможно, он бы через минуту-другую понял, что именно, но в гостиной зазвонил фониль.

– Герр Людвиг, вас к аппарату! – Рихард возник на пороге, когда Людвиг сражался с сюртуком, пытаясь надеть его поверх наполовину застегнутой рубашки. Пуговицы опять куда-то делись.

– Чтоб вас, – вздохнул Людвиг, гадая, что и кому от него понадобилось на этот раз.

Брийо, Франкия. Резиденция Ордена Белой Лилий

Антуан де Флер

Антуан, облокотившись на книжный шкаф, с восхищением внимал воплям любимого начальства. Начальство бегало по кабинету, смешно переваливаясь на коротких ножках, и размахивало непропорционально длинными руками, то и дело задевая по носу стоящего навытяжку секретаря. Секретарь морщился, но терпел.

– Опять Виен! Опять этот некромант, чтоб его!.. Чтоб ему!.. Почему? Почему, если какая пакость, то она обязательно приходит из Астурии? Бедная моя голова! Стоит подумать, что снова придется кланяться этому несносному мальчишке... Чтоб его!

– Ну почему же, – весело заметил Антуан. – Предыдущая пакость приходила из Испалиса.

– Уверен, что без Ортиса и в этот раз не обошлось. Мсье Товиль! – кавалер Д'Амарьяк остановился напротив секретаря и упер указательный палец ему в грудь. – Почему я узнаю последним, что проклятые ящеры сожгли архив центрального госпиталя? Чтоб вас!..

Антуан про себя повторил особо заковыристый оборот и пожалел, что нельзя записать – такого издевательства Черный Карлик уже не стерпит.

– Ну так это же госпиталь, – развел руками секретарь. – Мне и в голову не могло прийти, что лекарские архивы входят в сферу наших интересов.

– Не могло, значит? Так может голова вам и не нужна, раз умные мысли в ней не рождаются? – прошипел Черный Карлик, и на кончиках его пальцев заискрилось заклинание.

Товиль покачнулся и схватился за сердце.

– Принесите мне все, что сохранилось! Каждую обгоревшую бумажку! – рыкнул Д'Амарьяк, и секретаря воздушной волной вышвырнуло в распахнувшуюся дверь. – Вы меня поняли, вашу!..

– Понял, ваше превосходительство! – донеслось из приемной.

Дверь захлопнулась, и Черный Карлик развернулся к де Флеру. Пришлось поспешно сесть на стул для посетителей, чтобы любимое начальство в состоянии аффекта не укоротило ему ноги – Черный Карлик терпеть не мог задираť голову в разговорах с подчиненными.

– Ты! Слушай меня внимательно, твою!..

Продолжая нецензурно орать, Черный Карлик жестом велел Антуану следовать за ним и стряхнул с пальцев так и мерцающее на них заклинание.

В следующий миг он шагнул назад, а на его месте осталась иллюзия – вполне материально топающая ногами и изобретательно ругающаяся.

Подойдя к книжному шкафу в глубине кабинета, Черный Карлик выдвинул толстый том, и шкаф беззвучно повернулся на хорошо смазанных петлях. Де Флер, так же оставив на стуле неотличимую от него-настоящего иллюзию, последовал за начальством в крохотную комнатку со стенами, увешанными артефактами. Даже воздух в ней казался густым и ватным от силы наложенных защитных чар. Антуан чуть не присвистнул: с прошлого раза «параноидальный кабинет» обрел еще несколько дополнительных плетений, хотя, казалось бы, если сунуть в него еще одно заклинание, то вся конструкция обрушится или взорвется. А нет. Д`Амарьяк сумел. Что ж, если его паранойя и на этот раз поможет им уцелеть – то слава ей во веки веков.

Стоило Антуану войти, как Карлик опустил рычаг, и кусок стены со шкафом встал на место.

– Антуан, у нас проблемы, – совершенно спокойно произнес Д`Амарьяк, садясь в одно из двух обтянутых кожей кресел.

Прозвучало это как: «У нас катастрофа, и мы все уже мертвы».

Де Флер молча сел во второе и сплел пальцы в замок, чтобы не вздумали дрожать.

– Среди нас предатель, – так же спокойно продолжил Д`Амарьяк. – Я лично распустил слух, что в архиве центрального госпиталя хранятся документы по делу Массена. Ты слышал о массенах?

– Нет.

– Читай, – на стол между ними легла тонкая папка без опознавательных знаков.

Антуан без лишних слов раскрыл дело и принялся читать.

Из документов следовало, что три века назад, когда Испалис и Бриттия начали колонизировать Новый Свет, некий кавалер Массен, необыкновенно одаренный маг и целитель, создал секретный орден ученых и магов, названный его именем. Массены разработали магический вирус, поражающий конечности драконов. Как показали испытания, заболевший ящер не мог двигаться около трех недель, затем выздоравливал. По приказу первого императора Франкии вирус распылили над Драконьей долиной – тогда драконы жили в горах между Астурией и Франкией. Драконы заболели, испалийские и бриттские войска застряли в Новом Свете, франки почти не встретили сопротивления при захвате территорий в Старом Свете и заложили основу нынешней империи. Но случилось непредвиденное. Вирус мутировал, драконы начали умирать, а вместе с ними и драконьи

всадники. Драконы прекратили все отношения с людьми и ушли в непроходимые горы на востоке. А единственный маг, который хотя бы теоретически мог остановить эпидемию, сначала сбежал из Франкии, а вскоре погиб при загадочных обстоятельствах.

Антуан оторвался от документов.

– Так я не понял, драконы в самом деле разумны? И кто убил Массена? Здесь нет об этом ни слова.

– На первый вопрос – да. На второй – Бастельеро.

– Людвиг? – ошарашено нахмурился Антуан. – Или сам Маркус?

Темный Карлик болезненно скривился.

– Разумеется, нет. Младший внук Маркуса, сбежавший во Франкию. Что-то они там не поделили с наследниками. Он был всадником и некромантом незаурядной силы. Не таким, как основная линия, разумеется, но ему хватило их проклятого везения, чтобы докопаться до правды!

– Почему тогда Франкия до сих пор существует? После такого скандала соседи должны были стереть нас с лица земли, – хмуро спросил Антуан. – А наша империя до сих пор процветает.

– Потому что Франциск Первый сразу, как разразилась эпидемия, уничтожил орден вместе со всеми его членами и архивами. Идиотское решение! Вместо того чтобы бросить все силы на прекращение драконьего мора, он сжег все материалы исследований, все записи, все образцы и всех, кто хоть что-то знал о вирусе!

– И Бастельеро тоже?

– Его убили с большим трудом, – кивнул Д`Амарьяк. – Хотя его записи так и не нашли, сожгли на всякий случай дом и вымарали его имя из всех документов. До сих пор Бастельеро считают его смерть несчастным случаем и не знают, что в их роду был драконий всадник. Мой дальний предшественник поработал на славу, – Д`Амарьяк надолго замолчал.

– И?.. – осторожно напомнил о себе Антуан.

– Часть ордена Массена уцелела как раз благодаря тогдашнему главе Белой Лилии, чтоб ему демоны печень грызли! Массены существуют до сих пор. И я об этом узнал только благодаря милости наших испанийских друзей. Ко мне вчера прилетал ворон.

– Колдун?

– Да, один из братства. Он и поведал эту замечательную историю. Пришлось прижать умертвие императора, чтобы узнать подробности.

– И какие цели преследуют массены?

– Установление нового, справедливого и разумного миропорядка, какие ж еще, – Д`Амарьяк презрительно фыркнул. – С помощью магии и

науки. Они продолжают исследования, пытаются создать на основе того вируса нечто, лишаящее драконов разума и свободы воли. Драконы в роли преданных псов, каково, а?

Антуан сжал кулаки. Ученые! Благородные цели! Если им удастся, мировая война, прекращенная Бастельеро, покажется цветочками. Ведь никто и никогда не сумел использовать драконов в войне, а эти – сумеют. Десятки ящеров, с воздуха поливающих города огнем, жгущих армии на марше, способных мгновенно перемещаться куда угодно! Сохрани Единый от такого кошмара!

– Поэтому их надо уничтожить, – кивнул Д`Амарьяк. – Я встречаюсь с коллегами завтра вечером, надо скоординировать действия. И еще, де Флер, среди нас предатель. Кто-то из Ордена сливает информацию массенам. Они до сих пор ищут бумаги того самого Бастельеро, потому что проклятый некромант, прикончив Массена, забрал его архив! И Орден Лилии этот архив так и не нашел. Возможно, Бастельеро успел его передать своей родне в Астурии, возможно, спрятал во Франкии. А может быть вообще где-то на Пустоши, с них, некромантов, станется! И только представь, что будет с Франкией, если этот архив всплывет!

– Да уж, войну со всем континентом нам не выдержать, – вздохнул Антуан, про себя подсчитывая активы и размышляя, достанут его в Кордильерах или нет? Пожалуй, не достанут. Но вот Франкия... все же он здесь родился. Да и титул. И вообще, он еще побарахтается! – И что мы будем делать?

– Поедешь в Виен, встретишься с Бастельеро и расскажешь все. Язык у тебя подвешен, как у балаганного зазывалы, так что убеди его, что мстить уже некому и что мы, демоны подери, друзья и союзники навек. Обещай ему... да что хочешь, обещай! И параллельно начинай искать крота, это совершенно точно кто-то из высших офицеров. В Виен подключи к расследованию Тори, есть у меня подозрение насчет нынешнего главы массенов. – Д`Амарьяк злобно хмыкнул и подвинул к Антуану листок бумаги с именем, но в руки не дал. – Прочитал? Запомнил?

– Запомнил, – кивнул Антуан, почти не удивленный кандидатурой.

– Вот и молодец. Действуй, барон, действуй!

Глава 14, о дружбе и диете

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Когда Людвиг, поминая Баргота, политику и любимое начальство в различных позах, умчался на службу, Рина вздохнула с облегчением. Или с разочарованием. Она сама не понимала, чего больше. С одной стороны, от признаний Людвигу ей хотелось взлететь и петь, словно жаворонку на рассвете. Пусть он не сказал «люблю», но он искренне заботился о ней, и его страсть... ох...

Ринка прижала ладони к щекам, чтобы немножко их остудить. Горели. И что-то такое внутри трепетало и жаждало продолжения. Можно прямо сейчас, на худой конец – вечером, в опере. Интересно, в Виенской опере предусмотрены места для поцелуев?

А с другой стороны, его пассаж о драконах спутал все ее планы. Ей нужно, необходимо было показать ему Фаберже! Сейчас же! Чтобы никакие тайны и недомолвки не стояли между ними! Чтобы Людвиг помог ей, ведь малыш растет, а Рина даже не знает, чем его кормить и как за ним ухаживать! Ей срочно нужна помощь!

Но если Людвиг настолько зол на драконов (интересно, почему?), что в самом деле убьет Фаберже? Или перепугает до смерти, вряд ли новорожденный дракон обладает настолько крепкой психикой, чтобы пережить встречу с разъяренным некромантом! Людвиг, конечно же, до кончиков ногтей утонченный аристократ, не мыслящий трапезы без двенадцати столовых приборов, и предпочитает уничтожать противника презрительным движением брови, но в поединке со взрослым драконом Рина бы определенно поставила на Людвигу. Даже после того, как видела расплавленную драконьим плевком статую.

Ладно. Страдать и сомневаться все равно некогда, надо обращаться за помощью к доктору Курту. А Людвигу она непременно все расскажет. Сегодня же. Найдет подходящий момент, когда ему будет не до злости, и расскажет.

Кажется, она снова покраснела, представляя в деталях этот самый момент, и вспоминая, какое у Людвигу было лицо... Боже... разве может мужчина быть настолько открытым, нежным и беззащитным? Словно он не занимался с ней любовью, а дарил ей душу и сердце.

Ринка так глубоко задумалась – или размечталась? – что не заметила,

как в будуар вошел вызванный ею Рихард.

– Кхе... ваша светлость? – ему пришлось напомнить о себе.

Рина встрепелась и попыталась спрятать руки за спину, словно ее застукали на чем-то неприличном. Хотя она просто сидела в кресле и думала о муже. Законном муже, между прочим! И тут совершенно нечего стыдиться!

– Рихард, – начала Ринка, пытаясь взять себя в руки и сосредоточиться на важном деле, а не на эротических фантазиях. – Как вы считаете, если я возьму с собой девушку с оружием, сведущую в убийстве, Людвиг не будет возражать?

– Вы имеете в виду мадемуазель Бальез? – невозмутимо уточнил дворецкий.

– Да. Хочу проехать по магазинам.

– Думаю, мадемуазель сможет вас защитить. Позвонить ей? – дождавшись кивка Риной, он уточнил: – Где вы предпочитаете с ней встретиться?

– Пожалуй, в салоне мадам Шанталь. Через час. А я пока зайду в лабораторию, надо навестить малыша. Машину подавайте через полчаса.

Звать Тори домой Ринка сочла преждевременным. Не стоит нервировать Людвигу информацией о том, что она общается с его бывшей любовницей и коллегой. Или соперницей? Черт разберет эти конторы, то они сотрудничают, то строят друг другу пакости, то все одновременно. Прямо как у нас.

И еще неизвестно, что Людвигу напрягает больше, дружба жены с бывшей любовницей или общение поднадзорной иномирянки со спецслужбами вероятного противника. Впрочем, прямо сейчас Ринку это не волновало, как и мнение клуш на лавочке у подъезда, в данном случае – великосветских сплетниц. Пусть сколько угодно живут «как положено» и «как все», играют в свои дурацкие общественные игры, Ринка плевать на них хотела.

Тори – бесценный источник информации, Тори может ее защитить в случае чего, и с Тори не нужно притворяться такой же клушей, как «правильные» дамы. А что Людвиг с ней спал, так и что? Это было до его знакомства с Риной. Она тоже не в монастыре все свои двадцать лет прожила. Людвиг не ревнует ее к бывшим, и она его – тоже. Ей нервы дороги, мало ли, сколько у него было любовниц! И жен. Все в прошлом.

Вот если Тори снова полезет к Людвигу в постель, тогда...

Впрочем, в такой вариант Ринка не верила. Ему спать-то некогда с его службой, какая тут к Барготу любовница!

Ринка хмыкнула, поймав себя на поминании любимого мужнина персонажа. Заразилась. Теперь бы не заразиться от Петюни привычкой дергать лопатками, проверяя крылья.

Малыш, запрыгнувший ей на руки сразу, как только Ринка вошла в лабораторию, в пятый, наверное, скосился назад и пошевелил крылышками. Он откровенно и неприкрыто нравился себе, что Ринка всецело одобряла.

– Красивый. Самый красивый на свете малыш, – она почесала ему шейку под гребнем.

Фаберже довольно заурчал, потянулся и свернулся клубочком наподобие кошки. Клубочек вышел большим, не меньше Собаки. Малыш рос с невероятной скоростью, а его активности мог бы позавидовать Энерджайзер.

– ...колбу тоже разбил, – докладывала Магда о ночных проделках чешуйчатого непоседы. – Не знаю, что у вас там такое синенькое, но Петюня его съел. И как не потравился!

«Глупое двуногое, – проворчала Собака, наблюдающая за Магдой со стола. – Драконы не могут отравиться. Он килограмм цианида съест и даже не пукнет».

Ринка уже почти привыкла к тому, что ушами слышит «мяу» и «фыр», а чем-то еще – внятную речь. Пока она списывала это на магию, но в обозримом будущем собиралась докопаться до истины. Не зря же доктор Курт зовет себя именно ученым, а не магом! Значит, и она сможет разобраться.

– Опять она мряфкает, – вздохнула Магда. – Как будто говорит чего, только я не понимаю.

– Не обращай внимания на глупое животное, – улыбнулась ей Ринка и едва удержалась, чтобы не показать Собаке язык, уж очень смешно та встопорщила усы и сверкнула глазищами.

«Сами вы глупые животные», – фыркнула Собака и отвернулась.

– Я и не обращаю. Мадам, смотрите, он опять голодный! – Магда умиленно (и устало) всплеснула руками. – Вашу шаль ест!

Ринка опустила взгляд и обнаружила, что дракончик уже разделался с кистями на конце шали и, прикрыв глаза, жует вышитую розу.

– Похоже, молока ему уже мало, – Ринка сбросила шаль и отдала ее дракончику целиком. Раз Собака сказала, что не отравится, пусть доедает. Может, у него в организме как раз не хватает вышитых роз. – Магда, как думаешь, что едят взрослые драконы?

– Девственниц? – невозмутимостью Магда внезапно напомнила

Рихарда. Вот и еще одна заразилась! Хотя до троллизма восьмидесятого левела ей еще расти и расти.

– Думаю, просто юных девиц тоже. Они ж большие, девственниц на напасешься, – парировала Ринка.

– Так то небось простые драконы, а наш – благородный. Мама целая герцогиня. Только девственниц! – заявила Магда и протянула руки к дожевывающему шаль Фаберже.

Ринка заподозрила, что камеристка не шутит. Уж слишком серьезна. И решила не развивать тему, а то такого наслушается, что ум за разум зайдет.

– Иди к Магде, малыш, – Ринка подпихнула Фаберже под хвост.

– Магда тебе пирожка даст, вкусного пирожка, с ягодками. Любишь малинку, Ути-Петхен?

Ути-Петхен тут же заинтересованно принялся обнюхивать Магду в поисках вкусенького, а Ринка открыла коробочку, где хранилась красная чешуйка. Потрогала ее, убедилась, что чешуйка теплая. И положила рядом с ней еще одну, найденную сегодня в библиотеке. Находка ее изрядно удивила, ведь когда они с Людвигом занимались любовью, чешуи не было! Или была? Может, чешуя появилась, а Ринка ее не заметила?

Прижав ладони к полыхающим щекам, Ринка пришла к выводу, что запросто. У нее и сейчас перед глазами все плывет и заканчивается воздух в легких, стоит только вспомнить Людвига. А в процессе... Да если бы он весь чешуей покрылся жвалы отрастил, черта с два она бы что заметила!

Так. Хватит грезить! Надо заняться делом. Исследовать чешуйки, к примеру. Что-то они кажутся уж очень похожими.

Но не сейчас. Времени нет. Вот завтра, как Людвиг уедет на службу – так сразу. А пока надо все же выяснить, что едят подрастающие драконы.

«Мясо! – прозвучало у нее в голове. – Драконы едят много мяус-са! Пирожки с малиной тоже вкусные, но мяусо лучше!»

Она обернулась к Фаберже, сидящему на руках у Магды и доедающему второй (или пятый?) пирожок.

– Договорились, будет тебе мясо, малыш. Вот только как это спрятать от Людвига?

– Как-нибудь, – оптимистично улыбнулась Магда. – Не волнуйтесь, мадам, я все устрою!

Пришлось поверить Магде на слово, по крайней мере, сейчас. И, поцеловав Петюню в нежный прохладный носик, оставить его на попечение Собаки. Ненадолго. Лишь пока Магда помогала ей надеть платье и подавала лисий палантин, чтобы ехать на разведку.

«Лишь бы разведка была не боем», – подумала Ринка, когда шофер

истинно арийской, но не особо утонченной наружности открывал перед ней дверцу мобиля.

Француженка ждала Рину, попивая чай с пирожными и болтая с мадам Шанталь о новинках моды. Стоило Ринке войти в салон, кругленькая мадам оставила Тори и подкатилась к ней, всплескивая пухлыми ручками и щебеча что-то на тему «вы очаровательны, мадам, специально для вас вот только что завезли изумительные кружева и лионские шелка». Дождавшись паузы, Ринка озвучила пожелание:

– Платье для посещения оперы сегодня вечером.

Мадам снова всплеснула ручками, восторженно охнула и позвала мастериц с тканями, чтобы «их прекрасная светлость» могли выбрать цвет по вкусу.

– Бери темно-синюю с изумрудным отблеском тафту, – посоветовала растерявшейся от суеты и слишком богатого выбора Ринке французская шпионка. – Под королевские топазы и твои глаза.

Ринка с облегчением согласилась. Тафта и ей самой нравилась, но цвет непривычно смелый, она никогда не носила ничего подобного дома. Впрочем, теперь ее дом – здесь, а у мадам Шанталь ей снова сделают правильный макияж...

– Ах, ваша светлость! Вам невероятно идет! Вы позволите подобрать вам аксессуары? Его светлость Бастельеро открыл на ваше имя неограниченный кредит! Только жалость какая, – запричитала мадам, – мэтр Джованни освободится лишь через час!

– Не беда, – улыбнулась Ринка. – Мы с Тори как раз прогуляемся по магазинам. Дорогая, ты обещала показать мне лучшего в Виен ювелира.

– О, да, – просияла Тори. – Здесь совсем близко, если сразу выйти на параллельную улицу. Шанталь, милая, ты же не заделала дверь в лавку мсье Роже?

Мадам Шанталь мило порозовела, став цветом в точности как отделка салона, и кокетливо взмахнула ресницами:

– Конечно же, нет. Мсье Роже так любезен...

– Что позволяет твоим клиенткам время от времени сбегать от надзора мужей. За скромную мзду.

– Пфе! Ревность нынче не в моде, но эти мужья... – мадам Шанталь явно могла много чего сказать об «этих мужьях», но дипломатично промолчала, памятуя о неограниченном кредите от герцога Бастельеро. – У мсье Роже сегодня совершенно изумительные круассаны, непременно попробуйте.

Не переставая щебетать, мадам провела их какими-то коридорами и

кладовками, отперла замаскированную гобеленом дверь – и вывела в почти пустой зал небольшой кафешки. За стойкой хозяйничал невысокий, жилистый и носатый франк, чем-то смахивающий на знаменитого детектива Пуаро. Он любезно предложил дамам дивно пахнущего шамьета и совершенно не расстроился, когда дамы отказались и выскользнули прочь, на соседнюю улицу. Совсем рядом с кофейней был припаркован вишневый мобиль.

– Поехали, – кивнула на него Тори.

Водила она так же темпераментно, как употребляла пирожные и ругала начальство, которое вконец запуталось, чего же хочет от этой жизни, и завалило бедняжку противоречивыми указаниями...

– ...и как я буду выяснять, что затевает Оранжерея, когда все знают, кто я такая? Спрашивай, говорю Антуану, сам, раз вы теперь друзья, а я вообще в отставку хочу. Выйду замуж и кафе открою, как у мсье Роже. И назову «У белой лилии». Я, может, всю жизнь мечтала о тихом уютном местечке, – Тори печально вздохнула и тут же, без паузы, вдавила газ и подрезала ни в чем не повинную бричку. Лошади шарахнулись, кучер заорал нечто нецензурное, а Тори с безмятежной улыбкой обернулась к Ринке: – Будешь приходить ко мне пить шамьет и немножко сплетничать?

– Буду, – согласилась Ринка.

– Не хочу возвращаться в Брийо. Здесь спокойнее. Ты знаешь, что Астурия – самая спокойная, мирная и скучная страна на континенте?

– Скучная? – не поверила Ринка.

– Именно. За последние три века самое значительное событие – это юбилейная, трехсотая, пивная ярмарка. Не то что в нашей ненормальной Франкии! То мы кого-то завоевываем, то нас кто-то завоевывает, надоело! Хочу мира и покоя.

– Ага, – хмыкнула Ринка. – Видела я этот ваш мир и покой. То драконы летают, то спецоперации средь бела дня. От Людвига теперь все шарахаются, как будто он прокаженный.

– Обыватели, – презрительно фыркнула Тори и тут же просияла: – Смотри, Академия Наук! Похожа на вашу? Никогда не бывала в России!

– Немножко, – не покривила душой Ринка. – Я выросла в научном городке. У нас там восемь НИИ, в смысле, институтов, каждый на своей территории. А в парке Химфизики живут лоси.

– Лоси, это как вон те? – Тори кивнула на стайку студентов в черных мантиях и разноцветных шапочках, несущихся во весь опор из одного корпуса в другой.

Корпуса, кстати, ничем не походили на архитектуру Виен. Белые,

высотой за десять этажей, с витыми наружными лестницами, разнокалиберными окнами – квадратными, круглыми, трапециевидными – и случайным образом понатыканными балкончиками, арками, колоннами и галереями, соединяющими корпуса между собой. Центральный корпус был выше остальных раза в полтора и заканчивался сверкающим, как бриллиант, граненым стеклянным куполом.

– Нет, которые с рогами. А кто это проектировал?

– Был такой великий испанийский маг и архитектор, Сальваторе Даэли. Очень великий.

– А часы где? – хихикнула Ринка и почти без удивления услышала ответ в ответ:

– Их видно с главной аллеи, сейчас подъедем.

Ринка ожидала увидеть «стекающие» часы со знаменитой картины Дали, но реальность превзошла все ее ожидания. Эти часы не гнулись и не стекали с ветки. Эти часы висели в воздухе и, казалось, показывали вместо времени какую-то иную вселенную. Ну, как минимум иное измерение. И там, в другом измерении, бродили диковинные животные, летали шестикрылые птицы, светили и танцевали незнакомые созвездия...

– Не смотри долго, голова будет болеть. Академики утверждают, что часы дона Даэли существуют одновременно в девяти измерениях, а это лишь проекция. Как по мне, лучше те, что на ратуше. Время соседней вселенной интересно лишь очень-очень великим ученым.

– А я бы хотела здесь учиться, – пробормотала она, вспомнив родной университет, отца и бабушку.

– Я тоже мечтала получить образование, – Тори печально улыбнулась и, подхватив Ринку под руку, повела к главному входу, выполненному в виде усеченного эллипса, стоящего на широкой части. Ступени, ведущие к дверям, были разной высоты, ширины и наклона. Видимо, тоже вели не только в наше измерение. А Тори продолжала: – Но за меня все решили. С моим происхождением выбора-то особо и не было.

– Происхождением? – машинально переспросила Ринка.

– Бастардам всегда непросто, – пожала плечами Тори. – Особенно если твой папаша – граф и не последний чин в Ордене, а мамаша – куртизанка. Так что образование у меня было весьма специфическое.

– Наверное, – улыбнулась ей восхищенная видами Академии Ринка. – А у меня мать водевильная актриса, так что образование тоже специфическое.

Тори аж замерла на третьей, самой широкой ступени.

– Твой отец женился на бывшей актрисе?

– Не бывшей, а настоящей. Мама до сих пор поет. Я тоже хотела, училась вокалу, но не сложилось, – Ринка вздохнула с грустью и внезапно поняла, что ей больше не больно. Да, она потеряла голос и не выйдет на сцену, и может быть никогда не вернется в универ, на родной биофак, но ведь жизнь не ограничивается сценой или лабораторией! – Зато теперь у меня есть подруга. Знаешь, дома с подругами было сложно. Одноклассницы меня недолюбливали из-за матери, ну и я довольно много времени проводила в столице, в театре. А в универе как-то не удалось ни с кем подружиться по-настоящему, после театра студенческие интрижки и соперничество за однокурсников-заучек казалось слишком пресным и детским, что ли.

Тори понимающе кивнула и потянула Ринку дальше.

– У меня тоже никогда не было подруг. Не при моей профессии. Знаешь, как надоело? Это в романах весело, а на самом деле – тяжело и опасно. Хочу замуж и свое кафе. Я умею варить девятнадцать сортов шамьета!

– Ого! – восхитилась Ринка, и тут они зашли в главный корпус Академии.

Внутри он был не менее безумен и прекрасен, чем снаружи. Сначала Ринка с Тори попали в широкий арочный тоннель, стены которого текли и переливались, показывая то незнакомые символы, то чуждые пейзажи, то на мгновение замирая в каком-нибудь одном цвете. Из него девушки попали в холл... то есть оно должно было быть холлом. На самом же деле они оказались в полом цилиндре, диаметром явно больше, чем корпус казался снаружи. Его заливал солнечный свет из стеклянной крыши, причем Ринке показалось, что солнце не одно, даже не два (она помнила о погодном шаре, да), а минимум три – белое, желтое и голубое. Внутри цилиндра светились, сверкали и подмигивали разнокалиберные окна и несколько хрустальных глаз в человеческий рост и даже больше. По стенам вились галереи, плавали вверх и вниз прозрачные лифты, изгибались лестницы. В центре парил фонтан – он изливал звенящие струи прямо на головы посетителей, но вода не долетала до пола, рассыпаясь мельчайшей каплейю где-то на уровне второго этажа и к первому испаряясь окончательно. А на полу свернулся кольцом гигантский мраморный дракон.

– Вы к кому, дамы? – окликнул раскрывших рты девушек старческий голос.

Они синхронно обернулись и уставились на древнего дедулю, сморщенного и коричневого, как печеное яблоко, зато с ухоженной белоснежной бородой и в черном кителе с золотым галуном.

– К доктору Петеру Курту, – первой опомнилась Тори. – Сообщите ему, что явилась герцогиня Бастельеро с компаньонкой.

Дедок блеснул на удивление яркими голубыми глазами, и Ринке на миг показалось, что в его руках вот-вот окажется скальпель, а она сама – на лабораторном столе. Вот же научные маньяки!

– Разумеется, ваша светлость. Минуту. – Вахтер направился к хвосту мраморного дракона, оказавшемуся стойкой охраны, и поднял трубку белого же монстрообразного фониля. – Доктор Курт, к вам герцогиня Бастельеро... да... с компаньонкой... разумеется, доктор.

Ринка про себя удивилась, насколько почтительно звучит в его устах обращение «доктор»: почти как «ваше величество».

– Прошу, ваша светлость. Тридцатый этаж, первый кабинет. Центральный лифт.

При ближайшем рассмотрении лифт оказался не стеклянным, а хрустальным. И не банально прямоугольным, а шарообразным, с сотней сверкающих граней. И при этом – идеально прозрачным. Разумеется, никаких тросов, опор, направляющих и прочих прозаических механизмов к нему не прилагалось. Просто хрустальный шар, раскрывшийся перед Ринкой и Тори наподобие цветка, по команде вахтера «тридцать» начал медленно подниматься сам по себе.

Несколько минут они молча разглядывали местные чудеса, однажды отшатнулись от огромного глаза, заглянувшего в лифт и подмигнувшего с каким-то явно похабным подтекстом. На обыкновенный гранитный пол последнего этажа они ступили, держась за руки. Просто на всякий случай.

Первый кабинет нашелся сразу, потому что был единственным на этаже. Обыкновенная дверь из гладкого палисандра, в две створки. Скромная бронзовая табличка «Д-р Курт».

– Скромность паче гордыни, – хмыкнула Ринка, так ей это напомнило выпендр отцовских коллег. Только доценты и кандидаты вывешивали на дверях все свои регалии, а чем авторитетней был ученый, тем короче писал вывески. Вот так, в одну фамилию, назывался только директор института. У папы на двери все же было обозначено «Завлаб. Д-р Ланской».

Скромный и демократичный доктор Курт вышел их встречать через пару секунд после приземления лифта. Улыбнулся, поцеловал ручки обеим дамам, заверил, что всегда рад видеть столь прелестных особ и вопросительно глянул на Ринку.

– Моя подруга, мадемуазель Тори Балъез.

Не говорить же ему, в самом деле, что Тори – лейтенант разведки не очень дружественной Франкии, а до кучи бывшая любовница ее мужа и ее

собственная охрана на сегодня.

– Здравствуйте, доктор Петер, – пропела Тори и лукаво улыбнулась. – Для меня большая честь познакомиться с самим главой Академии.

– Для вас – просто Петер, прелестная мадемуазель. Ваш акцент невероятно мил.

– Ах, благодарю! У вас тут столько удивительного! Вы же расскажете нам, не правда ли? А этот мраморный дракон, он совсем как настоящий. Тоже дон Даэли?

– Нет, у этого дракона совершенно уникальная история, – начал доктор Курт, распахивая перед Ринкой и Тори дверь в просторную приемную, охраняемую Цербером: мужеска полу, с седыми усами и военной выправкой. – Это точный слепок одного из последних драконов-проводников. Четыреста лет назад...

Ринка с легким недоумением наблюдала, как доктор Курт распускает павлиний хвост перед едва знакомой француженкой и тает, тает от ее улыбки. Вот, значит, какое специфическое образование получила Тори! Ну да, если мать – куртизанка, а отец – маг. Как Людвиг умудрился в нее не влюбиться? Чудеса, да и только. Доктору Курту подобное чудо, похоже, не светит. Еще немножко, и Тори достаточно будет лишь намекнуть на «замуж», и ей преподнесут самое роскошное кольцо, которое только можно найти в этом мире.

Конечно же, Рине доктор Курт тоже уделял внимание, рассказывая академические байки – что из них было правдой, а что просто легендами, Ринку пока не слишком интересовало. Другое дело, лаборатория! Она располагалась на том же этаже, и вход в нее был через кабинет. Недемократично роскошный. Видно было, что доктор Петер живет скорее здесь, чем где-либо еще. Что для Ринки было совсем не удивительно. Папа тоже частенько оставался ночевать в институте, на диване в лаборантской.

Научные маньяки во всех мирах похожи.

Интересно, Тори будет приносить ему шамьет прямо в лабораторию?

Судя по количеству замков и тяжести самой двери, больше похожей на сейфовую, в свою лабораторию доктор Курт едва ли пускал посторонних. Тем интереснее было Ринке заглянуть в святая святых!

Едва ступив внутрь, обе девушки синхронно ахнули.

В этой лаборатории невозможно было отличить магию от науки, впрочем, Ринка уже и сомневалась, что в этом мире между ними есть разница.

Посреди зала, разделенного невысокими перегородками на секции, висел огромный шар, напоминающий маленькое солнце. Каждое отделение

огромной лаборатории переливалось и сияло непонятными огнями, что-то булькало, плавилось, рычало, дымилось и исходило странными запахами. А несколько помощников доктора Курта, одетые в белоснежные халаты, что-то помешивали, записывали, паяли. На заглянувших в лабораторию дам они не обратили ровно никакого внимания, зато один из них, мужчина средних лет и чисто арийской внешности, обрадованно закричал:

– Петер, наконец... – дальше последовала фраза, состоящая сплошь из непонятной терминологии. Ринка в ней понимала лишь предлоги и то, что случилось что-то важное и ожидаемое.

Доктор Курт ответил такой же абракадаброй и обещал вернуться через полчаса.

– Прошу меня простить, но вам пока не стоит подходить ближе, идет эксперимент.

Ринка кивнула. Папа тоже пускал праздных гостей ровно на порог, чтобы они не вздумали трогать образцы нестерильными руками или, боже упаси, дышать на тончайшее оборудование.

– Конечно, доктор Курт. Мы совсем ненадолго.

Они вернулись в кабинет, доктор усадил дам на диванчик и через селектор отдал распоряжение Церберу принести шамьета.

– Итак, Рина, что тебя привело ко мне? Вижу, ты чем-то озабочена.

И как заметил, Ринка же старательно улыбалась, восхищалась Академией и отгоняла от себя мысли о Фаберже!

– Мне необходима литература по драконам. Особенно по их контактам с людьми, – ответила она, не вдаваясь в подробности. – Вы говорили, в Академии самая большая в Астурии библиотека...

– Не только в Астурии, но и на всем континенте, – доктор Курт не преминул победительно глянуть на Тори, отдавая Церберу еще одно распоряжение: доставить в кабинет полдюжины книг. – Тебе по-прежнему не дают покоя драконы?

– Людвиг сказал, что мне следует держаться от них как можно дальше, но не сказал, почему, – Рина подпустила в голос вполне искренней обиды. – Вот я и хочу узнать все об этих летающих ящерах, чтобы понять, чем они могут угрожать? Ну не едят же они жен некромантов?

– Еще как едят! – округлила глаза Тори, внезапно входя в образ наивной простушки. – Все знают, что драконы не брезгают человечиной!

– Тори, вы ведь девушка образованная! – скривился доктор, приняв ее игру за чистую монету. – Ну как можно такое говорить!

– А вот в сказаниях о Белом рыцаре рассказывается, как дракон напал на отряд воинов и всех их сожрал! Я читала! – Тори похлопала ресницами,

едва не подняв ураган.

– Вы читали сказания? В современном переводе со старороманского? – снисходительно спросил он.

– В оригинале, – Тори скромно улыбнулась и снова похлопала ресницами. – Я воспитывалась в приюте, который готовил гувернанток для детей аристократов. Каждый из нас должен был выучить два иностранных языка, и я единственная выбрала старороманский.

– Почему? – тут же спросила Рина, сделав себе мысленную заметку: узнать, где же на самом деле росла и обучалась Тори. Дружба и доверие штука хорошая, но только если доверие взаимно.

Тори смутилась, и Ринке показалось, что искренне.

– Я до сих пор люблю сказки. Давно выросла, а сказки люблю.

– Вы знаете мертвый язык? А по каким учебникам вы учились? Какие источники изучали? – Курт посмотрел на француженку с новым интересом и даже с уважением.

Тори под его взглядом зарделась, кивнула и перечислила десяток длинных латинских названий, не сказавших Ринке ровным счетом ничего, зато с каждым новым уважения во взгляде доктора Курта прибавлялось. Под конец он уже смотрел на Тори, как на редкое сокровище.

– Невероятно, такое прилежание для юной мадемуазель!

– Мне это нравится.

– Тогда, быть может, вы согласитесь поработать вместе со мной над переводом одного небезынтересного труда? Мне нужен секретарь, хорошо понимающий старороманский.

– Я сочту за честь, доктор Курт, – ответила Тори, глядя Курту в глаза и краснея еще больше.

Ну и актриса, восхитилась Ринка. Такая искренность, что попробуй не поверь! Интересно, Курт ей нравится на самом деле или это тоже задание? А если задание, то какое, и нужно ли сообщить об этом Людвигу? Ведь Тори как-никак офицер соседской разведки.

– Отлично! Я буду ждать вас завтра к восьми утра, здесь.

В дверь постучали, и вошел седоусый Цербер со стопкой книг. Доктор Курт показал сгрузить их на стол и, дождавшись ухода секретаря, обернулся к Ринке.

– Я бы с удовольствием рассказал тебе о драконах все, что знаю, но это займет слишком много времени. Здесь, – он достал из ящика стола толстую тетрадь, – собрано практически все. Это черновик монографии, пока неоконченной, я собираюсь продолжать исследования еще долго. Драконы – невероятно интересные и противоречивые существа!.. Их

пространственная магия манит меня больше всех сокровищ мира.

Ринка залюбовалась доктором. Когда он говорил о драконах, то молодел лет на двадцать.

– Да вы поэт, доктор Курт, – улыбнулась Рина, все мысли которой были о Фаберже. – Скажите, если бы вы смогли побеседовать с драконом, о чем бы спросили?

– О, Рина... – Курт загадочно улыбнулся. – Я бы задал массу вопросов, но больше всего меня интересует создание межмировых порталов. Уверен, это была бы главная тема наших бесед. Жаль, такое большое существо в лабораторию не пригласить, – рассмеялся он. – Кстати, а почему ты не попросила книги о драконах у супруга? Я слышал, что в семье Бастельеро хранится уникальный архив, в котором собрано все о сотрудничестве людей и драконов, с первого до последнего драконьего всадника.

Он спокойно смотрел на Рину, ожидая ответа.

– Я прочла все, что было в библиотеке мужа, но назвать это архивом у меня язык не поворачивается. Всего-то сборник легенд и сказаний. Так драконьи всадники – не сказка?

– Нет, дорогая моя Рина. Это были уникальные люди, которые не только понимали драконов, но и могли охлаждать жар драконьего тела, позволяя таким образом перевозить на их спинах грузы и людей без риска быть зажаренными. Ты, возможно, не знаешь, но температура тела взрослого дракона приближается к температуре кипящей воды.

– Ничего себе. Но ведь ни одно биологическое существо не способно выдержать такой температуры! Белок сворачивается...

– Я думаю, это лишь внешняя температура, – кивнул доктор Курт. – А насчет белка ничего не могу сказать, к сожалению, мне не удалось добыть образцов мышечной ткани и крови. Умирая, дракон сгорает, не оставляя ничего, кроме пепла.

Ринка еле сдержалась, чтобы не проболтаться о живом дракончике. Взять у Петюни образцы совсем просто, по крайней мере, крови и слюны. А ведь это могло бы стать прорывом в науке!..

Так, спокойствие. Наука – наукой, а подвергать риску Петюню нельзя. Даже если доктор Курт включает свое очарование на полную мощность, и ей хочется рассказать ему все, что она знает и даже больше.

– Я думала, самосожжение драконов – тоже сказка... – сказала она, пытаясь унять головокружение: похоже, следствие магии Курта. – А всадники, какие они были?

– Весьма одаренные маги, умеющие говорить с драконами, – развел руками Курт; на его пальце блеснуло кольцо, испещренное незнакомыми

символами. Оно притягивало взгляд, как шарик гипнотизера. – Сведения о них весьма противоречивы. Все что мне удалось найти, есть в моих записях. Думаю, в архивах семьи Бастельеро намного больше, но ознакомиться с ними мне пока не удалось.

«Похоже, Людвигу тоже не удалось, – подумала Рина, заставляя себя отвести взгляд от кольца. – Иначе он не относился бы к драконам, как к неразумным зверям. А мне срочно надо в лабораторию. Срочно, немедленно!.. Если я догадываюсь правильно...»

– О чем ты задумалась? – после небольшой паузы спросил доктор Курт.

Рина от неожиданности вздрогнула, но быстро нашла, на что переключить внимание, чтобы не проболтаться – а ведь хотелось, безумно хотелось обсудить внезапную догадку с великим ученым!

– У вас необычное кольцо.

– Это? – доктор бросил рассеянный взгляд на руку. – Память о годах учебы. Я состоял в одном ужасно секретном студенческом братстве, – с самым заговорщицким видом сообщил он восхищенно хлопающей глазами Тори. – Мы тайно собирались в заброшенном здании, пили вино и рассуждали о судьбах человечества. Прекрасное было время, – с ностальгией закончил он.

– Герр Петер, а они разговаривают вслух?

– Нет, конечно. Драконы общаются мысленно. У них нет речевого аппарата, подобного человеческому.

– А вы знакомы с кем-то, кто понимает драконов?

– Увы, с тех пор как исчезли всадники и драконы прекратили все контакты с людьми, я не слышал о подобном. Может быть где-то и есть тот, кто способен понять дракона, но сами драконы не желают общаться. Они триста лет лишь пролетают мимо или воруют коров и овец с пастбищ, изредка жгут то, что им не нравится – и это совершенно непредсказуемо.

– А в последние пару недель резко активировались и чуть ли не каждый день кружат над Виен, – продолжила за ним Тори и бросила на Ринку задумчивый взгляд.

– Именно. Совершенно непредсказуемые существа. Но вам, наверное, уже пора, а меня ждет доктор Берцель, вы видели его в лаборатории.

Рине показалось, что он не хочет говорить о драконах при Тори. Следует в следующий раз прийти сюда одной.

– Вы правы, доктор, нас ждут, – Ринка встала первой.

– Я провожу вас, только выпишу пропуск на завтра для мадемуазель Тори.

Он черкнул самопишущим пером на квадратике плотной бумаги, протянул пропуск Тори, и тут на его столе затрещал фониль.

– Прошу прощения, – бросил он гостям и взял трубку.

Ринка потянула Тори к дверям, чтобы не мешать доктору разговаривать, но подруга словно не поняла ее намека, уперлась и с места не сдвинулась, да еще начала поправлять застёжку на туфельке, хотя та вроде и не расстегнулась.

– Я запрещаю! – рыкнул в трубку герр Петер. В ответ раздалось бу-бу-бу: фонили в Академии были настроены не более тихий звук, чем на вилле «Альбатрос», о чем любопытная Ринка тут же пожалела. – Пока еще я принимаю решения, и вы обязаны мне подчиняться. – Опять бу-бу-бу. – Вот когда меня сместят, тогда и будете командовать. А сейчас не смей!

Он положил трубку и с улыбкой повернулся к девушкам.

– Молодые преподаватели бывают такие рьяные. Рад был встретиться.

Из здания Академии Ринка вышла, прижимая к груди стопку научных трудов, при взгляде на которую вахтер едва не схватил кондрашку. Видимо, подобные ценности крайне редко покидали местную библиотеку. Но он собрал волю в кулак, подавил явственное желание отобрать сокровища и вернуть на место, и сообщил, что мобиль юных особ отогнан на гостевую стоянку, и он убедительно просит впредь не въезжать на площадь перед главным корпусом, а ставить мобиль где положено.

Тори бросила ему небрежное «конечно-конечно, дорогуша», и Ринка могла бы поклясться, что завтра без пяти восемь она снова оставит мобиль прямо перед подъездом.

– Как тебе доктор Курт? – спросила Ринка по дороге к стоянке, расположенной за корпусами и оранжереями.

Тори задумчиво молчала, пока они пересекали площадь, и только когда они зашли за оранжерею, отмерла:

– Я покорена. Доктор Петер так интересно рассказывает! Видно, что он весь в науке, он прямо сияет... – в голосе Тори слышалось удивление и легкая нотка грусти. – Не хотелось бы... Берегись! – вдруг крикнула она, толкая Ринку на землю, задирая юбку и выхватывая из-за подвязки маленький пистолет.

Раздалось три выстрела, что-то тяжело шмякнулось, и только тогда Ринка осмелилась поднять голову и открыть глаза.

Позади них коренастый мужчина с бакенбардами и в неприметном коричневом сюртуке сползал по стеклянной стене оранжереи, оставляя на ней кровавые разводы. Почему-то Ринку очень заинтересовал тот факт, что стекло не разбилось. Даже не поцарапалось. А ведь как минимум одна пуля

прошла навывлет. Великий Ктулху, о чем она думает? Их только что хотели убить, а она...

А она разглядывает странную трубку с заостренными концами, которая выпала из рук умирающего и со стуком покатилась по булыжнику.

Тори тем временем опустила пистолет, выругавшись по-французски, подошла к еще живому убийце, ногой отшвырнула трубку и подняла его голову за подбородок.

– Кто тебя послал? – спросила она по-астурийски, а затем по-французски и бриттски.

Неудачливый убийца приоткрыл мутные глаза, скривился и ничего не ответил.

Ринка же, чувствуя спокойствие Тори, поднялась с брусчатки, снова прижала к себе книги, загородившись ими, как щитом, и шагнула ближе. Ей тоже было крайне интересно, какого черта ее, едва появившуюся в этом мире, опять кто-то хочет убить! А еще она была зла. Заледеневшие руки и ноги дрожали, сердце билось, как сумасшедшее, и хотелось собственными руками вытрясти из еще живого негодяя все до последнего бита информации, а потом – этими же руками его прибить!..

– Ты его знаешь? – не оборачиваясь, спросила Тори и, отступив на два шага, снова прицелилась в негодяя.

– Нет, – буркнула Ринка на автомате, тут же подумала, что есть в нем что-то знакомое, какая-то деталь... и тут же раздался громкий хлопок, заставивший ее выронить книги и чуть не упасть самой от сковавшего ее ужаса.

Тори обернулась, выстрелила на звук – и тут что-то взорвалось, засияло... и погасло, лишь опалив девушек жаром и вонью горящего мяса. На месте несостоявшегося убийцы осталось пятно жирной сажи, эта же сажка забилась Ринке в нос, вызывая отчаянное желание чихнуть.

– Не стреляйте, мадемуазель, – раздался знакомый голос, и Ринка чуть не разрыдалась от обиды и облегчения одновременно, но вместо этого все же чихнула. Вот что стоило доктору Курту появиться на две минуты раньше или на пять минут позже?!

– Merde, теперь мы не узнаем ничего, – едва слышно пробормотала Тори, пряча пистолет в ридикюль и благодарно улыбаясь спешащему к ним ученому.

Ринка была с ней целиком и полностью согласна. Доктор Курт уничтожил свидетеля. Из заботы о них или потому что не хотел, чтобы они что-то узнали? Подозрительно до крайней степени!

Еще более подозрительной ей показалась тень, на миг накрывшая их с

Тори. Задрав голову, Ринка обнаружила алого дракона, парящего прямо над ними. Низко, ниже крыши Академии. Этому-то что надо? Или Людвиг прав, и дракон – тоже по ее душу?!

Но по счастью, дракон полетел дальше. А Ринка вспомнила, что показалось ей знакомым: кольцо, как у доктора Курта. Тайное братство студентов или местные иллюминаты? Черт. Она же не в романе Дэна Брауна, какие иллюминаты?!

– Ах, вы спасли нас, доктор Петер!.. – Тори мгновенно преобразилась в нежную беззащитную деву и едва не упала в обморок прямо на руки подбежавшему ученому. Или главе ордена иллюминатов?!

– Рина! Тори! С вами все в порядке? Он что-то сказал?

Ринка едва не рассмеялась, такой приступ паранойи ее накрыл. «Он что-то сказал?» Конечно, доктор Курт, он только что признался, что состоит в тайном ордене, а вы – его начальник! Великий Ктулху, да Ринка тут скоро с ума сойдет со всеми этими драконами, тайными братствами и политическими заговорами!

– Только одно слово. Деньги! – Тори прижала руки к груди. – Если бы не вы, он бы нас ограбил!

– Думаете, грабитель? – Петер Курт помахал руками, словно дым разгонял, и Рина резко пожалела об отсутствии у себя магического дара. В идеале – ментального, стопятистотого левела.

– Конечно, грабитель! – уверенно заявила Тори. – Он ведь требовал драгоценности, правда, фрау Рина?

– Да, – включилась Рина в игру, ничего не понимая, но доверяя Тори больше, чем Петеру. – Все произошло так быстро! Он крикнул, я споткнулась, и тут вы нас спасли. Спасибо, доктор!

– А как вы так быстро здесь оказались? – Тори смотрела на доктора Курта, как на героя.

– Рина забыла вот это, – доктор протянул ей кошелек. – И я решил вас догнать, как видите, вовремя.

– Это не мое, – качнула головой Рина. – Может ваш, мадемуазель Тори?

– А много в нем денег? – кокетливо поправила локон Тори. – Если много, то точно мой.

Курт развязал тесемки и высыпал на ладонь несколько монет.

– Увы, не мой, герр Курт, – Тори улыбнулась.

– Значит, кто-то из студиязов забыл, – удрученно вздохнул доктор. – Удачного дня, фрау!

Он небрежным жестом открыл портал и исчез в нем с громким

хлопком.

– Тебе не показалось странным, что никто ничего не заметил? – тут же спросила Ринка.

– Полог тишины и отвода глаз, – отмахнулась Тори и, подхватив ее под руку, потащила к мобиле. – Меня больше другое волнует, зачем Петер Курт развеял остатки ауры убийцы и стер все его следы? И правду ли он нам сказал? Не тот ли это человек, которому герр доктор запрещал кое-что по фонилю?..

– Например, убивать тебя? – предположила Рина. Ее-то убивать точно не за что, что бы там не вопила паранойя! А вот у франкской шпионки могли быть враги.

– Именно.

– Но тогда выходит, он на нашей стороне?

– А у нас есть сторона? – округлила глаза Тори.

– Конечно! – сообщила Рина, чувствуя, как подступает истерика. Отходняк-с, матушка. – Мы же воплощаем в жизнь коварный заговор по охмурению доктора Курта!

Девушки переглянулись и расхохотались. И только когда истерика отпустила, и Ринка начала соображать более-менее здраво, она вспомнила о Фаберже. Не задело ли его ее эмоциями? И не в нем ли причина такого плотного интереса к ее персоне алого дракона? Ох, как не вовремя сегодняшний поход в оперу! Ей бы ознакомиться с литературой, побыть подольше с новорожденным.

И немедленно рассказать все Людвигу! Шутки давным-давно закончились, и сегодняшний убийца – тому подтверждение. Ринка ни на грош не верила в собственную версию о врагах Тори, и прекрасно помнила кольцо на пальце убийцы.

Решено. Сегодня же. Вот как только вернется домой – так сразу и расскажет, и попросит совета, и позволит ей помочь. В конце концов, она не настолько безмозглая дура, чтобы надеяться справиться одной там, где до сих пор не разобрались спецслужбы нескольких государств.

Глава 15, о безумном вечере безумного дня

Виен, Астурия. Королевская опера

Людвиг

Название сегодняшнего спектакля как нельзя лучше соответствовало настроению Людвигу: «Безумный день, или свадьба Фигаро». Музыка Амадеуса была прекрасна, заезжая романская прима ни разу не сфальшивила, супруга искренне восхищалась постановкой и голосами, и безумный день полковника госбезопасности имел все шансы закончиться мирным семейным вечером.

Правда, рядом с доном Диего и юным Ортисом, на пару пытающимся очаровать герцогиню Бастельеро, забыть о работе было крайне сложно. А при воспоминании о докладе представителя «дружественной» Франкии, барона де Флера, и вовсе начинал дергаться глаз, а руки покрывались чешуей. Вот так нечаянно узнать, что проклятие, убивающее твоих предков – никакое не проклятие, а шайка безумных ученых! И ближайшая, она же последняя их цель – чета Бастельеро!

Каждый раз, вспоминая об этом, Людвиг невольно оборачивался к жене, проверить, на месте ли?

Вот и сейчас, усаживая почему-то грустную супругу в мобиль, чтобы ехать домой, Людвиг мысленно прощупывал весь ближайший квартал на предмет злоумышленников. Самое досадное, что противостояли ему не обычные шпионы или заговорщики, а опытные маги, собаку съевшие на конспирации и тайных операциях.

– Людвиг, милый, с тобой все хорошо? – Рина накрыла его ладонь своей и заглянула в глаза. – Мне кажется, ты чем-то обеспокоен.

От ее заботы внутри потеплело и безумное напряжение сегодняшнего дня отпустило. Почти.

– Тревожные новости из Франкии. Коллеги раскопали некий тайный орден, а с ним вместе демонову гору проблем. Не хочу о них думать хотя бы до завтра. – Людвиг притянул руку жены к губам, коснулся затянутого в кружево запястья. – Я говорил тебе, что сегодня ты необыкновенно очаровательна? Ты затмила всех дам в опере, даже примадонну.

– Кажется, да... но я не против, чтобы ты повторил, – зардевшись, ответила Рина, а Людвигу окатило волной нежности.

– Но ты грустишь. Тебе не понравилась опера?

– Понравилась, – ответила она и прижалась щекой к его плечу. –

Удивительно, но у нас тоже есть «Свадьба Фигаро». Иногда мне кажется, что я дома, так все похоже. А иногда...

– Скучаешь по родным?

– Я стараюсь об этом не думать, – вздохнула она, – но не всегда получается. Знаешь, когда-то я мечтала петь в опере. Готовилась поступить на вокальное отделение в консерваторию, иногда выходила на сцену в ансамбле, ну, у меня мама работает в театре...

Она замолкла, задумавшись о чем-то своем, а Людвигу показалось, что перед ним внезапно приоткрылось что-то очень важное и драгоценное. Ведь они ни разу не разговаривали по душам. Он почти ничего не знает о своей загадочной, прекрасной, смелой и упрямой жене. И ему хочется знать о ней как можно больше! Не потому, что Гельмут велел, а потому что она – его жена. Самый близкий, самый дорогой ему человек. Потому что она любит его таким, какой он есть, со всеми его дарами и проклятиями.

– Я бы хотел тебя услышать.

– Не выйдет. Я потеряла голос, – в ее тоне печаль мешалась с удивлением и каким-то светлым спокойствием. – Сразу после школы. Потому и университет, биофак, что я не могу больше петь. А наука... к науке я привыкла с детства.

– Расскажи, как это получилось?

– Тебе в самом деле интересно?.. ну... это некрасивая история, Людвиг. Несчастливая любовь, предательство, скандал...

– Твой несостоявшийся жених?

Она тихо засмеялась и потерлась щекой о его плечо.

– Нет. Слава богу, нет. Я была такая глупая! Если бы я вышла замуж за Влада... о, нет! Это было бы ужасно!

– Конечно, ужасно, – Людвиг обнял ее и зарылся носом в пахнущие театром волосы. – Ведь тогда бы мы никогда не встретились. Но ведь все хорошо, ты – герцогиня Бастельеро, а тот глупый мальчишка остался в прошлом. Я никогда тебя не обижу, Рина, ты же знаешь?

– Знаю, Людвиг. Ты совсем другой. Я никогда раньше не встречала таких, как ты. Не в магии дело, нет... ты... ты настоящий. Взрослый. Серьезный. И в то же время – открытый, эмоциональный, нежный... я не знаю, как это объяснить. Словно ты – цветной, а он – черно-белый. Как черно-белый старый фильм...

Людвиг слушал ее сбивчивые слова, обнимал, целовал ее волосы – и спрашивал, спрашивал. О ее первой любви, о ее родителях, об учебе в университете, о театре, о ее мечтах и планах, о друзьях и врагах... Она не успела рассказать и сотой части того, что он хотел бы узнать, когда они

приехали домой.

– Уже? Так быстро, – удивилась она, выныривая из воспоминаний.

Мюллер, бывший за рулем, едва заметно усмехнулся: он вел мобиль на самой черепашьей скорости и самыми окольными путями, чтобы не прерывать беседу хозяев. Людвиг в очередной раз подумал, что определенно не хочет расставаться с настолько верным слугой, лет через двадцать непременно предложит ему продолжение карьеры. Впрочем, это будет нескоро. А пока...

– Ай, что ты делаешь?... – вскрикнула Рина, когда он подхватил ее на руки.

– Несу тебя домой. Я слышал, в России есть такой обычай, надо перенести невесту через порог дома. Мне он нравится!

– Но я же...

– Ты моя жена. Когда хочу, тогда и ношу тебя на руках!

Она засмеялась и крепче прижалась к нему, скользнув губами по его шее над воротничком.

– Я хочу тебе рассказать кое-что еще, – шепнула она. – Обещай, что не будешь ругаться и дослушаешь до конца, ладно?

– Обещаю, – ответил Людвиг, шагая через порог и взглядом приказывая Рихарду отложить все, что тот желал сказать, до утра. Даже если был пожар!

Рихард согласно склонил голову, и ведущая во внутренние комнаты дверь распахнулась, приглашая хозяина скорее в супружескую спальню...

И тут затрещал фониль. А ровно через мгновение где-то что-то с грохотом упало и разбилось. Если верить ощущениям, упал лабораторный шкафчик с реактивами, и они вот-вот загорятся.

– Проклятье! – Людвиг поставил Рину на пол. – Иди в свою спальню, я скоро.

– Безумный вечер безумного дня, – фыркнула и унеслась к себе: Людвиг краем глаза увидел спешащую ей навстречу взволнованную камеристку.

– Рихард, если там не король – меня нет дома, – крикнул он вслед дворецкому, бегущему к фонилю, и помчался в лабораторию.

По дороге он едва не споткнулся о кошку по имени Собака, идущую с таким независимым видом, что сразу стало понятно, по чьей вине упал шкафчик. Но ловить кошку и объяснять, как она не права, времени не было. Из лаборатории уже тянуло дымком и химической вонью.

Людвиг провозился в лаборатории, туша пожар и разбирая уцелевшие реактивы, почти час. За это время трижды заглядывал Рихард и сообщал о

звонках. Звонил Герман. Первый раз – сегодня же представить королю отчет по иномирянке, второй – немедленно найти какие-то Барготом нюханные архивы, третий – к половине восьмого явиться к Гельмуту на архисрочное совещание, с отчетом и архивом.

– Какие архивы, он с ума сошел?! Какое совещание в половине восьмого?! Баргот их всех... – договорить ему помешал звон разбившегося стекла.

Это лопнул змеевик. А следом за ним – еще парочка реторт.

Глянув на полностью покрытые чешуей руки (что было весьма кстати – ни один реактив его чешую не брал), Людвиг еще раз помянул Баргота, кузена и начальство в разнообразных позах и велел себе успокоиться. Немедленно. Герман может хоть всю ночь названивать, хоть все фонили в доме сгрызть, Людвиг тут ни при чем. Людвиг спокоен, как ближайшее кладбище. Еще спокойнее.

Аккуратно закрыв шкафчик с уцелевшими реактивами, он позвал Рихарда и велел ему прибраться в лаборатории. А сам пошел на то самое кладбище – проветриться. Пяти минут ему хватит, чтобы прийти в себя и не пугать жену взглядом маньяка-убийцы.

План почти удался. Свежий осенний воздух остудил разгоряченную голову, подмигивающие звезды отвлекли от мирского и сиюминутного, а доносящееся из сада тихое пение пробудило в душе нечто, похожее на умиротворение. Лишь дойдя до калитки, ведущей на кладбище, Людвиг осознал, что голос ему незнаком. А вот мотив – знаком, и даже очень. Амадеус, ария Розины из «Свадьбы Фигаро».

Замерев у калитки, Людвиг прислушался к чистому мягкому голосу. В нем слышалась нежность, и Людвигу на миг представилось, как Рина будет вот так петь колыбельные их сыну.

А потом он, проклиная собственную паранойю, задался вопросом: кому Рина поет сейчас? Не кошке же, в самом-то деле? И тихо-тихо, чтобы не хрустнул ни один камешек под ногами, пошел на голос.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Развлекая Петюню, Ринка сто раз прокляла все тайные братства, убийц, спецслужбы и политиков. Малыш каким-то образом почувствовал угрожающую ей опасность, или ее страх, в общем, он кричал, отказывался от еды, плакал и требовал маму и на ручки. Ринке пришлось сначала его укачивать и утешать, обещая, что с ней все будет хорошо, потом кормить, а потом снова утешать и развлекать, только уже на свежем воздухе, потому что дракончик отказался оставаться в лаборатории. Ему там, видите ли,

было страшно и скучно.

Что-то подсказывало Ринке, что малыш просто ее дрессирует, как и положено любому малышу, но сил на строгость у нее уже не было. Тем более что она твердо решила сегодня же показать его Людвигу, пережить все, что супруг имеет ей сказать по поводу общения с драконами и уже перестать сходить с ума на эту тему.

Вот она и устроила малышу концерт по заявкам. Первой заявкой шла сказка. Детская. Про репку. После логичного вопроса малыша, зачем деду с бабушкой было тянуть подозрительный модифицированный корнеплод вместо того, чтобы выкопать его лопатой, Ринка решила, что со сказками она не угадала. Да и малышу было не слишком интересно, за последние сутки он явно перерос уровень младшего детского сада.

Второй заявкой была песенка. Ринка хотела отделаться шедевром «В траве сидел кузнечик», но Петюня на втором же куплете чихнул и захныкал.

«Ну что за ерунду ты мне поешь? Сама в оперу ходила, без меня! А мне оперу?»

Ринка попробовала ему объяснить, что оперу она не может, потому что у нее нет голоса. На что услышала категоричное:

«Неправда».

– Правда. Был раньше, а теперь – нет. Заболела, и голос пропал.

«А я тебя вылечу! Драконы – лучшие во всех мирах целители! Ты меня почеси... ага, и над хвостом почеси... вот, хорошая мама... а теперь пой. Все получится, я точно знаю!»

Недоверчиво хмыкнув, Ринка в самом деле попробовала спеть арию Барбарины, самую простенькую, для первокурсников. И у нее, о чудо, получилось! Никаких сипов, хрипов и срывающегося дыхания!

«Драконы никогда не врут, – гордо заявил Фаберже, восседающий на руках у восхищенной Магды. – Сказал, что будешь петь, значит, будешь. А потом еще почесешь!»

И она пела. Ночью, в освещенном луной и светлячками саду, кутаясь в теплую шаль, она пела маленькому дракончику сначала Сюзанну, потом Розину, и так увлеклась, что не слышала шагов и не заметила приближения зрителя.

– Bravo, – раздался тихий голос Людвига. – Ты поешь лучше сегодняшней примадонны.

– Ой... – одновременно с ним шепотом вскрикнула Магда.

Ринка замерла, почему-то устыдившись. Ведь только сегодня она рассказала Людвигу, что потеряла голос, и вот – уже поет. Получается, что

она соврала. Как некрасиво! А оправдываться – еще хуже...

Боже, о чем она думает?

«Мама красиво поет! Лучше всех!» – раздалось гордое.

Упс. Только бы Людвиг не услышал!

Но Упс ее молитвы проигнорировал.

– Мама? – переспросил супруг, выходя на полянку около заброшенного павильона и разглядывая свернувшегося на коленях у Магды дракончика. – Какие интересные новости...

Ринка не поняла, чего в его интонации было больше, недоумения, гнева или смеха. И не поняла, как можно одновременно злиться и смеяться. Или ей показалось? А, неважно. Хватит искать отмазки! Хотела знакомить – знакомь.

– Да, приемная мама, – твердо сказала она, становясь между Людвигом и дракончиком. – Это дракон, и его зовут Петер Фаберже. А еще сегодня меня чуть не убили. То есть меня и Тори. – На этом месте Людвиг издал нечто среднее между кашлем, хрипом и задушенным смехом. Или просто поперхнулся? Но Ринку это не остановило. – Я именно об этом хотела с тобой поговорить. Извини, до оперы не вышло, и в опере тоже...

– Хорошо, что ты не стала об этом говорить при посторонних, – кивнул Людвиг, справившийся с хрипом (или смехом). – Дай мне на него посмотреть.

– А ты не будешь?..

– Не буду, – сердито оборвал ее Людвиг. – Я, конечно, чудовище, но не до такой степени, чтобы обижать ребенка! Пусть и драконьего.

«Еще чего, – фыркнул Петюня. – Я сам кого хочешь обижу! Я грозный дракон! – и в доказательство чихнул искрами. А потом чихнул еще раз и жалобно сказал: – Я замерз и хочу к тебе на ручки! А еще ты обещала познакомить меня с твоим мужем, а сама! А-а-пчхи!»

Пришлось срочно укутывать малыша в шаль и прижимать к себе.

Людвиг тем временем велел Магде принести в Ринкину спальню горячего молока с медом и имбирем, и пирожков, и еще чего-нибудь...

– Питхен котлетки любит, ваша светлость, – осмелела Магда.

– И котлеток неси. На всех.

Магда унеслась, Ринка укутала дракончика в шаль, и повисло неловкое молчание. Людвиг разглядывал малыша, малыш – Людвига, и Ринке казалось, что сейчас они друг на друга зашипят, как разозленные гуси. Но Людвиг вдруг хмыкнул и протянул руки:

– Пойдешь ко мне? Заодно и познакомимся ближе.

«Ладно, – милостиво согласился Петюня. – Я знаю, тебя зовут Людвиг,

и мама тебя очень любит. Ты будешь моим вторым папой?»

Ринку бросило в жар. Она, может быть, ни разу не говорила Людвигу, что его любит! Она, может быть, собиралась выбрать для этого признания подходящий момент... ну, например, когда Людвиг первый это скажет! А этот маленький поганец...

«Какие вы, люди, странные, – фыркнул поганец. – Ты любишь, он любит, и оба чего-то боитесь. Глупые люди».

«Глупые люди», – в тон ему чихнула кошка по имени Собака, спрыгивая с лавки, где лежала до того момента.

– Кошка разговаривает? – Людвиг от неожиданности замер, так и не взяв дракончика на руки. – Тоже?!

«Человек разговаривает?» – передразнила Собака и уставилась на него светящимися глазищами.

И только тут до Ринки дошло, что Людвиг слышит их обоих. Так же, как и сама Ринка.

Упс. Кто-то сегодня редкостный тормоз. Ведь доктор Курт говорил, что в семье Бастельеро были драконьи всадники! Что у них архив! Ринке показалось, что она только что поняла что-то очень, очень важное, объясняющее все странности – вплоть до ее попадания в этот мир... и тут Петюня снова чихнул.

Людвиг отмер и взял его на руки. А ценная мысль сбежала. Ну и ладно. Все равно Ринка во всем разберется! Вот прямо сейчас они поговорят с супругом, и вместе все поймут. Обязательно!

Уже в теплой спальне, уютившись на кровати рядом с Людвигом, позевывающим дракончиком и Собакой, Ринка под чай и бутерброды с котлетками рассказала все и по порядку. Ну, почти все. Умолчала лишь об анонимном письме, полученном в салоне мадам Шанталь, уж очень оно было странным. Ну и о матримониальных планах Тори – потому что не была уверена, что для Тори это всерьез, а не очередное задание франкской разведки.

– А с голосом я сама не понимаю, как получилось, – растерянно закончила она. – Наверное, это какая-то магия.

«Обыкновенное очищение ауры при переходе из мира в мир, – проворчала кошка по имени Собака. – Не тащить же было тебя вместе с паразитами!»

Ринке на миг стало обидно. Какие еще паразиты? Она – не собака блохастая, чтобы вот так... А потом обида прошла, как будто ее и не было. Ведь голос-то вернулся! И не только голос. Она сама как будто вернулась в то чудесное время до окончания школы, когда все было впереди, мир

казался ярким и прекрасным, и собственное мнение значило намного больше, чем любое чужое.

Вспомнив Петечку, за которого она чуть было не вышла замуж, Ринка вздрогнула. Как она могла быть настолько слепа, чтобы не видеть – с ним она никогда не будет сама собой! Она была словно под гипнозом, всерьез верила, что больше никому не нужна, и никто на нее не польстится, и что она должна чему-то там соответствовать... ужас. Тихий ужас.

На фоне воспоминаний вопрос Людвиг прозвучал чем-то очень странным.

– Почему ты назвала его Петером? В честь доктора Курта?

– Нет, так звали моего бывшего, – Ринка прижалась теснее к Людвигу. – Петюня чем-то на него похож.

На него... ну да, дракончик чем-то похож на Петюню после бани, а Петюня чем-то похож на доктора Курта в молодости и недоделанности, что ли. Как пробная версия. Забавная ассоциация, однако!

– Ты же говорила, Влад?

Ринка вздохнула.

– Влад – это в школе, ну...

– Из-за него ты не могла петь, я помню, – Людвиг поцеловал ее в макушку.

– Да. А потом был Петюня, за которого я так и не вышла замуж.

– Выходить замуж за мужчину, которого зовут Пе-тью-ня, это полный моветон.

Ринка от всей души согласилась. То ли дело Людвиг Пауль Бастельеро, герцог, некромант и настоящий полковник. Почувствуйте разницу! А настоящий полковник продолжил:

– Ты сказала про лабораторию, где жил... Фаби.

– Фаби? – переспросила Ринка.

– Фаби, – подтвердил Людвиг таким тоном, что Ринке мгновенно перехотелось с ним спорить или выяснять подробности. – Так что за лаборатория?

Упс. Кажется, кто-то проболтался о том, о чем нельзя было пробалтываться. Рихард ее покрывал, а теперь ему попадет. Если только...

– Обещай, что не будешь сердиться!

Людвиг забавно выгнул бровь, потер нос, вздохнул, вкладывая в этот вздох все сдерживаемые эмоции, и предположил:

– Рихард или фрау Шлиммахер?

– Сперва поклянись!

– Обещаю, что никого не убью и даже не покалечу, – с серьезным

видом сказал Людвиг.

Ринка улыбнулась, поняв, что гроза миновала, не начавшись.

– В общем, это старая лаборатория твоего двоюродного деда. Подвал между домом и заброшенным павильоном, там есть тайный ход. Она была закрыта, но Рихард мне показал. Ты обещал!

– Можешь не волноваться, Рихард останется в целости и сохранности, – Людвиг хмыкнул, и Ринка задумалась: что-то она упустила! Что-то о Рихарде. Похоже, важное.

– Ну вот, в лаборатории он и вылупился.

– Покажи мне ее, – подозрительно оживился супруг.

– В час ночи? Давай завтра, а? Там холодно, темно, и не хочу оставлять Петюню одного.

– Фаби, – поправил ее Людвиг. – Не хочу, чтобы малышка звали именем твоего этого... – он презрительно фыркнул и спросил «равнодушно и незаинтересованно»: – Ты же не тоскуешь о нем?

Ринка хихикнула про себя: ревнует! Мелочь, а приятно же! Главное, чтобы не превратилось в паранойю.

– Нет, конечно. Если я по кому и тоскую, так это по маме и отцу. А Петюня... не хочу о нем вспоминать.

– И не вспоминай, – Людвиг прижал ее к себе, а другой рукой почесал спящего дракончика. – А зачем тебе понадобилась лаборатория?

– Я хочу получить степень и уже точно знаю, что буду изучать драконов и работать с доктором Куртом над проблемой порталов.

Выпалив все на одном дыхании, Ринка привычно напряглась. Слишком свежи были воспоминания о том, как точно так же она хотела пойти на ветеринара, а Петр, поджав губы, долго и нудно рассказывал ей, какая она дура и как важно для его жены и матери его детей сидеть в теплой лаборатории или преподавать в школе, а не носиться по коровникам в резиновых сапогах.

– Это, несомненно, очень достойное стремление, – осторожно начал Людвиг. – Но ты ведь понимаешь, что мы не можем оставить дракона у себя?

– Почему? – то есть не то чтобы она совсем не понимала, но ее интересовали резоны Людвига.

– Потому что он скоро вырастет до огромных размеров, и его найдут сородичи. Да, я уже понял – драконы разумны. Но люди тоже разумны, что не мешает им убивать друг друга.

– А если нам переехать в твой замок? – с надеждой спросила Рина. – Там, наверное, куда больше места.

- Навсегда? А моя служба, твоя учеба?
- То есть, ты не против, чтобы я училась?

Ринка радостно бросилась к нему на шею, временно позабыв о проблеме драконьих отцов и детей. И даже если у Людвига были другие мысли по поводу ее учебы, теперь он не стал их озвучивать, жарко целуя жену.

Оторваться друг от друга их заставило возмущенное мявканье Собаки: «Не развращайте ребенка!»

Ринка с Людвигом отпрянули друг от друга, словно их застигли на месте преступления.

«Никто меня не развращает, – парировал ребенок и просиял сапфировыми, совершенно не сонными глазами. – А что это вы делаете? А почему мама стонала, ей больно? А зачем папа Людвиг гладит мамину попу? А почему?..»

– Цыц! Хватит вопросов, – оборвала его залившаяся жаром Ринка.

– Дети – цветы жизни, – еле слышно прокомментировал Людвиг и снова привлек к себе Ринку. – Ладно, говорящие кошки и драконы, но вот это...

«Собака не кошка, Собака – фамилиар, – тоном доктора Курта на лекции объяснил дракончик. – Мама ее слышит, потому что она особенная. Поэтому папа-дракон и привел ее к тебе! Здорово он придумал, правда?»

Людвиг ошарашено уставился на Фаберже.

– Папа-дракон придумал?!

«Да, папа очень умный! Умнее всех людей и всех драконов! – гордо сообщил малыш и снисходительно добавил, забираясь к Людвигу на колени: – Ты тоже ничего, для человека. Почеси вот тут, между крыльев».

Ринке показалось, что сейчас у Людвига пойдет дым из ушей. Видимо, что-то такое у него было связано с драконами... ну, не на пустом же месте он ее предостерегал!

– Ничего, конечно же, – Людвиг принялся чесать там, где попросили. – Так что такое умное придумал твой папа, расскажи нам. Это же он летает над городом? Может быть, он тебя ищет?

«Папа знает, где я. Он сам все устроил!»

– Зачем? – спросил Людвиг, продолжая наглаживать довольного малыша.

«Потому что так надо, – буркнула кошка по имени Собака и вальяжно развалилась на подушке, глядя на Людвига с мудростью древнего существа. – Всему свое время. От предназначенного не уйти, некромант»

Людвиг озадаченно смотрел на кошку.

– Это ты сказала?

Та только фыркнула и начала вылизывать лапу.

– Нет, – тихо произнесла Рина. – Она звучит по-другому. Этот голос вообще мужской...

«Она папин фамилиар! Это папа сказал. Скоро я вырасту, все пойму и тогда вам расскажу», – важно сообщил Фаберже и тут же тоненько чихнул, чем вызвал на задумчивом лице Людвига улыбку.

– Обо всем этом нужно хорошенько подумать. Очень хорошенько. Дорогая, думаю, твою спальню мы отдадим малышу, а сами переберемся ко мне. – Людвиг ссадил дракончика на кровать и встал, протягивая руку Рине. – Идем спать. А завтра встретишься с Германом и нашим менталистом. Надо попробовать опознать нападавшего. Ну, идем же.

Ринка тоже поднялась, вопросительно глянув на Фаберже.

«Идите, идите. Я хочу сестричку!»

Кошка громко фыркнула, Рина возмущенно открыла рот, а Людвиг рассмеялся и, подхватив жену на руки, понес к себе.

– Разумный дракон, с ума сойти, – пробормотал он, расстегивая на Ринке вконец измявшееся платье. – Только вылупился, и уже разумный. Лет на десять, в смысле, человеческих. Чем ты его кормила?

– Ох... – Ринка вспомнила о походе за коноплей и захихикала.

– Расскажи. Когда еще нам со всеми этими приключениями удастся просто поговорить, а?

– Не знаю, но мне это нравится. И говорить с тобой, и приключения, и... – Ринка привстала на цыпочки и поцеловала мужа в губы.

Разумеется, он ответил.

И, разумеется, уснули они очень и очень нескоро. Зато успели и поговорить, и не только. А уснула Ринка с мыслью о том, что ни капельки не жалеет о том, что попала в чужой мир, и что это мир очень быстро становится для нее родным.

Глава 16, о родственниках, которых не выбирают

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Людвиг проснулся на рассвете. Чмокнув заснувшую жену в щеку, он еще минуту постоял над кроватью, любуясь ею, и решительно вышел из спальни.

– Мюллер, холодную ванну, свежее белье и завтрак. Мобиль к подъезду через, – Людвиг бросил взгляд на хронометр, – двадцать одну минуту.

Ровно через двадцать одну минуту он сел на заднее сиденье «Драккара», а еще через пятнадцать минут стремительно ворвался в пустую по раннему времени приемную короля. Там уже вышагивал от окна к секретарскому столу и обратно генерал Энн.

– Что за архив ты от меня требуешь? – глянув на настенные часы, показывающие двадцать пять минут восьмого, спросил Людвиг.

– И тебе доброе утро, полковник. Выйди и зайди, как положено! – вызверился Герман, останавливаясь посреди приемной.

Людвиг скривился, четко развернулся и, выйдя из приемной, вошел еще раз, по-уставному печатая шаг.

– Герр генерал, полковник Бастельеро по вашему приказанию прибыл, – щелкнул он каблуками и молча застыл, вытянувшись и задрвав подбородок.

– Вольно, – буркнул Герман и, видя, что Людвиг даже не собирается менять позы, заорал: – Вольно, я сказал! Война на носу, а он тут норов показывает! Какого демона ты не подходишь к фонилю, когда я тебе звоню?! Ты меня слышишь, мать твою?!

Переждав вопли начальства по стойке «смирно», он четко доложил:

– Так точно, слышу, герр генерал. Не имею чести знать никаких демонов, герр генерал.

Несколько секунд побагровевший Герман хватал воздух ртом, и Людвиг почти забеспокоился, не хватит ли его удар. Но Герман успокоился, сделал несколько размеренных вдохов-выдохов, и спросил уже нормальным тоном:

– Ты нашел архивы?

– Нет.

– Какого... твою... – Герман отвернулся к окну и снова глубоко

вдохнул. – Бастельеро, ты вообще понимаешь серьезность ситуации? Ведешь себя, как мальчишка!

Людвиг промолчал, да ответа и не требовалось. Он искренне сочувствовал Герману, на которого, к гадалке не ходи, вчера Гельмут спустил всех собак, а через одну минуту потребует с него очередного чуда. Вот только чудес-то не бывает. Барготом любленный архив не явится сам собой, массены не устроят массового самоубийства, драконы не улетят обратно в свои горы, франки не станут за одну ночь миролюбивыми скромными пахарями. В общем, придется опять все по старинке, собственными руками.

Когда настенные часы показали двадцать девять минут восьмого, мимо прошагал мрачный Гельмут. Секретарь распахнул перед ним дверь кабинета и посторонился. Усевшись за письменный стол, Гельмут так же мрачно поднял глаза на дверь.

– Генерал Энн и полковник Бастельеро, – коротко доложил секретарь и пропустил их обоих в кабинет.

Сесть им Гельмут не предложил. А вместо этого похлопал ладонью по отвратительно-дипломатического вида бумагам, веером разложенным на столе.

– Соседи нервничают, господа, – неестественно спокойно глядя в окно, сообщил Гельмут. – Меня спрашивают, что за дрянь произошла на Айзенштрассе и почему мы не допускаем иностранных ученых к исследованию последствий, как мы умудрились поссориться с драконами и не продадим ли мы какой-то «драконий поводок», не затевает ли Астурия коалицию с Франкией или против Франкии. Шарль Брийонский прибыл на три недели раньше срока и требует вернуть папу-императора в его естественное состояние спокойного трупа. Герцог Ланжерский, сбежавший из Франкии в Лихтенберг, предлагает нам четверть Франкской территории, если мы поддержим его притязания на трон военной силой и драконами. На худой конец его устроит лично герцог Бастельеро в качестве военного советника. Бритты предлагают нам расторгнуть союз с Испалисом и дружить с ними, для чего первым делом дать им доступ на Пустошь и драконьего переводчика. Испалис предлагает то же самое, только по отношению к Бриттии, и на Пустошь не рвется, им хватит драконов и брачного союза наследника короны с дочерью рода Бастельеро. Руссы требуют вернуть им какого-то похищенного ученого, а в качестве компенсации готовы принять в дар драконье яйцо и некоего некроманта для совместного научного проекта. Булгары и словы собирают армию и предлагают нам военный союз против шляхов, шляхи сговариваются со

Шварцвальдом и Лотарингом, посол Лотаринга пытается разузнать, не собираемся ли мы устроить государственный переворот во Франкии и не нужен ли нам кусочек Булгарии... Короче, господа, ситуация критическая. Нам немедленно нужно утихомирить Франкию и внести уже ясность в проблему с драконами. А тебе, – король, наконец, перевел покрасневшие от усталости глаза на Людвига, – надо устроить показательное выступление и напугать дорогих соседей еще на век вперед. На сей раз – во Франкии, совместно с Орденом Лилии. Но чтобы это не было связано с их императором! Проклятье, как мне надоели идиоты...

Людвиг склонил голову в знак согласия: ему идиоты тоже надоели.

– Герман, что на тему раннего возвращения Шарля?

– Д'Амарьяк утверждает, что Шарль по своим каналам узнал о готовящемся перевороте и поспешил домой. Состояние императора оказалось для него сюрпризом.

– Уж наверное, – хмыкнул Гельмут.

– Так, Бастельеро. Ты сейчас же отправляешь в Брийю и напоминаешь Шарлю, что ты – очень страшный, опасный и непредсказуемый, хуже драконов. Будет дарить земли и титулы – бери и благодари. Ясно?

– Так точно, – отчеканил Людвиг, едва удержавшись от вопроса: «что делать, если новый франкский император решит подарить ему астурийскую корону?». Не стоит лишний раз злить кузена, ему и так непросто. – Разрешите выполнять?

– Стоять! – велел Гельмут и махнул на кресла. – Садитесь, что торчите тут, как два столба. Людвиг, что ты узнал у Рины и что от тебя хотел кардинал Диего?

– Предупреждал об опасности для Рины, все прочее ты уже знаешь. Я пока не разобрался, что именно от нее хотят драконы. Но вчера на нее покушался человек, судя по ее рассказу – один из массенов.

Гельмут тихо выругался. Герман сдержался, но одарил Людвига взглядом, обещающим страшные муки. Потом. Когда Герман до него дотянется.

– Подробности, – велел Гельмут.

Людвиг рассказал все, что знал о покушении, и добавил:

– Даже не думай делать из нее приманку, кузен. Это слишком опасно.

– Что я, по-твоему, нелюдь? – нахмурился Гельмут.

– Ты король, – пожал плечами Людвиг.

Кузен лишь поморщился и потер ладонями виски.

– Не трону я твою жену, не нервничай. Она мне нужна живая, здоровая и с наследником рода Бастельеро, а лучше тремя. Герман, сам посмотри ее

память, может быть, опознаешь убийцу. А от тебя, кузен... – Гельмут хмуро уставился на Людвига, – мне нужны архивы всадников! Если кардинал Диего сказал, что они есть – значит, ты их найдешь и принесешь мне. Сразу, как вернешься из Франкии.

– Семейные архивы Бастельеро, кузен, – поправил его Людвиг. – Я их найду, изучу, и только потом их получают твои аналитики.

– Не наглей.

– Упаси Баргот.

Гельмут несколько мгновений хмуро сверлил Людвига взглядом. Несколько лет назад, да что там, несколько недель назад Людвиг бы занервничал, зная истинно королевский характер кузена. Но сейчас он точно знал – ничего ему кузен не сделает. Похмурится и перестанет.

– Драконы вступали в контакт с тобой или с Риной? – как Людвиг и ожидал, кузен меньше чем через минуту сменил тему.

Теперь пришел Людвиг хмуриться. Маленький дракон дома – это определенно контакт, но сообщать об этом Гельмуту и Герману не стоит. Слишком велико искушение для них и слишком велика опасность для Рины. Но тогда нельзя рассказывать им и о том, что Рина слышит драконов. И что он сам их слышит и понимает. Проклятье. Как некстати опять эта Франкия! Придется врать и тянуть время.

– Нет. Я поставил на дом мощную защиту, ни один дракон не пробьется, и запретил Рине выходить из дома. Поэтому тебе придется самому наведаться к ней, Герман. Я не уверен, что ты сможешь обеспечить ей должную защиту по дороге в Оранжерею.

– Ладно, съезжу сам. Твой портал будет готов через десять минут, назад – не позже четырех вечера. Прибей эту клятую куклу, устрой небольшой фейерверк и возвращайся.

– Прибить эту куклу не так-то просто, – пожал плечами Людвиг.

– Значит, развей его и создайте с Черным Карликом иллюзию трупа! – рыкнул Гельмут. – Нам нужна спокойная и вменяемая Франкия! И возвращайся быстрее. Ты отвечаешь за жизнь своей жены головой! Надеюсь, ты понимаешь, что стоит на кону.

– На кону стоит жизнь моей любимой женщины, – Людвиг холодно глянул в глаза Гельмуту. – Это самое важное, кузен. Я повесил на Рину всю защиту, которая была в моем арсенале. Запретил ей покидать территорию виллы, оставил на страже пару призрачных гончих. Я сделал все возможное. И видит Баргот, я бы предпочел быть с ней, а не развлекать франков бесплатным балаганом!

– Дорогостоящим балаганом, кузен. Иди, поработай на благо

родины, – Гельмут отпустил его коротким взмахом руки.

Оставив короля и Германа совещаться дальше, Людвиг вышел из кабинета и облегченно вздохнул: ему поверили. У них с Риной есть небольшая отсрочка, чтобы разобраться в ситуации с драконами самостоятельно и не позволить Гельмуту вмешаться. Лишь бы никто больше не прознал, что они способны говорить с драконами! Тогда сегодняшняя критическая ситуация покажется Гельмуту цветочками, а за четой Бастельеро будут охотиться все шпионы всех государств, а заодно все тайные общества и мечтающие завоевать мир маньяки, любя их Баргот.

Нет уж. Сначала он сам выяснит, что замышляют драконы и зачем им похищать Рину, когда она и так готова с ними разговаривать. А из массенского ордена сделает десяток-другой мирных, послушных зомби. Вот тогда и можно будет обрадовать кузена порцией новостей.

Виен, Астурия. Королевский дворец

Герман Энн

После ухода Людвига король выслушал доклад Германа по подготовке совместной с Испалисом операции и о результатах исследования предметов, принесенных герцогиней Бастельеро из своего мира.

– Исследовательский отдел представил план дальнейших изысканий, – Герман выложил перед королем увесистую папку. – Большую часть иномирских технологий мы понять не в состоянии, но даже того, что уже есть, достаточно, чтобы обеспечить Астурии технологическое превосходство на десяток-другой лет. Разумеется, сотрудники отдела сейчас даже не покидают служебных корпусов, чтобы информация не просочилась наружу. Но нам требуются серьезные финансовые вливания, увеличение штата и новые помещения. По моим прогнозам, кое-что можно будет внедрить в массовое производство в ближайшее же время, там суть не в столько в технологиях, сколько в идеях...

Примерно через полчаса, подписав почти не урезанный бюджет исследований, король откинулся в кресле и включил селектор:

– Шамьет и завтрак, – велел он секретарю и повернулся к Герману:

– Как считаешь, Людвиг на самом деле не нашел бумаги, или затеял свою игру?

– Ваше величество, Людвиг предан Короне и лично вам, – Герман потер лоб. – Но он определенно что-то скрывает. Что-то, связанное с женой. Я чувствую, но, сами понимаете, прочесть его не могу.

– Мальчишка! – Гельмут стукнул ладонью по столу, разметав бумаги. – Романтик желторотый! Я ясно приказал: влюбить Рину в себя и обеспечить семью наследником, а не влюбляться самому! Неужели так сложно

очаровать женщину и узнать ее секреты?

Вскочив, Гельмут принялся вышагивать по кабинету и высказывать Герману, какой его кузен никчемный, глупый, упрямый, избалованный мальчишка, ничего не смыслящий в женщинах и не способный очаровать хромую прачку, не то что такую красавицу, как Рина! А кузена он и вовсе не уважает, приказы не выполняет, спорит почему зря и из-за него выпавший Астурии редчайший шанс может сорваться!

После особенно яростного пассажа, выслушанного Германом с вежливым интересом и тут же забытого, отворилась дверь, и в кабинет заглянул Отто.

Гельмут, уже открывший рот для продолжения, резко развернулся и нахмурился. Но Отто не смутился.

— С добрым утром, папа, Герман. Ты опять пропустил завтрак. А Людвиг давно ушел? И почему ты на него сердишься, тебе тоже нравится фрау Рина?

Гельмут проглотил рвущиеся с языка ругательства и холодно ответил:

— Вашего высочества это не касается. И ваше высочество забыли, что врываться на королевское совещание нельзя. Никому! А тем более подслушивать!

— Я не подслушивал! — Отто нахмурился и набычился, в точности как отец, за холодностью и раздражением пытаясь скрыть обиду. — Ты так громко кричал, что слышно было на весь дворец. А я просто хотел напомнить Людвигу, что фрау Рина обедает у нас сегодня. Я уверен, он забыл ей сказать.

Герман очень пожалел, что не может вмешаться. Отношения Гельмута с сыном и так не были простыми, а подобные стычки их лишь усложняли. И ведь опять ссорятся на пустом месте. Но в этот раз на Гельмута снизошло просветление. Видимо, под впечатлением от сыновней «любви» принца Шарля к императору Франциску.

— А ты прав, наверняка забыл. — Гельмут вздохнул и подошел к сыну, открыл для него дверь полностью и положил руку ему на плечо. — Извини, Отто, я сегодня устал и зол, как демон. Рина мне в самом деле нравится, но я не собираюсь заводить с ней роман.

— Точно не собираешься? — в голосе Отто слышалось облегчение пополам с сожалением, похоже, принц сам не определился, чего ему хочется больше: счастья для любимого дядюшки Людвига или Рину в качестве мачехи.

— Точно, — заверил его король. — Людвиг отбыл по делам службы, а фрау Рине нельзя покидать дом. Так что мы съездим к ней сами, сделаем

сюрприз. Как думаешь, она не откажется угостить нас обедом?

Отто просиял.

– Не откажется! А можно, я приготовлю для нее подарок? Я умею правильно ухаживать за дамами!

– Разумеется, Отто, – Гельмут потрепал сына по идеально причесанным локонам. – И выбери для фрау Рины подарок от меня тоже. Такое ответственное дело я могу доверить только тебе!

Когда радостный Отто убежал вприпрыжку, не в силах изображать серьезного и солидного наследника короны, Гельмут плотно прикрыл дверь и злорадно усмехнулся:

– Вот и пообщаемся с нашей иномирянкой без Людвига. Застанем ее врасплох! Мне кажется, Людвиг на нее влияет и не в лучшую сторону.

– Или она на Людвига в лучшую, – сказал Герман, собирая со стола разбросанные секретные документы.

– Или она, – отмахнулся Гельмут. – Я хочу знать, чем занимается ее светлость, когда мужа нет дома. Ты едешь с нами, Герман. Заодно посмотришь ее память. Думаю, найдешь много интересного.

– Об убийце? – не особо надеясь на пробуждение в Гельмуте совести, переспросил Герман.

– А, разумеется. Убийца тоже важен, – холодный взгляд Гельмута ясно говорил: не прикидывайся идиотом, генерал. Какая к демонам совесть, когда на кону стоит благо государства!

– Как скажете, ваше величество.

Склоняя голову перед королевской волей, Герман вспомнил кусочек сегодняшнего диалога кузенов.

«Что я, по-твоему, нелюдь?»

«Ты – король».

Король. И ни одно чудовище, ни одна нелюдь тебе в подметки не годится, твое величество.

Глава 17, о конопле и сюрпризах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Всю первую половину дня Рина посвятила общению с Фаберже и чтению того, что дал ей доктор Курт. Общение практически ограничилось совместным завтраком, потому что малыш всерьез возомнил себя сыном Людвиг и, взяв в компанию Собаку, умчался исследовать дом. Время от времени он прибежал к Ринке, которая расположилась в кабинете Людвиг, расспрашивал и рассказывал об увиденном. Ринка же углубилась в монографию, решив, что старинные книги она изучит позже.

История сотрудничества между людьми и драконами длилась всего несколько веков и время от времени прерывалась по неизвестным причинам. Драконы сами решали, когда им прийти, а когда исчезнуть и десятки лет не появляться рядом с людьми. Доктор Курт предполагал, что это может быть связано с какими-то поступками людей, не понравившимися драконам – те были категорически против всяческих войн и кровопролития – или же с неизученными особенностями совмещения миров. Драконы жили и выводили потомство в нашем мире, причем не в Долине Драконов, которая была чем-то вроде их курорта, а где-то в неприступных горах Дай-Табута. Их гнездовий не удалось найти никому. Зато доктор Курт выяснил, что с людьми общались только самцы и только одиночки. И что самки драконов – те еще кукушки. Они создают устойчивые пары лишь на время, от года до десятилетия, и уходят, отложив яйцо и оставив его на попечение супруга. Драконицы никогда не общаются с людьми, не живут в Долине Драконов без пары и скорее всего являются сюда из своего мира только за любовными приключениями.

Этот кусочек из монографии Ринка зачитала Фаберже. Он как раз прискакал за порцией печенья и ласки. Выслушав отрывок, малыш только посмеялся и заявил, что все проблемы от баб, и слава Единому, что они приходят редко.

Ринка не ожидала, что ей станет так обидно. Правда, она постаралась не показать этого, но дракончик почувствовал. Забрался к ней на руки, прижался и проворчал:

– Ну, мам! Это же не про тебя! Не дуйся!

– Маленький подлиза, – вздохнула Ринка, почесывая гребень Фаберже. – Ты скоро вырастешь и перестанешь называть меня мамой.

– А ты не хочешь, чтобы перестал?

– Не хочу. Я же тебя люблю, мелочь ты чешуйчатая.

Дракончик довольно зажмурился и заурчал, как мини-трактор. Правда, долго так не просидел, шило под хвостом помешало. Минуты через две он завертелся, буркнул, что тоже любит маму, и Людвига, и вообще... и вообще... он призрака нашел! Ух, какой призрак, якорь ему в корму!

– Пират? – уточнила Ринка. Вряд ли он подцепил настолько характерное выражение у добропорядочных астурийских слуг! Пока все ограничивалось парочкой сплетен и вполне невинных выражений.

– Пират Морган Красавчик! – гордо заявил Фаберже, словно в этом была его личная заслуга. – Пришвартовался на чердаке и сел на мель, кракеном ее через рею! У него там сокровище, представляешь? Настоящее, пиратское!

– На чердаке?

– Ага! Ему ужасно скучно! Его там замуровали, вот и... – не закончив фразу, Фаберже соскользнул с ее коленей и убежал, судя по воинственному крику «на abordаж!» – в гости к призраку.

Ринка только покачала головой. Дракончик за утро облазил весь дом, исключая разве что кухню (оплот бдительной фрау Шлиμμαхер) и лабораторию Людвига (защищенную заклинаниями, оказавшимися мелкому проказнику не по зубам). Причем никто из слуг его не заметил, то ли малыш был такой шустрый, то ли умел становиться невидимым.

– Кормить подрастающего дракона нужно парным мясом, овощами и изредка давать несколько листиков конопли или столовую ложку конопляного масла, чтобы пламя внутреннее не перегорело, – зачитала она из старого фолианта, открытого наугад.

Следующая случайная страница рекомендовала при встрече со злым и голодным драконом падать в пыль и как следует извлекаться, потому как драконы зело брезгливы и грязную пищу есть не станут.

– Да уж... – буркнула Ринка и закрыла фолиант.

Нет уж, лучше монография доктора Курта. Он хоть не советует валяться в грязи!

Точнее говоря, он вообще ничего не советовал. Только изучал и записывал результаты исследований и свои теории. Весьма интересные! Одной из них была теория о развитой драконьей цивилизации в других мирах. Основой драконьей цивилизации он предполагал биотехнологии и магию, так как драконы никогда не были замечены в использовании каких-либо технических приспособлений.

– Или же их технологии настолько превосходят ваши, что вы их просто

не опознали, – хмыкнула Ринка, вспомнив Германа и смартфон.

Еще доктор Курт писал, что люди, общавшиеся с драконами, делились на слышащих-женщин и всадников-мужчин. В большинстве случаев они состояли в браке либо были близкими родственниками, вроде брата с сестрой. Один всадник, без слышащей, испытывал трудности при общении с драконами. Судя по добытым Куртом записям, первой всегда слышала дракона женщина, она же налаживала связь между драконом и всадником. Но при этом слышащая не могла летать на драконе без всадника, ее дара не хватало для того, чтобы не поджариться на раскаленной чешуе и не свалиться от ветра. Почему? Курт расписывал теорию на десятке страниц, из которых Ринка поняла только одно: это магия, детка.

– Пфе! Здешняя наука!.. – фыркнула она, переворачивая очередную страницу, и тут в очередной раз вернулся Фаби.

Фаби. Не Петюня. Ринка почему-то даже мысленно перестала его так называть. Почему? Она могла бы на двадцать страниц развести теорию, не хуже доктора Курта, но решила быть честной и краткой: это любовь, детка.

– Есть хочу, – заявил он. – А Магда хрусталь моет, сказала, что обед через час. А дядя зомби сказал, что фрау Шлимамххер печет пирог с почками. Это вкусно?

– Дядя... кто? – Ринка чуть не поперхнулась.

– Рихард! Он же неживой!

– Неживой?..

Шок? Или Ринка уже что-то такое подозревала, но не хотела себе признаваться?

Это магия, детка. Привыкай. Драконы, умертвия. Муж-некромант. Да-да, некромант, а не Леголас из ролевых игр.

Ринка не успела прийти в себя от новости, как услышала за дверью голоса. Один из них показался знакомым: граф Энн. Черт! Вот принесло его!

– Прячься! – велела она Фаби, уставившемуся на двери с искренним детским любопытством, и показала на шкаф с платьями. – Нельзя, чтобы тебя увидели! А то заберут на опы...

Распахнувшаяся дверь не дала ей договорить. На пороге возник Отто и радостно завопил:

– Сюрприз!

За его спиной маячили искренне довольный король и нацепивший маску любезной радости Герман.

Им повезло, что Ринка – не матушка Бастельеро-Хаас и не умеет проклинать так, чтобы от одного взгляда люстра падала. А то бы от ее

мысленного пожелания провалиться всей компании ко Ктулху в пасть могли бы случиться большие неприятности.

Вцепившись в книгу, словно она была спасательным кругом, Ринка встала и натужно улыбнулась. В голове не было ни единой мысли на тему, как ей защитить Фаби от чертова манипулятора в короне.

– Добрый день, ваше величество, ваше высочество, граф, – она присела в реверансе и украдкой оглянулась: успел ли Фаби спрятаться?

И чуть не рухнула в обморок.

Чуть позади нее стоял мальчик. Лет девяти, золотоволосый, веснушчатый и с огромными синими глазами. В точности как висящий в гостиной портрет Людвига до получения наследства! Даже одет был так же, в зеленый бархатный жилет поверх белоснежной рубашки с кружевным жабо и манжетами, полосатые бархатные же штаны до колен, белые чулки и туфли с пряжками. Мальчик с любопытством рассматривал гостей, а те с наименьшим интересом рассматривали его.

– Кто этот милый малыш? – тут же поинтересовался король, заходя в кабинет и без приглашения усаживаясь в кресло. Правда, Ринке он тоже кивнул, мол, к черту формальности, садитесь.

Только закаленная театральной жизнью психика помогла Ринке моментально выдать ответ.

– Это Фаби, сын Людвига! Приемный... Ну... – Ринка смутилась, но мужчины поняли ее по своему.

– Вот подлец! – восхищенно пробормотал Гельмут, разглядывая копию своего кузена в детстве, – и ведь ни словом не обмолвился, что у него есть бастард. Рина, вы святая женщина.

Если король и поверил Ринке, то граф Энн явно сомневался. Рина кожей ощущала его подозрительность.

– Кто твоя мать, Фаби? – спросил он.

– Рина, – с самым невинным видом ответил Фаби и тут же утратил интерес ко взрослым, переключившись на ровесника. – А тебя как звать? – спросил он принца, ошарашенного таким обращением.

– Фаби, это его высочество Отто, его величество Гельмут и папин начальник граф Энн...

Король хохотнул, а граф посмотрел на Ринку с такой укоризной, что она моментально вспомнила и этикет, и историю аристократии... Ничего, она иномирянка, так что переживут! И вообще, может, она без мужа не собирается ни с кем вести светских бесед! И предупреждать заранее надо!

– О, целый король! – восторгу Фаби не было предела, он подошел к не менее ошарашенному Гельмуту, протянул руку и осторожно потыкал в

королевское бедро. – Ух ты! Мягкий! Настоящий король! Здорово!

– Где ты воспитывался? – строго произнес Энн, явно не зная, хохотать ему или срочно защищать сюзерена от культурного шока.

Ринка, например, упала бы без чувств, ибо кто знает их правила, прикажут еще выпороть! Она мысленно воззвала к Фаби, чтобы он ничего не ляпнул про свое драконье происхождение, и тут же представила жуткую картину выгула на поводке, сидения в клетке и правильного питания!

– Сначала я жил в горах, а потом здесь, на вилле, – мальчишка слегка присмирел.

– А где родился?

– Там, – он неопределенно махнул рукой и переключился на Отто. – Познакомить тебя с Собакой?

– Да, да! – быстро проговорила Ринка. – Я как раз обещала его высочеству показать кошку! Ваше величество, – обратилась она к королю. – Вы ведь не возражаете?

– Не возражаю, идите, – милостиво кивнул Гельмут, продолжая рассматривать Фаби. Ринка прямо видела, как дымится королевский процессор, встраивая новую фигуру в сложную схему политических игр.

В отличие от короля, Герман явно не хотел так быстро расставаться с Фаби, а хотел задать ему сотни три вопросов. По счастью, не удалось: Ринка даже представить боялась, что ему наболтает дракончик!

«Следи за языком!» – мысленно крикнула ему вслед Рина и в ответ получила волну возмущения: «Я уже не глупый ребенок, не волнуйся!»

– Надо же, я всегда думал, что сын Людвига будет похож на него... э... взрослого. И давно мальчишка тут?

Ринка неопределенно пожала плечами, изобразив смущение и опустив глазки долу.

– Людвиг – скрытный паршивец, – хмыкнул Гельмут. – Не думал, что он так резво пользуется служаночек в замке. Или юных селянок? Поздновато он взялся за воспитание мальчишки... а вы не устаете меня удивлять, Рина. Или в вашем мире принято вот так спокойно принимать бастардов в семью?

– У нас очень разнообразные традиции, ваше величество, – едва подняв глаза, ответила Рина.

– Он должен был мне сообщить, – задумчиво сказал Гельмут. – Бастарды от Бастельеро всегда вносятся в списки семьи, дару все равно, в браке рожден ребенок или нет.

– Сколько ему лет? – тут же спросил Герман.

– Около девяти.

– Да, поздновато кузен спохватился. Или не знал раньше...

– Так мило с вашей стороны навестить меня, ваше величество! – Ринка решила сменить тему. Отвечать на три сотни вопросов о бастарде она пока была не готова. Сначала неплохо бы договориться с Людвигом, что врать, а то эти двое запросто поймают на разнице в показаниях.

Гельмут молча согласился оставить тему бастарда и переключился на светскую лапшу. Они, видите ли, соскучились и очень волнуются за Рину в связи с нападением неизвестного! А еще Людвиг сегодня на задании и неизвестно когда вернется, и он очень просил Германа посмотреть память Рины, чтобы увидеть лицо нападающего. И это все только ради ее блага! Только ради него! И как поживает герцогиня? Не скучно ли ей, не обижает ли супруг, не ждут ли они наследника? Бла-бла-бла! Король была сама любезность, Герман – учтивость, а Рина – безукоризненная светскость. Compliments сыпались безостановочно, разговор вертелся вокруг планов, желаний и сплетен. При этом Рина постоянно ощущала легкую боль в правом виске. Знакомую боль.

– Герман, вы пытаетесь проникнуть мне в память? – наконец, не выдержала она.

– Вы чувствуете? – ни капельки не смутился граф. – Просто так проще увидеть, что с вами произошло. Когда человек расслаблен, он легче отдает воспоминания.

– И что вы увидели? – Ринка позволила себе толику ехидства.

– Ничего! – недовольно ответил начальник госбезопасности. – Я не кардинал Диего, но для меня не составляет проблемы увидеть образы в памяти обычного человека. Но вы ведь у нас не обычный человек, не так ли? Какие тайны вы храните?

– Никаких особенных тайн, ваша светлость, – Рина усиленно захлопала глазами, включая блондинку. – Просто на мне амулет кардинала Диего. Вы ведь не предупредили меня...

– Кардинал дал вам амулет? – очень подозрительно спросил король и обменялся с Германом взглядами. – Снимите.

– Не мне, моему дорогому мужу. Но Людвиг нацепил на меня целую связку амулетов, – Ринка достала из-под окутывающей плечи и шею шали горсть «украшений» – Я не знаю, который из них.

Герман сразу указал нужный, и Рина его сняла, но в руки графу не отдала.

– Людвиг велел не расставаться с ними ни в коем случае, – невинно похлопала ресницами она.

Герман с королем снова понимающе переглянулись.

– Вспомните момент нападения, – велел Герман. – Рассмотрите его подробно. Где вы находились? Что слышали? Какого цвета его одежда?..

Под наводящие вопросы Германа она вспоминала нужное событие, удивляясь, как много подробностей сохранила ее память – тех подробностей, о которых она вроде как забыла, или толком не заметила их сразу. Правда, когда в картинку нападения вклинилось другое воспоминание – об их разговоре с Тори – Ринка мысленно выкинула его из головы и оградила все, что не касается нападения, каменной стеной.

– Что вы скрываете? – внезапно спросил Герман.

В ответ на его вопрос в памяти Рины мелькнула картинка из какого-то шпионского фильма со Шварцнеггером. По губам Германа скользнула едва заметная улыбка, и тут Ринка разозлилась. Она позволила себе вспомнить всю Бондиану, и «Семнадцать мгновений весны», и еще с полсотни отечественных и голливудских фильмов, и кадры военных новостей, и в качестве вишенки на торте – всю идиотскую телерекламу, все чертовы навязчивые слоганы и мелодии, и это все разом: нате вам параллельное клиповое мышление современного хомо вульгарис!

Герману хватило десяти секунд, чтобы болезненно скривиться и отпрянуть. Судя по бледности, покрасневшим глазам и выступившей на лбу испарине, погружение в информационный хаос тяжело ему далось.

– Совершенно ничего не скрываю, – мило улыбнулась она, продолжая транслировать ТВ-хлам в ментальный эфир.

– Рина, ты ведь понимаешь, – мягко и проникновенно начал король. – Это все ради твоей безопасности и безопасности Людвига. Что нужно от тебя драконам?

– Не знаю! – совершенно искренне и честно ответила Рина, на мгновение пожалев, что его величество не менталист и не пытается залезть к ней в голову. Нечестно получается. Герману досталось, а зачинщику безобразия хоть бы хны! Вот бы ему посмотреть коллекцию рекламных роликов от Билайн и Хохланд вперемешку с предвыборными дебатами Жириновского!

– Наденьте амулет, фрау Рина, – попросил Герман, побледневший еще сильнее.

– Как скажете, – пожала плечами Ринка, почти посочувствовав бедняге. Почти! Он сам выбрал такую работу, пусть сам и страдает. – Надеюсь, ваше величество окажет нашему дому честь отобедать? Фрау Шлиммахер готовит изумительный пирог с почками.

– Я всецело одобряю твое похвальное желание учиться в Академии, – великодушно заявил король за обедом, и покосился в сторону уплетающих

айнтопф (густой суп) мальчишек. Отто и Фаберже ели с такой скоростью, словно участвовали в конкурсе на самого быстрого обжору. – Отто, я рад, что ты полюбил капусту.

– Ой, я и не заметил! – Отто с удивлением взглянул на свою тарелку. – У нас тут такой опыт намечается!

– Мама, можно мы в твою лабораторию? – Фаби потянулся за куском пирога. – И можно, Магда нам принесет туда чай?

Ринка только вздохнула. Быть мамой дракона она уже привыкла, но быть мамой непоседливого мальчишки было очень странно. Скорее бы король уехал, и они с Фаби смогли спокойно поговорить! А то сидит, разговоры разговаривает, за жизнь интересуется, и все так проникновенно и доверительно! Прямо отец родной! Или кавалер, галантный сверх всякой меры. Неужели государственные дела не ждут? И вообще, нечего тут жене кузена глазки строить! Тоже мне, Казанова! Все равно Ринка ему ничего полезного о своем мире не расскажет. Не в этот раз.

– Можно, – ответила она, – но только под присмотром Рихарда.

– Мы Собаку возьмем! – довольно улыбнулся Фаберже и пихнул Отто в бок. – Побежали?

Его высочество, в отличие от юного дракона, рос при дворе, поэтому он сперва спросил у отца позволения покинуть столовую. Ринка сделала себе мысленную пометку: Людвигу надо позаниматься с «сынулей» этикетом, раз уж он вот такой вот... оборотень.

– Только ничего не трогайте! – крикнула она вслед детям и мысленно добавила: «Особенно чешую и скорлупу от яйца».

«Мама, – простонал Фаберже у нее в голове. – Я взрослый дракон и понимаю, что можно, а что нельзя говорить новому другу. Мы просто хотим кусочек э... скелета под микроскопом рассмотреть!»

«Какого еще скелета?» – тут же испугалась Рина. Неужели раскопали могилу, кладбище-то рядом!

«Того, что на чердаке в стенке замурован! Ну, помнишь, я про привидение рассказывал?»

Боже! Хотя бы не забыть рассказать Людвигу! Вдруг это призрак его любимого прадедушки!

К счастью, король отбыл после обеда, прихватив с собой Германа и пообещав прислать за Отто мобиль через пару часов. Ну и оставив с принцем человек половину охраны, прохлаждающейся в саду: оказывается, наложенные на дом чары не позволили им войти внутрь, чему Рина была несказанно рада.

После общения с королем она чувствовала себя вымотанной, словно

кросс пробежала. По пересеченной местности. Все эти галантные намеки, милая улыбка, «нечаянные» прикосновения и прочие ухищрения держали ее в постоянном напряжении. И ведь не расскажешь Людвигу, что король откровенно и беспринципно ухаживал за его женой. Нет, он ничего лишнего себе не позволял, но был таким милым и очаровательным, что Ринка раз десять пожалела, что обед накрыли в малой столовой, а не в парадной. В малой стол был как раз на шесть персон, и она сидела по левую руку от короля.

Чтоб им, харизматичной арийской бестией, Ктулху подавился!

– Рихард, где принц и...

– Бастард его светлости? – бесстрастно уточнил дворецкий. – Слуги весь день судачат, от кого родился такой прелестный мальчик и где он до сих пор проживал.

– Думаешь, Людвиг обрадуется?..

– Не думаю, что его светлость расстроится. Он с детства любил тайны, – Рихард позволил себе намек на улыбку. – Юные аристократы исследуют некие кости. Но мне кажется, они просто спрятались, чтобы принц Отто смог научить Фаберже играть в карты. В подкидного дурака.

– Мяу! – возмущенно подтвердила вернувшаяся из няnek кошка. – Мр-р-мяу! Безобразие!

– Я с вами полностью согласен, меффрау Собака, – чопорно кинул Рихард. – Но мальчикам иногда полезно нарушать правила.

Он ушел, а Ринка и кошка вылупились друг на друга. Первой не выдержала кошка по имени Собака, которая вообще-то и не кошка.

«Это очень большой секрет. В этом мире его никто не знает».

– То, что драконы – оборотни, никто не знает?

«Только до первой тысячи лет, потом теряют эту способность. Но обычно к тому времени дракон уже понимает, в каком теле желает прожить остальную жизнь».

– И что они чаще всего выбирают?

«А ты как думаешь? Променять небеса бесконечного множества миров на вечное ползание по земле? Фу, это же глупо! Хотя извращенцы встречаются и среди драконов».

– И?..

«Среди драконов тоже есть всякие... нет, не преступники, но... любители обойти закон. Понимаешь, Рина, – кошка улеглась на бок и нервно задергала кончиком хвоста. – Драконы честолюбивы, наглы, умны и очень сексуальны... до тысячи лет. Молодежи бывает скучно, и тогда они уходят в мир людей. Чтобы немного развеяться или чему-нибудь научиться.

Это официальная версия».

– А неофициальная?

«Золото. Камни. Произведения искусства. Драконы как сороки, они веками собирают свой клад. Традиция, однако. Они помнят о каждой монетке: откуда она, где нашлась, как досталась. О каждом артефакте или амулете. Они чувствуют свои сокровища и найдут их в любом мире, если родится безумец, укравший из сокровищницы дракона хоть медяк».

– Так сказки не врут! – Ринка слушала внимательно. Вот сейчас она узнает...

«При этом они все остаются подданными своего клана и подчиняются Совету Мудрых, ну и они должны платить налоги. Драконы очень высокоразвитая раса. Но некоторые молодые и наглые забывают об этом. Чтобы следить за такими дерзкими, нужен свой эээ... дракон среди людей. Так сказать, под прикрытием дипломатической драконьей миссии».

– Полиция для драконов?

«Можно и так сказать»

– И папа-дракон выбрал на эту роль Фаберже? – догадалась Рина. – И то, что он подружился с Отто, тоже запланировано?

«Алый это предвидел. Здесь давно не рождались сильные слышащие и сильные всадники, но когда появился всадник, драконы стали искать для него слышащую. Но слышащую искали не только драконы, но и массены. Потому что их глава сказал: найдем слышащую, найдем всадника и на него поймает дракона. Хороший план, между прочим. И массены нашли тебя первыми, следили за тобой в твоём мире. Они надеялись притянуть тебя в лабораторию во Франкии, но я, – гордо потянувшись, – и твоё подсознание привели тебя в Виен. Мы думаем, потому что ты знала язык и здесь живет Курт. Петер Курт, который умеет во сне входить в чужой разум иных мирах и который контролировал твоего Петеньку, не давая тебе возможность сбежать, пока не подвернется случай пихнуть тебя в случайный портал».

– То есть анонимку написал доктор Курт?! Зачем?! Он же меня перепугал...

И настроил против Людвиг. А заодно сам показался на фоне неизвестного злодея милым и безопасным. Манипулятор хренов!!!

Ринка покраснела, подумав, что если доктор Курт был Петечкой – значит, они в каком-то смысле бывшие любовники... ох, черт. И самое неприятное, что если бы она встретила сначала доктора Курта, а не Людвиг – он бы получил её с потрохами. Потому что... потому что Петер Курт – чрезвычайно привлекательный мужчина, и у них очень много

общего, и вообще... Как хорошо, что этого всего не знает Людвиг! И лучше, чтобы не узнал. Потому что сейчас она ни за что не променяет Людвига на сотню докторов Куртов. На тысячу докторов Куртов вместе с тысячей Академий магических наук!

Кошка беззвучно засмеялась.

«Дальше все просто. Слышащая позвала всадника. Остальное было вашим личным выбором, хотя на самом деле выбора и не было».

– В смысле, не было? Людвиг в самом деле всадник? Но почему он об этом не знает?..

«Слишком много вопросов. У тебя есть мозги и лаборатория».

Потянувшись, кошка презрительно фыркнула и ушла, задрвав хвост. А Ринка осталась размышлять над горой информации.

Главное, не забывать, что все это – магия, детка. Или все же наука и технологии? В этом безумии сам Ктулху щупальца сломает!

Глава 18, о чешуйчатых симпатяшках

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Ринка последовала совету Собаки и отправилась в лабораторию. Мальчишек там не оказалось – они, если верить Рихарду, играли в карты на чердаке. И Ринка подозревала, что лексикон обоих существенно пополнится.

Она же занялась давно откладываемым исследованием. Не зря ж она хранила чешуйку, упавшую с Людвига! Самое время проверить... или доказать...

Часа два провозившись с исследованием двух чешуек, красной и черной, по отдельности, Ринка заполнила с десяток страниц – в основном вопросами. Свойства чешуи, честно говоря, вгоняли в ступор. Особенно способность красной сохранять стабильную температуру в девяносто пять градусов по Цельсию. Никаких источников энергии! Никаких химических реакций или излучения, которое можно зафиксировать здешним отвратительно устаревшим оборудованием. Тем не менее – красная чешуйка исправно нагревала воду в кувшине до тех самых девяносто пяти градусов за три с половиной минуты. Чуть помедленнее, чем хороший электрочайник.

Как?!

Наука в лице Ринки отчаялась найти ответ. Впрочем, она наверняка скоро придумает еще десяток-другой опытов, а пока – надо все же их не просто сравнить, а совместить. У доктора Курта написано, что всадники каким-то образом охлаждают драконов. Имеет ли их чешуя отношение к данному феномену?

Опыт показал, что очень даже имеет. Стоило дать чешуйкам соприкоснуться, как красная начала охлаждаться. Причем – не нагревая при этом черную! Как эндотермическая реакция, только без какой-либо видимой реакции.

Ринке остро захотелось разбить к чертям собачьим микроскоп. Толку от него, когда все, что она наблюдает – это магия, детка?!

Попортить ценное оборудование ей помешал Рихард. Явился в лабораторию и доложил, что пора провожать принца Отто, а заодно объяснить Фаберже, что такое этикет. С облегчением положив чешуйки обратно в пробирки, Рина отправилась исполнять материнский долг, и едва

не столкнулась с обоими мальчишками, бегущими вниз по лестнице. При этом глаза дракончика сверкали так хитро, что Ринка заподозрила неладное. А когда услышала о том, что мальчишки намерены во что бы то ни стало добыть пиратское сокровище, для чего им нужен Рихард с топором и пара-тройка некромантских гримуаров, потому что на сокровище наложены какие-то очень, просто очень интересные проклятия, она чуть не наорала на оборотов. Удержал ее опять же Рихард:

– Не беспокойтесь, ваша светлость, пока юные господа не трогают то, что охраняет пират, они в полной безопасности.

– Вот и не трогайте ничего без Людвиг. Вы меня хорошо поняли, юноши?

– Хорошо, мама, – кивнул Фаби с таким честным видом, что Ринка чуть за голову не схватилась.

Вот как так получилось, что она внезапно оказалась мамой девятилетнего шалопая?!

Однако, после того как проводили Отто, шалопай на удивление успокоился. Он даже с интересом выслушал лекцию на тему этикета и заявил, что это тоже очень увлекательная игра, и он обязательно научится в нее играть. А еще ему надо срочно научиться читать, потому что Отто умеет, а он – нет, непорядок! Отто ему столько интересного рассказал! И вообще, они будут дружить, потому что Отто – отличный парень! И это же здорово, что они двоюродные братья!

– Конечно, будете дружить. Отто очень нужен настоящий друг.

«Которому плевать, наследник он или нет», – добавила она про себя. Может быть, тогда у Отто появится шанс вырасти меньшей сволочью, чем Гельмут.

– А теперь давай учиться читать! – потребовал Фаби и оглядел библиотеку с неподдельным интересом естествопытателя.

Рине ничего не оставалось, как только согласиться. Но она плохо представляла себе, с чего начать. Вряд ли в библиотеке есть детская азбука или хотя бы простенькие книжки с картинками. Пока она думала, шалопай обежал всю библиотеку и вернулся к ней с тонкой папочкой в руках.

– Вот, я хочу сначала прочитать это!

Пожав плечами, Рина опять согласилась. Какая разница, на самом-то деле? Тем более папка выглядела новой, а значит, вероятность напороться на какой-нибудь древний диалект была куда меньше.

– А откуда ты это взял? – на всякий случай спросила она.

– Со стола, – махнул рукой Фаби.

– Вот за стол и пойдем.

За изучением папки, полной материалов о массенах, драконах и семействе Бастельеро, причем сразу на двух языках, немецком и испанском, их и застал Людвиг. Сначала он, зайдя в библиотеку, поздоровался с Ринкой. Нежно. Потом нахмурился и переспросил:

– Ты – Фаберже?!

– Привет, пап! – радостно отозвался мальчишка. – А мама научила меня читать по-астурийски!

Когда он в доказательство потряс в воздухе листочком с печатью Братства, глаза Людвиг округлились, а на скуле стала проступать чешуя.

– Где ты это взял? Рина?..

– Да здесь на столе лежало. Это что-то секретное? – Ринка включила блондинку, а для убедительности похлопала ресницами.

– Уже нет, – Людвиг на миг зажмурился, а потом открыл глаза и улыбнулся. Чуть кривовато, но уже почти спокойно.

– Пап, а почему у тебя чешуйки? А почему они черные? Пап, ты тоже дракон?.. – подскочивший к нему Фаби попытался отковырнуть чешуйку, получил по рукам, но ничуть не расстроился и принялся прыгать вокруг Людвиг, забрасывая его вопросами.

Ринка смотрела на это, едва сдерживая смех. Бедный Людвиг, всего день не был дома, а тут такие новости! У него, оказывается, бастард. И дракон – оборотень. И король являлся. И секретная папка уже прочитана и почти пущена на самолетики. А вот нечего разбрасывать секретные документы где ни попадя.

– Фаби, угомонись, – прикрикнула на малыша Рина и, когда синие-синие глазки уставились на нее в ожидании ответов на сто и один вопрос, сказала уже спокойно: – Людвиг не дракон, Людвиг – всадник.

– Барготова мать, – устало выдохнул супруг и упал в ближайшее кресло. – Рина, радость моя, ты можешь мне по-человечески объяснить, что за дурдом у нас творится?

– Я и объясняю. Все хорошо, Людвиг, – Ринка едва подавила желание спеть ему песенку «Все хорошо, прекрасная маркиза». – Фаби, оказывается, оборотень. Мне тут Собака кое-что рассказала...

– А она тебе не рассказала, почему он похож на меня и Гельмута в детстве?

– На Гельмута тоже? Э...

– Потому что ты мой папа! – радостно разрешил все сомнения Фаби. – Я видел твой портрет. И я хочу быть как ты.

– Барготовы подштанники...

– А кто такой Баргот? А зачем ему подштанники?

– Тихо! – в один голос велели Ринка и Людвиг, переглянулись и засмеялись.

Ринка – немножко истерически, Людвиг... наверное, тоже.

– Ладно, продолжаем. Значит, Фаби – оборотень и похож на меня, потому что ему так захотелось. А если тебе захочется стать похожим на Рихарда?

– Не-а, не захочется. Он старый и некрасивый.

– Для игры, чтобы никто не догадался, что это ты. Сможешь?

– Не-а, – чуть подумав, грустно ответил Фаби. – Я же пока не умею колдовать. Но я научусь! Папа, а ты научишь меня снимать проклятия? А проклинать? А делать умертвия, как Рихард? А...

– Тишина в библиотеке, – спасла супруга, у которого опять стала проступать чешуя, Ринка. – Фаби, люди могут отвечать только на один вопрос за одну единицу времени. Твое мышление может быть сколь угодно параллельным, но речь-то последовательна.

– Параллельное мышление, а что это такое? – теперь интерес Фаби сосредоточился на Ринке.

– Объясню потом, если ты не доведешь Людвига до... хм... – теперь научный интерес обуял Ринку. Видимо, это очень заразно. – Людвиг, а если ты не будешь сдерживаться, каким ты станешь?

– Ты не хочешь этого видеть, поверь, – поморщился он.

– Хочу! – в один голос заявили Ринка и Фаби. – Папа, ну пожалуйста! – это уже был один Фаби, все же взрослой герцогине канючить не пристало, а мелкому дракончику – запросто. Иногда удобно быть маленьким и невоспитанным.

– Нет, – устало прикрыл глаза Людвиг.

– Ну па-ап!

– А ты пробовал когда-нибудь? – Ринка сделала Фаби знак помолчать, потому что с папой надо иначе. Ласково. И под научным соусом. – У тебя, наверное, дневники наблюдений есть...

– Есть, и я их тебе дам. Только при условии, что ты не будешь меня просить превратиться в монстра.

– Не буду! В монстра – точно не буду! – радостно пообещала Ринка, уже готовая бежать за дневниками наблюдений.

– Завтра. А сейчас не увиливайте, господа, и выкладывайте все. – Строго глянув на Ринку, он веско добавил: – Все, радость моя, а не избранные моменты.

– А я что... – Ринка похлопала ресницами. – Мне скрывать нечего! Фаби – дракон-оборотень и будущий драконий полицейский, я – слышащая,

ты – всадник, доктор Курт – глава ордена массенов и манипулятор хренов, Гельмут – сволочь наглая. Да, и я выяснила, что такое твоя чешуя, вот! Это такой термокостюм, чтобы охлаждать дракона для полета. Я совместила две чешуйки, твою и алого дракона. Хочешь, покажу опыт?

– Что за опыт? Почему без меня? Я тоже хочу!.. – разумеется, встрял Фаби.

– Тишина в библиотеке! Я тебе зачем объясняла про этикет?

– Ну, ма-ам!

– Ну-мам и ну-пап не сработает, юноша. Или вы ведете себя прилично, или марш из аудитории! – Ринка скопировала интонации своего университетского профессора.

Фаби тяжело вздохнул, а со стороны Людвига слышались аплодисменты.

– Ты открываешь все новые грани твоего совершенства, моя радость. Браво!

– Великая укротительница чешуйчатых монстров сегодня и всегда с вами! – Ринка шутливо поклонилась. – Так что, в лабораторию? Прекрасная, изолированная от дома, в отдельном помещении. Наверное, там и магическая система безопасности есть. Ты же посмотришь, правда? – подойдя к Людвигу, она протянула ему руку.

– Я не буду превращаться в монстра, Рина, – он улыбнулся и поцеловал ее запястье.

– А я и не прошу в монстра, – она кокетливо склонила голову набок. – Мы просто поставим маленький, совершенно безопасный эксперимент!

– Ага, – поддержал Фаби. – Совершенно безопасный!

Переглянувшись, Ринка с Людвигом рассмеялись. Все же быть родителями юного дракончика, который никак не может выучить значение слова «тормоза» – чрезвычайно увлекательно. Если вы это переживете.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

Вечер в кругу семьи Людвигу неожиданно понравился. Он даже на удивление быстро смирился с тем, что перед глазами постоянно маячило напоминание о безоблачном детстве. Фаби взял образ с последнего детского портрета Людвига, сделанного за месяц до того, как на него свалилось наследство. Этот портрет Людвиг держал дома в качестве напоминания: жизнь непредсказуема и изменчива, надо радоваться тому, что имеешь, пока оно у тебя еще есть. Однако каждый раз при взгляде на тот портрет становилось грустно и одиноко, вспоминался ужас отца и матери, когда они впервые увидели Людвига Бастельеро вместо Людвига

Хаас.

Но все изменилось за считанные дни. Кто-то бы сказал, что вся жизнь Людвигу снова встала с ног на голову. Самому же Людвигу казалось, что все наоборот. Что его жизнь становится такой, как надо. Становится с головы на ноги. У него теперь есть любящая семья, и его семья принимает его таким, какой он есть, а не вопит о проклятии и не морщится при каждом взгляде на него. А что первый сын у него – дракон... ну... так даже интереснее. Чешуйчатый чешуйчатого лучше поймет.

– Ты не сердишься на Фаби? – спросила Рина, когда за окном зеленела луна, а маленький дракончик мирно спал в обнимку с плюшевым медведем.

– Уже поздно сердиться, – Людвиг ласково взъерошил и так растрепанные волосы супруги. – Да и не за что. Малыш молодец, быстро сориентировался. Как представлю картину «Гельмут и дракон»...

– О нет... – Рина тихонько рассмеялась. – Тогда бы Гельмута от счастья удар хватил, а нам потом расхлебывать. А то, что он называет тебя папой, и вся эта история о бастарде?

– Мне кажется, это прекрасная возможность успокоить матушку и сестер. Они в ужасе от того, что семейное проклятие может передаваться их детям, а если у меня есть сын – то их детям уже ничто не угрожает. Кстати, может быть это поможет выдать, наконец, Анну замуж.

– Честно говоря, не понимаю, почему для красивой девушки с титулом и приданым это такая проблема. Не может быть, чтобы все настолько боялись вашего проклятия.

– Для девушки с характером и амбициями, – хмыкнул Людвиг, обнимая жену теснее: вот так лежать с ней рядом и просто разговаривать о том и о сем было невероятно хорошо и уютно. – Она, кажется, до сих пор не смирилась с тем, что Гельмут наотрез отказался на ней жениться, мотивируя это слишком близким родством.

– А на самом деле?

– На самом деле ему не нужна колючка под хвостом. К тому же Отто ее терпеть не может.

– Как у вас все сложно... или она влюблена в Гельмута?

– Еще чего. Она влюблена в себя и в корону на своей голове. Упаси Баргот Астурию от такой королевы! Кстати, я подумываю, а не выдать ли ее замуж в Испалис. Гельмут сказал, испалийский король жаждет породниться с Бастельеро. Для наследника Анна старовата, мальчик не намного старше Отто, но думается мне, он найдет, за кого ее выдать.

– Это из-за всадников?

– Наверняка. Кстати, я так и не спросил: как Фаби удалось открыть ту

папку? На ней был десяток охранных заклинаний, половина моя, половина – кардинала Диего. Или это ты ее открыла?

– Нет, Фаби. Ты уверен, что заклинания были? Он просто взял ее со стола и открыл.

– Я смотрю на мальчишку, радость моя, и понимаю, что ни Баргота не понимаю в драконах.

– Но теперь-то ты их не боишься.

– Как сказать, как сказать. Я не боюсь Фаби, но он – не все драконы. А кто знает, что на уме у прочих? Поэтому, пожалуйста, будь осторожна. Очень-очень осторожна.

– А ты не хочешь взять выходной на завтра? Твое присутствие очень-очень помогает мне быть осторожной, – для убедительности супруга погладила его по животу, и чем ниже опускалась ее рука, тем более привлекательной казалась идея выходного. А лучше двух. Или трех. В конце концов, он уже три года даже в отпуске не был!

Проснулся Людвиг с ощущением солнца и праздника. Рина все еще спала, обняв его руку и выставив из-под одеяла трогательно-розовую пятку. Людвигу страшно хотелось ее пощекотать, но будить было жаль. Она так мило посапывала во сне! И улыбалась, нежно и доверчиво. Так что он тихонько выбрался из-под одеяла и, едва умывшись, отправился в кабинет, звонить Герману. По причине раннего утра – домой, а не в контору.

– Еще пораньше не мог? – проворчал Герман. Голос у него был совершенно больным и несчастным. – Что стряслось?

– Ничего. Просто звоню сообщить тебе, что у меня сегодня выходной. И завтра выходной. И суббота с воскресеньем тоже.

– Ну и отдыхал бы молча. Какого демона названиваешь в восемь утра?!

– Извини, я был уверен, что ты уже собираешься на службу. Как обычно, к девяти.

– Твою канарейку... Людвиг, хоть провались. До понедельника меня нет. Я болен. Я умер. Скажи Гельмуту, что меня уже отпели и кремировали! И запомни, я никогда, ни при каких условиях больше не буду смотреть память твоей жены! Близко к ней не подойду! Проклятье, моя голова... – простонал Герман и отключился.

А Людвиг сделал себе заметочку: выяснить, что такое Рина сделала с лучшим менталистом Астурии, что он через сутки общения с ней едва не умирает. Но только потом, когда она проснется. Не будить же ее ради таких пустяков, право слово!

– Прикажете подать завтрак, герр Людвиг? – в дверях кабинета возник

Рихард.

– Завтрак, пожалуй. Фаби уже проснулся?

– И уже позавтракал. У юного господина отменный аппетит.

У юного господина оказался не только отменный аппетит, но и отменное шило под хвостом. То, что надо! Представив, как скривится матушка, когда увидит внука, не имеющего ни малейшего понятия об этикете, Людвиг злорадно ухмыльнулся. То есть, конечно же, он научит Фаби вести себя, как подобает герцогскому отпрыску, но не так сразу.

Стоило подумать об отпрысках и драконах, как тут же вспомнилось и предупреждение видящей, и политические проблемы, и собственное сомнительное родство со всадниками. И Рина говорила об этом с полной уверенностью, и кардинал Диего настаивал, что в роду Бастельеро были всадники. К тому же, архив. Баргот знает, где его искать!

А вот искать Фаби особо и не пришлось. Рихард услужливо проводил Людвига к кадке с фикусом возле кухни (кто-то из предков обожал растения в кадках и заставил ими весь дом). Из-за кадки торчал синий, подрагивающий от нетерпения чешуйчатый хвост.

«Только не вслух, папа Людвиг! Я в засаде!.. э... в смысле, с добрым утром, папа!» – раздался голос в голове.

«С добрым утром, Фаби. На кого засада?» – спросил Людвиг так же, мысленно.

«На кухню! Я туда проберусь, и никакая фрау Шлиммахер мне не помешает, якорь ей в печенку! Вот она сейчас пойдет в погреб...»

«Где ты нахватался таких выражений?» – скривился Людвиг.

«Меня пират научил! Он веселый и знает столько всего интересного! Он научил нас с Отто играть в очко!»

«Что за пират? Откуда он взялся?» – у Людвига начала побаливать голова от несурезицы, творящейся в его доме.

«С чердака! Его там замуровали сторожить сокровище, а на сокровище проклятия, и мы с Отто не смогли его достать! Ты же поможешь? А ты научишь меня некромантии? Пап, пойдем на чердак, я вас познакомлю!» – малыш выскочил из-за фикуса и принялся прыгать вокруг Людвига, выпуская из носа колечки дыма и искры.

Головная боль усилилась, и Людвиг потерял виски. Пират на чердаке? Сокровище? Но там же никогда ничего такого не было!

– Так, прыгать – в сад, юноша, – вслух велел Людвиг. – А на чердак – спокойно. Учись ходить, как подобает аристократу. И превратись, что ли. Не то мы останемся без обеда. В прошлый раз фрау Шлиммахер чуть не разгромила кухню, увидев рогатого жука, что же с ней будет, когда она

наступит на хвост дракону?

«А что с ней будет? А давай посмотрим! Почему она разгромила кухню? А зачем?..»

– Сначала чердак, Фаби. Потом урок этикета. А фрау Шлиммахер пусть готовит обед, я не хочу остаться голодным.

Остаться голодным Фаби тоже не хотел и послушно превратился в мальчишку. Такого же, как вчера, даже в том же парадном костюмчике двадцатилетней давности. Ах, маменька, вам непременно надо это увидеть!

– Пошли скорее, пап! – мальчишка потянул Людвига за руку. – Сыграешь с нами в очко? Красавчик Морган обещал научить меня правильно мухлевать!

– Мухлевать в карты – нечестно и не подобает благородному человеку. Дракону тоже! С теми, кто мухлюет, не станет знаться никто из приличного общества. К ним относятся, как к вонючим бродягам. Ты же не хочешь, чтобы тебя презирали?

– Не хочу, – Фаби в задумчивости даже перестал прыгать по лестнице. – А Морган ничего об этом не сказал.

– Потому что он пират. Человек без чести и совести.

– Ну... а мне он нравится! С ним весело!

Людвиг пожал плечами:

– Веселись на здоровье. Ты должен знать, как устроено человеческое общество, и уметь играть по правилам этого общества. Иначе тебя не примут.

Фаби дернул плечом и фыркнул:

– Это я их не приму, если будут играть не по моим правилам. Я – дракон и сын герцога!

– Забыл добавить: мой дядя – король, моя макушка упирается в солнце, под моими ногами весь мир, – передразнил его Людвиг. – Я самый могущественный властелин, падите все ниц и вознесите мне хвалу!

– Чего вознести? – обернулся заинтересованный Фаби.

– Хвалу и славу, – подмигнул ему Людвиг. – А иначе ты спалишь весь мир, останешься один и взбесишься от безделья и скуки. Да, и готовить тебе пирожные тоже будет некому.

– Ну... так не честно! Я хочу быть великим и могущественным властелином мира! И чтобы пирожные. Много пирожных. А ты будешь возносить мне хвалу?

– Нет, не буду, – Людвиг сделал скорбное лицо. – В роду Бастельеро не хвалят зазнавшихся и обнаглевших мальчишек. Нельзя. Пра-пра-дедушка не велел. Так что придется тебе, как станешь могучим властелином мира,

запереть меня в башне и слушать мои горестные стенания и увещевания. Мои и мамы.

– Маму-то зачем в башню? – спросил Фаби растерянно.

– Затем, что мама тоже не будет хвалить зазнайку.

– Так не честно, – печально постановил Фаби. – Как мне стать властелином мира, если мама не будет хвалить?

– Не знаю, малыш. Но если ты не хочешь принимать правила общества, тебе придется или отказаться от общения, или изменить эти правила – а для этого надо стать тем, кого люди будут согласны слушаться. Например, великим магом и ученым, или великим духовным учителем.

– Духовным учителем? А это как?

– Для этого надо стать мудрым, малыш.

– Мудрым... а чтобы магом – сильным?

– Мудрым и сильным. Силу без ума уважают только дураки.

Фаби потряс белобрысой головой, явно не способной вместить столько идей сразу.

– Ладно, я стану мудрым. А как?

– Для начала научиться правилам человеческого общества. Вот как научишься вести себя достойно уважения, тогда можно будет идти дальше.

На миг остановившись перед дверью, ведущей на чердак, Фаби с подозрением посмотрел на Людвиг:

– Мне кажется, где-то тут подвох. Почему, чтобы заставить кого-то играть по моим правилам, я должен сначала выучить чужие?

– Никакого подвоха. Надо уметь разговаривать с людьми на их языке, а этикет и благородное поведение – это часть человеческого языка. Он же состоит не только из слов. Но ты хотел познакомить меня с пиратом?

– Ага, – задумчиво пробормотал Фаби. – Получается, пират не умеет?

– А ты как думаешь?

– Ну... наверное, нет.

– У тебя есть шанс стать великим магом, – подмигнул ему Людвиг.

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Ринку разбудил грохот и проклятия откуда-то сверху. Она бы, наверное, не побежала проверять, что творится на чердаке, если бы не обиженный детский визг, за которым последовало сотрясение всего дома и запах дыма.

– Магда! – крикнула Ринка, вскочив с постели и босиком несясь к двери. – Магда, ты где?

Камеристка выскочила из своей комнаты, взъерошенная и полуодетая,

а следом за ней – адъютант Людвига, Мюллер, путающийся в штанах.

– Мадам, куда вы? – поймав Ринку на полпути к лестнице на чердак, завопила Магда. – Не ходите туда, мадам! Там пожар!

– Бегите к выходу, ваша светлость! Пожар! – присоединился к ней Мюллер, застегивая штаны и оглядываясь в поисках то ли огнетушителя, то ли своего господина.

– Там Фаби! – Ринка оттолкнула девчонку и ринулась к лестнице.

Тут сверху донеслась еще порция ругани – ужасно громкой, словно ее пропустили через усилитель, повалили клубы дыма, дом снова дрогнул... замер... и наполнился топотом и паническими воплями. А сверху пополз мрак. Вместе с дымом и страхом. Все это внезапно напомнило Ринке бойню на Айзенштрассе, не хватало только Людвига, окруженного сворой призрачных химер.

Видимо, напомнило не ей одной, потому что Мюллер подобрался, обогнал ее и заступил дорогу.

– Ваша светлость, вам нельзя туда. Герр Людвиг сам справится!

– А если нет?

– Вы ему не поможете, ваша светлость. Идите вниз, прошу вас.

– Мадам, пожалуйста! – Магда потянула ее за подол ночной рубашки. – Пойдемте вниз, мадам!

Ринке очень хотелось послушаться и сбежать, но ведь там был Фаби! Если Людвиг не справится... с чем? Какие чудовища живут на чердаке? Если они нападут на Фаби? Он дракон, но он совсем малыш! Нельзя оставить его одного!..

– Прочь с дороги! – велела Ринка, оттолкнула Мюллера, вырвала подол из рук Магды и понеслась наверх, стараясь не вдыхать дым.

Наверху было темно, безумно страшно и почему-то пахло морем, рыбой и чем-то кисло-горьким. Порохом! – мелькнула невесть откуда взявшаяся догадка.

– Фаби! Людвиг! – закричала Ринка, но из горла вырвался лишь жалкий сип.

Ринка закашлялась, одной рукой схватившись за горло, а другую вытянув вперед, чтобы не наткнуться на стену, и все равно пошла вперед, упрямо повторяя себе: это все иллюзии, нет никакого пожара!

...и через несколько шагов вывалилась из клубов дыма и мрака на чердак. Обыкновенный, пыльный, заваленный рухлядью, разве что в редких клубах дыма и почему-то сумрачный, несмотря на солнечное утро за окном.

Замерев, Ринка прилипла взглядом к трем сгусткам мрака посреди

чердака. Один из них, напоминающий силуэтом мультяшного пирата – деревянная нога, пистоль и сабля в руках, борода и косынка на голове – уменьшался и таял на глазах, а с ним таял дым и возвращался солнечный свет. Вторая темная фигура совершенно точно принадлежала Фаби. Только он был не маленьким дракончиком, а тварью размером с хорошего крокодила, такой же крокодилей пастью и задранным шипастым хвостом. А третья фигура... нет, это же не может быть Людвиг, правда же?!

Третья фигура была монстром похлеще дракона. Химерой. Она стояла на четырех паучьих лапах, еще двумя – с зазубренными клешнями – щелкала в воздухе перед пиратом, а фасеточные глаза на человеческой, но почему-то рогатой голове светились мертвенным синим светом...

Или не светились?

Стоило моргнуть, и монстр исчез, а на его месте обнаружился Людвиг, совершенно обычный Людвиг в привычной белоснежной рубашке и шелковом жилете, привычно свежий и гладко выбритый, воплощение астурийской благопристойности и аккуратности.

– Каррамба! – пронесся последний отголосок от тающей фигуры пирата, и все затихло. То есть стало слышно, как в саду чирикают и щебечут птицы, шелестят ветки и где-то неподалеку лает собака.

Еще раз моргнув, Ринка сделала крохотный шагок к Людвигу и Фаби, и тут дракончик встряхнулся, подернулся туманом – и уже мальчишкой вприпрыжку помчался к Ринке:

– Мама, мама! Мы его победили! Ты видела? Ух и страшный! Ого, какой! Ты слышала, да? Кар-рамба!

Охнув, Ринка обняла шалопая и перевела взгляд на Людвига. Тот довольно ухмылялся, прижимая к груди поднятую с пола стопку старых тетрадей. И ни следа монстра! Даже ни одной чешуйки на лице!

– Извини, мы немножко нашумели, – его глаза (синие, единственное напоминание о колдовстве) сверкали тем же мальчишеским задором, что у Фаби.

– Немножко?.. – Ринка оглядела чердак: ни следа дыма, никаких разрушений, ничего. Только скромные завалы хлама по углам и старый рояль у окна. Тот самый, на котором играл Рихард. Даже нотные листы остались на пюпитре.

Людвиг невинно пожал плечами:

– Я не хотел тебя будить, моя радость. Подумаешь, немножко проклятий...

– Много проклятий! – дернув Ринку за рукав ночнушки, радостно сдал папу дракончик. – Красавчик Морган охранял сокровище! Очень важное

сокровище! А мы его ка-ак!.. Бах, ты-дыщ, и готово! Мы великие маги! – отскочив от Ринки, малыш запрыгал на месте, изображая победные пляски дикого племени Мумба-Юмба. – Мы ого-го! Йа-ху-у!!!

Ринка с Людвигом, глядя на мальчишку, рассмеялись. Синхронно. И переглянулись.

– Вы... – начала Ринка.

– Не о чем волноваться, моя радость. Как видишь, проклятия сняты, архивные записи у меня.

– И ты никакой не монстр, – припечатала его Ринка в запале научного любопытства. – Я видела, между прочим. Интересная боевая форма. Арахнид, да? Он всегда одинаковый? Или есть разные вариации?

– Да, да! Папа стал таким паучищей! Лапы – ого! – теперь Фаби прыгал вокруг Людвига, показывая руками размеры «ого!». – А Морган как вырастет! А папа на него как рыкнет! А Морган давай расти и дыму напускать!.. А я на него как рыкну! И хвостом его, хвостом! Он меня испугался, я большой и сильный, я буду великим магом! Как папа сказал!

Фаби остановился, ожидая бурных аплодисментов и цветов, и очень удивился, что его не хвалят. Но вместо того, чтобы восхищаться героическим драконом, Рина с Людвигом опять смеялись, на сей раз – в голос.

На лице малыша образовалось растерянное выражение. Как это, над ним смеются?

– Ох, Фаби... – первой успокоилась Ринка. – Ты молодчина. Ты отлично помог папе...

– Тогда почему вы смеетесь?

– Потому что было очень страшно, – честно ответила Ринка, – а теперь прошло, и стало смешно. Так часто бывает. Называется «отходняк», – это слово она произнесла по-русски, за неимением местных аналогов.

– А что это значит? А почему папа этого слова не понимает? А...

– Герр Людвиг! Разрешите доложить! – послышалось со стороны лестницы.

– Мюллер? – Людвиг обернулся к своему адъютанту, застегнутому на все пуговицы и вытянувшемуся во фрунт. Из-за его спины выскользнула Магда с пеньюаром наперевес и кинулась к госпоже, срочно одевать ее прилично, а то как же так, в ночной рубашке по дому, при слугах.

– Так точно, герр полковник! – тем временем отпрапортовал Мюллер.

– Докладывайте.

– Ситуация под контролем, герр полковник. Паника ликвидирована, слуги на своих местах и приступили к исполнению обязанностей, – и

покосился на Магду, подсовывающую Ринке домашние туфли.

Надо же, а она и не заметила, что все это время бегала босиком.

– Вот и хорошо. Свободен!

Мюллер отдал честь и, развернувшись на пятках, покинул чердак. Вместе с ним исчезла и Магда, послушная Ринкиному тихому «брысь». А Ринка шагнула к Людвигу.

– Все же объясни мне, что тут произошло?

– Мы отобрали у призрака пирата сокровище! – опять встрял непоседливый мальчишка.

– Архив семьи Бастельеро с информацией о всадниках и драконах, – пояснил Людвиг. – Охрану ставил, похоже, последний всадник.

– Это мы с Отто нашли Моргана! Мы молодцы!

Ринка кивнула Фаби, мол, несомненно – вы молодцы. И положила руку на стопку тетрадей, которую держал Людвиг.

– Почитаем их вместе? – И, дождавшись его кивка, добавила: – Пожалуйста, покажи мне трансформацию. Видишь, это же не опасно!

– Совершенно безопасный эксперимент удался! – радостно завопил Фаби, снова прыгая вокруг родителей. – Папа – ого-го! Йа-ху-у!

Людвиг страдальчески нахмурился.

– Рина, не надо. Я не уверен, что смогу это контролировать.

– Но у тебя же получилось! Только что! Нам же надо понять, что такое всадник. Как ты сможешь охлаждать дракона. Может быть, ты будешь превращаться не в это страшное, а... ну... надо посмотреть, вот!

Людвиг почти уже сдался, Ринка видела – еще чуть, и будет новый эксперимент. Но тут в дверях показался Рихард.

– Ваша светлость, к вам гости.

– Не гости, а сестра. Оставь нас, – миниатюрная блондинка решительно отодвинула Рихарда и ступила на чердак с видом американского авианосца, идущего на таран маяка. Ее презрительный взгляд скользнул по Ринке, по пыльным тетрадям, остановился на Фаби... в глазах мефрау Бастельеро-Хаас сначала мелькнуло подозрение, потом – узнавание. – Людвиг, кто это?!

– Фаби, позволь тебе представить мою сестру Анну. Видишь, как она себя ведет? Вот так – не надо, – тоном занудного профессора сказал Людвиг, отпуская стопку тетрадей в свободный полет к роялю и делая шаг навстречу сестре.

– Людвиг! – голос Анны почти поднялся до ультразвука. – Как ты смеешь!

– Дорогая Анна, – вмешалась Ринка, – не кричите так. Балка над вами

и так качается, кажется, призрак ее все же повредил.

Меффрау Бастельеро-Хаас отшатнулась обратно к дверям, глянула на балку, потом на Ринку, и только приготовилась сказать какую-то гадость, как раздался совершенно спокойный голос Людвига:

– Давно ты носишь ребенка, Анна? И от кого?

Глава 19, о делах семейных

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Людвиг

К собственному удивлению, Людвиг не разозлился на сестру. Эта мелкая паразитка выпила из него столько крови, помогаясь браком с Гельмутом или хотя бы франкским наследником, что у Людвига давно уже при виде нее начинал дергаться глаз, но сегодня ему было все равно. Ну, Анна. Ну, беременна. Ну, опозорилась. Ерунда какая! А спросил Людвиг больше из научного любопытства: кто решился переспать со змеей? И кого змея сочла достойным себя, великолепной и непревзойденной? Впрочем, это интересовало его не настолько сильно, чтобы напрягаться и внимательно рассматривать ее ауру. Все же он не целитель, чтобы вот так, на раз-два, определять сроки и отцовство.

Анна же на его вопрос побледнела, открыла и закрыла рот, и злобно уставилась на Рину.

– Не при ней же!

Людвиг только головой покачал. Как дочь кронпринцессы, воплощенного лоска и аристократизма, умудрилась вырасти настолько невоспитанной? И как она с такими манерами рассчитывала стать королевой? Загадка природы!

– Рина, любовь моя, извини Анну, она явно не в себе и плохо понимает, с кем разговаривает, – Людвиг повернулся к жене, намеренно игнорируя грубиянку, и подмигнул Фаби: тот наблюдал сцену с видом истинного ученого. – Идем, я составлю тебе компанию за завтраком. Фаби...

– Людвиг! – идеальные брови Анны изогнулись домиком, глаза расширились от обиды и возмущения, а от бешеного визга ее остановило лишь то, что она точно знала: Людвиг запросто выгонит ее из своего дома и оставит разбираться с проблемой самостоятельно.

– Мы тебя слушаем, Анна, – обняв жену за плечи, Людвиг обернулся к сестре и скептически поднял бровь.

– Ты должен мне помочь!

– Не думаю, что я тебе что-то должен. Если хочешь о чем-то попросить, я тебя приму. В кабинете, через полчаса. Рихард, проводи меффрау Бастельеро-Хаас.

Несколько мгновений Анна разгневанно хватала ртом воздух, а Людвиг ждал: завизжит или нет? Сколько он помнил обожаемую сестренку,

она всегда добивалась желаемого с помощью визга, топота ножками и капризно надутых губок, и никак не хотела понимать: всем, кроме маменьки и папеньки плевать на ее капризы, и даже брат позволяет собой манипулировать не ей, а исключительно маменьке.

Кажется, до нее все же дошло, что визгом делу не поможешь, и она, гордо топоча каблуками, ушла.

– Она в самом деле твоя сестра, пап? А почему вы совсем не похожи? – Фаби на всякий случай прижался к нему и к Рине. – Она моя тетушка, да? Она мне не нравится.

– Не все сразу, малыш, – Рина потрепала мальчишку по голове и улыбнулась Людвигу. – А ты не слишком резок с сестрой?

– В самый раз, – хмыкнул Людвиг. – Ей полезно подождать и успокоиться, заодно поумерить спесь. Вот кстати, Фаби может проявить гостеприимство и ее развлечь. Заодно и познакомиться поближе с родней.

– Можно мне ее немножко поизучать? – оживился малыш.

– Можно, только чтобы это был совершенно безопасный эксперимент, – подмигнул ему Людвиг. – И веди себя как истинный аристократ!

– Я не уроню честь семьи, – с комической серьезностью ответил Фаби и, издав еще один боевой клич племени мумба-юмба, умчался вслед за Рихардом.

– Какие у вас с сестрой высокие отношения, – прокомментировала Рина, прижимаясь к Людвигу.

– К Барготу пигалицу, – он обнял жену и наконец-то, впервые за все утро, ее поцеловал. – Лучше я скажу тебе о своей любви...

– Прямо здесь, на рояле? – невинно похлопала ресницами раскрасневшаяся от поцелуя Рина, так же невинно погладила Людвига по бедру и запустила пальцы ему под рубашку.

– Я уверен, рояль не будет против, – шепнул Людвиг в розовое ушко и легонько его прикусил, одновременно увлекая жену к роялю и набрасывая на дверь запирающее заклинание.

Через двадцать пять минут Людвиг, на ходу поправляя манжеты, спустился в кабинет. Принимать ванну и переодеваться он счел излишним, ограничившись освежающим заклинанием. Тем более он не собирался делать вид, что озабочен проблемами сестры. Нет. Он был совершенно счастлив и готов поделиться своим счастьем со всем миром. Даже с мелкой глупой пигалицей.

В кабинете его ожидала изумительная сцена, хоть сейчас в водевиль. Фаби, застегнутый на все пуговицы и ужасно серьезный, рассуждал о

пользе для государства широкой сети кондитерских магазинов и вреде для растущего организма чересчур большого количества овощей. При этом он так походил на Гельмута, ведущего совещание в кабинете министров, что Людвиг едва не рассмеялся. Фаби явно наслаждался представлением, а вот бедняжке Анне, расположившейся в гостевом кресле, было не до смеха. Ее лицо выражало безмерное страдание, несмотря на вежливую улыбку.

– Весьма интересная теория, Фаби, – послушав полминуты, прервал разглагольствования юного дракона Людвиг. – Думаю, мы с тобой проведем серию экспериментов для ее более детального изучения.

– В кондитерской, – исполненным королевского достоинства тоном объявил Фаби, закладывая руку за отворот жилета, в точности как на портретах первого франкского императора.

– Как будет угодно вашему всемогуществу, – поклонился ему Людвиг.

– Надеюсь, мы с вами подружмся, дорогая тетушка, – милостиво кивнул тетушке Фаби. – Папа, – кивнув и Людвигу тоже, Фаби удалился, держа спину идеально прямой, а на голове словно неся корону.

Вот мелкий поганец, а! Исполнил поручение с точностью до десятого знака после запятой: вел себя как истинный аристократ и не посрамил честь семьи. Засранец!

Анна проводила Фаби недоуменным взглядом и уже открыла рот, чтобы спросить Людвига «что это было?», но Людвиг заговорил первым:

– Я тебя слушаю, Анна. Только покороче, меня ждут неразобранные архивы, – и категорически не хочется терять ощущение счастья после общения с Риной и Фаби, а быть счастливым в кругу сестер у него никогда не получалось.

Мгновение помолчав, Анна все же спросила:

– Кто его мать?

– Ты пришла не для того, чтобы обсуждать моего сына, – разговор с сестрой не доставлял Людвигу ни малейшего удовольствия и вообще напоминал повинность по судебному приговору.

– Он милый, но совершенно невоспитанный. Не думала, что ты обрюхатишь простолюдинку и возьмешь к себе ублюдка.

Вот тут Людвиг не на шутку разозлился.

– Анна, я намерен сделать Фаберже наследником. Хочешь ты того или нет, тебе придется обращаться с будущим герцогом так, как велит его титул.

– Мать этого не одобрит, – Анна сжала губы.

– Это уже одобрил король, Фаби внесен в список наследников трона.

Третьим номером.

– Третьим? – у Анны стало такое выражение лица, словно мальчишка

своими руками отнял у нее корону. – А... это не имеет значения. Людвиг, ты должен срочно найти мне достойного мужа!

– Ты что, забеременела от женатого мужчины?

– Нет! То есть... я не знаю.

– Твоя глупость переходит все границы. Не узнать, женат ли твой любовник! Может быть, ты еще имени его не знаешь?

– Как ты смеешь!.. – взвилась Анна, но тут же опустила глаза. – Я... нет. Я не видела его лица.

– погоди. Тебя же не изнасиловали? Нет, точно нет, иначе бы ты прибежала сразу... как, Анна?! Как тебе это удалось?

– Я... Ты... Вот если бы ты настоял, чтобы Гельмут на мне женился, всего этого бы не случилось!

– Хватит. Еще одно слово на тему Гельмута, и я велю Рихарду выпроводить тебя и никогда больше не впускать.

– Ты не можешь так поступить с собственной сестрой!

Людвиг поморщился: Единый не одарил Анну ни музыкальным слухом, ни мелодичным голосом, а уж когда она повышала тон и приближалась к визгу...

– Рихард!

– Слушаю, герр Людвиг, – дворецкий бесшумно возник в дверях.

Анна вздрогнула.

– Убери его, я его боюсь! Эти твои мертвые чудовища... как ты можешь жить в этом ужасном доме, среди трупов и призраков?

– Рихард, моя сестра уходит.

– Нет! – Анна вскочила и, подобрав юбки, отбежала за спинку кресла Людвигу. – Я не уйду! Людвиг, прошу тебя!

Сделав Рихарду знак, чтобы тот временно исчез, Людвиг спросил, не обращившись:

– О чем, Анна?

– Помоги мне. Если я немедленно не выйду замуж... я не переживу такого позора! Я слышала, в Виен приезжал дон Диего.

– Нет, даже не начинай про короля Ортего.

– Но почему? Он не женат, а я...

– А ты беременна. Анна, нельзя же быть настолько глупой! Если это вижу даже я – значит, увидит любой ученик целителя. Какого демона ты ждала целый месяц, чтобы мне рассказать?

– Не месяц, три недели, – всхлипнула Анна. – Я же не знала... то есть... я только вчера поняла...

Людвиг прижал ладони к вискам и зажмурился. Барготовы

подштанники, есть ли предел человеческой глупости?

– Не замолкай, сестрица, рассказывай все, как есть.

– И что это тебе даст? Просто найди мне мужа. Я знаю, ты можешь. И найди того мерзавца, который... он обещал, что последствий не будет! Он клялся! И обманул меня! – Анна в порыве злости выскочила на середину кабинета и пнула ни в чем не повинное кресло. – Он опозорил твою сестру, это для тебя не пустой звук?!

Людвиг хмыкнул.

– Ты хочешь, чтобы я его наказал?

– Да! Убей его и преврати в одного из твоих монстров! Пусть... пусть страдает вечность!

– Ну что ты, сестричка, вечность – это слишком долго. Но я знаю для него наказание похуже.

– Хуже? – оживилась Анна.

– Намного, намного хуже! Я женю его на тебе, и он будет страдать так, что...

– Ты... прекрати! – она все же сорвалась на визг.

– Тихо, Анхен. Сядь и расскажи по порядку, где ты с ним познакомилась. Сядь!

Она села, гневно сверкая глазами и хмуря золотистые бровки. Разгладила юбку на коленях и принялась рассказывать, запинаясь через слово. Людвиг почти поверил, что ей наконец-то стало стыдно, но слишком хорошо знал старшую пигалицу: запинаясь она не от смущения, а исключительно от злости.

Оказалось, что ее так утомили матушкины нравоучения и постоянный контроль, что она сбежала на тайную вечеринку в доме франкского посла. Одну из тех, о которых не принято говорить в обществе и о которых дамы и кавалеры сплетничают с особенной охотой. Там она пустилась во все тяжкие – вино, карты, незнакомые кавалеры... под маской все это было совсем не страшно, словно бы не с ней, и никакого вреда репутации!..

– Конечно, никакого, – насмешливо кивнул Людвиг. – Поцелуями дело не ограничилось. Он хоть был один?

– За кого ты меня принимаешь? – снова взвилась Анна.

– За свою сестру. Или я обознался?

– Ты... – она вовремя осеклась, услышав скрипучее покашливание Рихарда, которого не было в комнате, но когда это ему мешало выполнять свои прямые обязанности? – Не смей намекать, что я... разумеется, он был один! И всего один раз! Между прочим, свидания вслепую – очень модны! И совершенно безопасны! По правилам клуба, никто не знает имен, лица

под масками, и... и он поклялся, что предохраняется! А сам обманул меня!

– Анна, ты забыла, из какой ты семьи? На тебя не действует большинство заклинаний. Понятия не имею, кем был тот несчастный, но если ты не представилась – он не мог знать, что для тебя нужно что-то более серьезное. Ты должна была заботиться о безопасности сама.

– Сама?.. – Анне явно ни разу не приходила в голову столь крамольная мысль. – Я же дама! Я не должна...

– ...думать головой? Не беспокойся, ты и так никогда этого не делаешь. Давай, вспоминай хоть что-нибудь. Он астуриец или франк? Может быть, бритт? Рост, сложение, возраст, особые приметы?

– Ну... у него большой...

Людвиг схватился за голову.

– По-твоему, я должен обойти всех, кто присутствовал на той вечеринке, и замерить? Анна, для разнообразия все же попробуй немножко подумать.

– Я думаю! Я... он франк, точно. Высокий, красивый и страстный... у него бугорки на животе и такие сильные руки... – она мечтательно вздохнула. – Он знает, что нужно женщине! Уж он-то оценил меня по достоинству...

– Высокий франк с хорошо подвешенным языком, это уже что-то. Лет ему сколько? Волосы какого цвета? Это-то ты разглядела?

– Светлые волосы, ниже плеч. Возрастом примерно как Гельмут, только он ласковый и галантный. Подарил мне кулон... – Анна смущенно достала из-за ворота платья скромную золотую капельку с голубым топазом в середине.

Людвиг тихо застонал, прикрыв глаза ладонью.

– Что опять не так?

– Анна, ты дура, каких свет не видел. Вот с этого кулона и надо было начинать. Дай сюда.

– Зачем? – Анна сжала кулак, спрятав вещицу.

– Искать твоего галантного франка. Анна, ты что, вообще ничего не помнишь из уроков? Ты на теории магии спала?

Вместо ответа сестра презрительно фыркнула. То есть – да, спала. Собственно, ничего иного Людвиг от пигалицы и не ожидал.

– На, забирай, – она с явной неохотой кинула Людвигу кулон. – Людвиг, придумай что-нибудь, прошу тебя. Если матушка узнает...

– То отправит тебя в монастырь и правильно сделает.

– Я не хочу в монастырь! Я рождена, чтобы блистать и покорять, а ты!..

Договорить она не успела. От дверей раздался торжественно-официальный голос Рихарда:

– Ее высочество Бастельеро-Хаас!

Анна вздрогнула, словно услышала погребальный колокол.

– Не выдавай меня!

Людвиг пожал плечами: если Анне угодно считать матушку слепой – пусть. Но чтобы матушка не заметила у подъезда мобиль собственной дочери... Ладно, кто он такой, чтобы разрушать последние иллюзии сестры!

– Рихард, выведи Анну через черный ход, а матушку пригласи...

– Подай хмирского чаю в гостиную, – послышалось непрерываемое.

Анна замерла и побелела, а Людвиг тихо выругался. Вот только ссоры матушки с пигалицей ему тут не хватало.

– Здравствуйте, матушка, – устало приветствовал Людвиг врывающуюся в его кабинет кронпринцессу.

– Ну, и где мой внук? – спросила она, остановившись на пороге и не глядя на Анну. Та вздрогнула и съежилась в кресле. А герцогиня Бастельеро-Хаас, презрительно подняв дернув бровью, процедила: – Уйди с глаз моих, безмозглое создание, и молись, чтобы твой любовник оказался не женат. Иначе пойдешь за герцога Саутгемптона, ему шестьдесят восемь и плевать на твою девственность, то есть ее отсутствие.

Всхлипнув, Анна выбежала из кабинета. А матушка, словно желая окончательно сломать Людвигу мозг, не то что не сделала попытки остановить и утешить любимую доченьку, но и брезгливо подобрала подол, чтобы Анна на него не наступила.

– Не слышал, чтобы Анну сватали из Бриттии, – сказал Людвиг, только чтобы разбавить повисшее в кабинете тяжелое молчание.

– Предложение пришло вчера, – отмахнулась матушка. – Так где мой внук?

– Идем в гостиную, будет тебе внук. И что, без скандала и заламывания рук?

Принцесса презрительно повела плечом, мол, какая чушь! И, прошелестев юбками, развернулась и направилась в гостиную. Там уже ждал накрытый стол: чай и любимые матушкой пирожные.

Усевшись за стол и дождавшись, когда напротив устроится Людвиг, она сразу перешла к делу:

– Кто его мать и есть ли у него дар всадника?

На мгновение Людвиг застыл, переваривая новый шок и отстраненно наблюдая, как его рука покрывается черной чешуей с крайне интересными

физическими свойствами.

– Откуда ты знаешь о всадниках? – наконец, отмер он.

– Не считай свою мать глупой овечкой, Людвиг. Если ты не забыл, я – Бастельеро. Так что с даром, сын мой?

Виен, Астурия

Антуан де Флер

Сидя в мобиле неподалеку от виллы «Альбатрос», Антуан придумывал сто пятнадцатое изощренное проклятие для своего обожаемого начальства. Заставить его, лучшего агента во всем Ордене, следить за Бастельеро! Как будто мало рядовых сотрудников, которые половину жизни этим занимаются! Нет же, Черный Карлик потребовал, чтобы именно он выяснил, что скрывает Бастельеро. Причем быстро, немедленно! И желательно чтобы добрался до содержимого каких-то там архивов раньше астурийской Оранжереи.

Разумеется, Карлик сдобрил безнадежное дело доброй порцией лести, ну там «никто кроме тебя не справится», «ты же сильный маг» и «простого топтуна некромант заметит и убьет быстрее, чем тот успеет поздороваться».

– Конечно, шеф! А мне сначала скажет «бонжур», и только потом превратит в еще одно умертвие. Имейте в виду, шеф, в этом случае я буду преследовать вас вечно!

– Да иди ты, шут балаганный...

Короче говоря, Антуан дежурил со вчерашнего вечера, даже спал в мобиле, прикрытый сильнейшим заклинанием отвода глаз. И только после скудного завтрака, состоящего из вчерашних бутербродов, ему улыбнулась удача в виде подъезжающего к дому Бастельеро мобилю его младшей сестры. Конечно, между Людвигом и Анной даже не пахнет братской любовью, но, может быть, Анна заметит что-то интересное?

Удачу чуть было не спугнула кронпринцесса Бастельеро-Хаас, редкостно недалекая и скандальная особа. В свое время она согласилась сотрудничать с Орденом Лилии, но ни разу не предоставила ценных сведений, и вся ее помощь была, мягко говоря, сомнительной. А если учесть, что она состояла минимум в десяти тайных обществах, поддерживала все самые бессмысленные светские начинания, вроде движения за права домашних собак или кружков старинной поэзии для девочек из сиротских приютов – то принимать ее всерьез стал бы лишь полный идиот.

По счастью, через несколько минут после того, как к некроманту приехала матушка, мадемуазель Анна выскочила из его дома, запрыгнула в

мобиль и рванула прочь, распугивая голубей и редких прохожих.

– За ней, – без размышлений велел Антуан помощнику, сидящему за рулем.

Бешеная гонка едва не закончилась на ближайшем углу, где мадемуазель Анна чудом разминулась с подводой, груженной брюквой. Правда, лошадь перепугалась и понесла, подвода опрокинулась и придавила случайного прохожего из простолюдинов, но на такие мелочи мадемуазель не обратила внимания.

Остановилась она лишь через десяток кварталов, у модной кондитерской.

Наплевав на конспирацию, все равно мадемуазель не смотрела по сторонам, Антуан последовал за ней внутрь и аккуратно перехватил ее за талию, когда она едва не споткнулась о чью-то собачонку.

– О, мадемуазель Анна, какая приятная неожиданность! – Антуан использовал самый «обворожительный» голос из своего богатого арсенала: мягкий и глубокий, выработанный годами тренировок на дамах и девицах самого разного возраста и положения.

Судя по тому, что мадемуазель Бастельеро-Хаас замерла и порозовела, на нее он тоже подействовал. Правда, она быстро собралась и вспомнила о приличиях, шагнула назад. Антуан даже мимолетно пожалел, что пришлось убрать руку с ее талии, очень приятной и на вид, и на ощупь. Следовало отдать Анне должное – она была изумительно красива. Миниатюрная, изящная, как статуэтка, с фарфоровой кожей и золотистыми, как пшеничные поля, локонами. Ее не портила даже капризно изогнутая верхняя губка, скорее даже придавала дополнительного шарма.

– Мы знакомы? – с небедительной холодностью спросил она.

– Разве мог я забыть вашу совершенную красоту, прекрасная Анна! Вы снитесь мне с самого дня рождения наследника, где я имел честь быть вам представленным. Барон Антуан де Флер. Вы позволите угостить вас пирожным? Здесь подают нежнейшее малиновое суфле, – Антуан недвусмысленно опустил взгляд на девичьи губы и чуть улыбнулся.

– Я помню ваш голос, но почему-то совсем не помню имени. На балу было так много народа! – она рассматривала Антуана с нескрываемым интересом.

– Тем более вокруг столь обворожительной мадемуазель, – он поцеловал ей руку, чуть дольше положенного задержав губы на ее запястье. – Как такой изысканно-нежный цветок смог родиться в вашей строгой и чопорной стране? Вы так не похожи на всех прочих дам...

Рассыпаясь в комплиментах, Антуан пытался понять, почему ее голос

тоже кажется ему знакомым? Никакого представления на балу не было, да и его самого на том балу – тоже. И вряд ли они с мадемуазель могли где-то встречаться. Тем более так, чтобы он услышал эти прелестные воркующие интонации! Чрезвычайно возбуждающие. И вся она... пожалуй, это задание перестает быть таким уж неприятным.

– Ах, если бы все были так же галантны, как вы, – вздохнула Анна, присаживаясь на отодвинутый для нее Антуаном стул.

– Кто-то посмел расстроить вас, прекрасная Анна. Не хмурьте ваши прелестные брови, лучше скажите, кто тот несчастный? Кого мне убить, чтобы вернуть улыбку на ваши нежные уста?

– Не стоит никого убивать, барон, это так грубо... – Анна взмахнула ресницами, явно польщенная, и внезапно стукнула веером по столу. – Мой брат совершенно несносен! Он заставит меня ждать полчаса, целых полчаса! Ему какие-то пыльные архивы важнее собственной сестры!

– Ужасно, – кивнул Антуан. – Ничто не должно быть важнее семьи!

– Вот именно! А он... он... даже не предложил мне чаю! И подослал отвратительно невоспитанного мальчишку, бастарда! Заставить меня общаться с сыном какой-то простолюдинки! Грубым, неотесанным! И заявить, что он не может уделить мне времени, потому что нашел какие-то замшелые, никому не нужные бумаги! Я... я чувствую себя совершенно потерянной...

Она прерывисто вздохнула и едва не расплакалась. К удивлению Антуана, искренне. И сдерживаться ей было явно непросто. Может быть, она нездорова?..

Присмотревшись к ее ауре, Антуан чуть не присвистнул. А мадемуазель-то, оказывается, беременна! При том, что у нее нет ни любовника, ни постоянного ухажера, и фривольные вечеринки она не посещает. Да и на безнадежно влюбленную не похожа. Впрочем, как маркиза Бастельеро, одна из самых завидных невест континента, может быть безнадежно влюблена? Это в нее влюбляются, ее руки добиваются, а она отказывает. На сегодня, то есть на позавчера, когда Антуан просматривал дела всех Бастельеро, она отказала девятнадцати женихам. Одним из которых был, между прочим, ныне опальный герцог Ланжерский, второй по богатству и влиянию человек во Франкии.

Разумеется, Антуан не стал сообщать Анне о своих наблюдениях и размышлениях. Вместо этого он снова поцеловал ее пальцы, на этот раз – с нескрываемой и совершенно искренней страстью, и пообещал решить все ее проблемы. Брату не до нее? И пусть! У франкского дипломата тоже немало возможностей, а главное, желание сделать прелестную Анну

счастливой. Для начала – отвлечь от тяжелых размышлений.

– Позвольте пригласить вас на сегодняшнюю премьеру... – увидев поджавшиеся губки, Антуан тут же уточнил: – Вы, наверное, подумали про оперу? Честно говоря, я нахожу ее слишком занудной. Все эти арии и рулады смертельно скучны. То ли дело водевиль! Я мечтаю увидеть улыбку на ваших сладких губах. Сегодня. Прошу вас, Анна! Я сделаю ради вас все, даже невозможное. Хотите луну с неба? Хотя зачем вам луна, ее рядом с вами никто и не заметит.

Услышав тихое: «Да», – Антуан выдохнул.

Сработало.

Что ж, у него есть шанс выдохнуть из ситуации максимум пользы не только для службы. Конечно же, он радуется о благе Франкии, но если он не позаботится о своем благе – никто другой этого точно не сделает.

Надо еще раз уточнить, какое приданое дают за маркизой Бастельеро. А что? Породниться с Людвигом – не так уж плохо. Можно будет на правах зятя дать ему в глаз. Ну так, за все хорошее. А пока...

– Вы позволите заехать за вами, моя прекрасная Анна? – страсти, страсти в голос побольше! Впрочем, с Анной даже напрягаться не нужно, все получается само собой.

– О... – мадемуазель потупилась. – Лучше встретимся у театра в половину седьмого. Моя матушка... она не одобряет, – Анна тяжело вздохнула. – Знаете, Антуан, это так утомительно, всегда слушаться матушку! Всегда стараться быть идеальной!

– Зачем вам стараться? Вы – само совершенство, Анна. Вы – мечта, солнце! Рядом с вами все расцветает, – Антуан достал из вазы на столике срезанный розовый бутон, влил в него немного жизненной силы и заставил расцвести. – Вот, возьмите. Этот бутон – как мое сердце, раскрывается для вас.

Когда Анна, прижав розу к груди, выбежала из кондитерской, Антуан выдохнул, тихо помолился Единому за успех авантюры, допил свой шамьет – и, плюхнувшись на заднее сиденье ожидающего мобиля, велел:

– В посольство. Быстро.

В приемную Черного Карлика он ворвался, растолкав всех посетителей, и бросил мсье Товилю:

– Один?

– Один, сейчас доложу! – подскочил с места секретарь.

Антуан не стал ждать ни секунды, зашел в кабинет вместе с Товилем, и с порога заявил:

– Он нашел архив и обзавелся бастардом! Я его видел, мальчишка лет

девяти, вылитый портрет его величества Гельмута в детстве. Говорят, мать – простолюдинка.

– И тебе доброе утро, де Флер, – начальник госбезопасности Франкии с кряхтением потянулся в своем кресле и кивнул мсье Товилью: – Принеси большую чашку крепчайшего шамьета с ложкой... нет, рюмкой коньяка. И, когда тот вышел, повернулся к Антуану. – А теперь все медленно и по порядку.

– Вы же знаете, что за домом Бастельеро следят все, кому не лень.

– Испалис, Бриттия, русичи... – скривился Черный Карлик. – Дальше.

– Русичи? – Антуан удивленно поднял бровь. – Их я не заметил.

– Не удивительно, русский царь прислал отряд казаков во главе с характерником, их не всякий демон унюхает, – проворчал Карлик. – Так. К делу!

– В девять утра к дому подъехал мобиль кронпринцессы Хаас, но вышла из него старшая маркиза, Анна. Она провела в доме почти час, затем подъехал второй мобиль принцессы, на сей раз с ее высочеством. Через пять минут Анна вылетела из дома в расстроенных чувствах и отправилась в кондитерскую. Я – за ней. Там мы немного пообщались, и Анна рассказала, что некромант нашел старый архив и обзавелся бастардом.

– Так и сказала, что архив всадника?

– Нет, Бастельеро ей не доверяет и ни за что бы не выдал такой информации. Но я уверен, это именно то, что все ищут.

Дверь открылась, впуская секретаря с подносом. Пока тот ставил на стол шамьет, Антуан молчал. Пока Черный Карлик делал первый глоток и протягивал секретарю пачку бумаг для его величества – тоже. Минута затишья и несколько глотков шамьета и ему не помешают, все же он мчался сюда из Астурии, позабыв про обед.

И лишь когда секретарь вышел, Антуан отставил свою чашку. У него был наготове весьма интересный и многообещающий план. Прежде всего самому Антуану обещающий.

– Итак, следующим нашим шагом...

Вот чего ни Антуан, ни его обожаемое начальство не видело, так это выражения лица мсье Товиля после того, как тот плотно притворил за собой дверь кабинета главы франкской госбезопасности. И мыслей его не слышали, все же мсье Товиль был сильным и опытным менталистом, намного сильнее и опытнее, чем подозревало его начальство.

«Отличные новости, сейчас же следует сообщить шефу. Наконец-то!» – думал мсье Товиль, аккуратно прикасаясь мизинцем к не приметному кольцу, покрытому вязью рун.

Глава 20, о глупых курицах и умных драконах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

Целых три дня Ринка не верила своему счастью. Никаких командировок, спецзаданий, никаких безопасников у них дома – полная тишина и благодать! Людвиг оказался изумительным рассказчиком, Ринка с Фаби заслушивались. К примеру, когда они отправились гулять в центральный столичный парк, он провел целый экскурс в историю Астурии – о каждом из военачальников, королей и героев, запечатленных в бронзе и выставленных в парке, у него нашлась веселая и увлекательная история. Ринка тоже рассказывала о своем мире, понимая, что он постепенно превращается для нее в сказку. Они с Людвигом решили не скрывать от Фаби ее иномирское происхождение: все равно он узнает рано или поздно, так к чему врать и терять доверие ребенка? Тем более что ребенок – дракон.

Разумеется, Людвиг изрядно времени проводил за семейными архивами, которые требовали перевода с французского и расшифровки, а Ринка – в лаборатории. Ей было безумно интересно понять, каким образом Фаби превращается в человека! Впрочем, пока тщетно: приборы либо ничего не замечали, либо в момент превращения сходили с ума. Зато обсуждать исследования с Людвигом и объяснять Фаби, что и зачем она делает, было невероятно интересно!

И просто так разговаривать с мужем – тоже. И даже молчать с ним рядом, наслаждаясь теплом и ощущением заботы и безопасности. Иногда она с удивлением вспоминала свою первую «любовь», с каждым днем тускнеющую и теряющую важность.

А еще она пела. Для Людвига. И даже закинула пробный камешек: не будет ли он против того, чтобы она попробовала себя на сцене?

– Если тебе этого хочется, почему бы и нет? Думаю, половина светских дам с ума сойдет от зависти, ведь они не могут себе этого позволить.

– В смысле?

– В смысле, ни слуха, ни голоса. Зато невероятное количество кудахтанья на тему приличий и «подобающего аристократке поведения». Пфе! Делай то, что можешь себе позволить, и наслаждайся этим.

Сказать, что Ринка удивилась – значит, ничего не сказать. А как же астурийская чопорность? Приличия? Снобизм? Как же обещанная тирания

и деспотизм? Великий Ктулху, как же настоящий Людвиг не похож на того мрачного властного типа, что вынудил ее к браку! Если б она тогда только могла предположить!..

Преображение в мрачного и властного типа случилось, лишь когда звонила Анна. Ее опять не устраивали женихи, она жаждала мести, внимания и черт знает чего. Людвиг хмурился, обрывал ее тирады, бросал трубку... и через минуту его хмарь проходила без следа, стоило лишь Ринке его поцеловать. А когда она спрашивала, что он собирается делать с сестрой, все же остаться матерью-одиночкой – не самая лучшая судьба для девушки...

– Одиночкой? Анна?! Рина, любовь моя, у нее уже тридцать два брачных предложения, одно другого лучше. Выбирай – не хочу.

– Тогда почему она до сих пор страдает?

– Потому что вредная глупая курица. Никто ее не достоин, – пожал плечами Людвиг. – Не обращай внимания. Она выйдет замуж за отца своего ребенка, кем бы он ни был. Хватит уже прикрываться семьей и титулом, пора начинать думать мозгами. – Вынув из кармана цепочку с кулоном, подаренную неизвестным ухажером Анне, Людвиг хмыкнул и покачал головой: – Есть у меня одно подозрение. Выйду на службу – проверю.

Ринка тоже пожала плечами. С одной стороны, она в чем-то понимала Анну: фрау Эмма давила всех на своем пути, как суперсовременный асфальтовый каток. Немудрено, что Анна сбежала. А с другой стороны – отдаться незнакомцу, не подумать о последствиях. Как это похоже на большинство знакомых Ринке девиц!

Очередной звонок Анны раздался, когда Ринка занималась с Фаби математикой. Он схватывал все на лету, чуть ли не быстрее, чем Ринка успевала объяснять. Собака, возлежащая на учебнике (для лучшего усвоения материала), на ее удивление только фыркала:

«Фаби – дракон. У него наследственная память, ее достаточно лишь пробудить. Ты когда-нибудь видела глупых драконов из высшей касты?»

Ринка не видела никаких драконов, ни глупых, ни умных. Только скелет тираннозавра в палеонтологическом музее. А вот скелета говорящей кошки там очень не хватало!

«Двуногие!»

Звонок Анны прервал уже ставшую обыденной пикировку. Трубку снял Людвиг: он наблюдал за их занятиями, развалившись в своем кресле и лениво перелистывая какой-то древний фолиант.

– Слушаю... а, опять ты.

– Я знаю, кто он! – раздалось резкое сопрано; Людвиг тут же

отодвинул трубку от уха. – Людвиг, ты меня слышишь?

– Я бы услышал тебя даже без фонилия. Не обязательно так кричать, Анна. Так кто он?

– Ну... я думаю... Ты поговоришь с ним и выяснишь правду!

– Имя, сестра. Имя!

Ринка тихонько хрюкнула: незабываемая сцена из «Трех мушкетеров» тут же встала перед глазами. Если она доберется до родного мира, обязательно принесет Людвигу несколько фильмов!

– Он франк, аристократ и дипломат... – в голосе Анны послышалось сомнение. – Людвиг, не надо его убивать, пожалуйста! Обещай мне, что просто поговоришь!

– А как же месть, Анна? Помнится, ты жаждала крови.

– Я не какая-то там кровожадная дикарка, как ты можешь так думать о собственной сестре! Я... я следую заветам Единого!

Людвиг невежливо засмеялся, Ринка – вместе с ним.

– Барготовы подштанники, Анна, ты что, влюбилась?

– Нет! – тут же взвизгнула Анна. – Ни за что!.. Просто... Он... ну... он мне нравится.

– А, просто нравится! Это совершенно меняет дело, сестренка. Итак, подробно, с самого начала.

– Ну, мы познакомились на дне рождения наследника и долго не виделись, а позавчера... ну, когда я уехала от тебя... мы столкнулись в кондитерской. Он за мной ухаживает! Он совсем не похож на всех этих престарелых зануд и прыщавых юнцов, которые просят моей руки! Он... он красивый!

– Матушка знает?

– Нет! Не вздумай ей говорить! – теперь в голосе Анны слышалась паника. – Она запретит мне, она всегда запрещает!

– Тихо, пигалица. Если матушка и узнает, то не от меня. Успокойся и скажи мне, наконец, его имя... хотя нет, дай я сам угадаю. Барон де Флер?

– Откуда ты?..

– Это магия, детка, – самодовольно повторил Людвиг раз сто слышанную от Ринки фразу и подмигнул ей.

Ринка тихонько рассмеялась. Конечно, магия! В Виен просто кишмя кишат красивые и неженатые франкские дипломаты!

– Прошу тебя, Людвиг, не говори матушке, она опять все испортит!

– Если ты обещаешь не дурить и делать то, что я скажу.

– Хорошо! Я обещаю! Антуан... он...

– Не волнуйся, пигалица. Будете тебе твой Антуан.

Повесив трубку, Людвиг откинулся на спинку кресла и потянулся с наидовольнейшей улыбкой.

– Чему ты так радуешься?

– Это будет достойная месть! Я давно ждал возможности отплатить де Флеру за его шуточки с газетными статьями.

– А если это не он?

– Он, точно он. Я как раз собирался в понедельник сравнить кулон с отпечатком ауры де Флера, но как видишь, это даже не потребовалось. Он уже попался!

Людвиг соорудил грозную физиономию и зарычал, к вящей радости Фаби. Мальчишка заливисто рассмеялся и полез к Людвигу на колени с требованием объяснить ему, почему он называет тетушку Анну то курицей, то пигалицей, и что это за птица такая, пигалица.

Пока Людвиг ему что-то рассказывал, Ринка любовалась своими мужчинами. Трудно было представить, что в детстве Людвиг был таким же белокурый херувимчиком, как сейчас Фаби, но вот улыбки у них были совсем одинаковые. И шаловливый блеск глаз тоже. Надо же, герцог, некромант и настоящий полковник не разучился шкодить! Вот так посмотришь, и понимаешь: под титулом и званием скрывается все тот же непоседливый мальчишка, что и лет пятнадцать назад.

А как они вчера запускали змея! С хохотом, беготней по саду, лазаньем по деревьям! Людвиг самолично учил Фаби, как ловчее забираться на старый вяз, и по большому секрету рассказал, что на растущем у самого кладбища дубе есть настоящий дом, как у древних альвов.

Боже, как же ей повезло с мужем! Когда у них будут свои дети, он станет прекрасным отцом!..

Еще один звонок фония вырвал Ринку из сладких грез, а Людвига с Фаби отвлек от изучения дробей, которые они выкладывали на столе с помощью карандашей, перьев, оловянных солдатиков и прочей мелочевки.

На сей раз в кабинет заглянула Магда.

– Его высочество звонит его светлости, – она сделала книксен.

– Мне? – удивленно поднял бровь Людвиг.

– Нет, – смутилась Магда. – Его маленькой светлости.

– Мне? Ух ты! Мне еще никто никогда не звонил! – Фаби восторженно засиял глазами и заерзал у Людвига на коленях. – Папа, можно мне пойти ответить?

Людвиг кивнул, и через секунду из гостиной раздался вопль Фаберже.

– Моя маленькая светлость тебя слушает! Привет, Отто! Ты приедешь?

– Надо сказать Фаби, что орать в трубку не стоит, – улыбнулся

Людвиг. – А то такое чувство, что он хочет докричаться до дворца.

– Думаю, через год ему это удастся, если он будет расти такими темпами, как сейчас, – вздохнула Ринка, подходя к Людвигу и запуская пальцы в густые волосы: он очень любил, когда жена делала ему массаж головы.

Фаберже в своем истинном виде за эти дни вымахал до размеров теленка. Хорошего такого теленка. Упитанного. И продолжал расти.

– Меня больше волнует, как он будет учиться летать, – Людвиг зажмурился и почти что замурлыкал под Ринкиными руками. – Все же дракона не спрячешь. Думаю взять отпуск. Поедем на месяц в замок. Втроем... м... как хорошо!..

– Папа! – в дверном проеме возник озадаченный мальчишка. – А король главнее тебя?

– Главнее, – серьезно кивнул Людвиг, удерживая Ринку за руки, чтобы не прекращала его обнимать. – Почему ты спрашиваешь?

– Если король тебе прикажет, ты сделаешь?

– Смотря что прикажет.

– Он приказал, чтобы я учился вместе с Отто. Король сказал, что Отто одному заниматься скучно, а так будет дух со-пер-ни-чест-ва! Вот!

– Король неплохо придумал. Но я бы не хотел, чтобы мой сын учился хуже Отто. Поэтому...

– Я буду стараться! Я ведь не маленький, понимаю, что мне надо многое узнать. А...

– Когда Отто тебя ждет?

– Через час!

– Тогда одевайся. Мне как раз надо встретиться с Гельмутом и графом Энн. А после заедем в магазин, купим тебе одежду, а то негоже пугать ее высочество бабушку костюмом двадцатилетней давности. Милая, ты с нами?

– Нет, нет! – Ринка поморщилась и покачала головой. Хватит с нее Гельмута с его прозрачными намеками. – Я вас буду ждать дома.

– Мама не любит короля, – радостно объяснил Фаби. – Он ей так делал... – он томно улыбнулся и звучно чмокнул ее руку.

– Гельмут делал тебе непристойные намеки? – тут же закаменел плечами Людвиг.

– Не ревнуй, мне не нужны другие мужчины, и особенно – коронованные. – Рина напоследок прошлась пальцами по его голове под волосами и потерлась носом о его макушку. – Ступайте!

– Только возьму записи. Кстати, я закончил перевод для тебя.

Когда ее мужчины (как это звучит!) уехали, Ринка открыла тонкую папку с несколькими листами, заполненными четким, ровным и убористым почерком.

Виен, Астурия

Людвиг

Развалившись на заднем сиденье мобиля, Людвиг с удовлетворением отметил, что ряды шпионов пополнились. Вчера вечером за ним следили представители всего лишь девяти держав, а сегодня – уже десяти. Новенькому досталось неудобное место под опадающим кленом, и весь купол невидимости уже был облеплен разноцветными листьями. Незадачливый шпион, не успевший их стряхнуть до того, как Людвиг появился на улице, теперь пытался делать вид, что он вовсе не шпион, а просто так мимо проходил и листья собирал. Даже от избытка конспиративного усердия снял шляпу, провожая мобиль Людвига печальным взглядом.

Людвигу стало так жаль беднягу, что он коротким заклинанием смел листья и восстановил купол, а шпиону – судя по лихим черным усам, смуглой коже и глазам-маслинам, афинянскому – ободряюще подмигнул.

Разумеется, все десять мобилей последовали за ним. И, разумеется, их шоферы опять ругались на никчемную технику и бракованные заклинания: то у одного, то у другого отказывала маскировка, и добропорядочные жители Виен могли любоваться возникающими ниоткуда частями мобилей.

Первым (после Людвига, разумеется) по обыкновению ехал франк. И это был не барон де Флер, а какой-то невнятный тип со слабеньким стихийным даром. Он был Людвигу совершенно неинтересен. Не того полета птица.

А вот узнать, чем занят де Флер, Людвиг бы не отказался. Продолжает охмурять Анну? Наверняка за счет франкийской госбезопасности, и влетает это соседской казне в изрядные суммы.

Представив, какие отчеты пишет де Флер Черному Карлику, Людвиг хмыкнул. А представив физиономию матушки, когда она узнает, за кого же выйдет замуж ее ненаглядная пигалица, и вовсе принялся довольно насвистывать мотив из популярной романской арии.

Да, это будет достойная месть за едва не случившийся с Людвигом сердечный приступ, когда матушка спросила о Фаби и даре всадника. Ведь Людвиг ей поверил! И чуть не убил на месте за то, что знала – и молчала! Но ее высочество всего лишь блефовала. Хорошо блефовала, не поспоришь. Собрала воедино сплетни, слухи, предложения от иностранных разведок, и сделала выводы, чрезвычайно близкие к реальности. Людвиг

даже пожалел, что матушка тратит свою жизнь на светские интриги, а не работает аналитиком в Оранжерее.

Впрочем, тогда бы ему и на службе не было от нее спасения. Упаси Баргот от такой напасти!

А вот на внука она отреагировала на редкость адекватно. Лишь слегка всплакнула, увидев копию маленького Людвига, обняла мальчишку и велела называть себя бабушкой Эммой. Никаких дурацких вопросов «почему не показал раньше» и «почему не показываешь его мать». Ей хватило того, что мать Фаби – аристократка и отдала его Людвигу безо всяких условий.

– Наконец-то у меня есть внук! Привози его ко мне, Людвиг. Мальчику надо учиться выживать в высшем свете и ориентироваться в интригах. От тебя в этом деле толку маловато, ты научишь его всему остальному. Ведь твое проклятие перейдет к Фаби?

– Не все так просто, матушка. Но могу вас обрадовать, это вовсе не проклятие, а боевая трансформация. И я научился с ней ладить.

– Я рада, мой мальчик, – матушка на удивление не стала ни заламывать рук, ни пускать слезу, доказывая, что немыслимо страдает от несправедливости бытия. – Надеюсь, у вас с Риной будут дети, которым ты передашь свой... дар. И прошу тебя, будь осторожен. Я не хочу потерять тебя в какой-нибудь глупой аварии, пьяной драке или еще каком-нибудь совершенно случайном происшествии. Ты, наверное, уже знаешь, что твой отец умер не просто так. Не повтори его судьбы, Людвиг. Прощу тебя.

– Не повторю, матушка. Но почему вы не рассказали мне всего раньше?

Матушка лишь пожала плечами:

– Зачем? Пока ты был маленьким, не имело смысла пугать тебя подозрениями. А потом я не хотела, чтобы ты винил себя в смерти своих жен, и надеялась на то, что Герман защитит тебя.

– Но ведь ты была против моей службы в Оранжерее!

– Разумеется. Если бы я сказала: мальчик мой, иди служить в госбезопасность, разве ты бы пошел?

– Вряд ли.

– Это многое объясняет, не так ли?

Матушка в самом деле объяснила ему очень многое. Не сказать, что после этого разговора он все простил и вспылал к ней горячей сыновьей любовью, но он был ей благодарен. Пусть с ней было тяжело, пусть он половину сознательной жизни был уверен, что он для матушки – позор и обуза. Пусть. Она защищала его, как умела.

– Остерегайся доктора Курта, мой мальчик, а особенно – его помощников. Эти ученые безумны. Я уверена, именно они проводили на тот свет моего брата Клауса с семьей. Но ведь ты и без меня это знаешь.

Нет, он все же не готов простить ей все за единственный разговор по-человечески. Тем более что именно она воспитала Анну капризной дурой, и именно она скинула всякую ответственность за дочь на Людвигу, стоило той серьезно оступиться.

– За кого ты собираешься ее выдать? – все же спросил Людвиг перед самым отъездом матушки.

Но та лишь пожала плечами:

– Решай сам. Ты же глава семьи, мой мальчик.

Пока ехали до дворца, Фаби с восторгом глазел по сторонам, но при Мюллере молчал. Людвиг мысленно похвалил мальчишку: тот научился оставлять свои вопросы до подходящего случая, то есть – пока они не окажутся дома, в безопасности от подслушивания.

Подумав о безопасности, Людвиг вспомнил еще кое о чем и поднял голову, оглядывая небо. Ни одного дракона, даже как-то непривычно. Судя по всему, папаша-дракон решил не смущать сына своим появлением. А зря. Людвиг бы с удовольствием задал ему пару десятков вопросов. Ему категорически не нравилось, что их с Риной используют втемную. Он всегда предпочитал знать о планах союзников. Ну, он надеялся, что они с алым союзники, вряд ли бы дракон доверил своего ребенка врагам.

Дворец на Фаби впечатления не произвел: вот что значит, ребенку не объяснили, что такое роскошь и зачем она нужна. Он даже спросил Людвигу, зачем король живет в таком неуютном доме, где толпится прорва неприятного народа.

– Работа у него такая, тяжелая и ответственная. Надо показывать подданным, что он силен, богат и могущественен.

– А без этого всего подданные не верят? – Фаби окинул взглядом гулкую помпезную приемную, где они ждали Отто, и разряженных придворных, ожидающих выхода короля. – Люди иногда очень странные.

Людвиг с ним молча согласился. Он и сам считал, что придворные игры – полная бессмыслица. В отличие от большинства присутствующих, то и дело меряющих его и Фаби ревнивыми взглядами.

Но стоило явиться Отто (придворные расступались и почтительно кланялись ему, подчеркнуто не замечая сопровождающего его пожилого наставника), как глаза дракончика разгорелись. Людвигу даже пришлось положить ему руку на плечо, чтобы он с радостным воплем не кинулся приятелю навстречу.

– Помнишь о нашем уговоре? Я заберу тебя через три часа, заодно согласую с наставником твое расписание.

– Я не подведу! Я ведь никогда тебя не подвожу!

– Я горжусь тобой, – шепнул ему Людвиг и почтительно кивнул племяннику: – Доброго дня, ваше высочество. С вашего позволения...

– Рад видеть вас в добром здравии, дядюшка, – благовоспитанно и чопорно кивнул наследник. – Думаю, отец уже ждет вас.

Людвиг чуть не засмеялся, разрушая всю торжественность мероприятия, таким исследовательским любопытством горели глаза Фаби. Ох и нелегко придется герру Эмерику, наставнику принца, когда дракончик вывалит на него всю сотню накопившихся вопросов!

К кабинету Гельмута он явился в точно назначенное время.

– А, кузен! Мы тут с Германом поспорили, кто же такой смелый, что не побоялся связаться с милейшей Анной! – радостно приветствовал его Гельмут. – По-моему, только ленивый еще не сделал ставок, убьешь ты его, превратишь в зомби или придумаешь что-нибудь похлеще.

– И на что поставили ваше величество?

– Разумеется, на что похлеще. Я всегда верил в тебя, братец, – Гельмут сиял, как кумушка, которой удалось первой рассказать самую скандальную сплетню года.

– Так кто же этот безумец? – присоединился к нему Герман.

Мысленно обругав пигалицу, которой не хватило ума не показываться в обществе, где каждый мало-мальски одаренный видит ее интересное положение, Людвиг непринужденно улыбнулся:

– Барон де Флер. Свадьба через неделю, так что ваше величество выиграли. Надеюсь, вы почтите торжество своим присутствием?

– Людвиг, ты злопамятная сволочь, – с хохотом сообщил Гельмут.

– Нет, он не злопамятен, – задумчиво добавил граф Энн. – Людвиг – продуманная мстительная сволочь. Неприлично продуманная. Де Флер – универсал, в сочетании с ментальным даром Хаас результаты могут быть... хм... Однако, Бедный Антуан.

Людвиг усмехнулся: недуг Германа прошел, и он снова видит на метр вглубь. Признаться честно, универсальный дар де Флера тоже был одним из камешков на весах, и не самым маленьким. Ну и всякое по мелочи, вроде «лишить Франкию лучшего агента» и «натянуть нос Черному Карлику».

– Зато если он не сойдет с ума в первый год после свадьбы, я дам ему орден, – Гельмут и не думал сочувствовать де Флеру, слишком довольный избавлением от притязаний кузины. – Два ордена! Я сегодня добр и щедр!

– Барон умрет от счастья, – тоном придворного подхалима

прокомментировал Людвиг.

– Ничего, если надо будет, ты его поднимешь, чтобы сестрица Анхен оставалась замужней дамой отныне и во веки веков.

И только когда все трое отсмеялись, Людвиг положил на стол две тонкие папки.

– Ты хотел увидеть архив последнего всадника, Гельмут. Читай. Здесь и сейчас, потому что из этого кабинета его никто не вынесет. Папки самоуничтожатся через двадцать минут.

– Но наши аналитики... – начал Герман.

– Время пошло.

Герман тихо выругался. Кузен же не тратил времени зря и уже читал переведенную и систематизированную Людвигом информацию.

Ровно через двадцать минут сосредоточенного чтения, не прерываемого ни единым словом, обе папки вспыхнули холодным синим пламенем и осыпались на стол прахом.

– Людвиг, какого демона, я не успел! – возмутился Герман, но Людвиг только покачал головой:

– Прочитать в третий раз? Обойдешься. Ты и так все запомнил.

Гельмут побарабанил пальцами по столу и задумчиво произнес:

– Вы ведь понимаете, что это нельзя обнародовать. Но можно использовать во благо короны. Закрытая цивилизация. Высокоразвитая. Мощная. Неуязвимая. И они хотят возобновить контакт с людьми. Людвиг, ты всадник! Не могу в это поверить! Да будет благословенна та наша прапрабабка, которая согрешила с драконом!

– Итак, что мы имеем, – Герман откинулся на спинке стула и внимательно оглядел Людвига и Гельмута. – Драконов-оборотней, кастовую систему и всадников, которые появляются в результате скрещивания дракона и человека. Эта способность остается в роду и проявляется хаотично, примерно как редкие виды магического дара.

– Драконы-оборотни... – король покачал головой. – Это же меняет... все меняет!

– Оборотни они только до первой тысячи лет, – уточнил Людвиг.

– Интересно, тот алый монстр, который летает над городом, к какой касте принадлежит? – Гельмут просто спросил, не ожидая ответа, потому что хотелось говорить об этом, невозможно было держать неожиданные знания в уме.

– Уж точно не к странникам. Думаю, он неуязвимый. Раз пять пытались его прибить магией и оружием, он легко уходил от любого нападения. – Герман встал и начал мерять кабинет шагами. – Значит,

касты... Неуязвимые – элита, еще есть воины, философы и искатели приключений – странники. Именно они с людьми и сотрудничали, и именно они погибли первыми. А теперь нам мстят?..

– Нет. Теперь они хотят вновь сотрудничать, – вздохнул Людвиг. – И это вторая новость...

– Ваше величество, – в кабинет заглянул секретарь. – Наставник его высочества просит принять его.

У Людвига защемило сердце. Неужели что-то с Фаби? Вот уж никогда не думал, что будет так волноваться за кого-то!

– Пусть войдет.

Герр Эмерик Берцель вошел в кабинет, сияя, как свежоотчеканенный золотой. В раскрытую дверь Людвиг заметил мальчишек.

– Ваше величество! – он поклонился.

– Слушаю тебя.

– Как вы велели, я проверил магический дар юного Бастельеро. Он маг-универсал удивительной силы, ваше величество! Редчайшее явление! Я бы сказал, маг такой силы – достояние Короны!

В кабинете повисла тишина. Людвиг оглядел застывших друзей и усмехнулся. Еще бы! Дракон из касты неуязвимых.

– Прекрасная новость, спасибо, герр Эмерик. Сохраните ее в тайне ото всех, это дело государственной важности.

– Конечно, ваше величество, – поклонился старый наставник.

Как только за ним закрылась дверь, Гельмут обернулся к Людвигу.

– Кто его мать?

На мгновение Людвиг замялся. Ему по-прежнему не хотелось выдавать тайну Фаби, но сказавши «а», надо было говорить и «б».

– Понятия не имею, Гельмут. По идее, она должна быть крылатая и чешуйчатая. Но Фаби называет мамой Рину. Кстати, она – слышащая.

– Ах, ты... – пробормотал растерянный король.

– Так было нужно, Гельмут. И это должно остаться только между нами! Герман, если ты хоть полслова обмолвишься Эмили о том, что Фаби – дракон, я убью вас обоих. И ты знаешь, что я не шучу. Фаби – сын алого дракона, он станет мостиком между нашими цивилизациями.

Несколько секунд в королевском кабинете висела тишина. Гельмут и Герман сверлили взглядами Людвига, видимо, в поисках совести и гражданской ответственности, но так ничего и не нашли.

– Чтоб тебя, – выдохнул Герман, падая в ближайшее к королю кресло. – Клянусь, от меня этого никто не узнает. Даже во сне. Но почему он так похож на вас с Гельмутом?

– Кстати да. Вылитый ты в детстве, – отмер король.
– Фаби видел портрет в моем доме, и ему понравилось лица, – пожал плечами некромант. – Наверное.
– Умно. Так сколько ему, говоришь?
– Ничего я не говорил. Но если тебе интересно, то он вылупился неделю назад.
– Неделю... все демоны преисподней, неделю!..
– Неделю, месяц, неважно, – отмахнулся от него Гельмут. – Драконы могут выйти на связь в любой момент, а мы совершенно не готовы. Благодаря драконам перед нами открываются головокружительные перспективы! Астурия станет лидером на политической арене! Мы должны любой ценой удержать наше преимущество. Итак, Людвиг, что хотят драконы, и что мы можем им предложить?

Домой они смогли уехать только через четыре часа. По пути заехали в магазин, и Людвиг заказал для Фаберже несколько комплектов одежды и обуви.

– Надеюсь, в человеческом виде ты будешь расти с такой же скоростью, как растут люди. – Людвиг потянулся потрепать Фаби по волосам, но тот отклонился. – Что случилось?

«Если вы с мамой расстанетесь, с кем останусь я?» – в мысленном голосе Фаби чувствовалась обида и злость.

– Почему ты решил, что мы разойдемся? – спокойно спросил он.

«Потому что ты с ней по приказу короля! Потому что он велел тебе влюбиться в себя иномирянку! Мне Отто рассказал!»

Людвиг нахмурился, припоминая: в самом деле, когда-то очень давно Гельмут орал, брызгал слюной и требовал что-то такое, в основном, чтобы уесть кузена. Но при чем тут?..

– Ерунда все это. Я люблю Рину и тебя. Она моя жена, ты мой сын, и я никогда вас не оставлю. А что там Гельмут наприказывал, не имеет никакого отношения к нашей семье. Видишь ли, король – это не значит всеведущий, мудрый и всемогущий. Короли тоже иногда несут чушь.

«Это нечестно, – упрямо повторил набычившийся драконенок. – Как теперь тебе поверить? Вдруг меня ты тоже любишь по приказу? Отто хочет, чтобы король женился на маме, тогда мы будем братьями. Ты сам сказал, что король важнее тебя, а если он прикажет тебе бросить маму, отдать ее ему, ты тоже его слушаешь?»

– Нет, конечно же. Если Гельмуту попадет вожжа под мантию и он отдаст такой идиотский приказ, я просто возьму вас обоих, и уедем в наш замок. Поверь, малыш, Гельмут не такой дурак, чтобы рисковать нашей

дружбой ради женщины, которой не нужен ни он, ни его корона. Так что тебе не о чем волноваться.

«А если она узнает, что ты по приказу? Ты ей рассказывал? Нет! А раз ты ей не рассказал, значит, ты все же не любишь ее».

– Люблю, Фаби. Ты даже не представляешь, как сильно я ее люблю. И я обязательно ей все расскажу, обещаю.

Неприятный разговор прекратился сам собой, когда они подъехали к вилле. У ворот стоял пустой мобиль без верха, рядом с ним замер злоющий барон де Флер, а у его ног лежала, опустив морду на лапы, призрачная гончая. Стоило Людвигу выйти из мобиля и приблизиться, она подняла голову и, радостно разинула пасть и завиляла хвостом. Выглядело это, учитывая акульки зубы и просвечивающий сквозь призрачную плоть скелет, совершенно фантаσμαгорически.

– Какая встреча, – Людвиг поманил гончую и погладил по голове. – Иди, хорошая девочка.

Отпустив гончую и сделав знак Мюллеру отвести Фаби домой пешком, Людвиг пару секунд просто смотрел франку в глаза. И как только Мюллер с Фаби скрылись за деревьями, с наслаждением дал де Флеру в глаз.

Тот покачнулся, но устоял. Ни защищаться, ни закрываться он не стал.

– Вечеринки, значит, любите, герр барон? Прячетесь под маской и соблазняете невинных дев? – второй удар пришелся в живот, третий – в корпус.

Де Флер отшатнулся, но закрываться так и не стал, только недоуменно нахмурился.

– Вечеринки?.. Да успокойся ты!

– Я-то спокоен, а вот ты...

– Виноват, осознал! – поднял руки де Флер. – Может, хватит?

– Может, хватит, а может... – Людвиг в последний раз врезал ему под дых и одновременно пнул по голени. Несколько секунд с удовлетворением полюбовавшись на согнувшегося и хватающего воздух ртом барона, похлопал его по плечу. – Ладно, Баргот с тобой.

– Сам ты... – все еще задыхаясь, барон выпрямился. – Я к тебе, как к человеку. К будущему брату, можно сказать, а ты!

– К брату, значит...

Барон на всякий случай отошел на шаг.

– Ну, раз я женюсь на твоей сестре, то мы теперь родня. В некотором роде.

От наглости барона Людвиг на миг опешил, но тут же взорвался:

– Женишься, значит? А не широко ли ты рот разинул, морда

шпионская?! Убирайся из Виен, и чтобы духу твоего тут не было! Еще не хватало, выдавать принцессу за какого-то вшивого барона! А попадешься мне на глаза, сделаю из тебя умертвие. У тебя пятнадцать секунд на бегство, де Флер. Время пошло.

– А иди ты!.. – десять секунд из отведенных пятнадцати де Флер пополнял знания Людвига во франкских ругательствах. – Плевал я на твои запреты. Анна моя, и точка. Не хочешь по-человечески, и катись! Без тебя поженимся! Чтобы я, барон в семнадцатом поколении, пресмыкался перед каким-то некромантом! Иди ты!..

Людвиг почти заслушался. Что не помешало ему ровно через пятнадцать секунд врезать де Флеру еще раз – и наткнуться на отличный защитный купол. Зашипев, Людвиг потер разбитые костяшки пальцев. А де Флер с наглой ухмылкой пожал плечами:

– Осторожнее, братец, не ушибись.

– Зря надеешься поправить дела за счет Анны, – мерзопакостно ухмыльнулся Людвиг. – Уши от жабы тебе, а не ее приданое. Интересно, твоего баронства хоть на неделю содержания жены хватит?

– Хватит, не волнуйся. Я уж как-нибудь обеспечу свою жену и своего сына без вашей некроманской милости! А без такой родни Анне будет только лучше!

Людвиг восхищенно покачал головой: к его невероятному удивлению, де Флер не врал ни единым словом.

– То есть ты берешь глупую пигалицу без приданого и без благословения? Я был о тебе лучшего мнения, де Флер.

– Чихать я хотел на твое благословение, Бастельеро. – Де Флер набычился и сжал кулаки. – Я ее люблю, я на ней женюсь. И не смей оскорблять мою невесту!

– Ладно, не буду оскорблять. Но имей в виду, ты сам этого хотел. Братец, – Людвиг подмигнул барону и рассмеялся.

Барон снял защитный купол, расслабил кулаки и тоже улыбнулся.

– Сучий ты потрох, Бастельеро. Все, семейные дела мы выяснили, остальные новости не такие приятные. У нас есть точные сведения, что готовится покушение на твоего кузена.

– Проклятье! – Людвиг с тоской посмотрел в сторону дома, где его ждала Рина. – Накрылся мой отпуск. Поехали в Контору, братец, Баргот тебе в печень.

Глава 21, о конспирации и настоящих мужчинах

Виен, Астурия. Вилла «Альбатрос»

Рина

В ожидании Людвига и Фаби Ринка торчала в Малой столовой, прислушиваясь к звукам на улице и перекладывая с места на место вилки и ложки. Они опаздывали уже на час, и Ринка места себе не находила. Вдруг его величеству взбрело в голову арестовать Людвига за сокрытие дракона? Или забрать у него Фаби? Или еще какая-нибудь гадость? Короли – люди ненадежные, склонные к самодурству, и Гельмут не исключение. Ну где же Людвиг, наконец?!

От нервов Ринка уронила десертную ложечку под стол и едва не расплакалась. Правда, полезть под стол за ложечкой она не успела, потому что дежурившая у окна Магда радостно завопила:

– Они вернулись, мадам, они вернулись!

Ринка тут же помчалась к окну, мимолетно удивившись, что не слышала звука мобиля.

– Вон они, идут! – Магда показала на две фигуры, приближающиеся по подъездной аллее.

– Фаби! – чуть не взвизгнула Ринка, узнав маленького дракончика, и тут же осеклась. – А где Людвиг? Почему Фаби и Мюллер пешком?..

На мгновение зависнув перед окном в тщетной надежде разглядеть третьего, она сорвалась с места и побежала вниз: плевать на поведение, подобающее аристократке, она должна сейчас же, немедленно узнать, что случилось!

Она встретила Фаби на крыльце, обняла, взъерошила ему волосы и вопросительно поглядела на Мюллера.

– Где Людвиг?

– Его светлость остались у ворот, беседовать с бароном де Флером.

– Фаби?

Драконенок передернул плечами и выкрутился из ее объятий.

– Я есть хочу, – буркнул он и убежал в дом.

– Обед в столовой, – крикнула она мальчишке вслед и перевела взгляд на Мюллера, а следом на Рихарда, по обыкновению возникшего словно из ниоткуда.

– Что случилось? И где, наконец, Людвиг?

– Ворота перегородил мобиль барона де Флера, – отчитался Мюллер. –

Герр Людвиг остался с ним переговорить, а нам велел идти в дом пешком. Что-то еще, ваша светлость?

– А почему Фаби такой расстроенный?

– Не могу знать, ваша светлость.

– Ладно, иди... Рихард, мне ведь не показалось?

– Что юный Бастельеро вернулся не в духе? Не показалось, ваша светлость. Но не стоит огорчаться, мальчики в таком возрасте не умеют долго молчать, он обязательно все расскажет.

– Надеюсь, они не поссорились с Людвигом. Кстати, где он?

– Сейчас герр Людвиг и барон де Флер садятся в мобили... – в подтверждение его слов от ворот раздалось рычание моторов. – Разворачиваются... Похоже, герр Людвиг направляется в Оранжерею. Сожалею, ваша светлость, но обедать вам придется без него. Уверен, он позвонит вам, как только выдастся свободная минута. Служба герра Людвига весьма непредсказуема, вам остается только с этим смириться.

– Я смирилась, – хмуро соврала Ринка и пошла разыскивать Фаби.

Драконенка она нашла в комнате Магды. Он лежал на кровати, свесив хвост и делая вид, что спит.

– Фаби, что случилось?

Молчание.

– Тебя Отто обидел?

Нервно дернулся хвост, и в голове раздался грустный голос:

«Нет. У меня все хорошо. Наставник Отто сказал, что я маг-универсал. Здорово, правда? Их среди людей почти не бывает».

– Подозреваю, что те, что бывают – это или драконы, или их потомки, – улыбнулась Ринка, села рядом и начала поглаживать дракона по спине между крыльями. – У тебя такая шелковистая чешуя, приятно гладить. Ой, она меняет цвет! И такая горячая.

«Щекотно», – Фаби пошевелил крыльями.

– Ты начал повышать температуру, – заметила Рина. – Растешь. Скоро тебя без перчаток и погладить будет невозможно. – И она пощекотала мурлыкающего дракончика под подбородком.

Фаби захихикал, перевернулся на спину, от чего кровать жалобно скрипнула, и подставил живот, развалив короткие и толстые лапки.

– Не боишься, что защекочу? – Ринка пробежала пальцами по светлому животу.

«Не защекочь!» – радостно включился в игру дракончик. От его плохого настроения ничего не осталось.

Когда в комнату зашла Магда, она лишь руками смогла всплеснуть.

– Мадам! Да что это такое, да вы же... Да он же мне кровать ломает, теленок этакий! И вообще, обед на столе! Все уже заглодело, а фрау Шлимахер грозитя упасть в обморок, если никто не оценит нежные котлетки по новому рецепту. Вот, слышите?

Ринка прислушалась и в самом деле разобрала доносящийся из кухни шум: звон посуды и обиженные басовитые вопли.

– Слышу, – кивнула Ринка.

– Вот! Обед заглодел, дитенок не кормленный! А он тут развалился, хвостом машет. А как зайдет кто?

– Да кто сюда кроме Мюллера ходит? – отозвался Фаби, при упоминании хвоста тут же сменивший ипостась на человеческую.

И только тут до Ринки дошло...

– Фаби, а как же секретность? Магда же...

– Да я никогда! Никому! Что же вы так-то, мадам! – губы служанки задрожали. – Я же его с яйца нянчила, как же я выдам? Да никому! Даже Мюллеру!

«А она и не сможет, – раздалось у Ринки в голове. – Папа дракон все продумал. Это магия, мама».

Прикинув, сколько уже народу знает тайну Фаби, Ринка закрыла лицо ладонью и покачала головой. Магия или нет, а когда тайна известна дюжине человек – это уже не тайна. Так что если сегодня же обнаружится, что о драконе-оборотне догадалась вся дворня, начиная с Мюллера и заканчивая помощником садовника, Ринка совершенно не удивится.

– Пошли уже обедать, великий комбинатор, – вздохнула она, потрепав мальчишку по вихрам.

– А кто это такой?

– За обедом расскажу.

Под пересказ фильма про Остапа Бендера и сотню самых неожиданных вопросов от Фаби они спасли и заглодевшие котлетки, и нежное суфле из цветной капусты, и супчик из ребрышек со спаржей, и что-то там еще, чем безумно гордилась фрау Шлимахер. Если не присматриваться, то Фаби казался совершенно обычным – веселым и безмерно любопытным. Но иногда он отводил взгляд, отвечал невпопад и грустнел, на мгновение, не больше, и тут же снова улыбался. На осторожный вопрос Ринки, что же все-таки произошло, он не ответил: сделал вид, что не услышал, и задал очередной вопрос про ужасно странный мир, в котором драгоценности зачем-то прячут в стулья. А когда позвонил Людвиг – сразу после обеда, они еще не успели покинуть столовую – и вовсе отвернулся и буркнул, что пойдет к себе и почитает, ему

очень много задали, и тут же сбежал.

От Людвигу добиться толку тоже не удалось. Он коротко сообщил, что сегодня не вернется, любит, скучает и непременно придет сразу, как только они решат «небольшую проблему»...

– Ты поссорился с Фаби? – прервала его Ринка, понимая, что через секунду он повесит трубку: на заднем плане слышался нетерпеливый голос Германа, какие-то команды, в общем, типичная рабочая суэта.

– Мы не ссорились, любовь моя. Извини, я не могу долго разговаривать, завтра...

Начальственный рык послышался совсем близко, но Ринка не успела разобрать ничего, кроме «пора» в не совсем цензурном варианте, и связь прервалась.

Подозрения Ринки только укрепились. Эти двое поругались, и молчат, как белорусские партизаны! Наверняка из каких-то глупых соображений типа мужской солидарности и заботы об ее спокойствии. Ох уж эти мужчины!

Эту ночь Фаби спал под боком у Ринки, так что ей снились доменные печи, пустыня Сахара и перегревшийся трактор. Наверное, потому что во сне дракончик еще и урчал, а под утро забросил на Ринку хвост, тяжелый, как половина трактора. А когда она проснулась, снова попытался слинять под предлогом «растущему организму надо хорошо питаться». На предложение пойти и позавтракать по-человечески он только фыркнул и потребовал нормального драконьего завтрака, то есть мяса. Много. Сырого. Ринке ничего не оставалось, как только отправить его в лабораторию, подальше от глаз вездесущих слуг, и велеть Магде под благовидным предлогом стащить с кухни кусок парной говядины и накормить малыша.

Сама Ринка пришла в лабораторию, когда дракончик с урчанием и топорщением крылышек доедал свой завтрак.

– Фаби, давай ты все же расскажешь мне, что случилось во дворце, – потребовала Ринка, встав напротив «страшного хищника».

«Не видишь, я ем!»

– Вижу. И знаю, что тебе это никогда не мешало болтать.

«А теперь мешает. И вообще, мне после еды положено спать».

– Фаби!..

Глянув на нее честными-пречестными синими глазищами, дракончик душераздирающе зевнул, облизнулся – и влез на стопку сложенных на полу одеял.

«Я сплю», – заявил он, свернулся калачиком и закрыл глаза.

– Упрямый, как осел, – буркнула Ринка, надеясь, что природная

склонность к спорам возьмет верх над нежеланием выдавать военную тайну.

Тщетно. Дракончик только недовольно дернул хвостом, но глаз не открыл и ничего не сказал. Пришлось Ринке заняться привычными измерениями растущего организма и записями в дневнике наблюдений, а затем – изучением добытых у доктора Курта материалов. В них, кстати, не было никаких данных о скорости роста драконов. А скорость эта противоречила всем мыслимым законам природы: то есть если Фаби продолжит в том же духе, то через месяц станет размером со средний грузовик. А значит, не пролезет ни в одну дверь и не сможет дальше прятаться от слуг. Вот если бы они с Людвигом поехали в замок!..

– Кушать подано, ваша светлость, – в разгар ее размышлений о нездоровом контрасте между благими намерениями и суровой реальностью контрразведчика явился Рихард.

Ринка недоуменно посмотрела на часы: время обеда. То есть второго завтрака, потому что обедом тут принято называть ужин. Аристократические заморочки.

Разумеется, первым помчался в столовую Фаби, мгновенно проснувшийся и перекинувшийся в мальчишку. И, разумеется, он никак не мог ничего рассказать Ринке за едой, потому что был страшно занят чтением учебника. Ему же ужасно много задали!

– Фаби, ты не умеешь врать, – покачала головой Ринка.

Честно сказать, ей стало не на шутку обидно. Наверное, потому что прекрасная сказка о любви, понимании и доверии слишком быстро закончилась. Меньше недели, да что там, каких-то несколько дней, и все! У мужа – служба и дела по ночам, у сына – тайны. Даже Магда почему-то сегодня не попадает на глаза, как будто и ей есть что скрывать!

Когда Фаби буркнул что-то неубедительное на счет учебы и сбежал из столовой, Ринка даже не стала его останавливать. Ни к чему. Если он не хочет с ней разговаривать – нет смысла его заставлять. Он упрямее любого осла. А вот Магда... Она хоть и упряма, но держать язык за зубами не умеет. И Мюллер вряд ли сумел удержаться и не рассказать ей все, что услышал по дороге, а может быть и от дворцовых слуг.

Камеристка нашлась на кухне, в дальнем углу под окном. Она что-то шила, и появления хозяйки не заметила. Вот и хорошо!

– Магда! – позвала ее Ринка, подойдя почти вплотную и перегородив пути к отступлению.

– Ой, мадам! – она подпрыгнула, словно ее застали за чем-то ужасно неприличным, покраснела и уколола палец. – Ой...

Магда сунула пораненный палец в рот и забегала глазами, явно ища эти самые пути отступления.

– Пойдем-ка, хорошая моя, посплетничаем.

– А может... ну... потом, а? – она покраснела еще сильнее и попыталась прикрыться шитьем. – Я тут скатерть дошиваю... давайте я после подойду!

– Никаких после. Идем в будуар, – сердито велела Ринка. Ей так и хотелось воскликнуть: это заговор против меня и Франции! Жаль, Магда не смотрела знаменитых фильмов, да и вообще не знает, что такое кинематограф. Вот продолжают Людвиг и Фаби увиливать и держать ее за дурочку, она им покажет! Как изобретет кино, а с ним – рекламные ролики! Вот уж местной цивилизации мало не покажется!

Опасливо косясь на Ринку, Магда нехотя встала, очень аккуратно и медленно сложила скатерть, воткнула иголку в подушечку, поправила юбку и, не глядя на хозяйку, обреченно пошла в будуар.

– Вперед, – приказала Ринка, когда Магда открыла перед ней дверь. Уж слишком крупными буквами на веснушчатой мордашке было написано намерение сбежать сразу же, как хозяйка на секундочку отведет взгляд. – Садись и рассказывай. Все!

– Что все? – округлила глаза рыжая, нервно комкая фартук. – Ничего не знаю!

– И ты, Магда, – укоризненно нахмурилась Ринка.

– Нет, я – нет! – тут же замотала головой камеристка.

– Что тебе Фаби сказал?

– Да ничего он не говорил! Я его сегодня и не видела!

– Магда, ты не умеешь лгать! А Фаби не умеет хранить в себе неприятные мысли, мне он ничего не рассказал, значит, рассказал тебе.

– Да ничего такого, просто всякие мелочи, – рыжая ерзала и пыталась спрятать взгляд.

– Его кто-то обидел во дворце?

Магда на мгновение задумалась, глядя куда-то в сторону, а затем перевела взгляд на Ринку и радостно кивнула.

– Да-да, он с его высочеством немного повздорили, но уже помирились! Мальчишки, они такие, вот мой брат...

– Магда! Я не могу держать рядом с собой врунишку. Или ты говоришь мне правду... – Ринка не стала заканчивать «или ищешь другую работу», но Магда и так все поняла.

– Прошу вас, мадам!.. – глаза Магды же наполнились слезами. – Я не могу, я обещала!

Ринке стало безумно ее жаль. Обещание, данное дракону – это не просто слова, это куда серьезнее. Но оставить все как ей уже было невозможно. Доверие – слишком хрупкая вещь, если позволить ему разбиться, уже никогда не склеишь, как было.

– Мне необходимо знать правду. Иначе я не смогу оставаться здесь.

На этих словах Магда всхлипнула особенно горестно, дернула свой фартук так, что он разорвался, и прошептала:

– Прошу вас, мадам, не надо вам этого знать!

– Надо, Магда. Скажи мне, чем расстроен Фаби?

– Ну, так вдруг вы уйдете от герцога, а его бросите? – всхлипнула Магда.

– Уйду? С чего бы это вдруг?

– Ну, или он вас бросит, – пряча глаза и снова комкая фартук, пробормотала Магда. – Ему король приказал изобразить любовь, чтобы у вас что-то такое разузнать...

– Что за чушь! – неуверенно возразила Ринка, в глубине души уже понимая: никакая это не чушь, а самая настоящая правда. Все сходится.

– Конечно, чушь! – всхлипнула Магда. – Наверняка Отто все придумал! Он наверняка пошутил над Фаби, мада-ам!.. – слезы из глаз рыжей полились ручьем, и она принялась утирать их фартуком. – Просто пошутил!

Пошутил?

Ринке очень хотелось поверить, что маленький принц все придумал и таким образом решил рассорить Ринку с Людвигом, чтобы потом заполучить ее в мачехи. Это вполне в духе королевских особ. Вот только приказать Людвигу влюбить в себя иномирянку, чтобы она выдала все свои тайны – вполне в духе Гельмута. Да что там, это самый простой и логичный способ ей манипулировать! Это она забыла, что Людвиг – аристократ и контрразведчик, и что такие как он не влюбляются в странных девиц без манер и родословной, не говоря уже об отсутствии неземной красоты и обаяния. Забыла, что ему плевать было на смерть своих предыдущих жен. Обо всем забыла, дура!

Теперь же, проматывая в памяти короткую историю их отношений, она видела то, на что не желала обращать внимания. Все несоответствия. Все натяжки. И всю свою глупость. План Гельмута и Людвига увенчался успехом! Она влюбилась без памяти в своего идеального супруга, выложила ему все, что он только захотел узнать, помогла ему заполучить дракона и осталась одна. Дела службы, да? Ну конечно же, теперь у него дела службы будут всегда, особенно когда он убедится, что выполнил

вторую часть королевского поручения: сделал жену беременной, чтобы было кому передать фамильный дар.

Ох. Какая же она дура! Как она могла поверить, что великолепный герцог, красавец и богач, королевский кузен и прочая, прочая – влюбился в нее, воплощение обыкновенности?! Ведь еще Петя ей твердил, что таких как она – легион, и что для нее большой удачей была встреча с ним...

Ну да. На самом деле это был доктор Курт, и удача тут ни при чем, но ведь он все равно был прав! В универе на нее никто не обращал внимания. И в школе ее единственная любовь оказалась пшиком. Нет никаких причин, кроме ее иномирского происхождения, для интереса к ней герцога Бастельеро. Он же сразу ей сказал: ему нужна послушная, верная и не отсвечивающая жена, мать для его детей, и когда она родит наследника – может катиться на все четыре стороны. С какой стати она решила, что за какую-то вшивую неделю его намерения изменились?! Ему по-прежнему нужен наследник и содержимое ее головы, а не она сама!

При мысли о наследнике Ринка машинально схватила за живот и попыталась посчитать дни. Ведь с тех пор как она попала сюда, месячных у нее не было... наверное, пора? Или еще не пора? Что, если она беременна, и Людвиг отберет у нее ребенка, а ее саму выгонит? Сколько подобных историй она слышала... сколько читала... а как ее собственные родители ругались при разводе на тему, кому достанется дочь? Ведь маме пришлось уступить и оставить ее с отцом. Ох! Неужели ее ребенку придется расти без нее?!

– Ваша светлость?.. – раздался где-то далеко знакомый скрипучий голос. – Вам нехорошо, ваша светлость? Магда, что ты сидишь? Быстро воды!

Рядом что-то загрохотало, затопотало и засуетилось, и перед Ринкой возник стакан с водой. Кажется. Потому что перед глазами был туман, и все лицо в слезах, и отпить не получилось – губы дрожали, зубы стучали, в общем, ужас! Разреваться от жалости к себе, какой позор!

– Ох, мадам, как же это так... да что же вы, в самом-то деле! – суетилась вокруг нее Магда, источая водопады сочувствия. – Попейте водички, мадам, полегчает... ох, и зачем я вам сказала-то! Знала же...

– Магда! Отдай стакан и выйди вон! – одернул ее Рихард.

– Да как же я оставлю мадам, бедняжечку, совсем одну! – запричитала рыжая, а на Ринку накатил новый приступ безнадежности: она совсем одна, совсем, никому не нужная, несчастная.

– Вон, – показалось, в комнате повеяло морозом.

Магда осеклась на полуслове, замерла – и выскочила из комнаты. А

Ринка внезапно поняла, что без ее причитаний и кудахтанья все как-то не так ужасно и не так несчастно.

– Рихард, – она подняла взгляд на дворецкого и смахнула мешающие слезы невесты откуда очутившимся в руках платочком. – Это правда?

– Что именно, ваша светлость? – невозмутимо переспросил он, поднося ей на подносе бокал с водой.

На этот раз Ринка взяла его сама и даже смогла отпить, не разбив стукающими зубами. Вода была прохладной, свежей и вроде даже прочищала мысли. Ужасные, отвратительные мысли, полные жалости к себе и обиды на несправедливый мир. В точности, как когда ее бросил Влад.

Но ведь Людвиг – не Влад?.. Определенно не Влад. К тому же, Рихард – не совсем человек и, кажется, не способен врать. Значит, он все расскажет как есть, без утайки и без попыток пожалеть ее, бедняжечку.

– Правда ли, что его величество приказал Людвигу изобразить влюбленность и очаровать меня, чтобы получить все, что я знаю?

Рихард на миг замялся, явно не желая отвечать на вопрос, но сопротивляться собственной природе долго не сумел.

– Правда, ваша светлость. Но не вся правда. Герр Людвиг...

– Тихо, Рихард, – Ринка нахмурилась. – Сначала ты ответишь на мои вопросы. Хватит уже держать меня за дурочку! Людвиг уже доложил его величеству, что Фаби – дракон?

– Да, ваша светлость, – так же хмуро ответил Рихард.

– Король приказал ему как можно скорее обзавестись своим ребенком?

– Да, ваша светлость.

– Я уже беременна?

– Нет, ваша светлость.

Ринка сжала кулаки и медленно выдохнула. Что ж, хотя бы так. Ладно.

– Если я не забеременею, каковы будут последствия?

– Герру Людвигу придется озаботиться бастардом мужского пола, чтобы исключить возможность передачи дара некроманта его высочеству Отто. На сегодняшний день именно он, в случае смерти герра Людвиг, станет следующим герцогом Бастельеро.

– Черт... именно бастардом? Или герр Людвиг женится еще раз, на ком-то более плодovитом?

– Не думаю, ваша светлость, что герр Людвиг даст вам развод или позволит умереть, даже если таков будет королевский приказ. Герр Людвиг вас любит.

Ринка передернула плечами.

– Ты веришь его словам?

– Не словам, а делам и эмоциям, ваша светлость. Если позволите, мы, немертвые, воспринимаем мир несколько иначе, чем живые.

– Ладно, примем за рабочую гипотезу. А знает ли об этом Людвиг?

– Разумеется, ваша светлость.

– То есть, зная об особенностях твоего восприятия, он может симитировать нужные эмоции?

– Теоретически – да, но практически...

– Ясно, – оборвала его Ринка. – А если он прикажет тебе поверить в его эмоции, ты?..

– Я должен слушаться воли моего господина, кроме случаев, когда она противоречит воле моего создателя, Маркуса Бастельеро.

– Не увиливай, Рихард. Да или нет?

– Да, ваша светлость. Прощу вас, спросите иначе!..

– Иначе? – Ринка на миг зависла, пытаясь отрешиться от собственных эмоций и взглянуть на ситуацию глазами беспристрастного ученого, и у нее почти получилось...

– Ваша светлость, вас спрашивает доктор Курт! – на пороге будуара показалась Магда, умытая и причесанная, но с красными глазами.

– Курт? – Ринка нахмурилась. – Он здесь?

– На крыльце, мадам.

– Но ведь Людвиг сказал, что на доме защита и никто не сможет войти? – Ринка обернулась к Рихарду.

– Видимо, доктор Курт не заметил защиты над садом и слишком хорошо воспитан, чтобы ломиться в дом без приглашения, – Рихард снова был самой невозмутимостью.

– Вот как, доктор Курт. И что ему нужно, Магда?

– Он сказал, желает поговорить с вами о юном Бастельеро.

– Черт бы его!..

Сжав губы, Ринка напряженно размышляла: послать доктора Курта обниматься с Ктулху или все же поговорить? Да, в архиве написано, что он – глава ордена массенов, и что именно массены уничтожили всадников, но ведь это было три сотни лет назад! Не может быть доктор Курт вселенским злом, он для этого слишком ученый и слишком человек. Ну, какое из Петечки зло? И вообще, вряд ли ей что-то угрожает в доме Бастельеро, если уж даже доктор Курт не может в него войти. А ей надо срочно, немедленно хоть с кем-то поговорить!

– Гнать его в шею? – кровожадно предложила Магда.

– Нет. Рихард, пригласи доктора Курта в гостиную, скажи, я скоро спущусь. И вели подать чай.

Что ж, самый лучший способ взглянуть на ситуацию глазами беспристрастного ученого – это пообщаться с настоящим ученым, отвлечься и вернуться к вопросу на свежую голову. Так что спасибо вам, доктор Курт, за своевременный визит.

Пока Магда, героически сжав губы и не смея даже сочувственно вздохнуть (спасибо тебе, заботливый Рихард!), ее умывала, одевала и причесывала, Ринка размышляла. Конечно, она решила на разговор с Куртом больше на эмоциях, чем по уму. Но теперь, вспоминая все, что знает о докторе, массенах, драконах и местных интригах, Ринка убеждалась – решение правильное. Разумеется, доктор Курт преследует собственные интересы, но ведь так поступают абсолютно все! Зато он единственный, кто может защитить ее от короля и Людвига.

При мысли о Людвиге Рина поморщилась. Считать его предателем и обманщиком было чертовски больно. И чертовски не хотелось считать себя доверчивой душой. В конце концов, даже если Людвиг выполнял приказ короля, он все равно ее желал! Искренне желал! Уж это-то даже маг подделать не может!

К щекам прилил жар, в животе потяжелело, и Ринка велела себе прекратить грезить о великолепном любовнике, а подумать о делах насущных. То есть о Петере Курте.

Итак, надо его выслушать, но ни в коем случае ни на что не соглашаться и никуда с ним не ходить. И ничего не подписывать. Все просто, не так ли?

– Мама! – Фаби влетел в будуар одновременно с воплем, врезался в Магду и принялся прыгать вокруг. – Правда, что у нас в гостях настоящий ученый? А Отто сказал, что все ученые – вредные занудные стариканы, которые только и умеют, что бюджет просаживать! А что такое бюджет? А куда его сажают? А можно мне на него посмотреть? Мне очень-очень надо! Ну, мам!

Драконенок сыпал вопросами с такой скоростью, что даже Магда не смогла вставить ни словечка, хоть и была возмущена до глубины души таким бесцеремонным вторжением в священный ритуал причесывания. Она даже почти стукнула мальчишку расческой, но пожалела, только отпихнула подальше, чтобы не мешался.

– Ну ма-ам! – Фаби уже зашел с другой стороны и умильно заглядывал Рине в глаза.

Вот же поганец! То он взрослый, то он маленький, то настоящий аристократ, то шкодливый пацаненок – и не угадаешь, что он отчебучит в следующий момент. Понятно только, что наивным и маленьким он только

прикидывается, а своего настоящего интеллекта наверняка ни разу и не показал. Интересно, все дети такие или только драконьи?

– Людвиг запретил принимать гостей без него, – покачала головой Ринка. Не то чтобы она собиралась прогнать Курта, но было ужасно интересно, что на это скажет Фаби.

– Пфе! – драконенок лукаво подмигнул ей. – На доме такая защита, что даже полсотни драконов не прорвется, не то что какой-то ученый! Тебе точно ничего тут не грозит, кроме смерти от скуки. А профессор наверняка скажет что-то важное и интересное! Идем, ну идем же! Ну ма-ам! А то опять все интересное достанется Людвигу, а тебе он ничего не расскажет. Про приказ короля же не рассказал!

Рина поморщилась. Фаби с истинно детской жестокостью наступил ей на больное место, совершенно не подумав, что ей может быть неприятно.

– Фаби, что ты такое говоришь! – вступилась за ее нервы Магда, но драконенок только отскочил подальше, встал напротив Ринки и упер кулаки в бока.

– Ты, конечно, можешь и дальше притворяться глухой и слепой, доверять Людвигу и даже не пытаться ничего выяснить, а я – нет! Я хочу знать правду!

Ринку посетило дежавю. Где-то она уже это видела! Или думала? Не она ли сама только что желала знать правду?

М-да. Интересно, дракон – менталист? Или телепат? Как плохо она на самом деле его знает! А его маскировка под девятилетнего мальчишку уже трещит по всем швам.

– Я тоже хочу знать правду, Фаби, – ответила она, глядя драконенку в глаза.

Разумеется, тот сделал вид, что не ничего не понял. Радостно улыбнулся, подпрыгнул и бросился к ней в объятия. Совсем как ребенок... или она зря придумывает себе черт знает какие сложности? Он же и есть ребенок!.. Ладно, с Фаби можно разобраться попозже, а сейчас – доктор Курт, тайные ордена, интриги и спецслужбы.

– Магда, ты закончила?

– Сейчас, мадам, последняя шпилька! Вот, смотрите, какая вы красивая!

Скептически оглядев свою физиономию в зеркале, Ринка только вздохнула. Несмотря на волшебные примочки от фрау Шлиμμαхер, покрасневшие веки ее выдавали. Не надо быть магом, чтобы понять: она только что плакала.

И пусть.

И ладно.

Это ее личное, неотъемлемое право – плакать, когда ей вздумается. Вот так-то.

Доктор Курт ждал ее в гостиной и поднялся навстречу из глубокого кресла: как всегда, с приятной улыбкой, в строгом серо-синем сюртуке с белым, элегантно повязанным шейным платком, в руках букет незабудок (осенью!), трость с набалдашником из слоновой кости прислонена к креслу.

– Рина, ты сегодня обворожительна. Надеюсь, не я послужил причиной твоей грусти?

– Что вы, доктор Петер, – приняв букет, Ринка отдала его подбежавшей Магде и присела в кресло напротив. Фаби встал рядом, сложив руки за спиной и с любопытством разглядывая гостя.

Курт тоже сел, ровно на две секунды позже нее, с не меньшим любопытством оглядел Фаби, но тут же перевел взгляд на Ринку и ей улыбнулся.

Интересно, а где были его изысканные манеры и галантность, когда он был Петечкой? Да и черты лица, если присмотреться, отличаются... и голос чуть иной – хотя интонации очень похожи. Спросить или не спросить?..

– Прости, я без приглашения, – тоном, подразумевающим, что извинения – лишь дань этикету, а на самом деле они слишком близки, чтобы обращать внимание на такие мелочи, сказал Курт.

– Вы же знаете, я всегда рада вас видеть, – поддержала игру Ринка и кивнула на драконенка. – Позвольте представить: Петер Фаби Бастельеро, доктор Петер Курт.

Бровь доктора Курта едва заметно приподнялась, а Фаби удивленно глянул на Ринку, но никак не прокомментировал ни сокращение своего второго имени, ни совпадение, слава Барготу и его матери!

Ринка таинственно улыбнулась Курту и тоже ничего не прокомментировала. Честно говоря, ей смертельно надоело играть в неведение, но она сомневалась, что стоит прямо сейчас заявлять, что она все знает. Вдруг – не все?

– Фаби, ты можешь присесть, – она указала на третье кресло. – Мальчик безмерно любознателен, а тут – возможность познакомиться с самим главой Академии Наук!

– Я тоже очень рад возможности познакомиться с наследником рода Бастельеро, – Курт сдержанно кивнул мальчишке. – Только сегодня утром я разговаривал со своим старым другом, наставником принца Отто. Он попросил моего совета по составлению учебной программы для маг-универсала редкой силы.

Ринка напряглась, хоть и постаралась этого не показать: Гельмут что, растрепал о наследнике Бастельеро и его даре на всю Астурию? Что-то не очень похоже...

– А я слышал, дядюшка Гельмут велел никому не говорить о моем даре, – вмешался Фаби, вполне достоверно изображая дурно воспитанного, зато непосредственного и любопытного ребенка.

– Доктор Берцель и не сказал, что речь идет о Бастельеро. Но сопоставить появления юного герра Бастельеро во дворце и в компании его высочества Отто с вопросом о мага-универсале совсем просто, не так ли, герр Петер?

Ринка не поняла, что ее кольнуло в объяснении Курта. Вроде бы все логично, но... кажется, она раньше слышала фамилию Берцель. И не в связи с наставником принца. Вспомнить бы!

– Так, герр Петер, – с ноткой неприязни ответил Фаби. Ринка не поняла, ему не приглянулся доктор Курт или не понравилось, что его называли Петером.

– Что ж, я рад, что недоразумение разрешилось, – Курт невозмутимо кивнул. – Доктор Берцель отзывался о вас как о весьма любознательном юноше с неплохой начальной базой. Я думаю, вам понравится в Академии.

– А вы тот самый ученый, который хочет поймать дракона, чтобы его препарировать и изучить? Когда я вырасту и выучусь, я тоже буду изучать людей, – многозначительно заявил он, и у Ринки упало сердце: доктор Курт же сейчас догадается! Это «тоже» выдает дракона с головой! – Люди не менее интересны, чем драконы или рогатые жуки.

Однако Курт или пропустил оговорку мимо ушей, или слишком хорошо владел собой – никакой реакции не последовало.

– Смею заверить вас, – все так же доброжелательно ответил Курт, – что с вашими уникальными данными люди станут вам неинтересны самое позднее на втором курсе. И не позже третьего курса вы попроситесь в мою научную группу, изучать пространство и порталы. Доктор Берцель был прав, у вас огромный потенциал. Ни разу не видел мага-универсала с такой мощной аурой! Надеюсь, у вас, Рина, будут сыновья, которым и перейдет наследная магия Бастельеро. Не хотелось бы терять столь редкий, не побоюсь этого слова, уникальный дар! Могу я узнать, кто ваша мать, герр Петер? Вы явно унаследовали дар не от герра Людвиг, он до вступления в наследство был менталистом, как и все Хаас.

– Мать Фаби попросила скрыть ее имя, – быстро вставила Ринка.

Фаби фыркнул.

– Просто я ей не нужен. А в своей семье она – посредственная

магичка, это я могу сказать точно.

– В семье? – заинтересовался Курт. – Я не слышал, чтобы у барона де Флер была сестра, а других семей с сильным универсальным даром... впрочем... ваша мать уроженка Бриттии?

– Не угадали, герр Петер! – Фаби недобро сверкнул глазами. – У вас еще две попытки, а если не угадаете – я вас съем!

– Фаби! – Ринка рассердилась. – Иди к себе, почитай книгу по этикету.

– Я знаю ее наизусть! – мальчишка не унимался. – А герр Петер...

– Фаби, замолчи, – велела Ринка, совершенно не понимая, что нашло на драконенка. Она никогда раньше не видела его таким злобным и упрямым. Неужели это – подростковый возраст?

– Я вижу, вы любите играть в загадки, юноша, и не чужды духа научных диспутов, – в голосе Курта послышалась издевка. – Вы практически готовый академик. Многие ученые мужи придерживаются такой же убедительной аргументации. Хотите послушать? Как раз сегодня вечером состоится диспут на тему этичности некоторых методов исследования. Возможно, даже на тему препарирования драконов.

– Послушать? Пфе! – Фаби вскочил с кресла и навис, то есть попытался нависнуть над доктором Куртом. – Я им скажу, я их...

– Фаби, сейчас же иди к себе! – теперь уже вскочила Ринка, развернула мальчишку за плечи и подтолкнула к двери. – Немедленно к себе!

– Это не научный подход, мама! – возмутился Фаби, не двигаясь с места.

– Научный диспут будешь вести с папой, когда он вернется. А пока – к себе.

Сердито фыркнув напоследок, Фаби пошел к двери, печатая шаг – в точности как Людвиг, когда злился. Ринка даже немножко умилилась. Совсем чуть. Потому что мелкий паршивец выдал себя с головой, и что с этим делать – Ринка не представляла. Тупо все отрицать? Курт не поверит. Признаться, что Фаби – дракон? Нет, ни за что, это поставит их обоих в крайне уязвимую позицию. Значит, отрицать. Баргот подери вредного мальчишку!

– Прошу прощения, доктор Курт. Фаби всего десять дней, как в столице, и его манеры оставляют желать лучшего.

– Мои манеры в полном порядке, – от двери обернулся Фаби и смерил Курта пронзительным хищным взглядом. – А на вас нитка. На рукаве вот тут, – он показал на свое левое предплечье и фыркнул. – Неприлично ходить в гости всему в нитках!

И, пока Ринка замерла от возмущения, быстренько шмыгнул за дверь.

– Нитка? – переспросил Курт, внимательно разглядывая рукав. Никакой нитки Ринка не видела. Чистый, идеально отглаженный рукав из тончайшего сукна. Но в отличие от нее, Курт там что-то нашел, снял двумя пальцами и покачал головой: – Надо же! Заметить так хорошо скрытое заклинание! Ай-ай-ай, и кто же повесил на меня следилку... – он поднял невидимую нить на уровень глаз, отпустил, щелкнул пальцами, и Ринке послышался электрический треск. – М-да. Невероятная наглость. Кое-кого из моих учеников ждет неприятный разговор.

– Все же прошу прощения за поведение Фаби, – повторила Ринка, когда он замолк.

– А, ерунда, – махнул рукой Курт, снова входя в образ доброго дядюшки-профессора. – Детская непосредственность, пыл, отстаивание своего мнения – это же прекрасно, Рина! Это качества настоящего ученого! Ах, если бы наше общество не прививало детям замкнутость и сдержанность, доходящую до апатии! Я очень рад, что этот ребенок попал на воспитание именно к тебе, Рина. Береги его, он очень ценен.

Курт светски улыбнулся, а Ринку опять кольнуло: что-то тут не так. Как будто Курт хочет ей что-то сказать, но не может. Странно, очень странно!

– Конечно, я буду его беречь. Ведь он – Бастельеро.

– Вот и хорошо. Что ж, приятно было с тобой поговорить, но меня ждут. Вечно дела, дела... Прошу, составьте мне компанию сегодня в Академии. Диспут открытый, а тебе и юному Бастельеро непременно будет интересно!

– Сожалею, доктор Курт, но Людвиг настоятельно просил нас не покидать дом.

– Герцог весьма похвально заботится о вашей безопасности, но рядом со мной вам определенно ничто не угрожает, милая Рина. Мы пройдем порталом, так что господа шпионы, которые дежурят возле вашего дома и которых опасается герцог, даже не поймут, что вас некоторое время не было дома. Идемте же!

Ринка поймала себя на том, что ей безумно хочется пойти с Куртом. Впрочем, именно этого она и ожидала. Но не ожидала того, что его предложение взять с собой Фаби вызовет в ней резкий протест. Она хотела отправиться в Академию одна и только одна.

Еще странность? Не многовато ли на сегодня?

– Идемте, я провожу вас, доктор Курт, – обтекаемо отозвалась она, вставая.

И, пока они шли к выходу из гостиной, а из гостиной – по коридору и

холлу, Ринка вежливо и отстраненно отвечала на вопросы Курта: прочитала ли она монографию? Что думает? Не хочет ли изложить свои соображения в виде эссе? А пока отвечала, прислушивалась к собственным ощущениям.

– ...написать эссе, конечно же...

«Мама, не верь ему! Он опасен!» – раздалось в голове, когда до входной двери оставалось всего несколько шагов.

Машинально оглянувшись, Ринка заметила синий хвост, мелькнувший за оливой в кадке.

«Фаби, все хорошо. Я никуда с ним не пойду. А ты сам держись от Курта подальше».

«Я тебя охраняю!»

Упрямый мальчишка.

– И не беспокойся так о мальчике, – доктор Курт ободряюще пожал ее руку. – Все дети проходят этот сложный период. Просто не позволяй ему всеми командовать.

– Конечно. Еще раз извините, доктор Курт... – продолжая говорить, Ринка шагнула следом за ним, и только на крыльце дома поняла, что нечаянно вышла за дверь. – Надеюсь, мы с вами скоро увидимся снова.

– Я тоже, милая Рина, – доктор Курт галантно склонился над ее рукой, и тут...

«Мама, отойди от него!» – раздался панический вопль, мелькнуло что-то синее, одновременно раздался треск открываемого портала, в Ринку что-то врезалось, кто-то куда-то ее потянул... и она поняла, что падает, падает...

Она упала на что-то твердое, сверху ее придавило что-то тяжелое и горячее, послышались недовольные, даже испуганные голоса, кто-то зарычал, и она провалилась в спасительную темноту, едва успев подумать: кажется, я вляпалась!

Мы вляпались...

Глава 22, о тайном и явном

*Виен, Астурия. Кабинет генерала Кроненштутц, графа Энн
Людвиг*

Людвиг сидел в кресле любимого начальства, сложив гудящие ноги на стол и держа трубку фония на отлете, и слушал вопли Черного Карлика.

Глава дружественной конторы изволил гневаться, собственное начальство изволило устраивать разнос оперативному отделу, а Людвиг... Людвиг впервые за сутки наконец-то присел отдохнуть. Он мужественно держал глаза открытыми, чтобы не уснуть прямо тут, а добраться домой, и ор Д`Амарьяка в этом несколько помогал.

– ...ваши проблемы в белом гробу!.. – разорвался Карлик. – Ты, щенок!..

Вздохнув, Людвиг положил орущую трубку на стол и потянулся, разминая затекшие плечи. Он сделал все, что было нужно. Предотвратил, обезвредил, поднял жоака шайки несостоявшихся убийц, допросил. Устал, как последняя собака. И не его вина, что след опять привел к франкам. Так что сейчас Черный Карлик отвечал на вопрос, какого демона орден Лилии прозевал очередных заговорщиков под собственным носом? Нецензурно отвечал. Впрочем, кое-что интересное в его монологе все же попадалось.

К примеру, информация о покушении на молодого императора. Меньше недели, как его короновали, и уже пытались убить, и потому...

– ...свои претензии в самую глубокую... – доносилось из трубки. – Нечего было махать у массенов под носом своими архивами! А твоя сестра!..

В целом Людвиг был согласен, что Анна – дура. Но что об архивах узнали от нее? Не смешно. К тому моменту, как Анна растрепала про архивы де Флеру, у виллы «Альбатрос» уже дежурило семь иностранных разведок в ожидании этим самых архивов. Так что зря это он.

О чем Людвиг и сказал Черному Карлику в самых изысканных выражениях.

– Оскорбил твою сестру?! Да ты!..

– И невесту де Флера. Но я вызываю вас на дуэль первым, кавалер Д`Амарьяк, – спокойно сказал Людвиг и снова отодвинул трубку, из которой понеслись еще более громкие вопли.

Правда, Людвиг не очень понял, как связано нежелание Черного Карлика драться с нападением драконов на загородную резиденцию

франкского императора. Нехорошо с их стороны, конечно, сжечь дворец и вытащить на свет лабораторию...

– Какую еще лабораторию?

– Массенскую, какую еще! Каким местом ты слушаешь? Там...

Кроме лаборатории там обнаружилось убежище, экранированное от магии. Человек так на пятнадцать, и в нем провизии на месяц. А когда об этом узнал молодой император, свалил все на отца, но глаза-то бегали! И все это крайне подозрительно! И повышение бюджета ордену Лилии – тоже подозрительно! А подозревать собственного императора, это вообще...

– ...государственная измена, мсье, – любезно подсказал Людвиг.

Черный Карлик на мгновение заткнулся, тяжело вздохнул, и уже нормальным тоном ответил:

– Именно. Так что разбирайтесь сами, задействуйте де Флера, а от меня отстаньте. Я, может, на пенсию выхожу и уезжаю в Нитц, печень лечить. Если отпустят. Кстати, скажи там де Флеру, пусть пока не появляется в Брийо. Даже на мои похороны пусть не появляется!

– А мне можно на ваши похороны, мсье?

– Тебе можно, – хмыкнул Черный Карлик. – После смерти с печенью проблем не будет, так что поднимешь – и я доведу до конца это проклятое дело! Ничего император не знает, как же... И никаких дуэлей, мне некогда.

Черный Карлик бросил трубку, Людвиг положил свою на аппарат и почти уже собрался писать Герману докладную записку и ехать домой, как начальство пожаловало в кабинет. Секунды две постояло на пороге, любуясь Людвигом в своем кресле, а потом как начало орать...

Людвиг аж зажмурился, пропуская мимо обвинения в разгильдяйстве, отсутствии субординации и почему-то недовольстве фрау Эмилии.

– Короче, я уехал домой, и если по твоей милости опять что-то случится...

Договорить Герман не успел, его прервал звонок фониля. Сразу двух фонилей, городского и внутреннего.

Людвиг поморщился и глянул на Германа: это тебе звонят, я тут ни при чем.

А Герман – на Людвига, мол, я уже уехал, я уже почти дома, сам отвечай.

Или сами замолчат?

Но фонили трезвонили и трезвонили, с каждым мгновением все более тревожно и душераздирающе. Проклятье!

– Слушаю! – Людвиг взял трубку внутреннего; городской замолчал.

– Герр Людвиг, – голос дворецкого был привычно бесстрастен. –

Полчаса назад юный Бастельеро в истинном облике и ваша супруга упали в портал доктора Курта.

– Что за бред?! – Людвиг вскочил на ноги. – И какого демона ты не позвонил раньше?!

– Насколько я мог видеть, юный Бастельеро намеренно толкнул туда герцогиню. Прошу прощения, полчаса назад на мой звонок никто не ответил, как и на...

– Где Рина? – оборвал его Людвиг. В этот же момент затрезвонил фониль в его собственном кабинете, по соседству с генеральским.

– Не могу знать, герр Людвиг. На вилле и в окрестностях ее нет. Куда вел портал, я не смог определить.

– Проклятье!.. – Людвиг швырнул дымящуюся трубку на рычаг.

Герман, слушавший разговор с порога, хмуро покосился на соседний кабинет, где продолжал надрываться фониль.

– Рину похитили массены, – бросил Людвиг, отодвигая его с дороги: может быть, ему звонит Курт? За выкупом? Только бы за выкупом...

Фониль в его кабинете замолчал. Людвиг вздрогнул. И тут заорал городской на столе Германа.

– Что?.. – Людвиг сорвал трубку с рычагов, едва не оборвав шнур.

– ... твою мать, Людвиг, сними же трубку! – раздался тихий и злой голос.

– Тори?

– Я из кабинета Курта. Здесь дракон! Живой маленький дракон! Он перекусал идиотов, похитивших твою жену! – затараторила мадемуазель. – Массены – прикрытие, это заговор против...

– Где Рина? – перебил ее Людвиг.

– Последний этаж, правая башня, лаборатория Курта. И послушай...

Но Людвиг уже швырнул трубку мимо фониля и рванул прочь, едва не сбив Германа с ног. Нужно спешить! Если они скрутят Фаби... Да и Рина живая им опасна! Проклятье!..

– Стой! Ты куда? Они потребуют архивы и будут торговаться! – Герман ухватил его за плечо. – Надо подождать!

– К демонам ждате! Они убьют Рину!..

– Людвиг, да стой же!.. – несло ему вслед.

– Торгуйся сам! – крикнул Людвиг, распахивая дверь из приемной и сбивая с ног какого-то штатского. – Мюллер, мобиль, быстро!

Где-то за его спиной Герман о чем-то говорил по фонилю с Тори, что-то приказывал, топали бойцы, вспыхивали порталы...

Жестом выгоняя Мюллера с водительского места, Людвиг выругался: о

портале он не подумал. И Баргот с ним! До Академии всего ничего!

От рванувшего с места мобиля шарахнулись все, начиная с верного адъютанта. Никогда раньше Людвиг так не гнал, и никогда раньше он не молился так искренне и горячо Единому, Барготу и неведомому Ктулху, которого не раз поминала Рина. Эй, вы, там! Сохраните ее! Как угодно! Любой ценой! Пусть то, что видела испанийская видящая, окажется правдой, и Рину не убьют массены! А драконов он опередит, предсказания – всего лишь предупреждение...

Людвиг ударил по клаксону, отгоняя со своего пути неповоротливые чужие экипажи. Башня Академии уже виднелась, уже совсем близко!..

Территория Академии уже была оцеплена полицией. Всех приезжающих и приходящих останавливали и сажали в крытые повозки, из корпусов выводили людей, запикивали в те же повозки и увозили. План «А»: хватай всех, потом разберемся. Перед влетающим на площадь мобилем Людвига полицейские разбежались, едва успев отдать честь.

На миг остановившись перед входом в Академию, Людвиг задрал голову. В небе кружило четыре дракона. Высоко. Слава Барготу, он успел!

– Прочь, – рявкнул он на выходящую из дверей группу студиозусов.

То ли они разбежались, то ли их снесло к демонам, но Людвиг без помех влетел в холл Академии и завяз в возмущенно галдящей толпе ученых, которую гнали к выходу полицейские. Проклятье!..

– Бастельеро! – окликнул его знакомый голос за миг до того, как с пальцев Людвиг сорвалась призрачная гончая, готовая очистить хозяину путь к лифту.

Его имя тоже произвело неплохой эффект, особенно в сочетании с полупрозрачной химерой, припавшей на передние лапы и зарывавшей низко, на пределе слышимости. Толпа в панике распалась и прыгнула к стенам, от ужаса даже замолкнув, а к Людвигу подбежал де Флер.

– Что тут?.. – бросил Людвиг, хватая гончую за холку.

– Бардак, – коллега махнул пистолетом в сторону образовавшегося в дверях затора: маститые ученые и студиозусы, только что отказывавшиеся верить в опасность где-то там, спасались бегством от ужаса близкого и реального. – Лифты заблокированы, оперативники поднимаются по лестницам.

– Барготова мать! – поморщился Людвиг, кинув взгляд вверх, где последние этажи терялись в туманной дымке. – Сделай портал, что стоишь!

– Говорю ж, тут все заблокировано, магия не работает!.. – де Флер осекся, с нездоровым интересом глянул на химеру и радостно ухмыльнулся. – Бастельеро, придурок, что ты стоишь? У тебя крылатое

чудовище, какие к демонам лифты!..

Не тратя времени на признание себя дураком, Людвиг схватился за гриву призрачной гончей и вскочил на нее, как на неоседланного коня, поднял в воздух...

– Бастельеро, мать твою! Не смей оставлять меня здесь!

Людвиг на миг придержал химеру. Враг или помощник? Рискнуть или?..

– Я тебе не враг, – де Флер поднял руки и, с досадой глянув на зажатый в правой пистоль, заткнул его за пояс. – Подери тебя... там же Тори! Я должен ей помочь!

– Баргот с тобой, залезай, – Людвиг протянул ему руку, помогая забраться на химеру.

Тяжело взмахнув крыльями, она взлетела, медленно поднимая двух магов к светящемуся в вышине стеклянному куполу.

«А в записях предков о полетах на химерах не было ни слова, – отстраненно подумал Людвиг, направляя химеру ввысь. Где-то внутри тут же зародился комок холода и стал разрастаться, заполняя тело и мысли мертвенной прозрачностью. – Резерва не хватит до тридцатого этажа. Можно сбросить де Флера, поднять его наверх все равно невозможно. Маг-универсал, отличная жертва...»

«Съем, вкусно», – пророкотала химера под ним.

«Баргот, о чем я думаю? Какая к демонам жертва?!» – встряхнулся Людвиг.

«Хор-рошая! Сильная жер-р-ртва!»

«Обойдусь. Шевелись быстрее, куча костей!»

Химера недовольно заворчала, но Людвигу было плевать. Он дотянет до последнего этажа, там – Рина!

– Тори сказала, там твой дракон, – напомнил о себе де Флер. Его голос не дрожал, но Людвиг чувствовал его страх. – Откуда у тебя дракон?!

– Вылупился из яйца, – честно ответил Людвиг.

– Ну ты... merde! Куда оно девается?.. – де Флер крепче схватился за Людвига.

Химера под ними истончилась, почти превратилась в туман. Резерв был практически пуст.

– Еще три этажа, Барготова мать!.. там Рина!.. – сжав зубы и удерживая химеру материальной из последних сил, он направил ее к проему в ограждении.

На пол предпоследнего этажа они с де Флером упали вместе. Химера исчезла. Магический резерв был на нуле.

– Вставай, Бастельеро, – де Флер рывком поднял его на ноги. – Некогда расклеиваться!

Некогда. Там – Рина, Фаби и Тори. И драконы, мать их! Он должен успеть!

– Ты что, пуст?.. Я-то думал, ты... *merde!* – нахмурился де Флер. – Как вы, проклятые некроманты, восстанавливаетесь?

– Мозги или кровь мага, – гнусно ухмыльнулся Людвиг.

– Твою... – отшатнулся де Флер, но тут же выхватил откуда-то нож и уже собрался полоснуть себя по руке, но Людвиг его опередил. Ударил, выбив нож, и расхохотался.

– Придурок. Сейчас все будет.

Он позволил мертвенному холоду, заполнившему его до самой макушки, выплеснуться наружу, расползтись по магическим нитям, когда-то державшим лифты, и впитать в себя... нет, только свободную энергию, де Флера не трогать... ну вот и готово. Лифты сдохли, что-то в лабораториях сдохло, зато некромант – жив и полон сил.

– Идем, что замер? – он пихнул барона к лестнице, покрывшейся тонким слоем инея.

– Проклятье, как?.. – барон рванул за ним.

– Так, – на бегу бросил Людвиг и выпустил вперед себя гончих, а себя и де Флера прикрыл поглощающим щитом, мимоходом отметив, что сейчас ему использование дара дается на порядок легче, чем всего-то пару недель назад, на Айзенштрассе. – Они здесь! – крикнул он, выбегая на последний этаж.

Ровно в этот миг пол содрогнулся, и послышался громкий вой, исполненный боли и возмущения.

– Фаби! – Людвиг бросился к двери, трещащей и искрящейся от вложенной защитной магии.

– Пригнись, – велел де Флер.

Людвиг машинально присел и отпрыгнул в сторону, и рядом тут же пролетел ослепительно-яркий сгусток энергии. Ударился в дверь. Расплылся по ней огненной лужицей и исчез. Следом в дверь ударил поток воздуха, смешанный со льдом. Дверь и стены затряслись, посыпалась штукатурка, но защита устояла.

– *Merde...* – воздух позади сгустился и трещал от магической мощи: барон готовил третье заклинание.

– Стой, моя очередь, – не оборачиваясь, сказал Людвиг и легко подтолкнул своих гончих: – Взять!

Дрогнув, химеры рассыпались клочьями мрака, потекли по полу к

двери, поднялись по ней, по стенам... и все осыпалось прахом. В стене и в полу образовалась дыра, а сытые гончие материализовались и с гордостью оглядывались на хозяина.

– Твою мать, – пробормотал Флер и, обойдя провал, первым заглянул в дырку в стене. – А где все?

– А Баргот их знает, – отозвался Людвиг, тоже заходя в бывшую приемную доктора Курта, а из нее заглядывая в лабораторию: не дожидаясь отдельной команды, гончие поживились еще одной порцией магии, той, что защищала вторую дверь.

В лаборатории что-то грохотало, взрывалось, рычало и топало, а что – невозможно было разглядеть за клубами разноцветного дыма и искрами от разбитого оборудования. Прямо у двери валялась чья-то оторванная нога. Мужская.

– Рина? – крикнул Людвиг.

Из дыма отозвался рев разъяренного дракона.

Людвиг с де Флером устремились туда, прикрывшись еще щитами. Вовремя: в щит ударились несколько пуль, где-то рядом раздался женский визг и мужская ругань, снова заревел дракон, вспыхнуло пламя.

– А ну стоять всем, полиция! – рявкнул Людвиг, судорожно ища в дыму собственную жену.

Вместо ответа послышались новые выстрелы, рев, болезненный ор. Де Флер дернулся вперед, Людвиг схватил его за плечо:

– Не лезь. Я выпущу гончих...

Он не успел договорить, как в стеклянный купол над их головами что-то ударило, и его самого толкнуло в бок:

– Падай!

Сгруппировавшись, он покатился под прикрытие какого-то агрегата, рядом тут же оказался де Флер. А с неба послышался многоголосый рев, от которого барабанные перепонки грозились лопнуть. Взрослым драконам ответил Фаби, башня затряслась.

– Что за херь?.. – пробормотал де Флер и вдруг заорал: – Тори! Тори, сюда!

Только тут Людвиг заметил маленькую фигурку, выскочившую из дыма и панически озирающуюся.

– Сюда! – повторил де Флер, и Тори метнулась к ним.

А через миг туда, где она только что была, упал с неба огромный камень. И следом – еще один, и поток драконьего огня...

– Рина! – закричал он, вскакивая и бросаясь вперед. – Рина!

Он не думал об опасности, сам не понимал, как уворачивается от

камней и пламени, или его спасали темные щиты и летящие рядом химеры, не суть. Он должен найти Рину, сейчас же, немедленно! Пока драконы не унесли ее!..

И почти нашел. Почти успел! Он увидел, как с неба пикирует что-то огромное и красное, и услышал панический женский крик, и почти увидел свою жену...

Башня содрогнулась так, что Людвиг упал и покатился по полу, ударился о камень, глаза залило горячим. Но он успел увидеть, как пол под ним пошел трещинами, а из стены совсем рядом мощная драконья лапа вырвала еще один камень.

Кто-то схватил его за ногу и потащил прочь.

– Вставай, херов некромант, вставай же! Уходим!

– Нет, там Рина! Я должен!..

Пол снова качнулся, часть стены обвалилась, трубный рев четырех драконов закладывал уши, башня затряслась... и вдруг пол под Людвигом исчез.

Он падал, не видя ничего в дыму и пыли, под душераздирающий вой своих гончих – они держали его своими призрачными телами, замедляя падение.

Его, не Рины. Она где-то рядом. Она падает.

«Рина!.. Спасайте Рину!» – приказал он гончим.

– Бастельеро, твою мать!.. – заорал откуда-то сверху де Флер.

«Папа! – одновременно с ним закричал Фаби. – Превращайся, скорее!

Ты нужен маме!»

Превращаться?

В мозгу что-то щелкнуло и сложилось.

Драконы. Всадники. Рина.

Миг – и он почувствовал, как тело изменяется, обростает чешуей. Почувствовал приближение дракона, извернулся – и упал на горячую спину синего дракона. Не успев удивиться, зацепился когтями и взобрался дракону на холку, на специально для него приспособленное место. Как в седло! В лицо бил ветер, но сейчас он совершенно не мешал Людвигу: глаза были защищены прозрачными пластинами, а сам он словно прирос к дракону.

«Ты вырос, Фаби».

«Немножко, – драконенок был на удивление спокоен. – Держись, папа!»

– Бастельеро! Людвиг! – послышался сверху исполненный паники вопль на два голоса.

«Надо их снять, – Людвиг направил дракона к де Флеру и Тори, висящим над пропастью. Платье Тори зацепилось за какой-то обломок, сама Тори обнимала де Флера, и под их общим весом ткань должна была вот-вот порваться. – Скорее, Фаби!»

Закрутив лихой вираж над обломанной башней, Фаби пролетел под ними, на миг завис...

– Тори, отпускаяй! – крикнул Людвиг.

Де Флер тяжело шлепнулся на спину Фаби, аккуратно между крыльев. Извернувшись, Людвиг схватил его за руку, помог сесть – и тут же Фаби взлетел выше, лапами схватил Тори, оторвав половину юбки.

Через несколько мгновений они уже приземлились на площади, заваленной обломками. Дракон исчез, а вместо него на Людвига напрыгнул мальчишка, повис у него на шее.

Людвиг обнял сына под ошалевшими взглядами Тори и де Флера.

– Они меня чуть не убили! – Фаби погладил чешуйчатое лицо и прижался к Людвигу сильнее. – А с мамой все хорошо! Алый ее найдет! Она чуть-чуть ранена, но все будет хорошо!

– Где она, Фаби?

– Там, наверху! – мальчишка задрал голову, и Людвиг вместе с ним.

Башня Академии все еще стояла и снизу казалась почти целой. Похоже, пострадали лишь верхние этажи.

– Возвращаемся за ней, Фаби, обращай скорее!

Барготовы драконы, какое «хорошо»?! Он поубивает их всех, но сначала – Рина! Снять ее оттуда!..

Они не успели. Башня покачнулась, и несколько верхних этажей стали рассыпаться – камни, мебель, оборудование, люди, все посыпалось вниз. Кто-то из людей пытался левитировать, кто-то просто бестолково махал руками. Мелькнуло знакомое платье, надувшееся куполом...

– Рина! – Людвигу рванулся вверх, забыв, что он не умеет летать, и с ужасом увидел пикирующих с неба четырех драконов.

Один из них, алый, нырнул в камнепад и вылетел с другой стороны, в каждой лапе держа по человеку. Рина и... Курт?

Людвиг захлестнула ярость. Проклятый массен! Все из-за него! Взять!..

– Папа! – ударил по ушам панический детский вопль.

И время для Людвиг замерло. Перед глазами возникло видение Лорен: полуразрушенная башня, улетающий с Риной в лапах дракон. Все именно так, как предсказано! И у него есть последний шанс что-то изменить, убить Курта, остановить драконов!

Тьма, послушно окружившая Людвига, уже готова была сорваться с его шипастых черных рук и догнать улетающих драконов...

– Папа, нет! – мальчишка повис на его руках, ранясь о шипы. – Все не так, папа! Совсем не так! Пожалуйста, посмотри!..

И Людвига затопила чужая память.

Виен, Астурия, Академия Наук, полчаса тому назад

Рина

Только очнувшись на полу лаборатории Курта и услышав грозное рычание, Ринка поняла, что именно толкнуло ее в портал: Фаби.

«Зачем?» – мысленно спросила она, пытаясь сфокусировать взгляд на чем-то большом, синем, прикрытом светящейся сетью. Ей отчаянно мешало головокружение и дым, почему-то разноцветный, как в цирке. Вот только все происходящее совсем не было похоже на цирк.

«Прости, мама, так было нужно. Но ты не бойся, все будет хорошо!»

«Хорошо?!»

«Верь мне».

Десяток ученых в белых халатах с помощью каких-то светящихся тросов запикивали драконенка в металлическую клетку, явно для него маленькую. Фаби рычал, плевался дымом, бил хвостом и вертелся, но силы были неравны... или же Фаби притворялся. Уж слишком спокойно он «говорил». Взгляд Рины постепенно прояснялся, и она сумела разглядеть, кто именно командует процессом. К ее удивлению, это был не доктор Курт, а его помощник, нордической внешности ученый с замашками офицера СС.

– Она очнулась, – крикнул кто-то, и Ринку тут же подхватили подмышки, вздернули на ноги и оттащили подальше от Фаби. На ее руках мгновенно оказались наручники. – Что с ней делать, доктор Берцель?

– Отпустить, невежа! – хриплый голос доктора Курта раздался откуда-то снизу и сбоку.

Ринка обернулась и невольно вскрикнула: лицо Курта была в крови, некогда элегантный костюм порван, сам он бледен до серости. Рядом с ним стоял на коленях юноша в таком же, как у всех, лабораторном халате, и накладывал повязку ему на голову.

– Заприте ее где-нибудь, – почти одновременно с ним бросил Берцель, тот самый, похожий на эсэсовца.

Ученым удалось затолкать Фаби в клетку, и теперь он сердито рычал из-за прутьев толщиной в палец. Так сердито, словно не мог их перекусить.

«Не выдавай меня, мама, пожалуйста! Так надо!»

– Я сказал отпустить мою ученицу, – в голосе Курта послышалась сталь. – Вы еще не генерал ордена, Берцель, чтобы оспаривать мои

приказы.

– Простите, профессор, – в голосе Берцеля извинения не было ни на грамм, одна злость, – но вы ранены и...

– И все еще в своем уме! – Курт схватился за плечо юноши и тяжело поднялся. – Помощь фрау Бастельеро бесценна, а вы... немедленно снять оковы! – не повышая голоса, приказал он тем двоим, что держали Ринку.

– Не смей! – крикнул Берцель.

Стражи Ринки замялись в нерешительности, но стоило доктору Курту сделать шаг в их сторону, как наручники сняли.

– Вы рискуете, доктор Курт, – Берцель жестом велел группе помощников заняться драконом, а сам направился к Рине. – Мы не можем быть уверены, что фрау понимает всю серьезность стоящей перед нами задачи...

– Фрау все прекрасно понимает, не так ли, Рина? – доктор Курт шагнул к ней и галантно склонился к ее руке. – Герцогиня из семьи великого ученого и ставит интересы науки превыше всего. Без ее помощи мы бы не смогли получить этот великолепный экземпляр *Draco volans*. Мы безмерно признательны, фрау Рина.

Ее помощи? Курт бредит?

«Подыграй ему, мама!» – прозвучало в ее голове, пока доктор Курт исполнял свою странную роль.

«Что все это значит, Фаби?»

«Я тут, чтобы разобраться, мама. Помоги мне».

«Ладно, но потом ты мне все объяснишь, шпион хренов!»

– Доктор Берцель, если не ошибаюсь, второй человек в ордене? – собрав в кулак все свое актерское мастерство, Рина смерила арийца ледяным взглядом. Тот скривился на слове «второй». – Я рассчитывала на более дружескую встречу.

– А мы рассчитывали на некромантского бастарда, – не остался в долгу Берцель. – Где он, фрау? Вы верны нам или Бастельеро?

– Как много громких слов и как мало дела, – поморщилась Рина. – Идите, попробуйте привести сразу двоих, а заодно и самого некроманта. А я на вас посмотрю, доктор Берцель.

– Вы не в том положении, чтобы язвить, фрау, – тон Берцеля все больше напоминал шипение гадюки. – Как и вы, доктор Курт.

– А я разве язвил, дорогой друг? – усмехнулся Курт. – Вы прекрасно справляетесь сами.

– Вы обещали доставить сына некроманта, профессор! Без него все наше дело под угрозой!

– Ваше дело, Берцель, не заговаривайтесь. И не забывайтесь. Дело ордена – наука, восстановление утерянной связи между людьми и драконами, а не политические игры. – Пока Курт говорил, притихший Фаби выпустил тоненькую струйку огня с дымом, и та, словно змея, поползла по полу к доктору Берцелю. Увлеченные перебранкой лидеров ученые, похоже, ничего не заметили. В отличие от доктора Курта: – Кстати, на вашем месте я бы отошел от дракона подальше и попросил ее светлость о содействии, пока вам не подпалили зад.

Огненная змейка прыгнула, халат Берцеля задымился, сам Берцель подскочил и схватился за пострадавшую часть тела. Часть господ ученых неприлично заржала, часть принялась бестолково носиться и ругаться между собой и на доктора Курта. И лишь тот самый юноша, что помогал Курту с перевязкой, выплеснул на Берцеля воды из кувшина.

– Курт, хватит! – дымящийся Берцель подскочил к профессору, схватил его за грудки и затряс. – Хватит профанации! Вы – дурак и тряпка, вы недостойны памяти великого Массена! Вы превратили орден в посмешище!..

– Не орден, а тебя, сын мой, – раздался старческий голос.

Берцель обернулся, Ринка вместе с ним: от дверей лаборатории к ним шел седой, но по-прежнему с военной выправкой мужчина в мундире королевского служащего. Чертами лица он был точной копией эсэсовца Берцеля. То есть скорее наоборот, сын был точной копией отца.

– Опять ты! – выплюнул Берцель-младший.

– Опять я, – согласился Берцель-старший. – Я просил тебя, Дитер, не трогать ребенка.

– Уйди, отец, сейчас не время!..

– Самое время, Дитер, – Берцель-старший хмуро кивнул Рине и Курту, скептически осмотрел притихшего дракона в клетке и покачал головой. – Простите, доктор Курт, мой сын не должен был...

– Хватит! – голос Берцеля-младшего сорвался, и сам он теперь больше напоминал обиженного мальчишку, чем арийскую бестию. – Не вмешивайся в мои дела! Я...

– Взрослый и сам решаешь?..

– Семейную сцену лучше наблюдать издали, – тихонько хмыкнул доктор Курт и потянул Ринку за руку; оба Берцеля, увлеченные проблемой отцов и детей, не обратили на них внимания. – Прости, я тоже не хотел вмешивать в наши дела твоего воспитанника. Тебя тоже, по крайней мере, не сегодня.

– Что у вас тут творится? – так же тихо спросила Рина, отступая под

прикрытие какого-то незнакомого агрегата.

Она всерьез опасалась, что отец и сын от вербальных аргументов перейдут к потасовке, а так как оба – маги, задеть может всех, кто рядом.

– Попытка переворота. По мнению молодых и ранних я слишком стар, консервативен и слаб, чтобы возглавлять орден. И слишком мало внимания уделяю политическому влиянию и деньгам. Откуда взялся дракон, Рина? – сейчас, когда Курт прижимал ее к себе, пряча от разбушевавшихся Берцелей и начавших твякать в поддержку лидера молодых ученых, он был до ужаса похож на Петечку. В лучшие его моменты. И не доверять ему было очень и очень сложно! Но нужно. Пока они с Фаби не разберутся в происходящем, никакой откровенности! Ни с кем!

– Вылупился, – буркнула Ринка, краем уха прислушиваясь к набирающему обороты скандалу.

– Ты мне не доверяешь, – снова усмехнулся Курт. – Это пройдет. У нас общая цель. И я не собираюсь обижать твоего дракона, в отличие от Берцеля.

– А мальчика?

– Как ты могла заметить, я даже не предложил тебе взять мальчика и пойти со мной, хотя именно это обещал Берцелю и его прихвостням. Увы, я недооценил всю серьезность ситуации в ордене, за что чуть не поплатился головой.

– Если ты думаешь, что я тебя пожалею, Петя... – Ринка осеклась, поняв, что попытка слушать сразу и Курта, и скандал сыграла с ней дурную шутку.

– Не надо меня жалеть. Лучше бери ключ и беги отсюда, пока не началась драка. – В ладонь Ринке вложили что-то твердое и покалывающее электричеством. – Быстро, Рина, дверь позади и слева.

– Но как же Фаби? Я не могу оставить его!

«Со мной все будет отлично, мама. Иди домой!»

Ринка вздрогнула.

«Ты подслушиваешь!»

«Разумеется. За этим я здесь. Иди, мама. А лучше идите оба, доктор Курт нужен нам живым».

– Вы общаетесь мысленно? Что он сказал? – в голосе Курта прорвался острый научный интерес.

– Что нам надо уходить обоим. Но...

– Идем. Они ничего не сделают с драконом, они не в курсе даже... – Курт потянул ее к двери, но из-за очередного агрегата, как черт из табакерки, выскочил еще один заговорщик и направил на них пистоль.

– Берцель, нас предали! – крикнул он, перекрывая скандал, и упал, хватаясь за горло и пуча глаза.

– Нет хуже дурака, чем идейный дурак, – буркнул Курт и оттолкнул Ринку. – Беги, я их отвлеку!

«Я тоже, мама! Я тоже их отвлеку!» – радостно завопил Фаби у нее в голове, и тут же лабораторию огласил душераздирающий драконий рев в сопровождении треска и грохота.

«Тонковата была клетка», – подумала Ринка, пробираясь между двумя искрящими машинами и стараясь не дышать густым дымом с запахом паленой изоляции.

– Берцель, я здесь! – слышался голос Курта, захлопали выстрелы, в ближайшем агрегате что-то взорвалось...

...и Ринка провалилась в темноту, едва успев почувствовать удар по голове...

Виен, Астурия, площадь перед Академией Наук

Людвиг

Людвиг машинально схватился за голову, ощущая боль Рины как свою, а вместе с болью – ее страх и недоверие. Огляделся, пытаясь понять, кто он и где находится, и наткнулся взглядом на бегущую к нему сестру.

– Анна? Какого?..

– Антуан! Антуан!.. – словно не видя Людвига, сестра бросилась к окровавленному де Флеру, которому Тори перевязывала плечо обрывком своего платья.

– Мир сошел с ума... Фаби, куда и зачем несут мою жену?

– В Долину Драконов, папа.

– Нам нужно с ними. Превращайся, малыш.

Через мгновение рядом с Людвигом снова был синий дракон. Он припал на передние лапы, подставил шею, и Людвиг привычно, словно всю жизнь летал на драконах, взобрался на него.

– Куда тебя опять несет, братец? – перекрикивая топот полицейских и панические вопли Анны, спросил де Флер.

– К драконам. Скажи Герману, что я взял отпуск!

– Подожди меня! – вскочила на ноги Тори. – Я с тобой!

– Ты?..

– Там Петер! Людвиг, пожалуйста! Я должна быть рядом с ним!

На мгновение замерев, Людвиг окинул взглядом сцену: де Флер уже обнимается с Анной, Тори решительно пробирается между обломков к дракону, и не менее решительно к ним бегут бойцы родной Оранжереи во главе с Германом...

– Залезай быстрее, – Людвиг протянул руку Тори, подхватил ее – и Фаби с радостным курлыканьем взмыл в небо, едва не задев Германа.

– Бастельеро, какого демона! – донеслось с земли. – Вернись немедленно, ты нужен здесь!

– Я тебя не слышу! – во всю глотку проорал Людвиг.

Дракон поддержал его радостным ревом и устремился вслед за едва четырьмя едва видимыми на горизонте крылатыми силуэтами

Глава 23, об узах и проклятиях

Рина

Первым, что она увидела, было голубое небо вверху. Вторым – то же самое небо, только со всех сторон. На миг показалось, что она падает, внутри все сжалось от инстинктивного страха, но тут до нее дошло, что под ней – что-то твердое и скрипучее.

Осторожно, чтобы не свалиться в облака, проплывающие внизу, Ринка пощупала это твердое пальцами и повернула голову. Слава богу, твердое оказалось сухой и скрипящей от старости древесиной, а между ней и облаками нашелся даже каменный барьер. Низкий, обломанный и ограждающий лишь часть башни, но все же, все же!

Еще осторожнее сев, Ринка обхватила себя за плечи – холодно! – и огляделась.

Судя по виду обломанной стены, это была очень старая и заброшенная сторожевая башня. Где-то на вершине горы. Как Ринка сюда попала, она не помнила от слова совсем. Может быть, доктор Курт сумел открыть портал и сбежать вместе с ней?

Ощупав голову – последним, что Ринка помнила, был удар по голове – она убедилась, что крови нет, только шишка. Болезненная, но не смертельная. Еще понять бы, где она? И есть ли кто-нибудь рядом?

Прислушавшись к завываниям ветра, Ринка различила какой-то скрип внизу. Скрип и шаги. Здравый смысл подсказывал, что стоит затаиться, а лучше – сбежать. Вот только куда? Слева – облака, справа – облака, далеко впереди – торчащие из облаков скалы. А позади... Обернувшись, Ринка увидела все те же облака, цепляющиеся за скалы, и далеко-далеко внизу что-то зеленое, вроде мха. М-да, отличный выбор! Просто роскошный!

Зажмурившись, Ринка велела себе прекратить истерику. Утерла выступившие от ветра слезы рваным рукавом и встала, держась за обломок стены. Чертовски ненадежный обломок. Но сидеть тут и ждать? Нет уж, хватит.

Она почти добралась до пролома в полу, когда оттуда показалась чья-то замотанная окровавленной тряпкой голова. Первым побуждением Ринки было стукнуть по этой голове со всей дури, а потом только разбираться, кто это такой. Но она вовремя вспомнила, что именно такой тряпкой бинтовали доктора Курта.

От облегчения она чуть снова не заплакала, шагнула к пролому – и,

ногу пронзила резкая боль.

– Черт! – схватившись за стену, Ринка зажмурилась. Из-под век потекли-таки предательские слезы. И в довершение неприятностей обломок стены, за который она держалась, пошатнулся и выскользнул из-под ее руки со страшным пыльным шорохом.

Ринка только и успела, что вскрикнуть от ужаса, как ее поймали сильные руки.

– Убиться, когда мы почти у цели, было бы крайне глупо, ты не находишь? – с такой знакомой иронией сказал Курт, ставя ее обратно на пол.

– В самый раз, – сердито буркнула Ринка, опять утирая слезы рукавом. – Это вы почти у цели, а я одна, в чужом мире, и понятия не имею, в чьей игре опять играю роль пешки! Как вы мне надоели, Петер, если бы вы только знали!

– Догадываюсь. Посиди-ка спокойно, я все же принесу тебе воды.

Машинально опустив взгляд, Ринка увидела валяющуюся на полу жестяную кружку. Вылившаяся из нее вода быстро впитывалась в пересохшие щелястые доски.

Сглотнув насухую, Ринка опять зажмурилась. Пить хотелось зверски. Почти как поубивать Курта, Берцеля, драконов, Гельмута с Германом, Людвиг... даже Рихарда, чтобы им всем икалось!

– Дыши, просто дыши, – прохладные ладони легли на ее виски, по телу пробежала короткая судорога... и ненависть ко всему несправедливому миру слегка утихла. – Это стресс, это пройдет. Ты разумная девочка, Рина, ты справишься.

– А у меня есть выбор?

– Конечно же, есть. Скоро вернутся драконы.

– К черту драконов, к черту вас всех, – Ринка оттолкнула Курта и закрыла лицо ладонями. – Просто оставьте меня в покое, пожалуйста. Я устала от этого всего. Я так устала...

Курт ничего не ответил. Послышались шаги, скрип лестницы, затем где-то внизу звук льющейся воды, и снова шаги. Вскоре ей в руки ткнулась прохладная влажная кружка.

– Пей.

Безумно хотелось треснуть этой кружкой Курта по голове, но пить хотелось больше. Захлебываясь, обливаясь, она выпила все до дна, и только тогда подняла взгляд на Курта. Взъерошенного, постаревшего и уставшего не меньше нее.

– Вы можете сделать портал в Виен? Я хочу домой. Пожалуйста.

– Извини, не могу. Я пуст, как твоя кружка.

– Черт. – Ринка подняла взгляд к облакам. – И долго нам тут сидеть?

– Честно, понятия не имею. Драконы ничего не сказали, просто сбросили нас сюда. Думаю, они вскоре вернутся. Вряд ли они принесли нас в Долину драконов из спортивного интереса.

– Честно, мне все равно, Петер. Я просто не хочу больше во всем этом участвовать. Это все слишком... слишком... зачем вы вообще меня притащили в этот мир? И не надо про этих ваших слышащих, наверняка кто-то есть и поближе!

– Может быть и есть, но я не нашел. Мне жаль, что так получилось, Рина. Поверь, я не хотел тебе навредить.

– Конечно, не хотел. Тебе просто было наплевать на все, кроме науки. Или не только науки? Скажи мне, Петер, каково это – играть людьми, как куклами? Ради науки, власти, справедливости... какие еще у тебя великие цели?

– Пожалуй, ты перечислила все, – мерзавец был совершенно невозмутим, даже улыбался. – Разве что упустила славу и богатство, но это же по умолчанию включено во власть над миром.

– Не смей надо мной смеяться!

– Рина, Рина, – он покачал головой. – Я же доктор Зло, мне положено смеяться над силами добра и света. Иди сюда, тебе надо еще поспать.

– Поспать?.. – опешила Ринка.

– Именно, – кивнул Курт. – Ложись, а я пока расскажу тебе сказку. Давным-давно, на самом краю вселенной, жили-были драконы...

– Ты издеваешься.

– Ни капельки. Ложись же. Или силам добра не положено отдыхать?

– Курт, ты...

– Я тоже устал от всего этого. Мне, между прочим, скоро стукнет сто пятьдесят лет, девочка моя. И дело всей моей жизни сегодня или закончится пшиком, или, наконец, принесет плоды.

– Ладно, я... просто расскажи мне, как будто все уже закончилось. Как будто я твоя студентка, а ты читаешь лекцию по истории.

– Договорились. – Курт помог Ринке улечься головой к нему на колени, положил ладонь ей на лоб. – Итак, тема нашей сегодняшней лекции, господа студенты: роль доктора Курта в восстановлении отношений между людьми и драконами. Как вам известно, разрыв отношений случился по вине ордена массенов, поэтому и восстановить их должны были массены. Доктор Курт вступил в орден еще в студенческие годы, и путем интриг, подкупа и шантажа быстро стал его главой. Кто-то скажет, что его избрали

честным голосованием, за его вклад в развитие и восстановление знаний о драконах, но это, конечно же, неправда. Также слухи о мудрости и добродетели доктора Курта сильно преувеличены. Он был ужасным человеком, именно о нем в параллельных мирах снимали кинофильмы, изображая...

Ринка тихонько хихикнула. Надо же, оказывается, у доктора Курта есть чувство юмора! А его самоирония просто очаровательна. Похоже, Тори сделала правильный выбор... если она жива, конечно.

А Курт тем временем рассказывал: о поисках и ошибках, о надеждах и провалах, о сотнях экспериментов – неудача за неудачей, и лишь упрямство и вера в торжество науки не позволяла ему отступить, признать поражение. И вот, наконец, он сумел восстановить артефакт, позволяющий найти слышащую. объездил половину мира... и ничего. То ли артефакт не удался, то ли слышащих больше не рождалось. И совершенно случайно артефакт оказался рядом во время очередной попытки создать межмировой портал...

– ...он сработал. Современники утверждают, что ученые мужи подрались, выясняя, кто из них шутит подобные непристойные шутки. Однако на самом деле, конечно же, все было не так...

Целая серия экспериментов, шесть лет поисков в чужом мире – и вот, наконец, она найдена. Обыкновенная девчонка, читавшая о драконах лишь в сказках. Одна из четырех слышащих в соседнем мире и единственная подходящая. Остальные три – глубокая старуха, подросток-шизофреничка и бизнес-леди с характером аллигатора.

– ...явившись к ней, доктор Курт провозгласил: ты Избранная, о прекрасная дева, и когда рука твоя коснется меча в камне, заговорит тот камень человеческим голосом...

– Вы что-то путаете, герр профессор, – лениво пробормотала Ринка. – Не меч в камне, а опилки в голове.

– Опилки – это более современная версия. Имейте уважение к делам давно минувших дней, господа студенты, – «строго» ответил Курт. – Итак, дева явилась, чтобы воззвать... Короче говоря, она провалилась в совсем другой портал и попала не во Франкию, а в Астурию, и все пошло наперекосяк. Для начала доктор Курт прозевал заговор у себя под носом. Один из учеников, уставший ждать, когда же дедуля освободит теплое местечко главы ордена, нашел некую запись самого Массена о крайне интересном эксперименте...

Слушая об управляющем контуре, который испытывали сначала на животных, а затем и на людях, Ринка смотрела на облака и думала: эти безумные ученые вообще знают слово «этика»? Что наши, что здешние,

одинаковые маньяки. Хорошо, что Берцеля больше нет.

– ...лишь пепел остался от нечестивой лаборатории, – в голосе доктора Курта проскользнула горечь. – Результаты пяти десятилетий работы сожжены драконьим пламенем. Три десятка ученых погибли, но разве важно, что только меньше половины из них была заговорщиками? Что лишь несколько из них всерьез увлеклись безумным прожектором порабощения драконов? Главное, что теперь никто не сможет повторить эксперимента с управляющим контуром, который и так обречен был на провал. Ты не спишь еще, Рина?

– Почти сплю. Мне жаль, Петер. Правда, жаль.

– Терять учеников – почти как детей. Надеюсь, тебя минует эта участь. А теперь спи, Рина.

Второй раз она проснулась в нормальной комнате, на нормальной постели. Рядом с ней, поверх одеяла, дремал Фаби. Несколько секунд Ринка рассматривала мальчика – спутанные золотые локоны, тени от длинных ресниц на нежных щеках, блуждающая по губам сонная улыбка. Ужасно трогательная картина! Правда, привычной нежности почему-то не было, а была пустота. Наверное, Ринка слишком хорошо помнила, кто толкнул ее в портал, ведущий в лабораторию.

И разговор с Куртом на вершине сторожевой башни тоже помнила.

И недели, проведенные в чужом мире, тоже.

Все это казалось сейчас сном. Местами веселым, местами страшным, но в целом – совершенно нереальным. Примерно как алая драконья морда, заглядывающая в широкое французское окно.

«С добрым утром, Рина», – прозвучало в ее голове.

– С добрым, господин дракон, – устало ответила она. – Вам ведь что-то нужно? Говорите сразу, без церемоний.

«Могу я зайти?»

– Я не одета... впрочем, не имеет значения. Заходите.

Французское окно распахнулось, и в комнату шагнул мужчина. Ринка отстраненно подумала, что таких красавцев даже в Голливуде трудно найти, причем не сладко-голубой красавчик, а истинный мужчина. Смуглый, с резкими чертами, угольно-черными волосами... не только на голове – в распахнутом вороте белой рубашки тоже виднелась черная поросль. А вот синих джинсов и рыжих мокасин Ринка увидеть никак не ожидала.

– Будем знакомы, Аш, – кивнул дракон, усаживаясь в кресло, стоящее рядом с кроватью. – Кофе? Или чего покрепче?

– Кофе. Вы говорите по-русски?

– Да. Выучил ради вас.

– Какая честь! – хмыкнув, Ринка села на постели, уже без удивления отметив, что одета в свою любимую голубую пижаму с Эйфелевой башней. – Я польщена просто безмерно.

– Счастлив угодить прекрасной леди, – так же ернически кивнул дракон и подтолкнул к ней (по воздуху, выпендренник хренов) невесть откуда взявшийся поднос с капучино и шоколадным круассаном.

Несколько секунд висело молчание: Ринка задумчиво пила кофе и рассматривала интерьер. Нормальный интерьер богатого европейского или американского дома: максимум света и пространства, кожаные диваны, плазма на стене, колонки по углам. Светлый ковер на паркетном полу. Навесные потолки со скрытыми светильниками.

Вот вам и драконы.

– И никаких вопросов? – нарушил затянувшееся молчание Аш.

Ринка лишь пожала плечами и отпила еще кофе. Зачем задавать вопросы? Она зачем-то понадобилась драконам, значит, сами все скажут. Или не скажут, но тогда и спрашивать не имеет смысла.

– Вы удивляете меня, Рина. В Виен вы вели себя совершенно иначе.

– А в Москве – совсем по-другому, чем в Виен, – снова пожала плечами Ринка. – Это или высокая адаптивность, или стресс. Выбирайте сами.

– Адаптивность, – кивнул Аш. – Свойство потомком драконов.

– Сейчас будет сцена «Люк, я твой отец»?

– О нет, мы не такая близкая родня.

– Ладно, выкладывайте, за каким чертом вы все это устроили. Научный эксперимент? Подопытные кролики? Сказку про избранную деву я уже слышала, повторяться не стоит.

– Упрямая, вредная колючка.

– Именно. Совершенно непригодная для нормальной работы. По этому случаю предлагаю отнести меня обратно в Москву, выплатить компенсацию, командировочные и подъемные, и на этом распрощаться.

Дракон рассмеялся. Искренне, заразительно. Впрочем, Ринка не заразилась. Ей совершенно не было смешно. Грустно тоже. Ей было никак.

– Прекрасный ход, браво. Но вернуть вас в родной мир нельзя.

Врет, поняла Ринка. Нагло и беззастенчиво.

– То есть не хочется.

– Вы нужны здесь. Контакт цивилизаций невозможен без слышащей. Видите ли, люди и драконы...

– Отлично могут общаться и без меня, чему свидетельство – Людвиг и Фаби. Кстати, он как-то слишком крепко спит.

– А, пусть спит, ему полезно. Вы не совсем правы, Рина. Сейчас Людвиг и Фаби понимают друг друга...

– А также Фаби прекрасно понимает всех, кого хочет понимать.

– Да, не перебивайте меня, – тон Аша стал жестче. – Благодаря вам общение стало возможным, но сейчас в этом мире только один всадник, этого категорически недостаточно для гармоничного взаимодействия. У вас с Людвигом сложилась прекрасная пара, и ваши потомки положат начало...

– Нет, – оборвала его Ринка. Спокойно, не повышая голоса.

– Почему, Рина? Вы получили все, о чем мечтали. Вы снова поете, у вас появились друзья, семья, интересное дело, невероятный простор для научной работы. Живите и наслаждайтесь!

– Все, кроме свободы выбора, Аш. Но без нее все это ничего не стоит.

Ринка хотела было добавить «и без любви», но не стала. Таким несерьезным материям нет места в деловом разговоре.

– Вот это вы зря, Рина. Вы любите Людвига, он любит вас. Разве не об этом вы мечтали? Вспомните, как были счастливы с ним.

– Сказал дьявол-искуситель, – Ринка покачала головой. – Хватит с меня обмана. Нужны слышащие – размножайтесь сами. Ваши дочери, Аш, будут куда сильнее меня. Так что мой ответ: нет.

– Не надо так резко, Рина. Вы устали, перенервничали, вам надо отдохнуть и подумать. Встретиться с Людвигом. Поговорить. Он уже второй день рвется к вам, весь извелся, бедняга. Еще немного, и от его нетерпения пострадает мой дом.

– Плевать я хотела на ваш дом и ваши интриги. Я сделала то, что от меня требовалось, все, эксперимент окончен. Верните меня домой.

– Вы уверены? В родном мире вам не стать герцогиней. Да что там герцогиней, ваш потолок – старший научный сотрудник или учительница ботаники в средней школе.

– Зато я выберу это сама. Честно.

– Участь старой девы?

– А вам не плевать, Аш? Старой, молодой, деревянной, лишь бы подальше от вас. Я наелась приключений и интриг на всю жизнь. Верните меня домой.

– Хорошо. Одевайтесь, и пойдем.

Ринка на миг опешила. Что, вот так просто? Не будет сказок об избранности, песен о предназначении, истинной паре и прочей лабуде для озабоченных дев? Даже коммерческого предложения не будет?.. Не то чтобы хотелось, но...

– Выйдите. Я буду готова через десять минут. И позвольте Фаби

проснуться, некрасиво уйти, не попрощавшись с ребенком. Хотя он и такой же манипулятор, как вы.

– Ну что вы, Рина. Фаби – специалист куда более высокого класса, – улыбнулся Аш.

Глянув на сопящего мальчишку, Ринка тоже невольно улыбнулась. Все же приключение было интересным. А когда у нее родится сын – она назовет его Федей. Особенно если он выйдет таким же белобрысым.

Фаби проснулся, как только Аш покинул комнату – через то же самое окно, выходящее на террасу.

– Мама! Мама! – взвизгнул он и бросился ей на шею.

Обняв его, Ринка поцеловала пахнущую цитрусовым шампунем пушистую макушку.

– Привет, малыш.

– Наконец ты проснулась! Идем, я тебе что покажу! Ну идем же! – Фаби уцепил ее за руку и потянул к окну. – Я теперь совсем большой дракон! Я Людвига принес! И Тори! А как мы тебя спасали! А как...

– Тише, Фаби. Прости, но покажешь как-нибудь... в общем, я возвращаюсь в свой мир.

– В смысле возвращаешься? Ты что, бросаешь нас с папой? – на глазах мальчишки показались слезы, крупные, как вишни.

– Не бросаю, а возвращаюсь домой. История окончена.

– Но как же я? Как же мы? Ты же обещала!

– Ты дракон, Фаби, и можешь приходить ко мне, когда захочешь. Я по-прежнему тебя люблю, но не могу тут оставаться. Этот мир мне чужой.

– Не чужой! Он наш! Наш мир! Не бросай нас, мама!

– Упрямый мальчишка, я тебя не бросаю. Хочешь, пошли со мной? Я покажу тебе университет, познакомлю со своим папой. Покатаю на быстром мобиле. Хочешь?

– Не хочу, – надулся Фаби. – Это все потому что Людвиг, да? Потому что он тебе не сказал про задание, да?

– Нет. Это потому что я хочу домой. Нельзя вот так просто взять и вырвать человека из его родного дома, даже не спросив, а хочет ли он. Это не лучше, чем управляющий контур, который изобретал доктор Берцель. Ты же не хотел, чтобы тобой кто-то управлял?

– Это совсем не то! Как ты можешь сравнивать! Ты свободна и сама решаешь, что делать!

– Вот именно. И я решила вернуться домой. К папе. К своей учебе. К своей жизни. Ты же понимаешь меня, Фаби?

– Я не понимаю тебя, Рина.

Ринка вздрогнула и подняла глаза на Людвига. Когда он вошел, почему она не услышала?

– Все ты понимаешь, – сжав кулаки за спиной, Ринка вздернула подбородок и посмотрела ему прямо в глаза. Черные, холодные некромантские глаза. – Можешь засунуть брачный контракт себе в задницу. Себе, Гельмуту и Герману. Вместе с моим планшетом и учебниками, которые лежат в комод. Твое задание выполнено, полковник Бастельеро.

– Рина, причем тут задание? Какое это вообще имеет значение? Ты моя жена, я...

– Замолчи, Людвиг. И не приближайся! Черт вас знает, магов, что вы там мухлюете. Я не хочу так! Слышишь, не хочу! Я сама решаю, за кого мне выходить замуж и выходить ли вообще! Я не хочу, чтобы меня охмуряли только потому, что я знаю что-то ценное или могу дать нужное родине потомство! Я... Я возвращаюсь домой, и точка.

– Рина, послушай меня, пожалуйста. Рина! – Людвиг решительно зашагал от дверей к ней, и Ринка машинально попятилась, чтобы не допустить снова, опять...

– Не прикасайся ко мне! – вскрикнула она, выставив вперед ладони, и Людвиг вдруг остановился, словно наткнувшись на невидимую преграду. – Уйди, просто уйди. Я не хочу тебя видеть.

– Мама, зачем ты так? – всхлипнуло рядом.

– Затем, что так надо, Фаби. Прости, – она погладила мальчишку по голове, но он отдернулся. – Ладно. Выйди, Людвиг, мне надо одеться.

Некромант, глядящий на нее с каменным лицом, молча развернулся и вышел прочь, аккуратно прикрыв за собой дверь. Следом за ним, через две секунды, выбежал Фаби.

Ринка едва не рванула вслед за ним, такая острая жалость полоснула по сердцу. Ее сын, ее маленький дракончик, страдает!..

Тот самый дракончик, который пихнул ее в портал ради своих шпионских игр. Который и словом не обмолвился о своем собственном задании.

Он ее пожалел? Когда ее чуть не убили заговорщики, где они все были? Интриговали? Шпионили? Расследовали? Приключались по полной?

К черту. Хватит. Она хочет жить спокойной нормальной жизнью без лжи. И с нормальным мужчиной, а не чешуйчатым монстром, взглядом роняющим люстру и превращающим дворецких в зомби.

Быстро натянув нашедшиеся на вешалке у кровати джинсы, рубашку и куртку, обув кроссовки и повесив на плечо сумку с невесть как тут оказавшимся бумажником и паспортом, Ринка позвала:

– Аш! Я готова, идем!

Дракон даже не показался. Просто перед Ринкой возник зеркальный эллипс, чуть потрещал, показал знакомую обстановку папиной квартиры... и Ринка, запретив себе оборачиваться, шагнула в него.

Глава 24, об одной и той же реке

Научный городок РАН Черноголовка. Дом ученых

Рина

Большой зал Дома Ученых сверкал и переливался новогодними гирляндами, из колонок звучали «Абба», Тото Кутунью, «Бони-М» и прочее милое сердцам докторов и кандидатов ретро, звенели бокалы и гудели радостные голоса. Ринка бездумно фланировала по залу, то и дело здороваясь со старыми знакомыми. Она вернулась в родную Черноголовку впервые с окончания школы, и вернулась совершенно неожиданно для себя самой.

Оказалось, что ей совершенно не с кем провести новогоднюю ночь. От Петра она, разумеется, съехала – он слишком напоминал ей доктора Курта, при этом слишком уж до него не дотягивал. Попытка завести роман с аспирантом родной биологической кафедры провалилась с треском: первый же поцелуй убедил Ринку, что они друг другу категорически не подходят. В общем-то, ей было неплохо и без мужчины. Конечно, пришлось найти работу и снять комнату на двоих с едва знакомой первокурсницей из Липецка, но это были такие мелочи! Как и то, что пришлось нагонять программу за почти месяц отсутствия. Учиться Ринке нравилось, тем более что после визита в Астурию ее отношение к науке резко изменилось. Даже, пожалуй, отношение к жизни. Она научилась радоваться тому, что имеет и не мечтать о волшебных принцах. Зачем ей принцы, точнее, когда ей принцы? Учеба, работа и параллельно занятия вокалом с консерваторским педагогом занимали все ее время, так что на принцев не оставалось ни секунды. Она едва успевала спать.

Остановившись напротив темного окна, за которым взблескивали редкие фейерверки, Ринка осторожно потрогала пальцем загоревшиеся щеки. Вот зачем она подумала о сне? То есть о снах?

Она очень старалась их не помнить. Даже освоила методику очищения сознания. Вот только тело не желало ничего забывать, и каждое утро Ринка просыпалась на влажных сбившихся простынях, в жаркой истоме и с чужим именем на губах.

Нет. Она не произнесет этого имени даже шепотом. Все, эта страница ее жизни перевернута, а книга закрыта. И вообще, Астурия ей приснилась.

Опустив взгляд на левую руку, Ринка вздохнула. Поверить в сон было бы куда проще, не останься на ее запястье фамильный браслет Бастельеро.

Платина, черные сапфиры и хризолиты. Продав браслет, она могла бы купить скромную однушку на окраине Москвы. Она не раз тянулась его снять, и каждый раз что-то ее останавливало. Может быть, простое женское желание иметь невероятно прекрасное украшение? Правда, однокурсницы все как одна твердили, что подобная бижутерия сейчас не в моде, но что бы они понимали в драгоценностях!

Проведя по браслету пальцем, Ринка вздохнула. Да, не блистать ей больше на королевских балах. Но чем хуже Дом Ученых? Тем более, очередная папина разработка внезапно заинтересовала правительство, папа получил грант немислимых размеров и его чуть ли не собрались номинировать на Нобелевскую премию. Тема была настолько сложная, что Ринка даже не взялась бы ее произнести, но в смысл был прост донельзя: ген вечной молодости. Ну, так его называли газетчики, а на самом деле – всего лишь препарат, дающий возможность жить несколько дольше. В теории – лет на тридцать. И стареть гораздо медленнее. Разработка пока была в стадии апробации на животных, жутко засекречена, к папе постоянно наезжали какие-то комиссии, чиновники, депутаты и иностранные шпионы, называющиеся инвесторами, и ему было совершенно не до дочери. Он, кажется, даже не заметил толком ее отсутствия. По крайней мере, когда Рина вернулась домой, он даже ничего не спросил.

Она тоже не стала выяснять подробности. Доктор Курт обещал, что папа не будет волноваться – и папа не волновался. Все хорошо.

Все просто отлично.

Она молода, красива, талантлива и уверена в себе. У нее прекрасные научные перспективы...

«Ваш потолок – учительница биологии в средней школе», – как наяву, прозвучали слова алого дракона.

А вот хрен тебе во всю чешуйчатую морду! Никакой школы. Ее ждет работа в папиной лаборатории. Потому что она не знает слова «невозможно» и учить его не собирается! У нее получится все, что только захочется, и безо всякой магии.

– Прелестная незнакомка, позвольте пригласить вас на танец, – раздался позади нее смутно знакомый тенор.

Ринка обернулась с вежливой улыбкой и несколько мгновений рассматривала смазливового юнца, своего ровесника, блистающего голливудской улыбкой. Его модная стрижка и манера небрежно носить оксфордские пиджаки казалась такой знакомой...

– Рина? – его улыбка от удивления едва не погасла, но тут же засияла

еще ярче. – Я тебя не узнал, богатая будешь.

Его взгляд скользнул по ее браслету, и судя по заинтересованно сверкнувшим глазам, он не принял его за бижутерию.

– Я тебя тоже не сразу узнала, – совершенно честно сказала Ринка, до которой наконец дошло, кто же это такой. – Не ожидала тебя увидеть в нашей глуши, Влад. Ты же должен быть в США.

– Приехал на каникулы к родителям. Ты, я вижу, тоже?

– Только на Новый Год. Папа...

– Я слышал, Николаю Васильевичу собираются дать институт. Поздравляю.

– Собираются, – пожала плечами Ринка. – Но вряд ли он возьмет, административная работа ему скучна.

– Потанцуем? – от Влада так и разило самодовольством.

– Нет. У твоей мамы слабое сердце, Влад, не расстраивай ее.

– Не волнуйся, мама не против.

– А я и не волнуюсь. Просто не хочу, чтобы мне наступали на ноги. И не собираюсь приглашать тебя к нам с папой.

– Я всего лишь хотел тебя подбодрить, – он сердито раздул ноздри и прищурился. – Ты опять одна. Так и не научилась нормально общаться в своем МГУ.

Ринка поморщилась.

– Давай сделаем вид, что ты сказал все те гадости, что сейчас вертятся у тебя на языке, получил по морде, очень обиделся и ушел, проклиная глупую меня, не ценящую своего счастья, ага? Вот прямо сейчас ушел.

– Ты...

– Счастливого Нового Года, Влад, – улыбнулась ему Ринка, легонько толкнула в плечо и скользнула мимо, к группе коллег, окружающих отца.

– Рина, да подожди ты!.. Я хотел извиниться!..

– Папа! – она проскользила сквозь группу ученых мужей, как нож сквозь масло. Или как очаровательная женщина сквозь восхищенную публику. – Здравствуйте, Семен Федорович, Александр Борисович, здравствуйте!.. Папа!

Папа, в честь праздника надевший любимый костюм, купленный пару лет назад в Милане на распродаже (отпуск с дочерью, шоппинг как лекарство от депрессии), улыбнулся и протянул к ней руки.

– Тебя еще не украли, моя принцесса?

– Испугались грозного тебя, – Ринка обняла отца. – А вот бабулю украли. Если не ошибаюсь, на партию в покер.

– И останемся мы к утру без штанов, – хмыкнул папа, целуя Ринку в

лоб. – Скажи бабуле, чтобы не играла с американцами на мою лабораторию. Но только потом, потом скажешь! Сначала надо потанцевать.

– Ты сегодня танцуешь? Папа, не может быть!

– Не я, что ты. Ты же знаешь, не люблю я этого дела. А вот мои немецкие коллеги...

– Папа! Опять! Ты же обещал.

– Правда? Что-то не припомню, склероз, наверное.

– Папа!..

– Рина, это всего лишь танец. Я не продаю тебя в гарем, – отец смеялся, а вот Ринке было не до смеха. С некоторых пор ей совершенно не хотелось знакомиться с мужчинами. Тем более – с учеными. И тем более – с немецкими или австрийскими. – Познакомься, это герр Курт, я рассказывал тебе, помнишь? Наша переписка и совместные изыскания...

– Совместные?.. – Ринка судорожно огляделась, молясь про себя, чтобы имя оказалось всего лишь совпадением.

– Право, Рина, ваш батюшка преувеличивает мой вклад, – прозвучал до боли знакомый голос.

– Петер, вы... – обреченно вздохнула Ринка.

– О, вы знакомы! Какая приятная неожиданность! – обрадовался папа. – А где же герр... куда он делся?

– Наше знакомство было коротким, но весьма запоминающимся, не так ли, Рина?

– О да, запоминающимся, дальше некуда.

– Позвольте, – Курт предложил ей руку.

Ринке ничего не оставалось, как согласиться. Впрочем, стоило признаться: ей было отчаянно любопытно! Доктор Курт выглядел гораздо моложе и довольнее жизнью, чем в их последнюю встречу. Наверняка договорился с драконами.

– Так что за совместные изыскания, Петер? – спросила она, когда они отошли на танцпол. Медленная баллада позволяла спокойно разговаривать, лишь слегка двигаясь в такт музыке.

– О, у нас с твоим батюшкой большая программа исследований! Вообще-то я зову его в свою Академию. Собираю новую научную группу. Генетика – чрезвычайно перспективное направление. Когда ты сказала про экспрессию генов, меня осенило! И вот он, результат.

– То есть ты хочешь сказать, что «ген вечной молодости» – ваша совместная разработка?

– Нет, что ты. Я всего лишь подкинул идею. Видишь ли, в генетике много общего с пространственной магией, и если посмотреть на ДНК

несколько иначе, можно увидеть много интересного. Что и сделал твой отец. Гений, совершенный гений!

– погоди, ты собираешься пригласить папу в Астурию?!

– Ну да. Драконы были так любезны, что помогли мне с опорными точками для перемещений, и теперь путешествие между нашими мирами совсем не проблема.

– О боже. Только не туристы!

– Никаких туристов, упаси Единый. Только наука и дипломатия, все под строжайшим контролем драконов. Мы не хотим повторить ошибок прошлого. Не все технологии можно совмещать. Впрочем, тебя это вряд ли интересует. Ты же отказалась от их предложения.

– Отказалась и не передумаю, – она мягко улыбнулась. – Скажи мне, что там мадемуазель Бальез?

– Нет никакой мадемуазель Бальез, – глаза Курта задорно блеснули. – Есть фрау Виктория Курт, моя обожаемая супруга и помощница.

– Уже?.. – почему-то Ринке стало немножко грустно.

– Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на сомнения. Я сделал Тори предложение в тот же день, как она появилась у драконов.

– И она, разумеется, согласилась.

– Конечно. Тори – изумительно разумная и практичная девушка. Само совершенство. Кстати, она передавала тебе привет и просила напомнить, что ты обещала зайти к ней посплетничать.

– Петер!

– Что Петер? Тори попросила, я сказал. Дальше выбор за тобой. Но не кажется ли тебе, что закрывать глаза на реальность несколько недальновидно?

– Не кажется. То есть я не закрываю. Я просто живу, учусь. Вот с тобой танцую. У меня все отлично, Петер, так и передай Тори.

– Разумеется, передам. Но вообще-то я хочу пригласить не только твоего отца, но и тебя. Ты можешь продолжать образование параллельно в университете и в моей Академии. Это же потрясающая возможность! Совмещать знания двух миров на стадии освоения!

– Эти безумные ученые, – усмехнулась Ринка. – Вы с папой ужасно похожи, ты знаешь?

– Разумеется. Возможно, у нас даже общие предки. Твоя бабуля – прекрасная женщина и безумно похожа на одну мою старую знакомую.

– О нет! – Ринка, смеясь, подняла руки. – Ваши любовные похождения, доктор Петер, оставьте при себе. Я не специалист по древней истории.

– Милая ехидна. Пойдем на воздух, здесь у вас редкостная духота. Если, конечно же, я не помешал романтическому свиданию вон с тем сахарным юношей. Арийский тип, твоя слабость, не так ли?

Ринка сердито фыркнула. Арийский тип? Конечно-конечно. Вот только снится ей почему-то тип черноглазый и черноволосый, похожий на Дворжецкого. И поцелуй его – даже близко не похож на арийские. Ни на чьи не похожи.

Великий Ктулху, ну почему она никак не может его забыть? Три месяца прошло! Три месяца! Если он не врал, если он в самом деле любил ее, то почему ни разу даже не попытался связаться? До разговора с Куртом Ринка еще могла врать себе, что его задерживают дела, что перемещение между мирами слишком сложно, да сто и одна отговорка, но сейчас-то пора посмотреть правде в лицо. Она была для Людвига не более чем инкубатором для наследников и источником информации о чужом мире. Теперь чужой мир весь на ладони, а для рождения наследников он легко найдет десяток девиц.

Все, хватит думать о нем. Хватит, я сказала!

– Не люблю избыток сахара, он вреден для здоровья. Идем на улицу. Сегодня обещали какое-то невероятное огненное шоу. Для вас, волшебников, сущие пустяки, а я люблю.

– О нет, сегодняшнее шоу – вовсе не пустяки. Идем же, сейчас начнется.

Ринка не успела удивиться, откуда Петер знает, когда начнется местное шоу, как на ее плечах оказался серебристый мех. Ужасно знакомый, пахнувший осенними листьями и немножко волшебством. Ринка хотела было отказаться, но остановила себя: не стоит обижать Петера. Он же хотел как лучше. Ну или опять манипулирует. А может быть хочет как лучше, и поэтому манипулирует, просто иначе не умеет. Непросто с этими безумными учеными полутораста лет от роду.

На площади крохотного городка уже собралась толпа взрослых и детей. В ожидании шоу люди переговаривались, играли в снежки, дети катались с огромной снежной горки в виде дракона – шедевре безымянного скульптора. Дракон отчаянно напоминал настоящего, даже перья на хвосте были.

– Странная фантазия, вроде же год собаки, – пробормотала Ринка, отворачиваясь.

– У нас – год дракона, – весело ответил Курт. – Смотри, начинается!

И в самом деле, в воздухе затрепало, засверкало, и все собравшиеся дружно задрали головы.

Шоу в самом деле оказалось потрясающим! Над толпой летали птицы, распускались цветы, танцевали невиданные звери, и все это – из сверкающих искр.

– Невероятно, – шепнула Ринка, машинально прижимая к лицу палантин из серебристой лисы. Он был таким теплым и нежным, что ей казалось – ее обнимают знакомые, ничуть не позабытые сильные руки, и родной голос шепчет на ушко что-то ласковое.

– Самое интересное впереди, – тоном заговорщика сказал Курт. – Смотри же, смотри!

Над площадью пронесся дружный «ах!». Ринка тоже не удержалась, ахнула и закрыла рот ладонью. Потому что снежный дракон поднялся, встряхнулся – и взлетел. На его шее виден был всадник. И они, дракон и всадник, принялись выписывать в воздухе петли, бочки и даже штопор. Дети и взрослые орали от восторга, фейерверки сверкали, где-то вопили потревоженные автомобильные сирены. А дракон, поднявшись ввысь, засветился ярче, с его хвоста полился поток искр, оставляя светящийся в небе след, и этот след превращался в буквы...

Латинские буквы.

«Ich liebe dich, Rina!»

Народ восторженно вопил и аплодировал, одна Ринка замерла, не в состоянии даже вздохнуть. Ей было и сладко, и страшно, и безумно хотелось поверить – это в самом деле ей. Именно ей. Не шутка, не издевка, не очередная манипуляция, а правда. И когда дракон спикировал с неба, заставив людей с радостными визгами разбежаться в стороны, и у самой земли взорвался ослепительным снопом разноцветных звезд, она по-прежнему стояла столбом, кусая губу и сжимая пальцами мягкий мех.

Всадник спрыгнул с дракона всего в десятке шагов от нее.

Сердце Ринки оборвалось и упало. Это был кто-то незнакомый, кто-то совсем обыкновенный! Джинсы, меховая куртка-пилот, тяжелые ботинки, снежинки на темных, очень коротких волосах. Лица Ринка разглядеть не могла, мешал туман, но это точно был не астурийский герцог. А что он шел к Ринке, было уже неважно. Ничего было не важно. Чья-то глупая шутка удалась на славу. А дракон, что дракон? Современные технологии. Иллюзии. Роботы. Неважно! Тем более что он все равно исчез.

Вот сейчас этот незнакомый мужчина пройдет мимо, мазнув по ней недоумевающим взглядом, найдет свою возлюбленную, и чья-то сказка начнется. Кому-то повезет. Не ей. Надо уже уйти, не позориться. Надо. Но ноги словно приросли к заснеженному асфальту. Наверное, она мазохистка, хочет испытать разочарование до дна. Зачем? А черт его знает.

Она все же сумела не заплакать. Даже улыбнуться. Отстраненно-вежливо. Потому что не надо портить людям праздник.

Мужчина, идущий к ней, тоже улыбнулся. Сверкнул ярко-синими глазами. И почему-то остановился перед ней.

– Рина? – прозвучал знакомый низкий голос. Неуверенно. Вопросительно.

Сердце снова оборвалось и тут же понеслось вскачь.

– Людвиг? Ты?..

– Я, – он приблизился еще на шаг, оказался почти вплотную, так что Ринка почувствовала его запах. Тот самый запах, с которым она просыпалась каждое утро. – Я ужасно соскучился по тебе. Можно пригласить тебя на свидание?

– Свидание?.. – заторможено повторила Ринка. Все происходящее казалось сном, галлюцинацией. Голливудской мелодрамой. Или романтической комедией?

– Да, свидание. У вас принято так ухаживать, я знаю. Так ты?..

– Почему бы нет, – отмерла Ринка.

– Мы могли бы покататься на драконе, а потом поужинать вместе. Или позавтракать.

Ринка немножко истерически рассмеялась. Позавтракать? После первого свидания? Вот теперь она определенно узнавала своего супруга!

– Я сказал что-то смешное?

– Да, ты... о боже, ты предложил мне провести вместе ночь на первом же свидании... Людвиг, ты...

– Да, правда? Ну, я не хотел... в смысле, не хотел делать тебе неприличных предложений. Но раз уж так получилось, позавтракаем вместе? Я безумно соскучился.

– Я... да, – для убедительности Ринка кивнула. Два раза. – Я тоже. Ты...

«Ты поцелуешь меня, наконец?» – хотела спросить она, но не успела. Людвиг сгреб ее в охапку и поцеловал. Медленно, жадно, словно ждал этого поцелуя так же долго, как она. Целую вечность.

А потом кто-то нетерпеливо дернул ее за рукав.

– Ну ма-ам! Сколько можно! Ну па-ап! – и на них упал сугроб.

– Фаби! Что ты творишь!

Ответом им с Людвигом был залиvistый мальчишеский хохот.

– А, герр Бастельеро, вот вы где! – не успела Ринка проморгаться от снега и порадоваться, что воспользовалась супер-водостойкой тушью, как послышался довольный папин голос. – Вы уже познакомились с моей

дочерью? Прекрасно! Идемте же... ох!

Снежок, пущенный меткой рукой Фаби, стукнул отца в грудь. И тут же еще один ударил Людвига, на сей раз – дело рук доктора Курта. Ринка тоже включилась в игру: они с Людвигом и Фаби против старшего поколения.

Эпическая битва, в которую втянулось едва ли не половина города, затихла лишь с первым ударом курантов. И тут же Ринку обняли с двух сторон: Людвиг и Фаби.

– Загадай желание, Фаби, – она стряхнула с золотистых мальчишечьих локонов снег.

– Зачем?

– Это наше волшебство. Что загадаешь на Новый год, непременно сбудется.

– Тогда я хочу, чтобы мы были настоящей семьей! И чтобы ты вернулась домой, а то папа без тебя грустный. И братика хочу! И сестричку! И рогатку! Папа, научи меня делать рогатку!

Ринка с Людвигом переглянулись и одновременно рассмеялись. Вот теперь все определенно было хорошо и правильно.

Черноголовка, квартира доктора Ланского. За час до рассвета

Рина

– Я знал, что вы передумаете, – раздался знакомый тихий голос.

Ринка вздрогнула и едва не уронила пакет кефира, который только что достала из холодильника. Людвиг уснул, а ей почему-то не спалось. Вот она и вышла на кухню, выпить кефира и немножко подумать о своем, о девичьем.

Ага, подумаешь тут, когда на твоей (ладно, папиной) кухне внезапно образуются драконы. Впрочем, испортить ее прекрасное настроение было не под силу даже десятку драконов.

– И вас с Новым годом, – вздохнула Ринка и села на табуретку. – Кефиру хотите?

– Не откажусь, спасибо.

Налив в две кружки, Ринка отпила из своей и невольно улыбнулась. Всего пару часов назад из этой кружки пил Людвиг. А прямо сейчас он спит в ее старой узкой кровати. И она совсем скоро вернется к нему, обнимет, и утром они проснутся вместе. Завтра и еще много-много раз.

– Так что вы хотели, Аш?

– Извиниться.

Ринка чуть не поперхнулась. Алый дракон знает такое слово? Чудеса!

– Ладно, я вас прощаю, – она махнула рукой. – За все оптом.

Аш тихо рассмеялся.

– Я правда рад, что вы возвращаетесь в Астурию. И я не такое чудовище, как вам показалось.

– Ага, вы совсем другое чудовище. Вам снова что-то от меня нужно?

– Ничего особенного, Рина. Всего лишь убедиться, что вы счастливы.

– Это-то вам зачем?

– Будем считать, что это мой личный научный эксперимент.

– И как, удачный?

– Есть шанс, что все получится.

Ринка допила кефир и вздохнула.

– Ладно, я вижу, что вам не терпится рассказать. Давайте, раз уж пришли.

– Скорее попросить. Не злитесь на Фаби, пожалуйста. Он не человек, хотя ему и хочется считать себя таковым. Он дракон, а мы – совсем иные. И он будет вести себя как дракон.

– Я уже догадалась, что он дракон.

– Вы смеетесь, это хорошо. Значит, не сердитесь на него?

– Нет.

– И вы по-прежнему готовы считать его своим сыном?

– Ну да. А что, вы против?

– Наоборот, я очень этому рад. Видите ли, Рина, драконам редко удается побыть детьми. И еще реже у драконов бывают любящие родители. Мы не рождаемся чистыми листами, как люди. Мы помним слишком многое, чтобы сохранять детскую свежесть восприятия. Но иногда, у особых счастливчиков, получается «забыть» лишнее и наслаждаться открытием мира заново.

– Насколько я вижу, Фаби это вполне удалось.

– Да. И у него есть шанс научиться любить, пока он не вспомнил все. Научите его. Я сам, к сожалению, не могу. Мне не дано.

– Почему не дано?

– Я слишком стар и слишком дракон, – улыбнулся Аш. – У нас любовь считается атавизмом, практически патологией. Я с этим не согласен, но я – лишь теоретик. А вы можете научить Фаби любить. Показать ему, что любовь это не болезнь, а настоящая гармония. И наш сын сможет вырасти полноценной личностью, а не холодным снобом, как все драконы. Вы сделаете это для него?

– Я не знаю, Аш, как научить кого-то любить.

– Просто, Рина. Просто любите сами и позвольте ему быть рядом. Любите его.

– Ладно, – пожала плечами Ринка и заглянула в пустую кружку. – Но

вы мне все же объясните, зачем драконам понадобилась именно я?.. Аш?

Когда она подняла взгляд, напротив никого не было. И если бы не вторая кружка из-под кефира, то она бы решила, что Аш ей приснился. Впрочем, какая разница, если он все равно не ответил.

Эпилог

Виен, Астурия. Королевский дворец

Гельмут

– Ты передал директору театра, что мы желаем видеть в главной роли только мефрау Лорелей, баронессу Ингебрудскую? – Гельмут отставил чашку утреннего шамьета и улыбнулся фаворитке, всего неделю назад получившей титул за свои выдающиеся достоинства.

– Разумеется, ваше величество, – склонился секретарь.

– Вот видишь, дорогая, вопрос решен. Нам не нужны франкские примадонны, ты – прекраснее всех.

Лорелей кокетливо поправила бант на выдающемся декольте.

– Ах, дорогой, моя благодарность будет просто безмерна! – она томно облизнула губы, давая понять, какую именно благодарность имеет в виду.

Гельмут был не против получить ее прямо сейчас, но секретарь по-прежнему стоял столбом и верноподданнически ел его величество глазами. Как всегда! Дела, снова дела и опять дела! Ни минуты на личную жизнь!

– Что там еще? – проворчал Гельмут, точно зная, что секретарь скорее позволит себя казнить, чем уберется с глаз долой и не сообщит чего-то важного. Впрочем, именно поэтому Гельмут дал ему дворянство платил жалованье больше, чем главе Оранжереи.

– Генерал Энн просит аудиенции, – секретарь снова поклонился.

Фаворитка игриво наморщила носик, предлагая Гельмуту не обращать внимания на досадное недоразумение и заняться кое-чем более приятным. Гельмут ей милостиво улыбнулся, мол, я ценю твои старания меня развлечь, и велел секретарю:

– Я приму Германа в кабинете. Сейчас же.

Шагая к кабинету и отмахиваясь от набежавших, словно тараканы, придворных подхалимов, Гельмут молился Единому, чтобы на сей раз Герман принес новости о Людвиге и драконах. Три долгих месяца прошло после позорной бойни в Академии Наук, три долгих месяца нервотрепки, бесконечных переговоров, встреч и лживых обещаний. Гельмут дипломатично лгал соседям, что у него все под контролем, лгал, что происшедшее в академии была частью плана по уничтожению заговорщиков, лгал, что они направляли драконов... Чтоб братца драконы отлюбили! Сбежал, а ему тут разбирайся! И ни одной весточки! Вот как в такой обстановке работать?

– И все равно я по нему скучаю, – буркнул король, заходя в кабинет.

– Мяу!

Кошка потерлась о его ноги, но в руки не далась. Станный иномирский зверь пришел через трое суток после отлета драконов, просто запрыгнул в окно спальни к рыдающему Отто и остался с ним. Наутро сын вышел к завтраку довольный и выспавшийся, впервые после того как пропал его друг Фаберже, а кошка со странным именем Собака стала тенью принца. Ни разу с тех пор Гельмут не видел, чтобы Отто появлялся без Собаки. Новый глава Академии, назначенный вместо доктора Курта, упрашивал одолжить зверя для изучения, но Отто отказал в категорической форме. Пожалуй, если бы наследник был не так хорошо воспитан, то устроил бы истерику: Гельмут видел, что Собака стала ему невероятно важна. Потому он приказал оставить зверя в покое.

– Привет, Герман, – кивнул король вставшему при его появлении генералу. – Плохо выглядишь.

– Я своими руками задушу Бастельеро, пусть только вернется, – потер глаза граф. – Я уже не знаю, что еще сочинять о том, куда делся Людвиг! Операцию по ликвидации ордена массенов мы закончили, спасибо Братству Ворона. Я позволил их некроманту превратить пару десятков массенов в зомби. Пусть на себе почувствуют то, что готовили для драконов. Жаль, Курт пропал бесследно. Но мы все равно его найдем! Еще мы взяли доктора Берцеля-старшего. – Герман поморщился и опустил глаза: чувствовал себя виноватым за то, что прозевал одного из главных массенов прямо под собственным носом.

Гельмут тоже поморщился. Он доверял герру Эмерику Берцелю больше, чем самому себе! Как он мог предать?! Тот самый строгий, мудрый и все понимающий наставник, который учил его самого, проводил с маленькими Гельмутом и Людвигом куда больше времени, чем их собственные отцы, тот, кому Гельмут когда-то поверял свои детские секреты, с кем делился самым сокровенным! Он – предал!

– Живым? – ровно спросил Гельмут и расслабил сжавшиеся сами собой кулаки.

– Живым, – так же ровно ответил Герман.

Сейчас им обоим равнодушие удавалось куда лучше, чем три месяца назад, когда первый же выживший массен радостно сдал и Курта, и его лучшего друга Берцеля, и все подробности разногласий между поколениями. Тогда Гельмут рвал и метал, требовал сейчас же, немедленно найти Берцеля-старшего и показательно казнить. Но сейчас... Гельмут – король и не имеет права на слабость. К тому же, Отто тоже любит своего

наставника, и для него будет трагедией его предательство. Нет уж. Сын не должен страдать там, где этого можно избежать.

– Берцель-младший?

– Погиб, как мы и думали. Драконы сожгли его во время нападения на Академию.

– Доставь герра Эмерика ко мне. Так, чтобы Отто этого не видел. Нет! – ответил Гельмут на незаданный вопрос. – Никакого помилования. Он предал, и... короче, Отто нужен наставник. Вернется Людвиг и сделает умертвие, мне всегда нравился его Рихард.

Оба замолчали, не желая озвучивать общее сомнение: а вернется ли?

– У меня предчувствие, – через минуту прервал молчание Герман.

– У тебя тоже?

– Следует ждать новостей.

– Надеюсь, это будет договор с драконами, а не очередное предложение брака! У меня больше не осталось свободной родни женского пола. Я выдал замуж всех, даже троюродных племянниц! Тетушка Эмма счастлива, а двор в шоке от ее новых интриг. Вот у кого железные нервы! Людвиг три месяца как пропал, а ей – хоть бы хны! Блится, дает приемы, ставит своих женихов. Даже жаль, что у меня нет заклятого врага, я бы непременно выдал тетущку замуж за него!

– А на ком бы ты женился сам, Гельмут? Ты по-прежнему самый завидный жених на континенте.

– Не напоминай, – вздохнул Гельмут. – Мне совершенно не до женитьбы! То драконы, то массены, то тетущка. Давай лучше выпьем.

Собственноручно достав из тумбы письменного стола тяжелую бутылку, Гельмут налил вина в два бокала и один протянул другу.

– За удачу!

– За нее, ветреную. И чтобы этот мерзавец, наконец, вернулся домой!

Дверь распахнулась, на пороге показался секретарь. Он только и успел, что начать:

– Герцог Ба... – как его буквально снес ворвавшийся в кабинет Людвиг.

– Братец, Герман! – мерзавец ухмылялся так радостно, словно его тут ждали.

Рука Гельмута дернулась, проливая вино прямо на мундир.

– Ах ты, сукин сын! Это было рейнское двадцать седьмого года! – Гельмут вскочил и бросился к брату. – Мерзавец, гад чешуйчатый!

– Я тебя тоже люблю, братец, – хмыкнул Людвиг, обнимая Гельмута.

– Папа, – из приемной послышался голос Отто, – Собака сказала, что... Уй! Йо-хо! Фаби! Ты вернулся!

– Простите, ваше величество, – тихо сказал секретарь, прикрывая дверь и отрезая доносящиеся из приемной топот и радостные детские вопли.

– Мальчишки, – с улыбкой произнес Людвиг. – Ну как, ваше величество, готовы вы принимать послов?

– В болото твои шуточки, где тебя носило, брат? Какого демона ты даже не написал! Где твоя жена?.. – Гельмут не успел задать и половины вопросов, как дверь снова открылась.

– Ваше величество, к вам посол! – доложил возмущенный нарушением протокола секретарь. – Неизвестной державы!

– Так ты не шутишь! Посол?..

Отодвинув промешкавшего секретаря, в кабинет вошел атлетически сложенный мужчина в алом сюртуке. Он тут же снял темные очки в золотой оправе, и на Гельмута глянули желтые, с вертикальными зрачками глаза.

– Позвольте представить вам Аша Ашшаса, главу клана воинов и биологического отца Петера Фаберже. Вы его знаете, как Алого.

Дождавшись, пока Людвиг договорит, дракон отдал вежливый поклон.

Король огромным усилием воли взял себя в руки, и они с Германом синхронно поклонились в ответ.

– Прошу вас, – Гельмут указал дракону на кресло.

Спокойный, внимательный взгляд скользнул по всем троим, и Аш сел.

– Благодарю, – голос у дракона был глубоким и приятным, но говорил он с явным акцентом. – Я не очень хорошо знаю ваш язык. Пусть рядом будет переводчик.

– Фрау Рина? – Гельмут обернулся к двери, надеясь на появление прелестной герцогини Бастельеро. Конечно же, он вовсе не собирался заводить интрижку с женой брата, но, сказать по правде, по ней он тоже соскучился.

Однако вместо фрау Рины в кабинет влетел Отто. Следом зашел Фаби и, поклонившись Гельмуту, встал за креслом драконьего посла.

– Не знаю, обрадует тебя эта новость или огорчит, но в твоем сыне пробуждается дар слышащего, – сообщил Людвиг. – Поэтому они и сдружились с Фаби, поэтому он слышит Собаку.

Кошка, которая сразу же запрыгнула на колени к Ашу, громким мявом подтвердила слова некроманта.

– А где Рина? – осторожно спросил Гельмут. – С нею все хорошо?

– О, да... с ней все отлично! – Людвиг мечтательно улыбнулся, и все взгляды обратились к дракону.

– Рад нашему знакомству, Гельмут, – произнес дракон. – Людвиг рассказал мне о вашем желании сотрудничать с драконами. Но у нас есть одно важное условия, от которого будет зависеть, удастся дружба между драконами и Астурией или нет.

Гельмут с трудом удержал на лице выражение вежливого интереса. Ему нестерпимо захотелось выругаться, а лучше – разбить пару-тройку предметов мебели. Условия! Поздороваться не успели, сразу условия! Драконы, мать их!

– Я вас слушаю, Аш.

– Вы должны жениться на русской княгине Ольге Волковой. Думаю, император вам не откажет в руке своей племянницы.

Гельмут медленно выдохнул. Жениться на русской? Да легко! Это – ерунда, а не условие! Правда, он ни разу не видел невесты и даже не знает, сколько ей лет. Но даже если ей сто лет и она страшна, как девятый грех, он все равно женится. Союз с драконами стоит такой малости.

– Я тоже так думаю, – кивнул Гельмут и наконец вспомнил, почему русская фамилия кажется такой знакомой. – Княгиня Ольга Волкова, правнучка той самой Матильды Волковой?!

Вот это совпадение! В детстве он заслушивался историями о Легендарной Матильде и даже как-то заявил отцу, что когда вырастет – женится на ней. Тогда ему был шесть лет, представления о времени были весьма... э... детскими. Отец рассмеялся и пообещал сосватать ему кого-нибудь более подходящего по возрасту, может быть даже из русских принцесс.

– Да, именно, – кивнул Аш.

– Княгине Ольге двадцать лет, – сообщил всезнающий Герман. – Она красива, умна, прекрасно образована и весьма одарена магически. До сих пор не замужем благодаря дару некромантии.

– И ни одного охотника за наследством Матильды? – насколько Гельмут помнил, в завещании Матильда упомянула, что основную часть ее наследства получит та из ее дочерей или внучек, что выполнит несколько условий... и тут начиналась головоломка. Пока никто так и не смог понять, что ушедшая легенда имела в виду. Ее дочери, внуки и правнучки успешно выходили замуж, рожали детей, и о завещании Матильды вспоминали каждый раз, как одна из Волковых дебютировала в свете. Пожалуй, в последнее время вспоминали скорее как об анекдоте, чем о реальном сокровище, но авантюристов и охотников за легендой всегда находилось более чем достаточно.

– Княгиня всем отказала, ваше величество. Да и с каждой новой

Волковой желающих испытать судьбу все меньше. А с некромантами в России все еще сложнее, чем у нас.

– С некромантами все просто, Герман, – усмехнулся Людвиг. – Мне кажется, у нас будет прекрасная королева. Нам с ней найдется о чем поговорить, не так ли, братец? Главное, не называй ее дар проклятием, а то юная прелестница может и обидеться.

– Я вижу, вы все продумали, – кивнул Гельмут и взглянул в желтые глаза с вертикальными зрачками. – Последствия нашего брака в самом деле могут быть весьма интересными. Для вас. Какое же приданное вы даете за вашей невестой?

– О, ты не представляешь, какое там приданное... – протянул Людвиг, откидываясь на спинку кресла.

– Я вас внимательно слушаю, Аш, – сцепив пальцы в замок, Гельмут приготовился торговаться. Раз драконам нужно потомство Хаас и Волковых, пусть раскошеляются.

Час спустя, там же

Людвиг

От торга между двумя великолепными скрягами Людвиг получил истинное удовольствие, несмотря на то, что заранее знал результат. Дорогой кузен вытряс из драконов все возможное и еще немножко сверх, впрочем, как и дракон из него. Так что, когда Гельмут попросил оставить их наедине, чтобы утрясти последние «интимные» подробности, Людвиг ни капли не сомневался в скорейшем подписании договора о сотрудничестве, выгодном обеим сторонам.

– Так где же Рина? – спросил Герман, едва они вышли в пустую приемную: секретарь разогнал всех просителей и прихлебателей, чтобы своим присутствием под дверью не отвлекали его величество от государственных дел.

– Ты увидишь мою жену сегодня в опере, – Людвиг строил невозмутимую физиономию а-ля Рихард.

– Что-то ты темнишь, друг мой.

– Ладно, не только мою жену, – так же невозмутимо согласился Людвиг и, увидев опасный блеск в глазах Германа, рассмеялся. – Рина чувствует себя великолепно, но мы только вернулись с ее родины, и ей нужно немного отдохнуть. Но если тебе невтерпех, могу пригласить тебя в гости. Только при одном условии!

– И ты туда же! – покачал головой Герман.

– Три месяца с драконами даром не проходят. Так вот, если ты

обещаешь не устраивать скандала с доктором Куртом...

– Скандала? Да я его просто убью, и никаких скандалов!

– Его не за что убивать, Герман. Курт немного одержим своими исследованиями, но заговоры, покушения и прочие страсти устраивал не он, а Берцель-младший. И, предвосхищая твой вопрос, я знаю это точно. И тем более он не планировал поработить драконов. Самый страшный его грех в том, что он отвратительно воспитал учеников и прозевал заговор под собственным носом. Но тебе ли его за это укорять?

– Ты...

– Ужасный, мерзкий некромант?

– Именно!

– Но ты все еще собираешься ко мне в гости?

Герман вместо ответа лишь фыркнул.

Виен, Астурия. Королевская опера

Ринка

Королевская ложа впервые за долгие годы, а то и десятилетия была заполнена до отказа. Впрочем, партер и бельэтаж – тоже. Еще за полчаса до начала «Золота Рейна» на кассе висела табличка «Аншлаг».

После трех месяцев в родном мире вернуться Виен было прекрасно. Ринка ничуть не жалела о том, что даже не увидела толком Долину драконов.

Вдыхая ни с чем не сравнимый запах театра, слушая шелест платьев и гул голосов, звуки настраивающегося оркестра, ощущая запахи духов и вин, грима и закулисной пыли, Ринка держала мужа за руку и чувствовала себя совершенно счастливой. Она – дома. Она – любит и любима. А еще она ждет ребенка, о чем ей радостно сообщил Фаби прямо перед поездкой в оперу.

«Мое новогоднее желание уже сбывается, у меня будет сестренка! Вы молодцы, мам!» – вот именно такими словами.

Дома она скажет Людвигу. И папе скажет. И свекрови. Даже не так: папе и свекрови одновременно. Николай Ланской и Эмма Катарина Бастельеро-Хаас познакомились лишь сегодня, пока Людвиг был во дворце, но Ринке уже все было понятно по горящим глазам и летящим во все стороны искрам. Конечно, иномирский ученый с давно позабытыми дворянскими корнями – не пара для кронпринцессы...

«Я достаточно родовита, богата и самостоятельна, чтобы не обращать внимания на такие мелочи, – фыркнула ее высочество Эмма на прямой вопрос Ринки. Ну да, она же не могла не позаботиться о папе! Ученые ж

как дети, тем более в новом мире! – А если кто-то посмеет встать у нас на пути...»

«Это точно буду не я!» – рассмеялась Ринка, и пошатнувшийся мир в семействе Хаас-Бастельеро-Ланских был восстановлен.

Впрочем, увлеченный беседой с доктором Куртом отец угрозы мировому равновесию все равно не заметил. Он даже на приветствие главе госбезопасности едва отвлекся, ведь у них с Петером слишком много идей и слишком мало времени!

Поглядев на диспут едва ли не с битьем тарелок, предваряющий рождение научного открытия, Ринка подумала, что если фрау Эмме и придется ревновать герра Ланского, то исключительно к науке. Для актрисок кордебалета тут определенно не будет места.

Впрочем, ради своих прекрасных дам ученые даже временно отложили диспут. Ненадолго!

Доктор Курт с такой нежностью смотрел на свою супругу, что Ринка не могла не умиляться. А папа с такой страстью целовал руки ее высочества Эммы Бастельеро-Хаас, что Ринка даже поспорила с Фаби: сделает он ей предложение прямо сегодня или растянет удовольствие на недельку.

– Ты счастлива, любовь моя? – шепот Людвига и прикосновение его губ к ушку вывели Рину из приятных воспоминаний.

– Счастливее всех на свете, – Ринка сжала руку мужа.

– Гельмут говорит, сегодняшняя прима великолепна. Ни разу еще не слышал меффрау Лорелей. Я в предвкушении!

– Я тоже, – ответила Ринка, и тут ее ушей коснулся шепот. Такой тихий, что она невольно насторожилась.

– ...и тут черная-черная рука... – «страшным» голосом рассказывал Фаби.

Ринка хмыкнула, а сидящая рядом с ней Эмилия Энн недовольно покосилась на группу ангелочков, занимающую левый край ложи. Трое мальчишек в черных фраках и одна девчонка в белых кружевах, с мордашками повышенной невинности делились друг с другом фольклорными находками и дружно хихикали, нарушая к Барготовым подштанникам всю серьезность мероприятия.

Правда, сам король не обращал внимания на мелких шалунов. Его взгляд был прикован к паре, прогуливающейся по партеру близ сцены. Высокий брюнет в алом и почти такая же высокая платиновая блондинка в черном (и в черной полумаске) рассматривали сцену, а его величество рассматривал их. Особенно блондинку. Видимо, его взгляд привлекло

единственное яркое пятно в ее образе: заколка в высокой прическе. Весьма необычная заколка, череп из черненого серебра с глазами-рубинами такого размера, что сделали бы честь императорской короне.

– Герман, кто это? – не выдержал король, когда пара отошла от сцены и направилась к выходу из партера.

– Как видит ваше величество, герр Ашшас.

– Герман!.. – почти прошипел король.

– Незнакомка инкогнито, ваше величество, – Герман улыбнулся. – Прикажете пригласить ее в вашу ложу?

– Хм. Пригласи. И вели поставить еще одно кресло рядом со мной. Инкогнито, значит...

– Как прикажет ваше величество.

Аш с русской княжной вошли в ложу за минуту до третьего звонка.

– Мефрау Чайка, прибыла в Виен инкогнито, – представил ее Герман.

Княжна присела в изящном реверансе и одарила короля насмешливым взглядом. Никакого пиетета перед напыщенной коронованной особой она явно не испытывала.

– Несказанно рад, что столь прекрасная птица залетела в наш скромный город. Надеюсь, опера вам понравится. Прошу вас, – король указал княжне место рядом с собой.

– Слишком большая честь для обычной птицы, – усмехнулась княжна.

– Никогда раньше не встречал черных чаек, – парировал Гельмут. – Садитесь, дорогая, все равно все остальные места заняты.

Вот тут Ринка чуть не испортила королю и княжне романтическую игру. Так захотелось процитировать Чехова с его «трауром по загубленной жизни», что пришлось прикусить губу и прикрыться веером. По счастью, прозвенел третий звонок, и заиграла увертюра.

– Необыкновенная музыка, вы не находите, дорогая? – продолжил охмурение будущей жены Гельмут.

– Необыкновенная, вы правы. Может быть, ваше величество знакомы с композитором?

– С композитором знаком мой кузен, Людвиг. Да, тот самый, что рассматривает вашу оригинальную заколку.

– Я бы хотела...

– Конечно, дорогая. Думаю, вам будет весьма интересно...

Ринку снова потянуло на хи-хи. Интересно, как Гельмут будет представлять своей невесте трехсотлетнее умиртвие? И не придется ли ему страдать от ревности в компании тетушки Эммы? Русская княжна явно интересуется умиртвиями, драконами и порталами куда больше, чем

арийским красавцем, распускающим перед ней хвост. Похоже, в семье Хаас любовь к ученым заложена в генах.

Впрочем, от хи-хи ее отвлекла музыка. Ринка искренне наслаждалась постановкой ровно до того момента, как на сцене явилась прима. Нет, до того момента, как прима открыла рот и запела.

– Барготовы подтяжки, – страдальчески шепнул Людвиг.

– Думаешь, ее пытались ими удавить? – так же тихо поинтересовалась Ринка.

– Очень на то похоже. Я всегда догадывался, что музыкальный слух не относится к достоинствам нашего монарха, но чтобы настолько...

– Великолепно, вы не находите? – словно не слыша кузена, обратился Гельмут к своей княжне.

– О да, выдающийся вокал, – с ледяной вежливостью ответила та.

Вот и первая размолвка, подумала Ринка. Недолго ждать пришлось. Ну а что ты хотел, арийская бестия? Восхищаться любовницей при будущей жене – глупость, достойная истинного мужчины! Пфе!

– Не фыркай так громко, радость моя, – шепнул, давя смех, Людвиг. – Гельмут не виноват, что...

Договорить Людвиг не успел, потому что со сцены донесся задушенный хрип, оркестр замолк, и на зал упала пораженная тишина. Ринка тут же посмотрела на сцену – и чуть не... то есть очень даже выругалась вслух.

Примадонна стояла в картинной позе, схватившись за горло и тараща густо накрашенные глаза. И не могла издать ни звука!

– Кто?... Да пришлите же к ней врача! Герр Мессен! – первым отмер Гельмут.

На сцене засуетились, занавес упал. Зал встревоженно загудел.

– Людвиг, что с ней?

– Магическое воздействие. Учитывая, что театр защищен... Фаби, сын мой!

– Фаби? – Ринка почувствовала, как заливается жаром стыда.

– Что, папа? – отозвался юный дракон.

– Что ты с ней сделал?

– Почему сразу я?

– Фаби! – вмешалась Ринка, краснея еще сильнее и подавляя желание прямо здесь надрать паршивцу уши.

– Она фальшивила! А у Рихарда абсолютный слух! И тетушке Ольге не нравится, как она поет, и тебе, и маме, и мне тоже не нравится!

О боже, эти дети... лишь бы Людвиг сумел удержать себя в руках и не

тронул мелкого хулигана!

– Простите, ваше величество, – вскочила Ринка. – Дети... он посчитал это хорошей шуткой, мне жаль...

– Что ж, значит мы дослушаем оперу с другой примой, не так ли, прекрасная Чайка?

– Не думаю, – встрял Герман. – По вашему распоряжению франкская прима сегодня покинула Виен.

Гельмут сжал губы и начал наливать опасной краснотой. Как бы его удар не хватил, подумала Ринка. Конечно, если что – без короля Астурия не останется, Людвиг его поднимет... ох, и о чем я думаю?

– Мама знает партию, – как ни в чем не бывало влез Фаби. – Пусть мама споет! Ну мам!

– Я не... – Ринка схватилась за пылающие щеки.

– Почему бы и нет, – Людвиг обнял ее за плечи и подмигнул Гельмуту. – Мы же хотим дослушать оперу. К тому же не хотелось бы расстраивать Рихарда, все же не чужой человек.

– Но... – Ринка с отчаянием воззрилась на мужа.

– Идем, радость моя, я провожу тебя на сцену.

– Да, идите, – краснота на щеках Гельмута поблекла, кризис миновал, и теперь король явно собирался извлечь из неприятности с фавориткой (бывшей фавориткой) максимум пользы. – И будьте уверены, я прослежу, чтобы с вами ничего такого не случилось, дорогая кузина.

Через два часа усталая и счастливая Ринка стояла на сцене под градом цветов и оваций, и улыбалась своему счастью. Нежданному. Негаданному.

А из королевской ложи, поверх голов, ей улыбался синеглазый красавец в старинном лазурном дублете.

– Добро пожаловать в семью Бастельеро, девочка. Я знал, что тебе понравится, – сказал Маркус Бастельеро, и Ринка его услышала, несмотря на оглушительный гомон толпы и гром аплодисментов. – Не скучайте тут без меня.

Не беспокойтесь, мессир, нам тут очень увлекательно, хотела ответить Ринка, но призрак первого Бастельеро уже исчез. Наверное, недалеко и ненадолго. Потому что не может же он допустить, чтобы его потомки погрязли в скуке! Только веселье по-некромантски, только хардкор!

Конец